

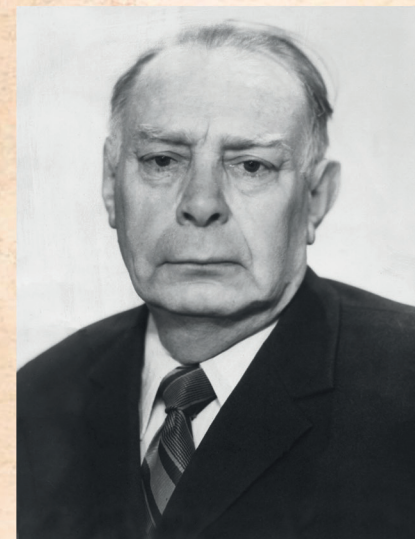
ISBN 978-5-91951-567-8

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО)**

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО)**

Материалы Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
(г. Ростов-на-Дону, 22-23 марта 2019 г.)

ИЗДАЕТСЯ ФОНДОМ
ИМ. СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
Институт истории и международных отношений
ГКУ РО «Государственный архив Ростовской области»
Донская государственная библиотека
Фонд имени священника Илии Попова

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОФЕССОРА А.П. ПРОИШТЕЙНА
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО)**

**Материалы Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
(г. Ростов-на-Дону, 22-23 марта 2019 г.)**

Альтаир
Ростов-на-Дону
2019

УДК 930.1(091):930

ББК 63.1:63.211

Н 34

Редакционная коллегия:

А.И. Агафонов, д.и.н., профессор;
Д.П. Исаев, к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ;
Н.А. Мининков, д.и.н., профессор ИИМО ЮФУ;
Д.В. Сень, д.и.н., профессор ИИМО ЮФУ;
М.Е. Шалак, к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ;
Е.В. Шандулин, к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ.

Н 34 **Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 22–23 марта 2019 г.) / Отв. ред. Д.П. Исаев, Д.В. Сень, М.Е. Шалак. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. – 736 с.**

ISBN 978-5-91951-567-8

В сборнике представлены материалы научной конференции, состоявшейся в г. Ростове-на-Дону на базе Южного федерального университета 22–23 марта 2019 г., посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого-историка – профессора А.П. Пронштейна. В материалах рассмотрены актуальные проблемы источниковедения, историографии и методологии исторической науки, биографики, а также вопросы южнороссийской истории XVI–XX вв.

Сборник адресован историкам, культурологам, философам, краеведам, а также широкому кругу читательской аудитории, в т.ч. интересующей историей исторической науки, историей и культурой Донского края и южнороссийской историей.

Организаторы конференции выражают благодарность Фонду имени священника Илии Попова за финансовую помощь в издании данного сборника

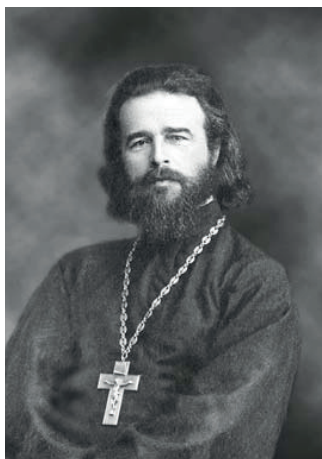
ISBN 978-5-91951-567-8

УДК 930.1(091):930

ББК 63.1:63.211

© Коллектив авторов, 2019

© Альтаир, 2019

Священник Илия Попов 1871–1937

Священник Илия Попов, сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц трёх округов Области Войска Донского, с 1916 года – в станице Великокняжеской (с 1925 года – станица Пролетарская). После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма Мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в День Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года.

В настоящее время материалы к канонизации священника Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении в Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

***Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное
(Мф. 5:10)***

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

В 2013 году была создана Донская региональная благотворительная общественная организация имени священника Илии Попова, которая осуществляет научную, культурно-просветительскую, благотворительную деятельность, способствующую прославлению подвига новомучеников.

РАЗДЕЛ 1. ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА И СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

В.П. Громов (Краснодар)

ОН ОТКРЫЛ МНЕ ВРАТА НАУКИ: ВОСПОМИНАНИЯ О АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВИЧЕ ПРОНШТЕЙНЕ И ЕГО ПОКОЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Мое увлечение историей проявилось еще в школьные годы. История была моим самым любимым предметом из всех школьных учебных дисциплин. В июле 1968 г. на последнем комсомольском собрании класса было решено, чтобы каждый из нас написал самому себе письмо в 1978 г., т.е. десять лет спустя после окончания школы. В письме каждый должен был изложить свои планы и мечты на будущее. Планировалось, что спустя 10 лет мы встретимся и узнаем, насколько реализованы наши жизненные планы и осуществлены мечты. Написал такое письмо и я. В нем было обозначено, что я хочу быть историком. И тогда, конечно же, речь шла об учителе истории. Нас учили прекрасные учителя, которые для нас были примером, и каждый хотел быть похожим на них. Неслучайно ребята из нашего класса, кому позволяло здоровье, поступили учиться в летные училища, а почти половина поступила в тогда Краснодарский педагогический институт. Меня с самого начала привлекала дореволюционная история России.

Попытка поступить на исторический факультета пединститута в первый раз не увенчалась успехом. Не хватило одного балла. Поэтому пришлось идти служить в армию, но и там я продолжал готовиться к поступлению в вуз. Узнав, что я готовлюсь на исторический факультет, командование роты поручило мне проводить политзанятия для рядового и сверхсрочного состава. Поскольку я числился при политотделе части, то мне неоднократно предлагали вступить в ряды КПСС. На мое решение по данному вопросу повлияло знакомство с выпускником Суворовского училища М. Панфиловым. Он прямо сказал: «Если ты хочешь быть историком, объективным историком, то тебе не надо поступать в партию. Партия и так будет влиять на твои выводы, суждения, заключения. А ты будь независимым, насколько возможно, от влияния партии и тогда будешь хотя бы немного объективным. Историк должен стремиться быть

объективным, а не колебаться в своих суждениях и взглядах вслед за линией партии». Так, на неоднократные предложения о членстве в партии отвечал, что для меня это очень серьезный шаг, и я к нему еще не готов. А там и срок службы завершился. Так и остался я беспартийным, о чем не сожалею.

Тогда советское правительство, чтобы облегчить получение знаний и высшего образования для сельской и рабочей молодежи, а также демобилизованных солдат, приняло решение о создании при вузах подготовительных отделений (рабфаков). По направлению командования воинской части, в которой я служил, подал документы на подготовительное отделение. Для поступления необходимо было пройти собеседование по истории СССР. Собеседование проводил первый проректор, профессор Кубанского госуниверситета Г.П. Иванов. Надо представить мое волнение, когда я вошел к нему в кабинет. Это была первая моя встреча с ученым такого уровня. Выслушав ответ на заданные вопросы, Г.П. Иванов произнес: «Вы будете учиться». Так я стал слушателем подготовительного отделения. Выпускные экзамены на рабфаке у нас принимали преподаватели исторического факультета Кубанского государственного университета. И, в частности, профессор и заведующий кафедрой дореволюционной отечественной истории Владимир Иванович Недосекин.

Я ответил на вопросы, стоявшие в экзаменационном билете. В.И. Недосекин задал еще несколько дополнительных вопросов, а затем предложил пройти к исторической карте и показать основные места сражений начального периода Великой Отечественной войны. Полагаю, столь серьезный подход к опросу абитуриента был продиктован стремлением выяснить степень подготовленности рабфаковцев к дальнейшему обучению. Убедившись, что и этот вопрос мною подготовлен, В.И. Недосекин, улыбнувшись, обратился ко всей аудитории, а они все наблюдали и слышали мой ответ, профессор произнес: «Блестящий ответ!». Так состоялось мое первое и удачное знакомство с представителем старшего поколения советской профессуры.

Моим сверстникам повезло. У нас были прекрасные учителя, педагоги в средней школе и столь же прекрасные преподаватели, профессора в вузах. Это были профессионалы своего дела, преданные науке, и стремящиеся приобщить студентов к более глубокому изучению истории. Их лекциями заслушивались, их конспектировали и с нетерпением ожидали очередной лекции. На историческом факультете Кубанского государственного университета препода-

давали такие маститые ученые, как Никита Владимирович Анфилов – специалист в области археологии, перекопавший, наверное, весь край эпохи античности. Он же читал курс Истории Древнего Рима и Греции. В.И. Недосекин читал курс по истории СССР древнейшего периода. Федор Николаевич Телегин прекрасно знал историю Второй мировой войны, владел немецким языком и работал в немецких архивах. Из молодых преподавателей выделялся Николай Иванович Кирей. Его курс «Основы этнографии» покорял всех. Он же читал курс «История Древнего Востока».

Советская система подготовки преподавательских кадров высшей категории отличалась высокой требовательностью к присвоению и кандидатских, и докторских диссертаций, особенно, по дореволюционному периоду истории СССР. Высшая Аттестационная комиссия при Совете министров СССР предъявляла высокие требования к диссертационным исследованиям. Значительно проще было защитить кандидатскую и докторскую диссертацию по историко-партийной тематике. Поэтому профессоров тогда в вузах было не так много.

Обучаясь уже на первом курсе исторического факультета, в качестве специализации я избрал все тот же дореволюционный период истории по кафедре, которой заведовал В.И. Недосекин. Преобразование пединститута в университет способствовало повышению требований к написанию дипломных работ. Если прежде дипломные работы писались главным образом на основе опубликованных источников и литературы, то теперь уже поощрялось привлечение и использование архивных материалов. Теперь же в дипломе делалась запись о специальности – историк, а не учитель истории.

Для приобщения студентов к исследовательской работе каждый из профессоров и доцентов возглавлял студенческие научные кружки. Я посещал кружок В.И. Недосекина и в качестве темы исследования взял историю «Персидского бунта» черноморских казаков в 1797 г. в Екатеринодаре. В. И. Недосекин выдал мне направление в Государственный архив Краснодарского края, и я со второго курса начал работать по данной теме.

В 1976 г. я успешно защитил дипломную работу на тему «Материалы следственной комиссии о «Персидском бунте» как исторический источник». Государственная экзаменационная комиссия поставила высокую оценку и рекомендовала продолжить работу. Работая учителем истории средней школы №58 пос. Пашковский, в ноябре 1976 г. я был принят на работу ассистентом на кафедру дореволюционной отечественной истории КГУ. В.И. Недосекин неод-

нократно предлагал мне писать кандидатскую диссертацию под его руководством в качестве соискателя. Но я всякий раз отказывался и говорил, что хотел бы учиться в очной аспирантуре и не в нашем вузе.

В.И. Недосекин сказал, что переговорит с профессором из Ростовского государственного университета Александром Павловичем Пронштейном. А. П. Пронштейн заведовал там кафедрой источниковедения и вспомогательных дисциплин. Это был известный в стране специалист в области источниковедения и истории донского казачества. Учиться под научным руководством такого маститого историка было пределом мечты. Но дело осложнялось тем, что в аспирантуре РГУ не было места. Предстояло ожидать. Из переписки и разговора В. И. Недосекина с А.П. Пронштейном я знал, что как только будет выделено место в аспирантуре, я могу рассчитывать на поступление. Время шло, а места все не было.

В 1979 г, в период 27 сентября – 1 октября, в г. Новороссийске состоялась III Всесоюзная источниковедческая конференция, организованная Отделением истории АН СССР, Институтом истории СССР АН СССР, Северо-Кавказским научным центром высшей школы, Московским и Кубанским государственными университетами. По составу участников и охвату ведущих научных центров и вузов страны она была наиболее представительной из всех проводившихся ранее конференций подобного уровня. В оргкомитет конференции поступило более 200 заявок со всей страны. На согласование академических кругов Академии наук СССР местных партийных и советских органов ушел почти год. Этот вопрос обсуждался и получил одобрение Краснодарского крайкома партии. В общем, согласование времени и места проведения конференции потребовало огромных усилий и нервного напряжения. И то, что эта конференция состоялась у нас на Юге, немалая заслуга Александра Павловича Пронштейна.

Поскольку принимавшей стороной являлся Кубанский государственный университет, то в подготовке и проведении ее принимали участие все сотрудники нашей кафедры. И мне, как самому молодому сотруднику проходило выполнять поручения и просьбы многих участников конференции. Местом проведения конференции был избран город Новороссийск – город-герой, который был выбран из политических соображений. В Новороссийске состоялось мое очное знакомство с Александром Павловичем Пронштейном. Меня представил ему В.И. Недосекин и рекомендовал принять в аспирантуру на его кафедру. Здесь же в Новороссийске А.П. Пронштейн пообещал

шал, что, как только будет открыто место в аспирантуре по его кафедре, он будет иметь меня в виду.

На пленарное заседание конференции были вынесены две темы: «Общие проблемы источниковедения» и «Место источниковедения и специальных исторических дисциплин в подготовке историков». Первая тема была представлена ученым М.А. Варшавчиком (Киев) «О предмете и основных принципах методологии исторического источниковедения». «Ростовскую школу источниковедов» представляли А.П. Пронштейн и А.В. Лубский с докладом «Методологические проблемы источниковедения в современной советской литературе». Знаковой фигурой среди участников конференции был чл.-корр. АН СССР И.Д. Ковальченко. Он выступил с докладом «Исторический источник в свете учения об информации (к постановке вопроса)». Кроме того, в программу пленарных заседаний были включены доклады С.О. Шмидта «Закон СССР об охране и использовании памятников истории и культуры» и задачи археографии и источниковедения». Особый интерес вызвал доклад В.А. Янина «Раскопки последних лет в Новгороде».

С огромным интересом я слушал выступления докладчиков, споры, дискуссии. И убедился, с каким уважением относятся коллеги друг к другу, несмотря на имевшее место расхождение мнений и оценок. Культура общения была высочайшая. С огромным уважением коллеги относились и к А.П. Пронштейну, к его вкладу в развитие источниковедения. Помимо пленарных заседаний работали и секции, поэтому я старался побывать на тех заседаниях секции, где были представлены интересные для меня доклады. В докладе А.П. Пронштейна, А.В. Лубского, И.Д. Ковальченко рассматривались вопросы соотношения методологии и теории источниковедения. Дискуссии по проблемам источниковедения были активны, интересны. И многое из того, что тогда было высказано, не утратило своего значения и в наше время. Об использовании количественных методов в ЭВМ в исторических исследованиях говорил В.З. Дробижев – автор тогда лишь только изданного учебника по исторической географии СССР, который и до сих пор используется в преподавании этой дисциплины в вузах страны.

Подводя итоги дискуссии, И.Д. Ковальченко отметил, что она была интересной и плодотворной. Получил разъяснение целый ряд очень важных историко-методологических проблем источниковедения, были подняты и спорные вопросы. Все это побуждало нас к их дальнейшему обдумыванию и разработке, что свидетельствовало о росте значения источниковедения. Опыт преподавания источ-

никоведения и вспомогательных исторических дисциплин поделился профессор В.П. Крикунов из Чечено-Ингушского университета. А.П. Пронштейн познакомил меня с Василием Павловичем, крупным специалистом по вопросам социально-экономического развития Северного Кавказа. А позже В.П. Крикунов писал официальный отзыв на мою кандидатскую диссертацию. У меня с ним сохранялись добрые отношения, вплоть до конца его дней.

Мое выступление в программе конференции было запланировано на заседании секции периода феодализма. На секции было заслушано три доклада: В.И. Бутанова, Б.М. Клосса и др. «Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе», В.А. Кучкина «Договор Калитовичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива)» и Н.И. Павленко «Источниковедческие аспекты построения биографий исторических деятелей XVII–XVIII вв.». Особый интерес для меня представляли первый и третий доклады, т.к. именно этот период отечественной истории читался много на историческом факультета КубГУ. Вскоре после конференции вышли в свет монографические исследования данных авторов. Анализ мемуарных памятников по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг. и их значению как биографических источников было посвящено выступлению Р.В. Овчинникова. Мы сидели за одним столом, и в преддверии моего выступления я опасался вопросов по моему сообщению именно от него. И не ошибся. Р.В. Овчинников посоветовал рассмотреть наказы всех казачьих войск в законодательную комиссию. По моей просьбе Р.В. Овчинников оставил мне автограф на изданной под его редакцией книге «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1775 гг.».

В общем, по окончании конференции я уехал, переполненный прекрасными впечатлениями, новыми знакомствами и пониманием того, что исторические исследования требуют трудолюбия, усидчивости, подготовки и умения определить цели и задачи исследования. В ноябре 1980 г. я был принят в очную аспирантуру на кафедру источниковедения и вспомогательных дисциплин РГУ. Научным руководителем Ученый совет факультета утвердил А.П. Пронштейна. А вот, что касается темы, то А.П. Пронштейн предложил подумать. Я же по-прежнему был уверен, что речь идет об источниковедческой проблематике. Время шло, а мы никак не могли определиться с темой диссертации. На кафедре меня приняли доброжелательно. Тогда там работали молодой кандидат наук А.И. Агафонов, доцент А.В. Лубский, А.Т. То-

ценко. Лаборантом кафедры работала Зоя Ивановна. У А.П. Пронштейна был свой стиль руководства кафедрой. Заседания проходили спокойно, выдержанно. Он никогда не повышал голос, а говорил тихо, взвешенно и убедительно.

Деканом исторического факультета РГУ был профессор Александр Иванович Козлов – человек строгий и требовательный. Его уважали, но и побаивались. Александр Павлович иногда советовался с ним, когда речь шла о моей поездке в командировку для работы в архив. В то время на факультете работали: профессор В.А. Золотов, Е.И. Демешина, Ю.И. Серый, П.Г. Чернопицкий, который очень дружил с моим коллегой на истфаке КГУ Валерием Евгеньевичем Шетневым.

А.П. Пронштейн находился в постоянной работе и поиске. Лишь в свободные минуты позволял себе заняться спортом и поиграть в волейбол с коллегами и студентами, для меня как-то было странно, так как не представлял себе, чтобы профессор В.И. Недосекин бегал по полю с мячом. Постоянно проводя время за рабочим столом, А.П. Пронштейн позволял себе в такой форме отдохнуть. А работоспособность у него была невероятная. Это был представитель того поколения советской научной интеллигенции, которое прошло войну и испытания. И для меня это был пример для подражания. Чем больше я узнавал А.П. Пронштейна, как человека и ученого, тем больше он напоминал мне профессора Полежаева из советского кинофильма «депутат Балтики». В науке А.П. Пронштейн был сведущ, а в бытовых вопросах все тянула на себе Светлана Николаевна, его супруга.

В декабре 1980 г. была утверждена тема моей диссертации – «Население степного Предкавказья (Ставропольской губернии и земли Черноморского войска) в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. Формирование. Социальный состав». Предложенная тема меня несколько обескуражила. Я ведь готовился и был настроен на историко-этнографическую работу. Александр Павлович успокоил: «Тема интересная, думаю, у Вас получится. Это наш регион и здесь еще много вопросов, которые следует исследовать. Работать предстоит много и особенно в архивах. По дореволюционной проблематике легких тем не бывает. Если хотите побыстрее и легче, то это надо писать по историко-партийной тематике. А у нас пыль архивную надо поглотить». Впоследствии я был благодарен А.П. Пронштейну за данную тематику и за установку на серьезную работу.

Сразу же после утверждения темы А.П. Пронштейн сказал: «Вы у меня тринадцатый аспирант, а поэтому должны так работать,

чтобы досрочно защититься. Все бумаги о ваших поездках и командировках я буду подписывать. Вы же работайте настойчиво. И еще Вам совет: на кафедре не сидеть и на факультете не следует появляться. Будете здесь маячить, начнут привлекать к работе, а она вам ни к чему. Только отвлекать будут Вас от исследовательской работы». И он оказался прав. Стоило мне попасть на глаза декана факультета, как меня сразу же отправили со студентами на капусту, а затем – подменить куратора в группе. Армейский девиз, преподнесенный мне А.П. Пронштейном: «Подальше от начальства», – никто не отменял. Поэтому впредь я старался приходить на заседания кафедры, когда в этом была необходимость.

Да и консультации со мной и с другими аспирантами Александр Павлович проводил у себя на квартире в небольшом, до потолка заставленном книгами, кабинете. И в этом тоже проявлялось его стремление беречь каждую минуту, чтобы что-то прочитать или написать. В это время А.П. Пронштейн работал совместно с Н.А. Мининковым над монографией «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество». Поэтому целыми днями работал в кабинете и выходил лишь размяться, поиграть в волейбол на спортивную площадку. И там мы иногда встречались, а по дороге домой обсуждали вопросы диссертации.

Поскольку А.П. Пронштейн создал для меня режим наибольшего благоприятствования, то я окунулся в работу в архивах Москвы, Ленинграда, Астрахани, Ставрополя, Краснодара. Ведь надо было не подводить своего научного руководителя. Много времени проводил в Краснодаре и не только в архиве. Тогда очень хорошо работал межбиблиотечный абонемент, то есть, можно было по почте заказать любую интересующую литературу и работать с ней дома, не теряя время для работы в библиотеке.

Узнав о том, что у меня есть семья, сын и нужно было экономить каждую копейку, Александр Павлович предупредил, чтобы я приносил ему для прочтения рукопись параграфов и разделов, а не печатный вариант. Когда же я сказал, что у меня плохой почерк, он ответил: «А вы старайтесь писать четко, а я уж разберусь с вашим почерком». Человечность, доброта поражали в этом человеке. Каждая встреча для меня была событием. С одной стороны, чувствовалась напряженность, а начнешь разговаривать, и куда девалась скованность. Общаться с ним было одно удовольствие. Он поражал своей эрудицией и глубокими познаниями, интеллигентностью прирожденной, знал русскую литературу и говорил на прекрасном русском языке. Вспоминается такой случай. Александр Павло-

вич просмотрел рукопись первого параграфа диссертации, высказал замечания, пожелания. В целом одобрил, и я уже собрался уходить из кабинета, взявшись за ручку двери. И вдруг Александр Павлович спрашивает: «Владимир Прокофьевич! А на каком языке вы говорите дома?» – «На русском», – ответил я. «Да?» – высказал он сомнения. И я пояснил, что дома балакаю на кубанском наречии. «Вот видите! Вы думаете не на русском языке и предложения строите так, как пишет человек, не думающий по-русски. Старайтесь думать и писать по-русски, и все будет хорошо!».

А.П. Пронштейн пользовался огромным уважением в научных кругах страны. В этом я убедился в дни работы конференции в Новороссийске. Да и в последующем. По просьбе А.П. Пронштейна меня консультировал крупнейший специалист в области историко-демографической проблематики Владимир Максимович Кабузан. Он тогда работал в Институте истории СССР Академии наук СССР. В тот период Академия наук задумала подготовить и издать исторический атлас СССР. В нем предполагалось разместить 600 исторических карт. В моем присутствии в кабинете В.М. Кабузана ученые из Армении и Азербайджана вели дискуссию о границах Великой Албании от моря и до моря и Великой Армении в этих же границах. По завершении заседания рабочей группы В.М. Кабузан посетовал на сложности работы и высказал сомнения в том, что удастся ли осуществить проект?

На историческом факультете МГУ по рекомендации А.П. Пронштейна меня приняли чл.-корр. Академии наук СССР Иван Дмитриевич Ковальченко и Леонид Васильевич Милов. Там же состоялась и моя встреча с Лидией Борисовной Заседателевой. Накануне ей позвонил Александр Павлович и попросил принять меня и обсудить вопросы диссертации. Еще в 1974 г. вышла ее монография «Терские казаки (середина XVI – начало XX в.)». Историко-этнографические очерки». Тираж книги был небольшой, и я приобрел ее на толкучем рынке за достаточно большую цену. С той поры эта книга у меня постоянно на рабочем столе. Узнав о теме моей диссертации и о том, кто руководитель, Лидия Борисовна одобрила тему, высказала пожелания изучать в казачестве не только социальную, но и этнокультурную составляющую. О том, что работа Л.Б. Заседателевой не утратила значения, говорит и тот факт, что в 2018 г., к 85-летнему юбилею Л.Б. Заседателевой, она было переиздана.

А.П. Пронштейн очень ответственно относился к научному руководству аспирантами. Внимательно читал предложенные тексты, давал рекомендации, следил строго, чтобы некоторые вопро-

сы диссертации прошли апробацию в качестве публикаций в научных журналах. Своим трудолюбием, примером Александр Павлович прививал нам навыки исследовательской работы, которые вот уже столько лет определяют наше стремление читать, писать, исследовать.

Как и планировалось, в ноябре 1983 г. состоялась защита моей диссертации. Наблюдая мое волнение, А.П. Пронштейн успокаивал: «Тема вами раскрыта, материалом владеете, источники и литературу знаете. Все будет нормально». И действительно, ученый совет РГУ единогласно проголосовал за присвоение ученой степени кандидата исторических наук. Перед отъездом я зашел к Александру Павловичу поблагодарить и услышать его совет. Он, в свою очередь, поблагодарил меня, что не подвел его и оправдал надежды. И дал совет: «Отдохните немного и начинайте писать докторскую диссертацию. Не надо расхолаживаться, время идет быстро и неумолимо».

И действительно, через пару лет я начал работать в архивах Грузии над докторской диссертацией «Население Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв.». И все шло нормально. Но мое казачье происхождение вынесло меня в лидеры кубанского казачества. И дело возрождения кубанского казачества на протяжении семнадцати лет стало для меня смыслом жизни. Будучи атаманом Кубанского казачьего войска, я неоднократно посещал А.П. Пронштейна. Он всякий раз подчеркивал, что следит за моей деятельностью и просил не бросать занятий наукой и работать в университете. Его советом следовал и следую до сих пор. И каждый день, садясь за письменный стол, вспоминаю А.П. Пронштейна. До сих пор, как и Александр Павлович, пишу перьевой ручкой и чернилами.

За это время я занимал высокие государственные должности в органах исполнительной и законодательной власти и в Кубанском казачьем войске. И времени писать и защищать диссертацию совершенно не было. Хотя некоторые мои коллеги-историки неоднократно предлагали свои услуги по нависанию работы докторской диссертации: «Тебе только пойти и выступить на защите надо будет». Не мог я пойти на это потому, что помнил и знал, как отнесся бы к такой диссертации А.П. Пронштейн. Поэтому так и остался кандидатом исторических наук, советским доцентом. Это то, что заслужено моим трудом и старанием под руководством с помощью А.П. Пронштейна.

Если и не защитил докторскую диссертацию, то все свои усилия, как атаман Кубанского казачьего войска, я направлял на орга-

низацию и проведение международных научных конференций по истории российского казачества. Таких конференций, совместно с учеными Кубанского государственного университета, Комитетом охраны памятников было проведено шесть. И все они были организованы и проведены на высоком организационном и научном уровне. А.И. Козлов отмечал, что в 1990-е – начале 2000-х гг. Кубань стала научным центром изучения истории российского казачества. Позже, уже будучи депутатом Законодательного Собрания Краснодарского края, я выступал инициатором и организатором совместно с обществом «Знание» международных научных конференций по истории Первой мировой войны, Великой Отечественной войны, 310-й годовщине служения кубанского казачества Российскому государству, голоду на Кубани в 1933 г. В 2013 году по моей инициативе Законодательное Собрание Краснодарского края приняло Постановление «Об увековечении памяти кубанских казаков героев Первой мировой войны 1914–1918 годов». Ее реализация позволила возвратить из забвения имена героев той войны, которыми тогда гордились вся Кубань и Россия. А в центре Краснодара установлен за счет депутатов ЗСК памятник казакам и горцам – героям Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Так что наказ и установки А.П. Пронштейна не дают покоя его ученикам не только в научной, но и просветительской деятельности. Мы учились у старшего поколения советских историков, наставников, открывших нам врата науки, и наша задача передавать знания и умения грядущим поколениям историков. Не каждому было довелось быть учеником А.П. Пронштейна. Мне повезло и я горжусь этим, потому что быть им – это почетно и ответственно. Это был человек честный и порядочный, в высшей степени интеллигент!

В том, что Кубанское казачье войско всегда было не только самым организованным, но и не склонилось на путь ни экстремизма, ни сепаратизма, есть и вклад моего учителя А.П. Пронштейна. Не мог атаман – историк, ученик Пронштейна, поступать несерьезно и необдуманно. А принципиально – да. Принципиальным в подходе к оценкам событий и явлений, а также в научных спорах всегда был Александр Павлович Пронштейн. Он отстаивал свою точку зрения и убеждал других. Ушло старшее поколение историков, остались их научные труды и помнящие их благодарные ученики.

**А.П. ПРОНШТЕЙН В РОСТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В 1950-е – НАЧАЛЕ 1960-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ К М.Н. ТИХОМИРОВУ)**

Александр Павлович Пронштейн (1919–1998) [4–8] был одним из первых учеников М.Н. Тихомирова. В 1941 г. он блестяще окончил Московский государственный университет, но начало Великой Отечественной войны отсрочило полноценный старт научной карьеры. Вернувшись с фронта, Пронштейн стал аспирантом Тихомирова, под руководством которого подготовил кандидатскую диссертацию «Великий Новгород в XVI в.», успешно защищенную в МГУ в 1949 г. Казалось, перед молодым историком открываются самые радужные перспективы. Но идеологическая кампания по борьбе с «безродным космополитизмом», имевшая явный антисемитский вектор, сыграла роковую роль в судьбе Пронштейна. В сложившихся условиях ему не позволили остаться работать в МГУ или другом московском вузе. Но он сумел найти работу в Ростовском государственном университете, с которым оказалась связана вся его дальнейшая жизнь.

Стоит отметить, что антикосмополитическая кампания стала причиной «выдавливания» из Москвы или Ленинграда многих уже известных или только начинающих историков еврейского происхождения. Здесь можно вспомнить О.Л. Вайнштейна, И.М. Разгона, И.С. Ззавича. Молодые историки А.Я. Гуревич и А.П. Каждан не могли в таких условиях найти работу в Москве, и вынуждены были определенное время работать в провинциальных вузах [9, Глава 6]. Но нет худа без добра: некоторые из них (в первую очередь, И.М. Разгон и А.П. Пронштейн) создали собственные школы вне столиц и тем самым способствовали развитию и децентрализации отечественной науки.

С 1949 г. началась активная переписка Тихомирова и Пронштейна. В фонде М.Н. Тихомирова (Архив РАН. Ф. 693) сохранилось 109 писем от Пронштейна. Первое датировано 31 мая 1948 г., последнее – 29 мая 1965 г. Писем Тихомирова Пронштейну значительно меньше – всего 22. Первое датировано 6 ноября 1949 г., последнее – 25 марта 1964 г. Оригиналы писем были переданы в фонд М.Н. Тихомирова в Архиве РАН самим Пронштейном.

В письмах (особенно первых) Пронштейн подчеркивает свое ученическое положение по отношению к Тихомирову: в текстах

часто встречается обращение «Дорогой учитель», а подписываются они уменьшительной формой имени, свойственной при обращении младшего к старшему – «Ваш Шура». В нескольких письмах эта субординация слегка нарушается (появляется полная подпись – А. Пронштейн) и это, видимо, неспроста и обусловлено возникновением определенного напряжения в отношениях.

Переписка двух историков выстраивается вокруг нескольких основных тем: повседневная жизнь (семья, отдых, быт), преподавание, среда профессиональных историков и, конечно, научные исследования. Бросается в глаза ее абсолютная аполитичность. При этом можно говорить о высоком уровне доверительности между корреспондентами. И Тихомиров, и Пронштейн касались в своих письмах очень личных тем здоровья и семьи.

Безусловно, переписку двух историков можно анализировать с разных ракурсов. В данной статье я постараюсь рассмотреть ее как источник по истории работы Пронштейна в Ростовском университете.

Итак, после защиты кандидатской диссертации он вынужден был искать место постоянной работы. Возникла возможность получить ее в Ростове-на-Дону, откуда родом была его жена Светлана. Но, как пишет Пронштейн Тихомирову 10 сентября 1949 г., «за зачисление в Университет пришлось биться» [2, л. 3]. Пронштейн имел направление от Главного управления университетов СССР и его начальника К.Ф. Жигача (очевидно, что здесь не обошлось без протекции Тихомирова) в педагогический институт, но там его не приняли. Дальше события развивались следующим образом: «Тогда я звонил К.Ф. Жигачу, и он прислал приказ о зачислении меня в Университет, но и тут мне сначала отказали, и я уже собирался возвращаться в Москву. Тогда К.Ф. Жигач звонил ректору и потребовал зачисления. Только после этого меня приняли в Университет» [2, л. 3].

После устройства на работу Пронштейн столкнулся с достаточно напряженной обстановкой на факультете. В июне 1950 г. он писал Тихомирову о развернувшейся здесь борьбе с марристами. Наконец, в сентябре на факультете работала проверочная комиссия. Парторг кафедры, которая по саркастичному замечанию Пронштейна, «меня очень любит», обратила внимание проверяющих на его вводную лекцию, в которой комиссия обнаружила страшный по тем временам просчет: лектор не начал лекцию с итогов дискуссии по языкознанию. «После этого на меня-крамольника обратили особое внимание: слушали, стенографировали и т.п. Я стойко отбивался и кончилось тем, что по материалам дальнейшей проверки гре-

хов за мной не нашли. Кроме того, беседовали со студентами, но и они дали хороший отзыв о моих лекциях. На 10-ый день при подведении итогов работы комиссии, сказали, что у меня все благополучно. Но Вы, конечно, понимаете, что эта десятидневная “трясца” здорово потрепала нервы» [2, л. 9]. Начинаящий преподаватель воспринял происшествие стоически: «Впрочем, все это мелочи, к которым надо привыкать, т.к. подобное будет не раз» [2, л. 9].

Несмотря на обстоятельства, Пронштейн продолжал научную работу. Это было сопряжено с определенными трудностями. Ученый оказался далеко от крупнейших архивов и библиотек, а главное – от научной среды. В письмах к Тихомирову неоднократно сетования на отрыв от друзей, интеллектуальной среды и полноценной научной инфраструктуры. Летом 1951 г. во время командировки он планировал искать работу в Москве. Осенью Пронштейн сообщил Тихомирову, что есть шанс устроиться в сектор истории религии Института истории АН СССР. Очевидно, планы сорвались [2, л. 14–14 об.].

Но и в Ростовском университете Пронштейн должен был регулярно подтверждать свое реноме плодотворного ученого, поскольку место в университете для него не было гарантировано. В письмах начала 1950-х гг. можно найти указание на простую обстановку: «Понемножку щиплются и вообще настроение портят с первого дня, но работать дают, и это, конечно, главное. Наш декан стал теперь проректором. Я недавно разговаривал с ним. Он мне советовал критику в моей адрес выслушивать терпеливо, но особенно не волноваться, т.к. по его словам, организационные выводы никто делать не собирается» [2, л. 28–28 об.]. Весной 1954 г. проходил конкурс на замещение должностей на кафедре истории СССР. И хотя руководство обещало поддержать всех действующих сотрудников, Пронштейн не скрывал перед Тихомировым своего беспокойства, а впоследствии даже вынужден был лечиться от сильного невроза, вызванного переживаниями из-за конкурса [2, л. 35].

Важнейшим способом поддержания своего авторитета являлись публикации в «московских» научных изданиях. В одном из писем Пронштейн прямо пишет: «Да и на кафедре у меня в целом сейчас отношения не плохие. Я теперь ясно вижу, что мое положение зависит от того, насколько успешно будет идти моя научная работа. Причем здесь она учитывается по числу печатных работ, особенно в Московских изданиях, которые у нас котируются очень высоко» [2, л. 18]. Поэтому в письмах 1950-х гг. регулярно присутствуют просьбы Пронштейна к Тихомирову о том, чтобы тот узнал о состоянии той или иной публикации или ее «подтолкнул».

Понимая, что вопрос с возвращением в Москву может затянуться, а то и не решиться никогда, Пронштейн с начала 1950-х гг. начинает осваивать донскую тематику. В местном архиве он обнаруживает документы об участии донских казаков в восстании Пугачева. Одновременно им начинается работа над историей донского крестьянства в XVIII в. Тема увлекла исследователя. В письме Тихомирову от 19 июня 1953 г. он писал: «Но самое главное... это то, что тема по истории крестьян на Дону мне нравится, и я имею большое желание заниматься ею» [2, л. 27]. Именно этой проблеме будет посвящена докторская диссертация Пронштейна.

Большую роль в положении Пронштейна играл статус и авторитет его учителя. С 1953 г. М.Н. Тихомирова избирают академиком АН СССР и секретарем Отделения исторических наук, то есть фактически он приобрел неофициальный статус самого влиятельного историка в стране. Наглядно это проявилось в истории публикации первой монографии Пронштейна, основанной на его кандидатской диссертации. В письме от 27 сентября 1954 г. Пронштейн так описывал процесс включения своей монографии в издательский план университета: «...Мое предложение включить в издательский план РГУ монографию – принято. Правда, вначале начальство заартачилось. Тогда я сказал, что Вы дали согласие написать отзыв о работе. Это имело магическое действие. Более того, я почувствовал, как изменилось мое положение в их глазах. Я прекрасно понимаю, что за все это я обязан только Вам, и хочу тысячу раз поблагодарить за это Вас, моего дорогого учителя. Сейчас безотрывно сижу над доработкой диссертации» [2, л. 39 об.]. Серьезным толчком к изданию стало согласие Тихомирова выступить в качестве ответственного редактора, а затем и автора предисловия. Но издание монографии все же оказалось непростым. Публикацию планировалось осуществить в Харьковском университете, поскольку РГУ не обладал собственным издательством. Но там ее долго задерживали, и даже исключали из издательского плана. Только обращение Ростовского университета к заместителю министра позволило издать книгу. Даже после этого возник конфликт из-за авторского гонорара, Пронштейн вынужден был судиться с издательством. Выиграв суд, он отказался от гонорара (причины этого не описывались).

Постепенно положение Пронштейна в университете становилось все более прочным. Его приглашают в качестве председателя ГЭК в Кабардино-Балкарский университет (письмо от 28 марта 1959 г.). Но весной 1960 г. случился конфликт с Тихомировым. Во всяком случае, целый ряд косвенных фактов свидетельствует о воз-

никновении трений между учителем и учеником. Но обо всем по порядку.

Весной 1959 г. Пронштейн и его коллега по кафедре А.Г. Задера начали готовить учебное пособие, редактором которого согласился выступить Тихомиров. Пособие было завершено, прошло обсуждение на кафедре и подготовлено к печати. Но Тихомирова, если судить по его письму, не устроили в тексте комментарии, которые он хотел поправить. Быстро это выполнить он не мог, поскольку врачи запретили ему работать несколько месяцев. «...Издание надо перевести на следующий год. Хуже, если Вы взяли аванс. Дело обстоит не так безнадежно, но надо провести серьезную работу, а для меня это невозможно. Ведь речь идет о комментариях. Зачем же выкидывать работу, надо сделать так, чтобы можно было ее поправить. Это лучше и потому (второй довод), что сейчас идет пересмотр программ, и никто не знает, во что они выльются» [1, л. 25], – писал Тихомиров.

Первоначально Пронштейн согласился со всеми замечаниями и рассчитывал издать пособие в 1960 г. Но ситуация радикально изменилась, и 7 апреля 1960 г. Пронштейн написал Тихомирову письмо, в котором объяснял сложившуюся ситуацию и просил разрешения самостоятельно выпустить пособие уже под редакцией А.А. Зимина: «Дело в том, что я попал в очень тяжелое положение. Наше издательство, которое провалило издательский план прошлого года, буквально за горло схватило меня, требуя пособия, стоявшее у них в плане 1959 г. и перенесенное ими в план этого года. Его поддерживает ректорат. Вы можете мне не поверить, но клянусь Вам, что если я не выполню их требования, они никогда не издадут моей монографии, над которой я работаю уже 11 лет. Пособие, не заслуживает того, чтобы Вы были его редактором. Но я очень прошу Вас разрешить мне выпустить его самому. За это время я, конечно, учел и исправил его недостатки. К тому же, не надеясь уже на себя, хочу просить Зимина о помощи» [2, л. 117]. Итак, главным аргументом для Пронштейна является необходимость (он даже называет в письме свое положение «безвыходным»), связанная с карьерной перспективой. Публикация монографии позволяла защитить докторскую диссертацию, в то время как из-за жестких лимитов на бумагу издание монографии было чрезвычайно сложным процессом, особенно в провинции, что Пронштейн хорошо знал по опыту издания своей первой монографии. В этой ситуации угрозы издательства и ректората следовало воспринимать со всей серьезностью.

В итоге пособие вышло уже в 1960 г. под редакцией А.А. Зими-на [8]. После этой истории отношения между Тихомировым и Пронштейном похолодели. Об этом свидетельствует то, что следующее письмо Пронштейна, датированное 15 октября 1960 г., подписано не как обычно, «Ваш Шура», а почти официально – А. Пронштейн. В письмах Тихомирова Пронштейну, во всяком случае сохранившихся в архиве, наблюдается существенный перерыв, до 1963 г. Во многом это связано с непростым характером Тихомирова, о котором свидетельствуют многие его современники и ученики [3, с. 164; 10, с. 295].

Впрочем, зимой 1961 г., когда Пронштейн находился в Москве в командировке, отношения были, судя по всему, налажены. В письме Пронштейна от 16 марта 1961 г. вновь стоит подпись «Ваш Шура». Тем не менее, ответственным редактором его новой монографии «Земля Донская в XVIII веке» стал Б.Б. Кафенгуаз, а не Тихомиров. В письме Пронштейн рассказывает и о приглашении на работу в Новосибирск, где при СО АН СССР открывался Институт истории. «Я до того растерялся, что не знаю, как... отвечать. Ведь третий раз придется менять направление всей своей работы. К тому же по Дону у меня накопился большой материал, и хочется его весь исчерпать. А там для этого не будет ни книг (архив я уже весь использовал), ни издательства, заинтересованного в публикации работ по истории Дона. Но, может быть, это все не так? Может быть, я ошибаюсь?» [2, л. 119–119 об.] – писал он. Переезд не состоялся и, очевидно, что главной причиной этому стало «укоренение» в донской проблематике, в то время как переезд в Новосибирск потребовал бы переориентации на историю Сибири.

В 1962 г. Пронштейн успешно защитил докторскую диссертацию в Ленинградском государственном университете. Стоит отметить, что Пронштейн совершил еще один шаг, который Тихомиров мог расценить негативно. Он прошел обсуждение диссертации в центре Института истории АН СССР под руководством Л.В. Черепнина, с которым у Тихомирова были очень напряженные отношения со времен идеологической кампании по борьбе с «буржуазным объективизмом».

Тем не менее, Тихомиров помогал по мере сил, чтобы эта защита прошла успешно. Пронштейн готов был перенести сроки защиты для того, чтобы Тихомиров мог присутствовать на ней. Но тот порекомендовал не делать этого, не будучи уверенным, что вообще сможет приехать. Но Тихомиров, помимо официальных оппонентов, предоставил положительный отзыв [2, л. 122–123]. Прон-

штейн написал в связи с отзывом: «...Бесконечно благодарны Вам за отзыв, которого, разумеется, моя работа не стоит. Если же в ней и есть что-то хорошее, то этим я прежде всего обязан Вам, мой дорогой учитель. Я горжусь тем, что прошел Вашу школу, и в меру своих сил и способностей стараюсь быть достойным ее!» [2, л. 124]. Во время защиты Тихомиров лечился в Крыму, и попросил Пронштейна дать телеграммой результат защиты. 17 мая 1962 г. успешно прошла защита, а уже 18 мая в Крым была отправлена телеграмма с этой новостью [2, л. 125].

Защита докторской диссертации стимулировала и карьеру Пронштейна в университете. В конце июня 1961 г. его избирают заведующим кафедрой истории СССР. Кроме того, его избрали партийным секретарем факультета. Тихомирову он написал 1 июля 1962 г.: «Хотя я на это сам дал согласие, но меня это все мало радует. Партийная (я избран секретарем парторганизации факультета) и административная работа будут у меня отнимать очень много времени. К тому же в силу нового моего положения я вынужден буду заниматься и в науке не теми вещами, которые меня интересуют... Но предвижу Вашу улыбку: начинается очередной плач, а потому умолкаю» [2, л. 126].

Но, как бы ни были велики достижения как ученого, иногда Пронштейну приходилось сталкиваться с завышенным самомнением московских историков, деливших научное пространство на столицу и провинцию. В письмо от 8 июня 1963 г. Пронштейн описывает следующий случай: «...Возвращался [из Москвы – В.Т.] не в очень хорошем настроении, завидуя москвичам. Такое состояние усиливается от одного случайного обстоятельства. В одном купе я оказался с доцентом Ленинского пединститута. Он назвал фамилию. Она мне была неизвестна, и я ее забыл, хотя он историк, работает на кафедре истории СССР по XX веку. Но разговаривал он со мной так важно, явно подчеркивая, что он – из Москвы, что я, облизавшись, спросил, какие книги он написал. Увы! Таковых не оказалось, ибо, как он сказал, издать книгу в наше время дело не легкое» [2, л. 133]. Из этого же письма узнаем, что Пронштейн не оставил некоторую надежду вернуться в Москву. Так, он живо интересуется конкурсом на замещение должности заведующего кафедрой истории СССР в МОПИ, а также передает слухи об интересе к нему со стороны МГУ. Эти настроения подкреплялись и проблемой с квартирой в Ростове.

Уже будучи заведующим кафедрой Пронштейн пытался организовать приезд Тихомирова в РГУ, но тот из-за проблем со здоро-

вьем не сумел приехать. В последних письмах Пронштейн рассказывал своему учителю о текущей работе в университете, подготовке пособий и проекте издания обобщающей коллективной «Истории Дона» (вышла в 1965 г.). Жаловался на то, что все сложнее получить командировку, поскольку «в Ростове считают, что мне уже [как доктору – В.Т.] писать книги незачем» [2, л. 148 об.]. Смерть Тихомирова прервала переписку.

Итак, переписка Тихомирова и Пронштейна дает наглядное представление о начальном этапе карьеры последнего как сотрудника РГУ. Заметно, что в самом начале карьеры Пронштейна большую роль играл символический капитал Тихомирова и его связи, пользуясь которыми (но в первую очередь, конечно, благодаря собственному труду) Пронштейн сумел утвердиться в университете, издать свою монографию и завоевать необходимый авторитет. В этой связи небольшой конфликт с Тихомировым стоит рассматривать как ступень в формировании самостоятельной карьерной траектории. Об этом же свидетельствует и снижение «зависимости» Пронштейна от учителя с начала 60-х гг., выразившееся в целом ряде самостоятельных шагов (публикация монографии под редакцией Б.Б. Кафенгауза, защита докторской и т.д.). При этом Пронштейн делал все от него зависящее, чтобы сохранить хорошие отношения со своим учителем.

Переписка двух ученых позволяет поставить целый ряд вопросов, являющихся ключевыми для изучения истории советской исторической науки: Что такое научная провинция в советское время? Каково ее соотношение с центром? Каким образом формировались научные ресурсы (в том числе и научные школы), которые позволили крупным региональным вузам стать самостоятельными игроками после трансформации советской централизованной системы образования и науки и т.д.?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 41.
2. Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 4. Ед. хр. 507.
3. Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / Сост. А.А. Хорошкевич. М., 2015.
4. История: научные поиски и проблемы. (Памяти доктора исторических наук, профессора А.П. Пронштейна). Ростов-на-Дону, 2000.

5. Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна В ИИМО ЮФУ // Новое прошлое / New Past. 2018. № 1. С. 98–119.

6. Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (К 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / Отв.ред М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш, Ростов-на-Дону, 2014.

7. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Историк-новатор, гражданин и патриот (профессор ростовского госуниверситета Александр Павлович Пронштейн) // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 167–178.

8. Пронштейн А.П., Задера А.Г. Практикум по истории СССР (Пособие для студентов-заочников исторических отделений университетов). Ростов- н/Д., 1960. 254 с.

9. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.: СПб., 2016.

10. Шмидт С.О. Московский историк Михаил Николаевич Тихомиров. М., 2012.

И.Н. Данилевский (Москва)

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» ТЕРМИНОЛОГИИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

«Реальность», которую изучают историки, на самом деле – не что иное как гипотезированные реконструкции прошлого, вербализованные образы, основанные на текстах исторических источников. В этих реконструкциях историки используют повседневную лексику, а также метаязык современной исторической науки. Это вполне тривиальное утверждение таит в себе множество подвохов. Далеко не все историки и далеко не всегда учитывают коварство слов, которые они употребляют в своих трудах. Обратим внимание на некоторые сложные моменты, связанные с, казалось бы, совершенно невинным словоупотреблением, которое то и дело встречается в исторических исследованиях.

Начнем с обыденных слов, которые составляют основной массив историографического нарратива. Уже они то и дело кроют в

себе неявные оценки описываемых событий и личностей. Правда, время от времени ведутся дискуссии по поводу корректности использования тех или иных слов в исторических построениях. Так, совсем недавно обсуждался вопрос: можно ли использовать метафору *уго* (слово, которое уже давно воспринимается большинством историков и читателей исторической литературы едва ли не как научный термин) для обозначения периода ордынского владычества на Руси.

Чаще, однако, ни у кого не вызывает сомнения, что, скажем, столкновение в устье Ижоры в 1240 г. следует называть *битвой*, ставя его в один ряд со Сталинградской и Курской битвами. Между тем, по определению, *битвой* у военных принято называть *генеральное сражение*, широкомасштабные военные действия между двумя сторонами, находящимися в состоянии войны. *Сражением* же называют столкновение двух *армий*, которое происходит *на широком фронте* и состоит из *ряда отдельных боев*, связанных общим замыслом. По словам одного из крупнейших военных теоретиков начала XX в., «сражение – боевое столкновение значительных отрядов (масс войск), решающее участь целой операции или кампании» [8]. Достаточно вспомнить завершение единственного дошедшего до нашего времени независимого рассказа об интересующем нас событии («Новгородце же ту паде: Костянтинъ Луготиниць, Гюрята Пинециничь, Намѣсть, Дрочило Нездыловъ сынъ кожевника, а всѣхъ 20 мужъ с ладожаны, или мне (т.е., менее. – И.Д.), богъ вѣсть» [9, с. 77]), чтобы понять, насколько корректно именовать его Невской *битвой*.

Еще большие проблемы могут возникать (и возникают) при использовании специальных терминов, составляющих основу метаязыка исторических исследований и обозначающих реалии изучаемого прошлого. При самом общем взгляде можно разделить на четыре большие группы.

К первой относятся *универсальные номенклатурные термины*, оформившиеся в смежных с историей социальных науках (философии, социологии, экономике, политологии, правоведении, культурологии), которые используются историками в значениях, принятых в рамках дисциплин-«доноров» (*государство, класс, сословие, экономика, политика, этнос, etc.*). Подобные термины, как правило, входят в состав довольно жестко определенного понятийного аппарата, разработанного в рамках той или иной научной концепции. Некоторые из этих терминов в разных теориях имеют разные определения. Потому в конкретно-исторических исследованиях приме-

нение их требует уточнения: какое именно значение имеется в виду в данном случае, поскольку упоминание любого из них подразумевает соответствующий терминологический «шлейф».

Именно эта особенность универсальных номинативных терминов заставляет, например, задаться вопросом: какое определение термина *государство* позволяет использовать его историкам для обозначения того объединения, которое в современной историографии принято называть Киевской или Древней Русью?

Вторая группа – *термины-определители* – формируются искусственно в рамках историографической традиции и служат условными обозначениями, с помощью которых историки конкретизируют реалии прошлого, обозначенные теми или иными универсальными номенклатурными терминами (*империя Карла Великого, империя Атиллы, Древнерусское государство* – оно же *Киевская или Древняя Русь, Первое Болгарское царство* и т.п.). Ни одному из терминов-определителей не соответствует ни одно понятие или, хотя бы, представление, эксплицитно присутствующее в изучаемых текстах исторических источников. Такая условность, как правило, осознается профессиональными исследователями.

Третья группа представлена конкретными номенклатурными терминами. Подавляющее большинство из них является лексическими заимствованиями из текстов исторических источников соответствующего периода (*феод, смерд, боярин, князь* и т.п.). При этом соответствующие слова, взятые из живого – а потому нетерминологичного по своей сути – литературного языка, терминологизируются: им придается вполне конкретное значение, которое закрепляется в историографической традиции. Определения этих значений чаще всего даются в универсальных номенклатурных терминах или соотносятся с ними. В этом заключается серьезная проблема: значение таких терминов вольно или невольно переносится историком на лексемы источника. Тем самым в изучаемый текст «вчитываются» значения, принятые в науке, но, возможно, вовсе не присущие исходному слову, либо соответствующие ему лишь частично. При этом понимание текста может быть серьезно искажено. Особенно опасно такое «вчитывание», когда смыслы тех или иных слов источника не вполне ясны.

Примером может служить традиционное отнесение *закупов и рядовичей* Русской Правды к двум ‘категориям зависимого населения’. Первые якобы попадали в зависимость, взяв от хозяина-землевладельца *кupu* (ссуду), а вторые – заключив с ним *ряд* (договор). Нетрудно заметить, что такое объяснение основано на этимоло-

логизации «терминов» Русской Правды. Подобный подход к выяснению содержания той или иной лексемы вполне оправдан, когда речь идет о зарождении явления, обозначаемого ею. Однако в ходе бытования слова смыслы, которыми оно наделяется в живом языке, могут серьезно дополняться и изменяться, что хорошо известно специалистам в области исторической лексикологии. Смыслы, в которых употребляются упомянутые слова в источнике, могут существенно изменяться и варьировать. Возвращаясь к приведенным выше примерам, следует учесть, что в Русской Правде синонимом *закупа* выступает *наймит*, наемный работник: «Продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ» [10, с. 111, 130, 156, 173, 194, 287, 308, 335, 355, 382, 430, 431] (ср.: «Продасть ли господинъ закупа обель, то закупу свобода въ всѣхъ кунахъ» [10, с. 223–224, 254]). *Рядович* же никогда не упоминается в том же источнике, так сказать, «за сохой». Зато, судя по Слову Даниила Заточника, он занимается исполнением административных функций в княжеском (или боярском) хозяйстве: «Не имѣи собѣ двора близъ царева двора и не дрѣжи села близъ княжа села: тивунъ бо его аки огонь трепетицу наклады, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искорѣ на можеши устеречися и сожденіа портѣ» [15, с. 20–21]. Следовательно, говоря современным языком, *рядовича* можно назвать мелким служащим, помощником *тицуна* (управляющего).

В столь же серьезной корректировке нуждается и конкретный номенклатурный термин *боярин* (более раннее – *болярин*). Как и прочие термины такого типа, он заимствован из текстов исторических источников. Определения его в исторических словарях русского языка и в историографической традиции часто даются с помощью универсальных номенклатурных терминов: «знатнейшее сословие в государстве» [5, стб. 297], «феодал-землевладелец» [13, с. 308], «член высшего сословия в феодальном обществе» [12, с. 300] и т.п. При этом некоторые универсальные термины детерминалогизируются. Так, в приведенных примерах универсальный номенклатурный термин *сословие* теряет свое исходное значение (группа лиц, чьи права закреплены законодательно). Несколько реже для определения лексемы *боярин*, зафиксированной в источниках, используются другие конкретные номенклатурные термины (например, *вельможа* [16, с. 99]), которые, в свою очередь, сами нуждаются в определении (ср.: «ВЕЛЬМОЖА... Знатный человек, приближенный князя или царя» [12, с. 390]; «ВЕЛЬМОЖА и ВЕЛЬМОЖЬ... Знатный человек, вельможа» [14, с. 72]). Подобные дефиниции закрепля-

ются в исторических словарях и энциклопедиях, а также в школьных учебниках – а отсюда благополучно перекочевывают не только в обыденные исторические представления, но и в специальную литературу. Между тем, кто такие *бо(л)яре*, упоминаемые в древнерусских источниках XI–XIII вв., до сих пор остается не вполне ясным.

Как правило, специальные исследования, посвященные анализу той социальной группы (или групп – учитывая нетерминологичность языка, на котором написаны исторические источники) древней Руси, которая (или которые) скрываются за лексемой *бояре*, начинают с выяснения этимологии этого слова. При этом историки обращаются к профессиональным работам этимологов. Те, в свою очередь, предлагают довольно широкий спектр исходных «терминов», сформировавшихся преимущественно в тюркских языках (дунайско-болгарский *boila*; кокандский, башкирский, татарский, туркменский, азербайджанский *bajar* [6, с. 32–33], древнетюркский *baiär* [19, с. 2–26; 7, с. 137–139; 20, с. 160–163; 21, с. 203–204; 23, с. 115–121; 22, с. 144–145, и др.], тюркские **bojlar > boylar > bolyar* [11, с. 29] и др.).

Между тем, как уже отмечалось, этимология слова далеко не всегда проясняет смыслы, в которых используется заимствованное слово в языках-реципиентах». Гораздо важнее установить, какой смысл (или смыслы) придавались ему в текстах, посредством которых оно проникло в тот или иной язык. Это замечание относится и к древнерусскому слову *боярин*. Оно, безусловно, попало на Русь посредством древнеболгарских (славянских) текстов, что существенно сужает круг поисков исходных смыслов интересующей нас лексемы.

Анализ ранних болгарских источников, содержащих соответствующие упоминания, позволил Т. Славовой сделать вполне обоснованный вывод, что «термин» *боляринъ* в ряде текстов (в том числе, переведенных с греческого, что дает возможность привлекать для сравнения исходную лексику) в к. IX – XI в. совпадал со словом *вельможа* в значении ‘властители, управляющие; знатные и влиятельные люди’. Однако исходные греческие лексемы, связанные с сенатом (синклитом) и его членами, переводились исключительно словом *боляринъ*. Это позволило Т. Славовой заключить, что изучаемые ею болгарские лексемы не были полными синонимами как «в книжном пространстве», так и «в реальных общественно-публичных отношениях». *Вельможей* называли любого сановника, независимо от должности. *Боляринъ* же обозначал понятие более конкретное в социальным смысле: ‘представитель наиболее влиятельной и высо-

копоставленной группы лиц, непосредственно связанных с верховной властью и принимавших участие в совещаниях с правителем' [11, с. 39].

Выводы Т. Славовой в целом хорошо согласуются с наблюдениями П.С. Стефановича, посвятившего анализу интересующего нас слова и связанных с ним лексемам в ранних древнерусских источниках X–XI вв. специальное монографическое исследование [17].

При этом следует отметить, что отмеченное Т. Славовой различие в употреблении лексем *боляре* и *вельможи* сохранялось и в оригинальных древнерусских текстах. Такое совпадение/противопоставление могло бы существенно уточнить выводы П.С. Стефановича о той группе лиц, которые в древнерусских источниках обозначались словом *боярин*. Однако сравнения понятий *бо(л)ярин* и *вельможа* исследователь не проводил, а потому такое наблюдение нуждается в подтверждении или опровержении, что потребует анализа всего комплекса оригинальных текстов древней Руси X–XII вв. Во всяком случае, представляется спорным утверждение А.А. Горского, будто только «немногочисленные наиболее приближенные к князю бояре составляли княжеский совет» [3, с. 265].

Одним из важных выводов, к которым приходит П.С. Стефанович, является утверждение, что, вопреки устоявшемуся мнению, понятие *бояре* не было жестко связано с представлением о *дружине*. Мало того, само понятие *дружины* оказалось довольно расплывчатым и не связанным только с вооруженным отрядом князя.

И здесь поиски глубоких этимологических корней вряд ли могут помочь в выяснении того, какой смысл (или смыслы) имело слово *дружина* в древнерусской книжности. Социальные образования, которые так назывались у разных народов и племен, могли выполнять различные функции. Мы, скорее всего, имеем дело не с аналогичными (имеющими разное происхождение, но выполняющими сходные функции), а с гомологичными (имеющими единое происхождение, но выполняющими в обществе различные функции) социальными явлениями. Поэтому гораздо важнее обратиться к текстам, посредством которых эта лексема проникла на Русь, – а то, что она является заимствованием, сомневаться не приходится.

В то же время, следует согласиться с выводом П.С. Стефановича, что «лексема [*дружина*] выступает собирательным понятием и не теряет древнее значение 'спутники, товарищи', однако, это значение специфицируется (сужается), и в каких-то случаях можно даже говорить о появлении новых значений. По крайней мере, в летописании XI–XII вв. можно выделить еще два значения: 'войско' и 'кня-

жеское войско/княжеские люди» [17, с. 260]. Все это объясняет близость древнерусских слов *бояринъ* и *дружина*, что при понимании *дружины* исключительно как вооруженного отряда князя и привело к широко бытующему представлению, что *бояринъ* – «член наиболее привилегированного слоя дружины» [1, с. 48], «верхнего слоя служилой знати» [4, с. 106], «старшей дружины» [13, с. 309; 2, с. 54], где под *дружиной* понимается именно княжеское войско. Однако понятия *дружина* и *бояре* в Древней Руси не отождествлялись. Не отождествляются с *дружиной* и *вои*. Очевидно и то, что понятие, скрывающееся за словом *бояре*, не совпадает полностью и, скорее всего, уже понятия, которое обозначалось лексемой *дружина*.

Как отмечает П.С. Стефанович: «в более узком значении ‘княжеское войско/княжеские люди’ слово *дружина* не было “техническим термином” и не обозначало ни институт, ни какие-то структурно оформленные группы. Оно указывало лишь вообще на людей, связанных с князем или оказавшихся с ним в тот или иной момент, – то на всех вместе или на их большинство, а то на какие-то отдельные, каждый раз случайные, их части. Понять, какие конкретно люди имелись в виду в том или ином упоминании под “дружиной”, можно только по контексту этого упоминания, и в разных случаях это могут быть очень разные люди» [17, с. 261]. Древнерусского же *боярина* для X–XI вв. в самом общем приближении можно охарактеризовать как «представителя знати» [18, с. 85].

Однако уже в XII в. лексема *бояре* в разных землях начинает использоваться древнерусскими книжниками в разных смыслах. Социальные группы, обозначаемые ею, различались составом, правами и функциями. Своеобразие «элит» древнерусских сообществ XII–XIII вв., обозначаемых в источниках одним и тем же словом *бояринъ*, не может выводиться напрямую из характеристик *боярь* более раннего периода. И уж тем более, неверно рассматривать все эти социальные группы как гомогенные.

Наконец, четвертую группу терминов составляют *производные номенклатурные термины*, которые образованы искусственно из конкретных номенклатурных терминов. Они закрепляются в историографической традиции, хотя ни один из них не встречается в источниках (*дружинник*, *феодал*, *княжество* и т.п.). При этом в них закрепляются терминологические значения, «вчитанные» историками в только что рассмотренные лексические заимствования из текстов исторических источников. Их использование особенно проблематично и может ввести как самого исследователя, так и его читателей в заблуждение. Тем не менее, ставши привычными, они, как

правило, включаются в историографический нарратив без всяких оговорок, создавая иллюзию полного соответствия исторической реальности.

В каждом конкретном случае требуется специальный анализ текстов, возникших на той или иной территории, для того, чтобы конкретизировать, что это была за страта, и каковы были ее компетенции, какое явление общественной жизни имел в виду автор источника. Использование историками при описании тех или иных исторических процессов каждого конкретного номенклатурного термина (и тем более, производных от него номенклатурных терминов) требует дополнительных разъяснений.

Во всяком случае, при создании научных реконструкций прошлого историк не должен всегда заменять встречающиеся в источниках лексемы одним и тем же термином, принятом в современной ему историографии. Желательно (точнее, необходимо, но не всегда возможно) сначала уточнить, в каком смысле интересующее историка слово использовано в конкретном источнике и в каком контексте. Это позволит подобрать наиболее точно соответствующий ему конкретный номенклатурный термин с надлежащим его определением и, следовательно, сделать существенный шаг к созданию максимально корректной научной реконструкции прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.
2. Горский А.А. Древнерусская дружинная терминология в свете международных связей Руси // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст. Матеріали міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів–Шестовиця, 20–23 липня 2006 р.). Чернігів, 2006.
3. Горский А.А. Дружина // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухина. М., 2014.
4. Горский А.А. Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значит. доп. / Под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1903. Т. 1: А – З.
6. Корш Ф.Е. Турецкие элементы в языке Слова о полку Игореве: Заметки к исследованию П.М. Мелиоранского [Рец. на ст.: Мелиоранский П.М. Турецкие элементы в языке «Слова о Полку Игореве» // Изве-

стия Отделения Русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 273–302] // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 4.

7. Малов С.Е. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия Академии наук СССР: Отделение литературы и языка. М., 1946. Т. 5. Вып. 2.

8. Михневич Н. П. Сражение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

9. Новгородская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

10. Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М., 1940. Т. 1: Тексты.

11. Славова Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България: Филологически аспекти. София, 2010.

12. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988. Т. 1: (а – възаконатиса).

13. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1: (А–Б).

14. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2: (В – ВОЛОГА).

15. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам / Подг. к печ. Н.Н. Зарубин. Л., 1932.

16. Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): Около 10000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др.; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

17. Стефанович П.С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках. М., 2012.

18. Стефанович П.С. Боярин // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014.

19. Трифонов Ю. Към въпроса за старобългарското болярство // СпБАН. 1924. № 26 (14).

20. Трубачев О.Н. Заметки по старославянской этимологии // Этимологические исследования по русскому языку. М., 1963. Вып. 4.

21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 томах / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стереотип. М., 1986. Т. 1: (А – Д).

22. Хелимский Е. Язык(и) аваров: тунгусо-маньчжурский аспект // Folia Orientalia. Kraków, 2000. Vol. 36: Studia in honorem Stanisłai Stachowski Dicata.

23. Шаур В. За произхода на старобългарската дума *болъринъ* // Palaeobulgarica. 1988. № 1.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПРОШЛЕЙНА: ЕЩЕ РАЗ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

*Если я видел дальше других, то потому,
что стоял на плечах гигантов.*

Исаак Ньютон

Преамбула

В начале XXI века, – с выходом из ситуации постмодерна, преодолением постмодернистской анархии, – растет интерес к дисциплинарной определенности гуманитарных и социальных наук и отдельных их составляющих. Особый интерес не может не вызывать источниковедение. Вопрос о дисциплинарном статусе источниковедения принципиально важен для профессионального самоопределения историка.

Что есть источниковедение?

Вспомогательная историческая дисциплина? Но тогда источниковедческую разработку источника можно весьма легко свести к исследовательской технике / области эрудиции / ремесленного мастерства, оторванного от мировоззренческих убеждений и чуждого методологической рефлексии.

Самостоятельная научная дисциплина? [о понятии «дисциплина исторической науки» см.: 6, с. 93–94]. В этом случае источниковедение может и не входить в сферу научных интересов любого ученого-гуманитария: Средними веками занимается медиевист, новым временем – новист, Византией – византиновед и т.д. И каждый из них вовсе не обязан быть специалистом не в «своей» дисциплине. Соответственно, источниковедением, раз уж это отдельная дисциплина, должны заниматься источниковеды. Появилось даже понятие «теоретическое источниковедение», очевидно избыточное для не специализирующегося в этой области историка.

Имманентная составляющая метода исторического познания? Но в этом случае источниковедение является необходимой, – а возможно, и базовой, – составляющей профессионального мастерства любого историка.

Предложить обоснованный ответ на поставленный выше вопрос можно только на основе детального изучения истории становления и развития методов источниковедческого исследования и ме-

ста науки об исторических источниках в системе исторического познания. С этой точки зрения труд Александра Павловича Пронштейна «Источниковедение в России» [4, 5] трудно переоценить. Исследователю удалось вычленить источниковедческую проблематику из широкого полномасштабного контекста исторического познания, уделив при этом существенное внимание мировоззренческим и методологическим аспектам.

Знакомство с фундаментальным трудом А. П. Пронштейна заставляет сразу же отвести мысль об источниковедении как вспомогательной исторической дисциплине, поскольку автор убедительно показал имманентный, а не вспомогательный характер источниковедения по отношению к структуре исторического познания.

Попытаемся последовать методу, провозглашенному самим Александром Павловичем и которого автор придерживался при создании масштабной картины развития науки об исторических источниках в России: «...источниковедение, как и всякая общественная научная дисциплина, развивалось прежде всего по законам социокультурной преемственности <...> развитие этой научной дисциплины было обусловлено и законами познавательной преемственности» [4, с. 3].

Абрис концепции

Ориентируясь на упомянутые А.П. Пронштейном «законы преемственности» и идею о том, что в истории науки мы отбираем преимущественно то, что работает на объяснение ее актуального состояния (Т. Кун), т.е., иначе говоря, выделяем именно то, что обеспечивает преемственность, акцентирую внимание именно на тех аспектах построений А. П. Пронштейна, от которых можно оттолкнуться при дальнейшем рассмотрении проблемы дисциплинарного статуса источниковедения, абсолютно не претендуя на полноту презентации и анализа концепции.

Уже структура работы, – в значительной части монографическое обращение к крупным фигурам российской историографии, а также к исследователям, специально занимавшимся проблематикой исторического источника, – позволяет автору раскрыть их источниковедческое мастерство и проследить провозглашенную в качестве исследовательского принципа преемственность в этой сфере.

Осветив предысторию науки об исторических источниках, начиная с «летописного периода русской историографии и накопления практических навыков в работе с источниками» [5, с. 16–39 (указание страниц преследует цель не столько сориентировать читателя

внутри книги, сколько раскрыть ее структуру/соотношение частей, посвященных разным аспектам истории источниковедения в России) и «исторического источника в сочинениях писателей XVI–XVII вв.» [5, с. 39–56], раскрыв «общие условия возникновения и развития научного источниковедения в XVIII – первой половине XIX в.» [5, с. 58–65], автор прослеживает формирование источниковой базы и способы работы с историческими источниками в трудах В.Н. Татищева [5, с. 66–81], М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера [5, с. 81–95], М.М. Щербатова [5, с. 95–108], И.Н. Болтина [5, с. 109–126], А.А. Шлецера [5, с. 127–152], Н.М. Карамзина [5, с. 152–184], М.Т. Каченовского и «скептической школы» [5, с. 186–219], М.П. Погодина [5, с. 219–261], Н.В. Калачова [5, с. 262–284], Н.И. Надеждина [5, с. 284–301], С.М. Соловьева [4, с. 11–60], К.Н. Бестужева-Рюмина [4, с. 70–93], В.О. Ключевского [4, с. 93–117], Д.Я. Самоквасова [4, с. 145–164], С.Ф. Платонова [4, с. 164–199], В.С. Иконникова [4, с. 201–234], В.И. Сергеевича [4, с. 234–262], А.А. Шахматова [4, с. 263–302], Н.И. Кареева [4, с. 302–314], А.С. Лаппо-Данилевского [4, с. 315–337]. Две главы автор посвятил рассмотрению более частных вопросов работы с историческими источниками в 1860-х – начале 1870-х и в 1880-х – 1890-х гг. [4, с. 60–70, 117–145], что свидетельствует о широте охвата исследуемого историографического материала.

Несомненный вывод, который можно сделать на основании проведенного А.П. Пронштейном исследования: источниковедение органично входит в систему метода исторического познания в качестве важнейшей его составляющей, при этом источниковедческая работа историка обусловлена его мировоззренческими убеждениями и теоретическими установками.

Но в структуре работы А.П. Пронштейна есть и другая, не менее значимая, составляющая – монографическое исследование истории разработки отдельных видов и групп исторических источников.

Примечательно, что самостоятельная часть «Изучение отдельных видов и групп исторических источников во второй половине XIX – начале XX в.» появляется только во второй книге исследования, посвященной науке об исторических источниках «эпохи капитализма» [2, с. 338–544, – обратим внимание и на объем этого раздела книги]. Тщательность проработки материала, наличие в первой книге исследования главы «Разработка частного источниковедения в XVIII – первой половине XIX в.» [3, с. 301–351], в которой скрупулезнейшим образом собраны и проанализированы все опыты обращения к анализу исторических источников историков этого периода, убеж-

дает в том, что группы/виды исторических источников стали объектом специального исследования в российской исторической науке не ранее второй половины XIX в., что, на мой взгляд, не может не свидетельствовать о новом качестве науки об источниках.

Если мы придерживаемся определения дисциплины/субдисциплины исторической науки как «историографически сложившейся области научного исторического знания, имеющей *собственный объект исследования* [выделено мной – М.Р.]» [6, с. 93], то очевидно, что акцент на последовательной разработке групп/видов исторических источников заставляет нас расценивать источниковедение еще и как самостоятельную дисциплину/субдисциплину, поскольку рассматриваемые группы/виды исторических источников выступают именно как особый, автономный объект исследования.

Третью часть своего исследования А.П. Пронштейн начинает с главы «Разработка русских летописей (до А.А. Шахматова)» [4, с. 339–374]. Затем последовательно рассматривает «внешнюю историю русского права» (здесь автор следует за терминологией представителей исторической школы права и рассматривает комплексное исследование российского законодательства в качестве исторического источника в их трудах) [4, с. 374–414], дополняя проведенное исследование анализом истории изучения «отдельных законодательных документов, их групп и видов» (т.е. обращаясь не только к изучению важного вида исторических источников в российской историографии, но и подчеркивая внутривидовую структуру) [4, с. 415–440]. Автор также уделяет внимание специальному исследованию актов и писцовых книг [4, с. 441–483] и писцовых книг [4, с. 483–501]. Таким образом, тщательному анализу подверглась история источниковедческой разработки наиболее активно задействованных в исторической науке рассматриваемого периода видов исторических источников. Отдельная глава «Литературные памятники и их значение для исторической науки» [4, с. 501–544] посвящена истории вовлечения в историческое исследование и филологической критике менее востребованных на тот момент нарративных источников, к которым отнесены «исторические сказания и повести <...>, политические трактаты, памфлеты, поучения, мемуары, дневники и автобиографии, церковная поучительная и полемическая литература, жития святых, географические описания путешествий, сказания иностранцев и пр.» [4, с. 501], т.е. широчайший круг повествовательных источников.

На мой взгляд, такое, – по сути двукратное, – обращение к некоторым видам исторических источников и к одним и тем же пери-

одам развития науки об исторических источниках: один раз со стороны историка, другой – со стороны самого источника/объекта исследования, – дает основание рассматривать источниковедение и как составляющую метода, и как дисциплину (для этого периода, возможно, протодисциплину) исторической науки.

Стоя на плечах гигантов

С момента выхода первого тома фундаментального труда А.П. Пронштейна прошло тридцать лет. За это время историческая наука и ее метод не могли не претерпеть изменения, а если учесть, что этот период пришелся на время парадигмального слома, переход от постмодерна к постпостмодерну, то эти изменения не могли не быть заметными.

Рассмотрим эти изменения и диктуемые ими новые подходы к изучению историографического процесса в их взаимообусловленности и взаимосвязи. Естественно, я претендую лишь на гипотетическую конструкцию, как развитие, так и опровержение которой, возможно, окажется полезным для определения дисциплинарного статуса источниковедения и понимания его места в системе научного исторического познания.

Гипотетически эти изменения могут быть представлены в системе следующих составляющих: историческая культура – источниковедение историографии.

В терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки», изданном Институтом всеобщей истории РАН (вероятно, его можно расценивать как вполне авторитетный справочник) дано следующее определение понятия «историческая культура»: «Историческая культура – понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая культура – та часть культуры, которая связана со временем как существенным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ» [6, с. 165].

Я бы предложила более простой «рабочий» вариант определения этого понятия: «Историческая культура – система получения и презентации исторического знания, формирования исторических представлений, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников». Отличительная черта этого определения не только в простоте (в срав-

нении со «словарным» вариантом), но и в увязывании понятия «историческая культура» с понятием «система видов историографических источников» как базовым понятием источниковедения историографии.

Использование понятия «историческая культура» задает максимально широкий контекст рассмотрения исторического познания, заставляет обратить внимание на системные связи не только внутри исторической науки, но и на связи научного исторического познания с иными формами исторического знания: от научно-популярной и публичной истории до исторической публицистики и исторической беллетристики.

Но такой широкий масштаб рассмотрения историографического процесса заставляет с большим вниманием отнестись к структуре исторического знания, упорядочить которое целесообразно, по-видимому, двумя способами: (1) выявив структуру самого исторического знания, (2) классифицировав его носители – историографические источники.

При работе над терминологическим словарем «Теория и методология исторической науки» [6; 1-е изд. М., 2014] группа исследователей, представляющая Научно-педагогическую школу источниковедения – сайт Источниковедение.ru [1] (Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, Н.В. Некрасова, М.Ф. Румянцева, О.И. Хоруженко), во-первых, предложила более строго использовать в качестве таксонов в структуре актуального исторического знания понятия дисциплины/субдисциплины исторической науки (с традиционным выделением из этой группы вспомогательных исторических дисциплин) – научные направления – предметные поля; во-вторых, сформулировала рабочие дефиниции этих таксонов: в-третьих, главное – проследила конституирование дисциплинарного статуса отдельных областей исторического знания и обосновала возможность трансформации дисциплины в направление, продемонстрировав реализацию этой возможности, в первую очередь, на примере источниковедения с опорой, естественно, на исследования его истории и во многом на фундаментальный труд А.П. Пронштейна.

Дальнейшее уточнение и устроение анализа исторической культуры, несомненно, связано со становлением и развитием источниковедения историографии, под которым мы понимаем «предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории» [6, с. 209].

Применение источниковедческого подхода к анализу историографического процесса начинается с постулирования того, что историографический процесс адекватно зафиксирован в системе историографических источников, которая может быть рассмотрена как в статике (в виде коэкзистенциальных систем историографических источников, характеризующих ту или иную историографическую культуру), так и в динамике – в смене приоритетных видов историографических источников, характерных для различных исторических культур.

Попробуем накинуть эту интерпретационную сеть на аккумулярованный и проанализированный А.П. Пронштейном историографический материал. Сразу же надо отметить, что сделать это чрезвычайно легко, поскольку, не задаваясь вопросами источниковедения историографии и, в частности, классификации рассматриваемых историографических источников, автор удивительно точно подобрал материал, репрезентативный с точки зрения возможностей подходов источниковедения историографии.

Особенная удобна для такой демонстрации первая книга исследования, посвященная историографическому процессу XVIII – первой половины XIX в. Можно предложить весьма простое объяснение этого: вторая книга, охватывающая период второй половины XIX – начала XX в., посвящена периоду, когда источниковедение начинает выделяться в особую область знания, что дало возможность автору более целенаправленно отобрать источниковедческий материал, а это естественным образом ограничивает простор для сопоставлений.

Классификация историографических источников предполагает их деление на два типа: социально ориентированное историописание и собственно научное историческое знание. Первый тип истории представлен, с точки зрения видовой классификации историографических источников преимущественно историческим нарративом, т.е. хронологически организованным рассказом, сочетающим функции описания и объяснения. Второй тип – преимущественно научными статьями, книгами исследовательского характера и монографиями.

С этих позиций, расположим исследованный А.П. Пронштейном в первой книге материал не в одну, а в две линии: исторического нарратива и работ, посвященных отчасти критике ранее предложенных нарративов, отчасти – специальной разработке источниковедческой проблематики. Реперными точками на первой линии будут труды В.Н. Татищева, М.М. Щербатова и, конечно же, Н.М. Ка-

рамзина. Вторая линия будет представлена А.А. Щаецером и, наиболее репрезентативно, М.Т. Каченовским и «скептической школой» (несмотря на всю специфику, а временами даже экстравагантность их обращения с историческими источниками), а также трудами Н.И. Надеждина, который, хотя и полемизировал со «скептиками», но все же принадлежал к этому направлению исторического познания.

Чрезвычайно любопытно, хотя и вполне традиционно, объединение в одной главе М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера [5, с. 81–95]. Кто из старшего поколения не помнит со школьных лет «спор Ломоносова с Миллером по норманскому вопросу» (боюсь, что и более молодые поколения не избежали этого)!? Несомненная заслуга А.П. Пронштейна в том, что он (не подтверждая норманскую теорию, но и не выступая на стороне антинорманистов, что явно не входит в его исследовательскую задачу) показал, сколь тщательно Г.Ф. Миллер работал с источниками, критически относился к летописным известиям, в ряде случаев стремясь проверять их информацией актовых и документальных источников, в то время как М.В. Ломоносов расхождения в летописных источниках «стремился сгладить путем отбора тех сообщений, которые представлялись ему наиболее достоверными. Основным критерием для этого <...> была вероятность события с точки зрения здравого смысла» [5, с. 94]. Таким образом, А.П. Пронштейн явственно показал, хотя и не стремился это акцентировать, различие между М.В. Ломоносовым и Г.Ф. Миллером в подходах к историческим источникам. А уже в 2000–2010-х гг. С.И. Маловичко объяснил это различие с позиций источниковедения историографии не большей/меньшей «добросовестностью» того или иного автора, а различием типов исторического знания: социально ориентированный нарратив М.В. Ломоносова *versus* научный подход к историческому источнику Г.Ф. Миллера [2].

Водораздел между второй и третьей частями первой книги исследования А.П. Пронштейна проходит между Н.М. Карамзиным и «скептической школой» в русской историографии. Действительно, между ними был временной зазор, впрочем, совсем небольшой – пять-десять лет, но пришедшийся на любопытную историческую эпоху, сопровождавшуюся в Европе становлением позитивизма как принципиально нового типа философии, оказавшего существенное воздействие на научное познание. Но, на мой взгляд, при выстраивании заявленной выше параллели этим временным зазором можно пренебречь и рассматривать скептиков в их оппозиции карамзин-

скому нарративу [о непонимании как форме сосуществования ка-рамзинского нарратива и скептиков подробнее см.: 3], обратив внимание на различие видовой характеристики историографических источников, свойственных этим двум направлениям.

На мой взгляд, именно сочетание анализа структуры исторического знания и видовой структуры корпуса историографических источников дает новые «точки роста» исследованиям истории исторического знания, в том числе и его важнейшей составляющей – источниковедения, понимаемого и как метод, и как дисциплина, и, начиная с рубежа XX–XXI вв., как научное направление.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко и др.; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М.: Б. и.], сор 2010–2019. URL: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.

2. Маловичко С.И. М.В. Ломоносов и Г.Ф. Миллер: спор разных историографических культур // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. Київ, 2009. Вип. 4. С. 231–249.

3. Маловичко С.И. Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания // Диалог со временем. № 46. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 129–145.

4. Пронштейн А.П. Источниковедение в России: эпоха капитализма / отв. ред. академик И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1991. 670 с.

5. Пронштейн А.П. Источниковедение в России: эпоха феодализма / отв. ред. академик И.Д. Ковальченко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989. 412 с.

6. Теория и методология исторической науки: терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян, А.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.

ГОРОДА РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРОВ X в. И СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАДСТВОВАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Известия о мирных соглашениях Руси с Византией, заключенных в X в., а также тексты этих договоров (911, 944, 971 гг.) дошли до наших дней в составе *Повести временных лет*. Копии византийских договорных грамот были обретыены по инициативе Владимира Мономаха в начале XII в. [21, с. 51–56] и послужили основой для создания этого грандиозного летописного произведения. Летописец не ограничился строгим пересказом договорных соглашений. Он произвел их литературную обработку, добавив ряд вставок, заимствованных из других письменных источников, а также подробностей легендарного характера. К их числу относится летописное известие 907 г., содержащее, адресованное грекам требование киевского князя Олега, «дати воем . на 2000 корабль по 12 гривен на ключ . и потом даяти уклады на Рускыя грады . первое на Киевъ . та же на Чернигов . на Переяславль . на Полтъск . на Ростов . на Любеч . и на прочае городы . по тѣм бо городом седяху велиции князи . под Олгом суще» [8, стб. 30–31].

Следует отметить, что полный текст русско-византийского мирного договора, заключенного Олегом с греками в 911 г., составитель *Повести временных лет* счел уместным разместить под 912-м г. Его же своеобразное обрамление с изложением отдельных фрагментов и парафраз содержится в летописной статье 907 г. Вопрос о том, был ли «договор 907 г.» предварительным договором, заключенным Олегом сразу после похода или компиляцией «договора 907 г.», остается дискуссионным. Установленным фактом является то, что славянский его перевод (как и переводы других договоров) не современен самим договорам, а был изготовлен позднее на основе текстов копийной книги константинопольской императорской канцелярии [12, с. 82–84; 13, с. 17–18].

Давно замечено, что изложение условий договора в статье 907 и 912 гг. взаимно дополняют друг друга, составляя единое целое. По мнению Д.С. Лихачева, воссоздание переговоров и самого текста договора 907 г. могло произойти следующим образом: «В предшествующем Повести временных лет Начальном своде (Новгородской первой летописи, где этот свод отразился) рассказ о победе Олега перед его отправлением обратно заканчивался на словах: «И

заповѣда Олегъ дани даяти на 100, 200 корабль, по 12 гривнѣ на человекъ, а в корабль по сороку мужъ; сам же взя злато и паволокы, и возложи дань, юже даютъ и доселѣ князем рускымъ». Первая часть этих слов сохранена в Повести временных лет. Затем составитель Повести временных лет изобразил трафаретную картину заключения договора: «И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли. Олег же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкима, со Леономъ и Александромъ». Вслед за тем летописец назвал имена послов Олега, взяв эти имена из договора 911 г., но сократив их список, упомянул только четырех первых послов и одного последнего. Первой статьей договора 907 г. летописец сделал определение единовременной дани, которую греки должны были уплатить русским. Эта единовременная дань определена по уже читавшемуся выше сообщению: «И заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключъ» (ср. выше: «И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль по 12 гривенъ на человекъ, а въ корабли по 40 мужъ»). Переделка предшествующего текста «на человекъ, а в корабли по 40 мужъ» в более краткий текст «на ключъ» (т.е. на уключину) объясняется тем, что летописец знал, что корабли, ходившие на Царьград, были обычно сорокавесельными, и в целях экономии изложения обошелся одним выражением «на ключъ» [10, с. 417].

Наряду с условием об уплате Византией денежной контрибуции «на ключъ» предусматривалась также выплата регулярной дани («укладов») Руси с дифференциацией ее по отдельным городским центрам Руси. Приведенный в летописи их перечень включает шесть городов: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов и Любеч. В русско-византийском договоре, заключенном при князе Игоре в 945 г., упоминаются только Киев, Чернигов и Переяславль [8, стб. 40]. В эпоху составления *Повести временных лет* это были главные центры «Русской земли», чем по-видимому и объясняется включение их в перечень городов русско-византийских договоров X в. По мнению А.А. Горского в изначальном тексте договоров присутствовали лишь Киев и Чернигов, а Переяславль был поздней вставкой [4, с. 82–86]. Возведенный при Владимире Святославиче Переяславль был третьим по значению в иерархии городов на юге Руси в начале XII в.

Под «укладами» многие историки усматривали часть добычи, выдававшейся племенам, главные города которых перечислены в летописи, как награда за участие в походе на Византию. Однако, Переяслав и Любеч не были племенными центрами. Несооб-

разность летописного известия или договорного пункта об «укладах», выплачиваемых греками на перечисленные города была замечена еще в начале прошлого века. Она проявляется, по мнению Г.М. Бараца, в том, что «сумма укладов не определена точной цифрой, – что обязательство выдавать уклады не ограничено никаким сроком и оказывается таким образом как бы вечным, а между тем уже в договоре Олега 912 г. об этом обязательстве нет более и помину, – что уклады без всякой уважительной причины, условлено выдавать не сразу всем городам, а последовательно, в порядке будто-бы старшинства городов, хотя никакой табели о рангах для всех «прочих», кроме Киева, городов вовсе не существовало, – и главное, что таковой порядок выдачи укладов отдельно каждому из перечисленных в летописи городов мотивируется подчиненностью местных князей Олегу, тогда как подвластность этих князей можно было бы выставить скорее всего, как основание для выдачи укладов не им, а непосредственно верховному князю, котрому они были подручны» [2, с. 28–29].

Не исключено, что условие Олега «...даяти уклады на рускыя городы» было изобретено самим летописцем. В эпоху заключения русско-византийских договоров на Руси не было разветленной сети городов. Большинство из них, несмотря на отчаянные попытки археологов удревнить начала древнерусского градостроительства, возникли лишь в конце X в. Киевскому книжнику представлялось важным включить в составленный им перечень городов прежде всего Чернигов и Переяславль. Во времена близкие к завершению составления *Повести временных лет* здесь княжил Владимир Мономах, по инициативе которого, как уже отмечалось, были обретыны копии византийских договорных грамот. В зависимости от переяславских князей находился отнюдь не безразличный Мономаху Ростов. Этот город составлял часть владений его отца – Всеволода Ярославича. В нем началась княжеская служба самого Мономаха. Полоцк к тому времени был княжеской вотчиной Смоленска и находился в составе владений Мономаховичей.

Смоленск был племенным центром днепровских кривичей, ареал расселения которых по письменным и археологическим источникам локализуется в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги [18, с. 241–242]. В *Новгородской Первой летописи* появление города связано с завоевательной деятельностью Олега: «И начаша воювати вьсюду и налезоша Дънепръ реку и Смольньскъ градъ» [14, с. 107]. Красочными подробностями дополнен рассказ о появлении Олега у стен Смоленска в Устюжском летописном своде или *Архангелого-*

родской летописи, составленной в первой трети XVI в.: «Налѣзоста Днѣпръ рѣку, и придоста (Олег – В.Р.) под Смоленск, и всташа выше города, и шатры изставиша многи разноличны цвѣты. Увидевше же Смольняне и изыдоша старѣйшины их к шатром и спросиша единого челоуѣка: кто сей прииде? Царь ли или князь в велицѣй славы? И изыде из шатра Олег, имый на руках у себя Игоря, и рече Смолняниномъ: сей есть Игорь князь Руриковичъ Русский. И нарекоша его Смольняне государем и вдаси весь град за Игоря. И посади в семь намѣстники своя, а сам поиде по Днепру вниз, и приде к горам и узрета город Киев» [22, с. 6–7]. Как свидетельствует составленная в конце XVI в. *Подробнейшая история государей российских*, поход Олега на смоленских кривичей был вызван их отказом давать дань: «не всхотѣша Кривичи Ольгу дании даваши, Ольгѣ же поемъ съ собою Игоря и вои многи Варяги и Словян, поиде во Кривичи, и повоевалъ ихъ, и градъ Смоленск взял, и посади наместники своя» [6, с. 53] .

В традиционном для раннемодерной и отчасти современной историографии прочтении летописи эти известия трактовались как «расширение пределов властвования» Олега. Хенрик Ловмянский полагал, что в начале X в. Смоленск превратился в более важный торговый центр Руси, чем Ладога, откуда, по его мнению, происходил Олег [11, с. 137–138]. Ученый не сомневался в достоверности летописного известия о смоленском этапе деятельности Олега. Однако, весомых оснований полагать, что Смоленск уже в конце IX – X вв. был «княжеско-племенным» центром днепровских кривичей нет. Археологических слоев существования Смоленска ранее XI в. не выявлено [1, с. 71–72; 3, с. 76–82]. Полагаю, что включение Смоленска в перечень городов русско-византийского договора 907 г. связано скорее не с тем, что этот центр представлялся летописцу опорным пунктом властвования Олега, а его актуальной для конца XI – начала XII вв. значимостью. Из-за княжения в Смоленске шел спор между Давидом Святославичем и Владимиром Мономахом, разрешившийся в пользу последнего на Любечском съезде в 1097 г. Этот город был дорог Мономаху. В 1101 г. он заложил в нем Успенский собор. Здесь умерла его жена Гита Гаральдовна.

Еще одним центром, включенным летописцем в перечень городов «договора 907 г.» был Любеч. Первое его упоминание в летописи встречается в описании Днепровского похода Олега на Киев в 882 г. Расположенный на левобережье Днепра западнее Чернигова он был известен Константину Багрянородному как крепость *Телиуцы* [7, с. 44–45]. По мнению Б.А. Рыбакова, Любеч был северными воро-

тами гипотетической «внутренней» Руси [16, с. 7–20]. Его упоминание в договоре Олега с греками свидетельствует о том, что он занимал важное положение в системе древнерусских городов в эпоху составления *Повести временных лет*. Это обстоятельство, по видимому, и побудило летописца, составившего рассказ о походе Олега на Киев, приписать ему инициативу посажения своих «мужей» в Любече и соответственно в Смоленске.

Принимая за чистую монету замечание летописца о том, что в перечисленных им в статье 907 г. городах «сediaху велиции князи . под Олгом суще», многие исследователи полагают, что в Чернигове, Перяславле, Полоцке, Ростове и Любече в начале X в. сидели посадники Олега или вассальные князья [9, с. 125; 17, с. 108; 5, с. 51–53]. В грекоязычном оригинале договора структура древнерусской правящей верхушки действительно была двухчастной, состоящей из великого князя и князей. Но, этот коллектив князей-родичей (княжеский род), как убедительно показал А.В. Назаренко, «целокупно сидел в Киеве» [13, с. 16–18]. Этим и объясняется, по видимому, отсутствие Новгорода в перечне городов договора Олега, с чем не могут смириться многие историки. Например, А.А. Горский, обосновывая существование системы наместничества еще при Юрике и Олеге, полагает, что после обоснования последнего в Киеве, «под его властью оказалась вытянутая более чем на тысячу километров с севера на юг территория. Управлять ею без наместников было физически невозможно» [5, с. 51]. Исследователь полагает, что после ухода Олега в Киев в опорном пункте на севере этой территории – в Новгороде им был оставлен наместник.

А.А. Шахматов в свое время пытался обосновать положение, согласно которому во времена господства Олега на Киевском юге Игорь, связанный с последним «только хронологически», был новгородским князем, пошедшим по стопам Олега на юг, чтобы утвердиться тут после его гибели или еще ранее. Если исходить из стремления «во что бы то ни стало привести в порядок отрывочные и сбивчивые данные летописей, – отмечал в этой связи А.Е. Пресняков, – то можно такое предположение признать разрешающим ряд недоучений. Можно и добавить, что сходство в действиях Олега и Игоря, тождество их общей схемы могло дать психологический толчок к их смешению и слиянию в народном предании; ведь такова весьма обычная черта народной памяти и народного творчества: слияние мотивов и их «обобщение» по сходству основных черт. Но историческим выводом такую догадку все-таки нельзя считать. Она не может претендовать на большее, чем значение остроумно-

го соображения, иллюстрирующего состояние наших источников» [15, с. 316–317].

Формирование системы посадничества на Руси фиксируется источниками только в 940-е гг. В составленном в это время Константином VII Багрянородном трактате «Об управлении империей» сообщается о том, что в Новгороде (Немогарде), «сидел Сфендослав, сын Ингоря, архонта Росии» [7, с. 50–51]. Утвердившись после трагической гибели своего отца на киевском княжеском столе, Святослав отправил на княжение в Новгород Владимира. Своего старшего сына Ярополка он оставил в Киеве, а Олега посадил наместником в Древлянской земле с центром в городе Вручий (Овруч). Владимир Святославич, ставший в 982 г. великим киевским князем посадил своих сыновей на княжение в Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, «в Деревѣх» (Овруче), Владимире на Волыни, Тмутарокани и Смоленске [8, стб. 121]. Закрепившаяся при Владимире Святославиче практика посажения посадников по различным городам Руси, была институциональной нормой во времена составления *Повести временных лет*. Это, очевидно, и натолкнуло летописца на мысль «рассадить» Олеговых мужей по различным городам и придать им статус «светлых» и «великих» князей.

Близкое окружение Олега мы знаем поименно. Его составляли, перечисленные под 907 г. послы киевского князя: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремоуд, Рулавъ, Гоуды, Роуалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Руаръ, Актеву, Труанъ, Лидоул, Фостъ, Стемид [8, стб. 33]. Они были участниками договорного процесса 907–911 гг. Однако, ни один из них не наделен конкретным титулом и не имеет собственного доверителя. Эти, «от рода рускаго» люди, составляли близкое окружение Олега, представляя киевский правящий род, кровно-родственный коллектив. Если в составлении соглашения 911 г. князя Олега в византийской столице принимали участие 15 его «мужей», то посольство Игоря 944 г. состояло из 24 человек. Примерно таким же по своему численному составу был и почт княгини Ольги во время ее визита в Константинополь в 955/7 г. В договоре 944 г. представлены: «Иворъ соль Игоревъ . великаго князя Рускаго . и обѣии сии . Вуефасть Святославъ . сынъ Игоревъ . Искусеви Ольги княгини Слуды Игоревъ . нети Игоревъ . Оулѣбъ Володиславъ Каницаръ Передъславинъ Шихъбернъ . Сфандръ . жены Улѣблѣ Прастѣнъ Турѣдуви Либиаръ Фастовъ . Гримъ Сфирьковъ Прастѣнъ . Акунъ . нети Игоревъ Кары Тудковъ . Каршевъ . Турьдовъ . Егри Евлисковъ . Воистъ Воиковъ . Истръ Аминодовъ . Прастнъ . Берновъ . Явтягъ . Гунаровъ Шибридъ .

Алданъ Коль Клековъ . Стегги Етоновъ . Сфирка . Алвадь Гудовъ . Фудри Туадовъ . Мутуръ Оутинъ» [8, стб. 46–47].

Этот уникальный для середины X в. реестр отражает иерархическую структуру правящей киевской верхушки, или, говоря словами М.С. Грушевского, *состав* Киевского государства. То обстоятельство, что в этом перечне князей и их послов одиннадцатым по счету назван Игорев племянник по имени Якун (Акун), кажется дает основания полагать, что таким было количество членов собственно великокняжеского дома [19, s. 411; 15, с. 28–29]. Остальные послы были посланы «от всякого княжъя и от всѣхъ людии Руския земля» [8, стб. 47]. Очевидно, это были, как утверждал в свое время С.М. Соловьев, члены владетельных родов: «Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владетельных родов. Об отношениях этих родичей к князьям мы ничего не знаем: можем только сказать, что эти отношения не были подобны последующим родовым отношениям княжеским, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что указывает на отношения дружинное, следовательно служебное, а не родовое» [20, с. 41]. Думаю, что упоминание «всякого княжъя» и «всѣхъ людий» Русской земли было перенесено в русско-византийский договор Олега с Игоревым договором для придания княжескому достоинству Олега более значимого статуса.

Если в договоре Игоря упомянуты лишь «всякия княжъя» и «люди» Русской земли, то титулатура киевской знати Олегового договора более разветвленная. Здесь, «под его рукою» оказываются «свѣтлые» и «великие» князья, а также «великие бояре». По мнению Я. Малингуди, эпитеты «великий» и «светлый», обозначавшие также членов его окружения (включая его родственников), верный показатель того, что этот титул не соответствовал реальным отношениям в обществе русов того времени» [12, с. 63]. Титул «великий князь», которым здесь наделен Олег, дополнен выражением «наша свѣтлость», которое хотя и было, по мнению исследовательницы синонимом «великому князю», видимо должно было возвысить киевского князя над его подручными. Не соответствует социально-политическим реалиям Киевской Руси первой половины X в. и титул «бояре». Это распространенное в языке дунайских болгар слово, обозначало высшую господствующую прослойку общества. Через посредничество переводных болгарских текстов оно попало на Русь и стало обозначать определенную группу господствующего класса, сформировавшуюся в XI–XII вв. Трудно сказать, был ли этот термин вставлен составителем *Повести временных лет* или же

его появление было обязано древнеболгарским переводам русско-византийских договоров с греческого.

Таким образом, обрамляющий русско-византийские договора X в. перечень городов Киевской Руси не отражает сложившуюся к этому времени в древнерусском обществе структуру организации властвования, а является своеобразной реминисценцией реалий более позднего времени.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Авдусин Д.А. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск: К 1100-летию упоминания города в летописях. Смоленск, 1967.

2. Барац Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. К., 1910.

3. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Древний Смоленск // Советская археология, 1979, № 1.

4. Горский А.А. Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Москва, 14–17 апреля 2009 года. М., 2009.

5. Горский А.А. Формирование системы посадничества на Руси // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012.

6. Исторические повести в Древней Российской Виваиотике. V. Подробнейшая история государей российских // Древняя Российская Виваиотика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся / Изд. Н. Новиковым. М., 1791. Ч. XVI.

7. Константин Багрянородный. Об управлении империей (Текст. Перевод. Комментарий). Изд. второе, исправленное / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.

8. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962.

9. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

10. Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд., испр. и доп. подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 2007.

11. Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1995.
12. Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. М., 1997. Т. 57 (82).
13. Назаренко А.В. Князь и дружина в эпоху договоров Руси с Греками // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Под ред. Н.А. Макарова и А.Е. Леонтьева. Москва-Вологда, 2014.
14. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., 1950.
15. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Киевская Русь // Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
16. Рыбаков Б.А. Любеч и Витичев – ворота «Внутренней Руси» // Międzynarodowy Kongres archeologii słowiańskiej. Wrocław, 1970. Т. 3.
17. Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.
18. Седов В.В. Смоленская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 241–242.
19. Соловьев А.В. Заметки о договорах Руси с Греками // Slavica, 1938. Ročník XV, Sešit 3.
20. Соловьев С.М. История отношений между князьями Рюриковского дома. М., 1847.
21. Толочко А.П. Очерки начальной руси. К.; СПб., 2015.
22. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подг. к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев (Грозный)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Отечественная историческая наука за последние 10–15 лет достигла заметных успехов в глубоком и всестороннем исследовании истории народов Северного Кавказа. При этом необходимо отметить, что одним из главных факторов, сыгравших весомую роль в достижении этого очевидного результата, явилась совместная работа ученых-историков из разных регионов, городов, научных центров Юга России.

Таким образом, традиции плодотворного сотрудничества в области исследования региональной истории, у истоков кото-

рых стояли такие выдающиеся ученые и организаторы науки как Ю.А. Жданов, А.П. Пронштейн, Ю.И. Серый, А.И. Козлов, В.В. Черноус, Г.Г. Гаджиев, А.И. Османов, А.И. Хасбулатов, В.П. Крикунов, В.Б. Виноградов и многие их коллеги из Нальчика, Владикавказа, Махачкалы, Ростова-на-Дону и Ставрополя, в настоящее время возрождаются, и можно выразить уверенность, что будут умножаться.

Благодаря инициативам и начинаниям этих авторитетных представителей многонационального научного сообщества Северного Кавказа готовились и издавались коллективные труды, проводились высокого уровня конференции, симпозиумы. Их повестка дня всегда была насыщена как в тематическом плане, так и в хронологическом измерении.

Со второй половины 80-х гг. XX в., т.е. с момента начала перестроечных процессов, как известно, наступил период стагнации и в исторической науке. А признаки его преодоления обозначились, как нам представляется, лишь лет десять назад. Но происходило это в те времена в основном в рамках регионов, что дало основание некоторым тревожным прогнозам об узости рассматриваемых тем, реанимации местнических подходов и оценок. По отдельным вопросам разворачивались так называемые «историографические баталии-войны».

Однако сам факт возрождения прагматического интереса к историческому прошлому народов Северного Кавказа, потребности ее глубокого и всестороннего осмысления и изучения был очевиден. Требовались продуманные шаги. И они последовали. Мы позволим себе сказать о них лишь очень кратко. С 2005 г. издаются серийные академические труды по истории республик Северного Кавказа: Дагестана [4], Чечни [8], Осетии [13], Ингушетии [5] и др.

В эти же годы по инициативе Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН в серии «Народы и культуры» были изданы фундаментальные монографии, посвященные освещению основных этапов этнической истории народов Северного Кавказа: ингушского [3], карачаевского и балкарского [9], осетинского [7] и чеченского [17], а также народов Дагестана [12].

Исключительно важными событиями в жизни научного сообщества Юга России стали периодически проводимые в Ростове-на-Дону форумы историков-кавказоведов. Первое такое собрание ученых, занимающихся исследованием исторических проблем кавказоведения, по инициативе профессора В.В. Черноуса состоялось в 2013 г. в г. Ростове-на-Дону под эгидой Южного научного центра РАН [10]. Спустя долгие годы на одной академической площадке

встретились ученые, представлявшие, во-первых, широкую географию, во-вторых, разные поколения, в-третьих, различные исследовательские направления и школы. Однако состоялся содержательный и конструктивный диалог, заинтересованное обсуждение различных проблем и направлений современного кавказоведения как наиважнейшей составной части отечественной истории.

Важным итогом первого форума стало согласованное решение разработать и принять «Этический кодекс кавказоведа». Подготовкой его проекта занималась рабочая группа во главе с профессором ЮФУ, с.н.с. РИСИ В.В. Черноусом.

Документ, согласованный с учеными вузов и НИИ Северного Кавказа, был представлен на Втором форуме историков-кавказоведов, который состоялся 15–16 октября 2015 г., и принят его участниками.

К настоящему времени проведено пять форумов. Аналогичные академические собрания в 2017 и 2018 гг. состоялись в Баку и Тбилиси.

Проблематика, анализируемая участниками этих и множества других научных, научно-практических (региональных, всероссийских, международных) мероприятий, периодически проводимых в регионах Северного Кавказа масштабна практически по всем параметрам: тематическим, концептуальным, хронологическим, географическим и пр. В последнее время исследователи заметное внимание уделяют глобальным аспектам межкультурного взаимодействия на ранних этапах этногенеза в широких границах переднеазиатского и кавказского ареала.

Анализу этих проблем был посвящен I Международный нахский научный конгресс «Этногенез и этническая история народов Кавказа» [18], который состоялся 11 – 12 сентября 2018 г. в г. Грозном. Содержательный обмен мнениями, происходивший в рамках программы конгресса, позволяет сделать вывод о том, что, накопленные веками научные знания в кавказоведении в целом, истории отдельных народов в частности, составляют прочный фундамент, твердо опираясь на который только и возможно достижение новых рубежей академической реконструкции исторического прошлого народов Северного Кавказа.

Солидное начало уже положено. Еще до грозненского конгресса – в 1917 году – в Москве была издана уникальная монография, написанная известным абхазским ученым Гурамом Джотовичем Гумба [2]. Важно, что автор взялся за решение этой не только сложнейшей, но и в определенной мере, щепетильной задачи. Исследователь использовал богатый массив источников

как документальных, в т.ч. и впервые вводимых в научный оборот, так и материальных, известных и новых. Примечательно, что проблемы этнокультурной истории чеченцев и ингушей в I тысячелетии до н.э. ученый анализирует «во взаимосвязи с историей других кавказских народов и древних цивилизаций» [2, с. 2].

Совсем недавно издана не менее интересная монография, инициативно подготовленная авторским коллективом в составе Я.З. Ахмадова, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумова и Э.Х. Хасмагомедова [6]. Она так же посвящена истории находок с древнейших времен до конца XV века.

Таким образом, даже этот небольшой перечень примеров исследования фундаментальных тем дает нам основание констатировать, что наблюдается возрастающий академический интерес к проблемам этногенеза, что вполне закономерно в условиях очевидности глобального, если так можно выразиться, общечеловеческого домостроя, пусть даже происходящего архисложно. Кстати, немаловажную роль этот фактор играет и в активизации исследований многогранных, противоречивых процессов формирования русско-горского государственного единства, социально-экономического и культурного развития народов Северного Кавказа на различных этапах его трансформации.

Серьезное внимание уделяется истории народов региона периода так называемой социалистической модернизации. Мы не сторонники широкоупотребительного использования данной формулировки, прежде всего потому, что воспринимаем ее как лукавую попытку закамуфлировать суть советской эпохи, на протяжении долгих десятилетий державшей сотни миллионов людей в плену иллюзий, точнее, большевистских утопий.

История народов Северного Кавказа – это богатый многовековой опыт возникновения и своеобразного расцвета локальной цивилизации.

Как отмечал выдающийся российский историк, академик Ю.А. Поляков, «Северный Кавказ – полигон евразийства, где с удивительной конкретностью сочетается европейское с азиатским, где убедительно и наглядно видны и национально-религиозная самобытность десятков народов и их слияние, взаимообогащение, сотрудничество, что проходило иногда легко, плавно, естественно, иногда в борьбе, трудностях, противоречиях. История Северного Кавказа в концентрированном виде отразила сложность, противоречивость, трагические изломы мировой истории» [15, с. 209].

Сегодня, говоря об актуальных проблемах истории народов Северного Кавказа, нам бы хотелось обратить внимание участников конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося ученого, подлинного интернационалиста, в свое время друга и наставника чеченских историков профессора А.П. Пронштейна, на один из интересных проектов, который, кстати, в 70–80-е гг., как говорится, увидел свет благодаря и его всемерной поддержке.

В то время (в 1974 г.) идею «создать системные труды по истории не союзных республик, а именно крупных регионов страны и ее народов» [11, с. 28], предложил академик А.А. Нарочницкий, незадолго до этого возглавивший научный коллектив Института истории СССР АН СССР [1, с. 7]. Так родилась идея начать «подготовку трех региональных трудов: «История Кавказа», «История Прибалтики» и «Истории Средней Азии и Казахстана» [1, с. 14].

Почти в то же время с инициативой подготовить и издать серийный фундаментальный труд «История народов Северного Кавказа» выступили известные ученые из Ростова-на-Дону: член-корреспондент АН СССР Юрий Андреевич Жданов, профессора Александр Павлович Пронштейн и Юзеф Иосифович Серый. Предварительно они заручились поддержкой своих авторитетных коллег из Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и других регионов и крупных научных центров Северного Кавказа [1, с. 8].

По замыслу инициаторов проекта его реализация могла способствовать преодолению недостатков «как локальных исторических работ, так и однобоко централистских трудов общесоюзного характера» [14, с. 13].

Изначально эта идея в некоторых официальных кругах, особенно партийно-идеологических, была воспринята с определенной дозой настороженности. Чиновники в ней «увидели попытку «Ростова» поставить под свой контроль республиканские и краевые историографии» [14, с. 14].

Признание важности проекта так же пришлось добиваться, как свидетельствовал профессор В.В. Черноус, в острых спорах и жарких дискуссиях с маститыми московскими коллегами. Академик А.А. Нарочницкий заметное предпочтение отдавал более масштабному проекту – «История Кавказа». Ю.А. Жданов при поддержке своего друга и соратника профессора А.П. Пронштейна, известных и влиятельных ученых из Дагестана Г.Г. Гамзатова и А.И. Османова, а также других республик Северного Кавказа, сумел убедить своих оппонентов и их влиятельных покровителей в целесообразно-

сти в подготовке двух серийных многотомных изданий: «История Закавказья» и «Истории народов Северного Кавказа» [16, с. 176].

В соответствии с проектной структурой «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней» планировалась в четырех томах. В качестве их руководителей были определены академики Б.Б. Пиотровский (Эрмитаж), А.А. Нарочницкий, М.П. Ким, чл.-корр. АН СССР Ю.А. Поляков (Институт истории СССР АН СССР). Главным редактором всего труда являлся А.А. Нарочницкий, а его заместителем – Ю.А. Жданов. В авторский коллектив были включены ведущие специалисты по истории и культуре Северного Кавказа. Всего около 200 человек из Москвы, Ленинграда, Грузии, всех научных центров Северного Кавказа.

Работа над «Историей народов Северного Кавказа» длилась более 10 лет. Она была построена таким образом, что значительно усилила научные коммуникации в регионе. Фактически в этом процессе начала складываться корпоративная научная культура кавказоведов, ставших реальным научным сообществом вне официальных формальных структур. Сложились различные уровни научных конференций, проходивших во всех городах Северного Кавказа по проблемам, которые выявлялись в ходе работы над коллективным трудом: всероссийские по общим узловым вопросам, региональные (на базе секций и проблемных групп СКНЦ ВШ) на рабочих заседаниях редколлегии каждого тома по обсуждению черновых материалов глав и дискуссионных вопросов. Если на официальных мероприятиях обсуждения проходили в рамках, допускаемых идеологическими установками, то неформальное общение происходило в «свободном» формате.

Это действительно был «грандиозный новаторский проект» [11, с. 28].

В отличие от прекращенных по разным причинам проектов по истории Закавказья, истории Прибалтики и истории Средней Азии и Казахстана, «История народов Северного Кавказа» практически была завершена. Первый и второй тома в 1988 г. вышли в издательстве «Наука». И произошло это благодаря настойчивости А.А. Нарочницкого и Ю.А. Жданова, несмотря на противодействие отдельных идеологических работников ЦК КПСС.

В силу известных революционных катаклизмов в общественном и государственном устройстве СССР, которые произошли на рубеже 80-х–90-х гг., подготовленные третий и четвертый тома, посвященные региональной исторической проблематике советской эпохи, не были востребованы ни государством, ни научным сообществом, и поэтому остались неизданными.

В процессе всей этой масштабной по объему и многогранной по концептуальным направлениям работы, бесспорно, возникали трудности, обусловленные причинами разного характера и формата.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на сложность порою возникавших концептуальных, источниковедческих и историографических проблем, схематизм и поверхность некоторых авторских выводов и обобщений, конъюнктурность отдельно взятых оценок, в целом – на незавершенность, многогранная работа по подготовке «Истории народов Северного Кавказа» положила начало совершенно новому направлению в отечественной исторической науке – историческому регионоведению.

Говоря о Северном Кавказе, выдающийся представитель советской исторической науки академик Поляков Ю.А., неоднократно повторяясь, подчеркнуто отмечал: «О Северном Кавказе написано много, но я убежден, что роль Северного Кавказа в истории России явно недооценивалась. Надо четко, твердо, ясно писать, говорить, что Северный Кавказ – один из столпов Российской Федерации. Невозможно представить Россию без Северного Кавказа и Северный Кавказ вне России. Национальное многоцветие этих территорий накрепко увязано с российским стержнем» [15, с. 210–211].

Фундаментальный труд «История народов Северного Кавказа» призван был внести весомый вклад в укрепление братских уз не только в региональном, но и в общегосударственном масштабе. Сегодня эта задача, бесспорно, не менее, если не более, актуальна и важна. Поэтому, исходя из этого и другого целого комплекса факторов, мы убеждены в необходимости нового, глубоко осмысленного серийного труда по истории народов Северного Кавказа, всего Юга России. В связи с этим мы обращаемся к региональным структурам власти, научной общественности с призывом, опираясь на то, что в те уже далекие годы было сделано нашими именитыми предшественниками, сегодня совместными усилиями довести до логического конца. При этом мы понимаем, что задача написать Историю народов Северного Кавказа (всего Юга России) совсем не из легких по многим причинам, обстоятельствам, нюансам. Однако мы не сомневаемся в том, что вместе, общими усилиями способны ее решить.

Завершенный труд, по нашему мнению, наряду с его академической значимостью может стать памятником нашей вечной благодарности тем, кто, преодолевая разного рода трудности, преданно служил исторической науке, возвышая ее не только эвристически-познавательную, но и практически-прикладную роль в обществен-

ной иерархии. В их числе всегда в первых рядах был и профессор Александр Павлович Пронштейн. Светлая ему память!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 45. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

2. Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н.э.). / Г.Д. Гумба; науч. ред. Т.А. Ачугба; рец. Я.З. Ахмадов, И.И. Цвинария; АНА, АБИГИ им. Д.И. Гулиа. М.: Литера, 2017. 2-е изд., дополненное, печ. по изд. Абгосиздат. Сухум, 2016.

3. Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, А.Т. Соловьева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ингушский государственный университет. М.: Наука, 2013.

4. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Том 1. История Дагестана с древнейших времен до XX века. Москва: Наука, 2005; Том 2. XX век. Москва: Юпитер, 2005.

5. История Ингушетии. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013.

6. История находов Передней Азии, Кавказа и Чечни / Я.З. Ахмадов, Г.Д. Гумба, Д.С. Курумов, Э.Х. Хасмагоматов; отв. Редактор Я.З. Ахмадов. Москва: Литера, 2019.

7. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 1. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012; История Осетии в XIX – начале XX века. Т.2. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

8. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2006; Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008.

9. Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева. М.: Наука, 2014.

10. Материалы Международного форума историков-кавказоведов (14–15 октября 2013 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Черноус В.В. Ростов н/Д.: МАРТ, 2013.

11. Мясников В.С., Нарочницкая Е.А., Нарочницкая Н.А., Светачев М.С. Алексей Леонтьевич Нарочницкий // Актуальные и дискуссионные проблемы истории Северного Кавказа / Отв. ред. В.В. Черноус

/ Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. Вып. 45. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

12. Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002.

13. Осетины. М.: Наука, 2012.

14. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. 2010, № 1.

15. Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. Книга 2. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.

16. Черноус В.В. На пути к историческому регионоведению (А.Л. Нарочницкий и Ю.А. Жданов) / В кругу Юрия Андреевича Жданова: учителя, сподвижники, ученики / Отв. редактор д.ф.н., профессор Ю.Г. Волков. М.–Ростов н/Д: Изд-во Социально-гуманитарные знания, 2012.

17. Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, З.И. Хасбулатова, В.А. Тишков; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Комплексный научно-исследовательский ин-т им. Х.И. Ибрагимова РАН. М.: Наука, 2012.

18. Этногенез и этническая история народов Кавказа. Сборник материалов I Международного нахского научного конгресса (г. Грозный, 11–12 сентября 2018 г.) / Под ред. Ш.А. Гапурова, С.С. Магамадова. Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2018.

РАЗДЕЛ 2. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА: КРУГ ОБЩЕНИЯ, ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИКА, СУДЬБА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Б.А. Трехбратов (Краснодар)

ЗА СТРОКОЙ «ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА»... (ИЗ НЕНАПИСАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О СВЯЗЯХ С РОСТОВСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛОЙ И ЕЕ ВЛИЯНИИ НА СТАНОВЛЕНИЕ МЕНЯ КАК УЧЕНОГО-ИСТОРИКА И ПЕДАГОГА)

Формулярный список (по-современному – листок по учету кадров) входит в качестве одного из важных видов нарративных источников по написанию антропологических произведений историков. Но без воспоминаний, или источников личного происхождения, которые, как правило, указываются в конце списка использованных материалов, никто обойтись не может. Они восполняют те лакуны, которые возникают при использовании более важных источников.

Предлагая вниманию современных читателей (если это их интересует) свои отрывочные воспоминания о контактах с наиболее яркими представителями ростовской научной школы, я ясно отдаю себе отчет в том, что пишу их на 79-м году жизни, когда многое стерлось из памяти, а другое – вовсе забыто, или я не обратил на него внимание. Кроме того, мемуары, в особенности, написанные на «скорую руку», как нас учит соответствующий раздел в учебнике по источниковедению, «хороши» тем, что в них возвеличивается роль самого мемуариста в прошедших событиях, видимо, с целью получить какие-то преференции для себя в реалиях современной социо-культурной практики. Зная об этом, буду стараться быть объективным, надеясь на то, что еще здравствующие ученые подтвердят мною написанное и к моей «грамотке» (выражение Владимира Мономаха) отнесутся снисходительно.

Когда я работал над кандидатской диссертацией (1970–1973 гг.) и над докторской, которую защитил в 1988 году в РГУ, то приходилось собирать материал (первоисточники) по многим архивным

и книжным хранилищам страны: Краснодара, Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Ставрополя, Владикавказа, Нальчика, Геленджика и, конечно же, Ростова-на-Дону. В ГАРО и Донской библиотеке я проработал в общей сложности целый год: два раза по четыре месяца во время учебы на ФПК и несколько раз по одному месяцу за свой счет, не считая коротких поездок во время защит диссертаций, поэтому контактировал с учеными РГУ.

Первые из них состоялись в мае – июне 1973 года, когда я защищал кандидатскую диссертацию в Краснодаре, в то время что восстановленном КубГУ. Кафедра истории дооктябрьского периода, которой заведовал д. и. н., профессор В.А. Золотов, была определена в качестве подразделения, на плечи которого легла обязанность написать отзыв ведущей организации. Уже тогда я обратил внимание на то, что кафедра не формально подошла к порученному делу. Вызвала меня на свое заседание, где, кроме самого Владимира Александровича работали доктор наук Ю. И. Серый (специалист по рабочему движению на Юге России, он дотошно проанализировал мой кандидатский опус, над которым я трудился еще со студенческих лет), Е.И. Демешина, В.С. Панченко и ряд кандидатов наук, доцентов. В последующей научной работе я написал десятки отзывов на кандидатские и докторские диссертации, авторефераты, в том числе и от имени ведущей организации, но этот пример взыскательного отношения к такому виду творчества (кстати, бесплатного) всегда был у меня перед глазами, и я стремился взять его «на вооружение».

В подтверждение этого приведу несколько фактов. Когда защищали докторские диссертации А.И. Козлов и М.Ш. Шигабудинов, я по доброй воле написал отзывы на авторефераты и привез их к моменту защиты, хотя меня об этом никто не просил. Долг платежом красен.

Следующий контакт был уже непосредственно с Александром Павловичем Пронштейном, и ни где-нибудь, а на «площадке» МГУ, куда меня направили в 1975 году на четырехмесячные курсы повышения квалификации. Тогда система повышения квалификации работала эффективно и во время нахождения на курсах можно было много сделать для будущей научной работы. Благо и деканат МГУ все понимал правильно. Перед нами выступил декан, очень либеральный ученый, который сказал, что деканат понимает наши нужды и разрешил быть вольнослушателями. «Такой возможности поработать в архивах и библиотеках у вас может уже и не быть. Поэтому самостоятельно планируйте что и какие занятия посещать». Я воспользовался этим призывом, но и занятия И.Д. Ко-

вальченко, Б.А. Рыбакова и по культуре и искусству с показом слайдов – большая редкость в то время – посещал исправно. Они много дали в моей дальнейшей работе.

В числе слушателей были в основном представлены ученые из Средней Азии и Казахстана. Среди них сложилась группа интересных ребят из Кургана, которая интересовалась вопросами историографии, источниковедения и искусства. Я с ними объездил по всему «Золотому кольцу», посетил и Ростов (Великий), и Загорск, и Александрову слободу, и Дмитров и посмотрел другие достопримечательности. Благодаря их влиянию я приобрел у букинистов на Кузнецком мосту такие шикарные книги, как «История древнерусского искусства» в 4-х томах, «Памятники русского права». М., 1952. Вып. 1. (Тексты «Русской Правды»), книгу Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952; Его же: «Краткий очерк истории русского крестьянства». М., 1958 и другие книги, которые помогли мне в освоении тяжелейшего курса «История России с древнейших времен до конца XVII в.». Этот курс: 72 часа лекций и 36 часов практических занятий (от его чтения отказывались многие преподаватели до того момента как он попал ко мне). Восстановленный КубГУ тогда был слабо обеспечен учебной литературой. Правда я еще со студенческих лет сумел приобрести у краснодарских букинистов 29-томную «Историю Российскую с древнейших времен» С.М. Соловьева и «Курс лекций по русской истории» В.О. Ключевского. Но с проведением практических (но не семинарских – это разные вещи) возникли проблемы, пока я не обнаружил «Практикум по истории СССР», подготовленный ростовскими педагогами А.Г. Задерой и А.П. Пронштейном и выдержавший к тому времени два издания (1960 и 1964 гг.). Затем по приезду из Москвы и вооружившись новой (старой) литературой, я написал Методическую разработку к семинарским занятиям по истории СССР для студентов 1 курса исторического факультета под названием «Русская Правда». Она дважды была опубликована самиздатовским путем (1976 и 1978 гг.) и неоднократно ксерокопировалась студентами. Затем, когда на кафедре дореволюционной отечественной истории появился Владимир Прокофьевич Громов, будущий аспирант А.П. Пронштейна, он стал вести практические занятия вместо меня и тоже издал на репринте свое пособие по «Повести временных лет». Так что А.П. Пронштейн и А.Г. Задера, сами того не ведая, очень помогли нам в освоении древнерусской истории.

Я полюбил этот курс, в особенности в той части, которая касалась истории формирования древнерусского государства и феодаль-

ной раздробленности, и написал статьи в солидных журналах, освещающие подходы Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Б.Д. Грекова, Н.И. Костомарова, Л.В. Черепнина, С.В. Юшкова и других маститых историков к варяжской проблеме и другим вопросам, связанным с этим периодом нашей древней истории.

Но вернемся в Москву. С региона Северного Кавказа на курсах были только я и А.П. Пронштейн из РГУ. Так что «землячество донцов и кубанцев» не сложилось. К тому же Александр Павлович, прочитав курс источниковедения (так он своеобразно «учился» на ФПК!), уехал в Ростов-на-Дону по своим научным делам. График труда был у него, конечно, сумасшедший. Как он везде успевал – уму непостижимо.

Тогда актуальной считалась разработка источниковедческих проблем отечественной истории. Наряду с И.Д. Ковальченко, А.П. Пронштейн являлся самым ярким ученым в этом плане. Их книги по методологии и источниковедению до сих пор пользуются громадным успехом и всегда востребованы. И это несмотря на смену научных парадигм и другие привходящие отрицательные обстоятельства. Статьями, написанными Александром Павловичем совместно со своим талантливым учеником Анатолием Владимировичем Лубским, зачитывались все, кто хотел хоть что-то оставить после себя в науке. Здесь уместно будет упомянуть то, что с Анатолием Владимировичем у меня сложились практически дружеские отношения. В периоды своего длительного пребывания в столице Дона мы даже играли в футбол на базе цирка, что на Буденновском проспекте. Он писал отзывы на мои монографии, выступал на защите моей докторской диссертации в декабре 1988 года. По одобрительным отзывам членов диссертационного Совета чувствовалось, что он авторитет не только в локальной истории, но и в области методологии, хотя тогда он был всего лишь кандидатом исторических наук, доцентом. Со временем он привел свою форму с содержанием и защитит докторскую диссертацию по философии, именно по методологии исторической науки. Здесь уместно будет привести слова другого талантливого ученого с берегов Тихого Дона – Кислицына Сергея. Мы случайно встретились с ним в Сочи на каком-то действе, где нас награждали за победу во всероссийском конкурсе учебников. Он мне сообщил, что сейчас занят подготовкой отзыва как официальный оппонент по докторской диссертации А.В. Лубского. Чувствовалась некоторая растерянность и в то же время восторженность в его лице от прочитанного, и он как бы вскользь бросил: «Он же гений!» – высокая оценка труда, высказанная в неформальной обстановке.

новке. Вес этой мимолетно брошенной фразы, а не произнесенной на заседании диссертационного совета, где, как правило, хвалят соискателя (хотя слово «оппонент» означает: тот, кто против). Но на практике, чтобы у него не возникло много проблем при голосовании, соискателя в основном хвалят. К слову сказать, позже, когда я фактически руководил ваковским журналом «Культурная жизнь юга России», я включил его в состав редакционного совета, как доктора философских наук, где он и поныне находится.

Или вот еще один штрих, свидетельствующий о том, что поистине судьбы людей неисповедимы. Иначе как понять то обстоятельство, что другой его ученик, но из Краснодара, Громов Владимир Прокофьевич, вдруг в эпоху самоидентификации и переоценки взглядов на казачество, стал бороться за то, чтобы именно с научных позиций подойти к вопросу возрождения казачества и возглавить это движение на Кубани. Здесь, конечно, сыграло роль то обстоятельство, что он происходил из казачьей семьи, а казачьему роду, как говорится, «нема переводу». Но и его оппоненты в числе дальних родственников имели казаков. В итоге этой борьбы дилетанты были побеждены, а Владимир Прокофьевич вошел в историю Кубани как человек, благодаря усилиям которого казачество заняло достойное место в общественно-политической и социально-культурной деятельности.

Вы спросите, а причем тут Александр Павлович Пронштейн? Он же не казак! Да притом, что объективным освещением истории казачества он способствовал тому, что В. Громов получил дополнительные сведения для проведения в жизнь своих идей, о которых я рассказывал выше.

Н.А. Мининков (Ростов-на-Дону)

А.П. ПРОНШТЕЙН О СИСТЕМЕ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ XVII-XVIII вв.

Как историк донского казачества в ранние периоды его существования, вплоть до конца XVIII в., А.П. Пронштейн ставил в качестве одного из важнейших вопросов истории Дона устройство войсковой власти и управления. Он правомерно объединял этот вопрос с вопросом о положении войска Донского по отношению к Московскому государству, а затем к Российской империи. В самом деле, ха-

раक्टर отношений донского казачества с российскими властями и внутреннее положение в Донском казачьем войске на протяжении всего большого периода от времени царствования Ивана Грозного до Павла I были самым тесным образом связаны между собой.

На особенности внутреннего положения донского казачества обращалось внимание в историографии. Выдающийся донской историк В.Д. Сухоруков указывал на то, что правление у донских казаков «заключалось в войсковом кругу». При этом, по его словам, в конце царствования Михаила Романова власть избранного на круге атамана «приметно приобретала большую силу» [8, с. 424]. Но с 1718 г. атаманы определялись «до указа без перемены». С 1738 г., когда «определен был войсковым атаманом Данило Ефремов», «назначение войсковых атаманов зависело от высочайшей власти» [8, с. 425]. Как писал П.Н. Краснов, при Петре I «кончается история войска Донского как самостоятельного военного братства и начинается история его как части русского государства, части русской армии» [2, с. 142]. На демократизм во внутреннем строе войска Донского с выборностью властей обращал особое внимание Е.П. Савельев. После поражение Разинского восстания войско Донское, писал историк, дало «вынужденное клятвенное обещание с целованием креста» на верность русскому царю, и тем самым оно «попало под влияние московского правительства» [4, с. 365]. В XVIII в., отмечал он, «московские цари, по почину Петра I, окончательно подчинили своей власти донское казачество» [3, с. 415]. Давая общую оценку политике самодержавия в отношении донских казаков, Савельев подчеркивал, что казачество «послужило для чести и славы России» и получило много «похвальных грамот, знамен и бунчуков». Но еще больше оно «потерпело от самовластья и несправедливости ее неблагоприятных и недалновидных венценосцев» [4, с. 442].

Выдающийся исследователь политической истории донского казачества С.Г. Сватиков четко обозначил в процессе его политического развития несколько этапов. «С 1549-го по 1720-е годы Дон является государством и, одновременно, республикой», – писал он, и был в то же время колонией русского народа на Дону. Этот период, согласно Сватикову, был неоднородным по своему внутреннему содержанию. Период независимости, имевший место до 1614 г., сменился периодом вассалитета, продолжавшегося до 1671 г., на смену ему до 1721 г. пришел период, когда Дон был в составе России на правах государственной автономии. В 1721 г. Дон потерял, согласно Сватикову, государственную независимость, а в 1723 г. произошла утрата «республиканского устройства», когда была отмене-

на выборность атаманов. Но, потеряв автономию государственную, Дон автономию сохранил, но уже лишь областную. Сватиков указывал на особенность этой автономии: «Аристократическое правление старшин подавляется самодержавием атамана, превращающегося понемногу в какого-то “великого герцога донского”». Этот период продолжался до 1775 г. В следующий период, до 1797 г., отмечал Сватиков, власти «вводят на Дону черты губернского управления и начала дворянского крепостнического строя» [7, с. 2-3]. По оценке другого донского историка, П.П. Сахарова, с которым А.П. Пронштейн был хорошо знаком, Сватиков «дал первыйдельный очерк истории донского казачества за 4 почти века его существования». Но Сахаров указал также на существенный недостаток книги Сватикова. «Книгу портит назойливое выпячивание везде донской “государственности” до “суверенитета донской республики в 1549–1613 гг.” об этом на деле донцы-нехористы в XVI в. и не думали» [6, л. 27], – не без иронии писал он.

Таким образом, ко времени исследований А.П. Пронштейна по истории Дона в 1950-х гг. в историографии уже сложилось четкое представление о том, что внутренний строй войска Донского и характер отношений казачества с центральной российской властью имели существенные особенности по сравнению с другими русскими землями. Утвердилась также идея политической независимости Дона по отношению к Москве, которая была ликвидирована при Петре I. Вместе с тем не вполне ясен был характер отношений Дона с русскими властями при первых царях из династии Романовых. Мысль о существовании на Дону особого казачьего государства, высказывавшуюся С.Г. Сватиковым, историки в целом не поддерживали, но указывали на вольность казачьего сообщества и на политическую самостоятельность войска Донского. Не прослеживалась в полной мере связь между изменениями внутреннего устройства в войске Донском и характера его связей с российской властью с социальной структурой донского сообщества и процессами в развитии общественных отношений на Дону. Не учитывалось в необходимой степени значение земли как экономической основы господствующего положения донских старшин в XVIII в., при том, что на постепенно нарастающую остроту земельного вопроса обращалось внимание [9, с. 139-181].

Эволюцию общего положения Дона на протяжении XVII–XVIII вв. А.П. Пронштейн давал в традициях советской историографии, и опирался при этом на общую характеристику, которую давал войску Донскому допетровского времени К. Маркс, уделяв-

ший внимание истории Разинского восстания и изучавший труд Н.И. Костомарова «Стенька Разин». По Марксу, на Дону в то время сложилась «христианская казачья республика» [1, с. 154]. Эта республика была, как отмечал А.П. Пронштейн, «вассальная по отношению к московскому государству». Но на протяжении XVIII в. она «превратилась по существу в провинцию Российской империи, сохранив лишь незначительные особенности в организации управления» [3, с. 213], и о донском вассалитете, таким образом, речи уже быть не могло. Такова была общая тенденция в развитии положения Дона и по отношению к России, и во внутреннем состоянии войска Донского.

Говоря о республике казаков на Дону, А.П. Пронштейн, однако, не делал вывода о складывании у донских казаков особого государства. Формой организации казачества он указывал войско Донское, зарождение которого он отнес ко второй половине XVI в. Это войско он оценивал как «своеобразную военную и общественную организацию». Она находилась еще на стадии «военно-демократического строя, элементы которого удерживались на Дону почти до конца XVII в.» [3, с. 214]. Но стадия военно-демократического строя рассматривалась в советской историографии как стадия, существовавшая еще до складывания государства, но непосредственно предшествовавшая государству. Все это соответствовало представлению о военной демократии у германцев времени Тацита, которая предшествовала складыванию государств у античных греков и германцев в эпоху раннего средневековья, когда до возникновения государства имело место существование, как указывал Ф. Энгельс, «подлинно “вооруженного народа”, защищавшего себя собственными силами» [11, с. 109]. Для А.П. Пронштейна, как для советского историка, упоминание о военной демократии неудивительно. Тем более, что такие важнейшие ее признаки, как вооруженный народ и демократические основы власти казачества, которая формировалась путем выборов, а круги напоминали народные собрания, хорошо прослеживались по источникам. В частности, это относилось к авторитетному свидетельству Г. Котошихина, на которого ссылался историк, и который подчеркивал, что на Дону казакам дана «жить» «воля своя, и начальных людей меж себя атаманов и иных избирают, и судятца во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу» [3, с. 215].

Вместе с тем А.П. Пронштейн очень четко представлял себе особенности процессов в политическом развитии войска Донского. И если Ф. Энгельс видел перспективу развития военно-

демократического строя у греков и германцев в возникновении государства, то А.П. Пронштейн, сохраняя свою позицию историка-марксиста, не усматривал для войска донского никаких перспектив для завершения превращения его в полноценное государство своего времени. В этой связи обращает на себя внимание различие в подходах к периодизации политической истории Дона XVII в. между предшественниками А.П. Пронштейна – С.Г. Сватиковым и П.П. Сахаровым. Так, если для Сватикова таким рубежом было принятие войском Донским присяги в 1671 г. царю Алексею Михайловичу, то Сахаров указал на 1642 г. как на время, с которого начинается кризис и последующее падение «донского народоправства». Разница между двумя периодизациями в том, что в периодизации Сватикова дается итог процесса постепенного ослабления войска Донского и усиления власти на Дону московского правительства. В то же время периодизация Сахарова позволяет уяснить предпосылки этого процесса. Такое различие не случайно. Сватикова как историка-юриста интересовало, прежде всего, становление и развитие государственно правовых институтов. Подход Сахарова был не историко-юридическим, но историческим, он был направлен на учет того, что вызвало принципиальные политико-правовые изменения. На некоторые из таких предпосылок Сахаров указывал. К ним он относил «истощение» войска Донского после Азовского осадного сидения 1641 г. и усиление на Нижний Дон турецкого натиска [10. л. 22 об.]. Такое указание не вызывает сомнения. Однако предпосылки усиления московской власти на Дону, которые стали ощущаться с 1642 г., А.П. Пронштейн выявил более полно и глубоко. В качестве важнейшего из таких условий А.П. Пронштейном была указана «экономическая несамостоятельность» войска Донского и необходимость отсюда «обращаться за помощью к Москве». Другим условием было усиление «военной» зависимости, которая проявилась в сборе для присылки на Дон «вольных охочих людей» во главе со Ж. Кондыревым для пополнения ослабевшего войска Донского, а затем полка воеводы А. Лазарева [3, с. 217]. Что же касается явлений, в которых выражалась тенденция к политической зависимости Дона, то они проявлялись в период от ухода казаков из Азова до Разинского восстания в стремлении правительства не допускать прихода своего посланника в войсковой круг, но заставить казаков идти на стан к посланнику. Тем самым это означало стремление московских властей добиться признания казаками царского посланника более высокой стороной, чем войсковой круг. И хотя удавалось добиться этого далеко не всегда [3, с. 218], тем не менее, настойчи-

вость в стремлении добиться от казаков прихода на стан к посланнику определенно свидетельствовала о намерении полностью подчинить Дон.

Период донской истории от 1671 г., когда было подавлено восстание под предводительством С. Разина, до 1723 г., когда Петр I назначил старшину Андрея Лопатина, А.П. Пронштейн характеризовал как время ликвидации автономных прав войска Донского и усиления позиций самодержавия на Дону. Важнейшими мерами, усиливавшими зависимость Дона от России, А.П. Пронштейн считал такие, как присяга казаков царю, запрет воску Донскому внешних сношений и ликвидация традиционного права приема беглых. Одной из функций новых правительственных крепостей, возникших после Азовских походов Петра I, Азова и Таганрога, А.П. Пронштейн считал то, что они должны были превратиться в «опорные пункты» для укрепления власти самодержавия над казачеством [3, с. 221]. То же самое, указывал он, относилось и к ряду других крепостей, возводившихся вблизи Земли войска Донского. Как новое явление во взаимоотношениях между правительством и войском Донским А.П. Пронштейн отметил то, что с 1700 г. оно велело переселить казаков из ряда верховых станиц по двум дорогам, ведущим в Азов, а затем о сведении некоторых городков, основанных в недавнее время. К мерам, которые привели к падению «суверенных прав войска Донского», он отнес включение в 1708 г. земли донских казаков в состав Азовской губернии, вмешательство Сената в войсковые дела с 1716 г., и, самое главное, передачу в 1721 г. войска Донского из Иностранной коллегии в подчинение Военной коллегии [3, с. 226].

Последующий после 1723 г. период в отношениях между имперскими властями и войском Донским А.П. Пронштейн рассматривал как очень сложный и в самой тесной связи с внутренним положением на Дону, важнейшей стороной которого было появление крупного землевладения донских старшин, что он видел необходимым условием для последующего превращения их в дворянчиновников. Как представляется в этой связи, особый интерес имеет дискуссия его с предшествовавшими исследователями, в которой он поднял не только вопрос о землевладении в XVIII в. на Дону. В этой дискуссии стоял вопрос методологической значимости, который касался соотношения между документом и исторической реальностью. А.П. Пронштейн указал при этом на достаточно распространенные случаи в историографии, когда за документом исследователь не видит сложившихся в обществе отношений, и приво-

дил при этом слова Ф. Энгельса, что «бумажку принимают за сущность дела» [3, с. 149]. По существу, ту же самую возможность расхождения между документом и тем, что было на самом деле, указывал в своей критике позитивистов Л. Февр, писавший, что при таком подходе у историка воссоздаются «крестьяне, которые словно бы никогда и не нюхали навоза, а только и делали, что копались в старинных картуляриях» [10, с. 12]. Как убедительно показал А.П. Пронштейн, несмотря на отсутствие документов на права частной собственности на землю, донские старшины сумели завладеть значительным количеством земли, и показал, какими методами они добивались этого. Он указывал, что уже с конца XVII в. каждый казак, хотевший получить землю, получал на это позволение, «если никому от этого не могло быть “утеснения”». Но и «самовольный захват свободных земель не считался серьезным правонарушением» [3, с. 153]. По его наблюдениям, особых успехов в захватах земель старшины достигли после образования в 1775 г. Войскового гражданского правительства [3, с. 154]. Старшины при этом, несмотря на отсутствие официального разрешения, превратили землю «в объект купли и продажи» [3, с. 158]. Среди наиболее активных земельных хищников А.П. Пронштейн называл представителей таких знатных донских родов, как Себряковы, Ефремовы, Денисовы, Курнаковы и другие. «Наглость, с которой действовали старшины при захвате земель, буквально не знала границ» [3, с. 163], – так он подвел общий итог своим наблюдениям за старшинскими захватами земель. Такое старшин поведение он объяснял защитой их со стороны Войскового гражданского правительства и тем обстоятельством, что и центральная власть видела в них свою опору на Дону и готова была не обращать особого внимания на их беззакония. И даже осознавая, что земельные захваты негативно сказываются на обеспечении казаков землей, на их экономическом положении и, следовательно, на боеспособности, правительство не вело с этими захватами достаточно решительной борьбы. И, как отмечал А.П. Пронштейн, правительство уравнило казачьи чины с армейскими в 1798 г. и превратило старшин в чиновников-дворян [3, с. 183].

Одновременно с формированием крупного землевладения донских старшин укреплялась, как указывал А.П. Пронштейн, их власть на Дону. Потеря войском Донским права выбора своего атамана не помешало тому, что к середине XVIII в. на Дону возникло своеобразное управление, суть которого – «безраздельное господство старшинской олигархической верхушки, во главе которой стоял войсковой атаман» [3, с. 246]. Такая характеристика более точ-

но отражает положение на Дону, чем указание С.Г. Сватикова на подавление «самодержавием атамана» старшинской аристократии. На это наглядно указывают приводимые А.П. Пронштейном факты, указывавшие на острую внутреннюю борьбу между атаманами и старшинами, которая разворачивалась в период правления войсковых атаманов Данилы Ефремова и его сына Степана, с посылкой в Петербург жалоб и доносов на атамана С. Ефремова. Между тем, указывал А.П. Пронштейн, Степан Ефремов подавал в 1765 г. в Военную коллегию две записки с проектом преобразования системы управления на Дону. В них не только значительно усиливалась его атаманская власть, но и по существу «было выражено стремление к установлению автономии Войска под эгидой войскового атамана и окружавшей его старшинской группы» [3, с. 237]. Но это более всего было неприемлемо для правительства. Отсюда и стремление русских властей опереться на группировку донских старшин, противостоявших Степану Ефремову, на которое указывал А.П. Пронштейн, и сам процесс устранения в 1772 г. от атаманской должности Степана Ефремова, которое он детально проследил. Он при этом обращал внимание, что в ходе событий на Дону 1772 г. историки уделяли повышенное внимание роли в событиях самого атамана Степана Ефремова и называли это событие «ефремовским бунтом» [3, с. 295]. В отличие от предшественников, А.П. Пронштейн показал эти события не просто в свете активного участия в них войскового атамана, но как массовое движение казачества, не желавшего выполнять наряд на службу на Бердянской линии и опасавшегося «регулярства» [3, с. 299]. Не только, таким образом, стремление Степана Ефремова к автономии Дона под своей властью, но и события на Дону, а также на Яике, где начиналось Пугачевское восстание, заставило имперские власти обратить на казачьи области самое серьезное внимание и провести реформу управления в них. Поэтому, как указывал А.П. Пронштейн, в 1775 г. правительство провело реформу управления в войске Донском. Разделение по условиям этой реформы и создание войскового гражданского правительства превращало, по его словам, войско Донское «в административную единицу Российской империи, наподобие губернии или наместничества с сохранением лишь незначительных особенностей». Это позволило не допустить развития тенденции в сторону усиления автономных начал, которая проявлялась при Ефремовых. Но предотвратить превращение Войскового гражданского правительства в орган олигархического управления старшин центральная власть так и не смогла, как и,

указывал А.П. Пронштейн, не допустить с помощью этой реформы нового массового движения казачества в 1792–1794 гг. [3, с. 246].

Как советский историк, А.П. Пронштейн в центр своего внимания ставил проблематику социально-экономической истории. Но как для историка донского казачества тема власти и управления на Дону и взаимоотношений войска Донского с российскими властями была для него также одной из главных. И, как ученый того времени, когда потребность в познании человека в истории становилась все более ощутимой, А.П. Пронштейн показывал процессы в развитии сферы управления на Дону и отношений казачества с Россией в тесной связи с историей людей и человеческих судеб. Такое соединение политической и социально-экономической истории с историей людей в событиях делало изложение А.П. Пронштейном сюжета об эволюции управления на Дону, о подчинении Дона России современным и приближало его к идеалу тотальной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив К.Маркса и Ф.Энгельса. Т. 8. М., 1946.
2. Картины былого Тихого Дона. Ростов н/Д.: Изд-во «NB», 2006.
3. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1961.
4. Савельев Е.П. История казачества (Историческое исследование). Ч.3. Новочеркасск, 1918.
5. Сахаров П.П. Дон и Россия. 1918 г. Программа-конспект чтений на местах. (6) часов // РОМК. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1/9-16.
6. Сахаров П.П. Развитие историографии вольного донского казачества (Критико-библиографический очерк) // Ростовский областной музей краеведения (РОМК). Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1/15.
7. Сватиков С.Г. Россия и Дон. Белград, 1924.
8. Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли войска Донского. Ростов-на-Дону: ГинГо, 2001.
9. Тимошенков И.В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2.
10. Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 10–23.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 23–178.

А.П. ПРОНШТЕЙН ОБ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДОНУ В XVIII в.

Александр Павлович Пронштейн – выдающийся советский и российский историк, автор более 250 научных трудов. Являлся крупным специалистом в таких областях исторической науки, как теория и методология, источниковедение, историография, история донского казачества. Исследования А.П. Пронштейна имели огромное значение для возрождения исторического краеведения на Дону, широко использовались в музейной и архивной практике. До сих пор работы А.П. Пронштейна по истории казачества сохраняют свое значение.

Ученый внес значительный вклад в изучение истории донского казачества на разных этапах его развития. В 1961 г. он опубликовал монографию «Земля Донская в XVIII веке», которую вскоре защитил в качестве докторской диссертации. На основе богатого фактического материала и огромного количества ранее неиспользованных материалов (в т.ч. архивных) автор смог раскрыть практически все стороны жизни донского казачества в XVIII в. Неудивительно, что и вопрос о распространении старообрядчества на Дону после проведения церковных реформ в XVII в. нашел свое отражение в трудах А.П. Пронштейна [4; 7]. Нужно отметить, что в дореволюционной литературе проблема влияния последствий церковных реформ на донское казачество поднималась исследователями В.Г. Дружининым [3], Овсянниковым [5], Лысогорским [6] и др. Работа В.Г. Дружинина довольно подробно останавливалась на событиях последних десятилетий XVII в., когда религиозный вопрос вызвал раскол внутри донского казачества и привел к жесткому силовому противостоянию. Исследования Овсянникова и Лысогорского также затрагивали вопросы о распространении старообрядчества на Дону на разных этапах его развития, но в основном ориентировались на определенный круг проблем. У Овсянникова данное явление рассматривалось в контексте взаимоотношений с православным духовенством, у Лысогорского – в основе работы лежала концепция единоверия и стремление старообрядчества прийти к согласию с православием.

В этом плане А.П. Пронштейн в своих работах по истории донского казачества проблему распространения старообрядчества на Дону в данный период рассматривал как самостоятельную пробле-

му – в совокупности тех социально-экономических реалий, которые имели место в то время. Безусловно, ученый опирался на достижения и опыт предшествующих исследователей. В своей работе по истории донского казачества в XVIII веке он так характеризовал наследие дореволюционных историков: «они писали много об этом, но, сообщив несколько незначительных фактов, заполняли свою работу схоластическими рассуждениями о превосходстве догматов никоновской церкви над старой верой» [7, с. 277]. Говоря о советской литературе, А.П. Пронштейн отмечал, что в ней о расколе на Дону упоминается вскользь, а о движении старообрядцев против православной церкви в XVIII веке вообще ничего не говорится. И можно заметить, что история донского старообрядчества XVIII в. действительно долгое время в советской исторической науке оставалась на периферии исторических исследований, связанных с донским казачеством.

В своей монографии «Земля Донская» автор более детально рассматривает социальную структуру донского старообрядчества и приходит к выводам, что к началу XVIII в. к раскольническому движению принадлежали социально различные и противостоящие друг другу элементы.

На примере движения старообрядцев 1680-х гг. автор указывает о существовании различных групп внутри этого движения. «Многие старшины и атаманы, особенно на первых порах, считали себя ревнителями старой веры, и даже некоторые войсковые атаманы были приверженцами старой веры. В XVIII веке атаманам нельзя было уже открыто поддерживать старообрядцев, однако на деле некоторые из них продолжали втайне либо сочувствовать староверам, либо не выдавать их московским властям» [7, с. 279]. Рядовое казачество оказалось более восприимчиво к идеям староверов. После подавления Булавинского восстания, когда часть казаков (в т.ч. старообрядцы) ушли с Дона, казалось, что старообрядческое движение на Дону окончательно подавлено. Однако многочисленные свидетельства, представленные в трудах А.П. Пронштейна, позволяют утверждать, что число открытых приверженцев старой веры на Дону вновь стало значительным, и что старообрядчество, как религиозно-общественное движение, вновь оживилось.

А.П. Пронштейн также проанализировал основные этапы борьбы государства с приверженцами старой веры на Дону. В XVIII веке старообрядческое движение стало больше преследоваться властью. В 1720-е – 1730-е гг. Войску Донскому предоставляются широкие полномочия по поимке и выдаче в Москву беглых старообрядцев.

С другой стороны, многие старшины и атаманы намеренно не исполняли поручения Военной коллегии, предпочитая укрывать или не докладывать о них. С 1760-х гг. начинается процесс легализации положения староверов, который затронул и территорию донского казачества.

Кроме того, ученый в своих трудах представил впервые статистические данные по количеству старообрядцев на Дону. Исследователем была представлена «Ведомость о количестве приходских дворов и числе жителей мужского и женского пола как православных, так и раскольников» за 1801 г., согласно которым на Дону в этот период находилось 9740 лиц женского пола (старообрядцев) и 10084 лиц мужского пола [1, л. 1–6]. Насколько достоверными являются эти данные, довольно сложно сказать, поскольку процесс записи в двойной оклад заинтересовал далеко не всех приверженцев старой веры. Однако, в материалах раскольничьего дела 1765 г., инициированного представителями Воронежской епархии, имеются данные о 23 тыс. представителей старообрядчества в более чем 100 донских станицах. [2, л. 12–14]. И в целом, количество официально записанных в двойной оклад старообрядцев во второй половине XVIII в. колебалось в пределах 19–20 тыс. чел. В своих работах А.П. Пронштейн отмечал и роль донского старообрядчества в народных движениях XVIII в. Так, описывая события 1707–1709 гг., ученый отмечает, что «одним из основных лозунгов восстания являлся призыв к борьбе против официальной церкви.., которой противопоставлялась «истинная» христианская, т. е. старая вера. И в устах восставшего народа этот лозунг звучал, как призыв к борьбе против православной церкви как опоры феодально-абсолютистского государства» [7, с. 283].

А исходным пунктом для наступления Кондратия Булавина были верховые городки, где находилась основная масса беглых крестьян и старообрядцев, которые массово и пополняли войско восставших. Для казаков булавинцев было характерно противопоставление старообрядчества как истинной христианской веры тем религиозным реформам, принятых Никоном в середине XVII века, с распространением которых многие казаки и связывали наступление государства на привилегии и ухудшение их социального положения. Поэтому для булавинцев призыв к борьбе за истинную веру в тоже время означал и борьбу с правительственными нововведениями на Дону [4, с. 246–247].

Касательно Пугачевского восстания ученый отмечал, что «приверженность донского казачества и крестьянства к старой вере была

хорошо известна и Емельяну Пугачеву... другие призывы Е. Пугачева, заканчивающиеся обычно обещанием личной свободы и права исповедовать старую веру, находили отклик в среде донских казаков и крестьян, мечтавших о том, чтобы Пугачев «восстановил все наши, и прежние обряды, какие до сего были...» [4, с. 301–303]. Многочисленные источники свидетельствуют об активном участии донских старообрядцев в Крестьянской войне 1773–1775 гг.

Если подводить итоги, то можно сказать, что в своих трудах А.П. Пронштейн рассматривал донское старообрядчество как самостоятельную проблему с учетом того социально-экономического уровня развития региона. Безусловно, ученый не мог игнорировать те тенденции, которые господствовали в исторической науке советского периода. И с тех позиций ученый и рассматривал старообрядчество, как антифеодальную и антикрепостническую силу, которая находила своих сторонников во многих сословиях населения и как сыгравшую ключевую роль в народных движениях XVIII в. Тем не менее, нужно заметить, что А.П. Пронштейн затронул и другие аспекты старообрядческого движения (численность, география, взаимоотношения православных и староверов в рамках существования донского казачества), которые и сегодня являются актуальными для современного поколения историков, занимающихся проблемами становления и развития старообрядчества в казачьих войсках.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 381.
2. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1492.
3. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
4. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.
5. Лысогорский Н.В. Единоверие на Дону в XVIII и XIX в. (по 1883 год). Ростов н/Д., 2015.
6. Овсянников Е.М. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону. Новочеркасск, 1902.
7. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.

**А.П. ПРОНШТЕЙН ОБ УЧАСТИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ
В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В 1809 г.
В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 гг.**

Среди огромного научного наследия А.П. Пронштейна есть и работа, посвященная участию донских казаков в русско-турецкой войне 1806–1812 г. Речь идет о статье, созданной им в соавторстве с А.П. Мастеровой, «П.И. Багратион и донское казачество в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг.», опубликованной в 1956 г. [5, с. 71–89]. Надо отметить, что в период советской донской историографии, это был первый опыт обращения к данной теме. В статье, на основе большого количества архивных документов, были освещены: ход боевых действий в 1809 г., участие в них донских казачьих подразделений, задачи, которые выполняли донские казаки в тот период, когда главнокомандующим русских войск на Балканском театре военных действий был П.И. Багратион. Для автора данной статьи труд А.П. Мастеровой и А.П. Пронштейна стал примером исследовательской работы [2, с. 16–17].

Они сообщают следующую информацию: после смерти 9 августа 1809 г. князя А.А. Прозоровского, главнокомандующим русской армией на Балканах был назначен П.И. Багратион. Авторы отмечают, что при всех недостатках А.А. Прозоровского, в заслугу ему следует поставить, что он разрешил М.И. Платову сформировать отдельный корпус, в котором главной силой были девять казачьих полков. Последующие события показали, что наиболее эффективным является такое распределение донских полков, когда они не только сопровождают корпуса и отряды русской армии, но и собранные в «единый кулак» наносят самостоятельные удары противнику.

Времени до наступления осенней распутицы оставалось мало и Петр Иванович, разрабатывая план кампании, был вынужден поставить ограниченную и реальную цель: разбить противника южнее дельты Дуная и подойти к Силистрии. В этом районе русские оказывались на правом фланге войск верховного визиря, а если бы он перешел Дунай, то корпуса М.И. Платова, А.П. Засса, М.А. Милорадовича и отряд Е.Н. Гартинга угрожали бы тылу войск противника. Нехватку личного состава на правом берегу Дуная П.И. Багратион компенсировал быстротой передвижений, которая создавала у противника иллюзию многочисленности русских сил. Именно казаки

своей вездесущностью производили нужное впечатление в глазах Юсуф-паши. Великий визирь, располагая более многочисленными войсками, опасался действовать решительно и быстро, откладывая наступление на Бухарест. На правом фланге, на территории Сербии войскам под командованием донского казака генерал-майора И.И. Исаева удалось отбросить врага за Дунай.

17 августа корпус генерал-лейтенанта М.И. Платова окружил крепость Гирсову. Пока шел обстрел укреплений, казачьи полки, активно действовали не только в окрестностях Гирсова, но и на значительном удалении от него. Они контролировали огромное пространство вплоть до Мачина, который был окружен корпусом Е.И. Маркова. Великий визирь не решился оказать помощь осажденным и обе крепости были взяты русскими войсками. Гирсов был своеобразным «ключом» для обеспечения безопасности левого фланга русской армии. Имея защищенный тыл и фланг, можно было взять Измаил и Браилов. В рапорте о взятии Гирсова П.И. Багратион, просил наградить генерал-лейтенанта М.И. Платова следующим чином, подчеркивая, что донской атаман, уже неоднократно делами доказывал свое право на это звание. Однако Александр I удостоил Матвея Ивановича орденом Святого Владимира I степени [1, с. 27–30].

4 сентября П.И. Багратион атаковал турецкий лагерь, находившийся у Рассевата. Противник располагал приблизительно 12 тыс. чел. и 14 орудиями. Приблизительно столько же было и у русских. Петр Иванович рассчитывал скрытно подойти к Рассевату, окружить неприятельский лагерь и стремительным ударом с трех сторон разбить турок. Корпус М.А. Милорадовича вел атаку в центре, корпус М.И. Платова – на левом фланге, а пять донских полков под командованием генерал-майоров А.К. Денисова и Н.В. Иловайского – на правом фланге, отрезая Хозреф-Мехмед-пашу от Силистрии. Донцы шли в авангарде обоих корпусов. У Матвея Ивановича казаков вел генерал-майор граф П.А. Строганов, а у Михаила Андреевича – генерал-майор П.Д. Иловайский. Казакам удалось выманить из укреплений вражескую кавалерию. Затем неотразимым ударом она была опрокинута и стала отступать. «На плечах» противника казаки ворвались в ретраншаменты, они оказались недостроенными с флангов, что облегчило их захват. Огонь пехоты и артиллерии сломил сопротивление неприятеля. Враг бежал, а казаки преследовали его на протяжении 30 верст. Ни одна попытка турок перестроиться и оказать сопротивление, не увенчалась успехом. Казаки каждый раз опрокидывали неприятеля и обращали в бегство. В ретраншаментах донцы захватили 7 ору-

дий. Затем М.И. Платов заметил несколько лодок с турками, пытавшихся уйти от преследования по реке, плывя против течения. Войсковой атаман приказал командиру донской конно-артиллерийской роты полковнику А.А. Карпову открыть огонь по беглецам. Донские артиллеристы меткими выстрелами потопили 4 лодки, а остальные 6 – вынуждены были причалить к левому берегу. Увидев это, казаки Атаманского и Т.Д. Иловайского полков переплыли на лошадях Дунай и уничтожили большую часть турок. Донцы вернулись, захватив 6 лодок и 3 орудия. На рассвете 5 сентября Т.Д. Иловайский с казаками подошел к укрепленному селению Кузгун, где остановились спасшиеся при Рассевате османы. После непродолжительного сопротивления они бежали, бросив 4 орудия и 13 зарядных ящиков. Таким образом, Хозреф-Мехмед-паша потерял все свои 14 орудий, 30 знамен, убитыми более 4 тыс. чел., пленными 600 чел. Наши потери составили 30 чел. убитыми и 100 чел. ранеными [6, л. 87 об. – 90].

После победы под Рассеватом главнокомандующий с основными силами направился к Силистрии. 10 сентября он находился в 5 верстах от города и провел рекогносцировку. В этот день войсковой старшина В.Д. Иловайский, возглавив добровольцев (охотников) из полка Т.Д. Иловайского переправился впасть через один из рукавов Дуная, и несмотря на сильный огонь противника, захватил остров. Большинство турок было убито казаками, лишь немногие успели спастись. 11 сентября казаки М.И. Платова вытеснили турок с возвышенности, из садов и виноградников у Силистрии. Отправленный им в помощь, 7 егерский полк подошел лишь к концу операции, когда основное сопротивление было сломлено и противник скрылся за укреплениями крепости. Осада не могла быть плотной, т.к. рельеф и нехватка войск не позволяли контролировать все пространство вокруг Силистрии. Поэтому П.И. Багратион расположил войска в наиболее важных местах. Самое опасное направление главнокомандующий доверил охранять казакам донского атамана. Они находились в селении Калипетри, в 5 верстах от Силистрии, по дороге на Разград. Матвей Иванович отправил разъезды казаков для контроля пространства до Туртукая, т.е. вдоль Дуная по дороге на Руцук. Таким образом, казаки стояли на всех дорогах и тропах, по которым могли подойти подкрепления к Силистрии. Этот город был мощной крепостью. Комендант Илик-Оглу располагал 130 орудиями и 11 тыс. гарнизоном. 12 сентября турки сделали вылазку, которая была отбита казаками Атаманского полка под руководством С.Ф. Балабина. Тем временем, генерал-лейтенант

А.П. Засс, сменивший А.А. Воинова, на посту главнокомандующего корпусом, осаждал Измаил. Оборону крепости возглавлял опытный турецкий военачальник Мустафа-Челибей, располагавший мощной артиллерией и 4,5 тыс. гарнизоном. Турки совершали частые вылазки, которые отражались нашими войсками. Активную роль в боях у Измаила играли донские казачьи полки майоров И.А. Андриянова и Н.С. Сулина, войскового старшины Ф.А. Кутейникова [7, л. 6]. Удачные действия корпуса А.П. Засса, известие о поражении войск Хозреф-Мехмед-паши у Рассевата, что означало гибель надежды на помощь, все это сломило волю защитников Измаила. Мустафа-Челибей сдал крепость 14 сентября 1809 г. Трофеями стали: 21 знамя, 221 орудие, 9 судов с 36 орудиями, 5,5 пуда пороха, ядра и другие боеприпасы. В своем рапорте Александру I, от 30 сентября 1809 г., П.И. Багратион отмечал, что «... славная и сильная крепость Измаил пала почти без пролития крови». Дело в том, что с 22 августа по 13 сентября 1809 г. корпус А.П. Засса потерял убитыми 7 чел. и ранеными 47 чел. [8, л. 52–52 об.].

Очень важными оказались сведения, добытые донским полковником П.М. Грековым. 14 сентября он сообщил, что главные силы великого визиря покинули лагерь возле Журжи. Это означало, что они перебрасываются к Силистрии. 23 сентября Пегливан-паша и Махмуд-Тиран с 3 700 всадниками направились к лагерю М.И. Платова у селения Калипетри, чтобы провести рекогносцировку. Передовые казачьи посты своевременно сообщили о появлении противника. М.И. Платов вывел навстречу туркам свои войска. В авангарде шли казачьи полки: генерал-майоров Д.Е. Кутейникова, А.К. Денисова, Н.В. Иловайского, Атаманский – подполковника С.Ф. Балабина, подполковника В.И. Ефремова и майора Ф.А. Барабанщикова [9, л. 247]. Донской атаман сблизился с противником и атаковал его казачьими полками при поддержке улан и драгун. Неприятель не выдержал удара и бежал три версты. Здесь Пегливану удалось остановить своих беглецов и закрепиться с ними на возвышенности, кроме того, турки получили подкрепление из Туртукая. Но М.И. Платов возобновил атаку, в которой казачьи полки Д.Е. Кутейникова и В.И. Ефремова нанесли удар во фланг и тыл турок. Остальные казачьи полки совместно с уланами и драгунами громили противника с фронта. Турки вновь были опрокинуты и бежали. Русская пехота просто не успела принять участие в бою. Казаки и регулярная кавалерия преследовали врага на протяжении 15 верст. Только убитыми враг потерял около 1 тыс. человек. В плен сдались 108 чел., из них 38 офицеров, в том числе двух – бунчужный паша

Махмуд-Тиран, получивший ранение. Русские потеряли убитыми более 50 чел. П.И. Багратион поставил победу при Калипетри в один ряд с Рассеватом и Измаилом [4, с. 83].

Положение наших войск под Силистрией было очень тяжелым. 18 тыс. И.П. Багратиона осаждали 11 тыс. гарнизон и должны были отразить удар 50 тыс. армии великого визиря. 7 октября сераскир Пегливан с 18 тыс. человек и 18 орудиями стал лагерем у деревни Татарица. К нему должен был подойти трехбунчукный паша Мехмед-Алепский с 5 тыс. воинов. А в Руцуке ждали своего часа остальные войска великого визиря [2, с. 143]. 9 октября казаки из корпуса М.И. Платова вступили в боевые столкновения с конницей Пегливана. Противник старался действовать внезапно, а получая отпор, возвращался в свой лагерь. Гарнизон Силистрии пытался установить связь с деблокирующим корпусом Пегливана. Для этого из крепости вышел многочисленный отряд. Против него Матвей Иванович направил бригаду донских казаков под командованием генерал-майора Д.Е. Кутейникова, в составе полков: генерал-майора Н.В. Иловайского, полковника Н.Г. Мельникова, подполковника О.В. Иловайского. Казаки опрокинули неприятеля и загнали его в крепость, уничтожив около 30 чел. [3, л. 4].

Войска Пегливна оставили попытки атаковать боевое охранение русских войск. П.И. Багратион осмотрел укрепленный лагерь противника и принял решение атаковать его 10 октября. В 4 часа утра наши войска пошли в атаку. В авангарде находились донские казачьи полки: на правом фланге под командованием генерал-майора П.Д. Иловайского полк его имени и полки войсковых старшин Т.Д. Иловайского и В.Д. Иловайского; на левом фланге под командованием генерал-майоров Д.Е. Кутейникова и Н.В. Иловайского – их полки, полки полковника Н.Г. Мельникова и подполковника О.В. Иловайского; в центре под командованием генерал-майора графа П.А. Строганова – Атаманский полк подполковника С.Ф. Балабина, полки подполковников Ф.А. Барабанщикова и В.А. Сысоева. За казаками шла пехота, построенная в каре, а в третьей линии регулярная кавалерия. Наши войска сопровождали 60 орудий, среди которых 12 пушек донской конной артиллерии генерал-майора А.А. Карпова. Сначала бой вспыхнул в центре вражеской позиции. Атаманский полк, полки В.А. Сысоева, Ф.А. Барабанщикова, каре пехоты Воронежских и Архангелогородских мушкетер под командованием генерал-майора А.Н. Бахметьева, попали под ураганный огонь средней турецкой батареи и ружейную пальбу янычар. Подполковник С.Ф. Балабин повел казаков с Белорусскими гусарами

генерал-майора П.С. Ланского на неприятельскую батарею. В разгоревшемся бою были уничтожены около 600 пехотинцев противника, захвачены 6 знамен и зарядные ящики. К сожалению, орудия турки успели увезти. Но укрепления батареи были взяты. Здесь установили наши орудия, открывшие огонь по ретраншаментам врага.

На правом фланге казачьи полки П.Д. Иловайского, Т.Д. Иловайского и В.Д. Иловайского с каре Московского и Малороссийского гренадерских полков под командованием генерал-майоров принца Карла Мекленбург-Шверинского и М.И. Палагейки и части гусар, были встречены турками перед укреплениями. Наши войска опрокинули врага, но он получил подкрепление и временно переломил ход боя. Развивая успех, противник перешел в атаку в центре, в результате чего вернул себе центральную батарею. Но торжество османов было недолгим. Казаки под руководством М.И. Платова, регулярная кавалерия и пехота вновь вытеснили противника и он бежал в соседние ретраншаменты преследуемый донцами С.Ф. Балабина, В.А. Сысоева и Ф.А. Барабанщикова. На правом фланге наши войска тоже устояли. П.И. Багратион лично возглавил контратаку, чем поддержал, отбивавших натиск турок братьев Иловайских и гренадерские полки. Опрокинув неприятеля, казаки и Северские драгуны загнали врага в ретраншмент. Затем основные события развернулись на нашем левом фланге. Здесь донские казачьи полки Д.Е. Кутейникова, Н.В. Иловайского, О.В. Иловайского, Н.Г. Мельникова, при поддержке 6 донских орудий, каре 7 и 14 Егерских полков, сбросили вражескую пехоту с возвышенности и заняли правый редут противника. Турецкая кавалерия попыталась вернуть это укрепление. Во время разгоревшегося боя Н.Г. Мельников со своим полком обошел османов и нанес им удар с фланга. Чтобы развить успех, к нему были направлены 10 эскадронов Стародубовских и Дерптских драгун под командованием генерал-майора П.П. Палена. Но в этот момент и турки получили подкрепление – корпус албанцев, под руководством сына Янинского паши Мухтара. Численный перевес противника еще больше возрос. Неприятель внезапно обрушился на драгун графа П.П. Палена и егерей генерал-майора князя В.С. Трубецкого. Драгуны и пехота не смогли сдержать натиск врага, который окружил егерей, оттеснил драгун и изрубил казаков-артиллеристов, захватив два орудия. Более часа егеря бились в окружении, поддерживаемые огнем 4 донских орудий. Казаки и драгуны перестроились и перешли в контратаку, при этом отбили захваченные турками орудия. Турки укрылись в оставшихся ретраншментах и не желали возобновлять от-

крытый бой. На флангах и в центре шла ожесточенная перестрелка. С наступлением темноты сражение прекратилось. В течение 11 часов сражения русская армия потеряла убитыми и ранеными около 600 чел., а турки свыше 1 тыс. человек и 200 чел. пленными. Трофеями русских стали 16 вражеских знамен [10, л. 20–21 об.].

В последующие дни князь П.И. Багратион тщетно ждал вражеской атаки. Турки только укрепляли оставшиеся ретраншементы, отказавшись даже от вылазок. К Пегливану постоянно прибывали подкрепления, а 15 октября приехал и сам великий визирь. Теперь у турок в Татарицком лагере насчитывалось свыше 40 тыс. чел., в Силистрии – более 11 тыс. и все это против 16 тыс. русских. Осаду с Силистрии пришлось снять и отступить к Гирсову. Отход армии надежно прикрывали казаки М.И. Платова. Турки продолжали следовать тактике отказа от крупных сражений. В этой обстановке корпусу генерал-лейтенанта П.К. Эссена удалось взять крепость Браилов, который оборонял 5 тыс. гарнизон [11, л. 93 об. – 94]. После отступления войск великого визиря в Шумлу, русская армия стала на зимние квартиры.

Восстановленный на основе статьи А.П. Мастеровой и А.П. Пронштейна, с привлечением указанных ими архивных материалов, обзор военных действий 1809 г. свидетельствует о том, что за два с половиной месяца войска П.И. Багратиона овладели крепостями: Мачин, Кистенджи, Гирсова, Мангалы, Измаил, Браилов, Исаки, Тульча, Бабадаг, т.е. очистили от войск противника огромную территорию на Юго-западном побережье Черного моря и к югу от устья Дуная. Князю П.И. Багратиону удалось заставить великого визиря Юсуфа-пашу отказаться от похода в Большую и Малую Валахию. 4 сентября была одержана важная победа над турецкими войсками у селения Рассеват, 23 сентября – еще одна между селениями Капоклы и Калипетри. Победы у Татарицы 10 октября не произошло, но и поражения российских войск там не было, несмотря на более чем 2-кратное численное превосходство турок.

Что же касается донских казачьих подразделений, то завершающая часть кампании 1809 г. являлась самой яркой страницей их участия в военных действиях 1806–1812 гг. против Османской империи. Благодаря деятельности М.И. Платова, донские казаки участвовали во взятии крепостей Гирсова, Мангалы, Кистенджи и других. В полевых сражениях этой кампании роль донских казаков была более заметна, они и прежде активно участвовали в боях, но в 1809 г. их вклад в достижение побед проявлялся более четко. Сражение при Рассевате, бой у Калипетри, битва у Татарицы, победы

В.Д. Иловайского, А.К. Денисова, других донских героев и, прежде всего, М.И. Платова, заслужившего звание генерала от кавалерии, стали незабываемыми событиями донской военной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Багратион в Дунайских княжествах. (Сборник документов). Кишинев, 1949. 120 с.
2. Воскобойников С.Г. Участие донских казаков в русско-турецкой войне 1806–1812 гг.: Дис. ... к.и.н. Ростов н/Д., 2006. 265 с.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 198.
4. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. 280 с.
5. Мастерова А.П., Пронштейн А.П. П.И. Багратион и донское казачество в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. // Из истории Дона (XVIII–XIX вв.). Вып. 1. Ростов н/Д., 1956. С. 71–89.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 2927.
7. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3460.
8. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2934.
9. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2887.
10. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2885.
11. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 2941.

Н.А. Почешхов (Майкоп)

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ А.П. ПРОНШТЕЙНА ПРИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (1917–1921 гг.)

Обращаясь к проблеме выявления и систематизации исторических источников, А.П. Пронштейн подчеркивал, что это «одна из наиболее ответственных и трудоемких задач» [10, с. 410]. Выступая против «выборочного» изучения источников, он отмечал, что, начиная разработку намеченной темы, «нельзя знать заранее на основе каких источников она может быть решена... и тем самым ограничить круг источников» [10, с. 411].

Данные утверждения приобретают особый смысл при обращении к такой сложной и многоплановой проблеме как история Гражданской войны. В контексте предварительных замечаний хотелось бы сформулировать несколько базовых положений. Во-первых, речь идет о принципе формирования источниковой базы: особое внимание уделялось «связи» предмета исследования, то есть гражданской войны на Юге Европейской России, с изоморфностью (подобием) создаваемой в целом источниковой базы. Во-вторых, учитывалось адекватность имеющейся источниковой базы целям и задачам проводимых исследований, а также полученным результатам и выводам.

Первые документы стали публиковаться уже в годы гражданской войны. В них анализировались указания по мобилизации сил и ресурсов на борьбу с белогвардейским движением и интервенцией, определялось значение созданных фронтов. Одним из первых тематических изданий стал сборник документов «Гражданская война 1918–1921 гг.» [4]. В нем нашли отражение многие события, происходившие на юге страны: в частности, формирование вооруженных сил, характеристика военно-стратегической обстановки, ход военных действий.

После окончания гражданской войны возникли более благоприятные условия для расширения поисковой деятельности и публикации документальных источников. Однако анализ состояния дел в этой области свидетельствует, что в полной мере эти возможности не были реализованы. Документальных материалов, освещающих период становления советской власти и гражданской войны, издавалось немного. Тем не менее, имелся опыт публикации тематических сборников, включающих разнообразные по типологии и видовой принадлежности документы [17, 18, 19]. В них, как правило, содержатся выдержки из постановлений партийных органов, местных исполнительных комитетов, протоколы съездов, резолюций, инструкции комиссий, приказов по воинским подразделениям, циркуляры и другие материалы.

Основные усилия были сосредоточены на публикациях воспоминаний активных участников боевых действий. На основе имеющихся документов ветеранами гражданской войны был подготовлен фундаментальный трехтомный труд «Гражданская война 1918–1921 гг.» [5], созданный к десятилетию начала гражданской войны по инициативе и под руководством штаба РККА. В данную работу вошли многочисленные документы стратегического и оперативного характера, представляющие и сегодня несомненную значимость.

В 20-е гг. за рубежом стали публиковаться документы белого движения. Однако отношение к ним со стороны отечественных ученых на протяжении многих лет было весьма своеобразным. До последнего времени распространенной практикой являлось привлечение отдельных «фрагментов» из этих документов. Такой подход был обусловлен не столько политической целесообразностью, сколько сложившейся системой публикации документов белого движения, а также ограниченным допуском историков к архивным фондам.

Учитывая сложившуюся структуру источниковедения важно было обратиться к классификации источников, вводимых в научный оборот. «Опираясь на представление об источнике как реальном явлении общественной жизни, непосредственно отражающем историческое прошлое ..., – писал А.П. Пронштейн, – историк прежде всего выявляет и классифицирует все источники относящиеся к его теме» [10, с. 437].

Видовую систематизацию источников можно рассматривать как один из вариантов универсальной классификации, которая дает возможность понять, какие именно источники попали в поле зрения историков, каково их происхождение, функции, информативность, идеологическая и политическая направленность. При этом важно подчеркнуть, что данная классификация не предполагает установления их ценности и иерархии, а лишь способствует дифференциации выявленных источников, придает им определенную системность.

К первой группе источников принято относить законы и нормативные акты общероссийского и регионального значения (законы и постановления Российской империи, Временного правительства, декреты советской власти, указы и постановления Кубанской краевой рады и Кубанского краевого правительства). Характеризуя эту группу источников, необходимо отметить их качественную соподчиненность. Известно, что в советский период система законодательства включала законы и нормативные акты, то есть существовало верховенство одних правовых актов и вторичность других. Эти документы отличались по органам власти их принявших (законодательная, исполнительная, судебная) и по функциям. Они как бы «пронизывают» все сферы жизни послереволюционной России. В тоже время при работе с этой группой источников приходится учитывать, что в первые годы существования советского государства принципиальный отказ от разделения законодательной и исполнительной власти привел к «размыванию» границ между законами и нормативными актами.

В годы гражданской войны правом издания законов обладали съезды Советов, ВЦИК, СНК, а с 1919 г. – и Президиум ВЦИК. В действительности же законодательные функции имели и Наркоматы. Все это затрудняло функционирование законов, порождало противоречия в их практической реализации. Обязательные для исполнения нормы издавали и внеконституционные чрезвычайные органы – ВЧК, Реввоенсовет, Совет Обороны (в дальнейшем Совет Труда и Обороны – СТО).

При изучении истории гражданской войны необходимо принять во внимание, что до начала 20-х гг. существовала такая специфическая норма регулирования правовых отношений, как революционное правосознание. Власть в воззваниях и постановлениях нередко призывала массы к защите завоеваний революции всеми «доступными способами», к уничтожению контрреволюции, капиталистов и помещиков «по законам революционного времени».

Специфическую группу правовых актов составляют нормативные документы местных органов власти. Местные советы, которым предоставлялось право издания подзаконных актов, также часто выходили за пределы своей компетенции, утверждая законы, нередко противоречащие республиканскому законодательству. В целом эти материалы отражают многогранную деятельность государственных органов, исполнительных структур, а также методы и средства претворения в жизнь политических программ и идей.

Отдельную группу составляют документы делопроизводственного характера: протоколы, стенограммы, сводки, сообщения, отчеты, доклады, деловая переписка. Исходя из существующей классификации делопроизводственные документы этого периода можно разделить на две основные группы в зависимости от их происхождения: документы государственных учреждений и документы политических партий и общественных организаций. Произшедшая в России революция заметно изменила среду функционирования делопроизводственных документов: появились их новые разновидности, изменились сущность и функции. Основная масса источников подобного рода находится в фондах архивов. В тоже время нельзя не отметить значение специальных сборников протоколов Реввоенсовета за 1918–1919 годы и президиума ВСНХ за 1917–1920 гг. [11, 12, 13].

Исследование истории гражданской войны невозможно без широкого привлечения статистических материалов, отражающих демографическую ситуацию в северо-западных районах Юга Европейской России: народонаселение, сословно-социальная дифферен-

ция, сельское хозяйство, землепользование, промышленность. Статистические данные, опубликованные еще в 20-гг., использовались многими исследователями [2, 7, 8, 9, 14, 15, 16]. Значительное несоответствие имеющихся сведений дает достаточно оснований для критического отношения к этим данным. Важно выявить причины имеющихся расхождений. Официальная отчетность начальников области, касающаяся численности населения, составлялась на основании сведений Кубанского статистического комитета, собиравшего данные через писарей станичных и аульских правлений, обязанных ежегодно заполнять рассылавшиеся бланки-таблицы. Неточно подсчитанные данные механически сводились, а затем печатались в так называемых «Отчетах начальника области» и «Кубанских календарях».

25 июля 1918 г. при СНК было сформировано Центральное статистическое управление (ЦСУ) и принят декрет о государственной статистике. Однако первая Всесоюзная советская перепись населения, проведенная в августе 1920 г., не охватывала всей территории страны в силу военных действий. Почти 30 % населения остались неучтенными, а население большинства окраинных территорий определялось по дореволюционным сведениям [6, с. 14]. Полученные материалы оказались неполными, они не давали точных сведений. Однако имеющаяся информация представляет несомненный интерес в исследовательском плане.

С 20-х гг. качество учета населения заметно ухудшается. Исчезает ранее существовавшая самостоятельная церковная статистика, снижается значение текущего учета. Сведения о населении России во время гражданской войны весьма противоречивы. Помимо трудностей общего порядка, на состояние статистической базы негативное влияние оказали перестройка системы демографического учета и характер гражданской войны, непосредственно затронувший большинство районов страны. Многие статистические материалы, имеющие отношение к военному делу, репрессиям, преступности, эпидемиям, были уничтожены.

Статистические данные, относящиеся к 1917–1920 гг., характеризуются существенными недостатками и могут быть рассмотрены как весьма условные. Неотработанные методики подсчета и сбора материалов, отсутствие единых приемов и методов систематизации, а также допущенные неточности требуют критического отношения к приводимым цифровым показателям, постоянного сопоставления с другими источниками. Степень полноты и достоверности статистических данных нередко удается установить только в

результате анализа демографических материалов за продолжительный отрезок времени.

При разработке проблем гражданской войны немаловажное значение имеет изучение материалов периодической печати. В первые послереволюционные годы произошел настоящий бум печатной деятельности: число газет, издаваемых как в центре, так и на местах, во много раз увеличилось. Наряду с газетами, издавались и такие оперативные документы, как воззвания, листовки, агитационные брошюры. События гражданской войны в северо-западных районах Юга Европейской России находили отражение в контролируемых большевиками изданиях: «Правда», «Известия ЦИК», «Беднота».

Несколько печатных органов выходили в тот период, когда регион был занят белыми. Наиболее полное представление об издававшихся газетах сложилось благодаря работе Б.М. Городецкого [3]. Периодические издания регионального порядка условно можно разделить на несколько групп: периодические издания времени существования Временного правительства; издания кубанских «демократических» органов власти; партийно-советская печать; военная печать, к которой относятся издания политорганов Южного фронта; военная печать белых формирований.

В прессе, как правило, публиковались основные официальные документы: постановления, указы и директивы Временного правительства, Кубанской краевой рады, Кубанского краевого правительства, декреты ВЦИК и СНК. Одни из них впоследствии вошли в сборники документов, другие хранятся в фондах архивов, третьи не вышли за пределы периодической печати своего времени. Наиболее информативными можно считать постановления местных органов власти, хроники, репортажи, заметки. Не менее важное значение имеют корреспонденции, содержащие достаточно подробную информацию о съездах, собраниях, сборах. Следует заметить, что пресса содержит не только документальную, фактическую, но и аналитическую информацию.

В рамках советского источниковедения большевистская печать традиционно рассматривалась как источник достоверных фактических данных и, как правило, не подвергалась критике. Более того, было принято считать, что печать является «зеркалом» исторической действительности, а ее «партийность» означает «объективность». В тоже время буржуазная печать воспринималась исследователями как тенденциозная, умышленно фальсифицировавшая факты и события. Разделение прессы по классовому признаку

в наибольшей степени проявилось при изучении печати периода революции и гражданской войны.

Печать периода гражданской войны в наибольшей степени способствует изучению проблематики, отражающей политическую и идеологическую борьбу в это сложное, противоречивое время. И правительственные, и партийные, и так называемые «независимые» органы отражали мнение определенных групп населения. Гражданская война велась не только на полях сражений, но и на страницах периодической печати: усилия как «красных», так и «белых» были направлены на мобилизацию населения. Весьма пестрые по своей партийно-политической принадлежности газеты незаменимы при выявлении отношения различных социальных групп к власти.

При работе с периодической печатью доминирует осознание многообразия и сложности данного источника, ставится задача «очистить» полученные сведения от идеологических штампов, выделить материалы, представлявшие действительно научный интерес. Не переоценивая значения периодической печати, важно подчеркнуть ее комплексный, многофункциональный и многоплановый характер. Печать затрагивала широкий спектр вопросов, начиная от политических обзоров и заканчивая личной жизнью отдельных людей. В ряде случаев именно материалы периодической печати позволяют восстановить связь и последовательность событий, почувствовать огненное дыхание революционного времени.

В этот период большое значение имели листовки, воззвания, декларации, обращения, прокламации. С учетом национального своеобразие и культурных традиций они вполне естественно получили широкое распространение в период высочайшего идеологического противостояния, характерного для гражданской войны в России. Значительное количество документов подобного типа хранится в фондах различных архивов. В них содержатся, как правило, тексты (изображения) агитационно-политического или информационного характера. Среди подобных публикаций особое место занимает полное собрание листовок Белой армии [1].

Несмотря на скептическое отношение многих историков к источникам личного происхождения как к документам, передающим субъективное восприятие личностью отдельных событий и фактов истории, исключить их из поля зрения при изучении гражданской войны было бы непростительной ошибкой. Исследуя эту тему, крайне важно понять, как ощущали себя люди, оказавшиеся в экстремальных условиях гражданского противостояния. К тому же подоб-

ные источники содержат множество деталей, «примет времени», отсутствующие в других видах источников.

Особую группу материалов личного характера составляют воспоминания участников и современников гражданской войны. При работе с этим видом источников необходимо учитывать несколько обстоятельств. Прежде всего, во внимание следует принимать то, что мемуары писали далеко не все свидетели событий гражданской войны в России. В подавляющем большинстве случаев их авторы относились к так называемой политической элите – как революционной, так и контрреволюционной.

Естественно, что их мемуары, написанные с различными целями, отражают различные позиции и взгляды. Созданные зачастую на основе дневниковых записей мемуары содержат богатейший фактический материал, впечатления, наблюдения. Вместе с тем авторы, принимавшие участие в гражданской войне, пытались проанализировать ход событий, выяснить причины поражений и побед.

При работе с мемуарами важно учитывать личность автора: культурно-образовательный уровень, степень осведомленности об описываемых событиях, его умение видеть и наблюдать. В этом смысле мемуары А.И. Деникина или П.Н. Врангеля заметно отличаются от мемуаров рядовых участников гражданской войны. Эти авторы, будучи руководителями Добровольческой армии, имели доступ к различным документам, являлись при этом инициаторами различных приказов, распоряжений и инициатив, влиявших в той или иной степени на ход событий.

В их воспоминаниях затрагивается целый ряд общероссийских и региональных проблем, с которыми столкнулось руководство Добровольческой армии. В частности, А.И. Деникин одним из первых поднял проблему террора во время гражданской войны, показал его губительные последствия. Важным фактором возникновения террора он считал ожесточение, возникшее в обществе, изменение морали и нравственности. В воспоминаниях А.И. Деникина большое внимание уделяется региональным проблемам, и, прежде всего – ходу военных действий на Юго-Востоке страны как важному в стратегическом плане району.

Современная историографическая ситуация, обеспечившая доступ историков к отечественным и зарубежным архивам, обусловила не только увеличение документальных свидетельств, но поставила задачу изучения новых видов документов, которые принадлежали противостоящим большевикам политическим партиям, контрреволюционным организациям, белогвардейским правительствам. В

результате встала задача, на которую в свое время обращал внимание А.П. Пронштейн: понять, насколько информативен этот материал и проблемы, какого масштаба он позволяет исследовать [10, с. 412]. Речь идет не только о привлечении новых источников, но и об ином «прочтении» тех, которые традиционно считались основополагающими. Более того, в результате развития теоретического источниковедения заметно «продвинулось» представление о способах работы с источниками.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белое движение. Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.). СПб., 2000.
2. Гозулов А.И. Морфология населения. Опыт изучения строения основных свойств населения Северо-Кавказского края по данным трех народных переписей 1926, 1920 и 1897 гг. Ростов-на-Дону, 1929.
3. Городецкий Б.М. Периодика Кубано-Черноморского края (1863–1925). Краснодар, 1927.
4. Гражданская война: Материалы по истории Красной Армии. М., 1923–1924.
5. Гражданская война: 1918–1921 гг. В 3-х т. М., 1928, 1930.
6. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб., 1996. С. 14.
7. Материалы всероссийских сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 гг. на территории Адыгейской автономной области. Краснодар, 1927.
8. Мерхалев Д. Материалы по экономическому положению Кубанского края. Екатеринодар, 1919. Вып. I.
9. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Статистический сборник за 1922–1923 гг. Краснодар, 1924. Ч. I, II, III.
10. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д., 1971.
11. Протоколы Президиума ВСНХ (декабрь 1917 г. – 1918 г.). М., 1991.
12. Протоколы Президиума ВСНХ за 1920 г. М., 2000.
13. Реввоенсовет Республики. Протокол. 1918–1919. М., 1997.
14. Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918–1923. М., 1924. Т. XVIII.
15. Скворцов С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925.
16. Статистико-экономические материалы по обследованию Кубанского края. Екатеринодар, 1918–1919. Вып. I, II, III.

17. 1917 год в документах и материалах. Крестьянское движение в 1927 году / Под ред. М.Н. Покровского. М.: Л., 1927.

18. 1917 год в деревне / Сост. И.В. Игрицкий. М.: Л., 1929.

19. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Март 1917 – апрель 1920 гг. / Раенко Я.Н. Ростов-на-Дону, 1939, 1941. Вып. I, II.

П.А. Кузьминов (Нальчик)

А.П. ПРОНШТЕЙН И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ В 1940-е – 1950-е гг.

Судьба человека и судьба Родины неразрывно связаны. События внутри и вовне социума во многом обуславливают действия человека, его поступки, мечты, достижения. Индустриализация, коллективизация, культурная революция, большой террор слились со школьными и вузовскими буднями Саши Пронштейна. Великая Отечественная война предопределила героинку офицера-фронтовика А.П. Пронштейна. Родившись в тяжелейший период революционных потрясений и Гражданской войны, Александр Павлович вместе со страной прошел путь подъема, расцвета и упадка страны.

Неизгладимая тяга школьников к истории Родины, Человечества, Мира в 1920-е – начале 1930-х гг. далеко не всегда могла реализоваться в образовательном пространстве Советского Союза. Жесткие учебные программы отводили истории мизерное количество часов, да и те фокусировали внимание только на революционном противостоянии общества дореволюционному самодержавию. Эту ситуацию констатировали даже высшие партийные органы. В постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе» было указано, что коренной недостаток школы в данный момент заключается в том, что обучение в школе не дает достаточного объема общеобразовательных знаний.

Серьезные изменения пришли в школу и вуз только после публикации 15 мая 1934 г. знаменитого постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», в соответствии с которым были восстановлены исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов, а затем и в других вузах. Увеличены объемы часов на изучение истории не только в вузах, но и в школе. Обращено было внимание на необхо-

димось изучения гражданской истории, воспитания на ее основе любви к Родине и патриотизму. С точки зрения постреволюционной эпохи фразеологии – это был «консервативный поворот в право», уход в дебри феодальных отношений, которые привели страну к самодержавию и абсолютизму. Но именно этот «уход» в чащу неизученного и неисследованного материала позволил пытливому уму Александра Павловича и сотням его сверстников найти путь в высокую науку.

«Окно» в науку не было ни широким, ни открытым для желающих окупнуться в ее глубины. Поступив на исторический факультет МГУ, студенты почти неизбежно оказались втянуты в политическую жизнь страны. Убийство С.М. Кирова вылилось в санкционированный террор против политической, военной, научной элиты общества. Как отмечает И.Г. Кислицына, «на истфаке часто выступали партийные, государственные и комсомольские деятели, которые вскоре оказывались «врагами народа»» [9, с. 230].

Публикация «Краткого курса истории ВКП(б)» в сентябре 1938 г. завершила формирование концепции истории России и определила отношение аппарата власти к этой отрасли знаний. На долгие годы он стал главным трудом изучения истории партии. За 15 лет – с 1938 по 1953 гг. – «Краткий курс» переиздавался 301 раз тиражом около 43 млн экз. на 67 языках [16, с. 240]. Влияние его догм на науку и студенчество было тотальным.

В соответствии с положениями «Краткого курса», официально ставшими бесспорными истинами для историков, трактовались все события прошлой жизни. Идеологический диктат, в условиях которого существовала наука в 40 – начале 50-х гг. XX в., деформировал ее, заключив в жесткие рамки. В области истории он вел к фактографии, цитатничеству и возникновению «белых пятен», к забвению научности и даже прямой фальсификации. Эти явления были характерны и для Северного Кавказа [23, с. 165].

С другой стороны, учителями А.П. Пронштейна в университете были известные в СССР и мировом научном сообществе историки: академик Б.Д. Греков, чл.-корр. АН СССР С.В. Бахрушин, профессор М.Н. Тихомиров, Н.А. Машкин и др., которые дали любознательному студенту, а позднее аспиранту, глубокие научные знания, привили методы работы с документами, научили интерпретировать источники. Благодаря наставникам и огромному желанию работать над познанием прошлого, он в студенческие годы подготовил настолько серьезное исследование о жизни Владимира Мономаха, что оно было опубликовано в «Исторических записках» МГУ.

Ростов-на-Дону – это не только географические ворота Северного Кавказа, это и его научный центр. События, происходившие на Северном Кавказе, во многом предопределяли жизнь Ростова-на-Дону и наоборот. Неслучайно, что о влиянии А.П. Пронштейна и ростовской исторической школы на кавказоведение писали и пишут статьи многие ученые: В.В. Черноус [18], А.И. Агафонов [1], С.С. Магомадов [13], П.А. Кузьминов [12], Х.Б. Мамсиров [15] и др.

Эпоха, в которой жил, работал и творил А.П. Пронштейн была эпохой становления советского кавказоведения со всеми ее минувшими и плюсами. Да, осознанный интерес к проблемам народов Северного Кавказа пришел позднее, в 70–90-е годы, но вместе с Г.А. Кокиевым, В.П. Невской, Х.М. Бербековым, С.А. Чекменевым, Т.Х. Кумыковым, В.П. Крикуновым, В.Г. Гаджиевым, М.М. Блиевым, Э.Л. Коджесау, Х.Х. Рамазановым и другими кавказоведами 40–50-х годов XX в. он вошел в науку, оказывая бесценную помощь коллегам аналитическими рецензиями на их работы, советами, консультациями.

В годы Великой Отечественной войны огромный ущерб был нанесен социокультурному потенциалу всех республик Северного Кавказа. Тяжелейшие последствия для развития культуры и науки народов Северного Кавказа имели репрессии и незаконные депортации народов региона. Историческая память о несправедливых и незаконных репрессиях, накладываясь на воспоминания о Кавказской войне и ее последствиях, перипетиях Гражданской войны дали кумулятивный эффект в национальном самосознании, стали идеологическим механизмом этнокультурной и этнополитической мобилизации как условия выживания народов.

Советское научное общество первого послевоенного десятилетия характеризуется определенной неустойчивостью: с одной стороны – это эйфория победы и надежды на светлое будущее. Впервые после долгой дискриминации ученые, наряду с деятелями искусства, выступали героями истории. Наука стала предметом повседневного внимания и забот партийно-государственного аппарата [10, с. 14]. И вместе с тем с высоких трибун утверждалось, что история – это партийная наука, которая должна оказывать помощь «в выработке и осуществлении политики партии» [17, с. 36], что вело к давлению на науку, «закручивание гаек», раскручиванию новых идеологических кампаний. Это время вошло в историю как апогей сталинизма.

Смерть И.В. Сталина и некоторая либерализация общественной жизни создавали социально-политическую и психологическую ат-

мосферу, одновременно раскрепощающую и вносящую смятение в умы. Эту ситуацию прекрасно отразил в романе «Раковый корпус» А.И. Солженицын. Просмотренные нами коллективные и монографические исследования, опубликованные после смерти «вождя народов» выявили интересную закономерность: с 1954 г. ссылки на работы И.В. Сталина в кавказоведении практически исчезли, за исключением работ, опубликованных в Северной Осетии. Это означает, что идеологический сектор ЦК КПСС, видимо, уже в конце 1953 г. предложил союзным, республиканским, областным и краевым органам партии ограничить использование его работ в научных трудах.

XX съезд КПСС пробил брешь в сложившейся системе управления наукой. Историки получили право усомниться в правомерности положений «Краткого курса», а в решениях съезда надеялись найти те гарантии свободы научного поиска, отсутствие которых сковывало изучение многих страниц истории. Поэтому неслучайно материалы съезда стали предметом официального и неофициального обсуждения во всех научных учреждениях, поскольку сложившаяся в 1930-е – начале 1950-х гг. историографическая ситуация в стране не способствовала исследованию многих проблем советского общества. Ученых приучили, подчеркивает Л.А. Сидорова, «в буквальном смысле по указанию или какой-нибудь статье, не относящейся, а иногда и относящейся к конкретному историческому факту, наши историки, вместо того, чтобы отстаивать свои позиции, добиваться глубокого исследования того или иного вопроса на основе конкретных материалов – становились во фронт и меняли свои позиции, свои точки зрения» [20, с. 253]. Естественно, это касалось и ученых Северного Кавказа, которые не могли прийти к консолидированному мнению об уровне общественных отношений у горских народов в новое время, перманентно шли дискуссии о движении Шамиля, интерпретация которого в советской историографии несколько раз радикально менялась, об особенностях строительства основ социализма и др.

В годы Великой Отечественной войны творческая работа историков Северного Кавказа была приостановлена, но уже 9 февраля 1945 г. был восстановлен Адыгейский НИИ языка, литературы и истории. Сектор истории в 1946 г. возглавил Е.С. Зевакин, известный ученый, плотно занимавшийся историей Северо-Восточного Причерноморья, единственный остепененный сотрудник сектора и института. Ученый регулярно принимал участие в научных сессиях, проводившихся как Академией наук СССР, так и региональными

ми научными учреждениями. На III научной сессии Кабардинского НИИ в 1948 г. он выступил по теме «Культура адыгейского народа социалистической эпохи». Новаторским по содержанию был его доклад, посвященный источниковедению и историографии Адыгеи и Кабарды в XIII–XVIII вв. На научных сессиях в Нальчике выступали и другие сотрудники АНИИ: Э.А. Коджесау, Ю.К. Намитоков и др.

В секторе был разработан план широких научных изысканий, но идеологические «чистки» и борьба с «космополитизмом» в центре и национальных окраинах, дискуссии о характере национально-освободительного движения на Северном Кавказе в XIX в. оказали негативное влияние на состояние исторической науки Адыгеи. От местных авторов требовали доказать, что «...агент Шамиля в Адыгее наиб Магомет-Амин реакционной политикой мешал сближению адыгов с великим русским народом» [5, с. 90]. Все это вело к извращению истории горцев [4, с. 50].

22–24 сентября 1955 г. в Майкопе состоялась сессия АНИИ по вопросам истории, языка и литературы адыгейского народа. Это был первый крупный представительный научный форум, собравший в Адыгее известных ученых из многих городов и регионов страны. Для участия в сессии в Майкоп прибыли ученые-кавказеды из Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Тбилиси, Нальчика, Черкесска, Краснодара.

Переломным в изучении истории Адыгеи стал 1957 г., поскольку приближался ряд юбилейных исторических дат, которым придавалось общественное и идеологическое значение: 400-летие «добровольного присоединения» адыгов к России, обоснованное кабардинскими историками Х.М. Бербековым и Т.Х. Кумыковым, 40-летие Октябрьской революции, 35-летие автономии Адыгеи, 100-летие основания Майкопа. Все эти юбилейные даты пришлось на 1957 год. К этому событию приурочили и публикацию первого тома «Очерков истории Адыгеи» – итог многолетних творческих усилий большого коллектива авторов, начало которого было положено еще в 1937 г. В этом же году вышел в свет долгожданный (с 1949 г. в планах института) первый том «Ученых записок Ад.НИИ» (ред. М.Г. Аутлев). Половина из статей «Записок» посвящалась проблемам адыгской истории и этнографии.

После изгнания в январе 1943 г. войск вермахта Германии с территории Северного Кавказа, правительство обвинило карачаевский и балкарский народы в измене Родине и депортировало их в Среднюю Азию. Этническая территория проживания этих народов была передана соседним республикам и краям. Ликвидация бал-

карской, карачаевской и других автономий с политической карты СССР повлекла за собой их исчезновение и со страниц исторических изданий. И как тут не вспомнить «Министерство Правды», блестяще описанное Джорджем Оруэллом в романе «1984 год», уничтожившее имя человека не только из памяти близких, но и всех официальных документов, посмеявшегося задуматься о качестве созданной вокруг него Системы.

Восстановление Карачаево-Черкесской автономной области и Кабардино-Балкарской АССР в 1957 г. сняло табу с изучения истории депортированных народов, но требовалось время, чтобы подготовить серьезные исторические исследования. Научная реабилитация состоялась в июне 1959 г. в Нальчике, где прошла всесоюзная конференция, посвященная истории балкарцев и карачаевцев. Здесь же был поставлен вопрос о подготовке и издании обобщающего труда по истории Кабардино-Балкарии. 1 октября 1957 г. Карачаево-Черкесский госпединститут возобновил свою работу [22, с. 5], был восстановлен и Черкесский учительский институт [2, с. 5].

Начавшаяся война прервала деятельность КБНИИ, подорвала его материальную и научную базу. Погибла вся институтская библиотека, насчитывающая более 50 тыс. экземпляров уникальных книг [3, с. 33]. После изгнания оккупантов КНИИ получил поддержку от научных организаций страны, в первую очередь от Академии наук СССР, которая направила сюда Г.А. Кокиева, Е.И. Крупнова и ряд других специалистов, много сделавших для изучения прошлого народов края [25, с. 8]. Большую помощь в развитии исторической науки Кабарды в послевоенный период оказали историки-кавказоведы Москвы (Е.Н. Кушева, Н.А. Смирнов, А.В. Фадеев, В.К. Гарданов, С.К. Бушуев), Ленинграда (Л.И. Лавров, Е.Н. Студенецкая), Тбилиси (З.В. Анчабадзе), Орджоникидзе (М.С. Тотоев, Б.В. Скитский) и др. [14, с. 157, 158].

В 1945 г. Кабардинский научно-исследовательский институт из системы Наркомпроса перешел в ведение Совета Министров Кабардинской АССР. С превращением института в самостоятельное научно-исследовательское учреждение улучшилось финансирование, начали проводиться научные сессии, в институте была открыта аспирантура по специальности «История» [25, с. 9], с 1946 г. стали регулярно издаваться «Ученые записки» КНИИ [6, с. 452]. В институте были открыты новые исследовательские подразделения исторического профиля – сектор материальной культуры, сектор этнографии и фольклора (заведующие П.Г. Акритас и А.И. Першиц). В 1952/53 учебном году исторический факультет пединститута и

факультет языка и литературы были объединены в один историко-филологический факультет [8, с. 145].

В 1957 г. Кабардино-Балкарский пединститут по инициативе Х.М. Бербекова был преобразован в государственный университет, ставший ведущим республиканским центром по подготовке специалистов с высшим образованием. С этого времени работа в области изучения истории КБАССР стала развиваться в научно-исследовательском институте и на кафедрах истории КБГУ [25, с. 10]. Исследовательскую работу в этих учреждениях стали вести местные историки – первые кандидаты исторических наук: Х.М. Бербеков, Х.М. Сабанчиев, Т.Х. Кумыков, У.А. Улигов, Т.Т. Шикова, Р.Х. Гугов, А.К. Текуев, Е.Т. Хакуашев и др. Силами местных и столичных ученых в 1961 г. были опубликованы «Очерки истории балкарского народа» [18], ставшие важнейшим историографическим источником истории балкарского народа.

В годы Великой Отечественной войны, несмотря на многочисленные трудности, историческое общество Осетии работало. В 1942 г. был опубликован сборник выступлений участников антифашистского митинга народов Северного Кавказа – «Ко всем народам Северного Кавказа» и сборник статей «Оборона г. Орджоникидзе в 1942 г.». После изгнания фашистов с территории СОАССР была опубликована брошюра В.С. Гальцева «Немецкие оккупанты на территории Северной Осетии». Критика немецко-фашистской историографии по вопросам кавказоведения была дана в статье Г.А. Кокиева «Об одной фашистской фальсификации истории Осетии» [11]. Вместе с тем, работы историков института в период войны, по мнению Ф.В. Тотоева, страдали ограниченностью документальной основы, поспешностью обобщений, имели агитационно-пропагандистское назначение [24, с. 28].

В 1947 г. Б.В. Скитский опубликовал обобщающий труд «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г.» [21]. Ряд отстаиваемых идей в монографии уже утвердились в кавказоведении, но Северо-Осетинский обком партии и Совет Министров СОАССР приняли постановление о подготовке полной истории Северной Осетии. Был определен авторский коллектив во главе с профессором Г.А. Кокиевым, однако его арест в 1949 г. негативно отразился на творческой работе ученых республики.

В контексте идей М.Д. Багирова в ноябре 1951 г. в газете «Социалистическая Осетия» была опубликована статья первого секретаря Северо-Осетинского обкома партии К.Д. Кулова, обвинившего местных ученых в искажении истории и «буржуазном объекти-

визме». Историк пединститута А.К. Джанаев был уволен с работы, жесткой критике в прессе подвергся профессор Б.В. Скитский.

Ситуация еще сильнее обострилась после публикации 4 марта 1952 г. постановления ЦК ВКП(б) «О руководстве Северо-Осетинским обкомом ВКП(б) идеологической работы в республике». Постановление было частью широкой компании борьбы с «националистическими извращениями», проходившей в 1951–1952 гг. по всей стране. Оно, по сути, было направлено против национальной интеллигенции, которая, подхватив патриотическую риторику времен Великой Отечественной войны, продолжала воспевать своих национальных героев и славные страницы истории своих народов. Но теперь это трактовалось как «буржуазный национализм», с которым следовало решительно покончить. Отныне борьба с ним становилась святой обязанностью любого советского ученого [26, с. 113]. В 1953 г. в центральном партийном органе журнале «Коммунист», вышла статья А. Джикаевой «Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева» [7], которая обострила ситуацию в республике и отрицательно сказалась на работе историков и других гуманитариев республики.

Ситуация изменилась после XX съезда КПСС, когда ученые провели дискуссии о присоединении нерусских народов к России. Историки В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, М.С. Тотоев приняли активное участие в работе совещания «О движении горцев под руководством Шамиля», которое состоялось летом 1956 г. в Махачкале и осенью в Институте истории АН СССР, где тезисы Багирова о Шамиле были отвергнуты, как антинаучные. Первый том «Истории СО АССР» был опубликован в 1959 г. и стал важнейшим событием исторической науки Северной Осетии.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, как сложно было работать историкам Северного Кавказа в 1940-е – 1950-е г. Несмотря на все трудности и вопреки им, советская историческая наука развивалась. В науку пришло новое поколение ученых во главе с Александром Павловичем Пронштейном.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.И. Александр Павлович Пронштейн – российский историк // Донской временник [Электронный ресурс]: краеведческий библиотечно-библиографический журнал. Ростов-на-Дону, 2018. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m14/2/art.aspx?art_id=212 (дата обращения: 05.02.2019)

2. Бекижев М.М. К вопросу о партийном руководстве подготовкой кадров интеллигенции в Карачаево-Черкесии (1941–1967 гг.) // Из истории Карачаево-Черкесии. (Труды. Вып. VII. Серия историческая). Черкесск, 1974.

3. Беров Х.Ж. Развитие исторической науки // 70 лет научных поисков и открытий. Нальчик, 1995.

4. Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, 1994.

5. Бузаров А.К., Баранов А.Г., Каракаев З.Х., Панеш А.Д. Развитие исторической науки в Адыгее (20-е–90-е гг.) // Материалы научно-практической конференции ученых Адыгеи. 14–16 апреля 1993. Майкоп, 1994.

6. Гугов Р.Х. К истории организации Кабардинского научно-исследовательского института // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1957. Т. 11.

7. Джикаева А. Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева // Коммунист. 1953. №5.

8. КБГУ – 50 лет. / Отв. ред. В.К. Тлостанов. Нальчик, 1982.

9. Кислицына И.Г. А.П. Пронштейн и Г.Г. Бауман – однокурсники, фронтовики, коллеги // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.). / Отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д., 2014.

10. Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: Автореф. дис. ... к.и.н. Барнаул, 2009.

11. Кокиев Г.А. Об одной фашистской фальсификации истории Осетии // Исторический журнал. 1944. №2–3.

12. Кузьминов П.А. Становление исторических учреждений на Северном Кавказе в 20–50-х гг. XX в. // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки. Ростов н/Д., 2014.

13. Магомадов С.С. Вклад А.П. Пронштейна в развитие исторической науки Чеченской республики // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки. Ростов н/Д., 2014. С. 316–321.

14. Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии // Торжество ленинской национальной политики: (материалы научной конференции). Нальчик, 1983.

-
15. Мамсиров Х.Б. Добрый след «пронштейновских сезонов» в Нальчике // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки. Ростов н/Д., 2014. С. 343-349.
16. Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП (б) – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 гг.» // Советская историография. М., 1996.
17. Нечкина М.В., Поляков Ю.А., Черепнин Л.В. О пройденном пути // Советская историческая наука от XX к XXII съезду. М., 1962.
18. Очерки истории балкарского народа / Под. ред. А.В. Фадеева, Т.Х. Кумыкова, В.П. Крикунова, Х.И. Хутуева. Нальчик, 1961.
19. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Историк-новатор, гражданин и патриот (профессор Ростовского госуниверситета Александр Павлович Пронштейн) // Гуманитарий Юга России. 2012. URL. <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-novator-grazhdanin-i-patriot-professor-rostovskogo-gosuniversiteta-aleksandr-pavlovich-pronshteyn> (дата обращения: 05.02.2019).
20. Сидорова Л.А. Оттепель в исторической науке. Середина 50-х – середина 60-х гг. // Историческая наука России в XX веке. М., 1997.
21. Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. Дзауджикау, 1947.
22. Тамбиев Б.Н. От учительского института до университета // Вестник КЧГУ. Карачаевск, 2009.
23. Тотоев М.С. Историческая наука в Северной Осетии после XX съезда КПСС // Тезисы докладов на научной сессии Северо-Кавказского совета по гуманитарным наукам. Октябрь 1962. Ростов н/Д., 1962.
24. Тотоев Ф.В. Историческое осетиноведение и СОИГСИ // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005.
25. Хутуев Х.И., Сабанчиев Х.-М.А. Кабардино-Балкарский НИИ как центр исторической науки в республике (к 60-летию института) // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987.
26. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М., 2006.

К.А. ХМЕЛЕВСКИЙ – ИСТОРИК КАЗАЧЕСТВА НА ЭТАПЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ

Константин Абрамович Хмелевский учился в МИФЛИ затем в МГУ стал студентом университета, который и закончил в 1942 г. Он работал младшим научным сотрудником главной редакции «История гражданской войны в СССР» в Главполитиздате. В 1946–1955 гг. он преподавал историю СССР в Ростовском пединституте. Во время развязанной сталинизмом борьбы с так называемым «безродным космополитизмом», носившую на практике латентный антисемитский характер, директор пединститута Я.Н. Раенко и другие догматики выявили «антипатриотическую» группу преподавателей, в которую были занесены К.А. Хмелевский, К.А. Люксембург, Ю.И. Серый, З.А. Витков. По свидетельству К.А. Хмелевского, Я.Н. Раенко «с большим удовольствием, даже с наслаждением руководил кампанией... Говорить о каких-то, даже номенклатурных этических нормах его поведения не приходится. Эти понятия ему не знакомы». К.А. Хмелевский Ю.И. Серый и М.А. Люксембург поддерживали З.А. Виткова в вопросе происхождения славян (он считал более правильной миграционную, а не автохтонную концепцию происхождения славян). На этом «основании» тут же обвинили в «антипатриотизме» и «космополитизме» и в «групповщине». С этого момента лекции данных преподавателей тщательно стенографировались и проверялись. К.А. Хмелевскому предъявили обвинение, что он в лекции об Отечественной войне 1812 г. излагал события «таким тоном, будто обдавал студентов холодным душем», а в другой лекции о войне «он восхвалял реакционного царского генерала Тотлебена». Комиссия Обкома КПСС сделала вывод о том, что М.А. Люксембург, З.А. Витков, Ю.И. Серый и К.А. Хмелевский «противопоставили себя коллективу кафедр истории». Разбирательство закончилось тем, что за «политические ошибки» К.А. Хмелевский был снят с поста секретаря партбюро историко-филологического факультета и ему был объявлен выговор с занесением в учетную карточку [1].

В 1955 г. К.А. Хмелевский перешел в РГУ, где разрабатывал историю Октябрьской революции и гражданской войны на Дону. К.А. Хмелевский стал ответственным редактором и автором предисловия сборника документов Южного фронта, в котором был опубликован комплекс источников 1918–1919 гг., многие из которых впервые вводились в научный оборот [2]. В сборнике были помеще-

ны документы, раскрывающие не только успехи Красной армии, но и неудачи 8-й и 9-й армий Южного фронта, а также документы из белогвардейского лагеря. Но ряд материалов в то время было публиковать невозможно, что повлияло на освещение гражданской войны в регионе, особенно по казачьей проблеме.

В 1960-х гг. в издательстве РГУ выходит цикл его монографий, в которых он характеризовал реальное противодействие различных сил на Дону в годы гражданской войны [3]. Он привел фактические данные о белоказачьем терроре, жертвами которого в 1918 году стали более 40 тысяч сторонников большевизма. Он уделил большое внимание проблеме интервенции немецкой армии и пронемецкой политики правительства П.Н. Краснова. В 1967 г. К.А. Хмелевский защитил в Ленинградском университете докторскую диссертацию по истории гражданской войны на Дону [4]. Он был автором соответствующих глав в «Очерках истории Дона», «Истории Донского края» и «Очерках истории большевистских организаций Дона». В 1970 г. он возглавил на историческом факультете РГУ кафедру советской истории, стал членом научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция» и председателем секции этого совета в СКНЦ ВШ. Показателем его авторитета явилось его участие в фундаментальной «Советской Исторической Энциклопедии», где были размещены три его статьи [5].

К.А. Хмелевский формировал основные направления работы кафедры истории СССР, причем, впервые поставил вопрос об изучении истории небольшевистских партий на Дону. Во всех его трудах и коллектива его кафедры большое место уделялось вопросу о роли донского казачества и отдельных его слоев в бурных событиях 1917–1920 гг. В работе К.А. Хмелевского и его соавтора А.И. Берзы «Героические годы» была сделана – на попытку рассмотреть «казачий вопрос» во всех его связях и опосредствованиях, выделяя, конечно, главную – классовую линию [6]. Как указывал К.А. Хмелевский, «казачий вопрос» в монографии – лишь один их аспектов исследования и поэтому ряд выдвинутых ими положений требует уточнений, большей аргументации.

Несмотря на условия, Константин Абрамович не согласился с апологетическими выводами монографии Д.С. Бабичева, утверждавшего о состоявшемся в ходе гражданской войны переходе большинства донского казачества на сторону советской власти [7]. В прогремевшей в Ростове-на-Дону рецензии в журнале «Дон» К.А. Хмелевский и его соавторы Я.А. Перехов и

Ю.К. Кириенко опровергли тезис Д.С. Бабичева о том, что в борьбе за власть Советов трудовое казачество выступило революционной силой, тесно связанной с рабочим классом и его авангардом - большевистской партией, так как он не учитывал «сложных, порою мучительных колебаний, испытанных в те годы рядовыми казаками». Подобное «выпрямление» произошло потому, что в книге была преувеличена степень классового расслоения среди казачества и недооценено значение сословного момента, осложнявшего борьбу в донских станицах в годы революции и гражданской войны [8].

К.А. Хмелевский высоко оценивал вклад красного казачества в победу революции на Дону, что доказывает его книга о казаках-большевиках Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове [9]. Изучение казачьей проблемы К.А. Хмелевский продолжил в одной из лучших своих книг «Буря над Тихим Доном» [10]. Затягивание борьбы на Дону объяснялось взаимодействием трех антибольшевистских сил: контрреволюции казачьих «верхов» и увлекаемых ими средних слоев, «общероссийской» белогвардейской контрреволюции (Добармия) и империалистической интервенции, сначала германской, затем антантовской. Но главной особенностью этой книги являлся включенный в нее материал по критике западной, в основном англоязычной, историографии данной проблемы, подготовленный в соавторстве с его сыном С.К. Хмелевским. Этот материал дает представление об направлениях западной историографии, причем в ряде случаев эти концепции выглядят вопреки прилепленному «разоблачительному пафосу» интересными с научной точки зрения [11]. В тоже время критика позволила авторам высказать суждения по проблемам, которые в тех условиях не подлежали обнародованию, в частности, освещался процесс большевистского рассказывания. В книге, сданной в печать в 1983 г., впервые в советской историографии был процитирован со ссылкой на ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС циркуляр Оргбюро РКП(б) от 24 января 1919 года [12]. Более того, К.А. Хмелевский описывает практику большевистского антиказачьего террора и ход, вызванного им восстания на Верхнем Дону. Это был, бесспорно, прорыв в советской историографии истории гражданской войны и донского казачества. Но К.А. Хмелевский не мог в тех условиях всесторонне проанализировать всю совокупность указаний В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого. Я.М. Свердлова, И.В. Сталина по казачьему вопросу в 1918 – первой половине 1919 гг., в том числе С.Ф. Васильченко, который в отчете ВЦИК в сентябре 1918 г. фактически обосновал необходимость антиказачьего террора. Он не дал оценку фактам, что другой идеолог раска-

зачивания С.И. Сырцов весной 1920 г. призвал в Ростове н/Д к союзу со всем трудовым казачеством, а в 1925 г. подготовил решение ЦК об политической реабилитации рядовых белоказаков [13].

В центре внимания К.А. Хмелевского постоянно были проблемы историографии. Он был автором ряда статей и рецензий в ведущих журналах [14], разделов в историографическом ежегоднике АН СССР и в коллективной монографии по историографии Октябрьской революции, в том числе в соавторстве с А.П. Пронштейном, Л.А. Этенко, А.И. Козловым. К.А. Хмелевский написал заглавную статью в коллективную монографию по историографии советской истории Дона и Северного Кавказа [15].

К числу заслуг Константина Абрамовича относится выявление и изучение вклада в историографию выдающегося донского историка Н.А. Янчевского. Несмотря на влияние схем экономического материализма и теории «торгового капитала» М.Н. Покровского, Н.А. Янчевскому удалось раскрыть многообразие противоречий истории гражданский войны в регионе. Отдельные неточности не помешали ему вскрыть социально-классовую основу сословной вражды казаков и иногородних, что позволило объяснить отход основных масс трудового казачества от поддержки декинищныи [16].

К.А. Хмелевский внес определенную ясность в оценку сюжета о заключении в октябре 1917 г. в Ростове н/Д соглашения большевиков с партиями меньшевиков и эсеров [17].

К.А. Хмелевский был составителем сборника воспоминаний участников Октябрьской революции на Дону «Помнят степи донские». И, что интересно, – среди нарративных источников был мемуарный очерк С.И. Сырцова «Накануне и во время съезда в станице Каменской» [18]. Хотя исторические, историографические и источниковедческие оценки К.А. Хмелевского отвечали идеологическим нормам советской эпохи, в ряде случаев они содержали оценки, близкие к современным.

Константин Абрамович был непосредственным учителем и наставником известного донского ученого профессора А.И. Козлова. Именно он добился в свое время перевода студента А.И. Козлова с заочного отделения на очное, он же стал научным руководителем его дипломного сочинения и кандидатской диссертации. В сборнике памяти проф. А.И. Козлова он опубликовал одну из последних своих статей «Казачий федерализм. Идеология и политика» [19].

В течение своей жизни Константин Абрамович Хмелевский опубликовал целый ряд общепризнанных в масштабе страны научных

трудов, заложивших основы изучения истории казачества и в целом Октябрьской революции и гражданской войны на Юге России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гуляева Е.А. Кампания по «борьбе с безродным космополитизмом» (Ростовский педагогический институт в 1953 году) // *Esse quam videri*: Памяти Ю.И. Серого (1922–1986). Ростов н/Д., 2003.

2. Южный фронт. Май 1918–март 1919 г. Предисловие. Ростов н/Д., 1962.

3. Берз Л.И., Хмелевский К.А. Героические годы. Октябрьская революция и Гражданская война на Дону. Ростов н/Д., 1964; Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону. Апрель 1918–март 1919. Ростов н/Д., 1965; Он же. Разгром деникинщины // Северокавказцы в боях за Родину. М., 1966.

4. Гражданская война на Дону (Крах красновщины и деникинщины). Автореф. дис. ... д.и.н. Л., 1967.

5. Хмелевский К.А. Статьи «Калединщина», «Казачество», Северо-Кавказская советская республика» // Советская историческая энциклопедия. Т. 5, 7, 9, 12.

6. Берз Л.И., Хмелевский К.А. Героические годы. Октябрьская революция и Гражданская война на Дону. Ростов н/Д., 1964.

7. Бабичев Д.С. Донское трудовое казачество в борьбе за власть Советов. Ростов н/Д., 1969.

8. Хмелевский К.А., Кириенко Ю.К., Перехов Я.А. Освещать историю по-ленински (По поводу книги о донском казачестве в революции) // Дон. 1970. № 7.; См. также: Хмелевский К.А. Казачья Вандея: ложь и действительность // Дон. 1977. № 4.

9. Хмелевский К.А. Сыны степей донских: О Ф.Г. Подтелкове и М.В. Кривошлыкове. М.: Политиздат, 1985.

10. Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном. Исторические очерки о Гражданской войне на Дону. Ростов н/Д., 1984.

11. Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном. Исторические очерки о Гражданской войне на Дону. Ростов н/Д., 1984. С. 63.

12. Хмелевский К.А., Хмелевский С.К. Буря над тихим Доном. Исторические очерки о Гражданской войне на Дону. Ростов н/Д., 1984. С. 98.

13. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома советской России Сергей Сырцов. М., 2013.

14. Пронштейн А., Хмелевский К. Донское казачество в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1965. № 1; Козлов А.И., Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Изучение истории борьбы за власть Сове-

тов на Дону и Северном Кавказе // Вопросы истории. 1981. №10; Хмелевский К.А. Этенко Л.А. Современная советская историография борьбы за власть советов на Дону и Северном Кавказе // История и историки. Историографический ежегодник. М., 1980; Хмелевский К.А. Историография Октябрьской революции и гражданской войны на Дону // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов н/Д., 1972.; Хмелевский К.А. Актуальные вопросы борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // Известия СКНЦ ВШ. общественные науки. 1974. №4; Пронштейн А.П., Хмелевский К.А. Рец. «Источниковедение истории СССР XIX-начало XX века // Вопросы истории. 1974. № 8.

15. В.И. Ленин и некоторые вопросы истории борьбы за власть Советов на Дону». // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1972.

16. Хмелевский К.А. Н.Л. Янчевский – историк Октября и гражданской войны на Северном Кавказе – Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск. 1975. С. 223–239.

17. Хмелевский К.А. Историография Октябрьской революции и гражданской войны на Дону // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. Ростов н/Д.: РГУ, 1972.

18. Помнят степи донские. Сборник воспоминаний участников Гражданской войны на Дону, казаков-буденновцев. Ростов н/Д., 1967 г.

19. Хмелевский К.А. Казачий федерализм. Идеология и политика // Историк и история. Нелегкий путь к истине. Памяти Александра Ивановича Козлова. М.: Собрание, 2010. С. 341–366.

Э.А. Шеуджен (Майкоп)

А.П. ПРОНШТЕЙН О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ: ВЗГЛЯД ЗА ГОРИЗОНТ

Обращение к научному наследию А.П. Пронштейна – выдающегося специалиста по истории феодализма в России, источниковедению и методологии истории, в современной историографической ситуации приобретает особое значение, так как позволяет не только понять его творческую индивидуальность, но и феномен историографии советского периода, интеллектуальную жизнь профессионального сообщества историков. Подобный подход, наряду с традиционным описанием исторических концепций, проблематики опубликованных работ, их источниковой основы, используемых мето-

дов, дает возможность обратиться к анализу, главным предметом которого становятся качественные перемены в творческой практике и сознании историков, непосредственно взаимодействующих с культурно-исторической средой конкретного времени. «Увидеть и понять автора произведения – значить увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир» [3, с. 306].

В этом смысле, начало 70-х гг. прошлого века для исторической науки были особыми. Для многих национальных школ это было время поиска своего пути в истории: наряду с классической историографией широкое развитие получили новые, модернистские направления исторического знания. Возникновение новационных идей было обусловлено стремлением преодолеть методологический кризис, «разорвать» традиционные рамки, расширить арсенал научных подходов, методов и моделей исторических исследований, «увидеть новые горизонты».

В основе «новой» источниковедческой концепции лежало утверждение, что источники – только «следы», по которым историки восстанавливают прошлую действительность. «Пена. Гребешки волн, рябь на поверхности мощных дыхательных движений океана. Мелкая пыль индивидуальных поступков, судеб, происшествий» [9, с. 84]. Уже само рождение «новой» исторической науки стало «бунтом» против утвердившихся в историографии представлений о безусловном приоритете письменных источников. Традиционные исследовательские процедуры с письменными текстами пытались заменить интеллектуальными прозрениями. Дело дошло до утверждения, что история «может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует» [9, с. 185]. Происходившие в исторической науке процессы были настолько динамичными и масштабными, что возникло ощущение их перманентной революционности: критика традиционной историографии все больше стала напоминать военную операцию («бои за историю», «апология истории» и т.п.).

Весьма своеобразно складывалась историографическая ситуация и в нашей стране: историки все более остро ощущали потребность выйти за пределы догматизированных представлений и идеологических запретов. Недолгая «оттепель», породившая надежды на свободное творчество, сменилась восстановлением жесткого идеологического контроля. В специальном постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (14 августа 1967 г.) выдвигалось требование строгого соблюдения принципа партийно-

сти и классового подхода, при этом утверждалось, что марксистская парадигма нисколько не противоречит научной объективности.

Научная мысль историков все более жестко «вписывалась» в русло официальной доктрины. В 1969 г. в журнале «Коммунист» была опубликована «знаковая» редакционная статья. В ней группа историков подвергалась резкой критике за «попытки пересмотра проверенных жизнью истин» [5, с. 72]. Даже сама идея «нового прочтения» марксистско-ленинских утверждений становилась предметом своеобразных дискуссий, результаты которых нередко были основанием для принятия «разгромных» постановлений и административных мер. Возрождался порочный метод подмены научных обсуждений специально организованными кампаниями, направленными на «пресечение» любого инакомыслия. Более того, историкам на горьком опыте 30-х гг. были хорошо известны возможные последствия любой критики официальной доктрины.

Именно в это время, в 1971 г., была опубликована знаковая работа А.П. Пронштейна «Методика исторического исследования» [10]. При этом хотелось бы отметить, что труды по методологии истории М.А. Барга и И.Д. Ковальченко, ставшие классическими, были опубликованы гораздо позже [2; 7]. Монография А.П. Пронштейна является несомненным свидетельством того, что при всей обусловленности научного творчества историков реально существующей интеллектуальной средой, взгляды каждого из них по-разному отражают общее состояние исторической мысли, влияя на ее развитие, обустраивая «границы» свободы творчества.

Хорошо известно, что методологические аспекты любой науки, а истории, быть может, в большей степени, являются наиболее сложной областью научного знания. Обращение к проблемам методологии истории А.П. Пронштейн объяснял логикой развития науки, рассматривал как необходимый показатель ее «обновления и совершенствования» [10, с. 3]. Со всей определенностью ставился вопрос о необходимости возродить научный интерес к методологии исторического исследования. До удивления смело звучало утверждение, что «историки всегда думали над тем, какими методами они восстанавливают историческое прошлое, отраженное в источниках, и заботились об их совершенствовании» [10, с. 4]. Более того, этот вывод подтверждался принципиально значимыми ссылками на извлечения из работ В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, А. Шлецера, В.О. Ключевского, Ф. Шлеймахера, В. Вундта, И. Дройзена и др., без «разделения» их на дворянских и буржуазных, на российских и зарубежных.

Особое значение имело стремление автора ввести в научный оборот знания в области методологии, накопленные исторической наукой, в том числе российской, в XIX – начале XX вв. [4; 6; 8; 11]. По мнению А.П. Пронштейна, именно под влиянием философии неокантианства у историков все более проявлялось критическое отношение к незыблемости исторических фактов, заключенных в источниках, что требовало дальнейшего совершенствования принципов, методов и методик их критического анализа. Называя труды Ш. Ланглау, Ш. Сеньобоса, Э. Бернгейма и А.С. Лаппо-Данилевского, он подчеркивал, что именно «ими выработана методика научной критики письменных исторических источников, получившая широкое признание среди буржуазных историков» [10, с. 5].

Последующий смысловой конструкт его рассуждений недвусмысленно требует завершения этого вывода, – «но не советских». Большинство их идей, как имеющих «антимарксистскую», «идеалистическую» направленность, получали негативные оценки в трудах большинства советских историков. Обращение А.П. Пронштейна к их работам имело важное реанимационное значение: восстанавливалась утраченная связь интеллектуальных исканий, утверждалась мысль, что в любое время, к счастью, жили и творили выдающиеся историки, труды которых стали своего рода рубежами в историографии, личностными факторами развития науки.

Конечно, при обращении к работам, опубликованным десятилетия тому назад, в другой среде, важно учитывать, что понимание значимости событий автором и современными историками может кардинально отличаться. Всегда остается зона риска, но именно в этом таится особое очарование истории. «Рисковать как можно больше, – призывал Ф. Анкерсмит, – а, стало быть, создавать наиболее невероятное или наиболее неправдоподобное повествование о прошлом – с той существенной оговоркой, что это повествование, не должно быть отвергнуто прошлым или будущим историческим исследованием» [1, с. 12].

В этом контексте важно отметить, что А.П. Пронштейн предлагая свою «точку зрения», как правило, не придавал своим выводам характера абсолютной истины, напротив, его выводы зачастую становились основанием для научных дискуссий, способствующих приближению к истине. Данный подход находил отражение даже в стремлении объяснить базовые положения марксизма, связанные с процессом познания истории. Думаю, что это делалось сознательно: как это ни парадоксально прозвучит, многие советские историки

плохо знали идеи и взгляды основоположников научного социализма, сводя рассуждения к отдельным извлечениям или цитатам, произвольно «вырванным» из контекста, исключая из поля внимания возможность (или невозможность) их применения к реалиям исторического процесса.

Монография А.П. Пронштейна разрывала этот порочный круг. Ссылаясь на взгляды известных историков, таких как Н.М. Дружинин, Я.С. Лурье, он отмечал значение исторического материализма, в то же время, подчеркивая, что из этого «не вытекает, что советские ученые должны отказаться от всех методов исследования, выработанных буржуазной наукой... Поскольку, техника исследования развивается не только по законам идеологической преемственности, но и по законам преемственности познавательной» [10, с. 10]. *Для подобных заявлений нужно было иметь не только глубокое знание предмета, но и немалое мужество!*

Предлагая свою «точку зрения» на методологические проблемы, А.П. Пронштейн стремился внести ясность в понятие методологии, учитывая, что в науке существовали принципиально отличавшиеся подходы: – совокупность или система методов; – принципы изучения истории; – исходные теоретико-методологические позиции и т.п. Он с сожалением отмечал, что, несмотря на предпринимаемые усилия, не удалось сформулировать четко обоснованное определение методологии как отрасли научного знания или дисциплины, имеющей свой конкретный объект изучения.

Заслуживает серьезного внимания постановка А.П. Пронштейном вопроса о существующем разрыве между развитием методологии исторического исследования и методики. В его рассуждениях на эту тему наряду с понятиями метод и методология особое место занимает дефиниция «методика», учитывая, что вопросы методики изучения исторических источников «совершенно выпали из системы научно-исследовательской работы». Как следствие, он ставил задачу привлечения внимания ученых к этой проблеме с тем, чтобы «восстановить в правах само понятие «методика исторического исследования», «почти забытое в наше время» [10, с. 3–4]. С полным основанием можно констатировать, что и «в наше время»: достаточно обратиться к большинству историко-методологических исследований. Более того, нередко «забытое» старое представляется как «новое» слово в науке.

Не отрицая того, что методика и техника исследования сохраняют «известную автономию по отношению к методологической позиции исследователя», А.П. Пронштейн подчеркивал, что методика

исторического исследования находится в неразрывной связи с методологией, причем последняя определяет не только задачи методики, но и всю совокупность применяемых приемов. По его убеждению, тезис о нейтральности техники исторического исследования противоречит всей истории исторического знания [10, с. 7].

Появление каждого нового направления в исторической науке всегда находило выражение не только в рассмотрении исторической действительности на основе новых идейно-методологических принципов, но и в выработке методов изучения и использования исторических документов. Осмысление этих важных вопросов актуализировало задачу развития теории источниковедения, текстологии, исторической герменевтики, привлечения в историческую науку методов и методик других научных дисциплин.

В известном смысле А.П. Пронштейн делает решительный шаг за пределы познавательной парадигмы своего времени, что было важно не только в его время, но и в наши дни. Несмотря на проводимые исследования в этой важной области научного знания, заявившие о себе научные центры и школы, поиски и прозрения, продолжают существовать весьма противоречивые мнения относительно даже такого фундаментального понятия как «методология истории», ее объекта, предмета, места в процессе познания прошлого.

По-прежнему стоит задача восстановить в правах описание и анализ исследовательских методик как важной части теоретико-методологического обоснования проводимых исследований. А.П. Пронштейн был убежден и на практике своей исследовательской деятельности убедительно доказывал, что методика охватывает все этапы исследования: наблюдение, сбор материала, способ описания, характер интерпретации, анализ способов, с помощью которых решаются задачи изучения исторических источников.

Благодаря приводимым им аргументам становится ясно, что даже самые современные, новационные методы не способны стать эффективными без применения четко продуманной методики исследования. В работе А.П. Пронштейна отчетливо «прописан» алгоритм необходимых операций: изучение методов прочтения и уяснения содержания источника, дошедшего до нас в одном списке; восстановление оригинала по текстам, сохранившимся в нескольких видах и редакциях; истолкование исторических источников; установление времени, места, автора и условий их возникновения; выяснение научной значимости информации, заключенной в различных видах источников: законодательстве, актовом материале, повествовательных источниках и т. п. [10, с. 13].

Обращение к работе А.П. Пронштейна позволяет подтвердить убеждение в важности личного исследовательского опыта при изучении теоретико-методологических проблем. Поражает воображение количество и типология привлекаемых им источников, в основном относящихся к российскому средневековью и раннему новому времени. Именно к тому периоду истории, которым он успешно занимался в течение многих лет, получив заслуженное признание коллег. Работа содержит не только обширный источниковедческий материал, вводимый для обоснования выдвигаемых теоретико-методологических положений, но и наглядно отражает накопленный автором практический опыт анализа различных видов источников, непосредственно им апробированные приемы анализа. Книга снабжена указателями имен и исторических источников, включающих более 350 памятников, использованных автором в тексте. При этом большой педагогический опыт, широкая эрудиция дали ему возможность привлечь данные не только исторических дисциплин, но и смежных: лингвистики, литературоведения, юриспруденции.

В этом смысле А.П. Пронштейн восстанавливает интеллектуальный мост с предшественниками и современниками: методология истории зарождалась в виде источниковедческой практики, обобщения накопленного опыта изучения обширных материалов по истории различных народов и стран. Это важно отметить хотя бы потому, что в последние годы сложилась достойная удивления практика, когда диссертационные работы по источниковедению, историографии и даже методологии истории представляются на защиту людьми, не имеющими элементарных навыков практической работы с источниками, обладающими лишь отдаленными представлениями о технологии подобной деятельности. Можно сколько угодно рассуждать о взглядах Леопольда фон Ранке, но все эти экскурсы не имели бы смысла без его знаменитого семинара. Именно в нем осваивалось «ремесло историка», и выпускники не только Берлинского, но и других университетов Европы, в частности России, упорно овладевали методами и методикой работы с историческими документами.

Во многом благодаря исследованию А.П. Пронштейна появилась возможность рассматривать методологию истории не только как теоретическую дисциплину, органично входящую в сложную систему исторических знаний, с объектом, предметом, целями, принципами, методами и методиками, но и симбиоз апробированных исследовательских практик. Логичным звучит посвящение ра-

боты – студентам исторического факультета Ростовского государственного университета: в этом не претензионном заявлении автора отразились принципиально значимые особенности его творческой личности: учить тому, что удалось понять в профессии за многие годы труда и сомнений. В этом весь профессор А.П. Пронштейн – гражданин, ученый, учитель, человек, умевший жить достойно в отведенное ему судьбой время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.
2. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
4. Виппер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911.
5. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3.
6. Кареев Н.И. Теория исторического знания. СПб., 1913.
7. Ковальченко И.Ф. Методы исторического исследования. М., 1987.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.
9. Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.
10. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д., 1971.
11. Хвостов В.М. Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. М., 1909.

М.Е. Колесникова (Ставрополь), А.В. Танцевова (Москва)

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК-КАВКАЗОВЕД В.П. НЕВСКАЯ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В плеяде выдающихся отечественных кавказоведов одно из мест по праву принадлежит замечательному историку, профессору Валентине Павловне Невской (1919–2009). Жизнь и деятельность столь крупной фигуры в исторической науке, как В.П. Невская, не остались незамеченными в отечественной историографии, ее жизни и деятельности посвящены биобиблиографические очерки, подго-

товленные коллегами, учениками [4, 5, 6, 8, 9, 12, 18, 21]. Вклад профессора В.П. Невской в историческую науку был оценен на мировом уровне. Дважды, в 1993 г. и 1995 г., за выдающиеся заслуги в развитии исторической науки В.П. Невская была объявлена Женщиной года по версии Кембриджского международного биографического центра и награждена «Медалью века», а ее имя внесено в ежегодник «Кто есть кто?», издаваемый Кембриджским центром [23, с. 463].

Хронологическая канва жизни В.П. Невской делится на три больших периода. Первый (1919–1951) – связан с детством, учебой и становлением будущего историка. Общий процесс развития государства и общества в этот непростой период истории не просто отразился на внешних обстоятельствах жизни Валентины Павловны, но и произвел в ее научном творчестве существенные изменения, своеобразную трансформацию научных интересов, что стало началом нового научного поиска, масштабных научных исследований в области кавказоведения.

Родилась Валентина Павловна Невская (в девичестве – Скворцова) 1 августа 1919 г. в г. Самаре, в семье служащих. Спустя три года семья переехала в Москву. Ее отец, Павел Михайлович Скворцов, служил во Внешторге, поэтому свое детство маленькая Валя провела в разных городах и странах, так как семья часто переезжала по месту службы отца. В начале 1920-х гг. два года семья жила в Персии (Иране), позже, когда отца перевели на Дальний Восток – во Владивостоке. Отец Валентины Павловны работал в «Дальгосторге», часто бывал в командировках в Японии, куда однажды взял с собой и восьмилетнюю дочь. По ее воспоминаниям, в Японии они жили в гостинице, а когда отец уезжал по делам службы, она оставалась в семье известного советского дипломата А.А. Трояновского, который в 1927–1939 гг. был полпредом СССР в Японии [9, с. 462]. Позже, два года, с 1930 по 1932 г., семья проживала в Германии, в Берлине и в Лейпциге. В этих поездках зародился интерес к истории, предопределивший выбор профессии, а знание языка пригодились в последующей научно-исследовательской работе. По возвращению в страну семья проживала в Москве, отец Валентины Павловны занимал пост заместителя Наркомрыбпрома СССР.

В Москве Валентина Павловна с отличием закончила школу и поступила на отделение германской филологии Московского института иностранных языков. Но интерес к истории взял вверх и после первого курса она забрала документы и поступила на истфак Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Но учиться ей там пришлось недолго. В 1938 г. с

арестом отца, которого обвинили в шпионаже, жизнь семьи резко изменилась в один день, была арестована мать, как жена «врага народа», семью выселили из квартиры. В том же 1938 г. он был расстрелян, реабилитирован в 1953 г. Валентина Павловна, чудом уцелев от репрессий, вынуждена была перевесить на заочное отделение, устроилась работать в библиотеку.

В 1941 г. Валентина Павловна с маленьким сыном Володей эвакуировалась в Ташкент, где проживали родственники матери. В Ташкенте Валентина Павловна устроилась на хлопковый завод, работала на хлопковых плантациях, в швейном цеху. Позже она вернулась в Куйбышев (родную Самару), работала на заготовке дров, трудилась в Райпромкомбинате и артели им. Парижской коммуны.

В 1944 г. Валентина Павловна с сыном вернулась в Москву, продолжила обучение в институте, на истфаке. В этот период она увлеклась историей древнего мира, участвовала в знаменитой экспедиции известного ученого-археолога А.М. Славина по изучению греческой колонии Ольвии в Бугско-Днепровском лимане. В эти годы вышла ее первая научная публикация о Боспорском царстве в Малой Советской энциклопедии [7]. Все это предопределило ее дальнейшую судьбу. После окончания института, в 1947 г. Валентину Павловну пригласили в аспирантуру к профессору В.Н. Дьяконову, который заведовал в МГПИ им. В.И. Ленина кафедрой истории древнего мира.

В аспирантуре она работала над сложной и малоизученной в тот период в мировой исторической науке темой «Византий в классическую и эллинистическую эпохи». Это был напряженный период жизни Валентины Павловны, родился второй сын Николай, забот требовала семья. Но она справилась. После блестящей защиты в 1950 г. кандидатской диссертации перед молодым ученым открывались большие перспективы, научный руководитель предложил ей задуматься о докторантуре и даже определил тему будущей докторской диссертации «Византий в римскую эпоху». Но Валентина Павловна отказывается от научной карьеры в столице и просит распределить ее в Учительский институт в провинциальный г. Муром. В этот период из Казахстана, где она проживала после выхода из лагеря, вернулась мама Валентины Павловны – Татьяна Васильевна. Проживать в Москве она не могла («без права проживания в столице») и Валентина Павловна выбрала возможность быть вместе с мамой. Новое место, новый коллектив, новая работа – преподаватель вуза, она, как и наука станут призванием Валентины Павловны.

Здесь она продолжила заниматься античной историей, подготовила к печати монографию по теме кандидатской диссертации.

Монография «Византий в классический и эллинистический периоды» стала научным событием, она была опубликована в 1953 г. в издательстве Академии наук СССР в серии «Причерноморье в античную эпоху» (четвертый выпуск серии) и была высоко оценена специалистами [13]. Позже монография была переведена на немецкий язык и издана в Лейпциге в 1955 г. [22]. Отзывы на монографию В.П. Невской были опубликованы в австрийском, французском, болгарском научных исторических изданиях. В Японии в 1955 г. вышла развернутая рецензия в историческом журнале «Шихо» [24].

Монография вышла в свет, когда Валентина Павловна в очередной раз, в силу сложившихся обстоятельств, резко поменяла все в своей жизни. Она была вынуждена уволиться по собственному желанию из учительского института, где ей в отделе кадров, указав на анкету из личного дела, напомнили, что ее родители были репрессированы и недвусмысленно намекнули, что «тучи сгущаются над ней». Это был период последних репрессий начала 1950-х гг. Она пришла в отдел образования и попросила новое назначение. Ей предложили работу в Черкесске. В 1951 г. вместе с семьей она переезжает на Северный Кавказ.

Начинается второй (1951–1971 гг.) период в жизни и научном творчестве В.П. Невской, связанный с Карачаево-Черкесией. Здесь она встретит новую любовь и в 1952 г. выйдет замуж за Александра Петровича Невского. В этом браке родится дочь Татьяна, ставшая в будущем известным историком-кавказоведом – профессором Северо-Кавказского федерального университета Т.А. Невской. Первоначально в г. Черкесске В.П. Невская преподавала древнюю историю в учительском институте, после его перевода в другой город, в 1953 г. перешла на работу в Черкесский НИИ экономики, истории, языка и культуры, где заведовала сектором истории. Здесь она познакомилась с известным исследователем, археологом и этнографом Евгенией Павловной Алексеевой, впоследствии доктором исторических наук, ставшей личным другом Валентины Павловны. Их трудами были заложены основы научного познания исторического прошлого народов Северного Кавказа, их материальной и духовной культуры. Все это определило и новую тематику исследований Валентины Павловны – история народов Северного Кавказа и, прежде всего, народов Карачаево-Черкесии, входившей в то время в состав Ставропольского края.

Особое внимание в своих исследованиях В.П. Невская уделяла рассмотрению социально-экономических отношений народов региона, степени развития горских обществ в XIX – начале XX в. Этой теме посвящена ее монография «Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия» [14].

С именем В.П. Невской связано изучение истории и культуры карачаевского народа, которому она посвятила не один десяток лет, став широко известным и авторитетным кавказоведом. Интенсивные исследования истории Карачая начались после 1957 г., когда на родину были возвращены депортированные в Среднюю Азию карачаевцы. Ее перу принадлежит ряд монографий «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период)» [15]; «Карачай в пореформенный период» [16], «Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма» [17]. Итогом стала докторская диссертация «Карачай в XIX в. Эволюция аграрного строя и сельской общины», которую В.П. Невская успешно защитила в 1966 г. в Ростовском государственном университете. При ее непосредственном участии был подготовлен и обобщающий труд «Очерки истории Карачаево-Черкессии», первый том которого она редактировала совместно с профессором В.А. Романовским [19].

Третий этап (1971–2009 гг.) жизни и научного творчества историка-кавказоведа В.П. Невской связан с г. Ставрополем и Ставропольским государственным педагогическим институтом (позже Ставропольским госуниверситетом, ныне – Северо-Кавказский федеральный университет). В 1971 г. вместе с семьей В.П. Невская переехала в Ставрополь, перешла на преподавательскую деятельность, стала работать на кафедре истории Ставропольского государственного педагогического института, которую в те годы возглавлял профессор П.А. Шацкий, специалист по аграрной истории Ставрополья. С ним В.П. Невскую будут связывать годы дружбы, совместной работы и в будущем родственные связи (сын Владимир женится на дочери П.А. Шацкого – Ларисе Петровне).

Позже, после разделения кафедры истории, В.П. Невская возглавила кафедру всеобщей истории, которой руководила до 1982 г. Она много занималась организаторской работой, совершенствованием учебного процесса, важное значение уделяла развитию самостоятельной работы студентов. После реорганизации кафедры в 1997 г. и образованием кафедры истории древнего мира и средних веков Ставропольского государственного университета В.П. Невская продолжила работу на данной кафедре в должности профессора-консультанта. Она руководила работой студенческого историческо-

го кружка, работала в Малой академии наук городского Дворца детского творчества, проводила научные консультации, осуществляла координацию исследований в области ряда проблем северокавказской истории, редактировала научные издания, являлась членом диссертационного совета по историческим наукам, работающего на базе университета (с 1993 г.).

В течение многих лет профессор В.П. Невская читала курс по любимой ею истории древнего мира. Будучи прекрасным специалистом по истории византийского полиса классического периода, она подняла преподавание этой дисциплины на качественно новый, университетский уровень. На семинарских занятиях В.П. Невская учила студентов работать с источниками, читать и анализировать их, осваивать метод сравнительно-исторического исследования. С переходом на многоуровневую систему подготовки специалистов Валентина Павловна стала читать в магистратуре курс сравнительной истории мировых цивилизаций. Выйдя на пенсию, она еще долго продолжала читать лекции на первом курсе по истории древнего мира, которые очень любили студенты.

Ее демократизм сказывался в общении со всеми людьми, которые ее окружали. Она одинаково доброжелательно, уважительно равно относилась к профессору, доценту, старшему преподавателю и к студенту, вникая в вопрос или проблему, помогая советом, литературой. Ее по праву можно назвать ученым-просветителем, подвижником. Она любила студентов, молодежь, щедро делилась с ними знаниями и жизненным опытом, и ученики платили ей тем же. Большое внимание Валентина Павловна уделяла развитию творческой инициативы студентов. На семинарских и практических занятиях по истории древнего мира она старалась приобщить молодых историков к самостоятельному научному творчеству. Разрабатываемые по ее руководством темы курсовых и дипломных работ зачастую на долгие годы определяли направления научных исследований молодых людей, становились стартом для пути в большую науку, завершались написанием диссертаций кандидатских и докторских. Для студентов всегда была открыта ее богатейшая домашняя научная библиотека, книги из которой можно было взять для работы с собой. Но студенты историки, заходившие к профессору за книгой домой, так любили остаться на чай, послушать Валентину Павловну, ее мнение по той или иной исторической проблеме. Такие «посиделки», напоминающие по форме работу научного кружка. Во многом влияли на формирование взглядов и мировоззрение молодых историков. Обладая великолепной памятью, Валентина Пав-

ловна до последних дней жизни следила за успехами своих учеников, была прекрасным собеседником, всегда открыта для общения.

Научная деятельность профессора В.П. Невской в эти годы была посвящена продолжению исследований по истории Карачая в дореволюционный период. В 1980-е гг. она принимала участие в подготовке фундаментального академического издания «История народов Северного Кавказа», вышедшего в 1988 г. под редакцией А.А. Нарочницкого.

При непосредственном участии и редактировании В.П. Невской вышел первый том обобщающего труда по истории Ставрополя («Очерки истории Ставропольского края» (Т.1. 2-е изд. Ставрополь, 1986. 464 с.). В 1990-е гг. она входила в состав авторского коллектива по подготовке рукописи «Истории городов и сел Ставрополя» (Ставрополь, 2002. 702 с.)

За большие заслуги и вклад в развитие университета в 1997 г. профессору В.П. Невской Ученым советом было присвоено почетное звание «Заслуженный профессор Ставропольского государственного университета». Она – Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесии, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, была награждена медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «За многолетний добросовестный труд», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник просвещения СССР», другими знаками отличия, почетными грамотами.

Трудно переоценить вклад профессора В.П. Невской в науку, в развитие всеобщей истории, отечественного кавказоведения, в воспитание многих поколений северокавказской интеллигенции. Валентина Павловна Невская обладала удивительным качеством притягивать к себе людей, прежде всего своей увлеченностью наукой, потрясающей работоспособностью, целеустремленностью и такими человеческими качествами как доброта, жизнелюбие, честность, порядочность. Валентина Павловна была принципиальным ученым, непримирима к любым проявлениям научной недобросовестности или нечестности, и ни время, ни возраст не нарушили этих основных принципов ее жизни. Ее всегда отличали высочайший уровень внутренней культуры, доброжелательность, вежливость, деликатность, обаяние, тонкий юмор, активная жизненная позиция.

Оценивая вклад профессора В.П. Невской в отечественное кавказоведение, известный ученый-кавказовед, ее друг и соратник профессор В.Б. Виноградов особо подчеркивал ее научное и духовное подвижничество, отмечая присущее ей как исследователю такие черты, как «комплексность подхода к изучаемым явлениям»

ям и проблемам; умение совместить в своих трудах доминирование конкретной этнокультурной тематики с объективным и гибким учетом родственного и территориально ближайшего регионального фона; Глубоко обоснованные приоритеты российскости в судьбе северокавказских народов на протяжении нескольких последних веков; незаурядное умение проникнуть в самую ткань, в сердцевину той всеохватной аграрно-общинной подоплеки, которая диктовала специфику местного исторического процесса в широкой амплитуде эволюционных преобразований, что были присущи сельскохозяйственной яви Кавказа самого по себе и в общероссийском прогрессивном контексте; чуткость к содержанию самобытных горской и русской культур как органической части непреходящих ценностей всемирного наследия» [18, с. 7].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов А.П. Валентина Павловна Невская – античник и кавказовед // Политическая история и историография. От античности до современности. Сборник научных статей. Вып. III. Петрозаводск, 2000.
2. Беликов А.П. От Византия до Карачая. Научные пути профессора В.П. Невской // Памятники Отечества. Земля Ставропольская. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 2002.
3. Беликов А.П. Валентина Павловна Невская (1919-2009) // Вестник древней истории. 2009. № 3.
4. Беликов А.П., Невская Т.А. К 90-летию Валентины Павловны Невской // Научная жизнь Северного Кавказа в условиях социально-политических трансформаций. Краснодар, 2009.
5. Беликов А.П. Человек науки // Ставропольский хронограф на 2009 год. Ставрополь, 2009.
6. Беликов А.П. Судьба историка: Валентина Павловна Невская (01.08.1919 – 29.01.2009) // Историческая наука и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития (к 70-летию факультета истории, философии и искусств): сборник научных статей. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015.
7. Боспорское царство // Малая Советская Энциклопедия: В 11 т. – 2-ое изд. / Под ред. Н.Л. Мещерякова. М.: «Советская энциклопедия», 1936–1947. Т. 1.
8. Валентина Павловна Невская. Биобиблиографический очерк. Ставрополь, 1992.

9. Гаджиев В.Г. CONSORTIUM VITAS (Содружество на всю жизнь – лат.) // Мастера отечественного кавказоведения. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2005.

10. Назарова И.М. Выдающийся исследователь Кавказа // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. Сборник научных статей в честь 80-летия Валентины Павловны Невской. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1999.

11. Назарова И.М. Памяти учителя, ученого и необыкновенного человека (к 100-летию со дня рождения В.П. Невской) // Прозрителевские чтения: Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Вып. 10 (научное издание). Ставрополь: Бюро новостей, 2019.

12. Найдено А. В. Наследие и наследники: страницы родословной В. П. Невской // Гордимся нашей родословной. Ставрополь, 2008. 5 авг. С. 18–25.

13. Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи / Под ред. В.Н. Дьяконова. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

14. Невская В.П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия / Под ред. П.А. Брюханова. Черкесск: Кн. изд-во, 1956.

15. Невская В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период) / Под ред. Х.О. Лайпанова. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960.

16. Невская В.П. Карачай в пореформенный период / Карачаево-Черкесский НИИ истории, экономики и языка / Под ред. А.В. Фадеева. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1964.

17. Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачае и Черкесии в эпоху империализма. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, Карачаево-Черкесское отд., 1972.

18. Невская Валентина Павловна. Био-библиографический очерк. Серия «Российские исследователи Кавказа» / сост. Е.И. Нарожный; ред. В.Б. Виноградов. Армавир, 1994.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В ТРУДАХ Н.П. ГРИЦЕНКО

Николай Павлович Гриценко родился 15 ноября 1912 г. в Сумской области (ныне Украина), в 21 год поступил в Московский индустриально-педагогический институт им. К. Либкнехта, где закончил аспирантуру и защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по крестьянскому восстанию против польской шляхты в правобережной Украине (1768–1769 гг.). В начале Великой Отечественной войны он был призван на фронт, но в 1943 г. демобилизован по болезни.

Н.П. Гриценко получил распределение в Ульяновск и с 1943 по 1953 гг. являлся доцентом кафедры истории СССР Ульяновского пединститута, а с 1944 и до 1953 гг. – заведующим кафедрой, в 1943–1944 гг. – декан исторического факультета. Этот период его жизни и деятельности достаточно полно проанализирован доктором исторических наук Е.А. Бурдиным и младшим научным сотрудником А.В. Шафировым [2].

Н.П. Гриценко на основе архивных материалов городов Ульяновска, Казани, Ленинграда проанализировал процессы становления категории удельного крестьянства, подготовил монографию «Удельные крестьяне Среднего Поволжья», опубликованную в 1959 г., когда уже 6 лет, с 1953 г. жил в Грозном – тогда центре Грозненской области, созданной после выселения чеченцев и ингушей 23 февраля 1944 г. В 1961 г. по этой теме защитил докторскую диссертацию.

В г. Грозный Николай Павлович работал заведующим кафедрой истории пединститута (ныне Чеченский государственный университет – А.О.), а с 1963 по 1966 гг. – ректором. В начале 1970-х гг. он был заместителем директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, а потом – профессором Чечено-Ингушского государственного университета им. А.Н. Толстого. В этом его качестве автору данной статьи в 1977–1982 гг., будучи студентом исторического факультета ЧИГУ, посчастливилось слушать лекции Н.П. Гриценко по истории СССР. В эти годы на историческом факультете вместе с Н.П. Гриценко преподавали доктора исторических наук А.Н. Колосов, В.П. Крикунов, В.Б. Виноградов, а деканом был легендарный А.И. Хасбулатов. Николай Павлович был среднего роста, добродушным по отношению к студентам, его часто приглашали на встречи

со студентами, как ветерана войны. На этих встречах он рассказывал не только в войне, но и более раннем периоде своей жизни, когда он представлял, не помню в каком качестве, советскую власть в одном из сельских районов страны. На коне, в кожаной куртке, с револьвером на боку, молодой человек, как говорил Н. Гриценко, пытался произвести впечатление на девушек что, судя из контекста, несомненно, удалось.

В Грозном Николай Павлович жил в центре, на проспекте Победы (ныне проспект В. Путина – А.О.), в так называемом старом фонде, где квартиры были с высокими потолками. Кабинет (один раз был у него по поручению деканата – А.О.) заставлен книгами на всю высоту стен, здесь же был небольшой станок, на котором Н.П. Гриценко любил вытачивать деревянные изделия, балалайка на которой он играл в минуты отдыха. Все мои однокурсники помнят с какой гордостью, стоя в центре аудитории, слегка притопывая, Николай Павлович громко цитировал слова К. Маркса: «Изумленная Европа, в начале правления Ивана III едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязид, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя» [1].

Работая в Чечено-Ингушетии, Николай Павлович, обратился к ее истории и внес значительный вклад в ее изучение [3]. Методология исследования, естественно, была марксистско-ленинской, однако, Н.П. Гриценко много работал с архивными документами, глубоко изучая и анализируя те или иные процессы, протекавшие в чеченском и ингушском обществах.

Одной из первых крупных его работ была монография «Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVII – перв. пол. XIX вв.», изданная в 1961 г., в которой были затронуты существенные стороны истории почти всех народов региона, дано описание природных условий края, прослежена история заселения и первых взаимоотношений его населения. Автором широко освещены земледелие, животноводство, виноградарство, шелководство, ремесла, торговли и ряд других отраслей хозяйства.

Наибольший интерес представляет мнение Николая Павловича о развитии феодальных отношений в Чечено-Ингушетии – одном из дискуссионных вопросов чеченской и ингушской историографии. Не претендуя на окончательное решение проблемы, он считает, что чечено-ингушское общество в изучаемое время переживало глубокий процесс социальной дифференциации и феодализации и не со-

гласен с тем, что у чеченцев и ингушей была бесклассовая социальная организация. Феодализм, однако, по его мнению, не утвердился еще как самостоятельная социально-экономическая формация, но процесс его вызревания и становления не вызывает у ученого сомнения. На наш взгляд, Н.П. Гриценко упускал из виду то, что т.н. «феодалы» среди чеченцев и ингушей в большинстве своем были представителями других народов, опирающихся на свою военную силу, а позже на мощь царизма.

Автор приходит к вводу, что царизм не сумел осуществить своих планов колонизации Притеречных районов, дворянское землевладение с крепостными крестьянами не получило тех привычных форм, которые существовали в Центральной России. Освоение Притеречных земель происходило за счет государственных, главным образом беглых крестьян, горцев, грузин и армян, вышедших из Закавказья, за счет казачества Дона и так называемых кочевых народов, обитавших в этом крае.

Несомненным достоинством исследования является то, что автор выделяет то, что сближало народы Притеречного района в противовес тем, кто даже сегодня пишет только об извечной вражде и ненависти между народами Кавказа.

В предисловии к своей монографии Н.П. Гриценко отмечает, что «...чечено-ингушский народ...до сих пор не имеет еще написанного хотя бы -популярного очерка своей истории, не говоря уж об отдельных монографиях или капитальном сводном труде по истории Чечено-Ингушской АССР». Конечно, автор не называет подлинных причин отсутствия этих работ, но в 1961 г., спустя четыре года после восстановления ЧИАССР, этих слов было, как говорится, «умному - достаточно». Ценным представляется вывод автора, что «чечено-ингушское общество не представляло собой какой-то застывшей массы, замкнутой в горах и не общавшейся с внешним миром. Они активно осваивали плоскостные земли, что являлось прогрессивным явлением в развитии производительных сил общества».

В работе «Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861–1900 гг.)», изданной в 1963 г. в Грозном, Н.П. Гриценко на основе значительного корпуса архивных документов проанализировал поземельные отношения в Чечено-Ингушетии, уделив внимание наделению земель чечено-ингушской и казачьей верхушки, размежеванию земель и землепользованию плоскостных горцев и нагорной Чечни и Ингушетии, попыткам урегулирования земельного вопроса царскими властями, а также землепользованию терских казаков. Ученый подробно рассмотрел экономическое раз-

витие Чечено-Ингушетии, а также социальную дифференциацию и классовую борьбу здесь.

На основе анализа этих процессов автор приходит к выводам о том, что сложный и мучительный процесс складывания капиталистической формации в Чечено-Ингушетии начался приблизительно в 70-х гг. прошлого века (XIX в. – А.О.) и остался незавершенным к 1917 г. Причины незавершенности Н.П. Гриценко видит в оторванности региона от центральных промышленных районов, неразвитости железнодорожного транспорта и дорог, разобщенностью горцев, изолированностью и замкнутостью целых сельских обществ, колониальной политике, сохранении патриархально-родовых и феодальных пережитков, реакционности мусульманского духовенства.

И в этой работе Николай Павлович подчеркивает, что о наличии феодального уклада свидетельствует антифеодальная борьба горских масс в первой половине XIX в. И хотя нет юридически оформленных прав на землю, – эти права под нормами адата и шариата на деле существовали в реальной жизни. По мнению Н.П. Гриценко феодальные отношения в Чечено-Ингушетии, видимо, были связаны не только с развитием феодальной собственности на землю, но и с владением на большие стада мелкого и крупного рогатого скота, владением на лесные участки, правом сбора различных пошлин и 'взносов на нужды религии, сбором пошлин с проезжающих купцов в пользу знати и т.д.

Автор скрупулезно анализирует состояние дел в изучаемой области, приводит, например, конкретные цифры по наличию земли у чеченцев и ингушей в начале XX в.: в Нагорной полосе Чечни приходилось пахотной земли на одну душу: от 0,01 до 0,2 десятины в 23-х обществах, от 0,20 до 0,25 в 16-ти, от 0,26 до 0,42 в 39-ти, от 0,50 до 0,9 в 43-х, от 1,00 до 2 в 7-ми обществах. Многие горцы за неимением собственной земли или по малоземелью вынуждены были арендовать ее на стороне – у казачества, которая дорого им обходилась, так, в 1905 году ингуши уплатили за аренду земли почти 50 тысяч рублей, а чеченцы – 400 тысяч рублей.

Подробно рассмотрено в книге и землепользование у казаков, которые владели в среднем, на одну мужскую душу около 30 десятин земли.

В работе «Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии», изданной в 1971 г. ученый исследует, по его же терминологии, классовую и антиколониальную борьбу народных масс Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв., анализируя экономическое и социально-политическое положение горского крестьян-

ства, а также абреческое движение как одну из форм антиколониальной классовой борьбы. Как и все работы Николая Павловича, исследование базируется на широком круге источников. Также Н.П. Гриценко практически во всех исследованиях отстаивает точку зрения, что население Чечено-Ингушетии не было в социальном отношении единым целым в противовес тем, кто считал, что вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в Чечено-Ингушетии не было классов, а сохранялся родовой строй. В условиях Чечено-Ингушетии, считает автор, классовая борьба переплеталась с национально-освободительной. Николай Павлович, на основе анализа источников, приходит к выводу, что среди терского казачества также происходили социально-экономические изменения, усиливалась социальная дифференциация. Он отмечает тяжелое и бесправное положение большинства крестьян-переселенцев, т.н. иногородних.

Говоря об абречестве, Н.П. Гриценко подчеркивает, что на Северном Кавказе оно представляло сложное социальное явление, делившиеся, по его мнению, на две группы: абречество как протест против колониальной политики царизма и царских чиновников, местных старшин и богатеев, имевшее политическую окраску, и абречество с целью воровства и обогащения, вырождавшееся в бандитизм. Автор считает, что абречество Чечено-Ингушетии не принадлежало ни к какой революционной организации и напоминало партизанскую войну только по формам борьбы, а по своим методам выливалось в месть, индивидуальный террор.

Николай Павлович приводит любопытные факты, касающиеся абреческого движения: в 1910 г. землевладелец-овцевод Г. Юшковский получил по почте письмо с требованием от имени известного абрека Зелимхана Харачоевского уплатить 20 тысяч рублей «или распрощаться с жизнью», но оказалось, что его написал овцевод Г. Мамонтов; Зелимхан не обогащается, а раздает деньги беднякам и даже родственникам из его добычи ничего не доставалось; при нападении на Кизлярское казначейство в отряде Зелимхана находился терский казак Орлов, бежавший из станицы к ингушам, где принял мусульманство и женился; с 1906 по 1908 г. ни один начальник военного поста, ни один рядовой казак не донес на Зелимхана властям; в потерянной сумке Зелимхана среди других вещей находились почтовые открытки с изображениями Шамиля, Хаджи-Мурата и наибов Шамиля в Чечне.

Автор пришел к выводу, что в революцию 1905–1907 гг. Зелимхан с абреками как бы дополнял крестьянские выступления и имен-

но этим можно объяснить, почему так упорно, настойчиво и дольше других сопротивлялись крестьяне Веденского округа (здесь находилось его родное село Харачой – А.О.) у которых Зелимхан находил поддержку и сочувствие.

Одной из крупных работ Н.П. Гриценко является монография «Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V–XIX вв.», изданная в Ростове-на-Дону в 1984 г. В ней автор подробно исследует становление и развитие городов Северо-Восточного Кавказа в V–XVI вв., Терского города и его связи с Астраханью и другими городами, Дербента и крепости Святого Креста. Отдельный раздел посвящен Кизляру, который в XVIII – сер. XIX в. был политическим, экономическим и культурным центром Северо-Восточного Кавказа. Николай Павлович также подробно проанализировал историю Моздока, крепостей Владикавказа, Грозной, Порт-Петровска. Для нас несомненный интерес представляет сведения о крепости Грозной, основанной, как известно, по распоряжению генерала А. Ермолова в 1818 г. Строительство было начато в июне и в октябре 1818 г. в основном закончено солдатами и казаками численностью около семи тысяч человек, которые прибыли сюда в мае 1818 г. Н.П. Гриценко пишет, что крепость находилась вблизи Ханкальского ущелья, где располагались чеченские аулы, хотя, на самом деле, несколько чеченских аулов были уничтожены при закладке крепости, однако, после того как отметили в 1982 г. т.н. 200-летие добровольного вхождения Чечни в состав России писать об этом, видимо, было не совсем в русле официального курса. Правда, автор отмечает, что походы, совершавшиеся вглубь гор из крепости, иногда сопровождались уничтожением аулов, что вызывало возмущение не только горцев, но и русских прогрессивных людей. Возмущение это, однако, на наш взгляд, не мешало ни организации походов, ни уничтожению аулов, да и не могло в этих условиях помешать. Примечательно, что в этой книге Н.П. Гриценко употребляет выражение «так называемая Кавказская война». Интересным представляется приводимое Н.П. Гриценко мнение офицера А. Зиссермана отмечавшего, что в течение 22 лет (1819–1840) «чеченцы не показывали особой враждебности и жили мирно», но власть этим не воспользовалась.

Автор сообщает, что в 20–30-х гг. XIX в. крепость была хорошо укреплена, гарнизон ее состоял из 3 тысяч солдат офицеров при 40–50 стволах артиллерии.

В 1840 г. от крепости отделяется станица, получившая название Грозненская, но только в 1848 г. ее население причисляет-

ся к казачьему сословию. В 1852 г. в Грозной учреждается Главное управление чеченского народа, создается чеченский суд. Постепенно крепость для чеченцев, а позже и для казаков превращается в административный и экономический центр, и эта трансформация прослеживается ученым, как говорится, с цифрами в руках. Н.П. Гриценко указывает, что в первой четверти XIX в. нефть стала объектом купли-продажи, с 1811 г. нефтяные колодцы стали сдавать в откуп, сначала откупщиком являлся Моздокский полк, а с 1838 г. нефтяные источники стали собственностью Кавказского линейного войска.

Николай Павлович подробно показывает изменения в области культуры, отдавая должное усилиям П. Услара, Я. Михайлова, созданию в 1863 г. горского учебного училища. С большой симпатией он пишет о декабристах, бывавших в Грозной, поэтах А. Полежаеве, М. Лермонтове, писателе Л. Толстом, ученых и путешественниках: физике Э. Ленце, академике Г. Абихе, хирурге Пирогове.

Практически во всех исследованиях Н.П. Гриценко приводится огромное количество ссылок на документы и выдержек из них что эти работы вполне можно использовать и в качестве источников по истории как Чечни, Ингушетии, так и Северного Кавказа.

Вклад Н.П. Гриценко в исследование истории Чечено-Ингушетии велик и многие его работы (небольшая часть из них доступна в Национальной библиотеке им. А. Айдамирова в электронном варианте) не потеряли актуальности и в настоящее время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс Карл Генрих. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. (Секретная дипломатия XVIII века). С. 32 [Эл. ресурс] // <https://www.rulit.me/books/razoblacheniya-diplomaticheskoy-istorii-xviii-veka-read-367437-32.html>
2. Шафиров А.В., Бурдин Е.А. Николай Павлович Гриценко: научная деятельность ульяновского историка и краеведа (1943–1953 гг.) // История науки и техники. 2015.
3. Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVII -перв. пол. XIX вв. // Чечено-Ингушский НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1961.; Истоки дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1962; Посемейные списки селений – важнейший источник истории Чечено-Ингушетии последней четверти XIX в. // ЧИНИИ. Известия. Т 3. Вып. 1. История. Грозный, 1963; Экономическое развитие Чечено-Ингушетии

в пореформенный период (1861–1900). Грозный, 1963; К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ЧИНИИ. Известия. Т 5. Вып.1. История. Грозный, 1964; К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ЧИНИИ. Известия. Т. 5. Вып. 1. История. Грозный, 1964; Заметки о деятельности Абрамовской комиссии // ЧИНИИ при Совете Министров. Известия. Т. 6. Вып. 1. Грозный, 1965; Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с русским. Грозный, 1965; Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом. Грозный, 1965; Умалат Лаудаев – первый чеченский этнограф и историк // ЧИНИИ ист., яз. и лит. Известия. Т VII. Вып.1. История. Грозный, 1966; Землепользование терских казаков и переселенцев // Очерки истории ЧИАССР. Т. 1. Грозный, 1967; Состояние сельского хозяйства и земельные отношения // Очерки истории ЧИАССР Т. 1. Грозный, 1967; Современники середины XIX века о Чечне и чеченцах // Археолого-этнографический сборник. Чечено-Ингушский НИИ ист., яз. и лит. Т. II. Грозный, 1968. С. 290; Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии. Грозный, 1971; Чечено-Ингушетия в трудах советских исследователей. Вып. 1. Грозный, 1971; Классовая и антиколониальная борьба крестьян Чечено-Ингушетии на рубеже XIX–XX вв. Грозный, 1971; Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972; Истоки дружбы: Из истории экономико-культурных связей и дружбы чеченского и ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа. Грозный, 1975; Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т X. Грозный, 1976. С. 276; Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII–XIX веках // Известия Чечено-Ингушского ин-та ист., соц. и филол. Т. XI: Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977; Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI–XIX веках // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный, 1979; Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI–XX вв. Грозный, 1981; Гриценко Н.П., Хасбулатов А.И. Начало вовлечения Чечено-Ингушетии во всероссийский рынок // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – начале XX в. Грозный, 1981. С. 44–57; Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа. Грозный, 1981; Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V–XIX вв. Ростов н/Д., 1984.

**П.Г. ЧЕРНОПИЦКИЙ (1926–2002) – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1920–1922 гг.
И ГОЛОДА 1921–1922 гг. В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ**

Одним из многолетних преподавателей исторического факультета Ростовского государственного университета и младшим современником профессора Александра Павловича Пронштейна был Павел Григорьевич Чернопицкий (1926–2002). Любопытно, что последняя опубликованная статья П.Г. Чернопицкого была посвящена участию А.П. Пронштейна в Великой Отечественной войне [8, с. 122–124]. П.Г. Чернопицкий – известный советский историк-аграрник, признанный специалист по истории северокавказской доколхозной и коллективизированной деревни [3; 10; 11], ученик П.В. Семернина, соратник и друг Е.Н. Осколкова, Ю.П. Денисова, Я.А. Перехова, В.И. Зайдинера, В.Е. Щетнева, многолетний коллега А.И. Козлова [4; 5, с. 128–129; 6, с. с. 16]. Определенным итогом научной деятельности стала защищенная П.Г. Чернопицким в 1990 г. докторская диссертация на тему «Социально-экономическое развитие деревни Северо-Кавказского края в 1920–1929 годах». В постсоветский период ученый обратился к осмыслению сложных событий донской истории 1920–1930-х гг. на основе изучения ставших доступными документов ростовских архивов.

В сферу научных интересов П.Г. Чернопицкого в 1990-е – начале 2000-х гг. входили вопросы судеб казачества и крестьянства в советское время, дискуссионная проблема геноцида казаков и выселения терских казаков в 1920 году, история коллективизации на Дону и голода на Северном Кавказе в 1932–1933 гг., проблемы украинского населения Дона и Кубани и подготовка сборника документов о Филиппе Миронове и гражданской войне на Дону в 1917–1921 гг. Среди прочих проблем он обратился к исследованию повстанческого движения в 1920–1922 гг. и голода 1921–1922 гг. в Донской области. Интерес к этим событиям донской истории был в известном смысле закономерен, а появившаяся возможность изучения архивных материалов сделали возможным обстоятельно изучить данные вопросы. Еще в монографии 1987 г. П.Г. Чернопицкий привел факты засухи и голода в 1921–1922 гг., в результате которых «к лету 1922 г. на Дону голодало 638 тыс. человек, т.е. около половины населения» [10, с. 54].

В 1994 г. рассуждая о недавнем прошлом российского крестьянства, П.Г. Чернопицкий отметил факт появления на Дону бригады бывшего комбрига 1-й Конной армии Маслакова начавшего борьбу против большевиков и заключил, что «это были стихийные восстания крестьянства против насилия белых и красных, против издевательств властей над человеческим достоинством крестьянина». Большевистское руководство жестоко расправилось с восставшими крестьянами, но вынуждено было отменить продразверстку и ввести продналог [15, с. 16].

Более детально П.Г. Чернопицкий исследовал эту тему в 1997–1998 гг., выступив с докладом на конференции и опубликовав обстоятельную статью. В 1997 г. он представил общую характеристику повстанческого движения на Дону в 1920–1922 гг. Автор выделил этапы повстанчества: начальный этап с весны до августа 1920 г., появление первых вооруженных групп, совершавших убийства продработников. Усиление вооруженной борьбы пришлось на август 1920 – середину мая 1921 гг., когда растет количество и численность отрядов, разворачивается террор в отношении сотрудников советских учреждений и большевиков, происходят массовые восстания. Май – август 1921 г. – «некоторое затишье, связанное с получением известий о замене продразверстки продналогом». Затем новый всплеск повстанчества, вызванный взиманием проднаряда, вновь массовый террор. Ноябрь 1921 г. автор отметил в качестве рубежа начала спада повстанческого движения, причинами которого стали жестокие меры подавления, объявленная амнистия, начавшийся массовый голод и большая усталость населения. В результате к началу мая 1922 г. повстанческое движение было подавлено. Автор признал, что определить численность повстанцев трудно, т.к. отряды после разгрома рассыпались, но затем они пополнялись добровольцами. Он полагал, что большевистское руководство Донской области не смогло провести классовое расслоение казачества, и насилие было направлено против середняка, который вместе с кулаком ответили власти массовым сопротивлением. Но при этом автор подчеркнул, что повстанческое движение по своему характеру не являлось кулацко-контрреволюционным, это было «стихийное выступление против непомерного насилия и грабежа, когда была объявлена война всему крестьянству и казачеству», рассматривавшемся большевиками как мелкобуржуазная масса. Донское повстанчество П.Г. Чернопицкий определил в качестве важной составной части вооруженной борьбы крестьянства заставившей большеви-

ков в итоге перейти к реализации новой экономической политики, учитывавшей интересы крестьян [14, с. 9].

В статье 1998 г. на основе изучения документов ростовских архивов автор исследовал сущность и характер повстанческого движения, рассмотрел его причины, ход и движущие силы, а также определил комплекс мероприятий областной власти по его ликвидации. Возникновение повстанческого движения автор прямо увязывал с начавшимся взиманием продовольствия по продразверстке, что в условиях серьезного разорения крестьянских и казачьих хозяйств в результате мировой и гражданской войн вызвало острое недовольство населения. Буквально по месяцам он рассматривал изменение настроения населения в результате взимания продразверстки от нейтрального в начале 1920 г. до все более враждебного осенью того же года. Приводятся многочисленные свидетельства убийств продработников и случаи проявления недовольства населения, вызванные арестами, реквизициями хлеба и конфискациями имущества в ходе обысков со стороны продотрядов [13, с. 3–6]. Автор отмечает случаи локальных восстаний в округах Донской области: мятеж караульного батальона под руководством К.Т. Вакулина в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа и восстание крестьян в слободе Ефремово-Степановской Донецкого округа в декабре 1920 г., появление в нижнедонских округах отряда Г.С. Маслакова в феврале 1921 г. и мятеж караульного эскадрона под командованием Я.Е. Фомина в станице Вешенской Верхне-Донского округа в марте 1921 г., приводит факты действий небольших по численности отрядов весной-летом 1921 г., свидетельствовавших о продолжавшемся недовольстве населения взиманием проднаряда и продналога. Анализ текстов обнаруженных повстанческих листовок-воззваний отрядов Фомина, Маслакова и других позволил П.Г. Чернопицкому определить цели их борьбы против коммунистов [13, с. 7–9].

Также автор перечислил меры ликвидации повстанческого движения, сводившиеся к административно-карательным мероприятиям, работе внедренных в отряды агентов, заложничеству, расстрелам как дополнению войсковых операций красноармейских частей, что вместе с проводимой агитацией о добровольной явке и начавшимся голодом привело к заметному спаду повстанчества зимой 1921–1922 гг. и его полной ликвидации к маю 1922 г. Автор установил, что «главной причиной повстанчества было экономическое насилие продотрядов над крестьянами и казаками», но в условиях отсутствия классового расслоения донских селян и преобла-

дания в казачьей массе середняков это привело к совпадению интересов различных социальных групп и их общей борьбе с большевистской властью. Ученый признал, что определить количество повстанцев трудно, т.к. численность отрядов постоянно менялась в пределах от 7–8 до 500–600 человек. П.Г. Чернопицкий особо подчеркивал, что сопротивление носило массовый характер и «бандитизм» имел поддержку населения области, причем даже более среди крестьянства, нежели среди казачества. Отказавшись от доминировавшей в советской историографии трактовки повстанческого движения на Дону как кулацко-контрреволюционного, он определил его как «стихийное выступление против непомерного насилия, когда была объявлена война всему крестьянству и казачеству», боровшемуся за свое выживание [13, с. 10–11].

Наряду с изучением повстанческого движения П.Г. Чернопицкий одним из первых исследовал проблему голода 1921–1922 гг. на Дону. В докладе на конференции [12, с. 53–54] и статье [9, с. 202–208] он определил причины голода, численность голодавших и его последствия. Автор рассматривал взимание продовольствия по продразверстке и проднаряду, при которых хлеб нередко изымался «до чиста» как причины разорения крестьян приводившие к голоду семьи бедноты и красноармейцев. В его публикациях приведены факты насилия над донскими селянами со стороны продработников и представителей местной власти, что вызывало резкое возмущение населения. П.Г. Чернопицкий отметил, что усугубила положение донских селян жестокая засуха 1921 г., в результате которой осенью голод охватил 1-й Донской, Верхне-Донской и Донецкий округа. Он отметил факты людоедства весной 1922 г. зафиксированные в Верхне-Донском округе. Как и в монографии 1987 г. автор оценил численность голодавших на Дону к лету 1922 г. в 638 тысяч человек, что составляло около половины населения области. При этом в статье 2000 г. он признал, что «предстоит еще установить» насколько сократилась численность населения области из-за голодных смертей [12, с. 54; 9, с. 203–205, 206]. Ответа на этот вопрос и по прошествии без малого 20 лет нет, как нет и специального монографического исследования по проблеме голода на Дону в 1921–1922 гг.

Автор указал на нанесенный голодом тяжелейший урон казачьим и крестьянским хозяйствам: существенно сократилось поголовье тяглового скота (лошадей, волов), значительно сократились посевные площади, голодавшие люди распродавали или меняли на хлеб сельскохозяйственный инвентарь, спасаясь от голода, массы бросали хозяйства и бежали в более урожайные места, прежде

всего на Кубань. Автор отметил, что главным вопросом в весеннюю посевную кампанию 1922 г. были семена, но отпущенная правительством Юго-Восточному краю семенная ссуда в 2 674 520 пудов не покрывала потребности Донской области в семенах. В результате неурожая, изъятия продналога и голода были существенно подорваны производительные силы крестьянских хозяйств, они все более становились натуральными, превращались в хозяйства потребляющего типа. Массовый голод привел к дальнейшему обеднению селян, а объявленная в марте 1921 г. новая экономическая политика в этих условиях не смогла оказать благоприятного воздействия на хозяйства казаков и крестьян. Анализ фактического материала позволил ученому установить, что «причиной тяжелого голода на Дону были не только и не столько засуха и неурожай, а и в не меньшей степени ограбление крестьян по продразверстке и продналогу». Изъятие хлеба, в том числе и семенного зерна и отложенного на «черный день» хлебного запаса обрекли многие тысячи крестьян и казаков на голодную смерть. Причем автор приводит свидетельства того, что областное руководство в полной мере отдавало себе отчет о последствиях проведения продразверстки подобными мерами. Показательно, что в работах о голоде автор пришел к неутешительному выводу, сформулированному ранее в публикациях о повстанческом движении на Дону: «...крестьяне и казаки были для них (большевиков – А.Г.) мелкобуржуазной массой, второстепенными людьми, гибель которых была оправдана для них спасением своей власти, диктатуры» [12, с. 54; 9, с. 206–207].

На протяжении 1990-х годов в постсоветской историографии шел процесс переосмысления различных проблем советской истории, изучение которых ранее не одобрялось или находилось под негласным запретом. П.Г. Черноплицкий, получивший образование и сформировавшийся как профессиональный историк в советскую эпоху, в последнее десятилетие своей жизни обратился именно к таким сюжетам донской истории и результатом кропотливой работы в архивах явились публикации, которые стали историографическими фактами и внесли заметный вклад в изучение донской истории начала 1920-х гг. Именно ему принадлежит приоритет в изучении повстанческого движения 1920–1922 гг. и голода 1921–1922 гг. в Донской области, для своего времени его работы были безусловно новаторскими.

И если по истории повстанческого движения в последние годы появились содержательные публикации [1, с. 188–196; 2, с. 241–251], в том числе монографии [16; 17], в которых получили разви-

тие выводы и обобщения ростовского ученого по этому вопросу, то проблема голода начала 1920-х гг. на Дону все еще ждет своего исследователя. Думается, что эта тема весьма перспективна, в частности, опубликованные чекистские сводки за 29, 30 апреля и 1 мая 1922 г. фиксировали: «число голодающих в губернии составляет 85 % населения. Зарегистрированы три случая людоедства и 1043 случая голодной смерти. Население питается исключительно суррогатами. Население эмигрирует на Кубань, Украину, в Ташкент, бросая имущество. Вследствие голода часть крестьян организовалась в банды под предводительством Капаева» [7, с. 614]. Очевидно, что голод весной 1922 г. поразил большинство населения Донской области и его последствия еще предстоит объективно изучить и оценить. И все исследователи этого и других вопросов аграрной и социально-политической истории Дона начала 1920-х гг. будут в той или иной степени опираться на научное наследие историка из Ростовского государственного университета Павла Григорьевича Чернопицкого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.В. «Бело-зеленые»: казачье повстанческое движение на Дону в 1920–1922 гг. // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сборник научных трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измолика. Санкт-Петербург, 2018.

2. Баранов А.В. Повстанческое движение на Дону в 1920–1922 годах как завершающий этап гражданской войны // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве, Волгоград, 20–21 окт. 2017 г. В 2 ч. Ч. 1. Волгоград, 2017.

3. Иванов В.И., Чернопицкий П.Г. Социалистическое строительство и классовая борьба на Дону (1920–1937 гг.). Исторический очерк. Ростов н/Д., 1971.

4. Исследователь подлинной истории // Академия. Ростовский еженедельник. № 16 (188). 31.10.2003.

5. Козлов А.И. Павел Григорьевич Чернопицкий (в память о коллеге) // Донской временник. Год 2004-й: краеведческий библиотечно-библиографический журнал. Ростов н/Д., 2003.

6. Пушкаренко А.А. Павел Григорьевич Чернопицкий (слово памяти) // Четвертые межрегиональные научные чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы. Тезисы докладов

и сообщений. г. Новочеркасск. 28–29 апреля 2003 г. Новочеркасск, Ростов н/Д., 2003.

7. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000.

8. Чернопицкий П.Г. Александр Павлович Пронштейн в годы Великой отечественной войны // Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд: воспоминания сотрудников РГУ – участников Великой Отечественной войны и трудового фронта. Ростов н/Д., 2003.

9. Чернопицкий П.Г. Голод 1921–1922 годов на Дону // Исторические этюды. Вып. 4. Ростов н/Д., 2000.

10. Чернопицкий П.Г. Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. Ростов н/Д., 1987.

11. Чернопицкий П.Г. На великом переломе: Сельские Советы Дона в период подготовки и проведения массовой коллективизации (1928–1931 гг.). Ростов н/Д., 1965.

12. Чернопицкий П.Г. О голоде 1921–1922 гг. на Дону // Социальные проблемы и перспективы: история, теория, практика. Межрегиональная научно-теоретическая конференция. (Тезисы докладов и сообщений 9–10 апреля 1998 г.). Новочеркасск, 1998.

13. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920–1922 гг. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 3.

14. Чернопицкий П.Г. Повстанческое движение на Дону в 1920–1922 годах // Социальное развитие России и актуальные проблемы социологии. Региональная межвузовская научно-теоретическая конференция (тезисы докладов и сообщений 22 мая 1997 г.). Новочеркасск, 1997.

15. Чернопицкий П.Г. Россия прошлая и крестьянство // Россия: прошлое, сегодняшние реалии и перспективы развития. Межвузовская научно-теоретическая конференция. Тезисы докладов и сообщений 24 мая 1994 г. Новочеркасск, 1994.

16. Яценко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923. М., 2008.

17. Яценко В.Г. Хроника утаенного бунта: Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону (1918–1923) / Вступ. ст. А.В. Посадского. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2017.

РАЗДЕЛ 3.

КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

И.О. Тюменцев, Н.А. Тупикова, Н.Е. Тюменцева (Волгоград)

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О КАЗАКАХ НА СЛУЖБЕ У ЛЖЕДМИТРИЯ II В 1608–1610 гг.

Александр Павлович Пронштейн являлся одним из немногих видных теоретиков методики источниковедения в СССР. Известный российский историк Руслан Григорьевич Скрынников, долгое время друживший с А.П. Пронштейном, говаривал, что это один из немногих современных исследователей, который чувствует вкус к работе с источником, умеет «выторговывать» у него информацию и верно ее оценивает. Он настоятельно рекомендовал своим аспирантам и студентам книгу Александра Павловича «Методика исторического источниковедения», которая с тех пор для многих исследователей-источниковедов является настольной. Еще одна главная тема творчества Александра Павловича – история казачества XV – начала XX в., которую он и его ученики начали разрабатывать [18; 19; 22] задолго до того, как эта проблема была актуализирована на конференции 1983 года в Черкесске. Именно поэтому в данной статье затронуты эти две темы, связанные с источниковедением и историей казачества.

Около тридцати пяти лет ведется выявление и систематизация походного архива полковника, а затем гетмана Лжедмитрия II Яна Петра Сапеги. Согласно гипотезе польских и российских историков XVIII–XX вв., которую подтвердили наши исследования, в его походной канцелярии с лета 1608 г. по сентябрь 1611 г. сложился значительный архив, который после смерти полководца 4 (14) сентября 1611 г. его солдаты вывезли вместе с телом в Литву. Государственные деятели Речи Посполитой, в отличие от политиков и полководцев других стран, уходя с государственной службы, увозили скопившиеся документы для личных архивов и в государственный архив не передавали, поэтому в течение XVII–XX вв. материалы канцелярии Яна Сапеги были разделены душеприказчиками и их потомками и в конце концов отложились в различных коллекциях в библиотеках и архивах России, Польши, Украины, Швеции [19, с. 328; 27, с. 319–325]. Удалось установить, что бумаги Я. Сапеги имеются среди

материалов собраний Сапег (Рожанское, Красиловское) [12, ф. 103; 32, № 345], графов Браге (бывшее Березинское) [14; 37], Ходкевичей [32; № 360], Радзивиллов [30, XIII–7], Чарторыских [31], Оссолиньских [33], в коллекциях П. Муханова, С. Соловьева, Г. Хилкова [4], Н. Дубровского [13]. Отдельные письма найдены в собраниях Соликамской приказной палаты, Чаловского и Пергаминовых [30], и мы благодарны профессору И. Грале, указавшему нам на эти письма. Ряд документов хранились до их гибели в библиотеках Залуцких, Бжостовского, Главного штаба [4; 34; 35]. Отыскать письма Яна Сапег в *Киевском* [28] и *Виленских* [3; 5] *собраниях Сапег* не удалось (мы благодарны В.И. Ульяновскому и его ученикам за помощь, оказанную в обследовании киевского, львовского и виленского собраний бумаг Сапег). Основной массив документов Я. Сапег до 1606 г. опубликован А. Прохазкой в «Архиве дома Сапег» [29]. Значительная часть документов русского архива Я. Сапег 1608–1611 гг. вышла также в различных российских и польских изданиях [1; 2; 6; 7; 8; 10; 11; 16; 23; 24; 25; 34; 35]. Поиски продолжаются.

В процессе разысканий удалось найти подлинный черновик дневника похода Я. Сапег в Россию, который его секретари вели в походной канцелярии. Сохранившийся беловик и несколько списков позволили реконструировать его текст и проследить направления переработки в процессе заполнения [9]. С помощью дневника Яна Сапег, в котором содержатся многочисленные упоминания, а кроме того, также и цитаты из документов, нами был составлен и опубликован подробный каталог выявленных и не найденных документов гетмана [20]. Это издание открыло возможность дальнейшего целенаправленного разыскания документов в библиотеках и архивных собраниях. В ходе подготовки первого издания некоторые, упоминаемые в каталоге документы, были отысканы, что подтвердило правильность примененной методики. В 2012 году мы опубликовали в систематизированном виде основной массив выявленных материалов из русского архива «воровского» гетмана Яна Петра Сапег 1608–1611 годов [21].

За прошедшие шесть лет в Польше, Швеции и на Украине российским историком Станиславом Мирским и шведским филологом-архивистом Элизабет Лефстранд были найдены новые, не учтенные в наших изданиях, сапежинские бумаги. С.В. Мирскому удалось существенно пополнить первый и четвертый разделы архива, отыскав неизвестные письма Ажедмитрия II и войсковые документы сапежинцев. Наиболее значительные находки совершила, разбирая материалы архива Смоленской приказной избы в Государствен-

ном архиве Швеции, Элизабет Лефстранд. Мы благодарны Элизабет Лефстранд за информацию о сделанных ею находках и возможность использовать новые сапежинские документы в своих публикациях. Исследовательница выявила и оцифровала около тридцати документов сапежинцев, которые существенно дополнили материалы третьего раздела, анализируемого архивного собрания: письма, отписки и челобитные жителей Замосковья и Поморья. В результате проделанной работы к 420 опубликованным документам анализируемого собрания прибавилось еще 40 и их общее число достигло 460. Разделение новых документов по фондам архива буквально «взмамывает» прежнюю последовательность опубликованных бумаг. Чтобы избежать этого, мы, вставляя новонайденные источники, присваиваем им номер предыдущего документа с добавлением буквенных литер «а», «б» и т.д., сохраняя таким образом имеющуюся нумерацию.

Все четыре публикуемых ниже документа написаны на ставах из бумаги начала XVII столетия, гусиным пером, коричневыми чернилами. Обращает на себя внимание различие строго индивидуальных почерков. Все челобитные написаны хорошо читаемыми почерками. Крупный четкий почерк выделяет документы РЕА48, РЕА331, мелкий убористый почерк наблюдается в РЕА56, неровный размытый в ряде мест, но достаточно ясно читаемый текст представлен в РЕА46 (кроме некоторых слов в начале документа и по ходу изложения).

Индивидуальность пишущих проявляется в разных начерках ряда букв. Так, ярко противопоставлены в РЕА46 и РЕА48 разные начерки гласных «ять», «ерь»; в РЕА331 четко противопоставляется правописная традиция «ерь» и «ер», в том числе используется невыносное «ер» на конце слова, что является редким явлением для XVII в. (например, «украинскихъ», «кормомъ» и др.); в РЕА46 заметно написание «и/і» в зависимости от позиции, что связано с формирующейся традицией приказного языка писать «і» в позиции после гласного; в РЕА331 выделяется особый начерк букв «и» и «ы», в РЕА48 – начерк «ы»; в документах РЕА46 и РЕА56 различаются начерки буквы «ук» в окончаниях (-у/-ю); по-особому выглядит в РЕА331 начерк буквы «я», в некоторых словах (например, «боярския», «рященья», «стоят» и др.) используется написание «я», сходное с буквой «юс малый»; на месте окончаний в словах типа «царю», «государю» и др. используются «ук» (РЕА46) или литера, сходная с начертанием современной «ю» (РЕА331) и др., не одинаково в документах правописание окончаний дательного падежа существитель-

ных: «ук(у)»/«ю»(в словах типа: *царю, троицю* и др.); выражено либо не выражено аканье в безударной позиции, ср.: *мне холопу своему* (РЕА46), *мы холопи твои* (РЕА331) – *мы халопи тваи, с тваи(м) з(осу)д(а)р(е)вы(м) вавеводаю* (РЕА48).

По-разному пишутся согласные в анализируемых текстах: отличаются у авторов РЕА46 и РЕА48 разные начерки «д»; в документах РЕА46, РЕА48 и РЕА56 наблюдаются разные начерки буквы «в»; в РЕА 56 обращает на себя внимание начерк буквы «ч» на стыке основы слова и окончания «-ю»; встречается свойственное живой речи оглушение (хто).

Характерной является присущая жанру челобитья приказная лексика: *бьет челом и плачетца; пожалуй, меня, холопа своего; по крестному целованью; взял себе на душу крест целовать; на превеже; указ учинити; царь государь, смилуйся, пожалуй;* и др. В полной мере проявляются в текстах приметы русизмов, свойственных народно-разговорной речи, носителями которой являются челобитчики: *тепере, ноне, нынеча, итить, кликать, похочет, апрастал, снесла, прибирать к собе, собя, охочих, розных, девуку, три годы, рублев, меж куреней волочась, пришедчи* и др. Однако следует отметить более высокий (по сравнению с остальными) уровень грамотности автора (или писца) четвертой челобитной, в тексте которой заметно влияние норм книжно-письменной речевой культуры носителей русского языка.

По структуре челобитные стандартны и включают три основные клаузулы: начальную, основную, заключительную. Начальная и заключительная части текста – формулы, употреблявшихся в приказно-деловой речи, они строятся в соответствии с нормами того времени. Просматриваются элементы стандартизации текста. Основная часть челобитных демонстрирует свободу выражения мысли, что определяет большую пространственность (вторая и четвертая челобитные) или краткость (первая и третья челобитные) изложения обстоятельств дела и просьбы.

Палеографический и лингвистический анализ документов не оставляют сомнений, что это подлинники.

Все бумаги русского архива Яна Сапеги систематизированы нами по четырем основным разделам, внутри которых образованы «фонды». Четыре интересующих нас документа о казаках в сапежинском войске попали в разделы 1 и 3 в «фонды» 1.6, 1.7 и 3.9.

Раздел № 1. *Переписка с Ажедмитрием II, его окружением и центрами повстанческого движения* состоит из семи фондов, из которых шестью документами пополнились только три. Первый из

интересующих нас документов вошел в «Фонд» 1.6. *Переписка с воеводами и жителями Великих Лук, Торопца, Невеля и Заволочья*. Это очень ценный документ, отражающий процесс показачивания населения России. В свое время А.Л. Станиславский, выдвигая гипотезу о показачивании и формировании вольных казачьих войск на территории России, ссылаясь на переславскую челобитную о наборе в казаки Федором Копниным (№ 227). Новый документ существенно дополняет описание этого факта. Новоявленные атаманы набирали свои станицы с санкции самозванца. Брали в них боевых холопов, молодежь из податных и духовенства, вооружали и снабжали их за счет ограбления земщины и являлись с ними в войско самозванца. В данной публикации этот документ помещен под № 1. В подготавливаемое нами второе издание Русского архива Я. Сапеги 1608–1611 гг. он войдет под № 95а.

«Фонд» 1.7. *Переписка сапежинцев с командами отрядов наемников, властями и жителями городов южной Украины России и руководством первого земского ополчения* пополнился тремя документами. Большой интерес для истории казачества в Смутное время представляют №№ 2–3 данной публикации, которые войдут в новое издание Русского архива Я. Сапеги 1608–1611 гг. под №№ 98а и 98б. Уникальность этих документов заключается в том, что они содержат сведения о службах повстанцев со времени показачивания в ходе Елецкого и Северского восстаний 1606 г. Они не оставляют сомнений, что костяки войск Истомы Пашкова и Ивана Болотникова составляли дети боярские, стрельцы и служилые люди Польских, Украинных и Северских городов – бывшие воины повстанческого войска Лжедмитрия I. Они верой и правдой служили сначала призраку (1608–1607 гг.), а затем Лжедмитрию II в расчете на справедливое вознаграждение за службу деньгами и поместьями. Из этих челобитных, так же как из уже известных аналогичных челобитных №№ 40, 281, 282, становится понятно, что ничего они не получили. Иноземное руководство Тушинского лагеря беззастенчиво использовало их для подавления восстания народа в Замосковье и Поморье, платя лишь обещаниями. Документы подтверждают свидетельство Авраамия Палицына о том, что многие казачьи атаманы, осознав это, увели свои станицы из войска самозванца [15, с. 182–183]. Помимо этого, документы существенно уточняют время и обстоятельства начала первого земского ополчения, о чем мы сообщили в докладе на конференции осенью 2018 г. в Москве и опубликовали статью [26].

Фонд 3.9. *Письма наемников, отписки воевод, челобитные родовских служилых людей, посадских и крестьян* пополнился тремя документами. Значительный интерес для истории казачества представляет челобитная казака В. Петрова, которая содержит уникальные сведения о «порядках», царивших в казачьих полках тушинского воинства, образованных из показавшегося населения России. В новое издание русского архива Я. Сапеги четвертая челобитная, приводимая ниже в данной публикации, войдет под № 282. Документ подтверждает нашу гипотезу о том, что в таборах самозванца сформировались структуры служилого, а не вольного казачьего войска. Станицы, возглавляемые атаманами, были сведены в приказы, во главе с головами, а приказы – в полки во главе с полковниками. Полки подчинялись «боярину» Ивану Мартыновичу Заруцкому и Казачьему приказу.

Представленный обзор новых документов русского архива Я. Сапеги 1608–1611 гг. не отражает в полной мере всего богатства содержащейся в них информации. Это можно будет сделать, приняв второе издание реконструируемого собрания. Прошедшие шесть лет показали, что возможности в его изучении далеко не исчерпаны, часто утраченные бумаги погибших архивных собраний всплывают в поздних копиях, поэтому разыскания новых документов необходимо продолжить. «Рукописи не горят!».

Далее при воспроизведении рукописных источников для публикации сплошной текст разделяется на слова, выносные буквы вводятся в строку в круглых скобках, утраченные элементы восполняются, восстановленные по смыслу лакуны (фрагменты, пострадавшие от механических повреждений) приводятся в квадратных скобках. Не употребляемые в настоящее время буквы заменены современными, кроме «ѣ», «ѧ», используемых в старой письменности; имена собственные воспроизводятся с прописной буквы; для облегчения восприятия документов читателем используется современная пунктуация.

№ 1. Конец 1608 г. Челобитная князя И.Р. Шаховского Ажедмитрию II с просьбой разрешить произвести набор казаков и идти с ними на Новгород Великий

Ц(а)рю г(осу)дрю и великому кня(з)ю Дми(т)рею Ивановичю всея Руси(и) бье(т) чело(м) холо(п) тво(и) г(осу)др(е)в торо(п)чени(н) кня(зь) Романо(в) с(ы)н Шахо(в)ско(го) Ива(ш)ка.

М(и)д(ос)т(и)вы(и) г(осу)д(а)рь ц(рь) и великы(и) кня(зь) Дми(т)ре(и) Ивановичь всея Руси(и), пожалу(и) меня, холопа свое(го), вели мне прибира(ть) к собе охочи(х) козако(в) в свое(и) г(осу)д(а)р(е)во(и) о(т)чине, хто похоче(т) тебе г(осу)д(а)рю служи(ть), и вели, г(осу)д(а)рь, мне, холопу своему, ити(ть) на твои(х) г(осу)д(а)р(е)вы(х) изме(н)ников(в) с теми охочими козаками по(д) Но(в)горо(д) Великы и вели мне, холопу своему, на(д) ними промы(ш)ля(ть), ка(к) меня, холопа свое(го), Г(оспод)ь вразуми(т), и вели мне, холопу своему, клика(ть) к собе козаков во(д)ны(х) и нево(д)ны(х) и хто похоче(т) тебе гдрю служи(ть).

Ца(рь) гдрь, смилуи(ся) пожалуи.

Оригинал написан гусиным пером коричневыми чернилами, четким почерком. Текст в некоторых местах поврежден. Был свернут свитком.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA46.

№ 2. 1609 г. Челобитная детей боярских и казаков украинских городов ливенцев, ельчан, епифанцев, рящан, пронян, михайловцев, донковцев, соловян и дедиловцев Лжедмитрию II о жаловании за три года верной службы

Ц(а)рю г(осу)д(а)рю и великому кня(з)ю Дмитрею Ивановичю всея Руси бью(т) чело(м) холопи твои(и) г(осу)д(а)р(е)вы украи(н)скихъ розны(х) городо(в) дети(ш)ка боя(р)ския и козаки ливе(н)цы и ел(ч)аня и епифа(н)цы и рящаня и проняня и михало(в)цы и до(н)ко(в)цы и соло(в)ляня и дедило(в)цы.

Стоимъ мы, холопи твоеи, на твое(и) ц(а)рьско(и) слу(ж)бе у Тро(и)цы Сер[гиева] монастыря с твоими г(осу)д(а)р(е)выми воеводы съ Яно(м) с Петро(м) с Па(в)ловича(м) с Сопегою да с Оле(к)сандро(м) Есипо(м) Ивановичя(м) Лисо(в)ски(м). И по ся места мы, холопи твои(и), на твое(и) ц(а)рьско(и) слу(ж)бе кормилися свои(м) запасо(м) и ко(н)ски(м) ко(р)момъ. А ны(и)неча мы, холопи твои(и) г(осу)д(а)р(е)вы, на твое(и) ц(а)рьско(и) службе ста(ли) голо(д)ни свои(м) запасо(м) и ко(н)ски(м) ко(р)мо(м), где, г(осу)д(а)рь, мы ни поеде(м) для свое(го) ко(р)му и ко(н)ска(го), ту(т), г(осу)д(а)рь, стоя(т) заставы по ны, и на(м), холопе(м) твои(м), не даду(т) ни ржи на хлебы, ни ко(н)ска(го) ко(р)му сена, да на(с) же, холопе(и) твои(х), бью(т) и грабе(т).

Милостивы(и) ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и) кн(я)зь Дмитре(и) Иванович(ч) всеа Руси(и), смилуи(ся) на(д) нами, холопи своими, вели, г(осу)д(а)рь, на(м), холопе(м) свои(м), свои(и) ц(а)рьско(и) ука(з) учини(ть), чтобы на(м), холопе(м) твои(м), на твое(и) ц(а)рьско(и) слу(ж)бе бе(з) твое(го) ц(а)рьско(го) указу голо(д)ною сме(р)тью не

помере(ть) и живота бы свое(го) лошаде(и) не обы(ть), и твое(и) бы ц(а)рьско(и) слу(ж)бы не о(с)та(ви)ть.

Ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и) кн(я)зь Дмитре(и) Иванови(ч) всеа Руси(и), смилу(и)ся, пожалуй.

Оригинал написан гусиным пером коричневыми чернилами, крупным четким почерком. Текст в некоторых местах поврежден, на сгибе ряд слов не читается, восстановлено по смыслу. Верхнее и левое поля листа имеют потеки, желтые пятна от воды. Видимо, был сложен пакетом. По сгибу был надорван.

Stockholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA331 (1–2).

№ 3. 1609 г. Челобитная казаков П.О. и А.И. Вороновых полка Лисовского Ажедмитрию II и о жаловании за трехлетнюю службу

Ц(а)рю г(осу)д(а)рю и великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичу всеа Руси бию(т) чало(м) халопи тво(и) г(осу)д(а)р(е)вы детишка боя(р)ские е(л)чания Пата(п)ка Осипа(в) с(ы)нъ Ворона(в) да Афанасе(и) Ивана(в) с(ы)нъ Ворона(в) да Кире(и) Афана(с)е(в) с(ы)нъ Ру(л)дыги(н) да Тимофе(и) Микити(н) с(ы)нъ Пани(н) да Куди(н) Купреяна(в) с(ы)нъ Жегала(в).

Служи(м) мы, халопи тво(и) г(осу)д(а)р(е)вы, тебе г(осу)д(а)рю три годы на Туле, г(осу)д(а)рь, сидели в асаде и с Тулы, г(осу)д(а)рь, на(с) Б(о)гъ апраста(л). А тепере, г(осу)д(а)рь, мы, халопи тва(и) г(осу)д(а)р(е)вы, на твое(и) ц(а)рьско(и)службе по(д) Троицу с тваи(м) г(осу)д(а)р(е)вы(м) воеводаю с Алекса(н)дра(м) Есипа(м) Иванавича(м) Лисов(с)ки(м). А твоего ц(а)рьского жалова(н)я за нами нетъ ни единая(и) чертверти поместыц(а).

Миластивы(и) ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и)кн(я)зь Дмитре(и) Иванави(ч) всеа Руси, вели, г(осу)д(а)рь, на(с) сваему г(осу)д(а)р(е)ву вaeводе к сабе, г(осу)д(а)рю, о(т)пусти(ть) для наше(и) беднасти.

Ц(а)рь г(осу)д(а)рь и велики(и)кн(я)зь Дмитре(и) Иванави(ч) всеа Руси, смилу(и)ся.

Оригинал написан гусиным пером коричневыми чернилами, четким почерком. В некоторых местах затерто. Был свернут свитком.

Stockholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA48. 1–2.

№ 4. 1609 г. Лето. Челобитная казака государевой станицы В. Петрова Я. Сапеге с просьбой защитить его от правяжа денег

Г(осу)д(а)рю великому пану Яну Петру Па(в)ловичю Сопеге костеляновичю кие(в)скому старосте и усвяцкому и ки(ри)пецкому

бье(т) челомъ и плаче(т)ца казаки(ш)ко г(осу)да(р)евы станицы Ва(сь)ка Пе(т)ро(в).

Жалоба мне, г(осу)д(а)рь, на казака Ларины станицы на Русина, а (по) о(т)цу его имени не ведаю, что, г(осу)д(а)рь, то(т) Руси(н) по(д) говори(л) у меня де(в)ку Мари(нку) Лео(н)тьеву дочь, и та, г(осу)д(а)рь, де(в)ка о(т) меня у(ш)ла и снесла, г(осу)д(а)рь, у меня пятьдеся(т) рубле(в) с по(л)тиною дене(г). А те, г(осу)д(а)рь, де(н)ги приказалъ казакъ Алексеи Григорье(в). А то(т), г(осу)д(а)рь, казакъ Алексеи ходи(л) в похо(д) к Бл(а)говещению и после себя приказа(л) те де(н)ги мне, и те, г(осу)д(а)рь де(н)ги де(в)ка по(д)метила, по Русинуву научению украаа и Русину и(х) о(т)дала, и Руси(н), г(осу)д(а)рь, те де(н)ги взя(л) и де(н) спу(с)тя после того, прише(д)чи, д(е)вку взя(л).

И в те(х), г(осу)д(а)рь, де(н)га(х) би(л) чело(м) на меня то(т) Алексеи голове Васи(л)ю Степановечю Жиче(в)скому* и атамано(м) и казако(м). И голова Василе(и) Степанови(ч), и атама(н), и казаки приговорили и велели тому Алексею на мне на Ва(сь)ке п[ра]ви(ть) напра(с)но де(н)ги пя(т)десять рубле(в) с по(л)тиною. И би(л) я чело(м) Васи(л)ю Степановичю и атамано(м) и казако(м) на тово Русина о то(и) девке, чтобы пожалова(ли) дали мне с Русино(м) и де(в)ку пере(д) собою поставити. И Василе(и) Степанови(ч) и атама(н), и казаки с Русино(м) су(д) дали в де(н)га(х) и в то(и) девке. И Руси(н) в девке ся на суде не запе(р), а в де(н)га(х) ся запе(р). И посыла(л), г(осу)д(а)рь, Василе(и) Степанови(ч) дву атамано(в) Васи(л)я Терехова да Ивана Микитина и vele(л) спроси(ти) тое де(в)ки по господареву кр(е)сътному целованью о те(х) де(н)га(х).

И та девка сказала по г(оспо)д(а)р(е)ву кр(е)сътному целова(н)ю, что то(т) Руси(н) ее[подговорил] за себя, и те де(н)ги ему о(т)да(ла) напере(д) себя. И стави(л), г(осу)д(а)рь, Василе(и) Степанови(ч) тое девку пере(д) себя и атаманы, и казаки с Русино(м) вместе. И де(в)ка сказала Васи(л)ю Степановичю и атамано(м) и казако(м) и то(т) Руси(н) ** ее по(д)говори(л) и де(н)ги взя(л) напере(д) тово. И нонеча, (госу)д(а)рь, с темъ Русино(м) Ва[си]леи Ст[е]панович и атам[ан]ы, и казаки приговорили кр(е)сътное целова(н)е, и Руси(н), г(осу)д(а)рь, взя(л) себе на д(у)шу кр(е)сът целова(ти), и хоче(т), г(осу)д(а)рь, прода(ти) меня напра(с)но. И яз, г(осу)д(а)рь, н(о)не на праве(же) погибаю о(т) тово Алексея напра(с)но. Да Василе(и) Степанови(ч) и атаманы и казаки допрашива(ли) тое де(в)ки про меня Ва(сь)ку, что ведаю ли я или не ведаю про те де(н)ги, и де(в)ка сказала, что бе(з) моего ведома де(н)ги выняла по Русинуву научению.

М(и)л(осе)рды(и) па(н) Я(н) Петръ Павлови(ч) Сопега, вели, г(осу)д(а)рь, допроси(ть) того головы и те(х) атамано(в), и казако(в) про ту

де(в)ку и про те де(н)ги и ука(з) учинити, чтобы мне о(т) понапра(с)наго дела о(т) Русинова воро(в)ства вконе(ц) ме(ж) курене(и) волоча(сь) не погибъ и ц(а)рьские слу(ж)бы не о(т)бы(л).

Г(осу)д(а)рь па(н) Янъ Петръ Павло(ч) Сопега, смилиу(и)ся пожалу(и).

*Сын боярский, упоминается как казачий ротмистр в войска Я. Сапеги. Известно его письмо к полковнику.

**Слово повторяется дважды.

Оригинал написан на 1 ставе гусиным пером коричневыми чернилами мелким убористым почерком. Документ надорван по верхнему краю, частично поврежден, некоторые слова стерты на сгибах и читаются предположительно, местами размыто. Документ реставрирован. Был свернут свитком.

Stokholm. Riksarkivet. Ryskabrev. E 8610. PEA56. 1–2.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты второй половины XIV – первой половины XVII в. СПб., 1875. Т. 2.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (АИ): В 5 т. СПб., 1841. Т. 2.

3. Архив истории Литовского государства. Ф. 1292. 1524–1830 гг.

4. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (АСПБИН РАН). К. 124. Собр. С.В. Соловьева. Оп. 1.; К. 145. Собр. кн. Хилкова; К. 174. Собр. Акты до 1613 г. Оп. 2, К. 237. Собр. П.А. Муханова. Оп. 1. Разд. 3; К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 138.

5. Вильнюсская библиотека АН Литвы. Ф. 139. 1604–1831.

6. Выписка из дневника московского похода Яна Сапеги 1608–1611 гг. // Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. № 1/2. Отд. 3. С. 29–64.

7. Грамота Ажедмитрия II Я.П. Сапеге // Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 9. С. 170–173.

8. Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря / Публ. Б.Н. Флори // История русского языка: Исследования и тексты. Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Демьянов и В.Ф. Дубровин. М., 1982. С. 319–325.

9. Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) // Памятники Восточной Европы. Варшава – Москва, 2012.

10. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (ДАИ): В 12 т. СПб., 1846. Т. 1.

11. Муханов П.А Подлинные известия о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834.

12. Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 103.

13. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Собр. Н.Н. Дубровского. Зул. 321/1 № 75, 112.

14. Российский государственный архив древних актов в Москве (РГАДА). Ф. 1204. Шведские микрофильмы (новые поступления). Рул. 133. Ч. 2.

15. Палицын Авраамий. Сказание. М.; Л., 1955.

16. Письмо Лжедмитрия II наемному войску 9 (19) февраля 1610 г. об условиях возвращения на службу // Временник Московского общества истории и древностей Российских (ВМОИДР). 1855. Кн. 19. Смесь. С. 9–10.

17. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.

18. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.

19. Протоколы заседаний Археографической комиссии (ПЗАК) за 1835–1840 гг. СПб., 1885. Вып. 1.

20. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005.

21. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы. Комментарии. Волгоград, 2012.

22. Рябов С.И. История родного края XVI–XIX. Волгоград, 1988.

23. Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866.

24. Сборник кн. Хилкова (СХ). СПб., 1879.

25. Три челобитные Лжедмитрию / Публ. А. Чумикова // Временник московского общества истории и древностей Российских. 1855. Кн. 23. Смесь. С. 5–6.

26. Тюменцев И.О. Сапежинцы и зарождение Первого земского ополчения в Смутное время в России по материалам русского архива Яна Сапеги // Три даты трагического пятидесятилетия Европы (1598–1618–1648). Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 95–105.

27. Флоря Б.Н. Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка: Исследования и тексты. Сб. ст. / Отв. ред. В.Г. Демьянов, В.Ф. Дубровин. М., 1982. С. 319–325.

28. Архів Сапег // ЦДІАУкраїни. Ф. 48. Оп. 1–2.

29. Archiwum domu Sapiechów 1575–1606 / Wyd. A. Prochaska A. Lwów, 1892. T. 1.

30. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (AGAD). Rękopisy z B. Radziwiłłów. Rkp. XIII–7; Zb. Człowski. 679.2; Zb. Pergaminowych. № 4285. K. 1–lv. b.r.

-
31. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie (BCz). Rkp. 99. № 95. Rkp. 107. № 214. Rkp. 2244. № 2.
 32. Biblioteka Polskiej Akademii Umiejętności i Polskiej Akademii Nauk w Krakowie (BPAU PAN). № 345; № 360.
 33. Inwentarz rękopisów Biblioteki zakładu narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Warszawa, 1966. T. 3. № 1884.
 34. Kognowicki K. Życie J.P. Sapiehy // Życie Sapiehów. T. 2. Warszawa, 1791.
 35. Malinowski M., Przędziecki A. Źródła do dziejów Polskich. Wilno, 1844.
 36. Malewska H. Listy staropolskie z epoki Wazów. Warszawa, 1977.
 37. Stockholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Polskabrev (SRSPB). E 8604, Ryska brief (SRSRB). E 8610. 1 i 2.

А.В. Шадрина (Ростов-на-Дону)

ОТНОШЕНИЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА К СТАРООБРЯДЧЕСКОМУ РАСКОЛУ ПОСЛЕ СОБОРА 1666 г. И ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVII в.*

Проблема появления и развития старообрядческого раскола на Дону – в регионе, где на протяжении XVIII и XIX вв. проживало наибольшее количество приверженцев старой веры [4, л. 186], сегодня является одной из актуальных проблем исторической науки. Ее изучение началось во второй половине XIX в. Наиболее полное освещение история донского старообрядчества получила в работах петербургского историка В.Г. Дружинина [6] и представителей педагогической корпорации Донской духовной семинарии Н.П. Снесарева [25] и Е.П. Овсянникова [15]. Особенно следует отметить исследование «Верхнечирская станица и старообрядческий раскол ее в XVIII веке» [3] и «Пятиизбянская станица. Материалы для истории раскола старообрядчества на Дону во второй половине XVIII – начале XIX столетия» [18], опубликованные в «Донских епархиальных ведомостях» без указания авторства и, скорее всего, принадлежащих перу А.А. Крылова. В современной историографии ранний период раз-

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г., № гр. проекта 01201354248.

вития старообрядческого раскола в донском регионе рассмотрен в работах Н.А. Мининкова [12; 13], Д.В. Сеня [23, 24] и частично в статье О.Ю. Редькиной «Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII–XX вв.» [19].

Источниковую базу настоящего доклада составили опубликованные фундаментальные сборники документов – «Донские дела» [5] и «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным» [1].

Для Московского государства точкой отсчета старообрядческого раскола стал Большой Московский собор 1666–1667 гг., на котором восточные патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский с целью унификации с богослужебной практикой восточных Поместных церквей, настояли на принятии «новых» обрядов [7, с. 177–181] в Русской церкви, введение которых было инициировано патриархом Московским и всея Руси Никоном. Если для России этот собор стал причиной раскола, не преодоленного до настоящего времени, то донские казаки были вовлечены в обрядовые споры несколько позднее и при особых обстоятельствах.

В среде донских казаков отношение к старообрядческому расколу было обусловлено в первую очередь устройством церковной жизни самого казачества. Прежде всего, необходимо учитывать, что до середины XVII в. донцы не относились ни к одной из епархиальных структур Русской церкви. В историографии устоялось мнение, что Земля донских казаков входила в состав Сарской и Подонской епархии, основанной в 1261 г. [20, с. 266; 8, с. 10; 11, с. 667], а затем, с 1589 г. – года учреждения патриаршества – к Патриаршей области [16, с. 187], однако казаки не только не идентифицировали себя как часть этой епархии и области, но и не заявляли в целом о своей церковно-административной принадлежности к Русской церкви, при этом внешне оставаясь православными христианами. Как писал известный историк донского казачества XIX в. Е. Савельев, «казачество исповедывало православие в широком значении этого слова» [22].

Учитывая, что на Дону до завоевания Азова не было ни одной церкви, а единственная часовня была основана в Монастырском городке близ Черкаска только в 1593 г. по инициативе черкасов – малороссийских казаков [9, с. 112], к формирующемуся казачеству в первую очередь не проявляли интереса русские иерархи.

Отношение к старообрядческому расколу донских казаков на первом этапе его развития определялось свойственным казачеству индифферентным отношением к вопросам веры и отсутствием ин-

тереса к проблеме различия «старых» и «новых» обрядов. Прежде всего, оно было обусловлено близким знакомством донцов с обрядовой практикой восточных Церквей [26, с. 240]. Носителями этой практики были отличавшиеся религиозностью малороссийские казаки, инициировавшие строительство Монастырской часовни, и монахи Межигорского Киевского монастыря, совершавшие там богослужения [9, с. 112] по восточному обряду, поскольку Киев до 1685–1686-х гг. входил в состав Константинопольского патриархата. Еще в постановлениях Большого Московского собора звучало: «якоже чин [восточных Церквей – А.Ш.] держится издревле во всех святых церквах и восточных странах, и в Киеве и повсюду, опричь Московского государства» [7, с. 181].

Важнейшей из причин того, что донские казаки после Большого Московского собора 1666–1667 гг. сразу не присоединились к старообрядцам-раскольникам, было особое участие в становлении на Дону церковной жизни московского царя Алексея Михайловича. Так, 22 апреля 1650 г. он не только по просьбе казаков [13, с. 436] повелев в Черкасском городке «устроить церковь Божию», но и распорядился из Приказа Большого Дворца выдать полный годичный круг богослужебных книг [5, с. 465] и 50 руб. «на церковное строение» [5, с. 961]. 29 апреля 1650 г. эта сумма была увеличена и составила 100 руб. [5, с. 475] Вместе с деньгами царь распорядился выдать казакам «книги во весь год, и ризы, и иные церковные потребы» [5, с. 476]. По ходатайству Алексея Михайловича, лично обратившегося к патриарху Московскому и всея Руси, после 1650 г. Земля донских казаков вошла в состав Патриаршей области и впервые обрела церковно-административную принадлежность. Алексей Михайлович также инициировал посылку на Дон первого легитимного с церковной точки зрения приходского духовенства [5, с. 475–476, 478].

Итак, решения Большого Московского собора 1666–1667 гг. на протяжении почти 20 лет после его завершения не вызвали резонанса в среде донского казачества. Более того, именно казаки на первом этапе распространения старообрядческого раскола на Дону принимали участие в пресечении его распространения.

Трансформация религиозных воззрений населения Земли донских казаков была связана с влиянием на донцов приверженцев старого обряда. Раскольники, бежавшие от преследований в Московском государстве, появились в Земле донских казаков в первые годы после Большого Московского собора. Они основывали поселения по рекам Медведице, Хопру, Бузулуку, а также по средне-

му течению Дона и его притоками Чиру и Иловле [15, № 29, с. 654]. Как писал Е.П. Овсянников, уже в 1676 г. «попом Савелием» была основана пустынь на Дону, выше впадения Хопра [15, № 30, с. 670]; в 1678 г. казаки на обратном пути из Москвы обнаружили старообрядческое поселение на реке Медведице [1, с. 89]. Около 1680 г. существовали две пустыни на реке Белой Калитве, недалеко от ее впадения в Дон [15, № 30, с. 670]. Обнаруживая старообрядческие поселения, донские казаки не пытались вступить в диалог с их жителями, учитывая, что они «донских казаков к себе не пускают» [1, с. 89], не преследовали их, но сообщали в Москву о своих «находках» [1, с. 89].

В начале 1680-х гг. на Дон устремился большой поток старообрядцев. Причиной этого стала череда событий: стрелецкий мятеж, лозунгом которого было в том числе возвращение «старой веры», Московский собор 1682 г. и, как следствие, усиление правительственных преследований сторонников старой веры [17, с. 647–650]. Эти события стали причиной, во-первых, начала преследования донскими казаками по указам московского правительства старообрядцев, во-вторых, активным присоединением казаков к старообрядческому расколу, и, в-третьих, началом протестных движений среди казачьей «верхушки» против усиления власти Москвы в среде донского казачества [14], которые, так же как и стрельцы, в качестве лозунга использовали призывы борьбы за старую веру.

О первых преследованиях старообрядцев на Дону сообщают «Донские дела». Так, в грамоте от 1 марта 1686 г. молодые цари Иван и Петр устами царевны Софьи призывали при обнаружении старообрядцев среди казаков, не выплачивать им царского жалования и выселять их с Дона [1, с. 140]. В 1688 г. по приказу московского правительства недалеко от Нижне-Чирского городка была разорена пустынь, основанная иеромонахом Иовом [10, с. 718]; в мае 1689 г. походным атаманом Аверкиевым «с казаками» был уничтожен городок на реке Медведице [1, с. 155–157].

Послушные Москве казаки исполняли царскую волю, но основная масса донцов достаточно быстро начала переходить на сторону раскольников. В основе этого движения лежало несколько причин. Прежде всего, для казаков, имеющих очень малое количество церквей, решающее значение имело наличие в старообрядческих поселениях храмов, снабженных антиминсами, позволяющими служить литургии. Чрезвычайно важным в сознании казаков было наличие у старообрядцев легитимного духовенства – не беглого, а священнослужителей, имевших ставленнические грамоты – документы, под-

тверждающие их священный сан и дающие право совершать священнодействия. Посещая старообрядческие храмы, казаки, невежественные в вопросах веры, воспринимали проповеди «расколоучителей» и становились их последователями. Сближение со старообрядцами через участие в богослужениях создало в глазах казаков ореол святости вокруг гонимых за веру. Пожалуй, одной из основных причин быстрого распространения старообрядческого раскола среди казаков было осознание раскола как протестного движения, в основе которого лежало противостояние Москве, хотя бы в вопросах веры.

Идеи старообрядцев нашли на Дону благодатную почву, причем среди казачьей «верхушки», которая предприняла попытку религиозные мотивы использовать в политических целях – в противостоянии между сторонниками сближения с Москвой и их противниками. Так, после Пасхи 1687 г. казаками во главе с атаманом Самойлой Лаврентьевым был вынесен приговор, по которому казаки решили служить в донских церквах и часовнях по старым книгам [8, с. 141]. Поскольку церквей было мало, этот приговор, скорее всего, коснулся только г. Черкаска. В мае 1688 г. казаки доставили в Москву принявших этот приговор «воров и раскольников»: Самойку Лаврентьева, Пашку Чекунова, Пахомку Сергеева, Левку Белогородца, Федку Боярченка и пущего заводчика и расколника распопу Прошку» [1, с. 145]. Поскольку этот сюжет был подробно освещен в работах Н.А. Мининкова [12] и Д.В. Сеня [24], здесь важно подчеркнуть, что царская власть придавала большое значение преследованию старообрядцев в Земле донских казаков. После доставки в Москву «воров и раскольников» войско получило добавку к жалованью 1000 руб. «сверх обыкновенного» [1, с. 145]. 8 ноября 1690 г. казаки получили грамоту с изъявлением похвалы «за посылку с увещательным письмом к раскольникам на р. Куму» [1, с. 159]. Призывая к уничтожению раскола, особенно в среде казачества, царское правительство предлагало методы, лишенные милосердия [26, с. 238–239].

Одним из гуманных способов борьбы с расколом на Дону была присылка в Воскресенский собор Черкаска духовенства, перед которым стояла задача не только сообщать в Москву о раскольнических движениях в среде черкасских казаков, но и противостоять старообрядцам. Так, в 1682 г., еще за 6 лет до выступления атамана Самойлы Лаврентьева с единомышленниками, царевна Софья просила воронежского епископа св. Митрофана о присылке в Черкасск двух священников, которые могли бы выполнять эти задачи.

Епископ Митрофан выполнил просьбу царевны, и на протяжении 1683 и 1684 гг. в Черкасске служили воронежские священники [6, с. 220]. Однако, как показала история, их присутствие не предотвратило ни выступления Самойлы Лаврентьева, ни распространения старообрядчества.

Итак, после Большого Московского собора 1666–1667 гг. донские казаки были вовлечены в старообрядческий раскол не сразу. Первые годы сторонники старой веры, бежавшие на Дон от преследований в Московском государстве, не контактировали с казаками, которые были индифферентны к проблеме обрядовых различий. Только в начале 1680-х гг., когда поток беглых старообрядцев значительно увеличился, они начали вовлекаться в обрядовые споры, благодаря посещению раскольнических церквей и воздействию старообрядческого духовенства. Старообрядческий раскол как протестное движение уже в 1680-х гг. стал использоваться как повод для выступлений против казаков – сторонников сближения с Москвой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. I. Новочеркасск: Типография А.А. Карасева, 1891.
2. Введенский С. Раскол в Воронежском крае при святителе Митрофане (1682–1703 гг.) // Воронежские епархиальные ведомости. 1901. № 7. С. 275–289.
3. Верхнечирская станица и старообрядческий раскол ея в XVIII веке // Донские епархиальные ведомости. 1878. № 4. С. 107–115. № 5. С. 135–143. № 6. С. 169–180. № 7. С. 203–216.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 3. Д. 10599.
5. Донские дела. Кн. 4. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1913.
6. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. Ростов н/Д: Антей, 2015.
7. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. В 2-х т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1992.
8. Кирсанов Е.И. Православный Тихий Дон. М.: «Держава», 1997.
9. Левитский Г., прот. Монастырское урочище или Монастырский городок // Донские войсковые ведомости. 1866. № 22. С. 112–113. № 26. С. 141–142.

10. Материалы для истории раскола в Донской области // Донские епархиальные ведомости. 1873. № 23. С. 717–733.

11. Маштафаров А.В. Донская и Новочеркасская епархия // Православная энциклопедия. Т. XV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2007. С. 667–678.

12. Мининков Н.А. «Не место красит человека...». Войсковой атаман Самойло Лаврентьев // В сб.: Человек второго плана в истории Общества интеллектуальной истории Ростовское региональное отделение, Южный федеральный университет, исторический факультет. Ростов-на-Дону, 2007. С. 281–291.

13. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1998.

14. Мининков Н.А. Укрепление московской власти на Дону в последней четверти XVII века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2013. № 5 (177). С. 67–74.

15. Овсянников Е., свящ. Причины широкого распространения старообрядческого раскола на Дону // Донские епархиальные ведомости. 1902. № 29. С. 652–657. № 30. С. 666–671. № 31. С. 697–700. № 32. С. 714–717, 779–783. № 33. С. 735–741. № 35. С. 794–800. № 36. С. 831–837.

16. Покровский И. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. В 2-х тт. Т. 1 (XVI–XVII вв.). Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1897.

17. Полн. собр. зак. Собр. II. Т. II. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. С. 647–650.

18. Пятиизбянская станица. Материалы для истории раскола старообрядчества на Дону во второй половине XVIII – начале XIX столетия // Донские епархиальные ведомости. 1882. № 1. С. 10–15.

19. Редькина О.Ю. Старое русское сектантство на Нижней Волге и Дону в XVIII–XX вв. // Геоэкономические и этнокультурные особенности хозяйственного развития Прикаспия и Приазовья в XVIII–XX вв.: Сб. научн. статей. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 1999. С. 117–131.

20. Римский С.В. Православная Церковь и государство в XIX веке. Донская епархия: от прошлого к настоящему. Р-н-Д: АООТ «Ростовское книжное издательство», 1998.

21. Савельев А. Трехсотлетие войска Донского. 1570–1870. Очерки из истории донских казаков. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1870.

22. Савельев Е. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в 3-х ч. Ч. 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://passion-don.org/history-3.html> (дата обращения: 9.01.2019).

23. Сень Д.В. Биографии лидеров донских и кубанских казаков-старообрядцев конца XVII в. – начала XVIII в. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 111–120.

24. Сень Д.В. Старообрядчество на Дону в конце XVII века. К 325-летию казни лидеров донских старообрядцев в Москве // Донской временник. Краеведческий альманах. Часть I. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/files/article/m5/2/art.aspx?art_id=1191 (дата обращения: 6.01.2019). Часть II. [Электронный ресурс]. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/files/article/m5/2/art.aspx?art_id=1192 (дата обращения: 6.01.2019).

25. Снесарев Н. Донская епархия и десятилетнее управление ею архиепископа Платона. Вып. 1. Новочеркасск: [Б.и.], 1877. Вып. 2. Одесса: Типография Штаба Одесского Военного Округа, 1880.

26. Снесарев Н.П. Несколько слов о расколе // Донские епархиальные ведомости. 1870. № 8. С. 238–240.

С.А. Иванюк (Волгоград)

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРЕБЫВАНИИ КАЛМЫКОВ И ДОНСКИХ КАЗАКОВ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ ШЛЯХТЫ С ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ

В первые годы Северной войны, которые стали тяжелым испытанием для Петра Великого и его армии, царь и его военачальники для ведения боевых действий с таким опытным противником, каким было вначале XVIII в. войско шведского короля Карла XII выбрали стратегию «томления» неприятеля. То есть, избегая открытых и крупных сражений русские войска силой небольших летучих отрядов и корпусов, точечными и внезапными атаками изматывали силы врага, подрывали его систему логистики, при этом накапливая силы для генеральной битвы [5, с. 104–342]. Во время проведения таких

военных операций, связанных с разведывательно-диверсионной деятельностью русское командование опиралось на иррегулярную конницу, которая к этому времени, несмотря на свою слабую организацию в масштабных сражениях линейной тактики, была просто незаменима в условиях ведения малой войны.

При широком спектре иррегулярных войск, действовавших в составе армии Петра I, а это казачество, татары, башкиры, волости, смоленская шляхта и другие, особо выделялась калмыцкая конница, которая, как подтверждают многочисленные источники, действовала во время проведения разведывательно-диверсионных операций в едином строю с донскими казаками. На различных этапах Северной войны русским командованием использовались: ее способность маневрировать значительными массами, вести непрерывную разведку противника, организация засад, обходные маневры и нанесение фланговых атак, а также бдительность в сторожевой службе, участие в рейдовых операциях и преследовании отступающего врага.

Тема использования калмыцких воинов в составе русской армии и их содружества с донским казачеством на протяжении XVII – XIX вв., не раз поднималась в работах отечественных историков, таких как Т.И. Беликов, К.П. Шовунов, К.Н. Максимов и Е.Ч. Чонов [2; 24; 8; 23, с. 3–8]. В данном исследовании автор акцентирует внимание на вопросах связанных с пребыванием калмыков и донских казаков в Речи Посполитой (1705–1707 гг.) во время военной кампании русской армии на ее территории. При этом особое внимание уделяется вопросам и их взаимоотношения с местным населением, которое нашло свое отражение в переписке польско-литовской шляхты с Петром I, а также с представителями его администрации и военачальниками.

Прежде всего, стоит отметить, что совместное участие калмыков в военных операциях с донским казачеством началось еще в XVII в., когда к своим походам в Крымское ханство донцы начали привлекать и калмыцких воинов. Как писал исследователь П.П. Короленко, «донцы постоянно сносились с калмыками» [6, с. 24]. Постепенно совместное использование таких смешанных отрядов взяло на вооружение и правительство Московского государства, используя их вместе с регулярными войсками в войнах против Крыма и Речи Посполитой [21, с. 91; 22, с. 10]. При этом, систематизация в использовании отрядов калмыков с донскими казаками в стратегически и тактически выверенной системе военной организации русской армии, начинается в период правления Петра I, ввиду того,

что царское правительство было весьма заинтересовано в использовании их боевых навыков в своих войсковых операциях.

Осенью 1700 г. Россия вступила в Северную войну против Шведского королевства. Зимой 1700–1701 гг. после ноябрьского поражения петровской армии под Нарвой русскому командованию крайне необходимы были перегруппировка и доукомплектование войск, поэтому главный акцент был сделан на ведение так называемой малой войны, и здесь неплохим подспорьем для решения проблем стала иррегулярная конница. Калмыки и донцы сражались против шведов в составе петровской армии с самого начала этого военного конфликта. В своем труде И.И. Голиков писал, что Петр I в конце зимы 1701 г. «смотрел экзерциции прибывших в Москву калмыцкого и татарского войска, в 30,000 состоящего, и все сие войско отправил к границам шведским, предписав <...> как им поступать в разсуждении неприятельских действий» [3, с. 390].

В течение всей военной кампании в Прибалтике (1701–1704 гг.) калмыцкая конница и донцы регулярно отправлялись с юга на северо-запад для совместных действий с русской армией. Сохранившиеся документы говорят о широком спектре участия их отрядов в операциях малой войны. Это и несение сторожевой службы, и поиск для взятия «языков», и разорительные набеги на вражескую территорию, а также налеты на обозы и сторожевые посты противника [19, с. 39–40].

Не меньших успехов добились калмыки и донцы в период боевых действий на территории Речи Посполитой (1704–1708 гг.), на военный театр которой переместились корпуса главной армии Петра I, после определенных успехов в Прибалтике. Стоит отметить, что польский король и саксонский курфюрст Август II Сильный, а также гетман польный литовский Г.А. Огинский довольно часто просили у русского командования в помощь именно калмыцких всадников, которые оказывали деморализующее воздействие на шведских солдат и офицеров. В частности, Август II с самого начала войны (1701 г.), обращаясь с просьбой к Петру I о направлении к нему дополнительных отрядов кавалерии, настаивал на отправке, помимо драгунских полков, еще и 3–4 тыс. калмыков «для употребления в дело против шведской конницы» [18, л. 1–2].

Сведения о пребывании калмыков и донского казачества на территории Речи Посполитой в период военного противостояния Петра I с Карлом XII сохранились в большом количестве источников – в донесениях и письмах послов польско-литовской шляхты к царю и его представителям. К сожалению, большая часть из них связа-

на с теми трудностями и лишениями, которые приходилось терпеть населению воеводств и поветов Польши и Литвы от пребывания на их земле иррегулярных войск русской армии. При этом грабежи, дезертирство, а иногда и убийства были достаточно частым явлением во взаимоотношениях между калмыками, казаками и местными жителями тех мест, которые становились местами дислокации русской армии. Польский историк А.С. Каминский считал, что такое поведение иррегулярных войск было характерно для польско-российских отношений того времени. Жалобы на поведение легких казачьих и калмыцких отрядов, поступали со всех уголков Речи Посполитой. Во время дебатов, переговоров, делегаций, публичных и секретных конференций и банкетов шляхта просила у царя и его представителей большей дисциплины в российской армии и удаления казаков и калмыков из границ страны, так как поведение их было ужасным. На маршруте их походов были обычным делом разграбление деревень, уничтожение домов, церквей и даже магазинов с продуктами, предназначенными для русских войск [1, s. 94].

В настоящее время в ф. 79 «Сношения России с Польшей» Российского государственного архива древних актов сохранился ряд документов с обращениями (жалобами и заявлениями) представителей городской администрации и видных шляхетских семей Польши и Литвы с просьбами об «унятии» российских иррегулярных войск. Для полноты картины приведем выдержки некоторых из них. Так, 3 января 1707 г. послы Л. Манецкий и А. Белопольский, направленные с «Инструкциями» к Петру I от Волынского воеводства жаловались царю на грабежи и разрушения на своей территории: «господина Линевского каштеляна Лубачевского, госпожи Захоровской каштелянки Волынской, господина Ледоховского подкоморего Кржеменецкого, господина Порванецкого господина Сечинского також монастырь доминиканский <...> все от войск калмыцких ограблены, плетми битые, и весьма разорены. Також и недавно господина Манецкого посла настоящего лошадей, скот и хлебное все собрание от тех же калмыков чрез его добра назад возвращаючи, побрали» [13, л. 8 об.]. 10 января 1797 г. послы из Люблина С. Розвадовский и Ф. Суходольский жаловались царю, что в их воеводстве «не убретая церквей святых еже калмыки серебро и красоту церковную, и что шляхецкого положения тамо необреталося побрали. Сверх того и мертвых трогали, и отдирали одеяние» [14, л. 4 об. – 5].

Польский архиепископ и примас С. Шембек писал царю 29 апреля 1707 г. о злодеяниях и своеволии, которое калмыки совершили в Великой Польше, когда в «особняки вторгаются, грабят,

насилуют, людей мучают, избивают священников и даже убивают» [12, л. 19]. Позднее в «Инструкциях» выданных 5 августа 1707 г. послам Мозырского повета Б. Волбекови и А. Оксорце, которые направлялись к представителям царской администрации была заложена следующая просьба: «Хотя оной повет и универсалы его царского величества имеет, однакож преходящие казацкие и калмыцкие войска, разорения чинить и не пристаю и от того их унять» [16, л. 3].

В отличие от польского короля, который, как сообщалось выше, настойчиво просил у Петра I поддержку русской иррегулярной конницы, польско-литовская шляхта была категорически против пребывания казаков и калмыков на своих землях и всеми способами старалась вывести их за пределы Речи Посполитой. Об этом говорят их многочисленные обращения с этой просьбой на имя царя. В своих письмах они отмечали, что эти войска больше усердия применяли при разорении их городов и фольварков, а не в сражениях против шведских войск [10, с. 492]. При этом шляхта предлагала царю использовать вместо русских иррегулярных войск свою польско-литовскую конницу: «после оных Калмыков и казаков <...> болше ущерб, нежели ползы чинят, отсель отлучити надлежит, понеже его царское величество лутче и действительнее услуги от Полского, при нас обретающагося, войска конечно и неотменно надеяться может» [10, с. 354–355].

Петр I не спешил выполнять просьбы своих союзников, и на это у него были веские причины. Именно в это время родился знаменитый так называемый «Жолкевский» план, который впоследствии стал стратегически правильным решением русского командования. Согласно с этим планом боевые действия русской армии должны были быть организованы следующим образом: не вступая в генеральное сражение в пределах Речи Посполитой, отходить к своим границам, так как «шатость» местного населения в случае неудачного исхода возможного генерального сражения могла подвергнуть войска опасности при отступлении. При этом все войска переходили к масштабной малой войне – непрерывным и методичным атакам врага небольшими отрядами, которые бы задерживали его наступление. Отступая к своим границам, русская армия должна была уничтожать в покидаемых районах продовольственные запасы, чтобы создать затруднения в поиске провианта для вражеских войск [4, с. 153–164]. В данных обстоятельства основной упор при разведывательно-диверсионной деятельности на линии соприкосновения с противником делался на иррегулярную конницу, на-

ращивание сил которой в регионе требовали обстоятельства. Многочисленные документы из переписки царя и командования русской армии говорят нам об этом [10, с. 33, 397]. При этом ставя боевую задачу калмыкам и донцам Петр I указывал: «везде неприятельские подвиги смотреть и у оных, ежели пойдут, корм и провиант отравливать и разорять и всяко их утруждать» [11, с. 228–229].

В данных обстоятельствах интересы государства были важнее союзнических обязательств. Поэтому Петр I, его министры и военачальники находились в сложной ситуации, когда с одной стороны они должны были наращивать силы русской армии и выполнять требования «Жолковского» плана, а с другой гасить негативные настроения в лагере своих союзников. Поэтому чаще всего в переговорах с польско-литовскими послами они старались не конкретизировать свои ответы. Не говоря ничего прямо, они вынуждены были уклоняться от окончательных решений. Например, 8 августа 1707 г. примас С. Шембек направил к Петру I специального посла Я. Бегановского, который представил царю «Мемориалы», где среди прочего содержалась жалоба, что Великое княжество Литовское «разорены <...> чрез переходы казаков и калмыков не имея никакого респекту и пощады». На это царь отвечал: «Как возможно будем искать облегчения Литве по времени смотря» [17, л. 33 об.].

По поводу же вывода иррегулярных войск с территории Польши и Литвы ответы с русской стороны были всегда отрицательными, аргументы такого решения всегда были связаны с острой необходимостью присутствия легкой конницы на театре военных действий. Так, 14 января 1707 г. в Жолкве на поданные от польских гетманов «секретные мемориалы», содержащие очередную просьбу об изгнании из Речи Посполитой казаков и калмыков, от царским министров поступил следующий ответ: «ради умножения своего войска, невозможно оных в нынешнее военное время выводить, ибо оные в подьезды непрестанные потребны; а о разорении и грабительствах, под потеряннем живота, им заказ накрепко учинен, в чем речь посполитая благонадежна быти может, что никаких обид чинено не будет и как прежде, так и ныне своевольные казнь бес пощады воспримут, како и прежде несколько десятков за своеволие казнь восприяли» [10, с. 370].

Здесь стоит подчеркнуть, что командование петровской армии применяло самые решительные меры по противодействию грабёжам и насилию, чинимому казаками и калмыками, постоянно повышая уровень дисциплины в их рядах. С этой целью для более четкой организации иррегулярных войск и централизации их управ-

ления командование над ними передавалось специально назначенным лицам из офицерского корпуса петровской армии. В частности, 25 апреля 1707 г. Петром I был издан указ о назначении «столнику Дмитрею Ивановичу Молостову быть над донскими казаками и калмыки и татары в Полше обретающимися, воеводаю, под командою его сиятельства римского государства князя и генерала и кавалера над всею кавалериею Александра Даниловича Меншикова <...> И будучи управлять теми казаками и калмыками и чинить при помощи Божией воинские над неприятелем промыслы».

При этом, кроме прочего, воевода должен был «смотреть того накрепко, дабы они донские казаки и калмыки никаких обид как в короне польской так и в великом княжестве литовском; шляхте и протчим жителем чинить не дерзали <...> и монастырей и костелов незаряжали и не грабили и в шляхецких домах не становились, и оных також и деревень их не грабили, и не жгли, и людей приятельских не побивали». Здесь же содержались угрозы физической расправы над нарушителями дисциплины и строгие наказания самого воеводы в случае ослушания: «если кто дерзнет по вышеписанному чинить, тот бес пощады будет казнен смертию; А когда будут на них какие приносить жалобы шляхта и протчие полские жители <...> пограбленное накрепко сыскивать и отдавать обидимым <...> А буде ево несмотрением и поноворкою будут донские казаки и калмыки грабежи и убийства невинных людей, и которые мирно в домах своих сидят, чинить, то он понесет за то себе от его царского величества жестокой гнев и опалу» [15, л. 1–2].

Об ответственности офицерского корпуса русской армии за действия своих подчиненных казаков и калмыков ставились в известность не только сами назначаемые командиры, но лица представлявшие интересы Речи Посполитой. Послы и шляхта информировались, что в случае противоправных действий иррегулярных войск они получали следующие гарантии: «обид чинить никому им (иррегулярным войскам – *авт.*) не велено и накрепко о том командующим генералом над ними заказано [и если что впредь учинится, то истязано будет не на них, но на том генерале, над ними командующем] [10, с. 484].

В отношении нарушителей дисциплины командование русской армии применяло самые жесточайшие карательные меры, о чем свидетельствует ряд документов. Например, представитель царского правительства на польской Раде в Львове князь В. Долгорукий сообщал Г.И. Головкину 14 февраля 1707 г., что «на калмыков жаловались в конференции, что вновь разграбили костел <...> тяжкие

выбирают провианты», на что канцлер Петра I отвечал: «дать ведомость, кто так дерзает чинить, за что по воинским правам могут наказаны быть» [10, с. 469-470]. В ряде случаев такие наказания виновных заканчивалось смертной казнью («потерянием живота»). Так, на одну из жалоб поданных Петру I гетманом великим коронным Адамом Сенявским царь ответил 14 июня 1707 г. следующей резолюцией: «Церкви и духовные особы повелевает его царское величество накрепко во всяком почтении и охранении войскам своим имет, и за то злочинцов Калмык болши 20-ти человек казнено смертью, иные ж жестокими наказаниями и недавно наказаны» [10, с. 693].

В заключении хотелось бы отметить, что согласно выше изложенным свидетельствам и документам говорить о полном равнодушии царского правительства и командования к проблемам польско-литовского населения было бы некорректно. Да и к тому же на поведение тех же калмыков в какой-то степени влияла их природная жестокость, которая успешно использовалась русским командованием для морально-психологического воздействия на противника. Ведь калмыцкие воины были достаточно свирепы даже для XVIII в., который не был особенно расположен к гуманизму. Свидетельства очевидцев указывали на их беспощадность к противнику на поле боя. Например, в 1663 г. запорожский гетман П. Тетеря писал к польскому королю: «Калмыки стали так страшны, что Татары боятся особенно потому, что здесь совершенно отнята надежда на пощаду, обыкновенная между воюющими: как только Калмык схватит человека, хотя бы самого знатного, ни на одну минуту не оставляет его в живых» [9, с. 346]. К тому же для донского казака или калмыка не было большой разницы между враждебно настроенным лифляндцем и дружественным поляком. К тому же случаи грабежей и насилия часто распространялись и на жителей Российской государства – русских или малороссов, через населенные пункты которых проходили отряды иррегулярных войск [20, с. 241; 7, с. 193].

Несмотря на все случаи негативного поведения, Петр I и его военачальники не могли исключить из состава русской армии иррегулярные отряды. Своим нетипичным для европейцев видом и «варварским» поведением казаки и калмыцкие воины наводили ужас на противника. Страшные, чаще мифические истории об их диких нравах и отношении к пленникам часто заставляли врага бежать без сопротивления, даже не вступая в непосредственное соприкосновение с иррегулярной конницей. Таким образом, страх двигался впереди петровской армии и подрывал боеспособность противни-

ка еще до приближения русских отрядов, что, конечно же, было на руку царскому командованию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Kamiński A.S. Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkim 1706-1709. Wrocław, 1969.

2. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965.

3. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 2. М., 1837.

4. Иванюк С.А. «Ложное бездействие» – пребывание Петра I в Жолкве (декабрь 1706 – апрель 1707 года) // Европейские маршруты Петра Великого: К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж-Реймс, 20–22 апреля 2017 года. СПб., 2018.

5. Иванюк С.А. Малая война в стратегии и тактике русской армии на первом этапе Северной войны (осень 1700 – лето 1709 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Волгоград, 2014.

6. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696 – 1896. (Исторический очерк). Краснодар, 1896.

7. Кочегаров К.А. Русское правительство и Черниговский казачий полк в канун нашествия шведов на Украину (1708 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2015.

8. Максимов К.Н. Военная интеграция калмыков с донскими казаками в первой четверти XVIII века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. №2.

9. Памятники, изданные временною Комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Т. 4. Киев, 1859.

10. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5. СПб., 1907.

11. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912.

12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 4.

13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 49.

14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 53.

15. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 81.

-
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 117.
 17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. 1707 г. Д. 118.
 18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 4. Д. 25.
 19. Служба донских казаков: материалы по истории и генеалогии казачества. Волгоград, 2015.
 20. Таирова-Яковлева Т.Г. Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. СПб., 2014.
 21. Тепкеев В.Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»: набег калмыцких отрядов на Крым во время русско-польской войны 1654–1667 гг. // Новый исторический вестник. М., 2013. № 4 (38).
 22. Тепкеев В.Т. Участие калмыков в русско-польской войне 1654–1667 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2.
 23. Чонов Е.Ч. Калмыки в русской армии XVII в., XVIII в. и 1812 год. Очерк, статьи, биография. Элиста, 2006.
 24. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста, 1991.

А.В. Захаревич (Ростов-на-Дону)

ЧЕХАРДА С ГРЕКОВЫМИ 8-ми, ПОВЛИЯВШАЯ НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ ГЕРОЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. П.М. ГРЕКОВА

Уже прошло 7 лет после того как отзвучали фанфары грандиозных празднеств, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. В преддверии торжеств и в период самого действия историками были написаны различные труды, из массы которых на наши головы были вывалены неожиданные «подарки»! Суть одного из них в том, что герой эпопеи 1812 г., генерал-майор Петр Матвеевич Греков 8-й сам себе в 1809 г. создал «маленький геморрой» с очередностью родовых служебных номеров в фамилии Грековых, который затем, когда его не было уже в живых, сыграл с ним скверную шутку...

Может быть все и осталось бы втуне, но в 2011 г. профессор истфака ЮФУ А.И. Агафонов опубликовал свою новую монографию, которая, бесспорно, является весомым вкладом в отечественную историографию эпопеи 1812 г. При ее чтении бросился в глаза один момент: «Большую путаницу в представлении кандидатов для написания портретов в Военную галерею вносил и Инспекторский департамент. Генерал-майор П.М. Греков 8-й умер 3 февраля 1817 г., его номер получил Гаврила Васильевич Греков. Инспекторский департамент Главного штаба долгое время разыскивал генерал-майора Г.В. Грекова 8-го, которого, естественно, найти так и не смогли. Но пустая рама с его именем до начала XX века находилась в галерее и была изъята оттуда в связи с помещением в галерею портрета генерала-декабриста кн. С.Г. Волконского» [1, с. 201].

При этом А.И. Агафонов сослался на статью столичного автора А.А. Подмазо, посвященную отбору кандидатов из Войска Донского для изображения в галерее. Текст примерно одинаков, но акцент сделан в других местах: «Отсутствие портрета генерал-майора Петра Матвеевича Грекова в галерее также не связано с атаманскими интригами. Всею виной ошибка, допущенная чиновниками Главного штаба, – в списках Инспекторского департамента и Комитета значился Греков 8-й, но при перенумерации после войны донских офицеров и генералов этот номер получил полковник Гаврила Васильевич Греков (П.М. Греков к этому времени уже умер). Инспекторский департамент Главного штаба долгое время разыскивал генерал-майора Г.В. Грекова 8-го, которого, естественно, найти так и не смогли...» [9, с. 239].

Мне, написавшему уже одну статью по данной проблеме [7, с. 39–42], бросилось в глаза несоответствие этих фактов действительности, ибо фактически все было наоборот. Не стоит здесь воспроизводить данные послужного списка Г.В. Грекова 8-го за 1806 г. [4, л. 11 об.–12], которые мной уже три раза воспроизведены в различных статьях. Мало того, С.В. Корягин, известный исследователь донской генеалогии, также поддерживает нашу точку зрения, состоящую в том, что Г.В. Греков стал 8-м раньше П.М. Грекова [8, с. 83].

Все расставить на свои места может выписка из «Журнала протоколов Воинской Экспедиции Войска Донского за 1808 год (2-я половина: июль – декабрь)». Заседание 2 июля. Вопрос о Грековых разбирался под №13. Протокол гласит: «По рапорту полковника и кавалера Грекова 8-го, при коем представил за 1807-й год послужные его списки, в которых он означает, что произведен в настоящий чин

799-го февраля 9-го, а по справке с фамильными списками оказалось: 1) что господа Грековы показаны произведенными в подполковники: Степан Алексеев 798 генваря 15, Гаврило Васильев 798-го генваря 18, Петр Матвеев 798-го мая 25-го; в полковники: первый 799-го февраля 4-го, второй 799-го февраля 9-го, а третий 799-го августа 21-го; и 2) в Высочайшем приказе, отданном 799-го августа 21-го, значится, что из подполковников в полковники произведен Греков, приказали: как из поднесенной справки, взятой из фамильных списков значится, что в полковники 9-го февраля 1799 г. произведен Гаврило Васильев Греков, а Петру Матвееву Грекову принадежит производство в сей чин 21-го августа того же года, вопреки чему в послужном списке от него присланном присваивает себе производство 9-го февраля, то обстоятельства сии отнести во особое рассмотрение к господину войсковому атаману и кавалеру, на что и просить его разрешения»[5, л. 9 об.–10].

Должности в русской армии занимали по старшинству производства в чин, особенно если назначаемые люди имели одинаковый чин. Г.В. Греков в 1800–1803 гг. уже был походным атаманом на западной границе России, а П.М. Греков только заступал на службу в 1809 г. в Молдавскую армию в должности командира полка. В этом же году Г.В. Греков снова становится походным атаманом на Кавказской линии. Оба же они были на тот момент полковниками.

Возникает вопрос: почему Г.В. Греков 8-й так быстро и непонятно ушел со своего поста в отставку? Петр Матвеевич по традиции, будучи по старшинству производства в полковники младше, не имел права называться Грековым 8-м, но упрямо так себя обозначал в служебных бумагах. Все преимущества в этом споре были на стороне Гаврилы Васильевича, для чего была даже сделана хронологическая выверка производства представителей этого рода в полковники [7, с. 41], но члены Воинской Экспедиции Войсковой Канцелярии Войска Донского не решились сами вынести свой вердикт, а постановили отдать этот вопрос на рассмотрение войскового атамана М.И. Платова, бывшего в то время на Дунайском театре войны с Турцией. Тот же поступил своеобразно: полковника Петра Матвеевича он видел перед своими глазами каждый день, т.к. тот тоже сражался с ним против турок, находясь под его началом; полковник же Гаврила Васильевич был далеко, виделись они последний раз довольно давно. Поэтому и вопрос был решен «вихрем-атаманом», думается, в пользу своего непосредственного подчиненного, тем более что последний за отличие в сражении при Руцуке был награжден орденом Св. Георгия 3-го класса [2, с. 101]. Так кто для него был

Грековым 8-м? Понятно и так: не вдаваясь в соблюдение традиций и т.п., Матвей Иванович утвердил желание Петра Матвеевича быть Грековым 8-м, а Гавриле Васильевичу отказал!!!

Это-то решение и подстегнуло походного атамана на Кавказской линии написать рапорт об уходе в отставку, а затем до марта 1810 г. добиваться этого фактически. Тем более, что этот «укус» его самолюбия за последнее время был уже вторым: первый состоял в том, что по «Списку именному состоящих в Войске Донском генералитету и штаб-офицерам с показанием кто из них где находится за 1808 год» он обозначен Грековым 7-м [6, л. 86]. Есть «Список состоящим в Войске Донском служилым генералитет и штаб-офицерам, учиненный в 1809 году, октября месяца» [6, л. 161]. Там Гаврила Васильевич тоже 7-й! В монографии А.И. Сапожникова, в приложении, озаглавленном «Список состоящих на службе штаб-офицеров Войска Донского на 12 июня 1809г.» Гаврила Васильевич значится Грековым 7-м, а Петр Матвеевич – Грековым 8-м [10, с. 284]. Это что – столичная любезность перед героем 1812 г.?

Из перечисленных списков два последних настораживают, т.к. даже по протоколам заседаний Воинской Экспедиции он уже в 1808 г. становится 8-м?!! С чем связано переименование Гаврилы Васильевича из 7-го в 8-е нас как-то не интересовало, ибо в описываемом споре с Петром Матвеевичем дело шло уже о 8-м номере. Если ранее он был Грековым 7-м, а потом стал Грековым 8-м, да и там не смог удержаться, то такой жест, как уход в отставку, вполне можно понять и объяснить именно этим... В 1811 г. П.М. Греков производится в генерал-майоры, и так как этого, после ухода со службы Г.В. Грекова, уже никто не оспаривал, становится в памяти народной Грековым 8-м и с этим номером стал героем Отечественной войны и заграничных походов 1812–1814 гг.

С уходом в отставку Г.В. Греков потерял свой номер, т.к. в отставке человек переставал продвигаться по службе. Об этом мы узнаем из содержания «Списка служащих гг. генералам и штаб-офицерам Войска Донского, с показанием, какие должны они принять ныне номера», датированного 17 августа 1822 г. [3, л. 1 об.]. Это та самая перенумерация, на которую намекают как А.А. Подмазо, так и А.И. Агафонов. Ранее ничего такого произойти не могло, т.к. там значатся под номерами, в которых они были в 1812–14 гг. все донские герои, которые оставались на тот момент живыми. Там нет среди Грековых Гаврилы Васильевича, хотя он умер только в 1830 г. Если бы служил, то был бы обозначен и должен был поменять свой номер...

Что же касается П.М. Грекова, то он при жизни действительно создал себе злую шутку, потратив героический период своей службы на добывание родового служебного номера «8», прославил его, произвелся в генералы и умер, а как дошло дело до портрета в Военной галерее Зимнего дворца, так получился полный конфуз! Искали его, а на Дону находили всегда Г.В. Грекова, хотя генералом тот не был, а все остальное совпадало! Даже после смерти П.М. Греков продолжал путать Военное министерство, хорошо сделав это при своей жизни. Получилось так потому, что царь отбирал кандидатов на написание их портретов по своему усмотрению, написав «Греков 8-й», а на Дону под этим номером значился только Гаврила Васильевич. Петр Матвеевич в столице и в армии создал о себе мнение как о «8-м», а на Дону велся свой учет, и когда потребовали из столицы Грекова 8-го, то указали Гаврилу Васильевича, хотя он номера давно не носил. Это и породило проблему, след которой наблюдается и поныне в трудах историков.

Эта банальная история еще раз подтверждает верность народной мудрости: «Не рой ямы другому, иначе сам в нее попадешь!»! Доказательством ее была пустая рама с надписью, в которой от Петра Матвеевича был только чин...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов-на-Дону, 2011.
2. Безотосный В.М. Греков (Греков 8-й) Петр Матвеевич // Отечественная война 1812 г. Биографический словарь. М., 2011.
3. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 326.
4. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 373.
5. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 433.
6. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 138.
7. Захаревич А.В. Гаврила Васильевич Греков 8-й – пятый и последний походный атаман донских казаков на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами в 1801–1816 гг. // Рубикон. Вып. 56. Ростов-на-Дону, 2010.
8. Корягин С.В. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 42: Грековы. М., 2004.
9. Подмазо А.А. Донские интриги? (К вопросу об отборе казачьих генералов для военной галереи Зимнего дворца) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Вып. VII / Сборник матери-

алов. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Труды ГИМ. Вып. 179. М., 2008.

10. Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах. Кампания 1805–1807 гг. М.-СПб., 2008.

М.А. Рыблова, А.В. Когитина (Волгоград)

ОТШЕЛЬНИКИ-КЕЛЕЙНИКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОСЕЛЕНИЙ ДОНСКИХ КАЗАКОВ*

Структура любого традиционного поселения формируется под влиянием многих факторов: природно-географического, экономического, социального. Этнографов всегда интересовало, как выстраивается и изменяется внутреннее пространство поселения, в первую очередь, под влиянием социокультурных условий жизни его обитателей [11, с. 26–38, 95–103]. Так, позднесредневековые казачьи городки, нередко имевшие круговую планировку и воплощавшие символически основу социальной структуры раннего казачества (круга, как общего собрания равных и главного органа власти) – по мере перехода казаков к земледельческому труду и превращения их в служилое сословие с неизбежностью должны были смениться новыми поселенческими формами. Хутора и станицы XVIII–XIX вв. уже вытягивались вдоль трактов или рек, имели выраженный «центр» и периферию («кутки», «концы»), сакральные и профанные локусы; места для военных учений, молодежного и старческого досуга и пр.

В этой статье мы рассмотрим, как определяли социокультурное пространство поселений донских казаков люди, имевшие в общине особый культурный статус – т.н. келейники (они же – отшельники, пустынники). В качестве источников были использованы материалы по истории казачьих поселений, опубликованные донскими краеведами XIX в. (И. Сулиным, Т.С. Пивоваровым, Р. Поляковым и др.) [13; 14; 6; 8], а также полевые экспедиционные материалы, собран-

*Публикация подготовлена в рамках реализации гос. задания ЮНЦ РАН на 2019 г, № госрегистрации 01201354248, а также в рамках научной программы лаборатории регионального исследования Волгоградского института управления РАНХиГС.

ные в 1980-х–нач. 2000-х гг. в казачьих поселениях Волгоградской и Ростовской областей.

Об отшельниках и пустынниках, которые либо жили за пределами казачьих поселений, либо дали начало этим поселениям, свидетельствуют, например, материалы, собранные И. Сулиным. Так, об основании Етерева городка он записал предание, согласно которому, он получил название «от Этери – пустынника, который жил на том самом месте, где основалась станица первым поселенцем» [13, с. 411]. Впрочем, известный исследователь казачьих городков В.Н. Королев высказал сомнение в реальности этого факта на том основании, что «Этеря среди восточно-славянских имен не встречается» [3, с. 70]. Трудно судить, кто из исследователей прав, отметим лишь, что среди казачьих имен было множество прозвищ самого разного (в этническом и др. отношениях) происхождения. Для нас же важно отметить отраженную в предании связь позднего поселения с местом обитания отшельника.

В ст-це Цымлянской, по свидетельству краеведа Р. Полякова, до 1870-х гг. сохранялась память об отшельнике Пафнутии, который не только жил в сер. XVIII в. в 7-ми верстах от станицы (в «моливенной келье»), но и указал место нового ее расположения, что сбылось впоследствии. Краевед писал, что после смерти отшельника ему был поставлен памятник, о котором усердно заботились местные жители [8]. Как человек, предсказывающий будущее, а также колдун, почитался в ст-це Дурновской старец Азник, живший долгое время в землянке неподалеку от станицы в урочище Землянуха [14].

По всей видимости, в категории отшельников преобладающими были старики. И здесь необходимо вновь обратиться к теме старости в казачьей традиции. Мы уже отмечали в специальных работах, посвященных этой проблеме, что статус стариков в общинах донских казаков кардинально отличался от статуса стариков-крестьян [12, с. 216–222; 10, с. 226–242]. Т.А. Бернштам, характеризовавшая различные половозрастные группы в составе русской крестьянской общины XIX в., отмечала, что «на значительной территории Европейской России уважение к старикам ослабевало с утерей ими здоровья и физической силы». Вместе с тем, исследовательница отмечала, что некоторые районы России составляли исключение: на Урале, на Дону, Кубани, в отдельных сибирских областях, в старообрядческих общинах статус стариков был совершенно иным. Т.А. Бернштам видела в этом влияние целого ряда факторов: переселенческие связи, имущественная, административная власть, религиоз-

ный устав «старчества» (старообрядцы) и пр. [1, с. 125]. Но не исключено, что высокий статус старцев в казачьих регионах обуславливался традициями, связанными еще с периодом ранних братств.

Уже в ранний период казачьей истории сформировалась традиция, согласно которой старые казаки с утратой возможностей быть воинами сами определяли свою дальнейшую судьбу, при этом, не понижая, а наоборот, повышая свой общественный статус. Связано это было не только с выходом из сообщества воинов, но и с уходом из общины, из городка и физическим перемещением на новые территории, обретавшие впоследствии статус сакральных локусов.

Так авторы «Картин былого тихого Дона» писали: «...Каждый казак, когда чувствовал, что за ранами, болезнями и старостью он становится плохим помощником в боях и походах, шел в ближайший монастырь Никольский близ Шацких ворот, или Боршевский – Троицкий и там проводил остаток своих дней...» [2, с. 15]. Та же традиция ухода состарившихся казаков в монастыри была характерна для Запорожской Сечи. Д.И. Эварницкий сообщал: «Если какой-нибудь запорожец делался дряхлым и неспособным к войне, то он либо шел в излюбленный запорожцами Киево-Печерский монастырь, либо удалялся в безлюдную степь и жил в особом жилье, бурдюге, менее простом, чем хата, даже землянка» [16, с. 64].

Иногда «уход» казака-запорожца в монастырь обставлялся торжественно и представлял собой развернутый обряд, сопровождавшийся «грандиозной попойкой» и называвшийся «прощанием козака со светом»: «Тут всяк... пил, ел, танцевал; а впереди всех на прекрасном боевом коне несся сам прощальник «сивоусый»; нередко и он сходил с коня, пил, ел и пускался «на-в-присядки». Всех встречных и поперечных он приглашал в свою компанию, угощал напитками и предлагал закуски. Если он увидит на своем пути воз с горшками, немедленно подскакивает к нему, опрокидывает его вверх колесами, а вся веселая компания его подбегает к горшкам, пляшет по ним и топчется. (То же проделывалось с возом рыбы и бочкой дегтя). После этого он одаривал владельцев разбитых горшков и разбросанной рыбы [17, с. 2].

Первое, на что стоит обратить внимание: уходящий из Сечи запорожец забирал все свое имущество (свою долю), после чего целенаправленно раздавал, растрачивал его, являясь в монастырь уже полностью «опустошенным». «Трата» сил и имущества, сопровождавшаяся обильными возлияниями, характеризовала и поведение рекрутов в обряде проводов, также имеющем ярко выраженную инициационную окраску. Так же точно раздавали имущество (перерас-

пределяли его) легендарные казачьи и разбойничьи атаманы, что давало основание исследователям называть их «социальными освободителями». Но и за «социальной справедливостью» атаманов и простых разбойников явно стояли более ранние представления и о коллективной доле, и об индивидуальной – воинской, которая должна быть возвращена: в случае смерти (идеальный вариант для воина) – в виде некоей духовной субстанции (славы), а в случае «благополучной старости» – в виде духовного молитвенного подвига.

Но в случае с запорожцем, прощающимся со светом, видно, что трата имущества проходила не по рациональной схеме: горшки разбивались, рыба разбрасывалась, бублики тут же съедались. И горшки, и рыба, и бублики выступали лишь в качестве символов коллективной доли, в которую поступала доля уходящего. В сибирских сказах фигурирует разбойник Криволицкий, награждавший бедняков за ущерб, нарочно им же нанесенный: встретив мужика с полным возом горшков, он велел разбить их все палкой, после чего вручил мужику 100 руб. («а они и все-то пятерку не стоили»). Криволицкий, как видно, не возмещал ущерб, а просто – давал, преумножая, но с условием предварительной отдачи от обратной стороны [5, с. 19].

Все эти материалы и суждения позволили нам в свое время высказать предположение о возможном существовании в ранних казачьих сообществах ритуала перехода мужчины в группу «старых» (возможно, особых, почетных старых), проходящего по общей схеме переходных обрядов и представлявшего собой, по сути, последнюю инициацию (или последний ее этап) в жизни казака-воина. Казаки-старики, уходящие из общин по такой схеме, обретали очень высокий статус. Таким же становился и статус мест их нового обитания.

Так, на Дону был широко известен Монастырский городок, стоявший на самой границе с турецкими владениями. Он служил первоначально прибежищем для старых и увечных воинов. Здесь вообще широко был распространен обычай сооружения именно на границе монастырей, обителей и келий. Очень показательно то обстоятельство, что старые и немощные не отправлялись в безопасное место, а селились на самом опасном пограничье. Предание гласит, что, отправляясь в 1637 г. на штурм Азова и дойдя до Монастырского урочища, казаки принесли в нем молитвы Богу «и дали клятвенную заповедь» не оставлять своих погибших товарищей на басурманской земле, а свозить их в Монастырский городок, здесь их должны были хоронить отошедшие от ратных дел старики. Впоследствии Мо-

настырское урочище станет одним из особо почитаемых мест Донской земли.

Согласно этнографическим свидетельствам, закреплялись за стариками и определенные локусы в рамках поздних казачьих поселений. По свидетельству В.Д. Сухорукова, любимыми местами стариковских собраний были – расположенные в центре поселения станичная изба или дом атамана, а также – голубцы на кладбищах, где они устраивали заупокойные тризны-беседы [15, с. 33]. Очевидно, не случайно за стариками закреплялись одновременно сакральный центр – станичная изба и маргинальная зона – кладбище; статус «посредников» позволял им соединять обе эти точки, обеспечивая связь живых с предками, подпитывая живых славой и силою (долею) погибших.

Однако для нашего исследования важнее определить те локусы в казачьем поселении, которые становились постоянным обиталищем старцев, избравших особую участь – келейников-отшельников. Из донских материалов XIX в. известно, что старики, снявшие с себя полномочия «большаков», нередко удалялись из семьи и поселялись отдельно – на краю усадьбы или даже поселения – в ямах-землянках [18]. Священник С.Т. Пивоваров, родившийся в ст-це Каргальской, описывал судьбы стариков, относящиеся к концу XVIII – началу XIX в. Он писал, что, женив всех сыновей и отдав замуж дочерей, казаки входили в новый этап своей жизни. Это заключалось в том, что многие из них оставляли жен и детей с внуками и уходили жить в специально выстроенные кельи. Они жили там в одиночку, проводя время в молитвах. Степень подвижничества у разных людей была различной: многие строили свои кельи на собственном базу, а некоторые селились на краю поселения или даже уходили за его черту. Описываемая Пивоваровым станица располагалась на горе, в подножии которой в 1770 г. было около 20 келий, в которых жили, по его словам, «весьма престарелые люди, немощные и калеки безродные». Священник честно свидетельствовал, что с годами таких подвижников становилось все меньше, а ко времени написания его «Записок» – не осталось ни одного человека. Однако в памяти народной долгое время сохранялись названия урочищ: Кельи, Стариков кут, У монастыря и др. [6].

Вспоминал С.Т. Пивоваров и о своем деде, Петре Алексеевиче, который за 5 лет до смерти («имея от роду 58 лет») распростился со своей женой (его бабкой) и осуществил свой личный «переход» в старость в два этапа. Сначала он стал жить отдельно от своей супруги, переселившись в дом своего младшего сына Ефима. Следующий

этап заключался в его переходе в келью, находившуюся в Старом городке (месте первоначального поселения станицы Каргальской). Живя в этой келье, Петр Алексеевич занимался разведением сада, но главное – рыбной ловлей. Внук так объяснял занятия своего деда: «Ловление рыбы было ему нужно, как для пропитания, а более – чтобы не сидеть без дела. И, помню – в один раз приехал к нему хохол волами и брал рыбу, а ему дал муку и что-то деньгами» [6].

Конечно, внук рассматривал жизненную ситуацию деда через призму типичных для того времени житейских ситуаций. По его мнению, старику, ушедшему из семьи, нужно было как-то коротать время и чем-то питаться. Но, обобщая опыт и других старцев, С.Т. Пивоваров вдруг начинает открывать глубинную суть их старческого подвига: «Старики... ходят ловить рыбу в Дон и заливы после полой воды; приезжая каюками к берегу, они раздают мелкую рыбу не только одиноким и безродным старушкам, питающимся милостынею, но и достаточным, приходящим к берегу и дому рыбалки (рыбалкой назывался старик, устраивающий общественные раздачи. – М.Р., А.К.). Продажи рыбы односельцам я никогда не слышал. Все просто бывало: как только увидели с горы едущие каюки после ночного рыболовства, к берегу идут и бедные, и богатые; рыбалка, имеющий невод, раздает из части своей именно всякому и никто порожний не возвращается. Приходящему нет стыда, а получает как будто от должника, а дающему нет греха и стыдиться отказать...» [6].

Как видно, посредством «рыбных раздач» (как и ранее) старики участвовали в процессе символического умножения и передела общинной доли, не претендуя, однако, на обязательное получение своей части. Они становились обязанными отдавать (положение должника), возможно, для того чтобы избежать статуса «заедающего чужой век». Не тех ли стариков не докармливали в семьях, кто отказывался от последней инициации, получая статус «зажившихся»?

Отметим также, что для народной традиции характерно восприятие рыбной ловли как божьего промысла, а рыбаки уподобляются ловцам душ. В славянских поверьях рыба предстает в качестве символа и душ умерших, и еще не рожденных детей. Таким образом, старики, прошедшие последнюю инициацию, получали статус берущих у высших сил и наделяющих долей.

Упоминаются в источниках и келейки, в которых селились старухи-казачки. Тот же священник Пивоваров рассказывал, что примерно через четыре года отшельничества его дед переселился в другую келью, а прежнюю отдал своей супруге – бабке автора «За-

писок». С сожалением автор свидетельствовал, что жить в этой келье его бабка не смогла: почти каждую ночь не во сне, а наяву ей являлись бесы. Дед, однако, отнесся с пониманием к слабостям духа своей супруги: он пришел к своему сыну и велел ему выстроить келью для своей жены (его матери) на базу, т.е. на краю своей усадьбы. Как свидетельствовал внук, в ней бабка прожила до самой своей смерти [6].

На жизнь в затворе могли обречь себя и не вышедшие замуж девушки. Народная традиция давала им возможность избежать ощущения некой ущербности, упреков со стороны членов своих семей и общины за их незамужнее положение. Такие девушки селились отдельно от семьи (в каморке или хатке), и становились келейницами, «ревнительницами благочестия». Они занимались обучением девочек «старому уставу» и пользовались большим уважением у станичников (или хуторян). Особенно много келейниц было среди казаков-старообрядцев, отличавшихся особой религиозностью. В старообрядческих общинах они могли стать уставщицами и начетчицами, занимались обучением основам веры детей. Их приглашали для отпевания умерших и чтения псалмов в поминальные дни и на религиозные праздники. Келейниц, живущих в семье, но в отдельном помещении, не привлекали к домашней работе; сами они в мирские дела семьи также не вмешивались. Некоторые из келейниц добровольно возлагали на себя, помимо молений, и другие общественно значимые функции, например, ухаживали за заброшенными могилами на станичных и хуторских кладбищах.

Келейниками могли стать и так называемые обмершие. Так называли людей, впавших в состояние летаргического сна, а затем «очнувшихся». После этого они, как правило, резко меняли условия своей жизни, а в народе слыли в качестве людей, обладавших особыми способностями. В станице Котовской Урюпинского р-на Волгоградской области мы записали рассказ о Насте Святой, которая имела дар предсказывать судьбу. Статус «святой» она получила после того, как однажды «обмерла»: «3 дня была во сне, без памяти». Придя в себя, она объявила мужу о своем намерении не жить далее с ним, но попросила оставить ее в семье. Ей выделили в доме отдельную комнатку, где она проводила дни в молениях. По словам одностаничников, все ее предсказания сбывались [7].

Как выяснилось из материалов, собранных нами в «поле», в некоторых местах традиция келейничества сохранялась вплоть до 1930-х гг. В хуторе Солонецком Обливского района Ростовской области в 2001 г. студенты ВолГУ записали такой рассказ о келейни-

ках: «Жили в балке люди, это еще при нашей памяти. Мы ходили детьми за дровами туда, и там было два колодца. Там жили богуверующие, называли – келейные. Как они замуж не выходили – и там жили... Богу молились и все»[4].

Особый статус келейников в рамках общины был обусловлен их близостью к сакральным сферам. Их состояние – по сути, переходное между тем светом и этим. И обращались к таким людям за помощью также в состояниях неопределенности, переходных, кризисных: в случае болезни, смерти близких и пр. К ним приходили для чтения «сугубой молитвы» в тяжелых жизненных ситуациях. Сам путь к кельям, нередко значительно удаленным от поселений, воспринимался паломниками как некое духовное подвижничество.

В старообрядческом хуторе Морском Чернышковского р-на Волгоградской области до наших дней сохранились воспоминания о кельях так называемых «подземельников», располагавшихся в песках за хутором, в которых жили старцы. Интересно, что к ним нередко отправляли тяжело больных, там их погружали в ямы, предоставляя судьбе: они либо умирали, либо выздоравливали, но в этом случае оставались у «подземельников» до конца своих дней.

И в том же хуторе в 1999 г. нам удалось познакомиться с удивительной женщиной – Дусечкой Рогачевой. Она жила в убогом жилище – неотапливаемом вагончике, подаренном одним из хуторян, и расположенном на самом краю хутора. Помимо выполнения собственно религиозных функций, она ухаживала за брошенными могилами, радела за экологию хутора, ведя при этом крайне аскетический образ жизни. К скромному своему жилищу она каждый год «пригораживала» новые земли, называя их «садом». Со временем на краю хутора образовалась территория, равная почти гектару земли с деревцами, окруженная рвом и небольшим валом. Сверху вала были наставлены ветки и палки – вполне в традиции древних казачьих городков. Однако свою войну отшельница вела не с чужими, а со своими – однохуторянами и единоверцами, которые перестали чтить и любить природу. В такой же цветущий сад Дуся пыталась превратить и местное кладбище, засаживая его деревьями и ухаживая за брошенными могилами [см. подр.: 9].

Таким образом, можно констатировать, что келейники-отшельники, имевшие в казачьих общинах особый статус лиц, ответственных за сакральные сферы жизни сообщества, в то же время существенным образом определяли и социокультурное пространство традиционных поселений, закрепляя за собой пограничные территории и возводя их в статус сакральных локусов. Многие из

этих локусов со временем становились особо почитаемыми – «святыми местами», связанными с ритуальными практиками (паломничествами, панихидами и пр.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: «Наука», 1988.
2. Картины былого тихого Дона. СПб., 1909.
3. Королев В.Н. Донские казацьи городки Новочеркасск: «Дончак», 2007.
4. Материалы студенческой практики 1999 г. в Чернышковском р-не Волгоградской обл. Научн. рук. М.А. Рыблова // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
5. Сибирские сказы, предания, легенды / Сост. А.А. Мисюрев. Новосибирск, 1959.
6. Н.Т. Из Донской старины. Записки священника Пивоварова // Казачий вестник. 1884. № 10.
7. Полевые записи М.А. Рыбловой 1998 г. в ст-це Котовской Урюпинского р-на Волгоградской обл.
8. Поляков Р. Цымлянская станица и ее виноград // Донские областные ведомости. 1874. №4.
9. Рыблова М.А. «Люди за чертой» в традиционной казачьей общине // Дикаревские чтения (6). Материалы региональной научной конференции. Краснодар: Изд-во Центра народных культур Кубани, 2000. С. 83-88.
10. Рыблова М.А. Донское братство: казацьи сообщества на Дону в XVI-первой трети XIX века. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.
11. Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков – Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2002.
12. Рыблова М.А. Экстремалы Дикого поля: основные этапы жизненного пути казака-воина // Мужской сборник. Вып.3. М.: «Индрик», 2007. С.207-222.
13. Сулин И. Краткое описание станиц Области войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1894. №11. С.411.
14. Сулин И. Краткое описание станиц Области войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1895. №1. С.122-128.
15. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII-XVIII столетиях. Новочеркасск, 1892.
16. Эварницкий Д.И. (пояснит. текст). Из Украинской старины: Альбом. СПб., 1900.

17. Эварницкий Д.И. История Запорожских казаков: В 3-х т. Т.1. – СПб., 1892.

18. Я.А. Археологические замечательности, старинные предания и настоящий быт Тишанской станицы (Хоперский округ) // Донские войсковые ведомости. 1873. №27.

С.В. Черницын (Ростов-на-Дону)

К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Рассматриваемая нами тема является частью более обширной проблемы соотношения социальных и этнических составляющих в формировании этнических общностей. Общества на разных этапах развития образуют социальные структуры, совокупность институтов составляющих своеобразный «социальный каркас». Их изучение относится к предметной области этносоциологии, ставящей целью «...раскрытие этнического многообразия социальных процессов...», а также определения «...социальной обусловленности и социального разнообразия функционирования этнических черт культуры и быта...» [14, с. 96–97]. Современная историография по этносоциологии включает разноплановые исследования в области социальных структур традиционных обществ; по современным этносоциальным процессам; общим культурно-бытовым характеристикам социальных групп в разнородном окружении и др. При этом менее разработаны темы, касающиеся взаимодействия, социальных (в данном случае – сословных) и этнических факторов в формировании этнокультурной специфики отдельных общностей; путей и механизмов превращения социальных признаков в этнические и – наоборот.

Поскольку в работе речь пойдет о роли сословной принадлежности в этнической истории донских казаков, уточним, что следует разграничить понятия «сословие» и «сословность». Первое обозначает группы, имеющие права и обязанности, закрепленные в законе [14, с. 190]. Второе, сословность, определим как совокупность объединяющих институций, правовых, культурных и ментальных характеристик присущих членам групп (сословий). Заслуживает внимания мнение советского этнографа Л.Е. Куббеля, который счи-

тал, что можно «с известной долей условности» говорить о сословиях юридических и фактических, причем «... первое невозможно без второго, но не наоборот» [14, с. 190–191]. Развивая эту мысль, отметим, что возможно к определенному времени появление сложившейся сословности, т.е. совокупности признаков, осознающихся членами группы (общности) и соседями (сословие «де-факто»), но при этом отсутствует формально закрепленный правовой статус, который появляется позднее. Если в общих чертах эту схему применить к истории донского казачества, то на раннем этапе, примерно XVI–XVII вв. (период вольного казачества, автономии Войска) можно говорить о складывании основных признаков сословности (особый статус, территория, самоуправление и др.) и лишь со 2-й четверти XVIII в. оформляется сословный статус, когда донское казачество ко 2-й пол. XIX в. окончательно превращается в военное сословие. Само обращение к культуре донских казаков открывает хорошие исследовательские перспективы по названным проблемам.

Донское казачество к XIX в. являлось военным сословием, принадлежность к которому определяла его место в общественно-политической системе российского государства. Имеет смысл разделять в научных исследованиях понятия «донское казачество», под которым подразумевается сословная общность, сословие, и – «донские казаки», обозначающие его восточнославянскую (русскую) группу – основной этнический компонент, имевший самый высокий статус и определявший политический и культурный облик всего служилого сословия ОВД [3, с. 315–320; 9, с. 214–216]. Если рассмотреть этнический состав служилого сословия Области войска Донского на рубеже XIX – нач. XX вв., то здесь можно выделить сложившиеся в предшествующие столетия группы. Это:

1. Восточнославянская или русская (собственно донские казаки);
2. Донские калмыки (бузавы, бузавва);
3. Донские татары – казаки-мусульмане.

Отметим, что подобное наличие неславянских компонентов наблюдается и в других казачьих сообществах России [3, с. 315–320; 9, с. 214–216]. Таким образом, даже количественная характеристика этнического состава донского казачества показывает, что сословная общность (донское казачество) – явление более «широкое», чем составляющие его группы (донские казаки и донские калмыки), которые выступают как субэтнические образования «своих» этносов.

Но донские казаки также являются исторически сложившейся этнической общностью, которую в научной литературе определя-

ют как этнос либо – часть русского этноса, его субэтническую группу [3; 16]. Причем в краеведческой периодике, публицистике, политических документах вопросы: казаки – «сословие или народ (этнос)»; казаки – «этнос» или «субэтнос русского народа» приобретают политическую окраску, а суждения отличаются резкостью и категоричностью.

Автор данной работы разделяет вторую точку зрения. В большинстве научных работ донские казаки рассматриваются как образование внутри этноса, субэтническая группа русских. Части этноса, обладающие культурно-бытовыми и диалектными особенностями, а, главное – выраженным групповым самосознанием обычно называются субэтническими группами (субэтносомами) [1, с. 83–85]. Реже, преимущественно в советской литературе, их обозначали как «этнографические группы» [2, с. 641]. Применительно к казакам субэтническое самосознание уже к XIX в. нередко противопоставляется общезнатическому, что находит отражение в формулировках: «казаки произошли от казаков»; либо в пренебрежительных характеристиках «расейских», «хохлов», вообще русских, которые – не казаки.

Субэтногенез (то есть – формирование – С.Ч.) локальных групп внутри этноса (так же как этногенез вообще) – это сложный процесс, связанный с проявлением различных факторов. Применительно к донским казакам можно говорить о его недостаточной изученности. Непонятно к какому времени они складываются в субэтническую группу. По нашему мнению, это происходит ко 2-й пол. XIX в.

Вместе с тем казачество являлось военным сословием и ряд историков (М.А. Рыблова, А.Г. Масалов) подчеркивают значение сословности в его истории [13, с. 21–22; 8, с. 13–14]. Наша позиция также состоит в том, что сословная принадлежность сыграла важную роль в формировании донских казаков, их субэтногенезе. Можно согласиться с мнением М.А. Рыбловой, что из нескольких социальных факторов (община, семья) именно сословность была определяющей: «...и община, и патриархальная семья, и потестарные структуры, и традиционная обрядность призваны были обеспечивать бесперебойное воспроизводство все новых поколений воинов-пахарей» [13, с. 21–22].

Имеется и другая историографическая традиция, преобладающая в периодических изданиях, политических лозунгах лидеров казачьего движения, встречающаяся и в научных работах. Здесь противопоставляется сословное и этническое в казачестве, что, в свою очередь, отражается в формулировках: «казаки – не сословие, а – этнос»; «казаки – народ и не позволят вновь загнать себя между шаш-

кой и плугом!» и т.д. Во всех случаях принадлежность к сословию оценивается негативно или отрицается.

Итак, мы исходим из признания роли сословной принадлежности, социального фактора в формировании донского казачества, его субэтнической специфики. В чем же состояла эта роль? Даже в работах, где признается влияние сословного фактора (В.П. Трут, А.И. Козлов, Б.Н. Проценко), подчеркивается его отрицательное воздействие на развитие этнической самобытности [5; 12, с. 93–94].

Не идеализируя сословность (ее плохие последствия очевидны) обратим внимание также на ее позитивную роль в формировании донских казаков. Во-первых, сложившиеся окончательно ко второй четверти XIX в. сословные границы не дали казачьему населению раствориться в среде родственного, русского и украинского населения, объективно способствуя, тем самым, его сохранению. Численность восточнославянского не казачьего населения начиная с XVIII в. быстро росла [11, с. 72, 194, 212] и уже к кон. XIX в., как показывает всероссийская перепись 1897 г., незначительно, но превысила количество донских казаков [10; 20, с. 15–17]. Поэтому без сословных рамок представляется вполне реальной перспектива постепенного растворения казаков в массе родственного по языку и культуре русского и украинского (малороссийского) населения. А к началу XVIII в. вероятность такого результата была еще большей.

Также здесь следует обратить внимание на формирование эндогамности в коллективе. Это утверждение исходит из того, что в сложившихся этнических общностях (неважно идет речь об этносах или – их локальных, субэтнических группах) демографическая устойчивость обеспечивается благодаря рождаемости; а также тем, что в сохранении и воспроизводстве этнических традиций определяющую роль играют семьи. Советский этнограф М.В. Крюков, писавший о различных типах этнических общностей, среди их признаков наряду с самосознанием и языком называл эндогамию [6; 7]. Изучение тенденций развития семейно-брачных отношений на Дону позволяет нам отметить, что на раннем этапе истории донского казачества (XVI–XVII вв.) его численность в основном воспроизводилась за счет «внешнего пополнения», через зачисления. Из-за нехватки женщин семьи были распространены мало и неравномерно, преимущественно в низовьях, в Главном Войске. Также донцы нередко сохраняли семьи в пределах Московского государства, там же могли заключать браки, стараясь затем перевезти родных на Дон [18, с. 572, 574–575]. В дальнейшем, в XVIII в. численность казачества поддерживается «естественным путем», благодаря распростра-

нению семей, но были частые браки с не казачьим населением и прием в казаки (т.е. – внешнее пополнение). В этой ситуации нельзя говорить о преобладании традиции эндогамности. Внешнее пополнение и браки с не казаками, поддерживали численность, способствовали формированию казачества как сословия, но, тормозя эндогамность, замедляли развитие этничности, особенно – группового самосознания.

Ситуация меняется со 2-й четверти XIX в., когда после принятия в 1835 г. «Положения об управлении Войском Донским», окончательно закреплявшего сословный статус донского казачества. Теперь запрещалось принимать в его ряды лиц не войскового сословия (в том числе – представителей других казачьих сообществ). Запрещались межсословные браки, дети от которых теряли казачий статус; известны случаи выселения с Дона казачек к месту проживания их мужей, не являвшихся членами донского казачества [17, с. 119–127]. Эта политика подорвала традицию семейно-брачных связей казаков с не казачьим населением. И хотя зачисления со 2-й пол. XIX в. возобновляются, но уже в 1860-х гг. лишь немногие из кандидатов ссылались на родственные отношения с казаками [19, с. 206–207]. Да и прирост за счет рождаемости внутри сословия к нач. XX в. значительно превышал внешнее пополнение через прием в казаки. За 1909 г. было зачислено в казачье сословие 838 человек, родилось же в казачьих семьях 63324 чел обоего пола [15, с. 4]. Служилое сословие Области Войска Донского, как и его основной этнический компонент – донские казаки воспроизводилось естественным демографическим путем.

Во-вторых, сословность, отделяя казаков от не казаков, вела к укреплению и уплотнению связей внутри сообщества, формируя тем самым культурную специфику казачества. Этот исследовательский аспект также недостаточно изучен. Поэтому представляются интересными анализ элементов традиционной казачьей культуры как активных либо латентных этнических признаков, отличающих их от соседнего, в первую очередь восточнославянского, населения; превращение элементов военно-сословной принадлежности (напр. – военная форма) в символы традиционной культуры.

В-третьих, сословная принадлежность оказала влияние на самосознание донских казаков, которое является главным признаком субэтнической группы. Рассмотрим сказанное на примере военно-служилых стереотипов, составляющих семантическое поле образа «казак – воин», отраженного в самосознании.

Военная служба превратилась в основную обязанность казачества. Различные авторы подчеркивают, что казак в своем сознании и поведении – воин, защитник. Однако, говоря о военной деятельности, следует учитывать ее эволюцию от вольного военного промысла (примерно по XVII в.) до обязательной сословной повинности. Семантическое (смысловое) поле образа «казак – воин» при этом представляется сложным. Оно включает такие понятия, как «удалец, отчаянный человек» (для сравнения: у И.И. Железнова, исследователя уральской казачьей старины, – «отвага»); «защитник (Отечества, православия)»; «служилый человек, слуга (Отечества, государя)». Последнюю формулировку можно дополнить сообщением Е. Кательникова, что у казаков Верхне-Курморьярской станицы долгое время формой поощрения за боевые заслуги было прозвище «царев слуга» [4, с. 6].

К сказанному можно добавить комплекс психологических характеристик, отражающих внутренние (аутостереотипы) и внешние оценки группы. Он неоднороден и включает в себя положительные (например, храбрость, верность долгу, гордость, приверженность войсковым идеалам и т.д.) и негативные (жестокость, сословное чванство, жадность к добыче и др.) признаки. Эти кажущиеся несоответствия вытекают из противоречий самой воинской деятельности. Не пытаясь полностью назвать все компоненты вышеназванного семантического поля, ограничимся замечанием, что оценки типа «свободный человек, удалец» отражают традицию вольного военного промысла, восходящую, на наш взгляд, к временам автономии Войска. А вот – «служилый человек, слуга государя» (ср. сведения Е. Кательникова – С.Ч.) явно отражают военно-служилую, сословную традицию. Разумеется, разграничения условны, их нельзя абсолютизировать. Тем более, что вольное казачество уже, по крайней мере, в XVII в., служило государю, фактически выполняя сословные обязанности. К кон. XIX – нач. XX вв. обе традиции в оценках слились, но служилая (сословная) составляющая являлась определяющей. Характеристики в форме «служилый человек» как бы завершают, оформляют предшествующие. И это – основа самоуважения для казака, обоснование притязаний на высокий по сравнению с другим населением статус.

Добавим сюда еще один стереотип: «Казак уходил служить со своим конем и воинским убранством, снаряжался на службу сам». Следует отметить, что при сборе полевых этнографических материалов, информаторы, сопоставляя службу казачьего и не казачьего населения, чаще всего начинали рассказ именно с материальных

затрат. Например, в 1986 г. записано: «Хохол в чем стоял, в том и пошел на службу, а все нужное получал от государства. Казак – иное дело...» И далее следовал рассказ о покупке коня, шашки, приобретении обмундирования и снаряжения (хутор Атаманский ст. Митякинской, современный Тарасовский район). Связь сказанного с словесным началом очевидна. Можно возразить, что русские и украинцы Дона также выполняли воинскую повинность, воевали, получали награды (например: СМ. Буденный, Б.М. Думенко). Однако, названные группы служили непостоянно: из-за рекрутской повинности, а затем – по призыву. Казаки же, в понимании старожилов, служили изначально, в силу своего происхождения и за свой счет. В этом консолидирующее для казачьего самосознания значение названных стереотипов, одно из подтверждений их преимуществ перед не казачьим населением.

Тема военной службы отразилась и на представлениях, связанных с образом «своей земли». В частности, в фольклоре часто встречается мотив, что казаки отвоевали территорию у неприятелей – турок и татар. Выражение «казачьим потом и кровью политая донская земля» в различных вариациях повторяется в донской публицистике. Однако и здесь проявляется влияние военно-служилой, словесной традиции. Например, в песнях подчеркивается, что государь за службу и заслуги (напр.: взятие Казани) казаков «пожаловал Доном и запольными речками». Причем государева награда закрепляет за донцами завоеванную территорию, обосновывая их преимущественные права на владение ею.

Мы рассмотрели лишь один из аспектов, относящихся к субэтногенезу и этнической истории донских казаков, отметив влияние сословных традиций и их консолидирующую роль. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что обращение к позитивному дискурсу сословности (но не ее идеализация! – С.Ч.) позволит более полно оценить факторы, определявшие этническую историю донских казаков, а также понять современные тенденции в казачьем движении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
2. Брук С.И. Этнографическая группа // Советская историческая энциклопедия. М.: Изд. «Советская энциклопедия», 1976.
3. Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов-на-Дону.: Изд. Ростовского государственного университета, Изд. ГинГо, 1998.

4. Кательников Е. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице. Новочеркасск, 1886.
5. Козлов А.И. О путях возрождения казачества // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону: Логос, 1996. Ч. I.
6. Крюков М.В. Еще раз об исторических типах этнических общностей // Советская этнография. 1986. № 3.
7. Крюков М.В. Этнос и субэтнос // Расы и народы. М.: Наука, 1988. Вып. 18.
8. Масалов А.Г. Взаимодействие политической элиты и казачества // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технического развития южных регионов. Материалы Всероссийской научной конференции. 21–22 сентября 2009. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009.
9. Очерки традиционной культуры казачеств России (под общей ред. проф. Н.И. Бондаря). Москва-Краснодар, 2002. Т. 1.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Вып. 12. Область войска Донского. СПб.: Изд. центр, стат. ком. мин-ва внутрен. дел; Ред. Тройницкий Н.А. - [Б.м.]: Тип. кн. В.П. Мещерского, 1905.
11. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского госуниверситета, 1961.
12. Проценко Б.Н. Этническое и сословное в культуре донского казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов-на-Дону: Логос, 1995.
13. Рыблова М.А. Актуальные проблемы исследования традиционной культуры донских казаков в условиях социальной модернизации: постановка проблемы // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технического развития южных регионов. Материалы Всероссийской научной конференции. 21–22 сентября 2009. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2009.
14. Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М.: Наука, 1988.
15. Статистические сведения области Войска Донского. Отд. III. Новочеркасск, 1909.
16. Трут В.П. Кто же они - казаки? Ростов-на-Дону. Изд. Приазовский край, 1995.
17. Черницын С.В. Тенденции межсословных браков в Войске Донском в 1-й пол. XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг.

Материалы Всероссийской научной конференции. Дикаревские чтения (17) / Сост. научный ред. М.В. Семенцов. Краснодар: ООО Изд. «Эдви», 2014.

18. Черницын С.В. Тенденции этнокультурных контактов с этнической метрополией в условиях военного фронта // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Южного Федерального университета, 2014.

19. Черницын С.В. Тенденции «внешнего» пополнения донского казачества: зачисления в казачье сословие во 2-й пол. XIX – нач. XX вв. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону), 11–12 мая 2018 г.) / Отв. ред. к.и.н. А.А. Бойко, д.и.н. Д.В. Сень, д.ф.н. А.В. Яровой. Ростов-на-Дону, 2018.

20. Шпагин С.А. Динамика этнодемографического состояния населения Дона // Материалы научно-практической национальной конференции 2 июня 1996 года. Ростов-на-Дону. Ростов-на-Дону: Фонд «Свежий ветер», 1996.

Н.В. Горбунова (Ростов-на-Дону)

ОРГАНЫ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

На протяжении XVIII – первой половины XIX в. проходило становление привилегированного правового статуса российского дворянства. Одной из важнейших привилегий высшего сословия Российской империи было создание собственных корпоративных организаций. Как отмечают исследователи, сословные корпоративные дворянские организации были вписаны в структуру Российского государства, но при этом обладали некоторой институциональной независимостью. Созданные по инициативе правительства, они не подменяли собой властных структур, а выступали в качестве посредника между престолом и первейшим сословием, предоставляли дворянству известное поле деятельности, сохраняя его в поле зрения власти, и направляя его энергию в сферу местного самоуправления [18, с. 27].

Преобразования 60–70 гг. XIX в., проводимые по инициативе императора Александра II, и особенно отмена крепостного права, серьезным образом трансформировали все стороны жизни общества, определенным изменениям подвергся и юридический статус высшего сословия Российской империи. По мере реализации реформ происходило становление новых сословных органов местного управления – земств и новых судов. Вследствие этих процессов исключительная роль дворянства в управлении на губернском и уездном уровнях постепенно уходила в прошлое. При этом сословный принцип остался основополагающим в социальной организации российского общества, несмотря на то что он подвергся серьезным испытаниям в ходе реформ, а дворянство, фактически утратив немалую часть своих привилегий, по-прежнему сохраняло за собой позиции высшего сословия Российской империи.

В этой связи вызывает интерес рассмотрение процессов трансформации положения органов дворянского сословного управления в пореформенный период, в том числе в такой специфической части Российской империи, как Область Войска Донского – казачьем регионе, где процесс создания дворянских сословных организаций отражал весьма противоречивую политику правительства по отношению к местному дворянству.

Процесс формирования дворянских прав и привилегий донских офицеров, проходивший в течение первой трети XIX века, был завершен принятием 26 мая 1835 года «Положения об управлении Донского Войска». Оно определило структуру местных органов власти, составной частью которых становились органы дворянского сословного управления. Таким образом, в Области Войска Донского, также, как и в других губерниях Российской империи, «для содействия по общественным делам составлялось дворянское собрание». В его обязанности входили: раскладка земских повинностей, рекрутский набор и избрание чиновников в должности по внутреннему гражданскому управлению. Дворянские выборы на Дону проходили раз в три года в мае. В них участвовали отставные потомственные дворяне. В отличие от губернских выборов, на которых существовал высокий имущественный ценз для участников голосования, к выборам в должности по внутреннему управлению в Войске допускались все чиновники, имеющие за собой крестьян, в каком бы количестве ни было [6, л. 1–7].

Специфика жизнедеятельности казачьего региона – обязательная воинская служба, наложила свой отпечаток на функционирование дворянских собраний на Дону. Но признание законности су-

ществования этих организаций со стороны правительства, свидетельствовало о постепенном включении дворянства Войска Донского в состав высшего привилегированного сословия Российской империи.

Одной из особенностей деятельности дворянских организаций на Дону было довольно длительное отсутствие депутатского собрания. Оно имело широкий круг обязанностей, прежде всего ведение родословной книги и рассмотрение дел о правах на дворянство детей чиновников и офицеров. Поскольку в первой четверти XIX века правовой статус дворянского общества на Дону не был определен, «дворянские роды не приведены в известность и родословной книги не учреждено», войсковое начальство не спешило с созывом депутатского собрания. Поэтому его обязанности, по положению от 5 августа 1824 г., возложила на себя войсковая канцелярия [1, л. 673–676], а с 1836 г. – войсковое правление. Именно эти войсковые органы власти рассматривали прошения от донских чиновников о признании их детей и внуков в правах благородного сословия. Они также отправляли рапорты в Герольдию Сената о подтверждении дворянства с приложением своего определения и всех необходимых доказательств.

В изданном 25 мая 1835 года «Положении об управлении Войском Донским» за дворянством края признавалось право на создание корпоративных организаций: «в Войске Донском состоит Депутатское собрание, которое составляется из представителей: Войскового депутата и окружных депутатов». В него могли быть приглашены в случае необходимости и другие чиновники, но для этого испрашивалось разрешение наказного атамана. Войсковое депутатское собрание во вверенных ему делах руководствовалось общероссийскими узаконениями, но применительно к войсковым законам [16, с. 390–391].

В первые годы функционирования дворянского депутатского собрания на Дону подавляющее большинство дел было связано с рассмотрением прав донских чиновников и их детей на дворянство. Со временем сфера деятельности собраний расширилась. Добавились дела, касавшиеся рассмотрения прошений донских помещиков об освобождении их крестьян от повинностей, а также жалоб крестьян на жестокое обращение помещиков, а также разбирательство по вопросам о наложении опеки на дворянские имения и другие.

В соответствии с законодательством Российской империи, должности губернского и уездного предводителей дворянства явля-

лись важным элементом системы дворянского сословного управления. Главной их обязанностью была защита интересов благородного сословия.

В июле 1817 г. на собрании дворян в Новочеркасске войсковой атаман М.И. Платов разрешил им «избирать из своей среды домашним образом войскового и окружных дворянских депутатов на правах губернского и уездных предводителей дворянства» [12, с. 134]. В должность войскового депутата был избран генерал-лейтенант Аким Акимович Карпов.

С принятием в 1835 г. «Положения об управлении Донского Войска» официально закреплялась существование на Дону войскового дворянского депутата, перечислялись его административные функции: присутствие в войсковой комиссии продовольствия и строительной комиссии, при рекрутском наборе, на заседаниях войскового правления при решении вопросов о земских повинностях, и при торгах на отдачу в содержание почтовых станций [16, с. 392]. С 1840-х гг. войсковой депутат присутствовал в депутатском собрании при рассмотрении дел о правах чиновников на дворянство. В случае отлучки войскового депутата за пределы Войска его должность отправлял депутат Черкасского округа.

Дворянство каждого округа Войска Донского возглавлял окружной депутат, на правах уездного предводителя дворянства. «Положением» 1835 г. не был установлен порядок выборов окружных депутатов. Поэтому в 1855 г. войсковое начальство обратилось с прошением «о распространении общероссийского правила избрания уездных предводителей на окружных депутатов Войска Донского, с тем условием, чтобы в депутаты избирались из генералов и штаб-офицеров» [19]. На основании этого ходатайства Военный совет 4 февраля 1856 г. издал следующее распоряжение: «окружные депутаты Войска Донского, равные уездным предводителям дворянства в губерниях, избираются на три года сословием всех наличных чиновников в окружных дворянских собраниях, как из генералов, так равно из штаб- и обер-офицеров» [7, л. 1].

В пореформенный период происходит дальнейшее приближение статуса войскового дворянского управления к общегубернскому. Это, в частности, выразилось в переименовании войскового и окружных дворянских депутатов в донского предводителя и окружных предводителей дворянства соответственно [15].

Как отмечал известный исследователь российского дворянства А.В. Романович-Славатинский, предводительская должность, созданная для заведования внутрисословными дворянскими делами,

превратилась в общеправительственную. Показательным, по мнению историка, являлся тот факт, что на предводителей возлагались обязанности наблюдения за образом жизни и состоянием дворян, положением в их имениях, а также надзор за отношениями помещиков с их крестьянами [17]. Статус этой должности со времени ее появления постоянно повышался, в середине XIX в. предводитель дворянства стал вторым лицом в губернии после губернатора.

Отношение к дворянским корпоративным организациям во властных кругах на протяжении всего царствования Николая I, а затем и Александра II становилось все более настороженным, несмотря на жесткую регламентацию всех сторон их деятельности. В период подготовки отмены крепостного права заметно активизировалась деятельность этих организаций: власть пытается привлечь высшее сословие к активному соучастию в крестьянской реформе, и рассчитывает на некоторую инициативу дворянских обществ.

Как отмечает Н.М. Селиверстова, начиная с периода подготовки отмены крепостного права, их рутинное существование, знавшее доселе лишь недолгое оживление регулярных дворянских выборов и съездов, сменилось активным участием в тех реформах, которые формировали облик новой России. В этот переходный период, когда принцип всесословности был положен за основу текущих преобразований, но еще не утвердился на практике, сословные дворянские организации выступили как орган, представляющий интересы важной части российского общества, и в какой-то мере способствовали поиску путей диалога между властью и обществом [18, с. 28].

В пореформенный период правовое положение дворянства претерпевало определенные изменения. Это нашло отражение в Своде законов о состояниях 1899 г. Ряд положений, касавшихся дворянства, вошел во второй половине XIX в. в общие для всех сословий уставы и акты: Устав о земских повинностях, Устав служебных правил и других. Эволюция правового положения дворянства происходила в результате не столько ограничения его прав и привилегий, сколько с расширение прав других сословий [11, с. 153].

Специальная комиссия для пересмотра Устава о дворянских выборах к 1 июля 1870 г. разработала согласованные с выборным цензом Положения о земских учреждениях от 1 января 1864 г. правила, согласно которым участвовать в выборах имел право дворянин, обладавший 200–300 десятинами земли. По мнению А.П. Корелина эти процессы были вызваны эволюцией дворянского сословия, изменением в его имущественном положении, а также стремлением поместного дворянства отмежеваться от чиновничьего безземельно-

го элемента. Отражая эти изменения, Комиссия высказывалась за привлечение к участию в выборах не только помещиков, но и владельцев других недвижимостей [13, с. 140]. В качестве примера деятельности губернских дворянских собраний в этот период можно привести данные исследователя дворянства Воронежской губернии Е.М. Чигиревой, которая отмечает, что сохранившаяся ведомость участия дворян в собраниях своего сословия, отчетливо демонстрирующая, что значительная их часть эти мероприятия игнорировала. Количество дворян, участвовавших в очередных собраниях, колебалось от 117 до 211 человек и редко превышало 30% от имевших право участия [20, с. 204].

Деятельность и состав дворянских органов на Дону в пореформенный период также претерпевали изменения. Несмотря на то, что к середине XIX в. войсковые дворянские организации по своему положению приближались к общегубернским, ряд специфических условий их функционирования все же сохранялся.

В седьмом томе «Материалов для географии и статистики России» отмечаются особенности дворянских выборов в Донском регионе. Состав войсковых дворянских собраний существенно отличался от общегубернских. На выборы в окружные (уездные) должности предоставлялось право выбирать каждому дворянину вне зависимости от количества записанных за ним ревизских душ. А на выборы в войсковые (губернские) должности избирали по 12 депутатов, заранее выбранных от каждого округа, значит этих избирателей, со включением окружных и войсковых депутатов, считается 92 депутата, «почему дворянские выборы не могут быть столь шумными, как в других губерниях». В этой связи отмечалась и возможность к злоупотреблениям: отдельные дворяне не приезжали избирать на должности и в окружные собрания, предоставляя все на рассмотрение тем же 12 депутатам округа [14, с. 428–429]. Действительно эти данные подтверждаются в рапортах войскового дворянского депутата и списках войсковых чиновников, составлявшихся по результатам деятельности окружных дворянских собраний [2, л. 29–30].

Тем не менее, войсковое дворянское собрание после 1861 г. отличалось активным участием в рассмотрении актуальных социально-политических и экономических вопросов, нередко выходя за пределы своей компетенции. Проблемы, обсуждавшиеся на дворянских собраниях, можно разделить на несколько групп: социально-экономические, касающиеся дворянского землевладения; хозяйственные, затрагивающие дворянские учреждения; административные и личные. На очередных

войсковых дворянских собраниях, в первую очередь, рассматривались вопросы: допущение или отстранение от выборов дворян, находившихся под судом; уведомления дворян о невозможности прийти на собрание; перечисление дворян, не явившихся на собрание без уведомления; заявления дворян, желавших участвовать в выборах; отчеты расходов дворянской кассы. После данной официальной части собрание переходило к обсуждению «своих нужд». Наиболее частыми делами в заседаниях дворянских собраний были определения размеров пособий дворянским чиновникам, служащим канцелярий депутатских собраний и предводителей дворянства, назначение пенсий, обсуждение раскладок по повинностям, рассмотрение отчетов о приходе и расходе сумм земского взноса, изменения в дворянской родословной книге и прочее.

Особая проблема, которая обсуждалась на собраниях дворянства Войска Донского, это лишение прав дворянского сословия за различные рода проступки и преступления. Такое серьезное наказание налагалось по решению собрания дворян Войска после состоявшегося приговора Главного военного суда. Так 16 сентября 1867 г. казаки, происходившие из дворян Войска Донского, Андриан Власов и Иван Краснянский «за залоги и продажу принадлежавших им вещей для пьянства, за кражу боевых патронов и вообще дурное поведение, а сверх того отлучку из сотни и продажу строевой лошади» были лишены всех «особенных лично и по дворянскому состоянию присвоенных прав и преимуществ» [3, л. 1–2].

Среди наиболее часто обсуждаемых донским дворянством проблем пореформенного периода были: выборы мировых посредников, обсуждение вопроса о проблемах введения земского управления в казачьем регионе, составление реестров земель, принадлежавших потомственным дворянам, прошения о назначении на должности по дворянскому управлению находившихся в отставке по болезни или ранению чиновников и испытывающих материальные затруднения, составление сведений об имущественном положении донских помещиков, войсковых офицеров и их семей, ходатайства у войскового приказа общественного призрения денежного пособия малоимущим дворянам и членам их семей.

На рассмотрение донского предводителя дворянства и дворянского депутатского собрания вносились прошения войсковых дворян о засвидетельствовании их состояния для того, чтобы получить пособие или ходатайствовать о помещении своего ребенка в учебное заведение «на казенный кошт» [9]. В рамках заботы о наибо-

лее социально уязвимых представителях сословия – детях войсковых офицеров, павших на полях сражений, по инициативе донского дворянского предводителя осуществлялись регулярные сборы пожертвований дворян Войска на учреждение и содержание в Новочеркасске Александровского воспитательного дома [10].

В пореформенные годы круг вопросов, поднимавшийся на дворянских собраниях, имел свою специфику. Помимо стандартных обязательных вопросов на заседаниях войсковых дворянских собраний рассматривалось множество важных и актуальных дел, систематизирующих и приводящих в порядок сведения о высшем сословии после вынужденных изменений.

Не оставались без внимания донского дворянского собрания вопросы образования и просвещения. Так в 1860-х гг. в переписке войскового и окружных предводителей дворянства обсуждались вопросы об открытии в имениях помещиков безвозмездных школ для крестьянских детей [8]. По предложению предводителя дворянства Черкасского округа на пожертвования донских дворян были учреждены стипендии в высших учебных заведениях [5]. Уделялось внимание и развитию женского образования: открыты пансионы и заведения для воспитания девиц дворянского звания.

Дворянские собрания активно реагировали на события общегосударственной важности. В период русско-турецкой войны в 1877–1878 гг. происходил сбор пожертвований на оснащение морских судов. А после начала войны с Японией в 1904 г. окружные предводители дворянства организуют сбор средств в помощь семьям погибших воинов и призывают помещиков войска принять участие в размещении раненых солдат, прибывающих с Дальнего Востока [4].

Таким образом, органы дворянского управления выступали проводником и защитником интересов благородного сословия, доносящим до правительства информацию о его нуждах. Донское дворянство пыталось через свои корпоративные организации улучшить материальное положение, замедлить процесс дворянского оскудения, удержать в переломную эпоху свои сословные привилегии. Деятельность сословной корпорации во второй половине XIX – начале XX в. стала более сложной, активной и разнообразной в финансовой, общественной и благотворительной сферах. Это стало реакцией дворянского сословия Войска Донского на политические и социальные изменения, происходившие в обществе. Однако функционирование сословных структур, которые должны были быть самоуправляющимися, не было настолько эффективным, как хотелось бы дворянскому обществу. Решение проблемы оскудения дворян-

ского сословия могло решить только правительство Российской империи, местных сил дворянского общества было явно недостаточно для преодоления неоднозначных и противоречивых тенденций пореформенного периода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1024.
2. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 186.
3. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 201.
4. ГАРО. Ф. 410. Оп. 2. Д. 138.
5. ГАРО. Ф. 410. Оп. 2. Д. 201.
6. ГАРО. Ф. 410. Оп. 3. Д. 14.
7. ГАРО. Ф. 410. Оп. 5. Д. 49.
8. ГАРО. Ф. 410. Оп. 6. Д. 869.
9. ГАРО. Ф. 410. Оп. 7. Д. 236.
10. ГАРО. Ф. 410. Оп. 7. Д. 49.
11. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.
12. Кириллов А. Войсковой атаман Войска Донского М.И. Платов // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. XIII. Новочеркасск, 1915.
13. Корелин А.П. Дворянство пореформенной России. 1861–1904: состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
14. Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44. № 47582.
16. Положение об управлении Донского Войска. СПб., 1835.
17. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912.
18. Селиверстова Н.М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60–70-х годов XIX в.: состав, положение, деятельность. Автореф. дисс... док. ист. наук: 07.00.02. М., 2017.
19. Странички прошлого // Донские областные ведомости. 1904. № 180.
20. Чигирева Е.М. Дворянство Воронежской губернии в пореформенную эпоху: социально-экономические и общественно-политические аспекты жизни сословия. 1861–1905 гг. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Воронеж, 2016.

БЕДСТВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х гг.: ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА?

С 1876 г. на Область Войска Донского начали обрушиваться, одно за другим, природные и политические бедствия. Все началось с неурожая, который представители станичных обществ описывали следующим образом: «Более всего на расстройства хозяйства влиял неурожай 1876 г.; тогда хлеб и для скота корм покупался в более урожайных местах; сбыт скота был не мыслим, хотя за ничтожную цену; а зимнее прокормление скота обошлось дорожке стоимости его, и от того у каждого домохозяина к весне осталось от зимы немного более половины скота, который, за недостатком корма, падал, или погибал дорогой при следовании на зимовку в дальние места» [4, л. 26 об.]. Новый год если и принес облегчение, то далеко не всем: «В следующем 1877 г. хотя и был большой урожай, который, по объяснению некоторых станиц, несколько поддержал упадок хозяйств казаков; но, в других станицах, посевы были незначительные, так как не было достаточно хлеба на обсеменение полей и рабочего скота; затем, по случаю дождливого лета, собранный хлеб большей частью погнил, и, оставшись не молоченным, наполовину истреблен мышью; смолоченный же хлеб оказался сырым и продавался по весьма низким ценам, так что, по объяснению Митякинского станичного общества, многие лишились возможности заготовить необходимую пропорцию хлеба для продовольствия и посева; а существовавший скотский падеж уничтожил рабочие силы, и таким образом: капитал затрачен, хлеб и сено погнили...» [4, л. 26 об. – 27 об.].

Два тяжелых года и в мирное время могли подорвать благосостояние казачьих хозяйств, а тут еще и началась русско-турецкая война 1877–1878 гг. Правда, в работах современников готовность казаков к этой войне оценивалась разноречиво. Например, высокопоставленный чиновник Военного министерства Н.И. Краснов, лично наблюдавший мобилизацию в северной части Области Войска Донского, хотя и признавал «неудовлетворительное экономическое положение казаков, вследствие повторявшихся несколько лет сряду неурожая и не прекращавшихся падежей рогатого скота» [2,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

с. 106], все же главный акцент делал на том, что «запасы провианта и хорошее обмундирование, а равно прекрасные лошади указывали, на относительное благосостояние хоперских казаков, из которых бедностью отличались только одни урюпинские, живущие в промышленной и торговой станице, но, к сожалению, мало занимающиеся промыслами, потому что последние всецело находятся в руках иногородних купцов» [2, с. 210]. Трудно сказать, ошибался ли он, или осознанно выдавал желаемое за действительное. Архивные документы свидетельствуют, что мобилизация шла крайне тяжело. В них содержатся точные цифровые данные, из которых следует, что, например, более 1/3 казаков второй очереди не смогли снарядиться на службу самостоятельно. «Из всех станиц Области Войска Донского в полки второй очереди выкомандировано 17 652 казака; из них исправились к службе на собственные средства 11 639. <...>. Неисправных было 6 013; из них исправлено с пособием: войсковых сумм 2 891, общественных станичных сумм 2 632, тех и других сумм вместе 490; пособие выдавалось от 4 $\frac{1}{4}$ коп. (Мигулинская) до 211 руб. (Вторая Новочеркасская); в среднем выводе, на одного казака приходится около 35 руб. 62 коп.» [4, л. 46–46 об.].

Тяжелейшее положение, в которое война поставила множество казачьих хозяйств, вызывала жалость и у местных чиновников. Донской атаман Н.А. Краснокутский, лично следивший за проведением мобилизации, обращался к своим подчиненным со следующими словами: «Нельзя не обратить серьезного внимания и на то, что у многих казаков, как видно из подаваемых ими прошений, за выходом на службу остались семейства, заключающиеся из жен с детьми или одних малолетних детей без всяких средств к жизни» [3, л. 1–1об.]. Теоретически, таким семьям должны были помогать станичные общества, но экономические и политические бедствия подорвали их благополучие не в меньшей степени, чем благополучие простых казаков: только в 34 донских станицах к этому времени общественные доходы превышали расходы, а 24 станицы полностью истощили свои капиталы и к концу войны не имели никаких средств, ни наличными, ни даже деньгами, отданными в долг (на Дону в 1870 гг. было более 100 станиц) [4, л. 23–23 об.].

А, возвращаясь с войны, казаки сталкивались еще с одним «бедствием». Для донской историографии характерно сочувственное отношение к местным земствам, о чем подробнее мы будем писать ниже, однако многие станичные сходы в послевоенное время рассматривали земские учреждения, пытавшиеся ввести новые налоги, как последнее, окончательно разоряющее хозяйства казаков

бедствие. «Со введением же земских учреждений, на юртовую землю введен налог земского сбора, который взимается с казаков и делается весьма обременительным, тем более, что повинность казаков от земских учреждений нисколько не облегчилась, а лишь увеличились расходы при их введении, и вновь введенное земское учреждение, при определении денежных налогов с земли, мельниц и других хозяйственных заведений, в особенности в настоящее военное время, приводит в расстройство быт и состояние казаков, так как теперь во многих домах нет рабочих сил; а потому земство неизбежно вовлечет и зажиточных граждан в крайнюю бедность, так что без земства казаки много лучше могли бы поддерживать свой быт и состояние» [4, л. 29–29 об.]. 31 мая 1878 г. значительная часть земских сборов даже была переложена с казаков на государственную казну: Военный Совет постановил выделять станицам особую субсидию в размере 190 874 руб. исключительно на уплату земских повинностей [4, л. 95]. Однако конфликтная ситуация уже была создана: казаки, и без того понесшие огромные материальные потери из-за неурожаев и войны, рассматривали земство как своего врага и старались ничего не платить ему. С каждым годом недоимки в земские суммы с казачьего населения возрастали, и к 1882 г. достигли 88 % [9, с. 9].

Бедствия второй половины 1870 гг. были бы тяжелы для казачества и сами по себе, однако, на наш взгляд, еще более тяжелыми оказались их последствия в 1880–1890 гг. Хорошо известно, что как раз незадолго до русско-турецкой войны 1877–1878 гг. коренным образом была реформирована система военной службы донских казаков. В результате этой реформы заметно возросла стоимость казачьего снаряжения. Если в начале 1860 гг. уже знакомый нам Н.И. Краснов оценивал ее в 100 руб. [7, с. 236], то к началу русско-турецкой войны она выросла до 150–180 руб. [4, л. 46]. А в ходе обсуждения новых документов о военной службе донского казачества в Государственном совете прозвучала мысль о том, «что требования, налагаемые этим уставом и положением о воинской службе, следует считать крайним пределом воинской повинности казачьего населения, и что дальнейшее отягощение этой повинности повело бы к подрыву материального благосостояния казаков» [12, л. 1 об.].

Казалось бы, явные проблемы с исправным снаряжением донских казаков на службу должны были подкрепить подобное мнение и даже заставить правительство облегчить казачью службу. И действительно, еще во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Н.А. Краснокутский обратился в Областное Правление Войска Донского, требуя «всесторонне рассмотреть» причины явной неспособности более чем трети казаков выполнить возложенные на них воинские обязанности и попытаться найти способ исправить сложившуюся ситуацию [3, л. 1 об.]. Однако дальше события начали развиваться в совершенно неожиданном направлении. Областное Правление предложило создать особую комиссию специально для выполнения приказа атамана, но при этом оно заранее предлагало этой комиссии считать важнейшей причиной обеднения казачьих хозяйств то, что «в последние годы были постоянные неурожаи и падежи скота; бедствия эти в последнем году совпали с усиленным нарядом казаков на службу, что не могло не вызвать значительного возвышения цен на лошадей, при весьма малом спросе на скот и другие предметы сельского хозяйства» [3, л. 4 об.–5]. Исходя из этого, было решено сформулировать саму задачу новой комиссии следующим провокационным образом: «выяснить вопрос, действительно ли настоящие требования воинской службы настолько велики, что казаки не имеют возможности выполнить их, и не происходит ли это в настоящее время от совпадения требований военного времени с экономическим бедствием области» [3, л. 7–7 об.]. Как мы видим, Областное Правление явно предпочло бы объявить корнем всех проблем казачества независящие от чиновников «экономические бедствия», и создание специальной комиссии «для рассмотрения вопросов о снаряжении донских казаков и калмыков на службу» было необходимо не для решения проблем, но для обоснования этой теории.

План Областного Правления вполне удался. В отзыве местных властей на итоговый доклад созданной по инициативе Н.А. Краснокутского комиссии вообще не упоминалось о заметном увеличении военных повинностей казачества в связи с военной реформой. Жалобы же донских станиц на возрастающее малоземелье и проистекающее из него падение доходов среднего казачьего хозяйства были отклонены, так как комиссия утверждала, что ей удалось доказать, будто бы «стеснительность юртовых довольствий действительно не имела влияния на неисправность казаков» [3, л. 26–26 об.]. Зато эта комиссия пришла к крайне выгодному для войскового начальства выводу о том, что «главными причинами» неспособности казаков снарядиться на службу самостоятельно были частные и легко устранимые проблемы вроде неэффективности станичных конно-плодовых табунов, и, конечно, «бедственное состояние края от неурожаев, падежа скота и проч.» [3, л. 26 об.]. Областное Правление,

в свою очередь, «соглашалось» и «вполне разделяло» выводы комиссии [3, л. 26–26 об.].

Таким образом, бедствия второй половины 1870 гг. стали своеобразной ширмой, за которыми местная администрация сумела замаскировать куда более серьезную проблему: тот факт, что военная служба в ее новых формах постепенно становилась непосильной для донского казачества. В 1884 г. С.Ф. Номикосов в книге, вышедшей по распоряжению нового донского атамана Н.И. Святополк-Мирского, признал наметившееся обеднение казачества, но одновременно подчеркнул, что «обеднение это не есть результат недостатка в земле или особенной тяжести воинской повинности, а прямое следствие целого ряда неурожайных лет» [10, с. 357]. Трудно не усмотреть в этой цитате сходство с выводами комиссии «для рассмотрения вопросов о снаряжении донских казаков и калмыков на службу». Более того, С.Ф. Номикосов доказывал, что проблема обеднения казачьих хозяйств «вовсе не так велика, как обыкновенно думают люди, скорбящие более, чем скорбеть надлежит» [10, с. 361–362]. В противовес этим людям (главным образом земским деятелям) С.Ф. Номикосов утверждал, что раз казачьи хозяйства беднели в первую очередь из-за неурожая, на которые повлиять было невозможно, то следовало не пытаться останавливать этот естественный процесс, которому предстояло и закончиться естественным путем, с завершением неурожайных лет, но сконцентрировать внимание войсковых органов власти на разрешении «частных недостатков» станичного хозяйства [10, с. 752]. В результате время для принятия системных мер против обеднения казачества оказалось упущено: как мы видим, администрация Н.И. Святополк-Мирского в принципе отрицала необходимость этих мер, не признавая ни возросшую тяжесть казачьей службы, ни обезземеливание значимыми для благосостояния казачьих хозяйств факторами.

В результате ложные выводы комиссии «для рассмотрения вопросов о снаряжении донских казаков и калмыков на службу» оказались пересмотрены только в 1899 г. другой комиссией под председательством генерала Н.А. Маслаковца. Члены этой комиссии наконец признали, что главной проблемой казачества давно являются не случайные неурожай, но «малоземелье, непомерная тяжесть воинской повинности и несоответствующее интересам казачьего населения местное управление» [11, л. 6]. Однако даже само создание комиссии Н.А. Маслаковца происходило в условиях противодействия местной администрации, считавшей ее совершенно излишней. Характерно, что инициатором создания новой комиссии был

не донской атаман, а бывший предводитель дворянства И.М. Попов, написавший в областное дворянское собрание записку с просьбой принять меры в связи с «расстроеным экономическим положением казачьего населения Области Войска Донского, с каждым годом возрастающим с большою мерою» [5, л. 3]. О дальнейшем процессе создания этой комиссии современники писали следующим образом: «Встретив препятствие со стороны местной администрации, Михаил Степанович (М.С. Марков, действующий в 1898 г. предводитель донского дворянства – А.П.) лично отправился в Петербург, где нашел сочувствие военного министра Куропаткина, через которого и было передано прошение государю, милостиво принявшему и сказавшему, что он распорядился исполнить желание дворянства» [6, с. 302–303]. В конечном счете, бедствия второй половины 1870 гг. на два десятилетия отодвинули признание новой системы казачьей службы слишком тяжелой для простых казаков, и это признание стало возможным только благодаря сочувственному отношению А.Н. Куропаткина к депутации от донских дворян.

Не лучше обстояло дело и в других областях. Так, влияние интересующих нас бедствий на развитие донского земства оказалось вообще фатальным. Постфактум ликвидация донских земств в начале 1880 гг. рассматривалась и многими общественными деятелями, и позднейшими историками как серьезная ошибка. Вот что пишет по этому поводу, например, А.А. Волвенко: «Что заставило войсковую администрацию, лично войскового наказного атамана, Военное министерство, ранее причастных к упразднению земства, вновь обратиться к идее распространения земского самоуправления на донской край? Определенное давление на власти несомненно оказывало дворянство, возбуждая соответствующие ходатайства в 1886, 1891, 1896, 1898 годах. Однако, как нам представляется, одной из главных побудительных причин решения возродить земство явилось осознание самими властями запущенности местного хозяйства. Областной и окружные распорядительные по земским делам комитеты не справлялись с возложенными на них задачами. Комитетам были присущи крайне ограниченная компетенция, рутинность делопроизводства, малочисленный и неподготовленный чиновный состав. В связи с этим, те отрасли хозяйствования, которые в остальных губерниях империи привычно относились к ведению земств и, в общем-то, успешно развивались (сооружение и содержание дорог, распространение сельскохозяйственных и иных промыслов, правильных агрономических знаний среди населения, обустройство медицинских и образовательных учреждений и т.д.), в Области Во-

йска Донского в конце XIX в. находились почти в «заброшенном» состоянии» [1, с. 51–59]. Однако в конце 1870 гг., казаки, возвращавшиеся с войны в свои полуразоренные хозяйства, ждали от земств не строительства дорог или строительства школ.

«Казакам бедного состояния, но хорошего поведения, не имеющим своих средств к исправлению на службу, при неимении общественных сумм для пособия при выкомандировании их на службу, просить правительство выдавать пособие из войсковых или других каких-либо запасных земских капиталов» [4, л. 81–81 об.]; «Исправление к службе будет отнесено на войсковые суммы, или на суммы земского учреждения» [3, л. 91 об.]. Казаки ждали помощи от земства здесь и сейчас, в решении наиболее насущной проблемы бедности, но как раз этой помощи земства не могли или не желали им оказать. Не вдаваясь в детали дискуссии между земскими деятелями и войсковыми властями, отметим, что в принципе определенный резерв для помощи у казака у земств был: около 50 % их бюджета тратились на организационные расходы [9, с. 10]. Одно содержание земских управ в 1880 г. обходилось в 84 710 руб., при том, что в 1882 г. все расходы земств составили 321 954 руб. [8, с. 120; 9, с. 10]. Нельзя сказать, чтобы земские деятели не понимали проблемы, однако они предлагали решить ее за счет облегчения казачьей службы. Но такое решение было абсолютно неприемлемым для войсковых властей, считавших, что воинская служба казака представляет собой «не непосильное бремя, а факт непреложный», и ее требования нужно выполнять «беспрекословно». Соответственно, главной задачей как казаков, так и администраций было обеспечение эффективного несения этой службы, ради которого можно было даже пожертвовать исполнением других повинностей, в том числе и земских [8, с. 82]. Таким образом, конкретные проблемы конца 1870 гг. земства не только не помогали, но и мешали решить: вместо облегчения экономического положения казаков земские деятели облагали юртовые земли новыми и новыми налогами.

Таким образом, неурожай конца 1870 гг. и русско-турецкая война 1877–1878 гг. наложились на важнейшие реформы в истории донского казачества и существенно исказили восприятие этих реформ правительственными чиновниками. Тяжесть казачьей службы оказалась замаскирована экономическими и политическими бедствиями, с которыми и связывали стремительный рост числа неисправных казаков. Земские же повинности, наоборот, оказались своеобразной соломинкой, переломившей спину верблюда: в глазах многих станичных обществ именно земство представало по-

следним разорителем, введением новых налогов мешающим восстановлению разрушенных неурожаями и войной хозяйств. К сожалению, насколько нам известно, у позднейших историков экономические бедствия 1870 гг. не вызывали особого интереса. Тем не менее, для понимания донской истории эти бедствия очень важны: без их учета политика правительства, десятилетия игнорировавшего экономические проблемы казачьих хозяйств и противившегося восстановлению земств на Дону приобретает просто абсурдный характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Волвенко А.А. Восстановление донского земства: упущенные возможности (1882–1917) // Государственная власть и местное самоуправление, 2003. № 4. С. 51–59.
2. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 1434.
4. ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 85.
5. ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682.
6. Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003.
7. Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864.
8. Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к области войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880.
9. Маслаковец Н.А. Представленные г. Председателем комиссии соображения по поводу докладов гг. Мордвинцева, Бирюкова и Донцова. Новочеркасск, 1899.
10. Номиков С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1055. Ед. хр. 24.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 932. Оп. 1. Д. 429.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕДОВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЭКОНОМИЙ ДВОРЯНСКИХ ИМЕНИЙ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НАЧАЛА XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИИ ИЛЬЕВКА

Начало XX века стало переломным моментом в судьбе дворянского сословия. Происходившие изменения во внутрисословной структуре, в правовом статусе дворянства, в социально-экономических отношениях создали условия для колоссальных изменений в облике дворянских имений, поставив их владельцев перед необходимостью перестройки и приспособления к новым рыночным отношениям нового времени. Исследование же отдельных дворянских экономий, в том числе и экономии Ильевка, которая в начале XX века принадлежала В. И. Денисову, прогрессивно мыслящему представителю дворянства, предводителю дворянства Области войска Донского (далее – ОВД), способно иллюстрировать не только пути организации рациональных хозяйств, но и модели адаптации высшего сословия в условиях модернизационных процессов начала XX в.

Имеются лишь фрагментарные сведения об истории дворянских хозяйств ОВД начала XX в., представленные в исследованиях о социально-экономическом развитии ОВД [12], работах о проблемах моделей экономического поведения населения Дона [8], а также в трудах, посвященных жизни и деятельности отдельных представителей высшего сословия Дона [1].

Представляется важным на примере экономии Ильевка проанализировать особенности развития передовых экономий дворянских усадеб ОВД в период модернизационных процессов начала XX в. В поле нашего зрения находятся вопросы истории и особенности организации хозяйства экономии, а также особенности хозяйственной деятельности ее владельца – В.И. Денисова.

Источниковая база исследования представлена материалами личных фондов В.И. Денисова в Ростовском государственном архиве Ростовской области и Российском государственном историческом архиве, которые содержат ценные сведения об истории экономии Ильевка и хозяйственной деятельности В.И. Денисова. Также были использованы материалы донской периодической печати и

журналы местных сельскохозяйственных обществ, в которых транслировался опыт организации хозяйства в экономии.

В начале XX в. в ОВД большинство владельцев дворянских имений не сумели перестроить свои хозяйства в связи со сложившимися экономическими условиями. Эта группа землевладельцев рано или поздно приходила к мысли о необходимости продажи собственных имений, что приводило, согласно исследованию Н.В. Самариной, к неуклонному сокращению дворянского землевладения [13, с. 76–94]. Но все же в среде высшего сословия Дона выделилась небольшая предпринимательно активная часть дворян, которые сумели организовать в собственных имениях образцовые капиталистические экономии. Среди них стоит выделить имение А.М. Жеребцова в Усть-Медведицком округе, в котором было устроено широкое орошение земли, приносившее прибыль в 15 % на вложенный капитал, имение Лакиер и Каменнова, которые специализировались на производстве фруктов и др. [12, 76–77]. Примером образцового хозяйства можно назвать и экономию В.И. Денисова Ильевка в Ростовском округе.

В дореформенный период главным владением Денисовых считалась слобода Ильевка на р. Сал, доставшаяся отцу В.И. Денисова – полковнику И.В. Денисову от его прадеда, за которым слобода числилась по IV ревизской переписи [5, л. 24, 26]. Крепостные в этом имении находились на оброке – 8 руб. серебром с душевого надела, а барщины и вовсе не было. По собственной инициативе отец В.И. Денисова решил «прекратить обязательные ко мне отношения бывших крестьян моих Войска Донского 2-го Округа Слободы Ильинки и сделать им уступку отстранением добавочных с них платежей за землю им отмежеванную» [5, л. 7]. На полученные средства и была приобретена земля рядом со станицей Куцевка, на основе которой и была создана экономия «Ильевка» [8, с. 422]. Здесь В.И. Денисовым было создано известное в ОВД высококультурное хозяйство. К 1914 г. владения имения исчислялись «в количестве двух тысяч трехсот десятин удобной и при ней всю неудобную землю, со всеми в том имении садами, угодьями, жилыми и нежилыми постройками» [11, л. 1].

Экономия Ильевка представляла собой в начале XX в. многопрофильное хозяйство. Материалы отчетов иллюстрируют, что несмотря на то, что основной акцент был сделан именно на производстве зерновых культур, которое приносило основную долю прибыли, параллельно происходило развитие садоводства, свиноводства, козоводства и др. Усилиями владельца экономии была организована

и первичная обработка сельскохозяйственной продукции, для чего были построены мельница, маслобойный завод и др. [4, л. 1]. В имении имелся даже кирпичный завод, приносивший незначительную прибыль [12, с. 77]. Важно, что усилиями владельца экономии была также организована последующая широкая продажа произведенной готовой продукции. Переписка В.И. Денисова иллюстрирует его большую заинтересованность в решении проблем транспортировки готовой продукции [3, л. 9–10]. Многопрофильный характер хозяйства и ориентация на производство готовой продукции обусловили широкую в местной печати рекламу В. И. Денисову и его экономии. Так, в газете «Приазовский край» приводились следующие строки: «Как сельский хозяин он проявил себя с самой блестящей стороны, организовав в своем имении правильное хозяйство со всевозможными прикладными отраслями. Между прочим, им организована единственная в области сыроварня, годовой оборот которой своей величиною свидетельствует об очень широкой постановке этого нового для нашего края дела» [9].

Многоотраслевой принцип и акцент на производство готовой продукции не были единственными отличительными особенностями организации хозяйства в экономии Ильевка. Активная общественная деятельность в сельскохозяйственных обществах В.И. Денисова явились одним из ключевых факторов того, что экономия Ильевка стала одним из центров на Дону, где активно экспериментировалось выращивание новых сельскохозяйственных культур и пород скота. Для организации данной деятельности в экономии усилиями ее владельца даже была организована работа опытного поля, наряду с которым активно проводились эксперименты по скрещиванию, технологиям откорма и др. Что в свою очередь приводило к ряду положительных результатов, отмеченных аграриями Дона. Так, в одной из статей, посвященных производству молока, было замечено: «Подняtie молочности Ильевского стада было предпринято двумя путями – улучшением кормления и скрещиванием с производителями более молочной породы, причем последней управляющим Ильевской экономией И.Ф. Бреде, совершенно правильно была намечена порода ангельская» [10, с. 4]. На наш взгляд не случайным является тот факт, что полученные результаты экономии неоднократно были представлены на различных сельскохозяйственных выставках и получили более 40 высших наград [7, с. 22].

Пример экономии Ильевка иллюстрирует нам, что организация высококультурного образцового хозяйства во многом была сопряжена с личной вовлеченностью ее владельца в хозяйственные дела

имения. Специфика же ОВД заключалась в том, что донское дворянство, будучи казачьим по происхождению, должно было нести обязательную воинскую повинность, что отвлекало представителей высшего сословия от решения хозяйственных вопросов собственных имений. Эту же проблему затронул сам В.И. Денисов в докладе чрезвычайному дворянскому собранию 20 ноября 1905 г.: «Условия казачьего быта и требования воинской повинности направили наше потомственное дворянство на военную службу, а широкое требование на образованных людей в гражданских управлениях отвлекло все интеллигентные силы из деревень» [6, л. 62 об.].

Сам же Василий Ильич с 1906 г. по причине своей деятельности в качестве члена Государственного Совета был вынужден переехать в Санкт-Петербург, оставив управление экономией Ильевка на И.Ф. Бреде. Необходимость участия в работе Государственного Совета, оторванность от дел собственного хозяйства наложили отпечаток на хозяйственную деятельность в экономике Ильевка. Материалы переписки В.И. Денисова с управляющим иллюстрируют нам явное недовольство Василия Ильича деятельностью И.Ф. Бреде, который не всегда справлялся с поставленными владельцем экономии задачами: «Виноградники не успели накрыть и были морозы с 11–16 октября. Кто виноват? Должно быть не вы, а кто-нибудь другой, например – винодел. Если вымерз виноград, пропала работа 4-х лет посадка, полка, уход, колья, аренда земли, потраченный капитал и время. Придется вновь засаживать и новые расходы» [3, л. 5 об.–6.]. Приводились и иные резкие замечания.

Приспособление предпринимательски активной части донского дворянства к новым социально-экономическим условиям, переустройство собственных хозяйств на предпринимательские рельсы происходило не безболезненно. Если говорить о В.И. Денисове, то несмотря на имевшиеся определенные результаты, он не в полной степени мог использовать потенциал собственных земельных владений. Часть его земли находилась в аренде, а часть земли он был вынужден и вовсе продать [2, с. 97]. Данная ситуация позволяет нам утверждать, что переход дворянства к буржуазным методам ведения хозяйства происходил достаточно медленными темпами.

Таким образом, в начале XX в. в среде высшего сословия ОВД выделялась незначительная группа дворян, сумевшая перестроить собственные хозяйства на новые капиталистические рельсы. Исследование истории экономики Ильевка свидетельствует о том, что одним из способов организации хозяйства донского дворянства явилось создание высококультурного многоотраслевого хозяйства при

активном использовании новых орудий труда, внедрении новых пород скота и сортов растений с последующей продажей готовой продукции имения. Пример организации экономии Ильевка В.И. Денисовым показывает, что возможность организации высококультурного хозяйства во многом зависела от личной вовлеченности в его дела владельцев и управляющих имений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Братолюбова М.В. «Беспокойный элемент» // Родина. 2016. № 2. С. 131–133.
2. Братолюбова М.В. Инновации моделей экономического поведения донского дворянства. В.И. Денисов // Вестник РМИОН. Проблемы модернизации России: вызовы и перспективы. Ростов-н/Д.: Альтаир, 2010. С. 94–105.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 107. Д. 14.
4. ГАРО. Ф. 107. Д. 23.
5. ГАРО. Ф. 213. Оп.1. Д. 682.
6. ГАРО. Ф. 410. Оп.1 Д. 793.
7. Государственный Совет (портреты и биографии). 2-е издание. Пг., 1915.
8. Морозова О.М. Модели экономического поведения в условиях многоукладности в пореформенный период (на материале Дона) // Вестник Донского государственного технического университета. 2010. Т. 10. № 3 (46). С. 420–427.
9. Наши иллюстрации к очередному областному дворянскому собранию войска Донского // Приазовский край. 1901. № 26. 28 января. С. 4
10. Перов Н.В. Породы для улучшения молочности скота Донской Области и С. Кавказа // Юго-Восточный хозяин. 1910 г. № 11. С. 1–6.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 873. Оп. 1. Д. 43.
12. Самарина Н.В. Донская буржуазия в период империализма (1900–1914 г.). Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1992.
13. Самарина Н.В. Землевладение донского дворянства в последней трети XIX – начале XX в. // Проекты российской модернизации. Сер. «Вестник РМИОН». Ростов-н/Д., 2012. С. 76–94.

КУПЕРГАНЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СУДЬБЕ ХУТОРСКОГО ДОНСКОГО КАЗАКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО ЭГО-ДОКУМЕНТАМ

При работе с фондом Донецкой окружной контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (КК РКИ) в Центре хранения архивных документов г. Шахты Ростовской области (ЦХАД ШРО) среди стандартных выписок из протоколов, заключений, служебных писем и иных бумаг бюро жалоб рабоче-крестьянской инспекции нам удалось обнаружить личные документы казака-реэмигранта Утишева Петра Ивановича, большей частью исполненных им в рукописной форме. На 73 листах архивного дела открылась удивительная судьба донского казака, одного из десятков тысяч вернувшихся на Родину из-за границы вынужденных эмигрантов, отказавшихся от перспективы устраивать свою жизнь в чужой стране.

На основании заверенной в установленном порядке выписи № 523 из метрической книги (часть I), выполненной на бланке Московской синодальной типографии, о родившихся за 1900 г. с приложением 1-рулевой гербовой марки и с подписями священника, отца Феодора Одоламского и псаломщика Владимира Орлова, выданной причтом Предтеченской церкви хутора Земцов 23 октября 1916 г. [2, л. 61–61 об], мы достоверно установили дату рождения нашего героя. Петр Иванович Утишев родился 9 февраля 1900 г. в х. Земцов, одном из 39 хуторов зажиточной Еланской станицы Донецкого округа Области Войска Донского в казачьей православной семье Ивана Феодотовича Утишева и его законной жены Агриппы Трофимовны. Петр Утишев стал 39-й по счету душой м.п., зафиксированной в метрической книге (часть I) хуторской церкви. Его крестили 13 февраля 1900 г. в Иоанно-Предтеченской церкви х. Земцов священник Федор Матвеевич Одоламский «с причтом» (в 1900 г. в составе причта состояли: диакон Широков Степан Сысоевич, псаломщик Васильев Владимир Алексеевич, церковный староста, урядник Чернушкин Александр Евлампиевич, просфирница, дочь пономаря Гаврилова Павла Семеновна). На таинстве крещения присутствовали восприемники (крестный отец и крестная мать) урядник Евфрем Георгиевич Калмыков и жена урядника Александра Ивановна Реуцкова. Заметим, в отдельной графе выписи № 523 «Рукоприкладство свидетелей записи по желанию» прописана фраза «Не оказалось». Полагаем, что выпись из метрической книги, по-

звоящую дать вышеизложенные личностные характеристики П.И. Утишева, вполне можно отнести к эго-документам, но выполненным иными людьми.

Для прояснения хронотопического пространства индивидуальной жизненной траектории донского казака П.И. Утишева дадим небольшую справку по административно-территориальной принадлежности х. Земцов. Если в начале XX в. хутор относился к курту Еланской станицы Донецкого округа Области Войска Донского, то затем ситуация многократно изменяется, но в изученных нами архивных документах не всегда отражается место событий, или указывается не совсем точно, или фиксируется по состоянию на момент составления данного документа, ибо конкретно-исторические детали административно-территориальных преобразований помнили далеко не все, а для понимания знаковых перемен в судьбе нашего героя это обстоятельство имеет немаловажное значение. В 1918 г. х. Боков Еланской станицы переименовывается в станицу Боковскую с подчинением 12 хуторов (в том числе хутора Земцов) и новый Боковский юрт входит в состав Верхне-Донского округа Всевеликого Войска Донского с центром в станице Вешенской. С установлением советской власти с 20 марта 1920 г. по 13 февраля 1924 г. станица Боковская вместе с юртовыми хуторами существовала в составе Донской области, которая охватывала большую часть территории бывшей Области Войска Донского. В 1920-е гг. большую часть времени (1924–1930 гг.), согласно действовавшему советскому административно-территориальному делению х. Земцов Боковской станицы входил в состав Вешенского района Донецкого округа Северо-Кавказского края. Центром Донецкого округа с 2 июня 1924 г. по 30 июля 1930 г. являлся г. Миллерово.

Буквально с ранних лет Петр Утишев проявил исключительную тягу к получению знаний. Общее начальное образование подросок получил в Земцово-Боковском приходском училище, которое успешно окончил в 1911 г. Одновременно он помогал отцу по хозяйству, и по мере сил участвовал в характерных земледельческих делах своего семейства. В 1915 г. Петр окончил 2-х классное Земцово-Боковское училище, что соответствовало курсу неполной средней школы. Ведь, по существовавшим тогда нормативам образования, если в первом классе в течение трех лет давалось начальное образование, то во втором классе училища в течение двух лет в обязательном порядке изучались: русский язык, арифметика, физика, геометрия, история, черчение, давались элементарные сведения по естествознанию, а также ученики по желанию и при наличии в училище

материально-технических возможностей занимались прикладными вещами, к примеру, осваивали ремесла, садоводство, огородничество, пчеловодство, делали комплекс гимнастических упражнений. После окончания обучения в 2-х классном Земцово-Боковском училище Петр целый год занимался с отцом земледелием.

Большое патриархальное семейство обычного казака-хлебороба Ивана Феодотовича Утишева в 1915 г. состояло в общей сложности из 22 человек, представлявших сразу четыре поколения казачьего рода Утишевых. Первым поколением неразделенной казачьей семьи для нашего героя являлись дедушка и бабушка. Второе поколение его родителей объединяло двух главных лиц семейства: отца Ивана Феодотовича и мать Агрипину Трофимовну. Третье поколение, где числился уже сам Петр, объединяло девять братьев, трех сестер и двух невесток, жен двух старших братьев. Четвертое поколение рода Утишевых составляли два племянника (сыновья самого старшего брата) и две племянницы (дочери второго по старшинству брата), если родство в семье считать от имени рассматриваемого нами лица [2, л. 26].

Земледельческий род Утишевых происходил из левобережного донского хутора Андроповского Еланской станицы, откуда в 1860–1861 гг. отец и дед Петра Утишева переселились в правобережный хутор Земцов той же станицы Еланской. Их надежды на более зажиточное состояние стали оправдываться только лишь к 1907 г., когда заметно подросли дети, а долгая работа по найму позволила Утишевым обрести хозяйством. Видимо, не случайно казака нарекли именем Феодот, или Богом дарованный: его мечты стали сбываться. Теперь глава семейства (отец Петра и сын Феодота, инициатора переселения) мог заниматься исключительно домашними делами, а его старшие сыновья уходили на заработки, нанимались в сезонные работники к более богатым людям. По воспоминаниям П.И. Утишева, в подростковом возрасте 9–10 лет он работал в течение полевых сезонов 1908–1910 гг. вместе с братьями у помещика Каргина, но зимой он старательно наверстывал упущенное и учился в школе. В 1911 г. Петр вместе с братьями опять трудился по найму (заметим, на своих собственных быках) у помещика Кузнецова [2, л. 26].

В 1907–1908 гг. в Еланском станичном юрту происходил очередной земельный передел, и поскольку казачий надел-пай считался тогда на мужскую душу, то Иван Утишев получил сразу 10 паев из расчета по 4 десятины на один пай. В итоге у семьи Утишевых получилось в общей сложности 40 десятин земли, что дало возмож-

ность значительно расширить посевные площади. Большое семейство самостоятельно управлялось со всеми сельскохозяйственными работами, и наемных работников не привлекало [2, л. 26].

В 1916 г. Петр стал настойчиво просить своего отца о продолжении полученного им образования, причем, с учетом материальных возможностей семьи: неважно, где продолжить образование, лишь бы учиться дальше. Однако Иван Утишев, с большими трудами поднявший свое хозяйство, основательно поразмыслил и в ученье сыну отказал, ибо вот так «на ветер» тратить добытые тяжелым трудом средства посчитал не очень разумным делом. Тогда осенью 1916 г. по окончании полевых работ и в период «германской войны» Петр попросил отца отпустить его «в ученики на почту», на что отец свое родительское согласие дал. По профессиональному совету начальника Боковского почтового отделения П.И. Утишев в сентябре месяце 1916 г. подал заявление начальнику Ростовского почтово-телеграфного округа о принятии на службу в качестве почтальона в одну из почтово-телеграфных контор, поскольку профессия почтальона отличалась тогда большой востребованностью на региональном рынке труда, в связи со значительным ростом объема оказываемых почтово-телеграфных услуг, во многом обусловленном продолжающейся Великой войной 1914–1917 гг. В конце ноября 1916 г. молодой работник наконец-то получил ожидаемое назначение, и его зачислили на службу на должность почтальона в Мигулинское почтово-телеграфное отделение, куда и прибыл он для исполнения своих обязанностей. В приличной для тех лет должности почтальона Мигулинского почтово-телеграфного отделения П.И. Утишев трудился всего лишь 4 месяца, хотя работы в густонаселенном юрту станицы Мигулинской Донецкого округа Области Войска Донского для почтальона хватало, ибо в 1914 г. здесь проживало свыше 30 тыс. человек. Петр днем разносил пешком письма по огромной станице, а ночью дежурил на телеграфе и с нескрываемой жадной познания осваивал новую технику связи. Тем не менее, известные преимущества молодого возраста не обеспечили ему достаточной физической закалки для выполнения должностных обязанностей почтальона. Он не смог справиться с огромным объемом работы по разноске получаемых ежедневно с фронта писем, и в феврале месяце 1917 г. по собственному желанию уволился со службы. Молодой человек вернулся домой с прибытком, ведь у него остались сэкономленные средства по оплате за съемную квартиру и «стол» (питание по месту проживания) в размере 30 руб. [2, л. 26 об.].

Немного отдохнув на очень приятных душе домашних хлебах, 10 марта 1917 г. неутомленный П.И. Утишев снова подал заявление начальнику Ростовского почтово-телеграфного округа о зачислении на должность почтальона в Ростовскую главную почтово-телеграфную контору. В первых числах апреля 1917 г. он получает ожидаемое назначение о зачислении по личному ходатайству начальника Боковской почтовой конторы почтальоном в главную Ростовскую почтово-телеграфную контору, но эту упавшую благодатным бальзамом на сердце новость Петр скрыл от своего отца, не желавшего давать сыну родительское согласие на работу в крупном городе, поскольку мудрый казак правомерно считал, что в полном сомнительных соблазнов Ростове-на-Дону юноша может нечаянно попасть в неприятную историю, а то и вовсе станет хулиганом. Но сребролюбивая мама Груня из своей тайной женской «зачапки» дала сыну 3 сбереженных рубля. И он, имея в запасе сэкономленные на прежней работе 30 руб. своих денег, украдкой от отца уехал с очередным почтовым транспортом в манящий неизвестностью Ростов-на-Дону. В середине апреля месяца 1917 г. П.И. Утишев прибыл в торгово-купеческий Ростов-на-Дону, и с огромными трудностями разыскал главную Ростовскую почтово-телеграфную контору, ведь до сего времени он еще ни разу своими глазами не видел железную дорогу, и вообще никогда не бывал в городах. Окружающая действительность казалась ему неимоверно пугающим. Но Петр стойчески сумел преодолеть свалившиеся на него страхи нового окружающего мира, и явился к начальнику Ростовского почтово-телеграфного округа, от которого получил назначение на желанную должность разъездного почтальона [2, л. 26 об. – 27].

В должности разъездного почтальона П.И. Утишев прослужил всего 2 месяца и стал настойчиво ходатайствовать о переводе в посыльный отдел, чтобы у него имелось больше свободного времени для дальнейшего продолжения учебы. Просьбу молодого человека к его неслыханной радости удовлетворили и перевели на работу в посыльный отдел, где Петр трудился еще 2,5 месяца. При этом он одновременно посещал «школу надсмотрщиков» с перспективой получить должность классного надзирателя, занимавшегося наблюдением за порядком и являвшегося помощником классного наставника в мужских гимназиях и реальных училищах того времени. Однако окончание «школы надсмотрщиков» и получение должности классного надзирателя в гимназии оказалось вовсе не той заманчивой перспективой, на которую П.И. Утишев изначально рассчитывал. Ему хотелось учиться еще дальше и стать, в конце концов, народ-

ным учителем, в чем, собственно, и заключалась его заветная юношеская мечта [2, л. 27].

Для достижения своей жизненной цели, как вскоре выяснил Петр, необходимо заработать побольше денег, чтобы иметь возможность брать частные уроки у преподавателей и хорошо подготовиться для поступления в учительскую гимназию. Поэтому молодой человек вновь упрашивает свое начальство перевести его на более высокооплачиваемую должность разъездного почтальона. Теперь он получал, кроме основного жалования по должности за разноску почтовых отправлений, еще дополнительную плату в размере 2–3 руб. в день за своевременную доставку горожанам заказных писем. В таком рабочем графике П.И. Утишев проработал еще 2,5 месяца и начал готовиться к испытаниям на звание учителя, но свободного времени на учебу у него практически не оставалось. Поэтому он вновь обращается с просьбой к начальству перевести его в отдел по отправке заказных писем, и тогда у парня появилось больше свободного времени для подготовки к заветному экзамену. Петр стал тщательно экономить зарабатываемые деньги и не тратить свои кровные по пустякам. Все свое жалование он сразу же клал на счет в сберкассе, а уже оттуда по мере надобности получал необходимые для повседневного житья-бытья денежные средства. Молодой человек очень скромно питался в «обжорке» (дешевой столовой, забегаловке), расположенной на новом ростовском базаре (ныне на этом месте находится здание правительства Ростовской области), всего лишь за 5 коп., чего хватало ему на порцию (зеленых) щей с черным хлебом один раз в сутки. Петр снимал частную квартиру с месячной оплатой в размере 10 руб. с ежедневно подаваемым чаем, но спал он при этом на полу в одной комнате с хозяевами. В результате за девять месяцев работы в отделе по отправке заказных писем главной Ростовской почтово-телеграфной конторы П.И. Утишеву все-таки удалось накопить приличную по тем временам сумму 750 руб. [2, л. 27–27 об.].

Однако бережливый казачок на этом не остановился, и в ходе переписки со своими товарищами, проживавшими в то время в городе Новочеркасске, он выяснил, что в столице донского казачества съемное жилье и ежедневное питание обходятся значительно дешевле, нежели материальные затраты на подобные вещи в Ростова-Дону. Но, главное, в Новочеркасске имеются хорошие преподаватели, которые подготовят Петра к экзамену на звание учителя, и он сможет получить «аттестат зрелости». После получения такой жизненно важной для него информации П.И. Утишев быстро уволь-

няется со службы в Ростов-на-Дону, переезжает в декабре 1917 г. на постоянное место жительства в Новочеркасск и поступает на частные курсы учителей Бондарева и Калабухова для подготовки к экзамену на звание учителя. 12 февраля 1918 г. Петр держал экстерном экзамен на звание учителя при Новочеркасской 2-й мужской гимназии, но, к сожалению, не смог преодолеть эту квалификационную планку. Сын казака х. Земцов Еланской станицы Области Войска Донского сдает следующие дисциплины: Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, алгебру, историю, географию. Экзаменаторы ставят ему тройки по всем предметам (за исключением алгебры), он набирает достаточные 18 баллов и на основании Устава о воинской повинности Российской империи (ст. 193 и ст. 195, п. 2) и правил о производстве испытаний для вольноопределяющихся получает «право поступить в военную службу вольноопределяющимся на правах второго разряда» [2, л. 62], о чем в архивном деле имеется копия свидетельства №95 о сдаче экзамена «по программе, установленной для лиц, желающих поступить на службу вольноопределяющимся второго разряда». Но таким вероятностным шансом своего жизнеустройства П.И. Утишев не воспользовался.

С занятием отрядами красных Новочеркасска Петр покидает город и уезжает домой к родителям, где становится помощником по хозяйству, а уже после Гражданской войны наследует двухкомнатный флигель [2, л. 31 об.]. В сентябре месяце 1918 г. он снова возвращается в Новочеркасск и продолжает готовиться к экзамену на звание учителя. Говоря современным языком, П.И. Утишев получает среднее профессиональное образование учителя начального училища с правом преподавания в двухклассном училище. Он сдал экстерном положенный экзамен («подвергся специальному испытанию») 7 декабря 1918 г. педагогическому совету Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-калмыцкой гимназии, открытой на долевых началах в начале XX в. земским обществом села Воронцово-Николаевское (ныне находится в городской черте г. Сальск Ростовской области) и правлением Большедербетовского улуса [1, с. 75] (одной из территорий кочующих народов в составе Медвеженского уезда Ставропольской губернии, где проживали калмыки) и располагавшейся в селе Воронцово-Николаевское. В подтверждение успешно сданного экзамена П.И. Утишеву выдали «свидетельство за надлежащими подписями и казенной печати гимназии». Документ под №79 подписали директор гимназии, три члена педагогического совета и инспектор [2, л. 63]. Судя по фамилии и месту сдачи экзамена, вероятно, наш герой имел калмыцкие корни,

но фотографии из архивного дела удалены чьей-то неблагодарной рукой, а в документах об этом не упоминается. С другой стороны, в те смутные времена может быть именно в Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-камыцкой гимназии как раз и оценили стремление к получению знаний и к работе учителем молодого казачка из далекого донского хутора, а в итоге П.И. Утишев приобрел квалификацию учителя-счетовода [2, л. 31]. Вполне возможно (судя по общему алгоритму жизненной траектории, когда молодой человек опирается на межличностные связи), что Петр нашел какого-то взрослого и влиятельного помощника в достижении желаемого результата и воплощении его заветной юношеской мечты, но об этом имеющиеся в нашем распоряжении документы ничего не сообщают.

После сдачи экзамена в Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-камыцкой гимназии и получения долгожданного свидетельства о звании «учителя начального училища с правом преподавания в двухклассном училище», П.И. Утишев возвращается из села Воронцово-Николаевского Медвеженского уезда Ставропольской губернии в Новочеркасск, являвшийся тогда столицей Всевеликого Войска Донского. Петр советуется со своими знакомыми товарищами, как быть дальше, и решает готовиться к сдаче экзамена на аттестат зрелости, свидетельствующий об окончании гимназии, или прохождении испытания для вольноопределяющихся с целью получения прав 1-го разряда, чтобы поступить без экзамена в учительский институт. В мае месяце 1919 г. наш герой выдержал экстерном экзамен в Воронцово-Николаевской и Большедербетовской русско-камыцкой гимназии для вольноопределяющихся на право 1 разряда [2, л. 31]. Но уже в июне 1919 г. П.И. Утишев мобилизуется в состав Молодой армии Всевеликого Войска Донского, формировавшейся по инициативе атамана П.Н. Краснова. Его направляют в военный лагерь, расположенный на железнодорожной станции Персиановка под Новочеркасском, где зачисляются в первую сотню 4-го Донского казачьего полка, и Петр становится рядовым второго взвода [2, л. 27 об]. Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Таким образом, использование целого ряда эго-документов, в т.ч. автобиографии, лично заполненной анкеты, выписи из метрической книги и других архивных материалов, с одной стороны, раскрывает информативные возможности обозначенной группы исторических источников, а, с другой стороны, позволяет на микроисторическом уровне проследить индивидуальную жизненную траекто-

рию обычного хуторского донского казака, проявившего удивительную тягу к знаниям и все же достигшего своей цели.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Манжикова А.Д. Очерки истории Большедербетовского улуса. Элиста, 2003.
2. Центр хранения архивных документов города Шахты Ростовской области (ЦХАД ШРО). Ф. Р-754. Оп. 1. Д. 32.

Ю.Г. Бузун (Краснодар)

УЧАСТИЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В ОБОРОНЕ ВЫШКОВСКОГО ПЕРЕВАЛА (11-31 ЯНВАРЯ 1915 г.)

Оборона Вышковского перевала русскими войсками зимой 1915 г. – один из ярких эпизодов Битвы за Карпаты, самой продолжительной операции Первой мировой войны (1914–1918). К сожалению, до сих пор отечественные исследователи уделяли ему очень мало внимания, сосредотачиваясь на стратегическом описании военных действий [6, 7, 10]. Только в последнее время появляются работы, придающие этим боям более существенное значение [8].

В данном сообщении будут рассмотрены основные события, происходившие на Вышковском перевале в январе 1915 г., ранее не освещавшиеся в научной литературе. Особое внимание при этом будет уделено участию в них кубанских казачьих частей. К концу осени 1914 г. на левом фланге Юго-Западного фронта войска 8-й армии генерала А.А. Брусилова ликвидировали попытку противника деблокировать Перемышль прорывом через Карпаты. Особенности горной местности не позволяли установить здесь единой линии фронта. Русские войска контролировали стратегические направления отдельными отрядами, занимая горные перевалы.

На Мункачском направлении находился Стрыйский отряд генерал-лейтенанта В.А. Альфтана. Его основные силы (78-я пехотная дивизия) занимали Бескидский перевал. Юго-восточнее располагался отряд генерал-майора А.М. Крымова, контролировавший Вышковский перевал. Первоначально основу его составляли части 2-й Кубанской казачьей дивизии. В предыдущих боях дивизия понесла ощутимые потери, ее конский состав был сильно измотан. По-

этому к середине декабря 1914 г. три полка дивизии пришлось вывести в глубокий тыл на отдых. На базе оставшихся частей и управления 2-й Кубанской дивизии командование решило создать временное формирование – Сводно-Казачью дивизию. Помимо имевшегося 2-го Кубанского полка и 2-й батареи 2-го конно-горного дивизиона (6 орудий), в ее состав вошли 2-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска и 11-й Оренбургский казачий полк. Для придания коннице большей устойчивости Крымову подчинялся 1-й батальон 310-го пехотного Шацкого полка. Эти части составили Вышковский отряд [2, л. 42].

Формально Вышковский отряд входил в состав отряда генерала Альфтана. Однако поддерживать связь с ним по горным ущельям было чрезвычайно трудно. Не менее сложной оказалась организация взаимодействия с соседом слева – Надворненским отрядом генерал-лейтенанта П.А. Стаховича (1-я Кубанская казачья дивизия). «Одни горы, покрытые лесом и снегом, дорог никаких; величественная картина природы, но не обстановка для боевых действий», – так характеризовал положение Вышковского отряда очевидец [5, с. 18].

В начале 1915 г. русское командование планировало приступить к новому штурму Карпат, с целью выхода на Венгерскую равнину. Несмотря на неудачи, преследовавшие австро-венгерскую армию на Русском фронте, ее командование не расставалось с мыслью о реванше. В конце 1914 г. оно разработало новый план по освобождению Перемышля. Предполагалось нанесение мощного удара из-за Карпат, в обход левого фланга Юго-Западного фронта. Для усиления австро-венгерских войск Германия перебросила в лесистые Карпаты дополнительные силы. Совместно с австрийцами эти соединения составили Южную армию генерала А. фон Линзенгена.

7 января 1915 г. (здесь и далее даты даются по старому стилю) начались бои в центре и на правом крыле Юго-Западного фронта. Спустя два дня генерал Линзенген перешел в наступление против основных сил Стрыйского отряда. 11 января сторожевые посты 2-го Кубанского полка первыми обнаружили выдвижение двух батальонов австрийских егерей на фронте Лопушное – Торунь, в обход правого фланга отряда Крымова. У сел. Лопушное посты в сторожевом охранении находилась сотня подьесаула М.М. Мадчавариани. По собственной инициативе командир сотни занял ущелье, по которому двигался противник. В течение нескольких часов казаки сдерживали натиск неприятеля. С подходом основных сил полка, попытка флангового обхода была предотвращена. Высочайшим приказом

от 27 августа 1916 г. за этот подвиг подъяесаул Мадчавариани был награжден Георгиевским Оружием [2].

12 января 1915 г. перед фронтом Вышковского отряда обозначилось наступление пяти австрийских батальонов. В этот день казаки 5-й сотни 2-го Запорожского полка сбили неприятельский аэроплан у сел. Сеничев, захватив в плен двух немецких летчиков [3, л. 37; 4, л. 6]. В ночь с 12 на 13 января противник атаковал основные силы 310-го пехотного Шацкого полка, занимавшего позиции за правым флангом отряда Крымова, у высоты 803. В бою приняла участие и 6-я сотня 2-го Запорожского полка, находившаяся на постах сторожевого охранения. Русские части были окружены, но штыками проложили себе путь к Вышковскому перевалу и присоединились к отряду Крымова [3, л. 38 об.].

Вечером 13 января в сел. Вышков прибыл направленный из резерва 237-й пехотный Грайворонский полк. Однако силы неприятеля так же возросли: у перевала разворачивались новые австрийские части. В течение двух дней генерал-майор Крымов вел ожесточенные бои с превосходящим противником. Казачьи сотни в этих боях прикрывали фланги, вели разведку, вместе с пехотой отражали атаки врага. Австрийцам удалось потеснить наши войска, однако захватить Вышковский перевал они не смогли. 16 января 1915 г. к перевалу подошла 69-я пехотная дивизия. Ее командир, генерал-лейтенант А.П. Гаврилов, возглавил оборону. Обстановка на этом участке Юго-Западного фронта временно стабилизировалась.

19 января 1915 г. войска Стрыйского отряда оставили Бескидский и Верецкий перевалы, открыв правый фланг Вышковского отряда. Тяжелая обстановка стала складываться на левом фланге, где противник развернул наступление против Надворненского отряда. В этот район была срочно переброшена Сводно-Казачья дивизия генерала Крымова. Посты сторожевого охранения на стыке двух отрядов, у сел. Ясень, заняли две сотни 2-го Запорожского полка. На рассвете 24 января 1915 г. австрийцы атаковали казаков. Первым вступил в бой взвод хорунжего В.И. Тришкина, занимавшего пост у железнодорожного моста через р. Ломница. Этот мост соединял узкоколейку Ясень-Липовица-Суходол, которая шла в тыл Вышковского отряда. Австрийцам удалось окружить взвод Тришкина. На предложение сдаться запорожцы ответили отказом. В ходе упорного боя погибли командир взвода и 4 казака, 18 казаков получили ранения.

Генерал Крымов направил к Ясеню основные силы Сводно-Казачьей дивизии (2-й Кубанский и 2-й Запорожский полки с ар-

тиллерией). Бой шел уже на северной окраине села, когда подошло подкрепление. Поддержанные огнем конно-горной батареи кубанцы отбросили противника и ликвидировали угрозу левому флангу Вышковских позиций.

Высочайшим приказом от 14 июня 1915 г. за мужество, проявленное в бою у сел. Ясень, хорунжий Тришкин был посмертно награжден орденом Святого Георгия 4-й степени [1]. 25 января 1915 г. на Вышковский перевал прибыли части 2-й Финляндской стрелковой бригады XXII армейского корпуса генерала А.Ф. фон Бринкена. С этого момента русские войска прочно закрепили перевал за собой, создавая угрозу правому флангу Южной Германской армии и сдерживая ее продвижение в Карпатах. Только в мае 1915 г., во время общего отступления Юго-Западного фронта, они покинули занимаемые позиции. Сводно-Казачья дивизия тесно взаимодействовала с финляндскими стрелками до конца января. Вечером 31 января 1915 г. это соединение было расформировано, части его переданы в состав XXX армейского корпуса.

За период боев на Вышковском перевале с 11 по 31 января 1915 г. пять офицеров Русской императорской армии были удостоены высших боевых наград - ордена Святого Георгия 4-й степени или Георгиевского Оружия. Двое из них (или 40% от общего числа награжденных) являлись офицерами Кубанского казачьего войска. К настоящему времени установлены фамилии 113 нижних чинов, награжденных Георгиевскими крестами за этот период. 54 из них (около 48%) – кубанские казаки [9, 11].

Таким образом, кубанские казачьи части приняли активное участие в обороне Вышковского перевала зимой 1915 г., являясь основой Сводно-Казачьей дивизии генерал-майора А.М. Крымова. В составе авангардных отрядов они первыми встретили противника на подступах к перевалу. В дальнейшем, совместно с пехотой, отражали атаки превосходящих сил противника, несли службу разведки, охраняли фланги, предотвращая угрозу обхода Вышковского отряда. Благодаря этим действиям русским войскам удалось удерживать перевал за собой. Сведения о количестве георгиевских наград, полученных кубанскими казаками за этот период боев, свидетельствуют об их важной роли в данных событиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Высочайшие Приказы о чинах военных за 1915 г. // «Российская государственная библиотека» [сайт]. URL: <https://search.rsl.ru> (дата обращения: 22.07.2018).
2. Высочайшие приказы о чинах военных за 1916 г. // «Российская государственная библиотека» [сайт]. URL: <https://search.rsl.ru> (дата обращения: 22.07.2018).
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 670. Оп. 1. Д. 43.
4. ГАКК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 46.
5. Архипов. Воспоминания о Первой мировой войне. Карпаты // Военная быль. 1969. № 98.
6. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2002.
7. История первой мировой войны 1914–1918 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. Т. 2. М., 1975.
8. Каширин Б.В. Взятие горы Маковка: неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010.
9. Клепов М.Ю. Офицеры – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог. М., 2015.
10. Оськин М.В. Штурм Карпат. Зима 1915 года. М., 2007.
11. Патрикеев С.Б. Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922. Т.1–10. М., 2013–2015.

В.П. Трут (Ростов-на Дону)

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Отношение казачества к Февральской революции, к процессам преобразований в стране и в казачьих областях, высших органов казачьего управления в казачьих войсках весной-летом 1917 года к корниловскому выступлению довольно обстоятельно освещают разные по своему происхождению документы фонда «Войсковой круг Всевеликого войска Донского (первый и четвертый созывы). 1917–1920 гг.» (Государственный архив Ростовской области – далее ГАРО, ф. 861),

Отношение к Октябрьской революции высших органов казачьего самоуправления разных казачьих войск страны, их фронтово-

го и станичного казачества, начало антисоветского движения в казачьих областях, политика по отношению к казачеству и политическая борьба за него войсковых и Советского правительств отражены в различных материалах (телеграфные и письменные доклады с мест в центральные органы власти, записи переговоров по прямому проводу между местными и вышестоящими властными и военными структурами, постановления высших органов казачьего управления, полковых и станичных собраний казаков) фондов «Войсковой Круг области Войска Донского» (ГАРО, ф. 861), «Временное объединенное Войсковое правительство Области Войска Донского. 1917-1918 гг.» (ГАРО, ф. 864), «Канцелярия Большого войскового круга ВВД. (ГАРО, ф. 3986 (данный фонд позднее был присоединен к фонду 861).

Политические позиции казачества в завершающий период начального этапа гражданской войны (декабрь 1917 – март 1918 гг.), их особенности и трансформация под влиянием разных факторов внутреннего и внешнего плана, непосредственное участие казаков в военных действиях в составе антисоветских и советских формирований, специфика хода борьбы на Дону, политические и военные мероприятия Войскового и Советского правительств, особенности процесса установления здесь Советской власти характеризуются в многочисленных и разноплановых документах (сводки и доклады советского военного командования и местных просоветских структур в Совнарком о политическом и военном положении на территории Донской области, политических настроениях казачества, формах его участия в вооруженной борьбе, постановления и распоряжения высших органов казачьего управления, военные документы оперативного характера обеих враждующих сторон, резолюции казачьих полковых и станичных собраний), находящихся в фондах «Донской областной военно-революционный комитет» (ГАРО, ф. 3440), «Войсковой Круг области Войска Донского» (ГАРО, ф. 861), «Временное объединенное Войсковое правительство Области Войска Донского. 1917–1918 гг.» (ГАРО, ф. 864).

Довольно значительный корпус документов данных фондов введен в научный оборот в ряде сборников документов, новейший из которых «Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. В 2-х т. Т. 1» [14] был издан в прошлом году, а также в целом ряде монографических исследований и диссертационных работ. Остановимся на некоторых документах из фондов Государственного архива Ростовской области, представляющих наибольший ин-

терес в плане рассмотрения недостаточно исследованных аспектов обозначенной проблемы.

16 апреля 1917 г. по взаимному согласованию Временного правительства и ответственных должностных лиц донской казачьей администрации в Новочеркасске открылся войсковой казачий съезд, официальной целью которого являлось «рассмотрение внутренних вопросов войска». Его решения хорошо освещены в литературе. Делегаты съезда, обсудив вопрос об органах власти и управления, признали необходимым избрание войскового круга, как высшего органа казачьего самоуправления. Члены круга должны были избрать исполнительную власть в лице войскового атамана и правительства.

Съезд высказался за отбывание казаками воинской повинности на основаниях, общих для всего населения страны. Участники съезда заявили о необходимости продолжения войны до победы. А резолюция по аграрному вопросу гласила, что юртовые и войсковые земли являются собственностью казачьей земельной общины и распределяются между станицами и хуторами по числу душ на основании решений войскового круга. Недра, леса, воды составляют исключительную собственность войска. Съезд избрал временным войсковым атаманом Е.А. Волошинова.

Известно, что Донской войсковой казачий съезд сыграл существенную роль в подготовке и проведении Первого Большого войскового круга войска Донского. В основу законопроектов, утвержденных этим кругом, легли решения съезда. Однако, в период работы войскового съезда принимается еще одно важное решение, которое не получило необходимого освещения в литературе. Делегаты съезда проголосовали за повсеместное учреждение исполнительных комитетов: хуторских, сельских, станичных, волостных, окружных и областного. Эти исполкомы признавались временными общественными организациями, функционирующими вплоть до издания закона о местном самоуправлении [6, л. 1–2; 5, л. 47–48]. Кроме того, делегаты внесли предложение съездовскому исполнительному комитету в полном составе войти в Донской областной исполком и в его президиум. Как видим, участники войскового казачьего съезда стремились к сотрудничеству с различными политическими партиями и общественными организациями, представленными в ДИКе. В этом же они видели один из путей, ведущих к снижению напряженности между казачьим и неказачьим населением области, к разрешению всех спорных вопросов без ненужной конфронтации за столом переговоров. Правда, в силу различных причин все эти намерения оказались не более чем благими пожеланиями. (Состо-

явшееся уже 24 мая, за два дня до начала работы I Большого войскового круга, объединенное заседание исполкома войскового казачьего съезда, Совета крестьянских депутатов и президиума Дноблисполкома не оказало практически никакого влияния на решения круга и на улучшение ситуации в области [6, л. 47]. Более того, позже, уже в период заседаний I Большого круга, между его делегатами и членами Дноблисполкома выявилось такое значительное расхождение по многим важным вопросам организации жизни в Донской области, что круг отозвал представителей казачества из Дноблисполкома и отправил жалобу в Совет Министров и военному министру по поводу вмешательства последнего в чисто казачьи дела. Всем хозяйственно-административным учреждениям войска запрещалось вступать в сношения с Донисполкомом без ведома и согласия круга [1, л. 5–6; 2, л. 28]. В специальной исторической литературе вплоть до настоящего времени не отражено и то обстоятельство, что на роспуске Дноблисполкома в категорической форме настаивали и членов так называемой «Партии независимых казаков области войска Донского», живущих в Петрограде. Они мотивируя это необходимостью избежать двоевластия на Дону [8, л. 98–98 об]. Данный факт отражен в документах ряда дел фонда №861 ГАРО.

В последний день работы войскового съезда, 27 апреля, состоялось заседание его исполкома, на котором было создано временное Бюро исполнительного комитета под председательством М.П. Богаевского. Его товарищами (заместителями) избрали Каклюгина, Любимого и Макарова [6, л. 9]. Бюро непосредственно занималось подготовкой войскового круга и разработкой инструкций по выборам его делегатов. Оно также организует особые представительные органы-комиссии – по всем основным сферам внутренней жизни области. Их деятельность была довольно активной и масштабной. О серьезности подхода к данному вопросу может свидетельствовать одно только перечисление созданных комиссий: по управлению, по подготовке круга, военная, судебная, финансовая земская, по пропаганде, земельная, землеустроительная, рыболовная, горная, лесная, по путям сообщений, по медицине, народного образования и шлязовая [6, л. 9].

В ходе известного корниловского выступления возникло так называемое «дело Каледина», о некоем непосредственном участии последнего в корниловском движении. В начале сентября продолжалось рассмотрение данного «дела», С этой целью 5 сентября созывается даже II-й Большой войсковой круг войска Донского. В начале его работы сам донской атаман, официально передавший все свои

властные полномочия М.П. Богаевскому еще 1 сентября, избирается делегатами почетным председателем круга [4, л. 1]. Но Каледин, заявив о подчинении решению правительства об отрешении его от должности, от почетного председательства на круте отказался. На заседаниях круга атаман дал честное слово в том, что никакой телеграммы с ультиматумом правительству не посылал [5, л. 7]. (Как известно все так называемое «дело Каледина» возникло после публикации в ряде петроградских газет сообщений о том, что атаман Каледин направил Временному правительству телеграмму с ультиматумом в поддержку Корнилова. Это известие тут же было перепечатано практически всей центральной и местной прессой и стало известно всей стране и на фронте. Утром 29 августа в редакцию официального органа Войскового правительства газеты «Вольный Дон» пришла циркуляционная телеграмма Петроградского телеграфного агентства, являвшегося правительственным, о том, что атаман Каледин якобы присоединился к Корнилову. Она вызвала растерянность и замешательство, поскольку в редакции об этом ничего не знали. Но, несмотря на все сомнения, 31 августа в газете «Вольный Дон» она была опубликована. Более того, на следующий день в ней помещается более подробная информация с изложением «ультиматума Каледина правительству», в котором он, заявляя о полной солидарности с Корниловым, указывал правительству на необходимость согласиться с его требованиями, а, в случае отказа, грозился отрезать Москву и Петроград от юга страны. Необходимо отметить, что факт отправки Калединым телеграммы правительству в рассматриваемый период ни тогда, ни позже в историографии документально подтвержден не был. В начале 1020-х гг. в одном из белоэмигрантских изданий промелькнула фраза о том, что о телеграмме Каледина Временному правительству газетам было сообщено через бюро печати при Временном правительстве (разрядка моя. – В.Т.) [15, с. 124–125]. Ни сама эта телеграмма, ни другие документальные свидетельства ее существования, иные документы, проливающие свет на данное обстоятельство, нигде не обнаружены.). Он категорически отверг все обвинения в участии в корниловском выступлении. Но при этом он прямо заявил, что его личные взгляды совпадают с взглядами Корнилова, и не считает это преступным [5, л. 9]. После продолжительного и обстоятельного рассмотрения всех аспектов данного дела, 10 сентября круг принял постановление, полностью оправдывающее Каледина. Его первый пункт предписывал атаману немедленно вступить в исполнение своих обязанностей. В довольно категорич-

ной форме круг потребовал от правительства официально немедленно отменить распоряжение об отстранении Каледина от должности и опровергнуть сообщения о мятеже на Дону. Последний, пятый, пункт постановления не допускал выезд атамана за пределы области. 12 сентября круг еще раз запретил Каледину поездку в Могилев по приказу Временного правительства для дачи показаний специальной следственной комиссии, не без оснований опасаясь самосудных действий в его отношении.

19 февраля* 1918 г. в Новочеркасске открылся IV-й Малый войсковой круг войск Донского. Его председателем был избран Е.А. Волошинов. Делегаты проголосовали за избрание войсковым атаманом генерала А.М. Назарова. Несмотря на кризисную ситуацию на Дону, наступление на Новочеркасск советских войск и отрядов казачьего ВРК, участники круга проголосовали за политическую резолюцию, заявлявшую о непризнании Советской власти. Одновременно было принято постановление об объявлении всеобщей мобилизации казаков и введении смертной казни на территории области за неисполнение приказов и постановлений круга, а также за противодействие мерам обороны. С целью расширения своей социально-политической базы делегаты 20 февраля проголосовали за приглашение на заседания круга участников проходившего тогда же в Новочеркасске съезда неказачьего населения Донской области, большинство которых также было настроено антисоветски. В ходе состоявшегося совместного заседания делегаты круга и съезда особое внимание обратили на организацию борьбы «с большевиками и немцами» [1, л. 21; 9, л. 7 об.; 10, л. 26]. Однако в силу известных обстоятельств об их объединении или официальном заключении политического союза ничего не заявлялось. Более того, в принятом чуть позже постановлении круга о высших органах власти на Дону однозначно говорилось, что только круг является носителем государственной власти в области [3, л. 16; 10, л. 58, 61]. В аналогичном направлении осуществлялась и деятельность исполнительных органов. Атаман Назаров распустил объединенное, так называемое, паритетное правительство, признав при этом ошибочный саму идею паритета.

Рассматривая вопрос о продолжении вооруженного сопротивления, делегаты круга с досадой и горечью констатировали, что сил в их распоряжении крайне мало. Причина этого всем хорошо была известна. По словам выступившего на круге М.П. Богаевского, «ка-

* С 14 февраля 1918 г. все даты указываются по григорианскому календарю.

заки защитить свою область отказались, отказались безнадежно». Поэтому круг принял постановление о начале формирования «боевых дружин всеобщего ополчения». Также были приняты решения об аресте и придании суду по законам военного времени лиц, ведущих агитацию против защиты Дона и об учреждении военных судов. Однако все эти решения остались только на бумаге. По свидетельству современника, «круг отдал ряд решительных приказов, но никто их исполнять не желал» [13, с. 44]. Полностью провалилась объявленная кругом всеобщая мобилизация казаков. Они, несмотря даже на угрозу применения суровых репрессивных мер, отказывались выполнять приказ о мобилизации. Так, например, общее собрание станицы Генерал-Ефремовской прямо постановило считать его недействительным [11, л. 2]. Такие же решения принимались и во многих других станицах. Большинство же станичных обществ попросту проигнорировало данный приказ и никак на него не отреагировало.

Ударной силой объединенного ВРК стал т.н. «Североказачий революционный отряд» под командованием войскового старшины Н.М. Голубова, наступавший на донскую столицу. Положение высших органов казачьего управления стало критическим. 23 февраля круг «во избежание кровопролития и сохранения государственной независимости Дона» принял решение направить свою делегацию к советскому командованию для переговоров. До получения известий об их результатах руководство круга решило отложить его запланированный переезд в ст. Константиновскую и остаться в Новочеркасске до вечера 25 февраля [1, л. 21; 9, л. 16; 10, л. 58–60 об., 61, 62].

В это же время наблюдалось постоянное увеличение числа донских станиц, жители которых, по донесениям советского командования, «...доброжелательно встречали представителей областного Военно-революционного комитета», а в ряде случаев даже принимали решения о присоединении к нему. В некоторых станицах казачье население добровольно выносило постановления об организации Советов [11, л. 8, 37]. Процесс установления Советской власти на территории Донской области, хотя и имел целый ряд особенностей и зачастую носил чисто формальный характер, привел к хотя и поверхностной, но советизации Донской области в марте 1918 г.

Таким образом, обстоятельный анализ документов ряда фондов ГАРО позволяет не только всесторонне проанализировать политические позиции донского казачества в период революций 1917 года,

охарактеризовать их специфические особенности, но и исследовать недостаточно изученные аспекты данного вопроса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 861. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 3.
3. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 20.
7. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 23.
8. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 29.
9. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 44.
10. ГАРО. Ф. 861. Оп. 1. Д. 45.
11. ГАРО. Ф. 3440. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАРО. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 49.
13. Добрынин В.В. Борьба с большевиками на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества. Февраль 1917 – март 1920 г. Прага: Славянское изд-во, 1921.
14. Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920. Сборник документов. В двух томах. Т.1. Март 1917 – май 1918. Ростов н/Д., 2017.
15. Каклюгин В.П. Войсковой Атаман А.М. Каледин и его время // Донская летопись. 1923. № 2.

О.В. Ратушняк (Краснодар)

МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОХРАНИЛИЩАХ И БИБЛИОТЕКАХ

Находясь за пределами Родины, казаки сформировали обширную источниковую базу, отразившую историю их рассеяния. Значительная часть источников по истории казачьего зарубежья хранится в различных музеях и архивах, созданных самими эмигрантами. Например, Музей Русской культуры в г. Сан-Франциско (шт. Калифорния, США), Музей Кубанского ка-

зачьего войска в г. Хауэлл (шт. Нью-Джерси, США), Музей истории лейб-гвардии Казачьего полка в Париже (Франция) и др.

7 марта 1948 г. в Сан-Франциско был основан Музей русской культуры [1, с. 100]. В нем есть целые фонды казаков-эмигрантов – Н.Ф. Кострюкова, И.К. Окулича и В.В. Пономаренко. Все они в той или иной мере были активными участниками общественно-политической и культурной жизни казачьего зарубежья. Так, В.В. Пономаренко являлся председателем, созданного в Сан-Франциско Общеказачьего союза. Особый интерес в его фонде представляют материалы о деятельности Общеказачьей станицы в Сан-Франциско в 1940-е – 1960-е гг. Во-первых, именно этот период наиболее слабо отражен в современных исследованиях, а, во-вторых, Общеказачья станица в Сан-Франциско одна из немногих казачьих объединений, в которое вошли представители практически всех казачьих войск. К тому же, В.В. Пономаренко вел довольно активную общественно-политическую деятельность, связанную в первую очередь с казачьим зарубежьем.

Не менее интересна жизнь и деятельность енисейского казака И.К. Окулича. В результате поражения Белого движения в Гражданской войне в России он оказался в Югославии, где организовал Азиатскую казачью станицу. Она была одной из немногих (если не единственной) станиц казаков восточносибирских казачьих войск, созданных в Европе. И уже в этом она является уникальным явлением в жизни казаков-эмигрантов в Европе. Благодаря содействию И.К. Окулича, Омский и Хабаровский кадетские корпуса были перевезены из Шанхая (Китай) в Сербию. Впоследствии, переехав в Канаду, И.К. Окулич вел активную переписку с казаками и многим из них помог переселиться из Китая в Канаду. И в этом плане его фонд представляет, конечно, огромный интерес не только для исследователей казачьего зарубежья, но и для тех, кто в целом интересуется жизнью российских эмигрантов.

Н.Ф. Кострюков был основателем и дирижером одного из самых известных в эмиграции казачьих хоров – Донского казачьего хора им. атамана М.И. Платова. Материалы его фонда содержат различные документы, связанные не только с деятельностью хора, но и познавательные в плане изучения истории казачьего зарубежья. В частности, из документов фонда можно почерпнуть тот факт, что Н.Ф. Кострюков был доверенным лицом бывшего донского атамана и писателя генерала П.Н. Краснова в плане ведения переговоров и заключения договоров о переводе и издании его романов в государствах Латинской Америки. Особый интерес представляет доку-

мент, содержащий маршрут Донского казачьего хора с указанием посещаемых государств и количества концертов с 1927 г. по 1972 г.

Интересные сведения можно почерпнуть также в фонде Г.К. Гинса, русского ученого и известного общественно-политического деятеля (член правительства А.В. Колчака). В частности, биография Г.К. Гинса, хранящаяся в Музее Русской культуры в Сан-Франциско, представляет интерес в плане характеристики социально-политической обстановки в Маньчжурии и, в частности в Харбине, в 1930-е – 1941 г.

В Музее русской культуры имеется также богатая коллекция документов, связанных с пребыванием российских эмигрантов в Китае. В рамках изучения казачьего зарубежья в этом плане особый интерес представляют «приказы Главного уполномоченного по делам беженцев генерал-майора Д.А. Лебедева (ноябрь 1922 г. – июль 1923 г.), приказы командующего Дальневосточной казачьей группы Ф.А. Глебова (ноябрь 1922 г. – февраль 1923 г.), приказы управляющего беженцами Дальневосточной казачьей группы полковника Мыльников (январь, февраль 1923 г.), которые характеризуют действия военного командования по управлению русскими частями и их адаптацией» [4, с. 142–143].

Коллекция Музея Кубанского казачьего войска в г. Хауэлл (США) была одной из самых значимых по истории казачьего зарубежья после Второй мировой войны (в тоже время в ней имелись и уникальные материалы по межвоенному периоду пребывания казаков в эмиграции). Однако, в 2010 г. практически подавляющее большинство материалов, составляющих эту коллекцию, были переданы в Государственный архив Краснодарского края [6, с. 147–151]. В тоже время в музее сохранились некоторые документы, связанные с участием казачества в Гражданской войне и его последующим пребыванием за рубежом. В большинстве своем данные материалы хранятся в зале регалий или в библиотеке, располагающейся в полуподвальном помещении музея. Среди уникальных документов отметим в частности оригинал письма атамана Всевеликого войска Донского генерала П.Н. Краснова, адресованное Кубанской Раде 26 октября 1918 г. Его анализ в купе с анализом документов 1920–1940-х гг. позволяет увидеть эволюцию общественно-политических взглядов одного из активных деятелей казачьего зарубежья. Здесь же хранится знаменитая картина донского казака С.Г. Королькова «Выдача казаков в Лиенце».

В Музее ККВ в г. Хауэлле сохранилась хорошая подборка журналов и газет, издававшихся казаками за рубежом. Здесь есть пе-

риодические издания не только кубанцев, но и казаков других казачьих войск. Особо отметим наличие изданий, выходивших за рубежом после Второй мировой войны, так как ими располагают далеко не все библиотеки, имеющие фонды по российскому/казачьему зарубежью.

О положении и деятельности казаков в Бельгии дают представления документы «Объединенной казачьей станицы в Бельгии» хранящиеся в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе [2, с. 75–82]. Так, из материалов данного музея можно увидеть, кто был учредителем Объединенной казачьей станицы в Бельгии, созданной в январе 1926 г., а также список казаков (77 чел.), входящих в нее в 1926 г. Видно также, что первый атаман станицы генерал А.Ф. Рафаилович поддерживал тесные контакты с генералом П.Н. Врангелем и великим князем Николаем Николаевичем. Документы показывают и то, что в 1930-е гг. станицу возглавляли генерал В.И. Иловайский, а позже есаул А.Н. Ливенцов и М.Н. Бородин. Из фондов Королевского музея армии и военной истории мы узнаем и о существовании в Бельгии казачьего хутора в Шарлеруа и о входящих в него казаках. При Объединенной казачьей станице в Бельгии существовала библиотека, включавшая как художественные, так и исторические книги. 20 ноября 1939 г. правлением станицы было решено ввести взимание платы за пользование книгами (25 сантимов с членов станицы и 50 сантимов с лиц, не входящих в станицу). При этом неимущим и безработным было разрешено пользоваться библиотекой бесплатно. Интерес представляют и сведения о том, что накануне вторжения германских войск в Бельгию (10 мая 1940 г.) Объединенная казачья станица в Бельгии устраивает 4 мая 1940 г. танцевальный вечер с участием казачьего хора.

Большую роль, как в общероссийской эмиграции, так и в жизни казачьего зарубежья играли различные воинские части, многие из которых со временем стали своеобразными общественными организациями, клубами по интересам. На протяжении довольно длительного времени они поддерживали определенные традиции воинского братства, сложившиеся в той или иной части. И в этом плане среди материалов Королевского музея армии и военной истории в г. Брюсселе особый интерес для исследователей казачьего зарубежья представляет архив лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. Отметим, что командир полка генерал И.Н. Оприц вел довольно активную деятельность. Так, он переписывался с такими известными деятелями российского зарубежья как генералы П.Н. Врангель, Ф.Ф. Абрамов, П.Н. Краснов, сохранились и его телеграммы велико-

му князю Николаю Николаевичу и великому князю Андрею Владимировичу. Из документов архива лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка можно также почерпнуть сведения о том, как казаки несли пограничную службу на территории Королевства сербов, хорватов, словенцев, а также об условиях их быта и работы на отделениях железнодорожной компании Est.

Мощные архивохранилища, представляющие интерес для специалистов по российской эмиграции, находятся при различных университетах США. Например, Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете и Русский (Бахметьевский) архив при Колумбийском университете. По мнению главы славяно-балтийского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки Э. Казинца, коллекции Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Русского (Бахметьевского) архива при Колумбийском университете и Музея Русской культуры в Сан-Франциско являются самыми богатейшими по истории российской эмиграции [9, р. 332–333].

Так, например, среди коллекций Гуверовского института войны, революции и мира имеются фонды донских генералов И.Ф. Быкадорова и И.А. Полякова, забайкальского атамана Г.М. Семенова, кубанского казака Ф.И. Елисеева и донского казака В.Г. Улитина. Наибольший интерес для изучения казачьей эмиграции, включая период после Второй мировой войны, представляют фонды активных общественных деятелей казачьего зарубежья И.А. Полякова (после войны был атаманом Донского казачьего войска за рубежом) и В.Г. Улитина. В фонде Ф.И. Елисеева можно почерпнуть интересные сведения о его участии в действиях Французского легиона в Индонезии в 1943–1945 гг. Значимыми являются материалы фонда известного историка А. Даллина, в котором содержатся, немецкие военные документы, собранные им в процессе работы над своей книгой [8]. Они помогают, в частности, понять причины казачьего коллаборационизма в ходе Второй мировой войны.

Не менее значимыми являются и фонды, основанные на коллекциях документов известных деятелей российского зарубежья. Отметим, в частности, фонд баронессы М.Д. Врангель и фонд В.А. Маклакова. М.Д. Врангель – мать знаменитого участника Гражданской войны, командующего Русской Армией и руководителя РОВСа генерала П.Н. Врангеля. Особо ценными являются ее воспоминания, в которых она дает довольно реалистичные картины эми-

грантской жизни, а также условий пребывания российских эмигрантов в различных государствах. Кроме того, в конце 1920-х гг. М.Д. Врангель приступила к сбору материалов о жизни русских эмигрантов. При этом целый блок в будущем труде планировалось посвятить казачеству. Многие известные общественно-политические деятели и лидеры казачьего зарубежья прислали ей свои сведения, в том числе генералы П.Н. Краснов, Ф.Ф. Абрамов, А.П. Филимонов. Все эти материалы также вошли в состав фонда баронессы М.Д. Врангель. В.А. Маклаков являлся одним из наиболее ярких российских общественно-политических деятелей в эмиграции. Он входил в Русское политическое совещание и в Совет послов. Особо значимую роль В.А. Маклаков играл во Франции вплоть до Второй мировой войны. В его фонде содержатся самые разнообразные документы, из которых наибольший интерес представляет переписка, которую он активно вел на протяжении 1920-1940-х гг. Значительная часть переписки была в той или иной степени посвящена различным проблемам российского зарубежья.

Замечательная коллекция материалов отложилась также в архиве Свято-Троицкой духовной семинарии в г. Джорданвилле (шт. Нью-Йорк, США). В фонде видного общественного деятеля российского зарубежья В.К. Абданк-Коссовского содержится информация о реабилитации атамана Кубанского казачьего войска за рубежом генерала В.Г. Науменко в ходе процесса, который проходил в 1950–1951 гг. в США. Переводчиком на этом процессе выступал известный общественный деятель русский эмигрант Б.В. Сергиевский. Документы фонда В.К. Абданк-Коссовского содержат и информацию о том, что 25 декабря 1952 г. атаманом Терского казачьего войска за рубежом был избран генерал К.К. Агоев, за которого было подано 70% голосов, а также о смерти 29 апреля 1956 г. в Австралии атамана Уральского казачьего войска за рубежом генерала В.С. Толстова. Значимыми в плане исторического анализа жизни казачьего зарубежья представляются и материалы, посвященные выборам атамана Донского казачьего войска за рубежом в 1938 г. и информация о возобновлении деятельности Казачьего союза в декабре 1947 г.

Из переписки генерала В.И. Иловайского, атамана Объединенной казачьей станицы в Бельгии, и донского генерала С.В. Денисова становится известным о жизни казаков, проживавших в Бельгии после Второй мировой войны. Другие материалы отражают отдельные эпизоды, включая политическую борьбу, из жизни казаков в лагере Шляйсгайм в 1948–1949 гг. Генерал С.В. Денисов был в

1920-х гг. атаманом Донской казачьей станицы в Нью-Йорке, играл важную роль в созданном в США Казачьем союзе. Отдельные аспекты деятельности этих организаций также нашли отражение в его фонде.

Интересная подборка документов содержится в фонде русского писателя-эмигранта В.А. Маевского. Он, будучи сам эмигрантом, довольно активно интересовался жизнью русского зарубежья. Его внимание привлекали и казаки-эмигранты, в первую очередь общественно-политическая жизнь казачьей диаспоры.

Многие материалы и документы по истории российского (в том числе и казачьего) зарубежья находятся в национальных архивах государств, на территории которых располагались российские эмигранты, в том числе и представители казачества.

Автору удалось, в частности, ознакомиться с материалами фондов Национального архива Великобритании, Архива Югославии, Народного (Национального) архива Чехии и Архива г. Праги.

В фонде Военного министерства Национального архива Великобритании содержатся сведения об участии некоторых британских военных частей в пленении казаков на территории Австрии и последующей их выдаче советским войскам. Особый интерес представляет документы 8 Аргильского и Сутерландского шотландского батальона, который участвовал в пленении казаков в районе Толмечцо и последующего их конвоирования в район Лиенца. Так, из дневника подполковника А.Д. Малкольма, командовавшего батальоном, известны по дням события пленения казаков. Оперативные сводки по батальону дают представление о численности казаков, количестве лошадей, повозок и техники, об организации их питания.

Учитывая, что практически вся кубанская казачья дивизия была размещена в Югославии и то, что здесь фактически находился штаб и канцелярия атамана ККВ генерала В.Г. Науменко, а также проживали многие другие казаки, естественный интерес вызывают материалы фондов Архива Югославии. К сожалению, практически все фонды довоенного периода (до ВМВ) Архива Югославии, за исключением фонда Королевского Двора, сохранились не полностью, пострадав в результате бомбардировок Белграда в апреле 1941 г. и послевоенных перемещений. Большую часть документов Архива Югославии составляют документы внутри югославского происхождения, меньшую часть – материалы, созданные российскими эмигрантами [1, с. 20]. Помимо Королевского Двора интерес представляют фонд Министерского Совета и Президиума Министерского Совета Коро-

левства Югославии, фонд Министерства иностранных дел Королевства Югославии, фонд Министерства внутренних дел Королевства Югославии.

Из материалов Национального архива Чехии упомянем фонд Министерства иностранных дел (в части дел, касающихся Русской акции помощи) и фонд Президиума областного управления в Праге. В делах данных фондов содержатся материалы, которые позволяют увидеть жизнь казаков-эмигрантов в Чехословацкой Республике.

Отметим, что документы по истории казачьего зарубежья порой встречаются и в фондах национальных архивов тех государств, которые обычно не рассматриваются как место пребывания казаков-эмигрантов. В качестве примера приведем Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. В нем, в частности, судя по публикации Ю.С. Готковой, содержатся документы по истории пребывания и деятельности кубанских казаков в Чехословакии [3, с. 135–141].

Некоторые документы содержатся в фондах различных библиотек. Например, Славянская библиотека в г. Прага (Чешская Республика) хранит уникальные документы о Донском казачьем отделе Русского заграничного исторического архива и Кубанском заграничном архиве [7].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (по документам Архива Югославии) // Отечественные архивы. 1995. № 6.

2. Белова Е.И., Седова Е.Е. Документы «Объединенной казачьей станицы в Бельгии» в Королевском музее армии и военной истории в Брюсселе // Отечественные архивы. 2009. № 6.

3. Готкова Ю.С. Діяльність кубанських організацій в Чехословаччині у 1920–1930-ті рр. // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2014. Вип. 40.

4. Капран И.К. «В силу обещаний заботиться о судьбе отряда...» // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции. Владивосток: ДФУ, 2016.

5. Меняйленко М.К. Русская эмиграция в Сан-Франциско: общественные организации и создание независимого архива // Отечественная история. 2008. № 3.

6. Ратушняк О.В. Источники по истории и культуре казачьего зарубежья в Государственном архиве Краснодарского края // Источнико-

ведческие проблемы в исследованиях по истории казачества XX века. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013.

7. Русский заграничный исторический архив в Праге – документация: Каталог собраний документов, хранящихся в Пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / Сост.: Л. Бабка, А. Копршилова, Л. Петрушева. Прага, 2011.

8. Dallin A. German Rule in Russia (1941–1945). London, 1957.

9. Kasinec E. Russia in the twentieth century: the catalog of Russian and East European history and culture: the rare book and manuscript library, Columbia university // Slavic Review. 1988. Vol. 47. № 2.

С.Н. Лукаш (Армавир)

КАЗАЧЕСТВО КАК НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Тенденции современного мирового развития весьма противоречивы. Дело в том, что процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации, определяемый вектором глобализации, подвержен ныне серьезному изменению. По сути, это поворот к новой альтернативе мирового развития, к глокализации – опоре на локальные, национальные культуры и традиции, к вектору социального развития, обусловленному диалектическим взаимодействием локального и глобального, смещением локальных процессов на уровень глобальных и превращение их в процессы, сохраняющие и усиливающие региональные отличия и разнообразия.

Для российского общества, втиснутого реформаторами начала 1990-х гг. в кильватер Западной цивилизации и быстро осознавшего пагубность курса на отказ от национальных интересов, глокализация позволяет обратиться к смыслам и ценностям российской цивилизации, подводя философскую, гносеологическую базу под идею мировой многополярности, где Россия выступает одним из центров мирового развития. Одной из проблем, актуализировавшихся в последние годы в российском научном дискурсе в контексте процессов глокализации, является задача, связанная с формированием российской нации, российской национальной идентичности, способной преодолеть этнические и конфессиональные противоречия [9].

В социально-гуманистической интерпретации этой проблемы ориентиры задаются, в частности, федеральными государственными образовательными стандартами, которые определяют современный национальный воспитательный идеал как личность, укорененную «в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации». Образовательные стандарты создают, таким образом, целевую основу для конструирования национально-цивилизационной идентичности, определяя целью воспитания в современном российском обществе человека российской культуры, основным содержанием духовно-нравственного развития, воспитания и социализации которого, «являются базовые национальные ценности, хранимые в социально-исторических, культурных, семейных традициях многонационального народа России» [4]. Таким образом, проблема формирования российской национальной идентичности в своем социально-гуманистическом ракурсе конкретизируется в задачу воспитания человека российской национальной культуры; в поиск соответствующих социокультурных феноменов тысячелетней российской цивилизации, в изучение аксиологических основ и воспитательных потенциалов этих феноменов. Одним из таких феноменов является российское казачество [11].

В российских гуманитарных исследованиях в вопросах изучения казачества и его культуры утвердился довольно консервативный методологический подход, основанный на использовании понятийного аппарата отдельных наук (истории, социологии, культурологии, этнологии и т.д.) и представляющих казачество с одной, пусть и самой значимой, стороны (этнос, субэтнос, историко-культурная группа, сословие и пр.) [12, с. 10]. Данный алгоритм исследований вступает в явное противоречие с многогранной основой феномена казачества, заметно сужает и выхолащивают его сущность, тем самым упрощает его значение в историко – культурном развитии российского социума и, в целом, российской цивилизации.

В контексте новых вызовов, стоящих перед Россией, нам представляется целесообразным в осуществлении анализа феномена казачества, исходить из методологии цивилизационного подхода, ориентирующего исследователя на смысловое, мотивационное, духовно-идейное понимание сущности казачества, задействующего глубинные основы этого явления. В рамках цивилизационного подхода мы акцентируем внимание на феноменологическом, историко-софском осмыслении казачества, предопределяющих проникновение в исследовательском поиске в его глубинные сути, интерпретацию пути его изучения, «очищение» данного феномена от накопли-

вавшихся столетиями социальных штампов и стереотипов. Мы полагаем, что возвращение к изначальной сущности этого феномена, уяснение его значимости в становлении и укреплении российской цивилизации в прошлом, создают реальные предпосылки для понимания конструктивной роли казачества в проблемах формирования российской национальной идентичности в настоящем и будущем. Ниже остановимся на теоретическом развитии и подтверждении выдвинутых нами положений.

Следует констатировать, что при всей своей изученности, казачество до сих пор «не понятый», с точки зрения его народно-идейной основы, в российском научном и социальном дискурсе, феномен. Чтобы понять казачество, увидеть ценность для российского общества его идеалов и духовных основ, необходимо обратиться к его внутреннему миру, на что указывали, в частности, известные эмигрантские исследователи казачества. Например, профессор Н.С. Мельников-Разведенков писал: «Обычно, касаясь казачества, всегда говорят то об его истории, то о быте, о казачьем военном искусстве, о гражданских формах, устройстве казачьего общества, о взаимоотношениях его с Россией и соседями, о прочем и прочем. Но кто и когда говорил о самом главном: о духовной сущности казачества? Кто анализировал ту идею, которая послужила первопричиной появления казачества и которая вдохновляла его в продолжение всей его славной истории на жизнь, на борьбу, на подвиги, на труд. Надо ли доказывать, что только такой подход был бы правильным, так как все должны согласиться с тем неоспоримым положением, что идея всегда предшествует зарождению всякого объединения и она же создает его» [13, с. 92]. Соглашаясь с автором в данной оценке, гораздо важнее понять причины такого узкого и одностороннего подхода в исследовании казачества.

Проведенные нами феноменологические исследования в этом направлении показывают, что укоренившаяся в научном дискурсе характеристика казачества как этносословного явления «загораживает» другую, истинно народную, духовно-идейную его основу [10]. Объясняется это в первую очередь тем, что феномен казачества, в силу своего мощного воздействия на социально-политическую жизнь России, всегда подвергался существенному идеологическому давлению, обрастая штампами и стереотипами классической феноменологической «засоренности» и «зашлакованности». Действительно, для царизма казачество, с одной стороны, опора державной власти, с другой – сохранявшийся и притягательный для всего народа образчик народовластия, относительной свободы –

воли, прогрессивных земельных отношений. Отсюда настоящее стремление самодержавия оберегать и всемерно поддерживать военно-сословный статус-кво казачества и пресекать любые попытки его изменения снизу. Еще большие идеологические шоры по отношению к казачеству внедряли в сознание масс большевики. В период борьбы за власть в конце XIX – начале XX вв., казаки – «душителю свободы», «нагаечники»; в эпоху индустриализации и коллективизации – расказачивание, борьба с казачьей ментальностью, Голодомор; в послевоенный период – стереотип «советского казачества» (кинофильм «Кубанские казаки»). Примечательно, что оказываясь столетиями под таким мощным идеологическим давлением казачество, тем не менее, не изменяло своей изначальной народовластной сущности.

Активное обращение к осмыслению духовно-идейных истоков казачества начинается в годы эмиграции первой волны на Западе, когда снимается идеологический прессинг, когда происходит оценка и анализ пройденного пути, причин поражений Белого движения в Гражданской войне. В этом плане характерна, в целом, высокая оценка духовно-идейных основ казачества, присутствующая в высказываниях знаковых фигур белой эмиграции: общественных и политических деятелей, военачальников и духовных лиц, ученых и писателей, когда Правление Казачьего союза (Париж) в конце 1920-х гг., провело анкету о прошлом, настоящем и будущем казачества [6]. Анализ высказываний авторов анкет показывает, что, в своем подавляющем большинстве, казачество понимается ими как выразитель лучших качеств и социальных устремлений русского народа и, шире, российской нации. Примечательно, что в контексте вопросов анкеты о прошлом, настоящем и будущем казачества происходит, по сути, продолжение поиска лучшей доли, приемлемой формы жизнеустройства русского народа, поиск идеального образа человека российской культуры.

Этот процесс начался гораздо раньше, когда великие русские писатели (А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.Ю. Лермонтов, Л.Н. Толстой) в поисках примеров лучшей народной доли обращаются к казачеству, к его социальному устройству, к его ценностям, видя в них приемлемые формы и смыслы жизни для значительной части русского общества, формируя тем самым совершенный образ-идеал человека российской национальной культуры [10].

Н.В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» апеллирует к народному духу, духовно-идейной основе, характеризуя казачество как «широкую, разгульную замашку русской природы», как «необыкновен-

ное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед», как «русский характер, получивший здесь могучий, широкий размах, крепкую наружность». Николай Васильевич призывает к единению всех исконных русских земель, а людей, их населяющих, принять казачью мораль, ценности казачьего образа жизни, «породниться родством по душе, а не по крови».

А. Н. Толстой в своих дневниках пишет: «Вся история России сделана казаками... Народ казаками желает быть» [14, с. 123]. Размышляя далее об идеале социального устройства русской действительности, великий писатель отмечает: «Будущность России – казачество: свобода, равенство и обязательная военная служба каждого... Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности.... Эту истину понимает одинаково ученый русский и мужик, который говорит: пусть запишут нас в казаки и земля будет вольная» [5].

Следует констатировать, что идеалы казачьего образа жизни в XIX столетии находят своих сторонников среди представителей разных сословий: крестьян, мещан, дворянства и даже высшей аристократии [10]. Как справедливо писал русский историк Н.И. Костомаров: «Народ русский, выбиваясь из государственных рамок, искал в казачестве нового, иного общественного строя» [7, с. 525].

Итак, несомненным достижением казачьей культуры явилось то, что она, выступая выразителем народных чаяний и являя собой истинно народный характер, внесла весомую лепту в консолидацию общественного сознания вокруг формирования совершенного образа – человека российской национальной культуры. Основу самосознания этого образа составляли, в том числе, ценности, идеалы и смыслы казачьей культуры [10].

Рассмотрение казачества с позиций цивилизационного подхода приводит также к важным выводам относительно его участия в российском нациестроительстве. Дело в том, что казачество в процессе своего культурогенеза, эволюционируя от монотеистической общности к некоему общероссийскому явлению, включающему в себя представителей разных народов и религиозных конфессий (некоторые казачьи войска к середине XIX века являли собой многонациональные образования), выработало определенные социальные парадигмы, которые обрели метакультурный характер, выходящие в своих ценностных основаниях за пределы субэтнической и сословной сущности казачества. Ярким выражением одной из таких парадигм, формирующей оригинальную модель российской общенацио-

нальной идентичности, выступает концепция «российскости», предложенная кавказоведческой научно-педагогической школой академика В.Б. Виноградова [2].

Под идеей «российскости» понимается, прежде всего, обретение народами, входящими в состав российского государства, российского самосознания, их интеграция в общекультурное российское поле, признание России своим Отечеством, выработка общих культурно-воспитательных парадигм. Культура казачества, выступая передовым фронтом российского геополитического расширения, являла собой яркое проявление парадигмы «российскости». Казачество, как особое военно-служивое сословие и носитель государственной и, в определенной мере, мессианской идеи, несло еще в своем статусе и все признаки «российскости», выступая первым, проверенным в деле алгоритмом «совместничества» России и включаемых в ее орбиту народов.

Наиболее ярко этот процесс наблюдался в культуре терских и кубанских казаков, заимствовавших элементы быта, одежды, оружия у горцев. Однако и горцы переняли у казаков немало: способы ведения сельского хозяйства, сельскохозяйственную технику, усовершенствовали строительство домов и т.д. Взаимопроникновение происходило не только на уровне быта и ментальности. Известны примеры, когда, попадая в среду другого народа, казаки, беря в жены местных женщин, быстро обрастали автохтонными чертами, привнося в новую среду идеи православия, социального единства, служения Отечеству [8].

Примечательно, что некоторые казачьи войска – Терское, Оренбургское, Сибирское, Забайкальское, Якутский казачий полк – к началу XX в. являли собой многонациональные образования, что позволило отдельным исследователям говорить о собственно «русском казачестве» как этносоциальной части русского народа, так и о российском казачестве, в которое могли входить казаки разных национальностей и вероисповеданий [1].

Характерным примером в этом вопросе выступает этноконфессиональный состав Терского казачьего войска. Исследования, проведенные профессором А.А. Головаевым, проливают свет на формирование полиэтнического и поликонфессионального состава терского казачества, в состав которого, помимо, гребенских, донских и волжских казаков, а также крестьян-малороссов и отставных женатых солдат Кавказской армии, зачисленных в казачье сословие, вливаются этнические группы калмыков, осетин, кабардинцев, грузин и казанских татар. «Калмыки, подавляющая часть осетин-

казаков и кабардинцев-казаков приняли православную веру. Незначительная часть осетин-казаков и кабардинцев-казаков и все татары-казаки сохранили мусульманство. Постепенно формировался полиэтнический и поликонфессиональный субэтнос терских казаков, разрушенный и рассеянный в ходе гражданской войны и после окончательной победы советской власти на Тереке», – отмечает А.А. Головлев [3]. Аналогичные процессы происходили и в других войсках, имеющих многонациональный и поликонфессиональный состав.

Вполне закономерен вывод, вытекающий из анализа данных процессов: российское казачество, являющее собой общенародное движение, выступало, помимо прочего, еще и определенной общенациональной моделью нациестроительства, вводя народы России в культурно-историческое поле российской цивилизации, выполняя роль своеобразного «плавильного котла» в формировании российской национальной идентичности.

Естественный процесс общенационального российского строительства, выразителем которого выступала, в том числе, казачья культура, был прерван известными событиями отечественной истории в 1917 г. Однако, народная сущность феномена казачества с особой силой проявилась в период возрождения казачества в 1990-х гг. На короткое время штампы и стереотипы советского времени в отношении казачества были отброшены. Вслед за этим открылась изначальная, народовластная сущность казачества, когда оно, как и в былые времена, стало народным движением за новую, свободную от тоталитаризма жизнь, выразителем народных чаяний и надежд. Этот короткий период, ознаменованный замечательной поддержкой народами Юга России казачьих представителей в их вхождении в результате прямых выборов во все структуры законодательной власти России (от Госдумы до местных органов власти), не оценен еще по достоинству в российском социально-политическом и историческом дискурсе.

В процессе возрождения казачества ярко обозначилась и другая его сторона – педагогический, воспитательный потенциал культуры казачества, основанный, с одной стороны, на ценностях российского народовластия, а с другой – на традициях государственности и служения Отечеству. Прерванная цивилизационная миссия культуры российского казачества в формировании российской национальной идентичности продолжилась в современном феномене педагогики казачества [10]. Динамично развиваясь в образовательном пространстве краев и областей Юга России (классы казачьей

направленности, «казацъи» школы, кадетские корпуса, молодежные казацъи клубы и пр.), включая в себя десятки и сотни тысяч участников (в том числе и представителей разных народов), современная педагогика казачества возрождает в воспитательном пространстве широкого социума востребованные ныне ценности российской цивилизации: любовь к России и своей малой родине, служение Отечеству «не за страх, а за совесть», народовластие, гражданственность, веротерпимость, культурный плюрализм.

Обратимся к выводам. Казачество на протяжении своего историко-культурного развития реализовывало свою особую, отличную от самодержавно-государственной и советско-коллективистской доктрины, идею социального устройства. В процессе своего развития казацъа культура сохраняла важнейшие социальные маркеры народно-демократического развития русско-российского социума: идею свободы – воли, народовластие, парадигму российской, осознанное служение обществу и государству. Феномен казачества, традиционно рассматриваемый в своей этносословной ипостаси, существенно обогащается и расширяется в феноменологическом, историософском его рассмотрении с позиций цивилизационного подхода. В этом аспекте культура казачества предстает как духовно-идейный феномен российской цивилизации, как национальная ценность, воплощающая идею российской в евразийском векторе развития России, создающая традиционную основу для формирования российской национальной идентичности в прошлом, настоящем и будущем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Ю.Г. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 139–140.
2. Виноградов В.Б. Российскость как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // Российскость в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 3–11.
3. Головлев А.А. Этно-конфессиональный состав Терского казацъего войска (вторая половина 19-го – начало 20-го в.) // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2017. № 3 (21). URL: <https://regrazvitie.ru/etno-konfessionalnyj-sostav-terskogo-kazachego-vojska-vtoraya-polovina-19-go-nachalo-20-go-v/>.
4. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков А.М. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования. М.: Просвещение, 2009. 26 с.

5. Из дневника Л.Н. Толстого // История Кубани в русской художественной литературе. Вторая половина XIX – начало XX в.: хрестоматия к интегрированному учебному курсу для школ, гимназий, лицеев и вузов. Армавир, 2004. Ч. II.

6. Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д., 1992.

7. Костомаров Н. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М: Эксмо, 2007. 1069 с.

8. Левандовский А. Сибирь из нас «не вытянешь...» // Родина. 1995. № 2. С. 99–100.

9. Лубский А.В. Государство-цивилизация и национально- цивилизационная идентичность в России // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 30–45.

10. Лукаш С.Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Армавир: РИО АГПУ, 2014. 344 с.

11. Лукаш С. Н. «Российскость» как базовая парадигма человека культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 60–66.

12. Матвеев О.В. Очерки традиционной культуры казачеств России / под ред. Н.И. Бондаря. М.; Краснодар, 2002. 590 с.

13. Мельников-Разведенков Н.С. Что такое казачество? // Кубанец: Донской атаманский вестник. 1996. № 2. С. 92–94.

14. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М., 1952 г. Т. 48.

Б.Б-А. Абдулвахабова (Грозный)

УСАДЬБА ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ

Формирование терско-гребенского казачества на территории Чечни происходило в постоянном взаимодействии с местным населением. В процессе этого взаимодействия складывалась уникальная культура двух народов, в которой переплелись местные и славянские традиции, о чем свидетельствуют материальные и нематериальные характеристики казачьей усадьбы, которые были связаны не только с географическими условиями данного региона, но и особенностями хозяйственного освоения территории, этнокультурными традициями, характером и направлением миграций, обще-

ственными, семейными, конфессиональными и другими формами повседневности казачества.

Об актуальности данной темы в отечественной историографии свидетельствует неослабевающий интерес исследователей к истории казачества вообще, терско-гребенского, в частности. В особенности к ее материальной и духовной составляющей. Культурно-пространственная среда усадьбы терско-гребенского казачества частично затрагивается в исследованиях Гриценко Н.П., Заседателевой А.Б., Великой Н.Н., и ряда других [3; 5; 6].

Н.П. Гриценко отмечал, что «...поселившись у Терского хребта, казаки по имени своих атаманов Курдюкова, Гладкова и Щадрина, построили укрепленные городки: Червленный (Ураз-кала, 1567 г.), Щадринск (1569 г.), позже Курдюковский, Гладковский и Новогладковский (позже – Гребенская станица) [4, с. 128]. В начале XVIII века – это уже казачьи станицы.

А.Н. Толстой писал: «Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Тереком, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру» [12, с. 144].

Особенности возникновения и развития казачьей усадьбы тесно связано с освоением новых земель, с процессом колонизации Северного Кавказа.

Планировка гребенских казачьих станиц до окончания военных действий на Кавказе, была обусловлена их военной жизнью. Но уже в середине XIX века внешний облик казачьих станиц на Терек начинает меняться.

Станицы терско-гребенского казачества в XIX веке имели четкую планировку: широкие улицы с пересекающимися под прямым углом переулками. В центре станицы центральная площадь с молитвенным домом и колокольной, торговые лавки, хлебными магазинами (с запасами станичного зерна). За станицей – сенокосы, выгон для скота, пахотные земли. К примеру, станица Червленая в начале XIX века имела правильную планировку, и каждый усадебный участок равнялся 426 кв. метрам [9, с. 109]. Но, в связи с расслоением казачества в середине XIX века размеры усадеб стали меняться: чем богаче и влиятельнее был казак, тем больше у него был приусадебный участок. К примеру, в станице Старогладовской, усадьба богатого казака Сехина со всеми хозяйственными постройками, занимал целый квартал [9, с. 109].

Усадьба терско-гребенского казака – «двор», как его называли сами казаки, представлял собой открытое пространство (огороженное изгородью) с жилыми и хозяйственными строениями. Размеры усадьбы (двора) постоянно менялись. Это было связано с увеличением или же уменьшением общего плана (пая), т.е. земли. При освоении дальнейшем края станичные правления выдавали сначала неограниченные планы (было много незанятых земель), а когда стал увеличиваться поток переселенцев, планы стали уменьшаться. По размерам двора можно было судить и о зажиточности казака. Двор закрывался изгородью, иногда встречались и деревянные заборы. Дома стояли за забором, внутри двора. Ориентация дома совпадала с традицией, которая бытовала на Северном Кавказе у местных народов. Лицевой фасад выходил на южную сторону.

Жилые дома (срубы, турлучные, саманные дома) казаки строили с использованием местных строительных материалов: леса, глины, перемешанной с соломой, и камыша.

Для гребенских казаков характерен был рубленый дом, в котором больше всего сохранялись славянские традиции строительства. «Сами станицы коренных гребенцов резко отличаются от других казачьих станиц ... избы бревенчатые, срубные, часто дубовые и с острою высокою крышей, а кровля «коньком», окна «косчатые» и украшенные резьбой», отмечали современники [8, с. 232].

Планировка деревянных домов имела два варианта: первый – одна комната и сени, второй – когда сени располагались между горницей и избой. Богатые казаки имели дома второго варианта. Почти у всех казаков, за исключением самых бедных, обязательной постройкой на дворе был второй саманный или турлучный дом, отапливаемый русской печью.

Крыши жилищ казаков покрывались камышом, соломой, у зажиточных – из черепицы, редко встречалась и железное покрытие. У хозяйственных построек они смазывались полностью или частично глиной. Видимо из-за сильных ветров, кровле дома придавали четырехскатную форму, которая была более обтекаемой и устойчивой.

Срубные дома возводились на деревянном или каменном фундаменте. Дом опоясывался террасой с одной или двух сторон. Для хранения мелкого инвентаря и старых вещей в домах делали подполья. Л.Б. Заседателева отмечает, что «...планировка домов была различной, однако доминировали продолговатые в плане постройки, состоящие из одного или двух жилых помещений, разделенных сеними. Кроме того, встречались «крутые» донские дома, состоявшие

из нескольких комнат» [7, с. 20]. «Круглые» дома, «курени» на Терекке, как отмечают исследователи, это влияние строительных традиций донских казаков.

В интерьере казачьей избы сказывалось влияние культуры местного населения. «Первая комната напоминает скорее чеченскую, нежели жилище русского казака: на стенах развешены кинжалы, пашки и разное другое оружие кавказского горца; на полу стоят пестрые сундуки, а на них разложены перины, ковры и коврики азиатского образца и изделия» [5, с. 149].

Вторая комната гребенца – дань традиционным русским бычьим. В этой комнате была большая русская печь, выскобленные дубовые лавки и стол, дощатые полы и потолки, словом, вся обстановка комнаты вплоть до большой резной солонки на столе – все из России» [8, с. 234].

«Сакля, стоявшая рядом с русской избой, – полное олицетворение кавказского горца. В сакле, где казак жил зимой и летом вместе со своей семьей, «большинство членов ее здесь и сидят-то почеченски, поджавши под себя ноги; образов никаких не видно, и из мебели в ходу чеченская треногая скамеечка, нежели стул и русская скамья» – отмечал другой автор [8, с. 234].

Усадьба терско-гребенских казаков была представлена, как отмечалось выше, помимо жилых, целым комплексом хозяйственных построек: «избушка» или «хатка», построенная из турлука, выполнявшая роль кухни, турлучная или саманная клеть для хранения бочек с «чихирем» – виноградное вино и всевозможными соленьями, заготовленными на зиму, амбары, которые использовались для хранения зерна (в зажиточных усадьбах их было несколько), хлев, погреб, курник, бани и т.д.

Важное место в казачьей усадьбе занимал открытый сарай – «лапас», имевший глухую заднюю стену и односкатную камышовую крышу, опирающуюся на столбы. Его строили обычно на задней линии двора. Летом в нем содержался крупный рогатый скот. Помимо открытого сарая, в усадьбе казака имелся и еще один – закрытый, турлучный, в котором хранились сельскохозяйственные орудия – плуг, арба и т.д. В комплекс усадебных построек входил также «саж» – помещение для содержания свиней и помещение для кур – «курник», сплетенный из ивовых или таловых прутьев. Обязательной принадлежностью казачьего двора была летняя печь.

Казачья усадьба тесно была связана с важнейшими сторонами их жизнедеятельности: рождением, сватовством, свадьбой, смертью, поминками и т.д.

В связи с этим, помимо причисленных материальных характеристик казачьей усадьбы, немаловажное значение для ее анализа имеет и нематериальные характеристики: обычаи, традиции, знания, навыки строительства и многое другое, передаваемое из поколения в поколение, формируя чувство самобытности и преемственности культурного ландшафта терско-гребенского казачества.

Для строительства жилища, казаки использовали граб, клен, осину, сосну, но чаще всего дуб. Естественно, при выборе строительного материала, практические соображения играли главную роль, однако, как у местного населения, так и казаков, дуб пользовался особым почитанием. И в современный период старожилы станиц украшали на троицу ветками дубов калитки и входные двери. Исследователи отмечают, что при строительстве турлучного дома станичники отдавали со своих дворов строящимся по несколько срубленных стволов акации [6, с. 375]. Надо отметить, у некоторых народов, в частности восточных славян, на вырубку деревьев, растущих на территории усадьбы, был наложен строжайший запрет [2, с. 52]. Очевидно, снятие у казаков этого запрета было связано с нехваткой строевого леса.

Большое значение имело и выбор места для возведения жилья. При закладке дома у терско-гребенских казаков существовали свои особые приметы и обычаи: на предназначенное для постройки место на ночь сыпали зерно, если на утро зерно было на месте, считалось, что место для постройки хорошее и все «пойдет в руку». Счастливым для постройки жилища считалось и то место, где на отдых располагался крупный рогатый скот. Скот, как для казаков, так и для чеченцев, являлся символом плодородия, производительных сил, его образ олицетворялся с домом, хозяйством. Чтобы в доме не было сырости, под матку, основную несущую перекладину в хате, подкладывали шерсть черного барашка. При закладке жилья казаки старались обязательно отслужить молебен. Приглашали священника, который читал молитву и окроплял место святой водой.

При строительстве жилищ существовал обычай взаимопомощи: «белхи» – у чеченцев; у казаков – «помочи». Казачьи «помочи» – когда родственники, соседи заготавливали лес, кто имел подводы – перевозил его, другие замешивали глину, обмазывали ею каркас дома. На «помочи» собиралось много молодежи, работа сопровождалась песнями, шутками, весельем. А хозяин угощал станичников, принимавших участие в строительстве дома [6, с. 275–276]. Как совместный труд и трапеза, эти традиции, очевидно, призваны были укрепить родственные, соседские взаимоотношения, празднич-

ный настрой. Известный специалист по истории и культуре терско-гребенского казачества Н.Н. Великая отмечает, что в этнографии широко известна роль шума, смеха как жизненных начал, отпугивающих злые силы, сопровождающих и даже вызывающих жизнь. И поэтому в данном случае в традициях «белхи» и «помочи», можно выделить социальную и религиозно-магическую стороны [2, с. 64].

Важное значение придавалось сооружению первого венца, подъему «матицы» – бревна, которое служило основой для потолка. Под него клали деньги, кусок шерсти из тулупа, чтобы «дом был богатым и теплым». Поднимали «матицу» почетные гости, которые по-вязывали руку платком или поперек плеча полотенцем. После чего обязательно следовало угощение [6, с. 395].

Крыша казачьего дома обычно завершалась коньком, окна украшались резьбой. В прошлом эти солярные знаки, символы играли роль оберегов, защитников от нечистой силы у многих народов, в том числе и у чеченцев. Считалось, что нечистая сила могла проникнуть внутрь дома только через входные двери и окна, а «солнечная» символика должна была воспрепятствовать этому. Казаки также «от порчи» ставили кресты на дверях. При входе в дом обязательно молились, совершая крестное знамение [2, с. 68].

Переход в новое жилище также сопровождался многочисленными обрядами. Казаки перед новосельем в доме на ночь оставляли кошку или петуха (иногда кошку и петуха вместе). Такая традиция связана со славянским поверьем: кто первым войдет в новый дом, тот в течение года умрет. Таким образом, необжитый дом представлялся еще «нечистым», таящим в себе разные опасности. По мнению некоторых исследователей, указанные живые существа в данном случае выступали ритуальными двойниками человека [1, с. 104–105].

Однако надо отметить и то, что такой выбор животных не был случайным. Кошки, по славянским воззрениям, связаны с нечистой силой, а петух, наоборот, считался вестником света, прогоняющим своим криком всякую «нечисть» [13, с. 54 – 55].

В новый дом старались войти до восхода солнца. Заранее вносили квашню с тестом, чтобы «богато жить». Затем входил священник с иконами, хозяин с лаптем («домовой»), хозяйка с хлебом-солью. Священник освящал дом святой водой, совершал молебен, кроме того, по углам дома ставили четыре стакана пшеницы, внутрь которых помещали и зажигали свечи. Первый, кто входил, бросал в угол серебряную монету. Предметы, которые сразу вносили в дом (тесто, пшеничное зерно, хлеб), издавна символизировали богатство, изо-

билие. Затем в красный «святой» угол закапывали букетик цветов, чтоб «хата цвела» [10, с. 115].

Новоселье у казаков сопровождалось обильной трапезой, призванной упрочить взаимоотношения семьи с родственниками и соседями. Обязательны были и дары. Так, отец выделял сыну скот (корову, овец), птицу, в зависимости от состояния.

Отношение к родительскому дому раньше у казаков было чрезвычайно уважительным. Сноху сначала приводили в родительский дом, а затем глава семьи решал вопрос об отделении молодых и строительстве нового дома.

Следует отметить, что не только дом в целом, но и отдельные его части и элементы внутреннего пространства несли собой определенные семантические функции. У терско-гребенского казачества печь, где разводился огонь, играл большую роль в магических и религиозных обрядах. К примеру, угольки из печи использовали «от глаза». А подпечник считался местом пребывания «домового».

Многочисленные обряды связаны у казаков с углами жилища. С одной стороны, они являлись основой жилого пространства, а с другой стороны – они могли служить прибежищем темных сил, и поэтому требовали повышенного внимания.

Священным считался также красный угол хаты (справа от входа), где помещались образа, лампада. Под ними устанавливали стол, покрытый белой скатертью, на которой хранили книги религиозного содержания. Таким образом, эта часть дома по своей семантике приравнивалась к алтарной части храма и как бы повторяла его.

В красный угол ставили невесту, перед тем как вести ее к жениху. Головой под образа помещали и покойника.

По мнению некоторых исследователей, христианские образа в красном углу заменили прежнюю языческую божницу, в которой некогда важное место занимал идол домового [10, с. 498]. По поверьям казаков, домовый имелся в каждом доме и являлся его покровителем. При переселении обязательно перевозили и домового. На Тереке сложились особые обряды перевозки домового. Ему предлагали сесть в запряженную парой волов телегу, затем ее вывозили со двора и предлагали домовому дальше идти пешком, так как волы выбились из сил. Переход домового в новое жилище приурочивали в ночь под день Ивана Постного (29 августа). Придя в свой старый дом, хозяин одевался в одежду наизнанку, шел в хлев, трижды читал молитву «Богородице, Дево, радуйся», вынимал из старых ясель кол и говорил: «Мой домовый,

пойдем со мной домой». Затем приносил и втыкал кол в новые ясли, переодевался и зажигал в доме новую свечу [11, с. 62].

Казаки верили, что домовый может предвещать счастливые и несчастливые события.

Таким образом, анализ культурно-пространственной среды жилища, усадьбы в целом, терско-гребенского казачества, материальные и нематериальные их характеристики, свидетельствуют, что влияние местных традиций в материальных характеристиках больше (внешний вид жилья, строительный материал, техника строительства и т.д.). Однако, «идеология жилища», нематериальные характеристики остались в основном восточнославянскими. Заимствования в материальной сфере не вызвали соответствующих изменений в элементах духовной культуры – основном показателе национального своеобразия народа.

К сожалению, события конца XX века на территории Чеченской Республики обострили межнациональные отношения, привели к резким изменениям в расселении этнических групп, к оттоку русскоязычного населения из казачьих станиц, в том числе и терско-гребенских.

Процессы модернизации и глобализации XX в. обрекли многие формы культурного наследия казачества на территории Чечни на забвение и утраты. Постепенно в обществе исчезает необходимая для существования этих культурных характеристик установка на сохранение. Поэтому необходимо не только изучать их, но и наметить пути их сохранения в естественной среде бытования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Байбуторин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: «НАУКА», 1983.
2. Великая Н.Н., Даутова Р.А., Хасиев С.-М.А. Представления и обряды вайнахов и казаков, связанные с жилищем (конец XIX – начало XX в.) // Археология и традиционная этнография народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992. С.61–76.
3. Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2001.
4. Гриценко Н.П. География расположения казачьих станиц по рекам Тереку и Сунже в XVI – середине XIX века // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.

5. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. Том III. Грозный, 1969.

6. Заседателяева Л.Б. Терские казаки (сер. XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М.: Изд-во МГУ, 1974.

7. Заседателяева Л.Б., Мунчаева Т.Г. Развитие типов поселений и жилищ русского и украинского населения притеречных районов Северного Кавказа (с середины XVI по начало XX в.) // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 7–23.

8. Маркграф О., Линтарев Н. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Терского обл. прав., 1881.

9. Радченко И.К. Поселения и жилища гребенских казаков // Поселения и жилища народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1984. С. 106–113.

10. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Издательство «Наука», 1987.

11. Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей станицы Червленной // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. 16. Тифлис, 1893.

12. Толстой Л.Н. Казаки. Нальчик, 1978.

13. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начало XX века. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Е.В. Годовова (Оренбург)

ИЗУЧЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Освещение военной истории казачества второй половины XIX – начала XX в. в трудах исследователей шло практически параллельно с происходящими событиями.

В 1860 г. военным историком и публицистом Ростиславом Андреевичем Фадеевым (1824–1883) в Тифлисе была издана книга «Шестьдесят лет Кавказской войны». Являясь участником этой военной кампании (поступил на службу волонтером Кавказского отдельного корпуса в 1850 г. и дослужился до генеральского чина (1864 г.) – Е.Г.), Р.А. Фадеев не только описывал военные действия, но и анализировал происходящие события, давал им оценку. Мно-

го он писал и о казачестве, видя в нем огромный потенциал и предлагая всемерно развивать казачьи войска, т.к. неоднократно видел сам, как быстро, при наличии староказачьих кадров, становились боеспособными казаками поселенцы на Кавказской линии [22]. При этом Р.А. Фадеев считал казаков не только отважными и дисциплинированными воинами, способными к несению всякого рода службы, но и трудолюбивыми поселянами-колонистами [3, с. 22].

В созданном на основе документов фундаментальном труде по истории Кавказской войны (5 томов) генерал русской армии, выдающийся военный историк В.А. Потто (1836–1911) отразил участие казаков в боевых действиях [27]. Об этом писал и Л. Симонов, работа которого ценна в первую очередь тем, что опирается на архивные источники и воспоминания ветеранов войны [29, с. 3–21]. О военной службе терских казаков и их борьбе с горцами рассказывает в сборнике, составленном А.А. Ржевуским (1801–1888) [33].

В основу книги генерал-лейтенанта Максуда Алиханова-Аварского (1846–1907) «Поход в Хиву (кавказских отрядов). Степь и оазис» легли его путевые заметки об участии в Хивинском походе, во время которого он служил чиновником особых поручений при Е.И.В. Главнокомандующем Кавказской армией. Автор, не являясь казачьим офицером, больше повествует о походной жизни солдат, но говорит и о казаках. Причем отмечает их приспособленность и к погодным условиям, и к военным походам в целом.

Присоединение Средней Азии к России и участие казаков в этой кампании описали в своих работах полковники А.А. Гуляев и Ф.И. Лобысевич.

Александр Лазаревич Гуляев (1845–1906) – военный писатель, участник Туркестанских походов – в своих работах опирался не только на собственные наблюдения [28], но и на воспоминания, рассказанные ему дедом, отставным есаулом А.С. Скворкиным [24]. Пишет А.А. Гуляев о выносливости уральских казаков в экстремальном среднеазиатском климате.

Опираясь на официальные источники, военный историк, полковник Оренбургского казачьего войска Федор Иванович Лобысевич дал описание Хивинского похода 1873 г. Ценность этого труда не только в документальной точности изложенного материала, но и в представленных в приложении портретах Хивинского хана, русских генералов; рисунках, изображающих переправу Туркестанского отряда через Амударью, дворец и мечеть в Хиве и др.; планах и картах, а также в приведенном им списке генералов, штаб- и обер-

офицеров и классных чиновников, участвовавших в Хивинском походе 1873 г. и находившихся под Хивой [23].

Нелегкие будни донского казачьего офицера описал И. Яицков [36]. Автор повествует об изменениях, произошедших в жизни офицерского состава со времен Кавказской войны до начала 80-х гг. XIX в. Отмечая ухудшение положения донского казачьего офицера, он предлагает меры по улучшению быта офицеров в будущем. Эту же проблему поднимает в своей работе и капитан Медведев [30].

Об участии казаков в военных кампаниях на Дальнем Востоке – русско-китайской войне 1900–1901 гг. и русско-японской войне 1904–1905 гг. – исторический очерк А.Е. Маковкина [25]. В нем дается описание военной повседневности в экстремальных условиях, во время боевых операций со схемами наступлений, картами, а также иллюстрациями к событиям и фотографиями.

Анализируя работы дореволюционного периода по военной повседневности казачества, следует отметить, во-первых, что авторами этих трудов были военные историки, преимущественно казаки, участники описанных ими событий. Во-вторых, их исследования в большей степени характеризовали боевое прошлое казачества.

В начале XX века генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, обратив внимание на то, что казачество – такой видный фактор государственной жизни – до сих пор не имеет как общей, так и отдельной для каждого войска истории, приказал заполнить этот пробел отечественной литературы. В одном из докладов начальнику главного управления казачьих войск А.Н. Куропаткин отмечал, что необходимо поспешить с составлением подобных исторических трудов по каждому из казачьих войск в соответствии с определенной программой. Так, история войска должна была содержать ответы на общие вопросы: казачество как колонизатор, казачество как охранитель государственной границы и казачество как охранитель православной веры – и частные: самобытно возникло казачье войско или образовано распоряжением правительства, однороден ли племенной состав войска, чем обуславливалось обложение казачьего войска государственными повинностями, образование одного, двух или трех родов оружия в войске, порядок землевладения, чем обуславливалось образование отдельных казачьих областей или включение территории казачьего войска в состав губерний, распространение на казачье население новых правительственных или местных хозяйственных учреждений. Естественно, допускалось расширение

круга рассматриваемых вопросов в зависимости от специфики казачьего войска [20].

В 60–80-е гг. XIX века были подготовлены труды по истории Черноморского [26], Терского [34], Донского [11], Кубанского [17] и Уральского [13] казачьих войск и отдельных полков [12], однако большинство казачьих войск не имело своего исторического жизнеописания. Следуя рекомендациям генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина, за первое десятилетие XX в. были опубликованы труды по истории Сибирского [14], Семиреченского [20], Кубанского [35], Астраханского [10], Амурского [16], Терского [32] казачьих войск. В 1904 г. увидела свет работа полковника П.И. Авдеева «Историческая записка об Оренбургском казачьем войске», написанная им еще в 1873 г. Широко используя документы из войскового архива, являясь участником многих из описываемых событий, автор создал цельную работу, охватившую период от заселения края до 70-х годов XIX в. и ставшую первой историей Оренбургского казачьего войска [4, с. 7].

Изучение повседневной жизни оренбургского казачества нашло отражение в трудах Ф.М. Старикова. Федор Митрофанович Стариков (1842–1911) – выходец из семьи рядового казака. В двадцатилетнем возрасте он поступил на военную службу и вскоре оказался участником крупных военных событий. Участвуя в Туркестанских походах 1864–1873 гг., Федор Стариков получил звание офицера и множество наград за храбрость [9, с. 53]. В 1892–1908 гг. он занимал должность помощника атамана третьего, а затем атамана второго военного отдела Оренбургского казачьего войска. Интересно не только военная сторона его жизни. Ф.М. Стариков – талантливый исследователь, историк, краевед. Он был действительным членом губернского статистического комитета Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Русского географического общества. Не имея специального исторического образования, Ф.М. Стариков в 1881–1891 гг. опубликовал четыре книги по истории Оренбургского войска [31]. В приложении к двум из них он дал описание домашнего быта оренбургских казаков, их нравственных и физических качеств. Поскольку Федор Митрофанович был современником рассматриваемых событий, эти данные можно использовать как источниковый материал.

В начале XX в. ряд авторов в своих работах также затрагивали определенный аспект казачьей повседневности. Например, характеристику экономической жизни сибирских казаков представил

В.А. Остафьев [8], кубанских казаков Л.В. Македонов [21], уральских казаков Н. Краснов [15] и Н.А. Бородин [1]. Авторы обращали внимание на развитие промыслов и отдельных отраслей промышленности: рыболовства в Терском [19], Уральском [2], Кубанском [18] войсках, маслоделия у уральских казаков [6].

Получило освещение в трудах исследователей и образование детей. Так, П. Зажаев написал о прошлом и настоящем кубанской начальной школы, охарактеризовав становление системы начального образования на Кубани и определив ряд существующих в этом процессе трудностей [7].

О развитии донского кадетского образования повествует краткий исторический очерк, написанный А.Ф. Вячесловым [5]. Особый интерес представляет то, что в книге говорится не только об организации жизни Донского Императора Александра III кадетского корпуса и его работе, но и о сложностях, с которыми сталкивалась администрация корпуса, воспитатели и педагоги в процессе образования и воспитания ребят, особенно в кризисные для России времена начала XX века. Например, речь идет о пропаганде революционных идей среди кадетов. В очерке показано, как в процессе работы корпуса изменился подход к воспитанию ребят: от строгости и наказаний к словесному порицанию. Большое значение имеют и представленные в приложении сведения: обзор заболеваемости кадет Донского кадетского корпуса за 20 лет, список педагогического, врачебного и административного персонала кадетского корпуса, поименный список кадет, выпущенных из училища с 1890 по 1908 гг.

Итак, в дореволюционном этапе историографического обзора можно выделить работы, отражающие военную историю казачества; труды, содержащие историописание казачьих войск; книги, освещающие особенности экономической и бытовой жизни казаков, систему образования. Все эти работы очень ценны в плане информации, особенно краеведческого характера, однако носят они в основном описательный характер.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин Н.А. Очерк общинного хозяйства уральских казаков // Северный вестник. 1890. № 2. С. 76–82; № 3. С. 42–63; № 4. С. 39–53; № 5. С. 46–70.
2. Бородин Н.А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб, 1901.

3. Васильева О.А. Казачество в войнах России на Кавказе в XIX – начале XX в.: историографический аспект // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (октябрь 2011 г.) / Отв. ред. В.Н. Ра-тушняк. Краснодар, 2012.
4. Годовова Е.В. Оренбургское казачье войско в 1798–1865 гг.: монография. Самара, 2007.
5. Двадцать пять лет Донского Императора Александра III кадет-ского корпуса. Краткий исторический очерк. Составлен А.Ф. Вячесло-вым. Новочеркасск, 1908.
6. Жуковский М.И. Отчет о развитии маслоделия в Уральском ка-зачьем войске за 1903 и 1904 годы. Уральск, 1905.
7. Зажаев П. Прошлое и настоящее кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907.
8. Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска (Докл. В.А. Остафьева, чит. в заседании 3 Отд-ния В.Э. о-ва 4 окт. 1897 г.). СПб., 1897.
9. Зобов Ю.С. Историки Южного Урала: вторая половина XIX – на-чало XX вв. Оренбург, 1991.
10. История Астраханского казачьего войска: в 3 ч. Составитель Полковник И.А. Бирюков. Саратов, 1911.
11. История Войска Донского и самобытность начал казачества. Сочинение полковника Василия Михайловича Пудавова. Издал Миха-ил Васильевич Пудавов. Часть 1. Новочеркасск, 1890; Часть 2. Новочер-касск, 1898.
12. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896 / Сост. есаул I Кубанского полка В. Толстов. Под ред. Потто. В 2-х частях. Тифлис, 1901; Первый Нерчинский полк Забайкальского каза-чьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк. Составил А.Е. Маков-кин. СПб., 1907; Донской казачий № 1-й полк. Краткая история для нижних чинов. Составил Хорунжий Бородин. М., 1891.
13. Казаки. Донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерк из истории и стародавнего казачьего быта в общедоступном изложении, для чтения в войсках, семье и школе. Составил К.К. Абаза. СПб., 1899.
14. Катанаев Т.Е. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб., 1908.
15. Краснов Н.И. Уральские казаки и экономические условия их быта // Военный сборник. 1889. № 5–8.
16. Краткая история Амурского казачьего войска. Составитель во-йсковой старшина Р.С. Иванов. Благовещенск: Типография войскового правления Амурского казачьего войска, 1912.

17. Кубанское казачье войско 1696–1888. Сборник кратких сведений о войске. Издан под редакцией Действительного члена Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицина. Воронеж, 1888.

18. Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды. СПб., 1904.

19. Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901.

20. Леденев Н.В. История Семиреченского казачьего войска. Верный, 1909.

21. Македонов А.В. Хозяйственное положение и промыслы населения нагорных станиц Кубанской области. Выпуск первый. Исследование 1902 года. СПб, 1903.

22. Морозов Е.Ф., Сергеев С.М. Опоздавший Потемкин // Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2005.

23. Описание Хивинского похода 1873 года. Составлено полковником Ф.И. Лобысевичем / Под ред. генерал-адъютанта В.Н. Троицкого. СПб., 1898.

24. Отрывки из прошлого Уральсого войска. Из записок полковника А.А. Гуляева. Уральск, 1895.

25. Первый Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк. Составил А.Е. Маковкин. СПб., 1907.

26. Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб, 1858.

27. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях в 5 томах. СПб., 1887–1889.

28. Поход на Аму-Дарью и в Текинский оазис уральских казаков в 1880–1881 гг. Составитель полковник А.А. Гуляев. Уральск, 1882.

29. Симонов Л. Боевые эпизоды из Кавказской войны // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1905. Т. 11. С. 3–21.

30. Служба Донского войска в связи с его экономическим положением. Составил Генерального штаба капитан Медведев. М., 1899.

31. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки. Исторический очерк. Изд. 2-е, доп. Оренбург, 1884; Он же. Краткий историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890; Он же. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. Оренбург, 1891; Он же. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества с приложением маршрута путешествия Его Императорского Высо-

чества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича Августейшего Атамана всех казачьих войск, от границы Сибири по Оренбургскому казачьему войску до г. Оренбурга. Оренбург, 1891.

32. Терское казачество в прошлом и настоящем (памятка терского казака) / Составил подъесаул Терского казачьего войска М.А. Караулов 2-ой. Владикавказ, 1912.

33. Терцы: сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. Составил войсковой старшина А. Ржевуский. Владикавказ, 1888.

34. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. Ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. Составил С. Писарев. Владикавказ, 1881.

35. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2 т. Т. 1. Екатеринодар, 1910; Т. 2. Екатеринодар, 1913.

36. Яицков И. Казачий офицер и его быт. Люблин, 1882.

Н.Д. Чекулаев (Махачкала)

О КАЗАЧЬЕМ КАРАУЛЕ ПРИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ФЕОДАЛЬНЫМ ПРАВИТЕЛЯМ В XVIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ ГКУ «ЦГАРД»

Данная статья – это попытка на основе выявленного архивного материала осветить неизвестный факт в истории российского казачества, а именно проблему так называемого казачьего караула при особе северокавказского феодальном владетеле. Об этой страничке в истории взаимоотношений горцев и казаков полностью отсутствует информация в отечественной историографии казачества. О казачьем карауле не пишет в своих научных трудах ни один отечественный историк, начиная с периода правления ВЕЛИЧАЙШЕЙ В МИРЕ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ и заканчивая нашими современниками – российскими историками.

Мы, благодаря выявленным из фонда «Кизлярский комендант» архивным документам, предпринимаем попытку рассмотреть данную проблему. Как показывают архивные документы, что именно северокавказские феодальные правители выступали инициаторами появления в числе их личной охраны представителей российского казачества (как терских, так и гребенских казаков). Кумыкские феодальные правители постоянно просили кизлярскую военную ад-

министрацию о предоставлении им в качестве личной охраны так называемый «казачий караул». Так 12 ноября 1738 г. костековский владелец Алиша Хамзин просил подполковника и Кизлярского коменданта Никиты Анфимовича Бунина «О присылке казаков для охраны в дороге». [2, л. 20.], но 24 ноября 1747 г. костековской воевода Алиша Хамзина из-за ненадобности вернул обратно в Кизляр из Костека казачий караул [3, л. 252, 252 об., 269, 269 об.]. 19 января 1748 г. жена андреевского владельца Адиль-Гирея Фарибека просила генерал-лейтенанта и кавалера Андрея Петровича Девицу о даче ей охраны из числа казаков [1, л. 37, 37 об.].

8 февраля 1748 г. аксаевский владелец Магомед Уцмий Султанмамутов обратился к генерал-лейтенанту Андрею Петровичу Девицу с просьбой о присылке казаков для своей личной охраны [1, л. 65–66.].

19 января 1748 г. аксаевский владелец Магомед Уцмий Султанмамутов обратился к коменданту Кизляра с просьбой предоставить ему охрану из казаков, объясняя это следующими причинами: «мне здесь жить от братьев моих опасно, ибо брат мой Адиль-Гирей преставился, и я от братьев своих в великой опасности нахожусь, а как Адиль-Гиреевы, так и мои дети еще молодые и надеяться не на кого, и я остался ныне один и никакой надежды не имею» [1, л. 36, 36 об.].

С просьбами о предоставлении казачьего караула обратились 1 сентября 1762 г. чеченский владелец Алисолтан Казбулатов [5, л. 191, 191 об.], а 24 декабря 1762 г. аксаевские владельцы Эльдархан Султанмамутов, Ахмедхан и Алхас Каплановы, но кизлярский комендант отказал в предоставлении им казачьего караула, и должны довольствоваться казачьим караулом, определенным при владельце Султан бике [4, л. 211].

21 июля 1769 г. костековская владельца Башуа просила генерал-майора и Кизлярского коменданта Николая Алексеевича Потапова прислать ей казаков для защиты от нападений андреевских владельцев». [11, л. 61, 61 об., 70].

Просьбы дагестанских феодальных правителей российская военная администрация удовлетворяла. Имел казачий караул и костековский владелец Хамза Алишев [9, л. 72.; 10, л. 10], андреевский владелец Хаджи Муртазалия – караул шесть человек казаков, и атаман дал же ему пять человек казаков [7, л. 110, 110 об.].

Помимо дагестанских владетелей, имели казачий караул в составе личной охраны и правители Северного Кавказа. У чеченского князя Расланбека Айдемирова содержится казачья команда из

10 человек для его нужд. [12, л. 23, 48], а также имел в качестве личной охраны казачий караул – чеченский владелец Алисултан Канбулатов – 5 казаков [4, л. 171 об.; 5, л. 58–59], гребенчуковский владелец Девлет-Гирей Черкасский [5, л. 32, 32 об.].

14 сентября 1762 г. находящийся при андреевском владельце князе Аджимуртазали казачий писарь Лаврентий Андреев сообщал на имя генерал-майора и кизлярского коменданта Алексея Алексеевича Ступишина о благополучном состоянии казачьей команды, составлявшей казачий караул при данном кумыкском правителе [6, л. 21, 21 об.].

Кизлярские коменданты получали неоднократно сведения о том, что кумыкские феодальные правители использовали предоставленные им для их личной охраны казаков в «партикулярных своих делах». Так 6 августа 1762 г. в своем письме Кизлярский комендант и генерал-майор А.А. Ступишин к аксайскому владельцу Султанбеку Магомед Уцмиеву выражал крайнее недовольство, что в Кизляр на него жаловался аксайский владелец Каплан-Гирей Ахмадханов: «что брат ваш Касай бек с тремя караульными находился в степи и, съехавшись, на дороге с его сыном Алхасом заколол, было, его кинжалом». Затем комендант А.А. Ступишин говорит Султанбеку, что «за вашу к российской стороне верную службу, тот караул от вас, хотя и не будет отобран, а только подтверждаю вам, чтоб впредь таких непорядочных с вашим обещанием поступок не чинить и через, то Каплану не делать обид и казаков в такие партикулярные свои дела не употреблять, ибо они вам даны только для единого охранения вашего дома и вас, а в партикулярные ваших с Капланом делах надлежит вам разбираться по своим обычаем между собою, а казаков к тому не присовокуплять, о чем от меня к тем караульным казакам писано же» [4, л. 185 об., 186].

Тогда же кизлярский комендант писал и аксаевскому владельцу Каплан-Гирею Ахмадханову по данному происшествию следующее: «меня к Султанбеку, чтоб он от того удержался и никаких бы вам обиди препятствий не чинил писано и казакам караульным подтверждено, чтоб они Султанбека с братом до причинения вам обид не допускали и в ваши партикулярные дела не вступались. Напротив, чего и вам подтверждаю, чтоб я с вашей стороны ему Султанбеку при случае следования с казаками на дороге и в доме ни каких злодейских и других противных обид не чинить, а в взаимных между партикулярных ссорах разбираться вам де казаков быть не случиться, по своим обычаем» [4, л. 186].

5 сентября 1762 г. кизлярский комендант снова аксайскому владельцу Султанбеку Магомед Уцмиеву предъявлял претензии: «... почему его брат Касай использует российских казаков не по назначению, а для причинения обид другим кумыкским правителям – владелец Касай опознав, пропавшую свою лошадь в табуне андреевского владельца Темира взял, но, не наказав, но владелец Темир присланным ко мне письмом принял жалобу, что брат ваш Касай с двумя казаками взял из его табуна собственную его лошадь...». Комендант А.А. Ступишин снова напоминает о недопустимости использования казаков не по их прямому назначению – личной охране правителя [4, л. 190].

19 сентября 1764 г. кизлярский комендант предупредил Расланбека Айдемирова о запрете использовать свой казачий караул в своей борьбе против врага гребенчуковского владельца Девлет-Гирея Черкасского, а использовать казаков для своей личной охраны [8, л. 151, 151 об.]. Подобные запреты получили 4 мая 1762 г. и чеченские владельцы Арасланбек Бардыханов и Мамаш Айдемировы [4, л. 155 об.].

5 ноября 1762 г. гребенчуковский владелец Девлет-Гирей Черкасский обратился к коменданту Кизляра с просьбой регламентировать полномочия и обязанности казачьего караула [2, л. 32, 32 об.].

7 марта 1763 г. аксаевский владелец Султанбек Мугамед Уцмиев обратился к кизлярскому коменданту с просьбой увеличить свой казачий караул до 15 казаков [5, л. 125, 125 об.].

Документы сообщают нам, что казачий караул северокавказских правителей временно уменьшали до четырех человек. Причина этого: казаки занимались заготовить на зиму провиант для себя и фураж для своих лошадей, а по завершению этих работ эти караульные казаки вновь возвращались к своим владельцам [7, л. 134 об., 156 об.].

Завершая данную статью, считаем необходимым подчеркнуть, что используемые нами архивные документы красноречиво свидетельствуют, что между северокавказскими горцами и российским казачеством помимо негатива в их взаимоотношениях было немало и позитивных сторон. Данный факт говорит о том, что северокавказские феодальные правители высоко оценивали российских казаков как достойных, храбрых и отважных воинов, если бы это было не так, то подобного не было бы во взаимоотношениях между двумя соседними народами. Архивные документы красноречиво сви-

детельствуют, что как северокавказские горцы, так и российская военная администрация называли казаков как казаками, никаких других понятий или терминов для их обозначения не существовало, единственно их четко и ясно различали по принадлежности то Гребенскому или Терскому казачьим войскам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный Государственный архив Республики Дагестана (далее – ЦГАРД). Ф. 339. Оп. 1. Д. 3.
2. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 17.
3. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 159.
4. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524.
5. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 525.
6. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 534.
7. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 543.
8. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 565.
9. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 653.
10. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 654.
11. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 726.
12. ЦГАРД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 791.

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ: ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА

А.В. Лубский (Ростов-на-Дону)

ГУМАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И КОГНИТИВНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ИСТОРИКА

Историографическая революция последней четверти прошлого века, направленная на преодоление одностороннего сциентизма в научно-исследовательских практиках [5, с. 158–160], актуализировала проблематику, связанную с гуманизацией исторической науки и когнитивной субъектностью историка. В современной научной литературе существуют различные точки зрения о том, что собой представляет гуманизация исторической науки. При этом одни исследователи гуманизацию исторической науки связывают с повышенным интересом к историческим личностям и пониманию смысла исторического процесса [9, с. 193]. Другие считают, что гуманизация исторической науки предполагает в центр внимания «ставить человека с его жизненными целями и качествами» [7, с. 30], подчеркивая, что «вне человека история не существует и не может существовать» [4, с. 14]. Некоторые исследователи соглашаясь с тем, что в процессе гуманизации исторической науки ее предметом становятся не великие исторические личности, а «обыкновенный человек во всех его ипостасях», считают, что гуманизация исторической науки сопровождается также повышенным вниманием к личности самого историка и его роли в познавательном процессе [8].

Большую роль в гуманизации исторической науки сыграли антропологический и рефлексивный повороты, связанные, с одной стороны, с проблематизацией в ее предметной области социокультурных практик прошлого [12], а с другой – с нарративизацией исторического познания [6, с. 316–318], направленной на преодоление кризиса репрезентации истории в рамках идеи истории как строгой науки. Рефлексивный поворот в исторической науке был порожден осознанием того, что описание прошлого зависит от самой фигуры повествователя, а также от его языка и риторических стратегий, с помощью которых создаются различные картины исторической реальности как сюжетно упорядоченной истории, имею-

щей вполне правдоподобный характер. В связи с этим рефлексивный поворот называют также риторическим, что обусловлено особым вниманием его сторонников к способам репрезентации истории в пространстве различных культур.

Из понимания того, что историческая реальность создается историком как представителем своего времени и своей культуры произрастает и осознание того, что исторические репрезентации включают в себя такие измерения, как власть, господство и культурное несоответствие [1]. Поэтому культурному конструированию исторического прошлого всегда сопутствует борьба за утверждение в историческом дискурсе тех или иных систем исторических значений и смыслов.

Антропологические и рефлексивные повороты в исторической науке, способствовавшие ее гуманизации, стали также основой для аргументированной реабилитации субъектности самого историка. При этом исследователи отмечают, что «включение в исследовательский процесс субъектности историка было очередной «коперниканской революцией» в историописании, имевшей существенные последствия, поскольку «рефлексия о собственной практике» стимулировала «развитие рефлексии как нормы профессии» [13].

В специальной литературе гуманизацию науки в целом обычно связывают с распространением в ней идей и принципов гуманизма, исходя при этом из того, что сущность гуманизма проявляется в отношении к человеку как высшей ценности. В связи с этим гуманизация науки предполагает преодоление в ней технократических тенденций, противоречащих свободному развитию личности ученого, и создание институциональных условий, способствующих росту его творческого потенциала [11, с. 60–65].

Однако с учетом того, что в современном дискурсе существует множество концептов гуманизма [14], представление о гуманизации исторической науки может основываться на таком концепте гуманизма, сущность которого раскрывается не через отношение к человеку как высшей ценности, а в понимании человека как креативной личности. В рамках такого концепта гуманизация исторической науки связана со становлением в ней особого типа ученого, который является не просто творческой, а креативной личностью, то есть такой, которая способна создавать не только новые исторические знания, но и новые способы их производства. Отличительной чертой креативного историка является его когнитивная субъектность, поскольку через разработку новых способов постановки

и решения научно-исследовательских задач он реализует свою способность к самореализации в научном творчестве.

Когнитивная субъектность историка носит «отвечающий» характер, и поэтому она формируется как экзистенциально-рефлексивный ответ на вызовы «чужой» познавательной активности в исторической науке. Именно в процессе нахождения такого ответа обретается респонзивная (отвечающая) рациональность [2, с. 134–138], в рамках которой формируется субъектная идентичность историка, понимаемая как осознание им неповторимости и уникальности своего деятельностного потенциала в исторической науке. Субъектная идентичность историка проявляется в свободе научного творчества, выражающейся в том, что креативный ученый, преодолевая методологический прессинг внешних стандартов научной деятельности, становится «автономным исследователем», присваивая себе право самостоятельно определять парадигмальные основания своей профессиональной деятельности и создавать лично-ориентированные картины исторической реальности.

В исторической науке можно выделить два типа научно-исследовательских практик. Первый тип (рассудочно-социологистский) берет за образцы модели мышления «строгих» наук, базирующихся на принципе нейтральности ученого и исключения из научных знаний всего того, что не относится к предмету научного исследования. Соблюдение этого принципа, предполагающего элиминацию субъекта научного познания из его результатов, рассматривается как условие получения объективно истинного научного знания. Второй тип научно-исследовательских практик, беря за образцы модели мышления гуманитарных наук, базируется на экзистенциально-антропологических познавательных традициях, в рамках которых в последнее время собственно и разворачиваются процессы гуманизации современной исторической науки, хотя их генезис начался еще в первой половине XX века.

В это время происходит формирование неклассической модели исторического исследования, основой которой стал принцип антропологизма. Предметный аспект этого принципа проявлялся в признании человеческого измерения исторической реальности и в интерпретации этой реальности как индивидуальной и казуальной. Методологический аспект принципа антропологизма задавал для исторического исследования идиографическую когнитивную стратегию, цель которой была в восстановлении смысла чужой индивидуальности, ее коммуникативной и символической природы посредством аксиологического в нее «вживания».

В связи с этим изменилось представление и о предмете исторической науки, которая становится наукой о человеке в обществе как деятельном, мыслящем и чувствующем субъекте, авторе и актере повседневной жизненной драмы. Изменилось представление и роли ученого в историческом исследовании: ученый, намеревающийся раскрыть тайны этой драмы, должен завязать с историческим прошлым культурный диалог, обратившись к его участникам со своими «вопрошающими» вопросами. Столь долго доминировавший в историческом исследовании монологический принцип, при котором был слышен лишь голос ученого, нейтрального описывавшего свой объект, сменяется диалогическим принципом, согласно которому, историк вопрошает людей прошлого и внимательно вслушивается в их ответы. Эти ответы, как отмечают исследователи, подсказывают ему новые вопросы, и так завязывается диалог историка с прошлым [3, с. 292–293].

Методологические основания, из которых исходили представители неклассической исторической науки, способствовали резкому повышению роли исследователя как субъекта исторического познания. Поэтому сомнения, возникшие в неклассической науке относительно принципа «нейтральности субъекта» научного исследования, имели большое значение в плане гуманизации исторической науки и становления в ней когнитивной субъектности историка.

В предельной форме вопрос о гуманизации исторического познания и когнитивной субъектности историка был поставлен в постмодернизме, где историческое знание рассматривается не как «отражение» внетекстовой реальности, а как субъективное выражение интересов и ценностей, стереотипов восприятия и мышления самого исследователя, «вписанного» в социокультурный контекст современности. Постмодернисты в процессе исторического познания исходят из признания того, что мир прошлого существует только в дискурсивных интерпретациях, формой которых выступают исторические тексты. В силу этого новое историческое знание, как считают постмодернисты, появляется не в результате взаимодействия историков с исторической действительностью, а в ходе дискурсивных практик, в результате диалога между авторами исторических текстов. В процессе этого диалога возникает специфическая власть языка, способного своими внутренними средствами создавать самодовлеющий «мир» исторического дискурса, в котором презентуются представления авторов об исторической реальности, сопоставляются взгляды историков на ту или иную проблему.

В рамках таких дискурсивных практик, основанных на «суверенитете» историков по отношению к производству исторических знаний, происходит, как считают постмодернисты, рождение альтернативных представлений об исторической реальности, что делает невозможным существование общезначимых критериев истинности или ложности исторических знаний. В связи с тем, что исторические тексты, являясь порождением дискурсивных практик, не отражают историческую действительность, то истину, как полагают постмодернисты, познать нельзя, но более или менее «правдоподобный отчет» о ней можно дать с помощью «диалогового метода» [15, р. 365].

В результате «субъектно-объектные» отношения в классической исторической науке или «субъектно-субъектные» отношения в неклассической исторической науке в рамках постмодернизма потеряли всякий познавательный смысл и были заменены провозглашением субъекта в качестве репрессивной инстанции по отношению к производству исторических знаний и альтернативных картин исторической реальности. В историческом познании исчезли всякие авторитеты, кроме представлений самого историка, опирающегося на принцип *«affirmo – ergo est»* («утверждаю – значит, так есть») и видящего свою задачу прежде всего в том, чтобы в историческом дискурсе облегчить коммуникацию между различными социокультурными сообществами.

Таким образом, в постмодернистской парадигме исторического познания абсолютизируется роль автора, работы которого, проникнутые духом интеллектуальной индивидуальности, представляют собой презентацию собственного опыта. Более того, по мнению постмодернистов, автор и не должен пытаться репрезентировать что-либо, кроме своей практики. Поэтому, в отличие от представителей неклассической науки, постмодернисты являются не просто зрителями, наблюдающими за развитием спектаклей на исторической сцене, но и их постановщиками и режиссерами.

В связи с этим постмодернизм, с одной стороны, – это предельная субъектность в производстве исторического знания, с другой стороны, постмодернизм несет в себе печать дегуманизации исторического знания. Это обусловлено тем, что субъекты исторического познания, как полагают постмодернисты, никогда не свободны от мира, которому они принадлежит. Поэтому историческое познание, осуществляемое с помощью знаков и символов, всегда обусловлено социокультурной предрасположенностью историков и испытывает воздействие – часто бессознательное – человеческих интересов. По-

этому субъекты исторического познания, как считают постмодернисты, будут неправы, если возомнят, будто бы они способны преодолеть груз всех своих культурно-исторических предрасположенностей и человеческих интересов [10, с. 339–345].

Более последовательно проблема гуманизации исторической науки решается в рамках неоклассической модели исторического исследования, где когнитивная субъектность историка приобретает иное качество. Основой этой модели является критический, реалистско-синкретический стиль исторического мышления. В рамках этой модели критике подвергается в первую очередь постмодернизм, который поставил под сомнение профессиональный статус самой исторической науки. Неоклассики, рассматривая постмодернизм как угрозу интеллектуальной деятельности в исторической науке, критикуют его представителей прежде всего за субъективистский, индивидуалистско-релятивистский стиль мышления, основанный на идеях радикального конструктивизма.

Неоклассики критикуют также неклассическую модель исторического исследования за односторонность ее номиналистско-идиографического стиля мышления, который способствовал распространению субъективизма и релятивизма в исторической науке в связи с популярностью в ней историко-культурной проблематики, приведшей по существу к отказу от объективно-каузального объяснения исторической реальности.

Критике неоклассиков подвергается и классическая модель исторического исследования за крайний объективизм, игнорирующий специфику исторического познания, отвергающий всякую структурирующую роль текстов и языка в историческом описании. Критикуются также представления классиков о методологическом плюрализме как эпистемологическом недостатке исторической науки. В целом неоклассики критикуют представителей классической модели исторического исследования за то, что последние, выступая против постмодернистской академической моды, фактически проповедуют новейшую форму «когнитивного абсолютизма», в котором «очищенный» мир разума представляет собой абстрактный, теоретизированный мир, существующий по своим имманентным законам, а научная нейтральность и объективность выходят за пределы человеческого действия и приобретают форму религиозной веры. Поэтому классическая теория познания, как считают неоклассики, не применима к «живому» историческому познанию. В связи с этим неоклассики полагают, что историческая эпистемология должна обращаться не к абстрактному субъекту научно-исследовательской де-

тельности, а к целостному человеку, познающему и интерпретирующему, а богатство познавательного опыта сегодня ставит проблему синтеза многообразных когнитивных практик на основе принципа доверия к субъектам исторического исследования.

Неоклассическая модель исторического исследования базируется на особом типе научной рациональности. Специфика этой рациональности заключается в том, что научное историческое мышление в ней выступает не как констатирующее, а как проектно-конструктивное когнитивное действие: рационален не тот, кто стремится к адекватному отображению исторической действительности, а тот, кто способен воссоздать такой ее образ, в котором неразрывно слиты представления историка с самой исторической действительностью. В связи с этим неоклассическая рациональность, предполагающая рефлексию и плюрализм различных методологических позиций, расширяет горизонты для становления в исторической науке респонзивной, экзистенциально-рефлексивной личности как основы формирования новой когнитивной субъектности историка.

В рамках формирования этой субъектности в исторической науке начинает складываться особый тип методологического сознания, который может быть описан следующими тезисами: 1) историческая реальность как внешний для исследователя «мир прошлого» сама по себе не дает никаких гарантий адекватности научного исторического знания; о ней можно говорить на разных языках, в контексте различных теорий, с учетом различных социальных перспектив; 2) научное историческое познание, протекающее при определенных культурно-эпистемологических условиях, обусловлено стилем исторического мышления сообщества, к которому принадлежит историк, и его парадигмальными предпочтениями; 3) историки, веря в целесообразность (или смыслообразность) исторической реальности, создают различные картины прошлого в виде системы когерентных понятий и логически непротиворечивых умозаключений так, что, будучи поставленными на место исторической реальности, эти картины посылают такие же их личные «послания», как и сама историческая реальность; 4) научные исторические знания как репрезентации исторической реальности не являются ее «репродукциями», «отражениями», поскольку эти репрезентации несут на себе «почерк» познающего; эти знания, зависимые от культурно-эпистемологического контекста и социальной перспективы, имеют статус научных конструкций, они концептуально относительны, их нельзя априори защитить от научных скептиче-

ских возражений; 5) историки, создающие картины прошлого, могут утверждать, не опасаясь фактических опровержений, что они в действительности познали некую сторону исторической реальности, хотя это утверждение не может быть никогда прямо доказано.

В рамках такого методологического сознания научное историческое исследование приобретает онтологическую «скромность»: оно утрачивает историческую реальность «саму по себе» в той мере, в какой эта реальность трансформируется в знаки, символические формы и тем самым в разные «картины исторической реальности», из которых ни одна не может быть признана единственно правильной. «Мир прошлого» начинает встречать ученых в разных ипостасях, которые историки в диалоге выбирают для конкретной научной встречи. Такое методологическое сознание позволяет по-новому реализовывать когнитивную субъектность в исторических исследованиях, последовательно преодолевая парадигмальные ограниченности, порождающие фрагментарность исторического знания, на пути к целостному постижению исторической реальности. Это выводит процесс гуманизации современной исторической науки на новый уровень, позволяющий реализовать креативный потенциал когнитивной субъектности историка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
2. Вальденфельс Б. Мотив Чужого. Минск: Пропилеи, 1999.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индик, 1993.
4. Зайцева Т.И. Зарубежная историография: XX – начало XXI века. М.: Издательский центр «Академия», 2011.
5. Лубский А.В. Историографическая революция // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014.
6. Лубский А.В. Нарратив исторический // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014.
7. Мишечкин Г.В. Теоретико-методологическая база постсоветской исторической науки (90-е гг. XX – нач. XXI вв.) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2017. № 3.
8. Могильницкий Б.Г. Методологические проблемы исторической науки: программа курса. [Электронный ресурс] URL: <http://klio.tsu.ru/methodology.htm>

9. Тарасенко О.И. Гуманизация исторического образования в условиях модернизации высшей школы // Вестник Челябинской академии культуры и искусств. 2013. № 1.

10. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.

11. Турченко В.Н. Гуманизация и гуманитаризация науки // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 1.

12. Чеканцева З.А. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). [Электронный ресурс] URL: <http://history.jes.su/s207987840002438-0-1>

13. Чеканцева З.А. Историки, история и память в современной Франции. [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/282731528_Istoriki_istoria_i_pamat_v_sovremennoj_Francii

14. Черный Ю.Ю. Современный гуманизм (обзор). [Электронный ресурс] URL: <http://humanism.al.ru/ru/articles.phtml?num=000142>

15. Rorty R. Philosophy and the mirror of nature. Oxford: Basil Blackwell, 1980.

С.И. Маловичко (Москва)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ – ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

В данной статье рассматривается проблема, связанная с отношением историков к базовому понятию источниковедения историографии – историографическому источнику и актуализации в неоклассической модели исторической науки предметного поля источниковедения историографии. Для достижения этой цели кратко анализируется изменение взгляда историков на историографические источники в разных моделях исторической науки и использования ими практик проведения их систематизации / классификации по жанровому / видовому признакам.

В классической европейской модели исторической науки XIX в. происходит становление источниковедения, а кроме того, историки начинают все чаще обращаться к конструированию истории изучения своей национальной истории. В это время история истории стала выполнять две основные функции: методическую и критиче-

скую. Эти функции, в целом, соответствовали функциям источниковедения: подготовка историка, критика исторического источника. В курсе лекций «Энциклопедия и методология истории» («Историка»), И.Г. Дройзен, заметив, что для исследователя произведения других историков (заслуживающих доверия) могут предоставить «материал» для конкретной исторической работы, поставил задачу, относящуюся к источниковедению историографии: «следует попытаться <...> распознать цель этих операций [автора], чтобы затем как бы вышелушить материал» [1, с. 142].

С появлением неклассического типа рациональности и – соответственно – неклассической модели исторической науки возникает история истории как рефлексия о процессе конструирования истории. Она остается критической, но эта роль все больше приобретает функцию интерпретации. Уже с начала XX в. историки все четче начинают выделять историографическую природу в произведениях историков. В основанной на лекциях по теории истории работе «Историка», Н.И. Кареев увидел в таких произведениях не только собрание ранее добытых фактов и «новые источники». По его мнению, произведение историка может выступать источником «другой категории <...>, это <...> памятник, указывающий на состояние историографии и даже на умственное развитие историков в данную эпоху» [9, с. 385–386, 389–390].

В рамках советской разновидности неклассической модели исторической науки А.П. Пронштейн в работе «Методика исторического исследования» (позиционируемая автором и издательством как монография, но имеющая признаки такого вида историографических источников – как учебное пособие), более четко выделил историографическую природу произведений историков. А.П. Пронштейн отметил, что они могут использоваться «для изучения исторических и общественно-политических взглядов их авторов (курсив мой. – С.М.) (этим занимается историография)» [21, с. 66].

Со второй половины 1960-х гг. в советской историографии С.О. Шмидтом была поставлена проблема историографических источников [26] и затем было сформулировано определение историографического источника: «историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений» [27, с. 112] (в 1990-х гг. в конце формулировки к понятию: «историографических явлений» он добавит – «(фактов)» [25, с. 185]. В дальнейшем, историки вносили некоторые уточнения в понятие предложенное С.О. Шмидтом, например, выделять два «круга» историографических источников: «круг историографических источ-

ников, несущих в себе элементы историографических фактов [произведения историков]» и «другой большой круг исторические источники иных видов (М.В. Нечкина) [19, с. 137] или выделить в историографических источниках «основную группу», куда должны войти произведения историков и «вспомогательную группу», включающую исторические источники иных видов и т.д. (В.П. Корзун) [13]. Как нам уже приходилось писать, такие определения историографического источника объединяет общий подход, основанный на расширительном толковании понятия историографический источник за счет включения в него исторических источников иных видов (например, документации научно-исследовательских организаций, источников личного происхождения и т. д.). Таким образом, существующий в российской (а также белорусской и украинской) истории истории/исторической науке подход к историографическому источнику, базирующийся на понимании историографического источника как исторического источника, несущего информацию об историографическом процессе, коррелирует с подходом в источниковедении, ориентированным на определение исторический источник – это все, откуда можно почерпнуть информацию исторического характера, пригодную для работы историка [15].

Предложенный подход к историографическому источнику не проясняет его природу: историографический источник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. Он смягчает деконструирующий – по отношению к историческому знанию – эффект истории истории, не способствует рефлексии над имманентными свойствами собственно историографических источников, в частности, над принципиально важной для современной истории истории проблемой различения научной истории и иных форм исторического знания [15, с. 90–91].

Реализация указанного подхода в научных исследованиях по историографии приводит к невниманию к природе конкретных историографических источников. Так, «Краткое пособие по русской истории» В.О. Ключевского современным исследователем названо «школьным учебником истории» [24, с. 22–23]. Присутствие в самоназвании произведения слова – «пособие» (тем более, указание самого Ключевского, на то, что книга адресована слушателям его университетского курса (sic!) [11]) в этом случае игнорируется, а значит, проведенный историографический анализ историографического источника является некорректным. Отсутствие рефлексии о видах историописания приводит к тому, что современные историки

зачастую не учитывают специфику отбора и презентации информации, которую они подвергают анализу.

К сожалению, это наблюдается и в учебных книгах по истории национальной истории, где авторы дают некорректную характеристику произведениям даже – своих «собратьев по цеху» – историографов, чьи работы по российской, белорусской и украинской историографии публиковались ранее. Например, работа Д.И. Дорошенко «Огляд української історіографії» (1921) названа учебником («підручник») [12, с. 65], монографией названы «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» М.О. Кояловича (1884), «Опыт русской историографии» В.С. Иконникова (1891–1908), «Главные течения русской исторической мысли» П.Н. Милюкова (1897) [16, с. 7], «Введение в русскую историю (источники и историография)» В.И. Пичеты (1922) [1, с. 12], «первым монографическим сочинением по отечественной историографии» называют «Очерки литературы русской истории до Карамзина» А.В. Старчевского (1845) [7, с. 263], учебником названа «Русская историография» Н.А. Рубинштейна (1941) [8, т.1, с. 14] и т.д.

Под влиянием парадигмальных «поворотов» в постнеклассической модели исторической науки произошла существенная трансформация предмета истории истории, ее проблематики, концептуального и понятийного аппарата. Историки, рефлексирющие о строгости научного изучения истории, стали наблюдать отсутствие этой самой строгости во многих исторических исследованиях, потерю границы между научной историографией и иными формами исторической презентации [30, s. 104]. Это свидетельствует о необходимости формирования критериев, помогающих различать, систематизировать и классифицировать историографические практики.

В исторической науке с XIX века – в целом, а затем и в истории истории стало традиционным систематизация исторических произведений по жанрам. Наиболее наглядно это можно проследить по статье «История» в издававшемся в последней четверти XX века в Германии «Словаре основных исторических понятий» (в 8 т.). Понятие «жанр» в «Словаре» отнесено и к жанру истории (в отличие от литературы), и непосредственно – к историческим произведениям, в зависимости от их структурно-композиционного построения [см.: 20].

Как и в зарубежной, в отечественной научной практике понятие «жанр» стало довольно распространенным. Советские лингвисты к жанрам научной литературы отнесли: монографии, диссертации

ции, статьи, научные отчеты, доклады и т.д. [см., напр.: 22, с. 45; 23, с. 42] Но, несмотря на это, в литературоведении и, в частности, среди представителей литературной теории довольно давно появилась скепсис по отношению к категории жанра [см., напр.: 28; 10]. Однако, как отмечает А. Хауми, «несмотря на существенную критику литературных жанров [в литературоведении], в историографии этот вопрос вообще игнорируется» [31, р. 145].

В советской, а затем и в российской истории исторической науки стало традиционным применять жанровый подход при систематизации таких историографических источников, как произведение историков, несмотря на то что некоторые историки предлагали и предлагают классифицировать их по видам, происхождению и авторству [см., напр.: 4, с. 126; 6, с. 502–505]. В 60-х гг. XX в. жанровый подход применяли О.Л. Вайнштейн и М.В. Нечкина, а в начале XXI в. выделяют жанры исторических работ некоторые соискатели научных степеней [см.: 2, с. 457; 18, с. 10; 5, с. 18].

Современная ситуация характеризуется все большим размежеванием разных типов исторического знания: социально ориентированного и научного. Происходит актуализация неоклассической модели исторической науки, пытающейся преодолеть постмодернистскую эпистемологическую анархию. Она критикует неупорядоченность исторического знания, стремится прояснить многообразие реальности, а на вызов постмодерна социальному статусу исторической науки отвечает защитой профессиональной составляющей исторического знания [14, с. 256–339]. Историки ставят вопросы о недопустимости размывания границ между научной и ненаучной историографией, в том числе, в виде «популярных форматов истории». Препградой такому размыванию, по мнению Д. фон Лаака, может стать введение в профессиональную подготовку историков предметов, связанных с изучением процедуры исторического письма как культурной практики [31, с. 345]. Неоклассическая модель науки ведет поиск строгих научных оснований профессиональной деятельности историков и рефлексировать о новых познавательных возможностях истории.

Стремление к формированию более строгих практик историографического анализа актуализировало проблему «исторических жанров» в зарубежной историографии. По мнению А. Хауми, большинство историков вообще не настроены думать о формах своих произведений и неслучайно, самой популярной (и самой узнаваемой) формой историописания до сих пор признается монография [32, р. 145, 147–148]. Сегодня, как пишет А. Хауми, присутству-

ет два взгляда историков на понятие «жанр». Одни, подразумевают под жанрами типы истории: социальная история, экономическая история, интеллектуальная история и т.д. Другие, понимают под ними отдельные подходы к истории: марксистский, этнокультурный, фрейдистский и т.д. Таким образом, как справедливо заключает А. Хауми, историки часто путают форму с содержанием [32, p. 150–151].

А. Хауми задал вопрос, является ли «жанр» – полезной категорией для проведения исторического (и историографического) анализа?». Историк не дает на него окончательный ответ, но напомнил, что в номенклатуре жанров следует разобраться, так как выбор тем или иным исследователем одного из них «является результатом решения о способе, с помощью которого организуется знание о прошлом» [32, p. 149].

Надо заметить, что в западноевропейской и американской историографии исследователи, за небольшим исключением, вопрос об «историографическом источнике» не поднимают. Одним из таких исключений можно назвать исследование Дж. Гормана «Историческое суждение: пределы историографического выбора», в котором автор рассуждает об использовании «основных» («primary») и «вторичных» («secondary») историографических источников [29, p. 14, 103]. За рубежом (кроме Беларуси и Украины) не сложились отдельная исследовательская область – источниковедение историографии, но сами по себе жанры исторических произведений в рамках неоклассической исторической науки – исследуются.

Например, используя категорию «жанр», Х. Пауль провел анализ учебных книг конца XIX – начала XX в. по методам исторических исследований: Э. Бернгейма, Ш.В. Ланглуа и Ч. Сеньобоса, Э.А. Фримана, Г. Адлера и др. Историк изучил их функциональную роль в системе высшего исторического образования, но кроме того, уточнил, что в исторической культуре эпохи эти учебные книги выполняли и иные функции [33].

Категория «жанр» не плоха и не хороша для проведения историографического анализа. Но не ориентирует исследователя на анализ произведения историка как историографического историка. Это, в том числе связано с тем, что понятие «жанр» нагружено как минимум двумя коннотациями: 1) система жанров присуща литературным, а не научным произведениям; 2) жанром называют саму историю (в отличие от литературы) – имеющую внутри исторические жанры [см.: 20], т. е. – история – это жанр жанров. Напрашивается

аналогия с «литературным жанром – как жанром жанров», который как раз-таки критиковал Ж. Деррида [28, р. 64].

Рефлексия о неоклассической модели исторической науки, об истории как строгой науке позволила Научно-педагогической школе источниковедения (сайт Источниковедение.ru) актуализировать формирование предметного поля – источниковедение историографии в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. На наш взгляд, историографические источники – это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного. Применение источниковедческого подхода позволяет нам выявлять типы исторического знания и проводить видовую (а не жанровую) классификацию историографических источников (произведений историков) на основании принципа целеполагания конкретных авторов исторических произведений и культуры их времени. На мой взгляд, в данном случае, источниковедение историографии выполняет не только функцию системности, но еще и функцию экспертную, столь необходимую в ситуации, когда ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования того или иного взгляда на прошлое.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белазаровіч В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік / Пад агульн. рэд. І.П. Крэня, А.М. Нечухрына. Гродна: ГрДУ, 2006. 346 с.
2. Вайнштейн О.А. Западноевропейская средневековая историография. М; Л.: Наука, 1964. 483 с.
3. Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 581 с.
4. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.
5. Игишева Е.А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии: Автореф. дис. ... д.и.н. Екатеринбург, 2010. 48 с.
6. Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 502–505.
7. Историография истории России: учеб. пособие для бакалавров / Под ред. А. А. Чернобаева [2-е изд.]. М.: Изд-во Юрайт, 2014. 552 с.

8. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ.: в 2 т. / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: ВЛАДОС, 2003–2004.

9. Кареев Н.И. Историка. Теория исторического знания // Кареев Н.И. Избранные труды / сост., автор вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 352–548.

10. Киреева Н.В. Изучение категории жанра в эпоху жанровой деканонизации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2015. Т. 17. № 1–2. С. 421–424.

11. Ключевский В. [О.] Краткое пособие по русской истории. Частное издание для слушателей автора. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1908. 202 с.

12. Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII – початок XX століття). Київ: Генеза, 2000. 256 с.

13. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Омск; Екатеринбург: Омск. гос. ун-т; Изд-во Уральск. ун-та, 2000. 226 с.

14. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.

15. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник / Отв. ред. В. П. Корзун, С. П. Бычков. Вып. 11. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 77–99.

16. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие [4-е изд.]. М.: Изд. центр «Академия», 2011. 480 с.

17. Наумова Г.Р. История исторической науки. Историография истории России: в 2 ч.: учеб. для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017.

18. Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 6–21.

19. Нечкина М.В. Послесловие // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 132–140.

20. Понтеру Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) / Хорст Понтеру, Райнхарт Козеллек, Кристиан Майер, Одило Энгельс // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: НЛО, 2014. С. 45–239.

21. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1971. 458 с.
22. Сенкевич М.П. Стили научной речи и литературное редактирование научных произведений: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1976. 263 с.
23. Федоровская О.А. О жанровой классификации научно-технических документов и их лингвистических особенностях (на материале русского языка) // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. М.: Наука, 1989. С. 37–45.
24. Фукс А.Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.): автореф. дис. ... д.и.н. М., 2011. 55 с.
25. Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Шмидт С.О. Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. С. 177–205.
26. Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Моск. гос. ист.-арх. ин-т. М., 1965. Т. 22. С. 3–49.
27. Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 109–117.
28. Derrida J. The Law of Genre / Jacques Derrida // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. No. 1. P. 55–81.
29. Gorman J. Historical Judgement: The Limits of Historiographical Choice. Kingston: McGill Queens University Press, 2008. 258 p.
30. Hardtwig W. Fiktive Zeitgeschichte? Literarische Erzählung, Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Deutschland // Verletztes Gedächtnis: Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt, hg. Konrad H. Jarausch, Martin Sabrow. Frankfurt am Main: Campus, 2002. S. 99–123.
31. Laak D., van. Zeitgeschichte und populäre Geschichtsschreibung: Einführende Überlegungen // Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History. 2009. №. 6. S. 332–346.
32. Jaume A. Rethinking historical genres in the twenty-first century // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 145–157.
33. Paul H. Manuals on Historical Method: A Genre of Polemical Reflection on the Aims of Science / Herman Paul // The Making of the Humanities, vol. 3 / ed. Rens Bod, Jaap Maat, Thijs Weststeijn, Amsterdam: Amsterdam University Press, 2012. P. 171–182.

СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Данная работа родилась из одной ненаписанной рецензии, и поэтому может рассматриваться как некий вариант совокупного отклика. Продолжая знакомиться с новейшими историографическими трудами, мы решили обобщить некоторые наблюдения, которые касаются новых черт, подходов, образов современной историографической науки. Наше внимание сосредоточилось на нескольких историографических монографиях: Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М., 2017; Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М., 2018; Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб., 2018. Естественно, что при анализе современных проблем историографии ограничиться только этими работами невозможно. Список «авангардистских» трудов можно множить значительно. Здесь упомянем, к примеру, находящуюся в сети Интернет монографию О.В. Богомазовой о В.О. Ключевском в памяти современников (с не вполне ясным библиографическим статусом) [2], а также многочисленные статьи об историках из альманаха «Диалог со временем», «Мир историка», «Французского ежегодника» и др. Оговоримся, что указанные три работы имеют значение для нас как отправная точка для размышлений о дальнейших судьбах историографической науки. Это тот случай, когда количество переходит в качество. Что их объединяет? Повышенное внимание к ненаучному компоненту, фактору существования собственно того пространства, в котором жили и творили исследователи. Нельзя также сказать, что и это новые сюжеты для историографии. Понятно, что она давно уже не ограничивается только лишь вниманием к результатам научных исследований. Тот факт, что проблемная историография является исторически первым этапом развития историографической мысли – уже стало научной данностью [6]. Тематическое и жанровое разнообразие историографии велико: отношения науки и власти, коммуникативное пространство историков, история отдельных научных идей – концепций, история научных и образовательных институций, интеллектуальная биография и т.д. Здесь же мы хотели бы обратить внимание несколько на другое, а именно: как кажется, данный ненаучный компонент начинает вытеснять собственно научный, или, по крайней мере, становится

важным опосредующим звеном в изучении процесса рождения нового научного знания. Если это действительно так, то признаем, что современная историография в целом находится в том тренде, который активно осмысливается социальной эпистемологией [см.: 7].

Начнем с биографического сборника А.В. Гордона. Он посвящен советским историкам Франции. Необходимо отметить, чтобы оттенить степень новизны материала, что некоторые из глав были опубликованы ранее на страницах Французского ежегодника и в других изданиях. Естественно, что помещение под одной обложкой потребовало дополнительного обоснования. Первоначально автор хотел ограничиться очерками о своих учителях и коллегах. В последующем оказалось, что понять многое в их творчестве невозможно без обращения к раннесоветской историографии, что послужило поводом к расширению хронологии труда. В книге мы найдем материал о таких ученых как Г.С. Фридлянд, Я.М. Захер, Б.Ф. Поршнев, В.М. Далин, А.З. Манфред, А.В. Адо и др. Что бросается в глаза? Сам автор счел необходимым отметить, что исследование носит личностный характер: «Историю не только творят люди, но и пишут... Речь идет о создании портрета ученого в триединстве его жизненного пути, творчества и среды» [3, с. 6]. При этом А.В. Гордон часто пользуется в разных сочетаниях прилагательным «личностный»: личностное восприятие, личностный аспект, личностное прочтение и т.д.

Ученый ссылается на знаковую в теоретическом отношении вышедшую в 2012 г. работу В.Д. Камынина о личностном факторе в исторической науке [см.: 5]. И опять же отметим, что не это привлекло наше внимание, так как о влиянии таких составляющих как эпоха, политика, идеология на исследовательский процесс историографы писали уже неоднократно. Для нас важной является оговорка А.В. Гордона, что «для полноценного вовлечения индивидуальности ученого в историографическое исследование совершенно необходимо широкое привлечение источников личного происхождения». Что отразилось и на выборе героев книги: «В своем большинстве это люди, которых я близко знал, с которыми многократно беседовал, переписывался. Поэтому на первый план выходят личные воспоминания и документы личного архива» [3, с. 7]. Данная цитата требует некоторого пояснения. Зафиксируем признание историографа в важности привлечения такого рода источников. Сделаем оговорку, что определение статуса документов личного происхождения как историографического источника – отдель-

ная дискуссионная задача [см, напр.: 1, с. 118]. В очерках действительный объем привлекаемого личного материала значителен. Рискнем предположить, что столь интенсивное его использование не только, а может и не столько стремление ученого лично поведать о тех перипетиях научной жизни, участником которых он был, и тем самым объемнее представить картину когда-то происходившего. С помощью этих данных он, собственно, и решает свои историографические задачи. К этому стоит добавить, что в количественном плане анализ исторических взглядов (как мы говорим по традиции), занимает не так много места в сравнении с другими сюжетами. Конечно, в Александре Витальевиче еще трудно заподозрить историка-конструктивиста, однако при чтении складывается следующее ощущение: результат научного труда историка в виде концепции, положения, точки зрения соотносим в первую очередь с самой личностью автора (хронотопом), нежели с той исторической реальностью, на постижение которой и направлен был научный поиск изучаемого историка. Например, «систему истории» Б.Ф. Поршнева мы видим прежде всего в нем самом, где «особый дар творческого воображения» сочетался с весьма жесткой «материальностью» «системных блоков» [3, с. 201].

Обратимся к следующей монографии. Л.А. Сидорова предприняла попытку параллельного воссоздания духовного и научного облика дореволюционных и советских историков, преимущественно I половины XX в. Любовь Алексеевна известна своими исследованиями историографического быта отечественных ученых, их межличностных коммуникаций, генерационным методом, связанным с выделением поколений советских историков [напр.: 8]. В новой работе она продолжает углубленно изучать избранное направление. Методология историографического анализа проступает в следующей установке автора: «Монографии – главные вехи на пути историка – дают возможность увидеть результат его труда. Не менее важно, однако, объяснить, почему книга стала именно такой, какой ее получил читатель. А это уже было определено, помимо конкретных условий научной деятельности... сложным комплексом духовно-ментальных причин, раскрытие которых делает понятнее характер и направление проделанной работы» [9, с. 7]. Очевиден здесь неклассический подход к историографическому исследованию, когда внимание автора концентрируется на контексте интеллектуального труда, то есть на реальности историка, со всеми вытекающими отсюда теоретико-методологическими последствиями. Так, в цен-

тре внимания Л.А. Сидоровой оказываются вопросы религии, нравственных устоев жизни историков, их предпочтения в области художественной литературы, театра, музыки, живописи – то есть всего того, что окружало российского интеллектуала того времени и формировало его мировоззрение и мироощущение. Историограф делает вывод «о существовании определенной взаимосвязи между развитием отечественной исторической науки и искусства в целом» [9, с. 197]. Интересно, что второй раздел монографии о научном облике историка не получается узконаучным, так как освещает проблемы профессиональной коммуникации, в том числе между поколениями ученых, индивидуальных предпочтений историков в собирании, к примеру, собственной библиотеки.

Естественным образом, для выполнения данной цели исследования автор обращается к соответствующему источниковому материалу, в первую очередь, концентрируя внимание на дневниках, воспоминаниях и переписке ученых и их близких. Итак, Л.А. Сидорова постаралась показать сложный и многообразный духовный внутренний мир историков, «опосредованно присутствовавший в их трудах». Необходимо отметить, что это исследование провоцирует на постановку и решение последующих задач. Очевидно, что подобный параллельный абрис духовного и научного обликов еще не отвечает на вопрос, но делает его закономерным: а каким именно образом этот внутренний духовный мир опосредованно присутствует в научных изысканиях ученых. А если присутствует, то как мы должны относиться к результатам их исследований, направленных все-таки на реконструкцию исторической реальности? Как представляется, для этого необходимы специальные методологические изыскания.

Наконец, кратко охарактеризуем монографию А.М. Дубровского. Автор целенаправленно поставил задачу показать на основе дневников, писем и воспоминаний разные судьбы историков в 1930-х гг., их духовную жизнь и восприятие ими действительности. Собственно, при большом желании можно даже поставить вопрос, насколько это исследование специфично историографическое? Поскольку предметом изучения является определенным образом воспринимаемая реальность в СССР 1930-х гг. А историков автор избрал в силу их профессиональных качеств, обостренной рефлексии: «Как историки все эти люди не могли не размышлять над окружающим в системе понятий своей науки, на основе пройденного страной пути, порой даже с точки зрения всемирно-исторического

опыта человечества. Если дневник рядового человека или человека иной профессии, чем историк, обычно ограничивается описанием «с близкого расстояния», то дневник историка не может не воспроизводить «общий план», содержание которого – судьба страны» [4, с. 6]. Обратим внимание на сохраняющуюся у автора классическую принципиальную установку, согласно которой историки имеют профессиональное преимущество «историзма», реализуемое не только в научных трудах.

А.М. Дубровский сосредоточился на судьбах пятерых историков: А.Г. Манькова, С.А. Пионтковского, С.В. Бахрушина, С.Б. Веселовского и В.И. Смирнова. Историограф комментирует данные из источников и личного происхождения, в которых проявляется отношение героев к политической жизни страны, их научная и бытовая повседневность, успехи, трудности и т.д. В качестве отдельной задачи анализ их творчества в монографии не предполагался. Хотя опосредованно данный аспект в работе присутствует. Как указывает автор, дневниковый рассказ «в очень небольшой мере освещает научное творчество каждого из этих историков. На первом плане здесь иное, а именно: восприятие времени, психологическая, человечески-житейская сторона их жизни. Однако и осмысление этой стороны объясняет творческий путь ученого, без чего не может быть глубокого понимания судьбы исторической науки» [4, с. 9]. В качестве примера Александр Михайлович приводит выдержку из дневника С.А. Пионтковского, дающего характеристику своей книге по историографии, вышедшей в 1931 г.: «изрутал всех, кого знаю. Говорят, что славы она мне не прибавит, а врагов – в большом количестве. Ну, что сделаешь, нужно подходить к этому не с точки зрения количества врагов, а с точки зрения политического смысла» [4, с. 120]. Понятно, что в самой книге более проступает актуальный тогда политический момент. С другой стороны, снова обратим внимание, что напрямую объяснить научное творчество через эту человечески-житейскую сторону, просто параллельно сведя их в линейном нарративе, не получится.

Некоторые сюжеты в монографии Дубровского наводят и на другие актуальные размышления. К примеру, о соотношении и значении формальных и неформальных суждений историков для последующих историографических изысканий. Так, автор сравнивает высказывания С.В. Бахрушина об Иване Грозном, помещенные в его Table-talk, с общей идейной направленностью книжки о царе, выпущенной в 1945 г. [4, с. 189–191]. Диалектически здесь зафик-

сируем важность дневников для реконструкции свободной мысли ученого, а с другой – монографии как историографического факта, имевшей известное значение в направленности историографического процесса.

Повторимся, что мы акцентировали внимание на некоторых новых трудах скорее для того, чтобы показать, какие вопросы историографического исследования в связи с этим возникают, не торопясь с готовыми ответами. В целом, хотелось бы обратить внимание на следующие явления:

- Сюжетное разнообразие историографических исследований все увеличивается. Мы можем наблюдать это и с точки зрения расширения тематики, так и углубления/смещения историографического анализа;

- Все большее внимание уделяется тому, что окружает мир науки;

- В биографических очерках акцент смещается с анализа научного наследия в пользу схватывания самой «бытийственности» науки;

- Отсюда перестройка историографического исследования (отказ от традиционного последовательного рассмотрения биографии ученого, пусть в тесной связи со средой, а потом – анализа трудов);

- Интенсификация привлечения документов личного происхождения к историографическому исследованию еще более усиливает продолжающуюся переориентацию с реальности истории на реальность историка;

- С другой стороны, пока господствующей установкой остается использование данной группы источников как дополняющих/проясняющих деятельность по производству научного продукта, что способствует дальнейшему количественному накоплению и введению их в научный оборот;

- Продуктивность данных процессуальных изменений может быть обеспечена путем разработки специальной методологии. К примеру, приложению к указанной группе источников процедуры источниковедческого синтеза.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алеврас Н.Н. Источниковедение историографии и историографический источник в контексте источниковедческой парадигмы как

повод для историографических заметок и размышлений // Мир историка: историографический сборник. Вып. 11. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. С. 100–121.

2. Богомазова О.В. Портрет историка в контексте эпохи: воспоминания современников о Василии Осиповиче Ключевском. [Б. м.], 2016.

3. Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб., 2018. 448 с.

4. Дубровский А.М. Историки в 1930-х гг.: судьбы и восприятие жизни. М., 2018. 280 с.

5. Камынин В.Д. Личностный фактор в исторической науке (историографические портреты). Екатеринбург, 2012. 286 с.

6. Маловичко С.И. Трансформация функций истории истории в системе исторической науки // Харківський історіографічний збірник. Х., 2014. Вип. 13. С. 74–84.

7. Маркова Л.А. Наука на грани с ненаукой. М., 2013. 336 с.

8. Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: ИРИ РАН, 2008. 295 с.

9. Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М., 2017. 248 с.

Т.В. Панкова-Козочкина (Новочеркасск)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ

В постсоветский период, в связи с крушением господства коммунистической идеологии, марксизм утратил свою роль универсального теоретического базиса исторического познания. Былая монополия сменилась теоретико-методологическим плюрализмом, неоспоримым преимуществом которого является возможность с помощью различных теорий и концептов анализировать те или иные научные проблемы с разных точек зрения, и это позволяет историкам сформировать многомерную и полихромную картину минувшего. Методологические традиции изучения региональной истории как отдельного направления исторической науки отстаивал А.П. Пронштейн, в том числе, в фундаментальной монографии «Земля Донская в XVIII в.» [20].

Среди теорий изучения региональной аграрной истории нами, в частности, выделяются: формационный и цивилизационный под-

ходы, «новая локальная история», концепт «хронотоп», теория модернизации (в инварианте «множественности модернов»).

Методологические приемы формационной теории в значительной мере сохраняют свою функциональность, позволяя довольно эффективно анализировать социально-экономические и общественно-политические процессы. Поэтому, отечественные специалисты по-прежнему применяют формационный подход при исторической реконструкции минувшего. Он предоставляет возможность с достаточной степенью полноты рассмотреть особенности таких социальных групп, как казачество и крестьянство, осветить их место и роль, к примеру, в советском обществе эпохи нэпа, проанализировать специфику аграрной экономики и социальных отношений, устройства и функционирования системы сельского самоуправления в 1920-х гг. Тем самым, привязка к исторической эпохе (формации) остается привычной для многих современных исследователей региональной истории [3, 12, 16, 19, 22, 23].

Результатом усилий отечественных исследователей стал отход от идеологизированного понимания истории советского (российского) крестьянства, когда исторический путь постоктябрьской деревни трактовался как слом пережитков капитализма и переход на путь социалистических преобразований. И все же в постсоветский период дихотомия «капитализм – социализм» не была отброшена вовсе, поскольку адекватно отражала определенные области жизнеустройства и развития советской деревни. Но, в отличие от времен безраздельного господства марксизма в сфере исторического познания, эта дихотомия превратилась лишь в один из многих компонентов теоретико-методологической базы исследований крестьянства. Обогащение теоретико-методологического инструментария постсоветской генерации историков-аграрников множеством приемов и положений создало необходимые предпосылки как для формирования качественно новых теорий и подходов к познанию истории российской деревни (в том числе, изучаемой нами эпохи нэпа), так и для значительного расширения круга анализируемых учеными проблем и вопросов.

Наряду с формационной теорией, стал широко использоваться цивилизационный подход, который, в отличие от марксизма, в большей мере ориентирован на выявление и анализ не столько социально-экономических процессов (хотя и говорить об игнорировании этих процессов при нем не приходится), сколько социокультурной динамики различных государств и обществ в рамках опре-

деленных периодов их истории, особенностей менталитета того или иного народа и пр. Положения и приемы цивилизационного подхода незаменимы при изучении материальной и духовной культуры, многообразных структур повседневности, особенностей общественного сознания. К примеру, с позиций цивилизационной теории наиболее целесообразно осуществлять анализ традиций и коллективного сознания южно-российского крестьянства и казачества как существенных факторов развития сельского хозяйства, модернизации аграрного производства на Юге России, а, соответственно, изучение совокупности проблем коллективизации теперь не сводится к политической конъюнктурной схеме победы колхозного строя [8].

Немаловажным компонентом теоретико-методологической базы выступают положения «новой локальной истории» как обладающего высоким научно-теоретическим потенциалом исследовательского подхода к познанию явлений минувших эпох, обоснованного, в частности, в работах Т.А. Булыгиной и С.И. Маловичко [7, с. 27–34; 14, с. 3–11]. Вопреки названию и первоначальному смысловому наполнению, «новая локальная история», восходящая своими истоками к 1960-м гг., не сводится к краеведению, не ограничивает познание рамками строго определенной региональной общности и не возводит эту общность в абсолют. По справедливому замечанию А.П. Репиной, «в отличие от «старой» локальной истории, которая в основном поставляла необходимый иллюстративный материал для подтверждения отдельных, нередко противоположных положений, выдвигаемых специалистами по национальной и региональной истории», приверженцы нового локально-исторического подхода исследуют все те же местные сообщества, но помещают их «в пространственно-временные рамки реального социального взаимодействия» [21, с. 164].

Это выражается в освещении исторического пути того или иного локального сообщества как самоценного, но все же компонента российской истории, некоего фрагмента мозаики, из совокупности которых складывается единая цельная многокрасочная картина. Исследовательские практики «новой локальной истории» позволяют не только наполнить местной спецификой общероссийские процессы, или как писали в свое время по этому поводу южно-российские ученые, анализирувавшие Октябрь 1917 г. на Дону и Северном Кавказе, «изучение региональных особенностей расширяет представления об универсальности опыта социалистической революции» [10,

с. 69], но и представить жизнь локальных сообществ под влиянием этих процессов [9, 11, 15, 18, 25].

Использование исторической категории «хронотоп» стало одной из знаковых тенденций в современной историографии. Под историческим концептом «хронотоп» мы понимаем пространственно-временные характеристики и кластерно-территориальные особенности, типичные для данного исторического периода, формирующие его образ в историческом сознании и создающие исторические традиции в историописании. Хронотоп несет с собой определенные темпоральные представления как историческая концепция времени внутри одного «места». Вместе с тем, хронотоп придает темпоральную форму самой социальной действительности, одновременно привязывая ее к определенному месту. Хронотоп позволяет объединить в некую совокупность несколько однородных элементов, которая выступает уже как самостоятельная единица, в качестве которой, например, рассматривается кубанский хутор [24].

Применение категории «хронотоп» приводит к эпистемологическим дискурсивным практикам, и тогда кубанский хутор предстает в нескольких ипостасях. Во-первых, это поселенческая структура, ибо с организации поселения хутор начинается, когда он появляется в объективной социальной реальности. Во-вторых, хутор интерпретируется в качестве целостной хозяйственной системы, экономическая эффективность функционирования которой во многом предопределяется исторической эпохой, в которой кубанский хутор существует. В-третьих, развитие хутора детерминировано действующим порядком землепользования и правом собственности на землю, регулируемые текущим законодательством. В-четвертых, хутор выступает неотъемлемой частью региональной земледельческой культуры (агрикультуры). В-пятых, кубанский хутор был и остается носителем определенной человеческой культуры той поселенческой общности, которая представляет его этносоциальное и демографическое лицо. В-шестых, локальный мир кубанского хутора отличается складывающаяся система межличностных отношений и социальных взаимодействий, составляющих социально-психологическую атмосферу хутора, отличающегося так называемой хуторской ментальностью и совокупностью социальных интересов, проявляющихся во всем многообразии, в зависимости от той исторической эпохи, в которой кубанский хутор существует. В-седьмых, кубанский хутор представляет собой поистине уникальный казачий культурно-хозяйственный уклад, демонстрирующий имманент-

ные характеристики казачьей общности. В-восьмых, он формирует эколого-природную среду обитания человека, от чего зависит общее социальное самочувствие кубанского хутора. В-девятых, хутор не может существовать без многообразной системы коммуникаций и хозяйственно-инженерного обеспечения, формирующих контакты хутора с окружающим миром и инфраструктуру хутора, включенного в глобальные коммуникации (почтовые услуги, телефонная связь, дороги, водопровод, и пр.) [24, с. 10–11].

Для изучения советского этапа исторического пути России, на наш взгляд, одним из наиболее эффективных и перспективных исследовательских подходов выступает теория модернизации [1]. Она акцентирует внимание на процессе перевоплощения традиционного патриархального общества в общество современное, индустриальное или постиндустриальное. Сама модернизация понимается при этом как комплекс социально-экономических, социально-политических, культурных, ментальных трансформаций, в результате которых возникает общество современного типа с применением машинной технологии, рационализмом как ведущим типом сознания и мышления и пр. [2, с. 5] Советская эпоха представляет собой именно время широчайших преобразований, проводившихся под лозунгами и на основе принципов социализма, затрагивавших самые разные сферы жизнедеятельности общества и государства и создававших удивительные феномены, например, многоукладность [4]. «Ускоренная модернизация, – как пишет В.А. Бондарев, – практически не оказывала воздействия на глубинные структуры общественного сознания и культуры и на характер взаимоотношений между обществом и государством» и потому по ее итогам «в России не возникали ни механизмы саморазвития, ни демократические традиции и институты, которые следует рассматривать как один из важнейших результатов модернизационных процессов» [5, с. 55]. В итоге, едва государство ослабляло усилия в деле модернизации и сразу же сформированные в нашей стране социально-управленческие институты реформирования начинали пробуксовывать и деградировать, поскольку не воспринимались российским обществом (смотревшим на модернизацию как на затею «верхов») в качестве органической части отечественной действительности.

Чтобы модернизация России стала «завершенной», и наша страна превратилась в некий аналог западноевропейских государств, необходимы гораздо более глубокие и масштабные преобразования. В частности, по мнению Е.Г. Ясина, «успех модернизации россий-

ской экономики в значительной мере зависит от того, будут ли происходить необходимые изменения в культуре, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения, по сути, образуют не только *условие* (здесь и далее курсив издания – Т.П.-К.) успеха модернизации, ее социальный контекст, но и, если задуматься, ее наиболее глубинное *содержание*: мы сами должны стать другими, чтобы сделать страну процветающей» [27, с. 4].

Цивилизационная специфика России многократно превосходит те различия, которые отграничивают друг от друга страны Западной Европы, и эта специфика не позволяет точно скопировать западный опыт и сравнивать нашу страну с государствами, подобными Англии, Франции, Германии и пр. В самом деле, как можно, говоря об успехах западной модели модернизации, приводить в пример для России ту же Испанию или Германию (последняя в семь раз (!) меньше по площади одного нашего Красноярского края)?! Неужели авторы этих примеров не осознают нетождественности и некорректности сравнений?! Геополитические, культурные, ментальные особенности России решительно препятствуют ей равняться на указанные государства, отличные и по размерам, и по положению в мире, и по оказываемому сильнейшее влияние на национальный характер вероисповеданию (православие и ислам в России, католицизм и протестантизм в Испании и Германии). Наконец, сторонники идей о «незавершенности» отечественных сценариев модернизации почему-то забывают о внешнем влиянии. Ни одно государство мира не существует в безвоздушном пространстве, и его международное окружение воздействует на характер и темпы реформ. Будучи окружена целым рядом не слишком-то дружелюбных соседей (и это мы сегодня отчетливо наблюдаем), Россия вынуждена укреплять свою государственность, ибо, в условиях многонационального устройства лишь единое и мощное государство является гарантом независимости Российской Федерации. Вот почему, реформы будут не только ускоренными, но и идущими в противовес западным цивилизационным ценностям, поскольку таковые воспринимаются российским обществом как чуждые или даже откровенно враждебные, угрожающие национальной идентичности, особенно когда на Западе официально воспеваются ЛГБТ-сообщества, приветствуются очевидные для россиян абсурды ювеноальной юстиции, превозносятся квазиплюралистический нонконформизм журнала «Charlie Hebdo» и пр.

В итоге, «третий путь» России между классической модернизацией и верностью патриархальным традициям является не мифом, но обусловленным цивилизационными особенностями нашей страны вариантом преобразований. Этот вариант не лишен серьезных недостатков, но является единственно возможным. По крайней мере, альтернативы ему не будет до тех пор, пока Россия остается многонациональным, опирающимся на самобытную богатейшую, прежде всего русскую, культуру, обширным государством, занимающим срединное положение в Евразии и играющим важную роль в международных делах. Думается, классическая западная модернизационная парадигма может восторжествовать в России лишь в том случае, если на этих необозримых пространствах возникнет ряд небольших национальных государств, сходных по размерам и типу с государствами Западной Европы, тогда по Фрэнсису Фукуяме, наконец-то наступит «конец истории». Но, это будет уже отнюдь не Россия-матушка, а нечто другое, к чему стремятся многочисленные внешние недруги и внутренние ангажированные друзья Запада.

Суммируя вышеизложенные соображения, подчеркнем, на наш взгляд, классическая теория модернизации, абсолютизирующая западные методики преобразований, не способна адекватно отразить российскую специфику. Гораздо более перспективными представляются наработки отечественных и зарубежных специалистов, акцентирующие внимание не на безальтернативном универсализме модернизации, а, напротив, на цивилизационной специфике тех или иных обществ и государств, в том числе восточных, которая способна в большей или меньшей степени влиять на процесс преобразований, корректируя их ход и результаты.

В этой связи интересна обстоятельно обоснованная Шмуэлем Ноем Эйзенштадтом (или Айзенштадтом) теория «множественности модернов» [26, с. 136–145], согласно которой классическая (западная) модель модернизации претерпевает неизбежные и весьма существенные трансформации в процессе ее реализации в тех или иных странах и государствах под влиянием этнокультурной (цивилизационной) специфики этих стран и государств. Как нам представляется, теория «множественности модернов», не отрицая модернизационную парадигму как таковую, избавляет ее от таких негативных характеристик, как линейность и универсализм западного опыта. Тем самым, данная теория, в ряде случаев дополняемая положениями «новой локальной истории», позволяет в полной мере учитывать специфические характеристики российского (в равной

мере и советского) варианта модернизации как «догоняющей» [13], «имперской», «фрагментарной». В региональном контексте теорию фрагментарной модернизации отстаивает В.А. Бондарев [6].

Итак, мы рассмотрели ряд теорий и концептов, позволяющих плодотворно исследовать актуальную проблематику региональной аграрной истории, и они, безусловно, не исчерпывают все многообразие открывшегося последние десятилетия теоретико-методологического плюрализма. Новые перспективы для индивидуальных исследовательских траекторий в изучении обозначенного круга вопросов связаны с историческим концептом повседневности, с поиском смысловых пределов и содержательного наполнения категории исторического региона, с фокусированием внимания на гендерных моделях исторического познания, с историческими реконструкциями в рамках парадигмальных параметров микро-истории и др.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В. Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург, 1997.
2. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–19.
3. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012.
4. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.
5. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Дис... докт. ист. наук. Новочеркасск, 2007.
6. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.
7. Булыгина Т.А. Историческая антропология и исследовательские подходы «новой локальной истории» // Человек на исторических поворотах XX века / Под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар, 2006. С. 27–34.

-
8. Гадицкая М.А. Истоки колхозной повседневности (на материалах Юга России 1930-х годов). Новочеркасск, 2018.
 9. Гадицкая М.А., Скорик А.П. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е г.: гендерный потенциал и менталитет. Ростов н/Д., 2009.
 10. Гугов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1988.
 11. Зинченко С.А. Южно-российское крестьянство в системе советских аграрных отношений (1920-е – первая половина 1930-х годов). Дис... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006.
 12. Игонин А.В., Оборский Е.Ю., Суханова Н.И. Северокавказское общество на историческом переломе (1917 – конец 1920-х гг.). Ставрополь, 2009.
 13. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
 14. Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // Новая локальная история. Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской Интернет-конференции. Ставрополь, 2003. С. 3 –11.
 15. Панарин А.А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921–1929 гг. Армавир, 2004.
 16. Панкова-Козочкина Т.В. Казачье-крестьянское самоуправление эпохи нэпа: проблемы модернизации властных отношений на Юге России в 1920-е годы. Новочеркасск, 2014.
 17. Панкова-Козочкина Т.В., Бондарев В.А. Казачье-крестьянское хозяйство эпохи нэпа: проблемы модернизации аграрных отношений на Юге России. Новочеркасск, 2012.
 18. Пантелеев Е.В. Верхнедонские округа: проблемы социально-политического и экономического развития (1918–1927 гг.). Дис... канд. ист. наук. Волгоград, 2005.
 19. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д., 1997.
 20. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.
 21. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
 22. Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. Ростов н/Д., 2009.
 23. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010.

24. Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск, 2016.

25. Съемщиков С.С. Деятельность крестьянских комитетов общественной взаимопомощи на Дону и Кубани в 1921–1932 гг. Дис... канд. ист. наук. Армавир, 2013.

26. Эйзенштадт Ш. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / Отв. ред. П.В. Малиновский. М., 2002. Ч. 1. С. 136–145.

27. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей // Вопросы экономики. 2003. № 4. С. 4–36.

М.С. Петрова (Москва)

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ ПРОСОПОГРАФИИ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ РИМСКОГО ВРАЧА (I–V вв.)*

Важность просопографии как нового научного подхода к исследованию истории, в частности, социальной, в настоящее время не подвергается сомнению. Тем не менее, все еще продолжают споры о том, что представляет собой просопография – является ли она отдельной исторической дисциплиной, историческим методом или совокупностью методик (набором исследовательских приемов; способом теоретического исследования), меняющихся в зависимости от темы; либо термин «просопография» тождественен реконструкции биографии. Как представляется, просопографию следует рассматривать как самостоятельную историческую дисциплину, использующую методологию (или совокупность методов, применяемых в отдельных науках) и данные специальных (или вспомогательных) исторических дисциплин – ономастики, геральдики, нумизматики, палеографии, эпиграфики, генеалогии и др., которые могут задействоваться в просопографическом исследовании, опирающемся на их данные. При этом, исходя из конкретной задачи, различаются избираемые методы научного анализа (например, методы система-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, в рамках проекта (№ 18-78-10018) «Проблемы биоэтики в историческом контексте и социокультурной динамике общества».

тизации, сравнения, «чтения» и «толкования» источников как письменных, так и вещественных), зависящие и от избранного для исследования временного периода, и от поставленной цели. В связи с этим, избранные и применяемые методы в конкретном исследовании могут быть названы «просопографическими», действующими в рамках этого исследования.

На основе письменных и материальных источников (среди которых папирусы, различные подписи и надписи, монеты) просопография пытается систематизировать описание личностей определенной эпохи, региона или общества. Отправляясь от такой систематизации, возможно реконструировать биографии исторических деятелей, а затем, отталкиваясь от полученных результатов, делать выводы о социальной, административной и хозяйственной истории того или иного периода. В целом, просопографические исследования направлены на изучение образа жизни, рода занятий и деятельности отдельных индивидов или небольших групп людей, а также разнообразных малых народов и племен, сословий людей, живших в разное время и разных местах. Целью просопографической работы может быть реконструкция образа жизни тех или иных персон (например, греческих рабов, чьи имена известны по надписям о даровании им свободы). Просопографическое исследование может быть посвящено также систематическому описанию и выявлению рода обязанностей и их последовательности у группы людей, занимавших один и тот же государственный пост (например, гоплита, судьи, врача и др.) в некоем городе (или государстве) на протяжении определенного времени (к примеру, в Афинах и т.д.) [2, с. 9–10].

Очевидно, что попытки понять европейское прошлое подрываются жесткой хронологической периодизацией (Античность, раннее, высокое, позднее Средневековье и т.д.), либо жестким региональным или страноведческим подходом, когда «римляне» противопоставляются «германцам», а «немцы» – «французам». Это усугубляется современной тенденцией мыслить в терминах «национальности», а также расовой либо этнической идентичности. В этом смысле просопография идет «снизу» – от «микроистории»; она не ищет наций «в первую очередь», но изучает прошлое общество как целое, его структуру и индивидов, которые его составляли, чтобы проследить эволюцию социальных или культурных представлений о своей принадлежности к определенной нации у лиц, живших в данных регионах, людей, которых, возможно, разделяли (или не разделяли) язык и законы [3, с. 417–419].

В настоящем докладе посредством методов и подходов просопографии, с учетом ее гипотетичности [1, с. 180], реконструируется коллективная биография римских врачей (I–V вв.), с выявлением их стереотипов поведения, моральных ценностей, круга обязанностей и прав. Изучаются сведения о таких персонажах, как *Антоний Муса* (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.), *Секстий Нигер* (I в.), *Скрибоний Ларг* (I в.), *Руф Эфесский* (I–II вв.), *Гален* (129/31–200/17 гг.), *Квинт Серен Саммоник* (кон. II – 211/ 13 г.), *Диомид* (кон. III – нач. IV вв.), *Феодор Присциан* (IV в.), *Адамантий* (кон. IV – нач. V вв.), *Дисарий* (кон. IV – нач. V вв.), *Марцелл из Бурдигалы* (IV–V вв.), *Целий Аврелиан* (V в.) [5, v. I–II; ad locum]. Анализируется их происхождение, рассматриваются имена, прозвища и титулатура; должности, социальный статус, семейное положение, наличие обязанностей и прав; отмечаются особенности профессиональной деятельности, обсуждается тематика и содержание сочинений.

В заключение предлагается перечень общих положений коллективной биографии римских врачей (I–V вв.) с указанием [в квадратных скобках] конкретных имен персонажей, соответствующих тому или иному критерию.

1) Римские врачи и связанные с медициной люди не являлись римлянами по происхождению. Как правило, это греки [*Антоний Муса*; *Руф Эфесский*; *Дисарий*], иудеи [*Адамантий*], представители прочих наций и народностей [*Диомид*; *Скрибоний Ларг*; *Целий Аврелиан*], входивших в состав Римской Империи.

2) В основном врачи изначально имеют статус рабов [*Скрибоний Ларг*], затем становятся вольноотпущенниками [*Скрибоний Ларг*; *Антоний Муса*] и гражданами [*Тиберий Клавдий Квирина Менекрат*] (в связи с проводимой политикой римских императоров).

3) Как правило, врачи являлись приверженцами традиционной языческой религии [*Дисарий*], но иногда – христианской [*Диомид*].

4) Некоторые (особенно выдающиеся) врачи находились при дворах императоров [*Гален*; *Квинт Серен Саммоник*; *Тиберий Клавдий Квирина Менекрат*], будучи их личными врачами [*Антоний Муса*; *Гален*; *Марцелл из Бурдигалы*; *Скрибоний Ларг*; *Тиберий Клавдий Квирина Менекрат*; *Феодор Присциан*], а также врачами членов их семей [*Антоний Муса*; *Гален*] и ближайшего окружения. Все они имели высокие титулы [*Адамантий*], должности и привилегии; пользовались авторитетом [*Антоний Муса*; *Гален*].

5) Имеют место случаи происхождения врачей из знатных, богатых [*Гален*] и аристократических семей [*Марцелл из Бурдигалы*;

Секст Нигер; Квинт Серен Саммоник], что, в свою очередь, способствовало получению хорошего образования [*Гален*], а впоследствии – высоких титулов и государственных должностей [*Марцелл из Бурдигалы*].

б) Образование, как правило, врачи получали либо в Александрии [*Адамантий; Руф Эфесский; Гален*], либо в специальных медицинских школах [*Тиберий Клавдий Квирина Менекрат*] и храмах-больницах [*Гален*], либо у известных учителей [*Скрибоний Ларг; Феодор Присциан*]. Интересы врачей были связаны с натурфилософией [*Гален; Квинт Серен Саммоник; Дисарий*], собственно медицинской (теоретической) [*Гален; Руф Эфесский; Секст Нигер; Тиберий Клавдий Квирина Менекрат; Феодор Присциан; Целий Аврелиан*] и практической [*Антоний Муса; Гален; Марцелл из Бурдигалы; Руф Эфесский; Секст Нигер; Скрибоний Ларг; Тиберий Клавдий Квирина Менекрат; Феодор Присциан*] и различными ее областями, например, физиологией [*Феодор Присциан*] и фармакологией [*Гален; Руф Эфесский; Феодор Присциан*], а также биологией (= ботаникой) [*Феодор Присциан*] и др. Помимо медицинской практики в круг занятий врачей входило преподавание [*Адамантий*], наставничество и обмен опытом; собирание рецептов [*Марцелл из Бурдигалы*] и противоядий [*Феодор Присциан*], изобретение лекарственных средств [*Адамантий*].

7) Большею частью, врачи – авторы сочинений, написанных, в основном, на греческом языке [*Адамантий; Гален; Руф Эфесский; Секст Нигер*], а также арабском [*Руф Эфесский*] и латинском [*Руф Эфесский; Скрибоний Ларг*]. В них рассматриваются не только специальные [*Гален*] и чисто медицинские, но и общие натурфилософские вопросы, коррелирующие с медициной и биологией, строением тела человека и его душой, недомоганиями и болезнями, а также средствами, позиционированными как волшебные или магические [*Секст Нигер*].

8) Врач обладает традиционным набором добродетелей, согласно философским и религиозным установкам своего времени [*Скрибоний Ларг*].

9) Врач имеет ряд обязанностей (например, оказание бесплатной медицинской помощи [ар. *Скрибоний Ларг*]), прав и привилегий (в числе которых, в частности, освобождение от налогов).

10) Досуг врачей, имеющих высокий социальный статус, мог быть связан с собиранием книг [*Квинт Серен Саммоник*], а так-

же ведением бесед на философские темы, как правило, во время праздничных дней [Дисарий].

11) Карьера врача (особенно находящегося при дворе императора) не всегда могла быть успешной. Он мог быть изгнан [Антоний Муса], вынужден бежать на чужбину [Гален] или убит [Диомид].

12) Профессия врача в Риме не сразу получила признание: сначала к этому роду деятельности (как и самим врачам) в обществе относились скорее настороженно и со злобным пренебрежением, чем с уважением [4, с. 679–681], позднее, к IV–V вв., ситуация изменилась.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М.А. Новая зарубежная литература о Таците и Светонии // Вестник древней истории. 1964. № 1.

2. Петрова М.С. Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности (Макробий Феодосий и Марциан Капелла). СПб., 2004.

3. Петрова М.С. Просопография // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.

4. Петрова М.С. Медики и риторы // Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. В.Т. Звиревича. Изд. подг. М.С. Петровой. М., 2013.

5. The Prosopography of the Later Roman Empire / Ed. A.H.M. Jones, J.R. Martindale, J. Morris. Cambridge University Press, 1971, 1980. Vol. I: AD 260–395; Vol. II: AD 395–527.

Н.В. Рыбалко (Волгоград)

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА СМУТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «СОЛИКАМСКИЕ АКТЫ»

Соликамская коллекция актового материала, отложившаяся в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, – уникальный комплекс документов по истории местного и центрального управления Московского государства. Уникальность его состоит в том, что это одно из немногих собраний документов делопроизводства местных приказных и воеводских изб XVII в., уцелевших от

многочисленных пожаров, от разграбления иностранными интервентами и от других разнообразных обстоятельств, которые не позволили историкам иметь в своем распоряжении местные архивы большинства городов средневековой России в полном виде.

Пермская земля долгое время являлась значимым стратегическим регионом – через ее территорию шел процесс освоения Сибири. В конце XVI – начале XVII в. административным центром Перми Великой был город Чердынь. Акты интересующего нас периода с 1605 до 1613 гг. формировались в приказной избе Чердыни. Чердынью город именовался в документах, составлявшихся для использования в местном делопроизводстве. В то время как указные грамоты центрального управления, предназначавшиеся всей Пермской земле, направлялись в Чердынь, а адресовались в Пермь Великую. С 1636 г. центр Пермской земли переместился в Соль Камскую. В это же время в Соль Камскую перевезли все документы, отложившийся впоследствии в архиве Соликамского уездного суда.

Подлинники и списки актов, относящихся к истории Перми Великой и, в частности, Чердыни и Соли Камской, были собраны и описаны В.Н. Берхом в ходе его 10-летней службы в Перми в должности советника Пермской казенной палаты [4]. Часть документов была опубликована [3]. Основная коллекция была получена в Археографической комиссии в 1833 и 1837 гг. по запросу П.М. Строева вместе с Кунгурскими актами [10, с. III] и частично опубликована [1; 2; 5].

Некоторые документы, связанные с историей Перми Великой, отложились в комплексах соседних регионов, к примеру, Сибири. Это знаменитые портфели Миллера (РГАДА. Ф. 199), где хранятся подлинники XVII в. и списки XVIII в., частично опубликованные [19].

Важность и перспективы изучения Соликамского архива для периода 1607 – 1610 гг. отмечены И.О. Тюменцевым. Особенно ценным, по мнению исследователя, является то, что местные власти не просто сообщали о новых известиях дальше, но и в точности копировали полученные документы, а также передавали их краткое содержание в сопроводительных отписках [20].

Коллекция Архива СПБНИИ РАН фонда № 122 «Акты соликамские» насчитывает 1666 единиц хранения по описи № 1 и 87 единиц хранения по описи № 2 за период с 1605 по 1735 гг. [10]. В сферу наших интересов входят документы Смутного времени начала XVII в. С распределением по годам это 5 документов 1605 г., 21 документ 1606 г., 60 документов 1607 г., 82 документа 1608 г., 146 докумен-

тов 1609 г., 36 документов 1610 г., 55 документов 1611 г., 1 документ 1612 г. Как видим, активность в составлении указных грамот из Москвы и отписок приказных людей и воевод менялась. На 1609 г., в правление Василия Шуйского и разгар гражданской войны, приходится пик документной активности. Причину отсутствия актов за 1612 г. еще предстоит выяснить.

В составе коллекции находятся подлинники указных грамот, черновые отпуски отписок пермских приказных людей и воевод в Москву, памяти земским властям, подлинники земских отписок и некоторые другие документы местного делопроизводства, написанные в форме столбцов. С осени 1608 г. в Пермь Великую стали поступать списки с указных грамот царя и земской переписки по поводу политических событий в центре страны.

Начиная с XVIII в. отечественная историческая наука накопила достаточно большой опыт издания, а с конца XIX в. и анализа актового материала – многочисленного и самого объективного источника информации несмотря на его, казалось бы, субъективное происхождение. Субъективный фактор в фиксации информации преодолевается двумя основными моментами: 1) грамоты, отписки и памяти составлялись в официальных учреждениях, где служащие выполняли свои должностные обязанности; 2) указанные разновидности актов редко составлялись единолично – как правило, при учреждениях работали подьячие или другие мелкие чиновники, которые составляли первоначальный текст, отдавали на проверку и правку дьяку, приказному человеку или воеводе, затем переписывали набело, то есть, при составлении документов присутствовало коллективное начало.

Основные принципы работы с актовым материалом, внешняя и внутренняя критика, включая формулярный анализ, в целом описаны исследователями [6; 7; 8; 11; 15]. Опыт изучения и сложности реконструкции документальных комплексов наглядно продемонстрированы в исследовании архива Я. Сапеги [16; 21]. Ввиду большого количества участников переписки систематизацию документов И.О. Тюменцев проводил по адресатам и по почтовым отправлением.

Говоря о методике анализа, примененной в работе с Соликамским архивом, сосредоточим наше внимание на внешней критике источников.

1. Установление целостности документов.

Разбором комплекса соликамских и кунгурских актов после их поступления в Археографическую комиссию в 1833 г. занимался П.М. Строев. Документы поступили в виде свитков в двух ящиках. После их разборки П.М. Строев выделил наиболее, по его мнению, заслуживавшие интерес, переплел их в 5 длинных папок, остальными были заполнены пустоты ящиков, в которых были присланы 5 переплетов. Как отметил М.Г. Курдюмов, все непереплетенные хранились вместе с дополнительным поступлением актов [10, с. III–VII]. В настоящее время документы интересующего нас периода Смуты хранятся частью в едином переплете П.М. Строева, частью оформлены в папки как самостоятельные единицы хранения с пометкой в описи «кор.» (коробка).

При детальном изучении документов выясняется, что некоторые документы из тех, которые хранились в коробке, имеют неправильную нумерацию столбцов [12], рассредоточены по разным единицам хранения [13; 14]. Их реконструкция проведена путем сличения почерка, цвета чернил, а также по смыслу.

2. Уточнение названий документов.

Названия, которые даны документам в XIX в. и закреплены в описи начала XX в., нуждаются в корректировке. Суть документов, за редким исключением, верно отражена в названиях. Но есть несколько категорий ошибок. Так, к примеру, как минимум, до 1608 г. в Перми Великой администрацию возглавлял приказный человек, в названиях же документов адресат обозначен как воевода [17, с. 16, 17]. Это в итоге ввело в заблуждение исследователей, в том числе современных, которые в своей работе с документами этого комплекса начала XVII в. большей частью руководствовались их названиями в описи [9; 18]. Причиной такой ошибки при составлении описи явилась недостаточная изученность документов и вопросов управления в Перми Великой.

Второй важный момент названия документов – это определение их разновидности. По замечанию С.М. Каштанова, «грамоты, посылаемые от имени государя его местным агентам..., содержащие определенные предписания», принято называть указными [8, с. 157]. Они, как правило, начинаются словами «От ц(а)ря, г(осу)д(а)ря и великого кн(я)зя всеа Руси...» и составлены дьяками в приказах от имени царя. Название «царские» уместнее применять там, где используется формула «Се аз ц(а)рь, г(осу)дарь и великий кн(я)

зь всеа Руси...». Таких различий в XIX в. и в начале XX в., когда составлялась опись и публиковались документы, не существовало, термин «указные» не встречается в текстах самих документов, поэтому все они именованы царскими. В действительности же царские грамоты – это большая редкость и в имеющемся в нашем распоряжении комплексе соликамских актов за период Смуты все грамоты указные. В остальных случаях в заголовках использовались самоназвания документов: отписка, память, переписной список.

3. Классификация документов.

При классификации проводилась оценка документа по принципу определения административного уровня в соотношении отправитель – адресат. Выявлено наличие актов трех уровней: 1) переписка вышестоящих центральных приказных учреждений с нижестоящими местными приказными учреждениями (дьяков Новгородского четвертного приказа Москвы с приказной администрацией Перми Великой); 2) переписка учреждений одного уровня, не подчиненных друг другу (приказной администрации Перми Великой с воеводами Вятки и Верхотурья); 3) переписка назначаемых приказных администраторов и местных выборных властей (приказных людей, а впоследствии, воевод Перми Великой, с выборными земскими старостами в уездах).

4. Систематизация документов.

Использован вопросно-логический принцип систематизации документов, применяемый, в том числе, в современном делопроизводстве. Для этого все документы были сгруппированы по тем главным вопросам, на решение которых они были направлены, исходя из их содержания.

Далее использован, как мы его назвали, принцип взаимного ответственности документов. Этот принцип помог выстроить цепочки, исходя из цели документа, его функционального назначения: содержит ли он приказ, распоряжение, просьбу, жалобу, донос, отчет о выполнении указа, информирование о происходивших событиях. Обязательное условие: документы должны быть либо генетически связаны между собой (содержать упоминания предшествовавшего), либо нацелены на решение одной проблемы.

В соответствии с этим принципом удалось выявить следующие группы:

1) инициативные документы (один или несколько): излагают обстоятельства дела, содержат вопрос или проблему, которую следует решить;

2) распорядительные документы (один или несколько): являются ответом (при наличии инициативного документа), содержат распоряжение по существу дела;

3) исполнительные документы (один или несколько): содержат отчет об исполнении дела, либо излагают обстоятельства, которые не позволили решить проблему рекомендуемым способом;

4) комбинированные: содержат, как правило, два элемента из трех вышеназванных групп;

5) договорные: сюда относятся крестоцеловальные записи (договор населения и власти), свадебный договор. Эти документы можно рассматривать как самостоятельную группу, однако они являются неотъемлемой частью земской переписки, генетически связаны с распорядительной документацией;

6) информационные документы: передают информацию без каких-либо побудительных к действию инициатив;

7) побудительные документы: побуждают к действию вне должностных отношений системы управления, где отправитель и адресат занимают положение одного уровня.

Соотнеся между собой документы системы управления по принципу «инициатива – распоряжение – исполнение», мы получаем гарантию того, что реконструируемая цепочка актов действительно существовала. По традиции инициативные документы (челобитные, отписки) подробно пересказывались в распорядительных (указные царские грамоты, памяти), распорядительные, в свою очередь, подробно пересказывались в исполнительных (отписки). Комбинированные документы содержат, чаще всего, элементы исполнительных и инициативных документов одновременно. Пересказы представляли собой дословное цитирование частей документов, что подтверждается путем сверки с сохранившимися оригиналами или черновыми отпусками цитируемых документов, или путем сверки нескольких документов, цитирующих один.

5. Реконструкция документального комплекса.

Вышеизложенный прием систематизации актов позволяет перейти к следующему этапу – реконструкции комплекса делопроизводства отдельных учреждений путем синтеза упоминаний о несохранившихся документах. Представляется возможным дать им на-

звания, осуществить датировку, реконструировать основную часть документа настолько подробно, насколько документ цитируется при его упоминании. Важность этого этапа источниковедческого анализа актов обоснована С.М. Каштановым, однако по причине своей трудоемкости он, к сожалению, редко реализуется в отечественной исторической науке.

В работе с первой частью Соликамского архива, к примеру, удалось на основании 147 дошедших до нас документов реконструировать комплекс из 251 акта [17].

6. Датировка отдельных документов.

На этапе построения цепочек и реконструкции информации о несохранившихся документах появляется возможность уточнить датировку сохранившихся актов, где отсутствует конечный протокол, но есть, к примеру, отметка о времени получения документа. Расчет времени нахождения в пути производится, основываясь на датированные документы и информации об их получении. Так, зимний путь из Москвы в Пермь был самый быстрый и составлял 30 – 35 дней по замерзшим северным путям. Ориентировочно в апреле начинался ледоход, и тогда приходилось приостанавливать путь, «весновать» где-то с месяц. Дольше всего ехали летом и осенью, когда шли дожди, размывались дороги и сносило мосты. Тогда корреспонденция могла доставляться в один конец 2 – 2,5 месяца. Этот метод позволяет датировать документ с точностью до 3 – 5 дней.

Среди документов Соликамского архива достаточно много недатированных или датированных с ошибками. И.О. Тюменцев, проводя работу по реконструкции архива Сяпеги, сделал важное наблюдение о том, что выражение в тексте «писали вы нам...» с указанием конкретного числа и месяца, соответствует не дате составления упоминаемого документа, а дате его получения адресатом. Это в корне меняет датировку документов, сделанную в XIX веке во время их описания. Хотя, чаще всего, в описи Соликамских актов Ф. 122 Архива СПбИИ РАН приводится только приблизительно месяц составления документа без указания точного числа.

7. Атрибуция документов.

В процессе установления системы делопроизводства возможно атрибутировать неподписанные документы по аналогии с близкими им по дате составления, почерку, тематике, а также имея био-

графическую информацию о служащих учреждений центрального и местного управления.

Таким образом, требуется продолжение изучения актов Соликамского архива, существующая опись фонда № 122 Архива СПБИБИ РАН нуждается в корректировке.

Предложенная методика анализа актов приказного делопроизводства в части их внешней критики может быть использована для реконструкции средневековых архивных комплексов, в частности, для восполнения их данными об утраченных документах, проведения датировки, атрибуции и уточнения уже имеющейся информации. Использование вопросно-логического принципа систематизации документов позволяет выявить логическую взаимосвязь документов, выстроить их попарно по хронологии с учетом времени их составления и получения. На основании реконструированного комплекса в дальнейшем становится возможным изучать события и явления в полном соответствии с принципом историзма: в их взаимосвязи по мере возникновения в развитии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. Т. 2. (1598–1613 гг.). СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Императорской академии наук: в 4 т. Т. 2 (1598–1613). СПб.: в Тип. 2 отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1836.

3. Берх В.Н. Древние государственные грамоты, наказные памяти и челобитные, собранные в Пермской губернии. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821.

4. Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб.: Воен. тип. Главн. штаба Е.и.в., 1821.

5. Дополнения к актам историческим: в 12 т. Т. 1 (X в. – 1611 г.). СПб.: Тип. II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1846.

6. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 1998.

7. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2015.

8. Каштанов С.М. Актовая археография. М.: Наука, 1998.
9. Космовская А.А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI – XVII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Пермь, 2015.
10. Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве Императорской археографической комиссии // Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 год. Вып. 21. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1909. С. 1–424.
11. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг.: 2-я гос. типография, 1920.
12. Отписка из Перми кн. С.Ю. Вяземского и переписи вятским ямщикам, которые имели лошадей, 4 и 5 сентября 1607 г. // Архив СПбИИ РАН. Кол. 122. Оп. 2. № 14. 5 стб.
13. Отписка из Перми кн. С.Ю. Вяземского об отказе вятских ямщиков на Соликамском яме от отведенных им пашен и сенных покосов и побеге их с яма, 25 декабря 1607 г. // Архив СПбИИ РАН. Кол. 122. Оп.2. № 16. 2 стб. (начало); Там же. № 17. 1 стб. (окончание).
14. Отписка из Перми кн. С.Ю. Вяземского об отпуске на Верхотурье оставленных служилыми людьми в Соли Камской судоходных запасов, 9 октября 1607 г. (окончание) // Архив СПбИИ РАН. Кол. 122. Оп.2. № 9. 1 стб. (начало); Там же. № 13. 1 стб. (окончание).
15. Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1976.
16. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / под редакцией И.О. Тюменцева; сост. И.О. Тюменцев (руковод.), Н.А. Тупикова, Н.Е. Тюменцева, Н.В. Рыбалко, С.В. Мирский. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012.
17. Рыбалко Н.В., Дмитриева Е.Г. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2017.
18. Семенов О.В. Становление и эволюция системы местного управления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006.
19. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел: в 4 ч. Ч. 2. М.: Тип. Селивановского, 1819.
20. Тюменцев И.О. Архив Соликамской приказной избы начала XVII в: перспективы комплексного анализа // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. Материалы Международной научной конференции (Ярославль, 6–9 июня 2012 г.) М.: Изд-во ЗАО «2К», 2012. С. 113–117.

21. Тюменцев И.О., Мирский С.В., Рыбалко Н.В., Тупикова Н.А., Тюменцева Н.Е. Русский архив гетмана Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа: [Монография] / авт. коллектив: И.О. Тюменцев (рук.) / Волгоград: Издатель, 2005.

И.Г. Коновалова (Москва)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАРТОГРАФИИ

Составители средневековых карт использовали в своей работе не только собственно картографические изображения, имевшиеся в их распоряжении, но и множество иных источников, содержащих разнообразную информацию – устные сведения географического толка, записки путешественников и мореплавателей, ученые труды по географии, административно-политические документы, литературные произведения и т.п. Этот обширный информационный контекст часто недооценивается при анализе карт и их истории. Между тем основу любого средневекового географического описания составляли ментальные карты их авторов, а также географические образы, с помощью которых составители средневековых текстов выражали свои представления о той или иной части пространства. Эти ментальные карты и географические образы являются не менее важной частью картографического наследия, чем сами карты, и поэтому изучение географических описаний целесообразно не только для исследования пространственных представлений, но и для понимания практики картографирования как таковой.

В этой связи хотелось бы привлечь внимание к географическому сочинению сирийского географа и историка Абу-л-Фиды «Упорядочение стран» (Таквим ал-булдан), завершеному в 1321–1331 гг. [10]. Сочинение Абу-л-Фиды является описательной всемирной географией, которая не содержит никаких карт, но для многих городских пунктов снабжена координатными данными, заимствованными из арабских переработок Птолемея, а также из других арабских сочинений. «Упорядочение стран» состоит из двух частей – обширного введения, содержащего общие сведения о Земле, и основного раздела с описанием 28 географических областей ойкумены.

Во введении помещено описание морей, озер, рек и гор земли и, в частности, описание Средиземного и Черного морей [10, р. 27–34]. Данное описание, не имеющее аналогов в арабской географической литературе, было составлено самим Абу-л-Фидой на основании различных источников и, как показал проведенный нами предварительный анализ описания Черного моря [2, с. 51–57; 7, с. 50–62], среди таких источников были и какие-то – пока еще недостаточно ясные – картографические материалы. Особенностью описания Абу-л-Фиды является то, что оно содержит координаты для многих приморских пунктов и навигационных ориентиров, что дает возможность реконструировать его карту Средиземного и Черного морей, отличающуюся особой детальностью для Сирии (уроженцем которой был Абу-л-Фида), Палестины и Византии, а также для Северного Причерноморья, которое во времена Абу-л-Фиды было хорошо известно в исламском мире благодаря дипломатическим контактам золотоордынских ханов с мамлюкскими султанами Египта. Значительную часть координат Абу-л-Фиды заимствовал (иногда – с некоторым расхождением) из сочинения испано-арабского ученого второй половины XIII в. Ибн Са'ида ал-Магриби, в работе которого хотя и нет, как у Абу-л-Фиды, систематического описания Средиземного и Черного морей, но имеются упоминания множества средиземноморских и причерноморских городов с указанием их координат.

Из-за сложной структуры сочинения информацию о портовых городах Черного и Средиземного морей Абу-л-Фида поместил не только в рассказе о морях, но и в другом разделе Введения, посвященном описанию рек [10, р. 44–51, 63–64], а также в основной части труда – в главах, повествующих об Аравии, Египте, Магрибе, Испании (ал-Андалус), островах Средиземного моря, северных землях (Европе, в том числе Восточной), Сирии, Малой Азии (ар-Рум) и сопредельным землям [10, р. 77–148, 165–218, 225–271, 378–407]. Сообщения всех этих разделов о причерноморских и средиземноморских городах имеют описательный характер, но нередко содержат и координатные данные.

По своей форме описание Средиземного и Черного морей в сочинении Абу-л-Фиды местами напоминает лоцию. Так, рассказ о Средиземном море представляет собой описание плавания от Гибралтара вдоль южного, восточного, северного и северо-западного побережий моря. То же самое можно сказать и об описании Черного моря, где говорится о плавании от Стамбула (Абу-л-Фида пользуется турецким наименованием византийской столицы) вдоль юж-

ного, восточного, северного и западного побережий моря с возвращением в исходную точку. Абу-л-Фида приводит данные о береговой линии и морских течениях, сообщает расстояния между многими портовыми городами. Для некоторых городов он дает и их географические координаты, а иногда указывает два – или даже, пусть и редко, три, а то и четыре – варианта долготы или широты для отдельных ключевых пунктов (к примеру, Стамбула [10, р. 32, 34], Александрии [10, р. 112], ливийского Триполи [10, р. 146] и др.), что свидетельствует об использовании им нескольких источников информации при составлении описания. В частности, наряду со сведениями из сочинений арабских географов XI–XIII вв., Абу-л-Фида имел в своем распоряжении сообщения современных ему информаторов, посещавших черноморский регион [10, р. 393]. Благодаря своему высокому положению Абу-л-Фида имел доступ к данным о дипломатических, экономических и религиозных контактах мамлюкских султанов и золотоордынских владык. К примеру, он ссылается на сообщения неких лиц, путешествовавших из Египта в Крым и обратно, в том числе на посланников хана Узбека, а также на рассказы купцов и путешественников, плававших по Черному морю и посетивших Золотую Орду [10, р. 32–34, 63]. Среди своих информаторов географ называет жителей Исакичи – золотоордынского города на Нижнем Дунае [10, р. 212].

Некоторые данные Абу-л-Фиды имеют признаки картографической ориентации, то есть дают основания полагать, что при составлении описания Черного моря он пользовался какой-то картой. По утверждению Абу-л-Фиды, Синоп и Херсонес, Кафа и Трапезунд, Судак и Самсун, ал-Анджаз (нелокализованный город, расположенный где-то на восточном побережье Черного моря) и Кафа лежат «напротив» друг друга [10, р. 32, 33, 214–215, 388] – и это при том, что плавание по Черному морю он всегда описывает как каботажное. Очевидно, что такое наблюдение не могло быть сделано *de visu*, для этого была нужна карта.

Сведения Абу-л-Фиды о Средиземном и Черном морях, как и аналогичные данные его основного источника об этих водных бассейнах – Ибн Са'ида ал-Магриби, относятся ко второй половине XIII – началу XIV века. В этот период в средиземноморском регионе появился новый способ картографического освоения пространства в виде морских карт-портоланов. Изучение портоланов в мировой науке ведется давно, и целый ряд вопросов к настоящему времени исследован монографически. Основные направления исследований

связаны с выявлением и каталогизацией портоланов; их атрибуцией (конкретному мастеру и/или картографической школе); идентификацией топонимов, а также интерпретацией картографических символов и изображений, нанесенных на портолан; происхождением портоланов; историей производства портоланов и их бытования. Итоги исследований по всем данным направлениям обобщены Т. Кэмпбеллом [5, р. 370–463], и с тех пор его работа остается непревзойденным образцом такого рода обобщающего труда (см. также его постоянно пополняемый сайт с богатой библиографией по истории портоланов: <http://www.maphistory.info/portolan.html>, дата обращения – 30.01.2019).

Особенностью историографии, посвященной портоланам, является то, что они изучаются главным образом в рамках истории картографии, где сравнительный материал, за редким исключением, ограничивается иными типами карт, в то время как другие группы источников, в частности, географические описания, остаются вне поля зрения исследователей [из крупных работ последних лет см.: 1; 8; 11; 12]. Во многом из-за такого сугубо «картографического» подхода проблема происхождения, способов производства и использования портоланов – одной из важнейших форм пространственных представлений и картографических изображений в Западной Европе в XIII–XVII вв. – до сих пор является не решенной. В рамках данной общей проблемы наименее исследованными являются два вопроса – во-первых, о роли средиземноморских кросс-культурных контактов в происхождении и развитии этого типа морских карт, и, во-вторых, о соотношении портолана как карты с другим видом навигационного пособия – с текстовой лоцией. Эти вопросы в последнее время начинают разрабатываться, но пока касаются локальных сюжетов и текстов [4, р. 135–146; 9; 14] или же исследуются в рамках истории картографии с преимущественным вниманием к одним картографическим источникам (см. реализуемый в настоящее время Лондонским университетом сетевой проект «Картография между Европой и исламским миром в 1100–1600»: <http://www.cartography.qmul.ac.uk/>, дата обращения – 30.01.2019).

Возможности, открываемые сопоставлением ранних портоланов с исламскими географическими описаниями, используются крайне редко. Можно указать на исследование фрагментов лоции Средиземного моря в сочинении арабского ученого первой половины XIV в. ал-Умари [6, р. 81–90], а также на привлечение материалов Абу-л-Фиды как вспомогательного материала при анали-

зе приводимых географами (в основном XVI в.) сведений о долго-тах объектов Средиземноморья [13, р. 1–29]. Топонимические дан-ные Абу-л-Фиды о Черном море использовал – выборочно, с неточно-стями и ошибками и без анализа его координатных данных – в ка-честве сравнительного материала И.К. Фоменко [3, с. 105, 133, 143, 147, 149, 157, 258–264].

Координатные данные Абу-л-Фиды и Ибн Са'ида никогда не ис-следовались с целью реконструкции их карты Средиземного и Чер-ного морей и выявления источников и способов пространственно-го конструирования, использовавшихся этими авторами, а также для сопоставления их реконструированной карты с ранними пор-толанами и морскими лоциями. В этой связи сравнительное иссле-дование портоланов и исламских географических сочинений вто-рой половины XIII – первой трети XIV в., содержащих описания Сре-диземного и Черного морей, картографическим изображениям ко-торых и были посвящены портоланы, имеет большие перспективы. Исследование исламских описаний этих водных бассейнов не толь-ко даст сравнительный материал для анализа топонимики морских карт (что, безусловно, важно и само по себе), но и позволит суще-ственно расширить наши представления о том информационном и этнокультурном контексте, в котором происходило формирование средневековых морских карт.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеев А.Ю. Карти-портолани XIII–XVII ст.: особливості та роль у возвитку картографії. Київ, 2009.
2. Коновалова И.Г. Черное море в описании Абу-л-Фиды // Сборник Русского исторического общества. М., 2003. Т. 7 (155): Россия и мусуль-манский мир / Под ред. Д.Ю. Арапова. С. 51–57.
3. Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерно-море, конец XIII – XVII в. М., 2007.
4. Brentjes S. Medieval Portolan Charts as Documents of Shared Cultural Spaces // Acteurs des transferts culturel en Mediterranée medieval / Ed. par R. Abdellatif et al. Munchen, 2012. P. 135–146.
5. Campbell T. Portolan Charts from the Late Thirteenth Century to 1500 // The History of Cartography / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago, 1987. Vol. 1: Cartography in Prehistoric, Ancient and medieval Europe and the Mediterranean. P. 370–463.

6. Ducène J.-Ch. Le portulan arabe décrit par al-Umari // Cartes et géomatiques (revue du CFC). 2013. Vol. 216: Cartes marines: d'une technique à une culture. Actes du colloque du 3 décembre 2012. P. 81–90.

7. Frolov A., Konovalova I. Reconstruction of the Black Sea Map in the Geographical Work of Abu al-Fida' // e-Perimetron: International Web Journal on Science and Technologies Affined to History of Cartography and Maps. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 50–62 – URL: http://www.e-perimetron.org/Vol_13_1/Frolov_Konovalova.pdf (дата обращения – 30.01.2019).

8. Gaspar J.A. From the portolan chart of the Mediterranean to the latitude chart of the Atlantic: Cartometric analysis and modelling. Doctoral thesis. Universidade Nova de Lisboa, 2010.

9. Gautier Dalché P. Carte marine et portulan au XIIIe siècle: le “Liber de existencia riveriarum et forma maris nostri mediterranei” (Pise, circa 1200). Rome, 1995.

10. Géographie d'Aboulféda: Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.

11. Nicolai R. The Enigma of the Origin of Portolan Charts: A Geodetic Analysis of the Hypothesis of a Medieval Origin. Leiden, 2016.

12. Pujades R. Les cartes portolanes. La representació medieval d'una mar solcada. Barcelona 2007.

13. Robles Macías L. The longitude of the Mediterranean throughout history: facts, myths and surprises // e-Perimetron. 2014. Vol. 9/1. P. 1–29. – URL: http://www.e-perimetron.org/Vol_9_1/Robles.pdf (дата обращения – 30.01.2019).

14. Van Duzer Ch. Nautical Charts, Texts, and Transmission: The Case of Conte di Ottomano Freducci and Fra Mauro // eBLJ: Electronic British Library Journal. 2017. Article 6. – URL: <https://www.bl.uk/eblj/2017articles/pdf/ebljarticle62017.pdf> (дата обращения – 30.01.2019).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАРТ И АТЛАСОВ (ИЗ ОПЫТА АВТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ)

В 1971 г. была опубликована монография А.П. Пронштейна «Методика исторического исследования», вскоре переизданная под уточненным названием, как учебное пособие «Методика исторического источниковедения». Эта работа стала одной из важнейших основ подготовки квалифицированного историка. Однако картографическое источниковедение все еще остается недостаточно разработанным. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные частным вопросам и анализу отдельных карт, обобщающих работ очень мало, и они охватывают обычно лишь некоторые группы картографических материалов, либо ограничены хронологическими и территориальными рамками. Среди последних особый интерес представляет монография А.И. Агафонова, в которой специальная глава посвящена картографическим материалам и географическим известиям, касающимся истории Донского края XVI – первой половины XIX века [1, с. 185–239]. Во многом это объясняется тем, что работа над такими источниками требует от исследователя незаурядной эрудиции и специальных знаний, которыми обычно историки не обладают.

Среди наиболее ценных работ в области картографического источниковедения следует выделить статьи Л.А. Гольденберга [4; 6], одна из которых была переведена на английский язык и издана в Канаде в виде брошюры. Хотя эти статьи основаны преимущественно на русских материалах XVII–XVIII вв., они важны как в методическом, так и в методологическом отношении.

Выделим два аспекта: 1) использование исследователями картографических источников с элементами источниковедческого анализа (в том числе в процессе создания исторических карт) и 2) источниковедческий анализ исторической карты при ее оценке как историкографического явления.

Философы рассказывают студентам о единстве пространства и времени, но на практике историки в университетах изучают почти исключительно изменения во времени, слабо связывая их с изменениями в пространстве. Именно поэтому курс исторической географии читается студентам в чрезвычайно кратком виде, а основы

исторической картографии вообще не преподаются (нередко под исторической картографией понимают историю картографии, против чего решительно возражал Л.А. Гольденберг [5, с. 34]).

В результате истории обычно не умеют делать исторические карты, а когда приходится этим заниматься вместе с профессиональным картографом, возникает взаимное непонимание. Например, картограф стремится максимально точно установить границы даже в тех случаях, когда надо показать территорию кочующей орды, хотя она смещалась к северу или югу, в зависимости от времени года. Нередко появляются картографические фантазии – частое явление как в учебных, так и научно-справочных атласах. Преподаватель истории, получив учебную карту, исходит из того, что ее утвердило министерство и потому указанные там границы воспринимает как надежную и единственно верную информацию.

Исследователь, изучающий карту, как источник, также порою некритически заимствует интересующие его сведения. Неточности или ошибки (а порою и сознательные фальсификации) нередко встречаются в картах для широкой публики и в учебных изданиях. Так, в «Учебном атласе России» И. Штайнмана 1871 г. показана «Земля Черноморского войска» (переставшая существовать в 1860 г.) там, где должна быть Кубанская область [14, карта XII]. Стремление поскорее вытеснить конкурентов, захватить рынок, при этом сократив расходы на проверку информации, неизбежно приводит к подобным результатам.

Выявить протооригиналы, положенные в основу карты, невероятно трудно. Академик Б. А. Рыбаков, как известно, пытался восстановить историю древнерусского картографирования на основе анализа содержания европейских карт и пришел к выводу, что карта А. Дженкинсона 1562 г. восходит к русскому чертежу 1497 г., карта Г. Герритса 1613 г. – к чертежу территории Московии 1523 г., карта Г. Делиля 1706 г. – к схеме Московии 1520-х гг. На основании проведенного анализа он, в частности, создал схему «Волости Двинской земли XVI в. по карте Гийома Делиля 1706 г.» [12, с. 51] – реконструкцию утраченного источника. Разумеется, это лишь некое приближение к вероятному оригиналу. Можем ли мы ссылаться на данную схему Рыбакова, как на исторический источник, если перед нами – вариант реконструкции? Абсолютной гарантии нет, ибо мы не знаем, все ли из русского оригинала заимствовал иностранный картограф, дополнял ли он информацию из других источников.

Поэтому, даже признавая карту-реконструкцию источником, следует помнить об условности данного допущения. Вполне справедливо И.Н. Данилевский указывал на ограниченность пределов познания прошлого, что во многом связано с тем, «насколько адекватны и корректны подходы и методы работы с ретроспективной информацией» [7, с. 147].

Весьма интересен опыт В.С. Кусова, создавшего не существовавший ранее трехтомный атлас Московской губернии «из 15 ретроспективных карт уездов (масштаба 1: 126 000), на которых отражена ситуация 1766–1770-х гг., собранная в результате обработки более 8 тыс. «геометрических специальных планов» – межевых паспортов землевладений эпохи Генерального межевания» [10, с. 2]. Важным дополнением этого замечательного труда стали два указателя – землевладельцев (более 6 тыс. имен) и топонимов (более 8 тыс. географических названий).

Именно к такого рода работе относится суждение авторитетнейшего историка-картографа Б.Г. Галковича, когда в самом начале исторического исследования происходит «графическое прочтение картографических и текстовых источников с последующим комплексным их анализом на точной географической (топографической) основе», а также «изложение результатов исследований в виде графических записей на равных с языковым выражением правах, которые становятся *своеобразным первоисточником* (выделено мною. – А.А.) – исходным картматериалом – для составления исторических карт, а также для получения территориально-статистических данных картоизмерительными работами» [3, с. 71].

По сути, на основе огромного количества межевых планов В.С. Кусов создал полноценный сводный источник, который позволяет проводить вычисления площадей (что невозможно при работе с оригинальными межевыми планами без переноса на современную основу), делать разнообразный статистический анализ, опираясь на точные сведения. Перед нами удачная реконструкция, хотя это вторичный источник, созданный на основе изучения и переработки картографических первоисточников. Но не следует забывать, что сводные карты такого рода будут суммировать разновременную информацию. Землемер или топограф прошел, а сзади уже начинаются изменения, о которых они не знают (продано имение, сгорела деревня и т. д.). Старение картографической информации – процесс неизбежный, хотя и происходит с разной скоростью.

В последние годы очень продуктивным направлением стало создание географических информационных систем (ГИС), как суммы сведений из разных источников, что открывает новые возможности анализа информации (труды В. Н. Владимирова, Н.В. Пиотух, А.А. Фролова, В.Г. Щекотилова и др.). Но такого рода исследования осуществляются разными группами исследователей, единого координационного центра не существует, поэтому закономерно поставить вопрос о сопоставимости методик и полученных результатов. В любом случае, создаются источниковые базы второго порядка, основанные на изучении первоисточников, ГИС становятся фундаментальной основой для проведения разнообразных исследований.

В то же время нельзя не признать справедливость следующего суждения: «Геоинформатика открывает ученым прекрасные возможности для обработки, систематизации имеющихся данных и визуализации полученных результатов, а применение аналитических методов ГИС позволяет выводить исследования на новый уровень. Но при этом существует опасность утратить навыки и знания, которые традиционная картография накапливала веками. Для того, чтобы визуализация каких-либо материалов на мониторе стала картой, нужно соблюдать основные правила составления карт, разработки условных обозначений, оформления и дизайна» [13, с. 218–219]. К сожалению, многие издательства ради удешевления работы привлекают к созданию карты не картографов, а Web-дизайнеров, которые делают грубые искажения и получается картинка, а не полноценная карта.

Перевод картографических источников на современную основу – необходимая процедура в работах такого рода. Однако допустимо ли использовать основу, на которой мы видим современные водохранилища? Очевидно, надо искать старые топографические карты и планы, чтобы привязать к современным ориентирам и тогда приблизиться к пониманию географической среды прошлых эпох. Но тут возникают дополнительные проблемы: как выглядели русла рек и береговые линии морей, озер и лиманов в более ранние исторические эпохи? Например, основное русло р. Кубань в разные периоды впадало то в Азовское, то в Черное море, а на месте Таманского полуострова в античное время была группа островов. Поэтому любая карта-реконструкция может считаться источником с различными оговорками. При всем стремлении к объективности, она будет отражать выводы и представления ее создателя.

Многое до сих пор остается спорным и поэтому часто создатели исторических карт используют современные основы без особой переработки. Именно поэтому карта в школьном атласе не может объяснить учащимся, как человек каменного века попал в Америку и Австралию, не имея кораблей. Здесь мы сталкиваемся также с разными историческими концепциями, которые очень сложно суммировать как картографу, так и историку. Если картограф не всегда находит верное решение для отображения явления на карте, то историк обычно является узким специалистом и за пределами своей конкретной специализации далеко не всегда может объяснить картографу, как показать историю эпохи или региона на карте. Часто решение находят в заимствовании информации из предшествующих атласов, с частичными изменениями и уточнениями. Положение осложняется тем, что на многих картах не указано авторство, и отсюда многочисленные случаи плагиата.

Безусловно, приступая к созданию новой исторической карты, ее автор должен изучить не только соответствующие источники, но и карты предшественников, созданные в разных странах, на разных языках. Это обычно непосильная задача, так как даже в крупнейших наших библиотеках, все больше приходящих в убожество, данные картографические материалы представлены очень фрагментарно. В советское время огромное количество картографических источников было уничтожено под мнимым предлогом защиты секретов от воображаемого врага, целые массивы карт были вывезены за Урал под тем же предлогом (и хранились в безобразном состоянии), поэтому до сих пор тысячи карт XVIII–XX вв. в архивах даже не описаны, либо имеют неправильные названия, неверную датировку и т. д. Колоссальное количество текстовых карт, как правило, не фиксируется библиографами и не отражается в библиографических указателях – наткнуться на них можно случайно, пролистывая книги, журналы и даже газеты. В тысячах атласов на всевозможных языках содержатся карты самой разной тематики, но их отдельно не учитывают.

Еще в 1974 г. Л.А. Гольденбергом было сказано, что «первостепенное значение для составителей исторических карт и атласов приобретает проблема расширения источниковедческой базы, введения в научный оборот рукописных картографических материалов, хранящихся в государственных архивах и рукописных отделах библиотек. Главное архивное управление совместно с Главным управлением геодезии и картографии, несомненно, должно возгла-

вить всю работу по упорядочению научной организации картографических материалов как исторических источников, по созданию общесоюзного кадастра (или каталога) рукописных картографических источников, независимо от места их хранения» [5, с. 48]. Понимая, что нужен ведущий научный центр, который координировал бы и направлял работу в области исторической географии и картографии, он в начале 1980-х гг. дважды выступал с инициативой создания Института исторической географии в системе Академии наук СССР, но идеи Л.А. Гольденберга не были одобрены теми, от кого зависело принятие решений.

Даже в наши дни колоссальное количество источников не только не оцифровано, но и не выявлено. Многие карты и атласы можно найти в Интернете, но их электронные версии неудовлетворительного качества, либо доступны лишь на платной основе, что превращает научный поиск в коммерческое предприятие или в элитное хобби. К тому же современная система научного финансирования и распределения научных грантов ставит в неравное положение столичных и провинциальных ученых, и этот разрыв увеличивается.

Впрочем, провинциализм сейчас можно встретить и в столичных публикациях. Он выражается, в частности в избирательном отношении к картам и атласам. Например, огромное количество исторических карт и атласов, изданных в Украине, часто игнорируется, несмотря на их доступность. Нередко авторы руководствуются националистическими или политическими предубеждениями, предпочитая не замечать существования иных историко-картографических версий. Это характерно для многих стран. Например, сравнение греческих исторических атласов и карт с турецкими, турецких с армянскими, армянских с азербайджанскими дает ошеломляющие результаты. Немало курьезных примеров приводится в исследовании Артура Цуциева, посвященном фальсификациям в исторической картографии Кавказского региона и соседних стран (размещено в Интернете в 2007 г.) [15].

Л.А. Гольденберг давно обратил внимание исследователей на историографическое значение исторических карт [5, с. 34–35]. Однако возникает вопрос: в какой степени исторические карты отражают уровень современной им историографии? Лишь немногие историки, овладев картографическим методом исследования, способны создать карту, содержащую новые знания, выраженные языком картографии. Тогда это произведение становится новым словом в историографии. Но гораздо чаще созданные исторические

карты являются лишь иллюстрацией к тексту и могут содержать в себе элементы давно отвергнутых концепций, повторяемых на картах по традиции.

Например, атлас отечественной истории, разработанный в ПКО «Картография» в Москве и издающийся на Омской картфабрике [11] до сих пор демонстрирует архаичные представления. Копируя карты, составленные еще в брежневские времена (их истоки восходят к атласу истории СССР, изданному в трех частях в 1948–1950 гг. [2]), здесь все еще помещают карту «Первобытное общество», где зеленым фоном показана территория бывшего СССР, а не современной России (с. 1), на карте «Русь в IX – начале XII в.» изображен поход Святослава 966–967 гг. вдоль рек Кума и Кубань, о котором нет никаких упоминаний в источниках, указано, что «Хазарское царство» (а не каганат!) прекратило существование в 966 г. (с. 3), хотя это весьма сомнительно. Земли донских и яицких казаков здесь включают в состав Российского царства уже с середины XVI в. (с. 9, 11, 12 и др.), без всяких оснований граница России с того же времени проведена по реке Лаба (в реальности это произошло только с 40-х гг. XIX в.), на карте «Рост территории России в XVII в. Народы Сибири и Дальнего Востока» (с. 14) в легенде говорится, что желтым фоном показаны «территории, вошедшие в состав России в XVII в. (до 1689 г.)», но среди этих территорий почему-то есть Камчатка (ее начал завоевывать В. Атласов с 1696 г.), Сахалин (где русские вообще не высаживались в XVII в.) и Чукотка (которую даже в XVIII в. не смогли покорить, что привело к эвакуации Анадырского острога в 1771 г., после чего острог был сожжен [см.: 8]). К числу нелепостей данного атласа надо добавить странную информацию на карте о том, что Санкт-Петербург – столица с 1703 г. (с. 15). Как следы прежних исторических концепций советского времени в атласе мы обнаруживаем «крестьянское восстание под предводительством Болотникова в 1606–1697 гг.», «крестьянские войны» под предводительством Разина, Булавина и Пугачева (с. 10, 12, 15, 16).

В.С. Кусов еще в 2002 г. писал о катастрофическом снижении в России картографической культуры [9, с. 38–39], и с ним нельзя не согласиться. Не вызывает сомнения необходимость создания большого специального пособия по теории и методике картографического источниковедения. Здесь нужны коллективные усилия специалистов из разных стран, так как картографические источники, создававшиеся в течение многих веков, требуют не только знания истории и картографии (в частности, специфических условных зна-

ков), но также разных языков, палеографии, региональных особенностей метрологии и т. д. Но даже это не даст ожидаемого результата при продолжении разрушительных тенденций в образовании и науке, свидетелями которых мы являемся.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.И. История Донского края XVI – первая половина XIX веков (Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д., 2001.

2. Атлас истории СССР. Для средней школы. Под ред. К.В. Базилиевича, И.А. Голубцова, М.А. Зиновьева. Ч. I. М., 1948; Ч. II. М., 1949; Ч. III. М., 1950.

3. Галкович Б.Г. Современные способы и приемы отображения социально-экономических и природных явлений на исторических картах // Историко-географический сборник. Вып. 1. Краснодар, 2007.

4. Гольденберг Л.А. Картографические материалы как исторический источник и их классификация (XVII–XVIII вв.) // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959.

5. Гольденберг Л.А. Развитие отечественной исторической картографии // Вопросы истории. 1974. № 7.

6. Гольденберг Л.А. К вопросу о картографическом источниковедении // Историческая география России (XII – начало XX в.). М., 1975.

7. Данилевский И.Н. Методологические ограничения исторических реконструкций // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д., 2014.

8. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск, 2009.

9. Кусов В.С. О древнем Вяземском стане, и не только о нем. (Заметки по поводу катастрофического, на взгляд автора, снижения в России картографической культуры) // Московский журнал. 2002. № 11.

10. Кусов В.С. Земли Московской губернии в XVIII веке: Карты уездов. Описания землевладений. Т. 1. М., 2004.

11. Отечественная история с древнейших времен до конца XVIII века. Атлас. М., 2014.

12. Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974.

13. Сидорина И.Е. Геоинформационное картографирование в гидрологических и археологических научных исследованиях // Геодезия, картография, геоинформатика и кадастры. От идеи до внедрения. СПб., 2015.

14. Учебный атлас России. Составленный И. Штайнманом. Пре-
ктированный и рисованный д-ром Г. Ланге. СПб.: Издание Г. Гесселя в
С. Петербурге и Лейпциге, 1871.

15. Цуциев А. Политизированная картография Кавказа. Часть I.
– URL: <http://geopolitica.ru/> [Электронный ресурс. Дата обращения
25.04.2012]; Часть II. – URL: [http:// caucasica.org/analytics/detail.
php?ID=1156](http://caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1156). [Электронный ресурс. Дата обращения 25.04.2012].

А.Е. Кравец (Ростов-на-Дону)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И ФРАНЦИИ В XIX в.

Одними из главных источников при изучении внешней торгов-
ли Франции и России в XIX в. являются ежегодные статистические
сборники о внешней торговле, издававшиеся Министерством фи-
нансов, в ведении которого с 1811 г. и до начала XX вв. находи-
лась внешняя торговля России, а также официальные издания Ми-
нистерства торговли и промышленности, в ведении которого нахо-
дилась внешняя торговля Франции.

Начало статистической обработки сведений таможенного учета
в России относится к 1804 г. По инициативе министра коммерции
Н.П. Румянцева была осуществлена статистическая сводка движе-
ния товаров через границы в 1802 и 1803 гг. Материалы были пред-
ставлены императору Александру I с предложением: включить в де-
ятельность министерства статистическую обработку информации о
внешней торговле и ее публикацию. Таким образом было положено
начало составлению статистики внешней торговли России и публи-
кации статистических ежегодников. В 1804 г. были опубликованы
первые два тома под названием «Государственная торговля России
в разных ее видах» [4, с. 5–6].

С 1812 по 1862 гг. включительно они выходили под назва-
нием «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», с
1863 г. – «Виды внешней торговли» и с 1870 г. они стали называть-
ся «Обзорами внешней торговли России по европейской и азиат-
ской границам». Проблемой достоверности этого источника зани-
мались советские историки В.А. Золотов, С.Н. Бакулин, но наиболее

основательная разработка проблемы принадлежит Е.В. Дворецкому [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Ежегодные таможенные отчеты, издававшиеся Министерством финансов, были основной, но не единственной формой публикации официальных данных о внешней торговле России. Предварительные данные публиковались в официальных периодических изданиях министерства. С 1884 г. начался выпуск статистических ежемесячников «Внешняя торговля России...», формуляр которых стабилизировался к 1897 г. Другой вид публикации – ретроспективные сборники о внешней торговле России, получившие особенно широкое распространение с 80-х годов XIX в. В качестве примера можно назвать «Краткий очерк внешней торговли и таможенных доходов России за 1856–1893 гг.», «Сведения об отпуске за границу российских товаров за 1869–1886 гг.» и «Сведения о привозе из-за границы иностранных товаров за 1869–1886 гг.». Аналогичные издания с добавлением сборника о транзите товаров вышли за 1886–1899, а также за 1900–1912 гг. [5, с. 380].

Особое место среди этих изданий занимает капитальный труд, изданный в 1902 г. Департаментом таможенных сборов Министерства финансов России под редакцией его директора В.И. Покровского «Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России» [10]. Этот труд представляет собой статистический обзор внешней торговли России за весь XIX в. (с 1802 по 1900 год включительно) в сопоставлении с данными о развитии народного хозяйства за тот же период. В приложении был дан очерк истории внешней торговли России, написанный В.И. Покровским. Автором очерка использован большой статистический материал, изданный в России, Франции и других странах. Подобного полного и подробного статистического издания, дающего сплошные годовые данные о внешней торговле за весь XIX в., не имеется ни в одной стране. В 1902 г. появился лишь первый том этого издания. Второй том, который должен был содержать ретроспективные данные о внешней торговле России, сгруппированные по странам-контрагентам, не был до конца подготовлен и потому не вышел отдельным изданием.

Регулярная ежегодная публикация статистических отчетов во Франции началась с 1818 г., по странам-контрагентам – с 1821 г. Ежегодники выходили под названием «*Tableau général du commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères*» («Общая таблица торговли Франции со своими колониями и иностранными державами»). Помимо этого, в 1858 и 1896 гг. были опубликованы

“Tableau décennal du commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères” (“Десятилетняя таблица торговли Франции со своими колониями и иностранными державами”), в которых содержались основные сведения о внешней торговле Франции по десятилетиям – 1827-1836 гг., 1847-1856 гг., 1887-1896 гг. В них, помимо сводных таблиц по экспорту и импорту товаров, транзита (причем данные давались стоимостные, а не количественные, так как различные товары измерялись разными мерами), содержалось «краткое сравнительное и аналитическое резюме», в котором находились таблицы с товарооборотом Франции за XIX век, включая товарооборот с различными странами-контрагентами, тоннаж и национальная принадлежность судов этих стран.

Во французской статистике, как и в статистике большинства европейских стран, было принято деление внешней торговли на «общую торговлю» и «специальную торговлю» (“commerce général” и “commerce spécial”). «Общая торговля» включала все товары, которые пересекали границу при ввозе и вывозе, каким бы ни было их происхождение и место назначения и следовательно, те товары, которые поступали на приписной таможенный склад (entrepôt) и выходили из него, чтобы быть экспортированными, а также те товары, которые во французских портах перегружались с одного корабля на другой, чтобы быть экспортированными и товары, которые проходили транзитом.

«Специальная торговля» включала при импорте все товары, как беспошлинные, так и товары пошлинные, с которых таможенная пошлина была уже уплачена, независимо от того, поступали они напрямую из-за границы или выходили из приписного таможенного склада. При экспорте она включала все товары французского происхождения, а также товары, национализированные фактом своего въезда на французскую территорию, независимо от того, подлежа ли они таможенному обложению или нет.

Беспошлинные товары, не предназначенные для внутреннего потребления, при импорте, как правило, регистрировались в «специальной торговле». Пошлинные товары, предназначенные для потребления во Франции, фигурировали одновременно и в «общей торговле», и в «специальной». Если же товары были помещены в приписной таможенный склад или отправлены транзитом, реэкспортированы или перегружены с борта на борт без необходимой уплаты пошлин, они фигурировали только в «общей торговле» [5, с. 355].

Исходя из этого, для сравнения данных французской статистики с русской, необходимо пользоваться данными «специальной торговли», как наиболее близкой по значению данным российской торговли. Так как французская статистика включала в «специальную торговлю» не только предметы отечественного производства (по импорту), но и «национализированные» иностранные товары, в результате складывалась следующая ситуация. Российский товар, поступив во Францию и будучи там «национализирован», регистрировался как импорт из России, а затем мог быть продан, но уже с обязательной регистрацией его как французского экспорта. Между тем страна, перекупившая этот товар, вовсе не обязана была регистрировать его в своей статистике как французский, напротив, в случае «удачи» определяла его российскую принадлежность и также регистрировала его как импорт из России. Таким образом, вывезенный из России товар в зарубежной статистике уже удваивался (а на практике нередко и утраивался при дальнейшей перепродаже) [5, с. 378]. Из этого можно сделать вывод о том, что несопоставимость данных российской статистики с соответствующими показателями статистики Франции могла возникнуть в результате недоразумений в регистрации посреднической торговли независимо от точности показателей статистики России. Суммирование данных зарубежной статистики для проверки российского экспорта требует большой осторожности, чтобы избежать двойного счета, особенно если это касается импорта Франции из Германского таможенного союза. Часто французская таможенная статистика регистрировала товары, шедшие, например, сухопутным путем во Францию из России через страны Германского таможенного союза, как привезенные из германских государств. Русской таможенной статистикой товары, экспортированные во Францию через Пруссию, часто помечались направленными в Пруссию. Но французская таможня фиксировала эти товары не как импорт из Пруссии, а как импорт из Германского таможенного союза, включавшего в середине XIX в., помимо Пруссии, почти все германские государства (за исключением ганзейских городов). Все эти примеры объясняют значительные расхождения в данных русской и французской статистике. Тем не менее, французские статистические данные весьма ценны для выяснения рынка потребления российской продукции.

До 1849 г. количество товаров, обращавшихся во франко-русском товарообороте, указывалось в килограммах, за исключением зернового хлеба и вина, измерявшихся в литрах. С 1849 по

1856 г. включительно часть товаров указывалась в метрических квинталах и гектолитрах. С 1857 г., за исключением зерна и вина, все товары указывались в килограммах. Для сопоставления данных русской и французской статистики необходимо пересчитать либо французские величины в русские, либо наоборот. Методика такого пересчета подробно изложена в работе А.Ф. Волкова [3, с. 410].

В отношении тщательности досмотра товары подразделяются на пошлинные и беспошлинные. Пошлинные товары, т.е. товары, подлежащие таможенному обложению, обязательно подвергались подробному таможенному досмотру, данные которого используются потом статистикой. По способу взимания пошлины подразделяются на: пошлины специфические, взимаемые по определенным внешним признакам – по числу, мере, весу и другим измерениям (их еще называют весовыми или мерными пошлинами), и пошлины, взимаемые с цены товара – адвалорные (от латинского *ad valorem* – с цены). В первом случае чиновники обращали основное внимание на точное определение количества товара, во втором – на выявление его ценности. Уже в 50-е гг. XIX в. в России большинство таможенных пошлин были специфическими, а окончательная замена на них адвалорных пошлин была произведена тарифом 1857 г., в котором адвалорные пошлины были оставлены лишь на платье, полотно, платки и белье (кстати, продукты французского импорта). В России большинство специфических пошлин взималось с веса нетто, т.е. чистого наличного веса товара без упаковки. В большинстве же государств был установлен способ производства вычета на тару, которым подробно нормировался порядок вычета для различных категорий товаров («законный вес нетто») [8, с. 157, 168; 9, с. 29, 32]. Что же касается беспошлинных товаров, то контроль за их прохождением был менее строгим. Так, в России с 1829 г. было отменено взвешивание и измерение беспошлинных товаров. В результате уже с середины XIX в. практически весь экспорт лишь поверхностно осматривался [5, с. 352]. Таким образом, импортные оценки являются более точными, чем экспортные оценки. Поэтому при анализе российского экспорта во Францию наиболее достоверными являются данные французской статистики. Необходимо отметить, что Россия к середине XIX в. перешла в основном к специфическим пошлинам, т.е. при таможенном досмотре главное внимание уделялось количеству привезенных товаров, а Франция в этот период придерживалась адвалорных таможенных пошлин (главное внимание уделялось цене ввозимого товара).

Очевидная недостоверность сведений о стоимости товаров, обращавшихся во внешней торговле (существовала отчетливо выраженной тенденция к занижению оценки товаров), побудила перейти к системе статистической оценки, основанной на так называемых справочных ценах, полученных на основе биржевых цен. Впервые эта система была применена в России в 1825 г. Основным недостатком этой системы было то, что получить справочные цены, основанные на биржевых, можно было лишь на европейских участках границы. Кроме того, далеко не все виды товаров, обращавшихся во внешней торговле, продавались и покупались через биржу (это относилось в первую очередь к готовой продукции). Эта система действовала в России до 1865 г., когда оценка товаров стала производиться по так называемым постоянным ценам [5, с. 366–369].

В 40-50-х гг. XIX в. во Франции указывались официальные цены (либо постоянные цены, т.е. официальные цены, установленных без определенного срока их действия; либо переменные официальные цены, т.е. установленные на определенный срок, обычно на год) [2, с. 45].

Важное значение при учете товаров, проходящих через границу, имеет вопрос о том, к какому моменту приурочена регистрация ввоза и вывоза. Вопрос решался довольно просто в отношении экспортных товаров, регистрация которых производилась в момент пропуска через пограничную таможенную. Сложнее обстояло дело в отношении импортных товаров, вследствие более сложной процедуры их пропуска и оформления в таможнях. Импортные товары, поступившие в таможню, в основном делятся на две части. Беспшлинные товары и часть пошлинных объявлялись сразу для потребления и поэтому непосредственно после прибытия подвергались таможенному досмотру и выпускались на внутреннее потребление, не поступая на таможенные склады. Другая часть товаров – пошлинных – помещалась на таможенные склады и регистрировалась по моменту их поступления на склад. В дальнейшем, по мере их досмотра и выпуска на внутреннее потребление они регистрировались вторично. При этом следует иметь в виду, что товары до их выпуска из таможен могли находиться на таможенных складах довольно долго, даже больше года [2, с. 30–31]. В российской внешнеторговой статистике понятие «ввоз товаров из-за границы» поэтому было не всегда однозначным. Вплоть до 1864 г. оно распространялось лишь на товары, выпущенные из таможен на внутренний рынок. Однако это не соответствовало фактическому привозу товаров в россий-

ские таможи. Владельцы товаров имели право держать их в таможенных складах без уплаты пошлин до 8 месяцев, в 1850 г. этот срок был увеличен до 1 года, а затем для крупнейших таможен был доведен до 3 лет. Большая часть товаров, привезенных, но не оплаченных пошлиной в отчетном году, регистрировалась уже как импорт следующего года. В то же время в отчетном году регистрировалась часть товаров, привезенных в предыдущем году [5, с. 360]. Такое расхождение в сроках фактического привоза и статистической регистрации товаров порождает определенные трудности при сопоставлении данных российской статистики с французской.

Несмотря на обилие статистических материалов, достоверных данных о межгосударственной торговле часто получить не удастся. Организаторов статистики внешней торговли при ее возникновении больше интересовали вопросы таможенного обложения и торгового баланса страны, чем данные о ее торговых связях. На точность определения страны назначения и страны происхождения товаров обращалось мало внимания. В большинстве государств в течение всего XIX в. довольствовались указанием страны, откуда непосредственно товар поступил или куда он попал, покинув отечественную территорию. Не обращалось внимания на то, действительно ли это место назначения или происхождения товара, или только страна, через которую он проходил транзитом [1, с. 74]. Понятно, что при такой постановке статистики данные разных стран не могли совпадать.

Несоответствие данных внешнеторговой статистики России и Франции объясняется также отличиями в организации статистики, в способах оценки товаров, в различной методике определения страны происхождения и страны назначения и проч. Решающее значение для статистического учета имеют содержание и качество тех документов, на основе которых производится учет и которые являются, таким образом, источниками последнего. В статистике внешней торговли эти источники зависят в основном от организации таможенно-тарифного дела в России и Франции. Таким образом, точность данных внешнеторговой статистики зависит от непосредственной заинтересованности таможенного ведомства в точности определения качества и количества товара. В соответствии с этим одни товары досматриваются таможенными чиновниками более тщательно, нежели другие, мало интересующие таможенное ведомство [2, с. 26–27].

Статистику международного товарообмена запутывали не столько различные принципы, сколько трудности, возникавшие при их реализации. Наиболее сомнительными в таможенной статистике России и Франции являлись показатели страны назначения и страны происхождения товара, так как они основывались на грузовых документах, которые сообщали лишь о месте последней погрузки товара или его ближайшего назначения без учета всего предшествующего (для импортных) и последующего (для экспортных) движения товара. Это во многом объясняет причину несопоставимости российской статистики со статистикой Франции, которая сталкивалась с аналогичными или даже большими трудностями.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев И.И. Русско-германская торговля в период империализма: Опыт источниковедческого анализа // Вестник МГУ. 1978. № 2.
2. Бакулин С.Н. Статистика внешней торговли капиталистических стран. М., 1961.
3. Волков А.Ф. Курс международной хлебной торговли. СПб., 1910.
4. Дворецкий Е.В. Проблемы достоверности оценки товаров в статистике внешней торговли России первой четверти XIX века // Научные ведомости БелГУ. 2008. № 1 (41) Вып. 5.
5. Дворецкий Е.В. Статистика внешней торговли // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.
6. Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX века. Ростов н/Д., 1963.
7. Золотов В.А. Хлебный экспорт России через порты Черного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в. Ростов н/Д., 1966.
8. Кулишер И.М. Основные вопросы международной торговой политики. Пг., 1924. Ч.1.
9. Рафалович А.А. Организация международной торговли. Л., 1924.
10. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. / Под ред. В.И. Покровского. СПб., 1902. Ч. 1.

ВНИМАТЕЛЬНО ЧИТАЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО... ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В ЛЕКЦИЯХ И АФОРИЗМАХ ВЕЛИКОГО ИСТОРИКА

Профессиональному сообществу ростовских историков было хорошо известно, что А.П. Пронштейн исключительно высоко ценил В.О. Ключевского как выдающегося ученого не только за его богатое методологическое, теоретическое и идейное наследие, но и за высокохудожественное оформление своих мыслей о русской истории. В его личной библиотеке были собраны книги историка и посвященные ему труды. Одну из глав своей фундаментальной монографии по истории источниковедения в России А.П. Пронштейн посвятил комплексному анализу решения вопросов источниковедения в исследованиях В.О. Ключевского по разным проблемам отечественной истории и первому лекционному курсу по источниковедению в российской исторической науке, создававшемуся им еще с восьмидесятых годов [9, с. 93–117]. Вместе с тем А.П. Пронштейн ценил и понимал тонкий юмор В.О. Ключевского и его сатирические характеристики при оценке некоторых сторон российского прошлого, которые выражались в дневниковых записях и афоризмах выдающегося историка.

Но в дневниковых записях В.О. Ключевского содержатся не только блестящие афоризмы на темы русской истории. В них заключены мысли, которые были связаны с идеями его научных исследований, а подчас играли для историка особую роль, помогая высветить разные оттенки этих идей, углубить и заострить отдельные их стороны. Это, в частности, относится к принимавшейся и развивавшейся им теории вотчинного государства как к объяснительной модели, направленной на уяснение особенностей истории России в период существования великого княжества Московского и Московского государства. Основоположником теории вотчинного государства В.О. Ключевский не был. Но он глубоко понял высокий когнитивный потенциал этой теории, с позиций которой историк получал возможность понять и объяснить важнейшие явления в общественных отношениях и во властной структуре страны за длительный период времени, пожалуй, от Ивана Калиты до Петра Великого. Наиболее раннее и четкое обоснование этой теории впервые было дано К.Д. Кавелиным. Как указывал К.Д. Кавелин, в русской исто-

рии произошло то, что «небольшая княжеская вотчина» Ивана Калиты «через столетие выросла в Московское государство». Этот князь, по словам К.Д. Кавелина, был «в полном смысле князь-вотчинник и смотрел на свои владения как на собственность» [1, с. 45]. С вотчинным государством К.Д. Кавелин связывал зарождение в России самодержавия со времени Андрея Боголюбского. Но, по его мнению, самодержавие пережило вотчинное государство. К концу XVII в., по его словам, Московскому государству «уже не шли формы вотчины и дедины», а «московскому государю – формы домоначальника, отчича и дедича» [2, с. 234]. В самом русском обществе, по его словам, возникала потребность в формировании «более зрелого государственного и общественного быта» [2, с. 234], чем вотчинное государство. Оно поэтому и ушло в прошлое, тогда как самодержавие сохранилось, поскольку, как подчеркивал К.Д. Кавелин, Петр I «придал ему свою деятельность, свою личность, свою жизнью новый характер» [2, с. 251].

В.О. Ключевский принял основные положения теории вотчинного государства и особо подчеркивал, что в сознании великих князей московских имело место «колебание между двумя началами или порядками», традиционным вотчинным и новым государственным. В их личности «начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти». Такое положение, как подчеркивал В.О. Ключевский, в период Смуты привело «государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей – к гибели» [3, с. 128]. Также В.О. Ключевский обращал внимание на представления о Московском государстве в сознании не только самих его государей, но и русского общества. По его словам, сами «московские люди того времени» представляли себе, что «Московское государство... есть государство московского государя, а не московского или русского народа» [4, с. 52]. На особенности положения разных слоев общества в таком государстве В.О. Ключевский обращал особое внимание. «По отношению к царю все его подданные считались холопами, дворовыми его людьми, либо сиротами, безродными и бесприютными людьми, живущими на его земле» [4, с. 68], – указывал он. Отсюда, подчеркивал В.О. Ключевский, в Московском государстве до Смутного времени возникла особая форма народного протеста, когда «народное недовольство ни разу не доходило до восстания против самой власти»: люди «выходили из него, «брели розно», бежали из государства». Массовые народные движения начались позже, со Смутного времени, и продолжались при

царе Алексее Михайловиче, уже в «бунташный век». Объяснял такую перемену В.О. Ключевский тем, что подданные «восстают» против власти тогда, когда не считают государство «чужим для себя» [4, с. 52]. Следовательно, до Смуты народ не считал государство своим, но вотчиной государя, или его собственностью.

В.О. Ключевский ставил вопрос о времени изживания вотчинного государства. По его мнению, потрясения Смутного времени заложили предпосылки к этому. Смута, писал он, наглядно показала русскому обществу, что без государя «государство не распалось, а собралось с силами и выбрало себе нового царя» [4, с. 67]. Оно тем самым вполне убеждалось, что «общество, народ не политическая случайность», но «политическая случайность есть скорее всего династия» [4, с. 68]. Все это, отмечал В.О. Ключевский, способствовало изменению взгляда русских людей, которые видели «в своем государе... хозяина московской государственной территории» [4, с. 67]. Вместе с тем, в своем Курсе русской истории он не делал вывода об отмирании в России вотчинного государства и указывал лишь на предпосылки этого отмирания. О сохранении в массовом сознании традиций вотчинного государства свидетельствовало, по мнению В.О. Ключевского, то, что Смута закончилась лишь после того, когда появился царь, связанный родством с прежней династией, «хотя и не прямым» [4, с. 54].

На тесную связь между положением великого князя московского и русского царя как вотчинного государя и его титулом В.О. Ключевский обратил внимание в лекционном курсе «Терминология русской истории». Термины, смысла которых историк раскрывал в своем терминологическом словаре, составлявшемся им с конца 70-х до начала 900-х годов, брались из источников, причем он делал выписки из них или указывал на их издания. Он представил схему развития верховной власти на Руси вплоть до времени Петра I. В развитии верховной власти он выделял четыре стадии. На первой из них таким носителем власти был князь как «вождь вооруженной дружины, боевой компании, охраняющий русскую землю и за это получающий от нее известное вознаграждение – корм» [6, с. 139]. Далее следовал великий князь – «глава княжеского рода, владеющего охраняемой им Русской землей». Таким образом, он указывал на владельческие права в отношении русской земли, но которые были за княжеским родом в целом, но не за великим князем. «Князь-государь удельных веков» – следующая ступень. На этой ступени меняется характер владения землей. Ей владеет уже не род, но сам князь.

Он выступает как «земельный владелец удела на вотчинном, т.е. наследственном, праве». В пределах этого удела он также владеет людьми – «рабами, холопами, челядью». Но в пределах удела живет также свободное население, которое вправе уходить и «переходить на территорию другого удела». Таким образом, на этой стадии уже проявлялись важнейшие черты вотчинного государя – владение землей и людьми. Последняя стадия, выделенная им, возникла в результате объединения русских земель и создания Московского государства, когда появляется «государь-царь и великий князь всея Руси» как «наследственный властитель Русской земли не только как территории, но и как национального союза» [6, с. 140]. Такая стадия наступила совершенно определенно при Иване III, а по существу, после завершения феодальной войны при Василии Темном.

Особенность положения государя-царя и великого князя В.О. Ключевский видел в том, что в его личности нашла соединение «власть единоличная с территориальным и политическим значением». Он полностью сохранял при этом свое традиционное значение как князя-вотчинновладельца, ухודившее своими корнями в эпоху Северо-Восточной Руси при Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо. Но при этом он приобретает новое для себя «национальное значение» как «владелец и властитель территории, на которой живет великорусское население» [6, с. 142]. Тем самым традиционный князь-вотчинник великого княжества Московского приобрел новый и значительно более высокий статус государя-царя. Совершенно очевидно при этом, что личность великого князя как государя-царя и вотчинника сказалась на характере самого государства, которое стало вотчинным государством. Как на соответствие этому новому положению историк указал на приобретение титула «самодержец», в котором видел «неудовлетворительный перевод с греческого «αὐτοκράτορ»». Но этот титул вотчинного московского государя, как подчеркивал В.О. Ключевский, понимался «в смысле внешней независимости, а не внутреннего полновластия» [6, с. 138–139].

Указывая на постепенное развитие того, каким образом изменения титулов отражали происходившую эволюцию власти и перемены в положении этой власти от киевского князя IX–X вв. до великого князя и государя Московской Руси со второй половины XV в., В.О. Ключевский вскрыл исторические корни системы вотчинного государства в России. Вехами на этом пути, указанными им, были княжеская власть, затем – система владения княжеского рода как

отчиной и дединой всей Русской землей. Наконец, это была система княжества-вотчины в великом княжестве Московском, где князь-вотчинник и государь совмещались в одном лице. Таким образом, на основании анализа изменения в княжеских титулах В.О. Ключевский прослеживал, как состояние Московской Руси в качестве вотчинного государства, и каким образом, постепенно, по этапам, органично и закономерно развилось из прежних властных форм и из характера отношений между властью и обществом. В этом заключался его глубокий историзм, с позиций которого он объяснял сложный вопрос русской средневековой истории, относящийся к характеру власти и ее взаимоотношений с обществом.

Отвечая на вопрос о характере княжеской власти на основании анализа внутренних смыслов и содержания княжеских титулов, В.О. Ключевский вместе с тем понимал, что этот вопрос имеет непосредственную связь с другим принципиальным для отечественной исторической мысли вопросом, который относился к определению исторического места России в окружающем мире. В XIX в. в российской историографии преобладала мысль о принципиальном отличии России от стран Западной Европы. Эта мысль была определяющей еще со времени создания при графе С.С. Уварове теории трех неразрывных единств – православия, самодержавия и народности. У российских историков начиная с М.П. Погодина коренное отличие исторического пути России от западноевропейских стран не вызывало сомнения, учитель В.О. Ключевского С.М. Соловьев основывал на ней свою концепцию русской истории. Однако к концу XIX – началу XX вв. Н.П. Павлов-Сильванский указывал на важнейшие признаки существования феодализма на Руси, к которым относилась раздробленность власти и отношения сюзеренитета-вассалитета, и тем самым делал вывод об общности исторического развития Руси и западноевропейских стран [8, с. 49]. Но положения и выводы Н.П. Павлова-Сильванского В.О. Ключевский не принимал, и исходил из более традиционной для отечественной историографии идеи о различии русского и западноевропейского путей исторического развития. Свое видение связи между теорией вотчинного государства на Руси и особенностями русского исторического процесса он указал в дневниковой записи от 30 апреля 1903 г. Отличие от формирования европейских феодальных порядков В.О. Ключевский видел на Руси, начиная с территориального признака. Так, европейский феодализм, указывал он, возникал на той же самой территории, где «распалась империя Карла В[еликого]». «У нас», однако, указывал он,

«удельный порядок сложился не из развалин очередного, не в пределах Киевской Руси, а сбоку ее, в соседнем окско-волжском междуречье, как новая политическая постройка на свежем финском пустыре». Отсюда «синьории и баронии» Западной Европы «формировались по образцу целого, которое они разрушали», и таким целым была империя Карла Великого, подчеркивал В.О. Ключевский. Затем подобный же «феодальный порядок» «с местными преломлениями» распространился на соседние с распавшейся империей западноевропейские страны.

Но в Северо-Восточную Русь «масса колонистов» из Киевской Руси перенесла «только два прочные кадра (так! – Л.М.) политического и гражданского порядка». Это были «князь со своими державными правами и боярин со своими холопами». События, согласно В.О. Ключевскому, разворачивались так, что на новом месте, в междуречье Оки и Волги, князь «образовал удельное княжество, новую политическую форму», новую по сравнению с волостями Киевской Руси, которые составляли владение княжеского рода в целом. Но удельное княжество было собственностью удельного князя, и об отношениях на почве прежней родовой собственности речи уже идти не могло. Что касается боярина, то он «восстановил на новом социальном грунте старую боярскую вотчину, село с челядью и с вольнонаемным закупом – крестьянином». Такое соединение, указывал В.О. Ключевский, дало то, что «княжеский удел сложился по типу боярской вотчины». Влияние боярской вотчины, таким образом, на княжеский удел В.О. Ключевский считал несомненным. Подобное положение имело место в великом княжестве Московском еще до Ивана Калиты, в других княжествах Северо-Восточной Руси. Удельное княжество имело, несомненно, «политическую форму», но несло в себе черты вотчины, или полной собственности своего владельца, которую он был вправе передавать по наследству. В.О. Ключевский далее указывал, что, в свою очередь, княжеский удел оказал влияние на «Московское государство, собравшее уделы», и оно «сформировалось по образцу своих составных частей и составило вотчину своих собирателей, московских государей». Тем самым В.О. Ключевский выражал свое понимание механизма формирования вотчинного государства в Московской Руси.

Но в таком способе формирования Московского государства В.О. Ключевский видел противоположность процессу складывания системы, которую на Западе составляли «синьории и баронии». В Западной Европе «низшие политические формации усвоили фор-

му высшей, которую они разрушали», тогда как на Руси, напротив, «высшая усвояла (так! – Л.М.) форму низших, из которых она складывалась» [5, с. 286–287]. В данном случае под низшей формой историк понимал боярскую вотчину, а под высшей – удел, принадлежавший князю, который был высшей формой, имевшей политическое содержание, в отличие от боярской вотчины. Тем более к высшей форме он относил московское государство со времени княжения Ивана III, которая также «усвояла» низшую форму боярской отчины. Отсюда вотчина и государство выступали, согласно В.О. Ключевскому, как некое единство, существовавшее, по крайней мере, до тех пор, пока на престоле находилась старая династия Юрьковичей-Калитичей.

В связи с проблемой вотчинного государства для В.О. Ключевского одним из важнейших вопросов стал переход от такого государства к государству нового времени, которое изжило в своем внутреннем строе характерные признаки вотчины. Относя переход к новому типу государства в период царствования первых царей из династии Романовых, историк записал в дневнике после 1900 г., чем различаются между собой «Московское г[осударство] Иоаннов» и «Государство первых Романовых». Сущность политического строя московского государства «Иоаннов» В.О. Ключевский видел в том, что это было «вотчинное государство с трудно дававшейся идеей национально-церковного союза, управляемого при посредстве молчаливого местнического соглашения г[осу]д[аря] с бывшими вотчинниками». Но уже при Романовых государство – «национальный русский союз со свежими воспоминаниями и привычками вотчинного порядка, управляемый посредством класса военных слуг, содержащихся за счет управляемого народа». И далее последовало характерное дополнение, раскрывающее особенности управления при режиме вотчинного государства, и в то время, когда от вотчинного государства оставались только воспоминания и привычки, хотя и свежие. «Центр тяжести в первый период – в Боярской думе, во второй в Разряде. Постельное крыльцо взяло верх над Передней» [5, с. 396], – писал В.О. Ключевский. Указание на Боярскую думу во времена «Иоаннов» хорошо поясняет предыдущую мысль об управлении с помощью местнического соглашения с боярами, заседавшими в Боярской думе и толпившимися в «Передней», об особенностях вотчинного государства как правления вотчинного государя с боярской знатью, «бывшими вотчинниками». При Романовых же, подчеркивал историк, ведущая роль в управлении перешла в Разряд-

ный приказ как в одно из важнейших учреждений в приказной системе управления, а роль Боярской думы упала. Однако указание на «Постельное крыльцо» также не случайно. В.О. Ключевский тем самым отмечал роль в управлении не всей Боярской думы, но Ближней думы, на которую указывал Г. Котошихин. В эту думу входили «те бояре и окольные ближние, которые бывают из спальников, или которым приказано бывает приходить» [7, с. 46], – писал беглый подьячий. Новая дьяческая бюрократия осуществляла управление, тогда как роль знати сократилась, и это, согласно В.О. Ключевскому, составляло признак перехода от вотчинного государства к государству нового времени, когда государством стал, по его словам, «национальный русский союз», но не государство как вотчина государя.

По сравнению с «Курсом русской истории» в курсе «Терминология русской истории» и в своих дневниковых записях В.О. Ключевский указал некоторые новые и важные для характеристики Московской Руси как вотчинного государства стороны. Это было четкое указание на историческую преемственность и историческую обусловленность самого строя вотчинного государства. Это было также глубокое обоснование при анализе процесса формирования вотчинного государства исторических особенностей в развитии Руси, которые привели к влиянию вотчины как низшей формы на удел как на более высокую форму с политическим содержанием. Указано при этом, что такое влияние перешло на начавшее формироваться в ходе объединения русских земель Московское государство. Обращено вместе с тем внимание на особенности управления в вотчинном государстве и в государстве первых Романовых как в государстве, согласно В.О. Ключевскому, национальном.

Краткие заметки по проблеме вотчинного государства в лекционном курсе о терминах русской истории и в дневниковых записях В.О. Ключевского позволяют более точно и глубоко уяснить его отношение к ней. Острота, живость и отточенность мысли В.О. Ключевского, которая особенно проявляется в дневниковых записях, не случайно высоко ценилась А.П. Пронштейном, который нередко в беседах цитировал отдельные места из этих дневников.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 11–67.

-
2. Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 171–255.
 3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми тт. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957.
 4. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 3 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми тт. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1957.
 5. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968.
 6. Ключевский В.О. Терминология русской истории // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми тт. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1959. С. 129–275.
 7. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: РОССПЭН, 2000.
 8. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 4–149.
 9. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1991.

Т.А. Булыгина (Ставрополь)

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ XX ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Социокультурный подход рассматривает, вслед за П.А. Сорокиным три состояния человеческого бытия, неразрывных в социальной практике и измеряемых личностными, социальными и культурными параметрами его творческого существования [3, с. 218]. Это предполагает выявление природы источника, который представляет собой продукт человеческой творческой деятельности. Поэтому источник рассматривается как фрагмент целостной культуры, соответствующей времени его создания с присущими ему в соответствующий исторический отрезок социальными функциями. Исходя из рассуждений А.С. Лаппо-Данилевского, источник испытывает на себе влияние социальных реалий, культурного контекста и особенностей его автора – его личности, судьбы, его конкретных обстоятельств создания источника как персонального произведения и од-

современно продукта социума, в который включен автор, а также как продукта культуры.

Социокультурный подход таит в себе методологические возможности использования исследовательского инструментария микроанализа, истории повседневности, интеллектуальной и новой локальной истории, антропологического и лингвистического поворотов. Вместе с тем, интегративные возможности социокультурного подхода выводят нас на междисциплинарность как общую черту современного исторического и в целом гуманитарного знания.

Очевидно, что социокультурный подход к исследованию того или иного источника предполагает ряд условий, важных при выявлении информации. Во-первых, речь идет о неразрывной связи всех сторон существования общества с социальным и культурным. К примеру, политика, экономика, повседневное бытование отдельных людей и их сообществ любой конфигурации являются продуктом культуры, созданным человеком, включенным в систему социальных отношений, социальной культуры.

Во-вторых, социокультурный подход не исключает другие исследовательские подходы. Более того, он, по мнению одного из отечественных социологов интегрирует такие подходы, как цивилизационный и формационный, ибо, он, наряду с системным подходом, является более общим [4, с. 3–12].

Кроме того, широта, даже некоторая сглаженность определенности, и открытость социокультурного подхода позволяют использовать его в разных областях исторического, а более общо – социально-го и гуманитарного знания. Признаки динамики и трансформационных процессов в любом обществе, которые, по нашему мнению, не прекращаются никогда, даже при полной его стагнации (иначе, откуда бы появились перемены?) ярче высвечиваются в контексте переломных событий, например, революции и войны. Это касается и социокультурного пространства. Вот почему, для подтверждения этого тезиса мы используем анализ источников начала XX века, помещенных в хрестоматии, вышедшей в 2016 г. в Ставрополе [2].

Так, выявляя источники истории Северного Кавказа в XX в., мы нашли нужным рассматривать эти документы как элементы конструирования образов «своего» и «чужого», органично включенные в социокультурное пространство региона и доступные анализу с позиций имагологии. Благодаря этому социокультурный мир народов этого региона раскрывается в его объемности и многообразии, мир, в котором сталкиваются и взаимодействуют «свои»/«чужие», соз-

давая сложное переплетение идентичностей. Этот мир охватывает местные сообщества, высвечивая социокультурное своеобразие их прошлой реальности.

Мы исходили из видового принципа анализа источников, что также помогает раскрыть социокультурный контекст их природы, истории их создания, а через них реконструировать социальную реальность локальных сообществ Северного Кавказа. В данном случае мы обратились к некоторым документам кануна революции 1917 г. и ее хода вплоть до завершения Гражданской войны. В начале века в Российской империи наблюдался подъем общественной мысли, что нашло отражение в широком распространении публицистики. Ее авторы независимо от их идейной направленности и политической ориентации находили болевые точки российского общества и российской власти. Через эти точки просматривается медленное, трудное изменение не только интеллектуальной жизни, но и сдвиги в традиционной ментальности. Одновременно с текстами публицистики мы рассмотрели и периодику как самостоятельный вид источника, без чего социокультурный контекст будет малопонятен.

Осознание своей конфессиональной и этнической идентичности в рядах северокавказской интеллектуальной элиты принимает новые формы. Это было связано с тем обстоятельством, что многие ее представители получили европейское образование, которое с большим трудом совмещалось с традиционным мусульманским воспитанием. Именно на переломе XIX–XX веков складывается периодика южных национальных окраин России. Примером может служить журнал «Мусульманин», издававшийся в 1908–1911 гг. на русском языке в Париже [1].

Название журнала отражало объединяющий символ – мусульманство, в то же время язык был избран русский, символизирующий одновременно объединительную роль империи и причастность «русских мусульман» к российской культуре. Обращает на себя внимание оформление обложки журнала. Его название оформлено латиницей и арабской вязью. В сочетании с русским языком эти обозначения складывались в стройную триаду: Запад как цивилизация, Россия как срединная цивилизация и одновременно как «большое» отечество, наконец, мусульманство как «близкая» родина. Здесь очевидно осознание «своей» этнично-конфессиональной данности и общности, которая через российскую культуру может войти в цивилизацию.

Что касается этнической идентичности, то издатели охарактеризовали себя как «кружок интеллигентных черкесов». Термин «черкесы» был взят из типичной лексики русских и иностранных описаний Кавказа, когда под ним понимались кавказские горцы. Это подтверждается и целеполаганием издания, которое, по мнению редакции, включало интересы «культурного развития мусульман России и кавказских горцев» [1]. Таким образом, издатели использовали «чужой», внешний по отношению к кавказцам образ, который в среде кавказской интеллигенции постепенно становился «своим».

Одновременно у понятия «черкесы» был и второй смысл. Это опять-таки «чужое» определение этнического самоназвания «адыгэ». Редактором, а впоследствии и издателем, был адыгский писатель, драматург и публицист Маго-мет-Бек Хаджетлаше (Кази-Бек Ахметуков). Однако под черкесами мог пониматься большой кавказский этнос, в составе которого были не только черкесы, но и кабардинцы, абхазы, адыгейцы, шапсуги. В данном случае этническое «свое» равноценно «чужому» образу кавказцев в мировой культуре. В то же время Россия рассматривается как «своя» в ее государственном и светском культурном измерении («русские мусульмане») и одновременно как «чужая» (православная) в духовном измерении.

Теперь обратимся к некоторым текстам на страницах журнала. Надо отметить, что материалы журнала в значительной степени носили полемичный характер. Один из авторов, представитель кумыкской интеллигенции Ибрагим Агджигитов вскрывает неблагополучие в среде кумыкского общества. Он критически относится к собственному народу, отличавшемуся, по его мнению, чрезмерным самолюбием, разобщенностью, отсутствием братских отношений, неграмотностью. Из среды кумыков «не выделился ни один общественный деятель, писатель или что-нибудь в этом роде, которые оказали бы своей родине пользу». Автор сравнивает «чужих», жителей соседней немецкой колонии, которые «живут богато» и кумыкских князьков, «своих», которые «деньги проели» [2, с. 191]. Главной причиной он считает отсутствие у кумыков духовного мусульманского (не светского) образования. В этой беде он винит не только кумыков, равнодушных к просвещению, но и местную знать, жалевшую средства на строительство медресе. Тем не менее, И. Агджигитов любит свою землю и считает, что ее история достойна внимания [2, с. 192].

Карачаевский просветитель, выпускник Ставропольской классической гимназии И.П. Крымшамхалов в письме в редакцию вы-

сказывает совершенно иную точку зрения. Он не против просвещения кавказских горцев, но противопоставляет «своих» горцев с «некультурными классами других народностей». В отдельных отношениях кавказских горцев он ставил выше «вершины» цивилизации – Европы: «Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа» [2, с. 220]. Оказывается, «не все хорошо, что носит европейскую пломбу. Автор видит цивилизованность не только в просвещении, но и в определенных этических нормах, которыми обладают «свои» горцы. Только соединение лучшего в «своем» и «другом» может, по его мнению, превратить Кавказ в драгоценность, украшающую «корону европейской цивилизации» [2, с. 221]. Однако, несмотря на внешне противоположные характеристики «своего» у этих представителей горской интеллигенции, их локальная и конфессиональная общность сказывается и в том, что под просвещением, в первую очередь им видится духовное мусульманское образование, не отгороженное и от светской европейской культуры.

В целом, публицистика представителей кавказских интеллектуалов, с одной стороны в том или ином ракурсе накануне революции ратовала за реформы, т.к. осознавала архаичность политического, социального и экономического строя народов Кавказа, т.е. были типичными прогрессистами в российском и европейском духе. Вместе с тем, позиции «своего» расценивались не только в идейно-теоретическом, но и морально-этическом и эмоциональном контекстах. Так, в статье о выборах в Государственную Думу в 1912 г. известный общественный деятель, выпускник Ставропольской гимназии, кумык Гайдар Баммат считал, что помимо образованности и осведомленности о местных делах, депутат от Дагестана должен был искренне любить свою землю. Для представителя Дагестана надо было, чтобы «горе Дагестана стало его личной мукой, а радость Дагестана – его личным счастьем». Хотя автор и говорил о необходимости прогресса для всей России как нации, но в данном случае это замечание не окрашено эмоционально. Оно вскрывает отношение к нации как к абстракции, как к «своим» соседям, тогда как отношение к Кавказу окрашено в чувства, которые испытывают к кровным «своим» родным [2, с. 224].

Взаимоотношения кавказских жителей и представителей имперской власти в категориях «своего/чужого» просматриваются и в ряде делопроизводственных источников. К примеру, в авгу-

сте 1903 г. группа карачаевцев обратилась к османскому султану с просьбой разрешить переселиться в Турцию. Турецких подданных авторы письма назвали «братьями по религии», что стало маркером «своих». Россия воспринималась как «чужая» культура, что проявилось в и нежелании отдавать своих детей в русскую школу, т.к. их там обучали «в манере, не подобающей исламскому шариату. Еще одно обстоятельство – военный набор среди кавказских народов. Тут проявился не только страх перед «солдатчиной», но и нежелание находиться в армии, покорявшей кавказцев и в этом смысле речь идет о непринятии «чужого» [2, с. 197]. Однако, как свидетельствует в рапорте атаман Баталпашинского отдела Кубанской области, отправленном годом раньше, аргумент карачаевцев в пользу «своей» мусульманской страны был в значительной степени благородным прикрытием, а подлинной причиной этой акции было стремление выгодно разрешить земельно-имущественный вопрос. Характерно, что войсковой старшина отдела считал земельные требования местных жителей справедливыми, «заслуживающими уважения» и рассматривал жителей карачаевских селений скорее «своими», хотя и «другими» [2, с. 195–197].

Как свидетельствуют источники, революция способствовала эволюции образов «своего/чужого/другого». Как известно, ликвидация монархии в 1917 году изменила общественно-политическую ситуацию на Северном Кавказе, но еще сохранила прежние представления кавказской интеллигенции. Только под влиянием бифуркации в российском обществе и слабости власти, резкой сменой власти, особенностями Гражданской войны в регионе эти представления достаточно быстро трансформировались и раскололись на противоположные позиции. Через два месяца после формирования Временного правительства во Владикавказе был создан Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. На нем выступил с приветственным словом председатель ЦК, известный общественный деятель, дипломированный медик, офицер российской армии, присяжный поверенный балкарец Басият А. Шаханов. Надо обратить внимание, что этот широко, по-европейски образованный человек, казалось бы, «свой» в европейской и российской культуре, не потерял родство с собственным народом. Он не только вернул себе этнические имя и отчество: Басият Абаевич, но, будучи до этого православным, в 1909 г. принял ислам. Его трепетное отношение к единоверцам Северного Кавказа – «своим» и враждебным «чужим» – представителям империи декларировалось уже в обращении «Бра-

тъя горцы», а также в определении Шамиля как народного героя. Одновременно четко прослеживается изменение интеллигентского сознания, когда в этой речи прослеживается четкое деление России на «своих» и «чужих»: царское российское правительство и российские рабочие в союзе с революционной армией и русской интеллигенцией. Так, революция усилила бинарность как массового, так и общественного сознания горцев, вполне сопоставимую с ростом бинарности всего российского общества и отдельных его представителей. Одновременно оратор говорит о «нашем» съезде, питая надежды, превратившиеся вскоре в иллюзии, о свободе и демократическом устройстве народов Северного Кавказа [2, с. 228]. Войсковой атаман Терского казачьего войска М.А. Караулов в своей речи четко провел разграничительную линию: «мы» – казаки и «вы» – горцы. По его мнению, горцы и казаки должны заниматься каждый своим делом, но одновременно выразил «готовность к братскому союзу с вами» [2, с. 229].

Один из духовных лидеров мусульман Северного Кавказа Наджимуддин Гоцинский периода революции, обращаясь в сентябре 1917 г. к народам Кавказа на арабском языке, безусловно, жестко оценивал «своих» мусульман, т.к. призывал их не творить преступления, а собирать армию для охраны свободы и шариата, дать право «чужим» иноверцам на свободу их исповедания. В начале революции он заботился о мире между русскими и мусульманами, но уже тогда он осуждал мусульман, учившихся в русских учебных заведениях, которые на европейский лад толковали права горских женщин. Для Гоцинского мусульмане делились на подлинно «своих» и на мнимых мусульман. Русских, грузин, евреев он почитал соседями, с которыми надо поддерживать добрососедские отношения, а вот в своей среде мусульманства надо бороться за «неприкосновенный» шариат [2, с. 236–237]. Надо обратить внимание на сходную с Гоцинским позицию Караулова, столь распространенную в ходе революции: «мы» разные, но можем жить в союзе друг с другом, как добрые соседи. Однако Гражданская война обострила противостояние, и вместо доброго соседства народы получили ярость, кровь и смерть. Символична гибель обоих. Н. Гоцинский был расстрелян в 1925 г. как контрреволюционер, а М.А. Караулов был растерзан анархистствующей толпой и позже был объявлен контрреволюционером.

Ряд источников разного характера – публицистика, деловая переписка, раскрывают основные символы «своего/чужого». Так, тезисы по Кавказскому горскому вопросу, составленные приблизи-

тельно в 1920 г. осетинскими большевиками Р. Козаевым и Е. Рамоновым, по существу, представляют собой публицистику, в которой образ мышления особенно ярко проявляется в лексике. Говоря о центробежных настроениях в среде партийных организаций Северного Кавказа, они именуют их как племенные коммунистические объединения горцев [2, с. 242]. В данном случае авторы себя позиционируют как «свои» с большевистской властью Центра и употребляют лексику типичную для евроцентристских взглядов дореволюционных российских чиновников и интеллигенции. Одновременно они «свои» и для горцев, т.к. отстаивают их интересы в земельном вопросе и оправдывают вооруженные захваты земель. Они требовали дать возможность «нуждающемуся населению горной полосы «вселиться» в русские иногородние и казачьи районы – плоскостей и предгорий с наделением их земель на основе коренного передела, на общих основаниях конституции РСФСР, с немедленной фактической конфискацией княжеских, войсковых и частновладельческих земель – в общеземельный фонд, а также наделных казачьих земель» [2, с. 244]. Для них краевой партийный комитет, который совершал, по их мнению, политические ошибки, был досадным препятствием между ЦК РКП(б) и горскими коммунистами. Стремление к объединению коммунистов региона в Горскую коммунистическую партию, распущенную крайкомом, почти полностью совпадала, правда на разных идейных основах, со стремлением Союза горцев к созданию Горской республики [2, с. 243–244].

Для объединения сил на борьбу с Деникиным в 1919 г. был создан Союзный Меджлис горских народов Кавказа, в который вошли и бывшие члены правительства ликвидированной Горской республики. Поэтому господствовавшие среди интеллигенции Кавказа настроения, хорошо отражены в переписке Меджлиса с Верховным комиссаром Великобритании на Кавказе осенью 1919 г. Представители Северного Кавказа негодовали по поводу обращения представителя миссии полковника Роландсона к народам Ингушетии, Чечни и Дагестана, в котором Англия поддержала Деникина и его борьбу за единую неделимую Россию. Члены Меджлиса сочли это оскорблением в отношении горцев, борющихся за национальное освобождение и государственную независимость. Они сочли заявление английского полковника вмешательством в судьбу народов Горской республики [2, с. 256–258]. Обращает на себя внимание также эволюция представлений о государственности Северного Кавказа. Если в мае 1917 г. представители Союза горцев ратовали за самоуправление региона в пределах единой революционной

России, то в октябре 1919 г. они же требовали создания независимого государства.

Типичные представители Советской власти, например, командующий Красной Армией в Терской области, не признавали, что мотивом горских восстаний против деникинцев является национальное освобождение, т.к. декларировали трудящихся Северного Кавказа как «наших». Их догматическое мышление признавало только один мотив – советскую власть: «Сколько бы ни уверяли и ни говорили, что горцы восстают, движимые национально-религиозными побуждениями, – неправда. Все эти чувства переживаются и даже пережиты. Одно стремление – одна цель горцев – Советская власть» [2, с. 266]. Так писал в январе 1920 г. один из красных командиров. Мы видим, как формируются символы желаемого толкования событий, ставшие на десятилетия ключевым принципом советской идеологии и историографии. Ведь в цитируемом докладе в начале доклада указывается отрицательное отношение горцев к большевикам [2, с. 265].

Однако были и иные мнения, существовавшие среди интеллигентов в среде большевистской власти. Так, в сентябре 1920 г. Г.В. Чичерин доносил председателю Реввоенсовета А.Д. Троцкому о необходимости организации автономий народов Северного Кавказа. Речь шла исключительно о тактическом шаге, а не о судьбах и чаяниях горцев: «Это их удовлетворит и перетянет на нашу сторону, с прибавлением к этому благоприятной для них экономической политики. При теперешнем положении горские народы все более отталкиваются от нас». В последних строках сквозит недоверие к «чужим» местным товарищам: «Нужно бы нам непосредственно и основательно ознакомиться с Северо-Кавказскими делами» [2, с. 270].

Таким образом, разные источники истории Северного Кавказа содержат информацию о социокультурном контексте, связанном как с изменениями в массовом и общественном сознании местных народов накануне революции, так и эволюция образов «своего/чужого» под влиянием революционных событий как в местном обществе, так и в новой власти.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Магулаева Фатима, Ставрополь. «Служить всеми помыслами родному народу и обожаемой Родине нашей...» // Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусойд». 21.07.2008. Портал www.elbrusoid.org

2. «Свое-чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: Хрестоматия / Отв. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016. 368 с.

3. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

4. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12.

И.Г. Брызгалова (Ростов-на-Дону)

ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ВЕСНОЙ 1917 г. НА ДОНУ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Февральская буржуазно-демократическая революция на Дону и Северном Кавказе подорвала существовавшие устои, пробудила к политической жизни широкие массы города и деревни, втянула их в борьбу с отжившим, устаревшим. На ход революции, в исследуемом регионе оказали влияние своеобразие классовых, общественных и национальных отношений, культура и психология населения. Это нашло отражение в многообразии подходов к проблемам государственного строительства после Февраля, наложило отпечаток на процесс формирования и деятельность органов власти на Дону и Северном Кавказе, выявило тесную взаимосвязь и влияние экономического положения, социальных отношений накануне 1917 г. на характер, формы и темпы революционного процесса в регионе.

Данная историческая проблема достаточно интересная и крайне важная для современного осмысления. Ее научная оценка представляет нынешним политикам возможность избежать некоторых специфических ошибок, присущих органам власти и самоуправления при решении вопросов осмысления природы власти, организации демократического механизма власти, существования демократических институтов в политической системе, создание стабильных и эффективных органов власти разных уровней.

Государственное строительство после февраля 1917 г., опыт регионального процесса и сегодня привлекают внимание исследователей. Стремление к постоянному расширению источниковой базы – одна из черт современной как общероссийской, так и региональ-

ной историографии, в том числе и при исследовании обозначенной проблемы.

Это объясняется несколькими причинами:

- долгое время господствующая упрощенная трактовка многих ключевых взаимосвязанных проблем в концепции революции привела к тому, что сама внутренняя логика развития науки о Феврале и Октябре настоятельно потребовала совершенно новых концептуальных решений и подходов. А новые подходы в историографии революции вызвали к жизни вопрос о новом и более широком использовании источниковой базы;

- в последние десятилетия появилось стремление к комплексному изучению истории лагеря «революции» и «контрреволюции», всех партий и движений, народной, социально-общественной инициативы;

- на протяжении длительного времени наблюдались очень серьезные издержки в освещении ряда проблем истории нашего общества, в том числе и вопросов формирования региональной модели власти. Они были прямо связаны с тем, что вопрос об утверждении различных форм правления в центре и на местах, поиска региональной модели власти, в значительной степени выпадал из сферы самостоятельного исторического анализа;

- состояние документалистики долгие годы оставляло желать лучшего. Продолжительное время вообще не публиковались документы. Начиная с 40-летия Октября и на все последующие круглые даты, выходили пофондовые публикации – самые ценные и интересные, а также региональные сборники, посвященные событиям революционных лет. Но их было подготовлено крайне мало, большинство публикаций носили избирательный, тематический, выборочный характер, отвечавший определенным требованиям времени.

- относительная ограниченность документальной базы в Цentraх документации новейшей истории и государственных архивах (очень большое количество документов, касающихся именно периода революции погибло в огне Гражданской войны, а также «осело» в эмигрантских архивах и частных собраниях русской эмиграции).

Изучение проблемы процесса создания и деятельности органов власти весной 1917 г. на Дону и Северном Кавказе, определили задачи исследований, которые заключаются в попытке выяснить теоретические воззрения, сложившиеся у представителей основных политических сил в стране и регионе на процесс государственного устройства после Февраля. А также в изучении возможностей и

конкретных путей процесса формирования органов власти на Дону и Северном Кавказе, в определении особенностей и специфики государственного строительства в регионе после Февральской революции.

Используемые источники определили уровень и содержание научного поиска, оказали влияние на выбранную концепцию освещения проблемы процесса создания и деятельности органов власти весной 1917 г. на Дону и Северном Кавказе. В то же время классификация источников позволила подвергнуть анализу вопрос о значимости каждого их видов в изучении данного вопроса, выяснить, насколько полно представлены источники по исследуемой проблеме. Она помогла установить в привлекаемых источниках полноценность данного комплекса источников и определить, какие виды их позволили полнее и глубже изучить проблему.

Исследование данной проблемы основано на обширной источниковой базе. Комплекс архивных и опубликованных источников образуют источниковую базу исследования, включающей материалы деятельности различных партий, их центральных и местных организаций – резолюции, стенограммы съездов, собраний, постановлений, программы, произведения и воспоминания видных большевиков, меньшевиков и эсеров, кадетов, мемуары иностранных послов, материалы деятельности Советов разных уровней (стенограммы съездов, совещаний, протоколы заседаний), документы других органов власти (Временного правительства, казачьих и национальных), работы отечественных и зарубежных историков, политологов и экономистов.

В исследовании проблемы процесса создания и деятельности органов власти весной 1917 года на Дону и Северном Кавказе группы источников выделяются по происхождению: материалы и документы политических партий, общественных движений, государственных учреждений; произведения деятелей политических партий; архивные документы; периодическая печать.

Среди документов политических партий и организаций главная роль принадлежит программным документам, которые излагают цели и задачи, стратегию и тактику политической борьбы, определяют силы, средства и формы, с помощью которых политические партии мыслят реформирование или революционное преобразование обществ. В этих материалах находят отражение в концентрированном виде наиболее важные направления и течения человеческой мысли, устремленной в будущее.

Программы политических партий России начала века были интересны и разнообразны, предлагали различные способы переустройства общества [7]. С зарождением общественных движений, объединений, а со временем и политических партий возник новый вид исторических источников – документы и материалы этих организаций. Особый интерес представляют материалы съездов, конференций, пленумов, заседаний центральных и городских органов партий и объединений. Это самый массовый источник партийного происхождения, который дает представление о практической деятельности партий и объединений: переписка партийных и общественных организаций, другие документы об их практической деятельности; выступления на съездах, конференциях, в прессе лидеров партий и объединений, в которых разъясняются и комментируются документы этих организаций, а также их практическая деятельность; другие материалы, которые освещают деятельность партий и объединений.

Значение документов той или другой политической партии или объединения определяется, прежде всего, той ролью, которую они играли в жизни России. Уровень доступности партийных источников тоже не одинаковый, т.к. не все партийные организации уделяли должное внимание своевременному созданию, сохранности и публикации источников.

К партийным документам следует отнести речи, выступления, различные произведения отдельных деятелей партий, когда они выступают как ее представители, а не как частные лица [5]. Интересна и значима и мемуарная литература, воспоминания представителей различных политических лагерей и партий [6].

Ценные сведения по изучаемой проблеме содержатся в архивных документах и материалах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [3] и государственных архивов Ростовской области (ГАРО) [2], Ставропольского края (ГАСК) [4], Краснодарского края (ГАКК) [1], а также республики Северной Осетии-Алании (ЦГА РСО-Алания) [8]. Это достаточно значительная часть источниковой базы исследований, впервые были введены в научный оборот ранее неопубликованные материалы десяти архивов.

Большое значение для исследования данной проблемы имеют документы органов Временного правительства, Советов разных уровней, а также органов местного самоуправления, казачьих и национальных. Проанализированы фонды Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов различных уровней, органов власти

Временного правительства, казачьих и национальных, материалы о деятельности различных партий и общественно-политических сил по вопросам государственного строительства и в частности – формирования и деятельности местных органов власти.

Среди архивных материалов можно выделить пять больших групп документов, которые позволяют раскрыть процесс образования различных органов власти; их характер и структуру власти; состав (количественный, партийный, социальный) местных органов власти; их деятельность; взаимоотношения и сотрудничество между ними; выявить альтернативные варианты организации власти в постфевральский период.

Сверка некоторых архивных документов и материалов по вопросам процесса создания и деятельности органов власти весной 1917 г. на Дону и Северном Кавказе с опубликованными документами и материалами в различных изданиях, показала, что между ними есть расхождения, порою достаточно серьезные. Следовательно, архивные документы и материалы могут выступать своеобразным «арбитром достоверности».

В современных исследованиях значительно возрастает роль такого богатейшего источника, как периодическая печать. Для историка периодическая печать – источник, содержащий информацию практически по любой теме. Информация периодической печати: систематична; хорошо сохранилась. Из разновидностей периодической печати (газеты, журналы, повременные издания государственных учреждений, общественных организаций и научных обществ) газеты наиболее полно репрезентируют эволюцию эпохи и дают богатейший материал для сравнительного исследования.

Специфическим свойством газет является многоплановость. Как правило, газетный номер, включает в себя самую разнообразную по жанру, происхождению, содержанию информацию. Богатство и разнообразие информации периодической печати (газет) делает ее многоплановым историческим источником, богатым информативными и аналитическими материалами.

Но, что особенно важно для исследователя, периодические издания (газеты) публикуют тексты официальных документов, законопроектов и законодательных актов, статистические материалы, хронику событий. Весь комплекс материалов позволяет создать наиболее полную картину происходящего, можно составить представление о государственном строе, социально-экономических отношениях, всех изменениях, происходящих в обществе. Материалы

газет содержат факты, их оценку, характеристику процессов и тенденций развития современной действительности. Важно отметить еще одну особенность газет – оперативность обнародования общественно значимой информации.

Необходимо отметить, что в работе с данной группой источников необходимо учитывать субъективный характер изложения фактов различными периодическими изданиями, продиктованными их социально-классовой и партийной ориентацией. Газета выражает мнения по важнейшим политическим проблемам, стремится на основе печатных материалов создать такую «информационную картину мира», которая предопределила бы отношение читателей к происходящему, содействовала бы формированию политических, экономических, нравственных идеалов и убеждений, а также определенных мотивов и стимулов поведения.

В региональных исследованиях особая роль принадлежит газетным фондам региональных архивов. Многие газетные и журнальные публикации отличаются не только значительной информативностью, но и аналитическим характером. При использовании периодической печати, как источника в изучении проблемы государственного строительства после февраля 1917 г. на Дону и Северном Кавказе, учитывалась особенность использования данных источников. В работе с периодикой использовался главный подход – всестороннее изучение печатного органа, как целостного источника. Решение исследовательской задачи без предварительного целостного изучения того издания, откуда извлекается информация, некорректно, поскольку читатель воспринимает ту или иную информацию, исходя из общей ситуации, общественно – политической ориентации того или иного издания.

Проанализирован газетный фонд государственных архивов Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, Республики Северной Осетии-Алании (ЦГА РСО-Алания) и Библиотеки СОНИИ (свыше 30 наименований, отложившихся в библиотеках и фондах пяти архивов). Это особая группа источников – периодическая печать 1917–1918 гг. (материалы центральных и местных печатных органов), недостаточно использованных, очень многоплановых, ценных обильным фактическим материалом, не отложившихся в других документах эпохи. Ее можно разделить на три большие группы: печать политических партий, Советов разных уровней, органов власти Временного правительства, казачьих, национальных.

Как в целом по России, в изучаемом регионе в феврале-октябре 1917 г. издавалось значительное количество партийных, общественно-политических газет. Особенно большое их количество издавалось в Донской области. «Вольный Дон» (1917–1918 гг.) – орган Донского войскового правительства, общественно-политические газеты «Приазовский край» (1917–1918 гг.), «Ростовская речь» (1917 г.), редактировавшийся кадетами.

Также наиболее используемые в исследовании газеты: «Северо-Кавказский край» (1917 г.), «Северо-Кавказское слово» (1917 г.) являвшимися органами губернского комитета социалистов-революционеров; «Горская жизнь» (1917 г.), «Терский вестник» (1917–1918 гг.), «Терек» (1916–1917 гг.), «Терские ведомости» (1917 г.), «Прикубанская Правда» (1917–1918 гг.) орган Екатеринодарского комитета РСДРП(б); «Известия Кубанского областного ЦИК Советов Народных Депутатов и Екатеринодарского Совета Народных Депутатов» (1917–1910 гг.).

Привлекались материалы и других изданий, издававшихся на Дону, Кубани: «Рабочее дело» – партийный орган донских меньшевиков, «Наше Знамя» – орган Ростово-Нахичеванского комитета РСДРП (б), «Земля и Воля», «Голос Донской земли» – издания социалистов-революционеров, «Народная мысль» – орган Донского войскового правительства, «Народная воля» – орган Кубанского областного бюро партии социалистов-революционеров; «Земля и воля» – орган Армавирской организации эсеров; «Свободная Кубань» – издание Кубанского войскового правительства; газеты «Листок войны», «Свободное слово».

Периодическая печать Ставрополя в изучаемый период была представлена также газетами: «Заря свободы», издававшаяся Ставропольским советом солдатских депутатов, а с декабря 1917 г. ставшая партийным органом большевиков, «Народное эхо» – орган Пятигорской организации эсеров, «Голос труда», «Голос» – издания Пятигорского и Минераловодского Советов рабочих и солдатских депутатов.

В целом региональная периодика является ценнейшим источником, дающим представление о численности рассматриваемых партийных организаций, их социальной базе, о формах, методах политической борьбы и деятельности среди городского и сельского населения, их отношении к вопросам государственного строительства.

Значение этой группы источников в исследованиях по данной проблеме обусловлено не только невозможностью необходимой информации из «других документов эпохи», но и главное – уникальностью содержащихся в них информации, позволившей всесторонне раскрыть политическую тональность этой «эпохи», разные уровни общественной психологии в ее условиях и их истоки. Все это позволило показать моменты местной специфики, а на трех существенных моментах носивших повсеместный (общероссийский) характер: возникновение известной определенности в отношении ведущих партий и проблеме власти (меньшевики и эсеры вполне сознательно вошли в коалиционное правительство), становится заметным расхождение между прагматизмом масс и иллюзорностью правительственных и партийных программ, усиливаются очертания политических противоречий.

Именно газетный материал помогает понять и показать, что в целом это особый период в революционных событиях 1917 г. можно охарактеризовать как период эволюционный, когда противоречия в обществе только намечались, но еще не приобрели критическую массу, когда определенные иллюзии (эйфория) и надежды на «нормальный ход революции» питали почти все общественно-политические силы России, в т.ч. на местах, в изучаемом регионе.

Сравнительный анализ всех вышеназванных основных видов источников позволил выяснить существо позиций основных политических партий (их лидеров) и различных общественно-политических сил России на общегосударственном и региональном уровне по анализируемой проблеме, процесс формирования и деятельности местных органов власти на Дону и Северном Кавказе весной 1917 г., слабые и сильные стороны альтернативных вариантов организации власти в послефевральский период, в целом получить объективные знания исторического опыта решения проблем государственного устройства России весной 1917 г.

Совокупность вышеназванных источников и обширная историографическая база создали возможность обоснованного исследования данной проблемы и в результате исследования прийти к выводам:

– дана интерпретация ранее опубликованным источникам и привлеченным новым архивным документам, что позволило определить особенности социально-экономического развития региона, расстановку классовых и политических сил и факторы, влиявшие на характер, темпы и формы революционного процесса, показано

взаимовлияние различных факторов на ход политических событий в послефевральский период;

- исследован процесс формирования в регионе оппозиции самодержавию, доказано, что она складывалась, как и в центре страны, но отличалась спецификой и характером проявления, обусловленных существованием особого типа социальных структур (более однородным составом населения, преобладанием мелкой буржуазии, ролью и местом казачества в жизни того периода);

- расширены и уточнены научные представления о Советах. Показано своеобразие государственного строительства после февраля, возникновение и действие Советов всех уровней в общей системе власти, что дало основание поставить под сомнение прежние подходы историографии об изначальном противоборстве и противопоставлении всех органов власти друг другу и искусственного вычленения Советов из системы власти. Документально показано, что образование Советов на исследуемом этапе не означало объявление «классовой войны», они входили в общую систему власти, имея тесные связи и контакты с другими властными структурами. Определены пути образования Советов в регионе, уточнен их партийный состав и факторы, влиявшие на характер его изменений. Проведенный анализ социального состава убедительно подтверждает складывающийся в историографии новый взгляд на характер и сущность Советов как на организацию и союз не только двух классов (пролетариата и крестьянства), а всех общедемократических сил;

- проанализирован процесс формирования институтов власти Временного правительства в регионе весной 1917 г., показана связь Центра с местами, практика назначения комиссаров Временного правительства, создание гражданских исполнительных комитетов в городах и сельской местности, национальных районах Северного Кавказа, их состав (количественный, партийный, социальный), решаемые задачи, в том числе разработка о введении земств на Дону, Терек, их структура, отношение к земству казачества;

- показана практическая деятельность казачьих войсковых правительств по организации основ местного управления, процесс разработки и проведения реформы казачьего управления (деятельность Особой комиссии). Определена схема казачьего управления: хуторское, станичное, окружное, областное;

- проанализирована деятельность казачьих войсковых правительств по консолидации сил казачества на общегосударственном и

региональном уровне, стремление иметь свое особое представительство во всех властных структурах, общедемократических движениях и формированиях, в том числе и в Советах;

– определены два направления в создании органов власти Временного правительства в национальных районах: гражданские исполнительные комитеты (Осетия, Дагестан, Калмыкия, Кубань (армянские союзы), а также специфические национальные органы власти (Кабарда, Чечня, Ингушетия, Дагестан);

– выявлены тенденции в государственном строительстве после февраля.

Проведенный анализ образования и практической деятельности органов Временного правительства и Советов разных уровней позволил выявить в этом процессе две взаимодействующие тенденции и факторы, на них влиявшие. Первая – стихийное возникновение Советов и объединение вокруг них широких масс, при устранении царской администрации с их последующей устремленностью к самостоятельности, объединению и координации действий в региональном и общегосударственном масштабе, что пытались использовать большевики, направляя усилия на превращение Советов в самостоятельную власть, противостоящую Временному правительству и его институтам на местах.

Вторая – сотрудничество Советов с органами власти Временного правительства, стремление либеральных партий перевести отношения с Советами в сферу стабильного «делового партнерства» с последующей интеграцией их в систему общедемократической власти.

Установлено, что в исследуемый период в регионе действовали обе тенденции, доминирующей являлась вторая, хотя нередко на местах в апреле-мае 1917 г. наблюдалось усиление первой тенденции, Советы из общественных организаций начинали превращаться во властные, стремились потеснить местные органы Временного правительства, перехватывая у них инициативу в решении многих вопросов. Самой главной и определяющей особенностью их образования и деятельности была изначальная и тесная взаимосвязь между собой. Установлено, что практически с самого начала революции, с марта 1917 г., везде в регионе были созданы единые совместные органы власти, куда входили представители гражданских исполнительных комитетов, Советов, а также представители традиционных казачьих и национальных учреждений. Эти органы дей-

ствовали на всех уровнях от городских и окружных (волостных, от-дельских) и областных, губернских.

Наличие богатейшей и разноплановой источниковой базы в исследовании избранной проблемы позволило определить круг вопросов, требующих дальнейшего научного осмысления. Важнейшими из них являются: социально-экономическое положение национальных районов Северного Кавказа; общественно-политическое положение региона накануне Февральской революции; общественные классы и местные организации политических партий; демократические и социалистические тенденции в революции; соотношение сил на различных этапах Февральской революции; поведение казачества и крестьянского населения (коренного, иногороднего, горского). Недостаточно изучены формирование и деятельность местных органов власти Временного правительства (в т.ч. в национальных районах), органов казачьего управления, а также переплетение, разделение и соотношение власти между всеми властными структурами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК): ф. р-411 (Коллекция документов по истории революционного движения и гражданской войны на Кубани и Черноморье; ф. 396 (Войсковой штаб Кубанского Казачьего войска); ф. 442, 443, 437, 436, 446, 444 – материалы различных полков, штабов Кубанского казачьего войска (1914–1917 гг.); ф. 1259 (Кубанский Областной Временный Исполнительный Комитет Временного Правительства); ф. 1260 (Екатеринодарский гражданский комитет Кубанского Областного Исполнительного Комитета); ф. 342 (Екатеринодарская Центральная Примирительная камера при отделе охраны труда Екатеринодарского Совета); ф. 658 (Кубанский Областной продовольственный Комитет); ф. р-6 Канцелярия Совета Кубанского краевого правительства); ф. р-11 (Канцелярия Управления военными делами Кубанского краевого правительства); ф. р-975 (Исполнительный комитет Екатеринодарского городского Совета рабочих, воинских и крестьянских депутатов); ф. р-1359 (Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов. Новороссийск).

2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО): ф. 46 (Атаманская канцелярия (Канцелярия войскового наказного атамана)); ф. 301 (Областное правление области войска Донского, г. Новочеркасск); ф. 91, 694, 90, 577 – материалы городских дум и управ (Нахичеванской, Новочеркасской, Ростовской, Таганрогской); ф. 834 (Канцелярия

Ростовского-на-Дону градоначальника Всевеликого войска Донского, г. Ростов-на-Дону, 1906–1919).

3. Государственный архив РФ (ГАРФ): ф. р-1235 – документы и материалы секретариата, председателя ВЦИК 1917 г., агитационного отдела ВЦИК 1917–1918 гг., военного отдела ВЦИК 1917 г. (казачий подотдел, военно-иногородняя комиссия, иногородний отдел), переписка Петроградского Совета и ВЦИК созыва с местными Советами, войсковыми комитетами и другими организациями, протоколы заседаний Советов; ф. 1236 (Петроградский ВРК, 1917 г.); ф. 6978 – документы и материалы ВЦИК 1-го Созыва иногородний отдел (Донская, Кубанская, Терская обл.); ф. 398, 1788 – документы и материалы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов различных уровней; ф. 6977 – документы и материалы Всероссийского Сопещения делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов, 29 марта-апрель 1917 г.; ф. 6978 – документы и материалы Всероссийского Центра Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) 1-го Созыва, 3 июня – 25 октября 1917 г.; ф. 3875 (Исполнительный Комитет Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов, май 1917 – январь 1918 г.).

4. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК): ф. р-65 (Исполком Ставропольского губернского Совета крестьянских депутатов, 1917–1918 гг.); ф. 333 (Ставропольской городской управы 1917–1918 гг.); ф. 177, 131, 122 – документы и материалы учреждений городских самоуправлений.; ф. 1660, 1659, 899, 1657 документы и материалы местных административных учреждений Ставрополя.

5. Октябрьский переворот. Революция 1917 года глазами ее руководителей. М., 1991.

6. Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М., 1991.

7. Программы политических партий и организаций России конца XIX – начала XX века. Ростов н/Д., 1992.

8. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания): ф. 82 (Терское областное правление, 1888–1917 гг.); ф. 20 (Управление Сунженского отдела, 1888–1918 гг.); ф. 24 (Управление Владикавказского округа); ф. 305 (Терский областной продкомитет, 1917–1921 гг.); ф. р-10 (Центральный Комитет союза объединенных горцев Кавказа и Дагестана, 1917 г.); ф. р-9 (Временное правительство Союза Горцев Кавказа (1917–1918 гг.); ф. р-2 (Канцелярия войскового атамана и правительства Терского казачьего войска, 1917–1920 гг.); ф. р-1 (Войсковое правительство Терского казачьего войска).

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ИСТОЧНИКОВОЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ

За последние два года (2017–2018 гг.) резко возрос интерес исследователей к проблемам истории Гражданской войны в России, в том числе и ее Южном регионе. Во многом этому мы обязаны трагической дате в истории Отечества – 100-летию юбилею ее начала. Скорее всего, период с 2017 по 2022 гг. будет приковывать внимание как широкой общественности, так и исследователей по рассмотрению противоречивых, трагических и вместе с тем масштабных явлений, которые коренным образом изменили ход исторического развития России.

Многое, к великому нашему сожалению, было утеряно, иногда и навсегда, в т.ч. многочисленные исторические памятники дореволюционной эпохи. Произошел слом массового сознания, были утеряны исторические корни многих граждан новой страны. Все ли было потеряно? Конечно, нет. Были и успехи, были и неудачи. Сегодня у многих исследователей нередко возникает риторический вопрос: пришло ли время глубокого обсуждения этой актуальной проблемы? Ответа на него нет до сих пор. Внутреннее противостояние общества продолжается: разделение на красных и белых нередко происходит и в наши дни. Во многом это объясняется попытками проигравшей в ходе этой кровопролитной войне стороны взять реванш за поражение 1917–1922 гг., с другой, смена исторической парадигмы, произошедшей в начале 1990-х гг., заставляет многих отстаивать позиции стороны, одержавшей победу в Гражданской войне.

Желание обратиться к данной теме было вызвано другой юбилейной датой, связанной со 100-летием со дня рождения известного на всем постсоветском пространстве выдающегося специалиста в области источниковедения Александра Павловича Пронштейна. Многие участники настоящего форума были лично знакомы с этим замечательным специалистом, помнят его как профессионального преподавателя, заместителя председателя диссертационного совета Ростовского государственного университета и просто как человека. Именно поэтому, в первую очередь, обращаясь к заявленной теме, хотелось остановиться на публикации исторических источников, изданных в рамках рассматриваемой проблемы.

Московское издательство АСТ издало уже в 2018 г. интересную работу Аркадия Адольфовича Германа «Русские революции и Гражданская война». Большой иллюстрированный атлас [1]. Несомненно, что данное издание еще длительное время будет служить путеводной звездой для современных исследователей, представляющее систематизированное собрание карт (цветных), раскрывающих основные события 1917–1922 гг. в России. Карты дополняются сопроводительными текстами, фотографиями, карикатурами данной эпохи, помогающими читателю сориентироваться в ходе событий, проходивших на различных фронтах Гражданской войны.

Структурно Большой иллюстрированный атлас состоит из трех разделов:

- первый: Развитие России в начале XX века. Предпосылки Великой Российской Революции,
- второй: Великая Российская революция. 1917 год.
- третий: Гражданская война в России.

Наибольший интерес для специалистов Юга России представляют карты: Распространение Гражданской войны на всю территорию страны [1, с. 125]; оборона Царицына [1, с. 126]; второй Кубанский поход Добровольческой армии, 22 июня – 11 ноября 1918 г. [1, с. 129]; наступление Украинского фронта, 6 января – 29 апреля 1919 г. [1, с. 137]; наступление Вооруженных сил Юга России 17 мая – 15 октября 1919 г. [1, с. 146]; наступление Южного и Юго-Восточного фронтов. 19 ноября 1919 г. – 10 января 1920 г. [1, с. 149]; Одесская и Северо-Кавказская наступательные операции 1920 г. [1, с. 150–151] и наступление Русской армии Врангеля. 6 июня – 2 октября 1920 г. [1, с. 152–153], а также контрнаступление Южного фронта 28 октября – 3 ноября 1920 г. и разгром войск Врангеля в Крыму 7–17 ноября 1920 г. [1, с. 161]. К сожалению, масштаб многих карт, представленных в этом издании, не всегда соответствует запросам современных исследований, а текстовые материалы порой превышают объем собственно картографических данных.

Другим уникальным источником по изучению Гражданской войны на Юге России может стать московское издание «Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917–1922» [2]. Особый интерес вызывает то, что фотоальбом основан на визуальных материалах из фондов федеральных и государственных архивов России, ведущих музеев страны и ряда зарубежных собраний. В фотоальбоме представлено свыше 650 фотографий, а также кинокадров, некоторые из них публикуются впервые в России. Хроно-

логические рамки охватывают период с февраля-марта 1917 г. и до октября 1922 г., когда прошла эвакуация последнего организованного центра сопротивления на Дальнем Востоке.

В качестве первоочередной задачи авторов проекта становится примирение исторической памяти участников противостояния. Издание построено по территориально-хронологическому признаку. Значительный пласт фотодокументов касается Юга России. В продолжение предыдущему изданию следует отметить совместную работу Олега Куликова, Михаила Сарычева и Владимира Марковчина [3], ставшую логическим продолжением подобного альбома «Холодное оружие Донских казаков» [4], изданного в 2013 г., в т.ч. с участием данных авторов.

Новый фотоальбом посвящен участию казаков Донского, Кубанского, Терского и Астраханского войск в Гражданской войне на Юге России, с ноября 1917 г. до марта 1920 г. Альбом содержит более 200 фотографий (не считая фотопортретов), часть которых публикуется впервые. Фотографии, представленные в альбоме, несут огромную смысловую и духовную нагрузку, т.к. показывают людей, очутившихся в круговороте страшных и кровавых событий.

Что касается последних новинок в области историографии Гражданской войны, то обратим внимание современных исследователей на обобщающий труд представителей Российской исторического общества, ИРИ РАН «Россия в годы гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии» [5]. Авторы попытались раскрыть многие проблемы российской государственности, возникшие в очень сложный, кризисный этап ее существования. Исследователи С.В. Леонов, Д.Б. Павлов, Г.М. Иванова, И.В. Удовиченко, Т.Г. Леонтьева, А.В. Мамаев, В.Ж. Цветков предприняли попытку раскрыть проблемы историографии создания ранней советской государственности, ВЧК, советской судебной системы, ПротоГУЛАГа, вопросы, связанные с деятельностью в этот период Православной церкви, городского управления. Социальные вопросы, вопросы национального строительства и демографические были затронуты в такими специалистами как Т.М. Смирнова, Т.Ю. Красовицкая, С.М. Исмоков, В.В. Кондрашин, В.Б. Аксенов, И.В. Купцова, Т.А. Филиппова.

Важным событием для кубанской историографии стал выход монографии известного краснодарского исследователя Андрея Дюкарева «Казачьи генеалогии в историко-культурном пространстве Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко)»

[6]. Исследование достаточно глубокое, но противоречивое – с точки зрения состояния современного российского общества и его способности объективно воспринимать историю не приукрашенную, а такую, какая она есть. Автору удалось дать правовую и морально-этическую оценку деятельности атамана В.Г. Науменко как в период Гражданской, так и Второй мировой войн.

Несколько работ, посвященных тематике Гражданской войне в России, вышедших в России в 2017–2018 гг., конкретно отражают события этого этапа развития страны на Юге России, в том числе на Кубани, Дону и в Крыму. Автор первого из указанных исследований, А.Ю. Петухов, обратился к теме «Гражданская война на Кубани 1917–1918 гг.» [7]. По мнению этого автора, советская историография немало потрудились, намеренно замалчивая суть и роль многих узловых фактов Гражданской войны, искажая роль многих ключевых личностей [7, с. 3]. На наш взгляд, это высказывание несколько категорично. Нельзя обвинять всю плеяду советских исследователей, в то же время полностью опираясь в своей работе на труды, изданные в эмигрантских кругах. У каждой из сторон противостояния была своя правда. Сегодня должны быть востребованы работы, анализирующие материалы, опубликованные как с одной, так и с другой стороны.

Автору этого исследования удалось осветить многие вопросы, связанные с преддверием и началом Гражданской войны на Кубани. Раскрывается проблема возвращения с Кавказского фронта фронтовых частей и их места в дальнейших событиях, подробно описываются бой у разъезда Энем и станицы Георгие-Афипской, раскрываются некоторые проблемы эвакуации «белого» Екатеринодара. Завершается работа описанием Ледяного похода и боем за станицу Ново-Дмитриевскую, а затем и гибелью генерала А.Г. Корнилова [7, с. 187].

Другая работа посвящена событиям на Дону. Новая книга В.А. Рунова «Донское казачество в Гражданской войне» [8] раскрывает события на Дону в период революции и Гражданской войны в России. Автор показывает активную роль донского казачества в событиях Великой Российской революции 1917–1920 гг. Обращается внимание на попытки Всевеликого Войска Донского обрести независимость в годы Русской смуты.

Третья публикация, труд исследователя А.В. Широкограда [9], также имеет отношение к Гражданской войне на Юге России. В качестве объекта исследования автор избрал Крым. Читатели мо-

гут узнать много нового для себя, в т.ч. о жизни адмирала Колчака, Дмитрия Ульянова и Фаины Каплан. Автор выдвигает версию о сделке с французским вице-адмиралом Аметом, позволившей большевикам взять Крым.

Весьма своеобразная работа «Зеленое движение в гражданской войне России» [10] д.и.н. А.В. Посадского посвящена массовым крестьянским вооруженным выступлениям, имевшим место в 1918–1922 гг., в т.ч. в бывшей Черноморской губернии, представлявшим собой самооборону крестьян против вторжений в их жизнь и быт различных участников Гражданской войны, форму вооруженной борьбы деревни за свои интересы. В изменчивых обстоятельствах Гражданской войны зеленое движение могло превращаться в красно-зеленое и бело-зеленое. Однако главная его сила, по мнению автора, заключалась в массовости. Необходимо отметить, что работы по данной проблематике уже выходили, однако потребность в продолжении творческих изысканий сохраняется и сегодня.

Подводя итоги, следует сделать вывод, что российские историки и специалисты в области Гражданской войны совершили большой прорыв в изучении ее истории, однако вопросов, возникших перед исследователями, возникает еще больше. Однако говорить о том, что в изучении событий Гражданской войны на Юге России произошел серьезный прорыв, пока не приходится. Необходимость публикаций подобного рода работ в значительной мере продиктованы трагическим в истории России юбилеем. Таким образом, необходимо продолжать работу, позволяющую закрыть еще больше исторических лакун, не дожидаясь очередной даты.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Герман А.А. Русские революции и Гражданская война. Большой иллюстрированный атлас. М.: АСТ, 2018. 192 с.
2. Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917–1922. М.: Кучково Поле, 2018. 584 с.
3. Кулаков О., Сарычев М., Марковчин В. Казаки в Гражданской войне на юге России. 1917–1920. Альбом. М.: Фауст, 2018. 200 с.
4. Кулаков О., Сарычев М., Воронцов М., Гвоздевич А. Холодное оружие Донских казаков. М.: Казачий стан, 2013. 260 с.
5. Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 608 с.

6. Дюкарев А.В. Казацьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко). Ростов н/Д.: ООО «Альтаир», 2018. 216 с.

7. Петухов А.Ю. Гражданская война на Кубани 1917–1918 гг. М.: Вече, 2018. 256 с.

8. Рунов В.А. Донское казачество в Гражданской войне. М.: Кучково поле, 2018. 352 с.

9. Широкопад А.Б. Революция и Гражданская война в Крыму. М.: Вече, 2017. 368 с.

10. Посадский А.В. Зеленое движение в гражданской войне России. М.: Центрполиграф, 2018. 320 с.

С.А. Хубулова (Владикавказ)

ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ КОМБАТАНТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 1920–1930-х гг.

Новый социальный слой в лице бывших красногвардейцев и красных партизан не всегда находил себя в нэповских реалиях. Повседневная жизнь комбатантов формировалась мучительно и противоречиво. Привыкшие воевать, они полагали, что заслуги обеспечат им восходящий карьерный рост и благополучие, а когда этого не произошло, многие растерялись. Еще большее недоумение и обиды вызывали репрессии и «чистки», никто из фронтовиков не мог быть уверен в благополучном завершении проверок. В данной связи большой интерес представляет и такой нетрадиционный эгоистичный источник как письма, жалобы, заявления бывших красных партизан, ищущих правду и заступничество в разных инстанциях. Чем можно объяснить поток жалоб, заявлений и просьб со стороны бывших партизан? Причин несколько: тяжелое материальное положение, безработица, желание получить образование и достойную работу, а также отказ в причислении к категории красных партизан. С 1931 года при каждой «чистке» претендент на партизанскую книжку обязан был предоставить неопровержимые доказательства своей полезности в годы гражданской войны с обязательными рекомендациями людей, лично могущих это подтвердить.

Большим потрясением для партизана, чьи заслуги ставились под сомнение, становилось лишение избирательных прав и книжки

ки красного партизана. Все партизаны были поделены на несколько категорий, в результате членские билеты не выдавались: «лишенцам», преступникам, осужденным по разным статьям, а также тем, кто состоял в антибольшевистских организациях, не имевших никакой связи и руководства со стороны партийных организаций [9, с. 136–164]. Это в корне меняло жизненные стратегии бывших партизан и заставляло по-новому взглянуть на свое место в обществе, которое ковалось в годы гражданской войны их силой и доблестью. И пытались исправить несправедливость в отношении себя.

Письма-заявления ветеранов гражданской войны до сих пор не стали предметом исследования. Хотя отметим, что письма-жалобы, письма-просьбы дают отличный материал для анализа социального статуса фронтовика.

Цель публикации – на нетрадиционных архивных материалах (жалобах, заявления, просьбах), впервые вводимых в научный оборот, воссоздать картину жизни комбатантов гражданской войны в послевоенных реалиях. Реконструкция событий послевоенного времени стала возможна, в том числе, на основе эго-документов, которые позволяют, наконец, преодолеть негативную тенденцию к обезличиванию нашей истории, воссоздать мир человека той эпохи, выявить социально обусловленные параметры этой личности [7, с. 13–19].

Говоря об общей характеристике этого вида источников, следует отметить, что этот комплекс весьма сложен и состоит из разнообразных документов, различных по форме и содержанию [4, с. 50–64]. Междисциплинарный анализ отложившегося эго-материала позволяет установить статусные признаки информатора: пол, возраст, культурный уровень, т.е. произвести анализ социокультурных особенностей повседневной жизни автора, внутреннего мира, мотивы написания писем и др.

Большая часть заявлений, жалоб и просьб написана в произвольной форме от руки, реже – напечатана. Содержательный анализ эго-документов позволяет сделать вывод, что большая их часть дает разъяснения по поводу мотивов составления письма, когда автор, описывая свои проблемы, сопровождает просьбу напоминанием о революционных заслугах, безосновательно забытых властью, за которую комбатанты сражались, теряли здоровье. Несомненно, в каждой жалобе наличествует эмоциональное отношение к тяжелой жизненной ситуации, в которой оказался бывший красный пар-

тизан. Это дает хороший материал для реконструкции социальной психологии комбатантов гражданской войны.

Публикуемая подборка документов по истории повседневной жизни комбатантов гражданской войны в условиях послевоенной жизни выявлена в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО, ф. 912 – Начальник 18 кавалерийской дивизии Жлоба Дмитрий Петрович), Государственном архиве Ростовской области (ГАРО. ФР. – 2993 – Северо-Кавказская Краевая партизанская комиссия), Центральном государственном архиве РСО-Алания (ФР. 44 – Комиссия по делам бывших красногвардейцев и бывших красных партизан Северной Осетии; ФР. 60 – Комиссия по делам бывших красногвардейцев и красных партизан).

Удалось реконструировать материальную, психологическую и политическую составляющие повседневной жизни комбатантов Осетии в 1920–1930-е гг. Письма и другие эго-документы дают представление о материальном положении комбатантов, невозможности устроиться на работу, содержать семью. Анализ отложившегося материала позволяет реконструировать причины, мешавшие карьерному росту. Авторы писем обращаются к бывшим командирам с просьбой об устройстве на работу, на учебу и ходатайствами о персональной пенсии. По их мнению, эти обстоятельства могут обеспечить восходящий карьерный рост и социальный лифт. С помощью жалоб и заявлений, которые направлялись их авторами в разные инстанции, удалось выявить причины лишения статуса, механизмы проведения регулярных «чисток» в партизанском обществе.

Обработка личных жалоб как массового источника может быть проведена на основе методики контент-анализа, которая дает возможность получить исключительный материал для характеристики послевоенной повседневной жизни. Указанная методика состоит из двух этапов. Первый заключается в составлении унифицированной анкеты. Для этого путем логического обобщения следует определить те признаки, которые встречаются в источниках многократно [3, с. 31–36]. На основе выделенного формируем унифицированную анкету. С одной стороны фиксируем наименование признаков, с другой – соответствующие им подразделения или градации. Существенной сложностью первого этапа работы является как выделение признаков, так и их измерение, поскольку каждая жалоба не имеет четкой внутренней архитектоники.

Анализ жалоб позволяет включить в анкету признаки по проблемам социально-экономического статуса партизана и его семьи, мотивировка просьбы, особенности восприятия социальной политики властей. В анкету дополнительно включаются и такие признаки: куда подается жалоба, характер жалобы. Заложенная в источнике информация позволяет включить в анкету ряд биографических составляющих: фамилия, имя, отчество, личный вклад в годы гражданской войны, социальное происхождение, специальность, наличие или отсутствие работы, состав семьи.

Выработав единую унифицированную анкету, переходим ко второму этапу контент-анализа – непосредственной обработке анкет с помощью метода группировки на предмет взаимосвязи между признаками. В результате обработки источников появляется обширный материал, который позволяет исследовать социальный облик красного партизана, описать его материальное положение, выявить особенности социальной психологии и проч.

Давая общую характеристику источникам, следует отметить, что отложившийся корпус документов достаточно неоднороден, т.к. включает в себя разнообразные по форме и содержанию документы [6].

Чрезвычайно содержательными и информационно интересными источниками являются жалобы о тяжелой материальной ситуации в семьях бывших красных партизан. Весь комплекс по своему характеру однообразен, включает личные заявления. Большая часть жалоб написана от руки и на клочках бумаги, иногда изложение грамотное, но чаще – с большим количеством ошибок. Все жалобы имеют произвольную форму. Содержательный анализ жалоб позволяет заключить, что все они представляют картину безрадостного и тяжелого существования бывших партизан. Каждая жалоба имеет очень высокую эмоциональную окраску.

Новая власть, многим обязанная своим сторонникам и солдатам революции, должна проявлять заботу об их материальном и социальном статусе. Прежде всего, сформирована многоступенчатая социальная политика: активные участники революционных боев получали награды, льготы, их продвигали по служебной лестнице. Руководители партизанских отрядов привлекались советской властью в качестве новой элиты в разные властные органы. Показательны в этом плане биографии Д. Жлобы, С. Такоева, К. Бутаева, Е. Рамонова, А. Джатиева, Н. Гассиева и некоторых других, сделавших блестящие карьеры и занявших вакантные ниши на вершине новой политической пирамиды. Как показали подсчеты, такая

восходящая карьера пришлось приблизительно на 15–16 % бывших красных партизан, гораздо больше комбатантов не получили наград, достойной службы, льготы – самые незначительные. В многочисленных анкетах, заполненных бывшими партизанами, видно, в какой острой нужде они жили: «неимущие», «нет работы», «нет жилья».

Обратимся к материальному положению тех бывших партизан, которые осели в городах Северо-Кавказского края. Подавляющая их часть либо занималась тяжелым и неквалифицированным трудом, либо попадала в разряд безработных. Оценивая свое бедственное состояние на фоне процветающих сослуживцев, комбатанты стремились если не добиться социальной справедливости, то хотя бы несколько ослабить тяжелое положение. Одним из механизмов стали письма-жалобы, заявления и прошения во властные структуры. Прежде всего, речь шла о материальной помощи со стороны государства.

Материальное положение многих партизан было тяжелым, но их заботами власть интересовалась мало: «Мы ждали, чтоб нам пояснили насчет Ваших циркуляров (Д. Жлоба – председатель комиссии красных партизан Северо-Кавказского края. – С.Х.), но до сего времени мы ничего не видим и не слышим, а когда спрашиваем нашего председателя тов. Попова, где Ваши циркуляры, то нам отвечают: «А на што вам циркуляры, вам удостоверения дали, довольно этого». Этим нас и кормят. Вы говорили, что все красные партизаны должны быть устроены на должности до 1 января 1927 года, но про нас, как красных партизан, забыли и думать, что мы есть на свете» [19, л. 431].

В своих жалобах в партизанские комиссии комбатанты отмечали, что «большевики плохо заботятся о нас, мы страдаем, а они нас не слышат» [14, л. 162]. Во Всегрузинский Совет красных партизан неоднократно направлялись письма по поводу того, что «876 человек по Южной Осетии абсолютно никем не снабжаются, и Уполномоченный Наркомснаба не включает их в план снабжения (т.е. они лишены материальных выплат и других льгот. – С.Х.). В то время, как на иждивении указанных красных партизан находится более 2899 душ» [15, л. 34].

Жалобы на материальное неблагополучие были полны драматизма и безысходности. Например, партизан Ждан в трагических красках описывал свое существование: «Скажу просто, без прикрас, я голодаю. Прошу помочь красному партизану, ничего не имеющему, кроме одиннадцати ран на теле» [10]. Партизан Марьянов пи-

сал: «Хожу раздетый, не имею обуви, даже белья. Вот теперь зима, можно заболеть...» [13, л. 48]. Ему вторил комбатант Фидаров, который в отчаянии обращался в партизанскую комиссию за помощью: «Я в крайне критическом положении так, что не имею средств к дальнейшему существованию. Семья моя состоит из жены и двух малолетних детей от 2 лет до 11 месяцев; от плохого питания дети болеют, жена также чувствует себя нездоровой. Занимаемая мною квартира сырая, редко отапливается, т.к. нет средств для покупки топлива...» [11, л. 2].

Вдова бывшего партизана Скуршакова в своем заявлении в партизанскую комиссию делилась своими тяжелыми семейными проблемами: «Прошу Вашего содействия оказать мне помощь, так как я не в силах купить своему сыну верхнюю одежду...Работаю на трамвае кондуктором, заработок у меня маленький, часто болею и мне приходится мало получать» [18, л. 26]. Ей вторила другая просительница – мать расстрелянных деникинцами трех сыновей: «Я персонально получаю пенсию в Чеченской области за своих расстрелянных сыновей в размере 11 руб. 50 коп. Сама я инвалидка (так в тексте. – С.Х.), признанная ко 2-й группе и в свои 65 лет вполне понятно не имею способности к труду, и других доходов у меня нет. Имея ввиду теперешнюю дороговизну, прожить на эту пенсию очень затруднительно. Почему и прошу назначить мне пенсию централизованным порядком через ВЦИК» [12, л. 36].

Другой животрепещущей проблемой для многих жителей городов была растущая безработица. В 1923 г. на Бирже было зарегистрировано 1,5 тыс. безработных, кроме того, из разных мест во Владикавказ прибывали сотни рабоче-активных когорт, которым также нужно было искать работу.

В партизанскую комиссию поступали письма-просьбы бывших красных партизан, в которых они описывали свое бедственное положение. Показательно заявление сына бывшего начальника партизанского отряда Дауда Альтемирова: «Я в настоящее время (1935 г. – С.Х.) безработный, причем прошу Вас определить меня на какую-нибудь работу, я имею семь классов образования, по семейным обстоятельствам мне не удалось продолжить образование» [2, л. 91].

Материальное положение комбатантов можно было поправить, назначив ему персональную пенсию. Об этом пеклись многие красные партизаны, пытаясь заручиться ходатайствами своих бывших командиров. Так, в черед таких просьб можно выделить письмо

красного партизана И. Попова, которое он адресовал на имя Д. Жлобы: «Не знаю, куда затерялась бумажка, а без нее никак не получить пенсию. А дело было так: в партию вступил в октябре 1918 года под Царицыным, еще в Стальной дивизии, а выбыл в начале 1922 года в Тифлисе, когда тяжело болел, а потом началось психическое расстройство и именно это неменяемое состояние вынудило меня добровольно выйти из партии. Собственно, это же обстоятельство послужило причиной демобилизации...» [16, л. 14]. Не менее трагично заявление в Северо-Кавказскую комиссию помощи бывшим красногвардейцам и красным партизанам П. Ильяшенко: «...я весь истрепан своими нервами в период империалистической и гражданской войны, 6 раз ранен и 2 раза бит плетью, дальше рисовать Вам нечего... Осмелюсь просить Вашего ходатайства представить мне Персональную пенсию, хотя бы это было через врачебную комиссию, а меня снять с работы, т.к. дальше работать не могу ввиду моего плохого зрения, малограмотности а также по нервной болезни...» [17, л. 28]. Многочисленные обращения во власть по поводу персональной пенсии часто оставались без положительного решения.

В годы активного построения нового общества власть должна была обезопасить себя от «попутчиков» и несогласных с ее методами. Поэтому на вооружение были взяты методы принуждения и террора. Нами были проанализированы 400 заявлений и прошений комбатантов, которые они направляли в разные инстанции по поводу исключения из рядов красных партизан. Еще страшнее для этих людей было недоверие, которое проявляли к ним во время партизанских чисток. Даже самые лестные рекомендации, выдаваемые бывшими командирами и однополчанами, не могли гарантировать повышение материального благосостояния, получение работы и проч. Все партизаны оказались разделенными на категории, между которыми существовала большая разница. Особо наказывала власть тех, кто не вписывался в образ беззаветного борца за социализм – «лишенцы», преступники, оппозиционеры. Причем в любую из этих групп человек мог угодить без особых причин. Лишенец Д. Такоев написал: «Лучше мне пулей в лоб или же живым похоронить меня в холодную землю, чем нести на себе такой низкий и грязный позор...» [8, с. 88–99].

Следует отметить, что тяжелое послереволюционное материальное и психологическое состояние, политическое давление во время партийных чисток, несправедливое составление списков красных партизан и лишение многих льгот впоследствии, тяжело сказыв-

валось на всем обществе. Все это приводило к череде самоубийств среди части партизан и коммунистов. Высокая смертность вынудила провести специальные заседания ЦК КП(б) Грузии, посвященные данному вопросу. Известный общественный деятель Южной Осетии Р. Гаглов с горечью отмечал: «Я, кажется, догадывался о причинах смерти Александра (а говорили, что умер от малярии). Сомнения нет, что он умышленно лишил себя жизни. Александр, Ефим, Илас, Лео... – Боже мой, сколько потерь...» [1, с. 91–110].

По прошествии времени, уже в 1935 г. комиссии красных партизан, выполнив роль экзекутора, были распущены. Красные партизаны, которые казались наиболее организованной и малоуправляемой частью советской социальной структуры, в результате жесточайших «чисток» перестали представлять угрозу для режима, и те из них, кто своей преданностью заслужил доверие властей, получал возможность на разного рода социальные бонусы, все остальные оказались в обществе маргиналов и также не были опасны.

Эго-документы 1920-х гг. позволяют утверждать, что основная масса комбатантов испытала психологический надлом в связи с тем, что герои оказались в стороне от строительства новой жизни, ради которой жертвовали в годы войны своими. В их материальном, социальном статусе не прослеживалось никаких позитивных подвижек, они оказались на нижних ступенях социальной лестницы послевоенного общества, тем самым представляя лабильную среду, в недрах которой рождалось недовольство своим положением; проводимой политикой и отсутствием перспектив.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бигулаева И.С. Рутен Гаглов. Жизнь и деятельность // Фидиуг. аг. 2002. № 2.
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-2993. Оп. 1. Д. 841.
3. Даренская И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920–1990-е гг. // Вопросы всеобщей истории. 2013. Т. 5.
4. Кутырева Л.В. Жалобы как источник по истории крестьянства Урала (опыт контент-анализа) // Количественные методы в исследовании истории советского рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С. 50–64.

5. Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов гражданской войны. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010.

6. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лифшиц, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 1998.

7. Суржикова Н.В. Россия 1917 года в эго-документах: к постановке проблемы // Человек и общество в условиях войн и революций: материалы II Всероссийской научной конференции. Вып. 2 / под ред. Е.Ю. Семеновой. Самара: Самар.гос. техн. ун-т, 2015.

8. Хубулова С.А., Гаглоева Б.Б. Жизненные стратегии ветеранов гражданской войны (на материалах Северной и Южной Осетии) // Известия СОИГСИ. 2017. № 25 (54).

9. Хубулова С.А. Деятельность Северо-Осетинской комиссии по делам бывших красногвардейцев и красных партизан (1924–1935 гг.) // Известия СОИГСИ. 2017. № 23 (62).

10. Центральный государственный архив РСО-Алания (далее – ЦГА РСО-А) ФР. 44. Оп. 1. Д. 1092.

11. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 44. Оп. 1. Д. 1075.

12. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 44. Оп. 1. Д. 1093.

13. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 44. Оп. 1. Д. 1095.

14. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 44. Оп. 1. Д. 1099.

15. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 44. Оп. 1. Д. 996.

16. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 60. Оп. 1. Д. 779.

17. ЦГА РСО-А. Ф. Р. 60. Оп. 1. Д. 797.

18. ЦГА РЮО. Ф. Р. 27. Оп. 1. Д. 127.

19. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 912. Оп. 1. Д. 6.

Д.М. Колеватов, В.П. Корзун (Омск)

**А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И КАНОНЫ
ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ УЧЕБНИКОВ
ПО ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ)**

Курс историографии – важнейший инструмент профессионализации историка, включения его в поле профессиональной деятель-

ности, наделения корпоративной памятью – значимым фактором профессиональной и личностной самоидентификации. В этом процессе выделяются фигуры как несомненных классиков, классиков наполовину или «почти наших», так и «принципиально неузнаваемых», великих маргиналов. Исключительную роль в таком ранжировании, в фиксации и трансляции образа историка, его научной значимости играют учебники. Цель данного доклада – показать, как на страницах советских учебников по историографии и источниковедению происходило «узнавание» А.С. Лаппо-Данилевского, как в процессе профессионализации науки задавались оценочные критерии творчества историка. В рамках советского историографического дискурса А.С. Лаппо-Данилевский неизбежно должен был рассматриваться в общем контексте «кризиса буржуазной исторической науки». Именно кризисным проявлениям рубежа XIX–XX вв. уделяется в советской историографии наибольшее внимание, и в результате ни в одном из учебников А.С. Лаппо-Данилевский не удостоивается отдельной главы или специальной лекции. Из учебника в учебник перекочевывает «снижающий» джентльменский набор характеристик-маркеров, наиболее значительными и повторяющимися из которых являются философский идеализм и отрицание исторической закономерности.

В то же время оценка творчества А.С. Лаппо-Данилевского на этапе становления советского историзма, «переоткрытия исторического» на отечественной научной почве открывала определенные возможности для проявления творческой субъективности историка. Свидетельство тому «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна. Автор следует, по сути дела, непреодоленным принципам общенаучного, дореволюционного профессионализма, творчески вписывая их в марксистскую дискурсивность. А.С. Лаппо-Данилевский рассматривается как выдающийся представитель петербургской школы историков, акцент делается не на классовой инкриминации, а на значении его конкретно-исторических исследований и, что важно, указываются главные сочинения Лаппо-Данилевского и литература о нем [12, с. 503].

В 1950 – конце 70-х гг. в рассмотрении творчества историка на страницах учебников наблюдается явный откат. Оценка творчества А.С. Лаппо-Данилевского в 1950 – начале 1970-х гг., если абстрагироваться от довольно кратких и абсолютно неадекватных определений типа «полная теоретическая беспомощность», может, на наш взгляд, определяться формулой умолчание без признания [1; 2; 3; 14].

В дальнейшем, намечается дрейф в направлении «признания по умолчанию» (70–80-е гг.) [13], складывается образ историка как «загадочного маргинала», принципиально не вписывающегося в структурную ранжировку учебных пособий. Первый вариант – реакция на послевоенные проработочные политико-идеологические компании, в то же время это был показатель завершенности структурно-содержательного формирования советского историзма, присущих ему клише и стереотипов. Умалчивающее признание второго периода связано с изменением историографической ситуации – нарастающим интересом к теоретико-методологическим проблемам. Лаппо-Данилевский постепенно приобретает своеобразное «право гражданства» в советской исследовательской литературе, но в учебной литературе этого не происходит. В последней, на наш взгляд, возникает парадоксальная ситуация – «понимаем, но сказать не можем», ибо вербальная актуализация этого понимания требовала от авторов учебников умения работать на грани (или даже за гранью) сложившегося весьма консервативного советского историографического дискурса. То есть, речь шла об осознании поиска нового стиля мышления.

О том, что все же такие ресурсные возможности формировались, свидетельствует выход в 1993 году учебного пособия А.А. Шапиро, в котором изменяется ракурс рассмотрения А.С. Лаппо-Данилевского [15]. Классовая инкриминация остается в прошлом, испытание на предмет соответствия марксизму сменяется аккуратно – вежливой формулировкой «идеалист», не подлежащий отторжению, который «нередко сам выходил за идеалистические рамки» и во всяком случае внес значительный вклад в науку [15, с. 661]. Как видим, признание и прояснение этого вклада из исследовательской литературы приходит на страницы учебников, в новую среду бытования. Целостное представление о творческом облике Лаппо-Данилевского, его роли в развитии отечественной науки и культуры в учебнике отсутствует, оставляется, так сказать, на будущее. В настоящем же рассмотрение творчества А.С. Лаппо-Данилевского в учебнике А.А. Шапиро осуществляется, в соответствии со структурой учебника, в режиме доброжелательной фрагментарности. Творчество Лаппо-Данилевского рассматривается автором в контексте трансформации государственной теории на рубеже XIX–XX веков, в рамках исследовательского поля этой теории Лаппо-Данилевский включается в группу историков, которые «главную творческую роль в истории России отводят все же не са-

мому государству, а воспринятым государством идеям» [15, с. 578]. Для XVII века, по Лаппо-Данилевскому, это была идея государства, в XVIII же веке наблюдается постепенное развитие идеи личности, соответственно, по Шапиро, Лаппо-Данилевский «исходил из представления о саморазвитии или заимствовании идей, которое не определялось ходом вещей» [15, с. 581]. С таких же позиций – «ограниченные методологические рамки, но выдающиеся научные достижения» А.А. Шапиро оценивает и вклад Лаппо-Данилевского в развитие источниковедения. Последнее явно преобладает – «учение Лаппо-Данилевского об исторической критике в настоящее время может быть с успехом применено в источниковедении» [15, с. 661]. Творчество Лаппо-Данилевского, принципиально не проясненное, А.А. Шапиро в значительной мере раскрывает через контекст. Особенно это касается проблем методологии – характеризуя состояние методологического поля в начале XX века, автор наибольшее внимание уделяет общей характеристике риккерттианства, рассматривая Лаппо-Данилевского как своеобразного представителя этого течения, допускавшего использование в определенных пределах номотетического метода [15, с. 680].

В учебниках и учебных пособиях по источниковедению мы сталкиваемся с несколько иной картиной репрезентации исторических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского. В исследовательской литературе отмечается, и с этим трудно не согласиться, что источниковедение в СССР в конце 60-х – 80-х гг. XX в. по инновационности теоретико-методологических идей опережало развитие исторической науки в целом. По мнению А.В. Лубского знаковым событием в развитии советского источниковедения стал выход в свет сборника статей «Источниковедение: теоретические и методические проблемы» [4], «положившим начало формированию особого направления, в центре внимания которого оказались теоретико-методологические проблемы исторического источниковедения» [6, с. 134]. Такая направленность поиска создавала предпосылки к возвращению А.С. Лаппо-Данилевского в поле научного внимания и признания, актуализируя интерес к его «Методологии истории». Имело значение и то, что в своей исследовательской практике часть исследователей уже давно использовали наработки Лаппо-Данилевского и его учеников применительно к анализу актового материала. Более того, в рамках споров о кризисе исторической науки на рубеже XIX–XX вв. утверждается тезис о неравномерном вхождении ее различных составляющих/«этажей» в эту полосу, подчеркивается с ого-

ворками, интенсивное развитие источниковедения. Одновременно с этим высказывается мысль о «нейтральности» техники исторического исследования по отношению к методологии.

В таком идейном контексте складывается в Ростовском государственном университете научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин, основателем которой был А.П. Пронштейн (1970-е гг.). В рамках этой школы создается серия учебных пособий и монографий [7; 8; 9; 10; 11], которые позволяют проследить особенности репрезентации образа А.С. Лаппо-Данилевского как источниковеда. Отметим специфику авторского ракурса А.П. Пронштейна в подходе к «буржуазным историкам», связанного с образовательным процессом – научение навыкам профессии, обучение ремеслу историка (именно такой курс по методике исторического исследования и прослушали авторы данного текста в 1969/70-м учебном году). Признавая крупные достижения отечественного источниковедения во второй половине XIX – начале XX в. А.П. Пронштейн полагает «важным учесть их как положительный опыт для следующих поколений историков» [11, с. 6]. Эта культурная и научная установка характерна и для более ранних работ историка. В «Методике исторического исследования» Лаппо-Данилевский – наиболее часто упоминаемый и цитируемый автор. В размышлениях А.П. Пронштейна об основных подходах и этапах источниковедческого исследования Лаппо-Данилевский присутствует как необходимый момент, отправная точка (неоднократно встречающийся фрейм – «на это обращал внимание еще Лаппо-Данилевский») концептуальных построений автора. Исследовательские интенции автора и дореволюционного классика отличаются высокой степенью совпадения. А.С. Лаппо-Данилевский рассматривается Пронштейном как приемлемый, «солидный», признаваемый до определенного предела источниковедческий авторитет. Но предел этот задан уже сложившимся советским историографическим дискурсом, в рамках которого и работает сам А.П. Пронштейн. Он фиксирует моменты несовпадения с этим дискурсом Лаппо-Данилевского: А.С. Лаппо-Данилевский концентрируется на «надстроечных», формально-юридических и психологических моментах источниковедческого анализа, не используя его потенциал для реконструкции «базисных», социально-экономических, классово-волевых отношений, без которых не может быть понято «юридическое содержание правовой нормы». В то же время историк серьезно корректирует сложившиеся, классово-инкриминирующие

оценки творчества А.С. Лаппо-Данилевского, представленные с предельной жесткостью в известной статье Л.В. Черепнина, которые затем транслируются в учебную литературу, и почти дословно воспроизводятся, к примеру, в учебнике В.И. Стрельского. Согласно этим оценкам, творчество Лаппо-Данилевского пример того, «как в эпоху империализма классовая позиция буржуазного историка призывала к уходу в мир «абсолютных ценностей» из реальной исторической действительности, грозящей революцией» [14, с. 14], а неокантианские методологические пристрастия Лаппо-Данилевского оцениваются как порочные [14, с. 33]. Что еще важнее, преобладание на страницах учебников источниковедения инструменталистского подхода делало вопрос о методологических основаниях творчества А.С. Лаппо-Данилевского вообще избыточным. И попытку А.П. Пронштейна откорректировать вопрос о преимуществах дореволюционной и советской историографии нельзя не признать научно значимой.

Уже в учебном пособии 1971 года А.С. Пронштейном признается сущностная значимость вклада Лаппо-Данилевского в постановку и решение ряда конкретных источниковедческих проблем, Лаппо-Данилевский воспринимается уже не как «неправильный классик» отрицательный интеллектуальный герой, а, скорее, как классик с оговорками, своеобразный предтеча советского («марксистского») источниковедения на определенных этапах его развития. Линии связи советского и «буржуазного» в лице А.С. Лаппо-Данилевского, проводятся по таким источниковедческим проблемам как определение исторического источника, классификация источников на остатки и предания, классификацию актового материала, выработанные дипломатикой принципы разделения законодательных и актовых материалов на клаузулы. В последовательности аналитических процедур А.П. Пронштейн также следует за дореволюционным источниковедением, и вслед за внутренней критикой источника – после того, как источник прочтен палеографически и грамматически – следует внутренняя критика источника, основанная на герменевтике. Хотя автор подчеркивает условность такого разграничения. А.П. Пронштейн, как следует из смыслового контекста учебника, именно в этой области источниковедения наиболее отчетливо фиксирует промежуточное, междумирное позиционирование Лаппо-Данилевского – по сравнению с другими представителями немарксистского источниковедения он «в общем более верно понимал задачи герменевтики, но решал их также, как и его пред-

шественники, с идеалистических позиций» [7, с. 147–148], не раскрывая классово-политический смысл источника.

Для процесса переосмысления источниковедческого наследия Лаппо-Данилевского, включения его в пределы дискурсивного поля советской науки чрезвычайно важна монография А.П. Пронштейна «Источниковедение в России» – рубежная не только по времени выхода – 1991 год, но и в содержательном плане. Этот для нас безусловно историографический источник, не относится собственно к учебной литературе, но мы отойдем от чистоты жанра в силу его содержательной значимости. В монографии творчество А.С. Лаппо-Данилевского рассматривается не столько по степени приближения к марксистской парадигме, сколько как самостоятельная и весьма значимая научная сущность, и, соответственно, особое внимание уделяется методологическим принципам исследования. Впечатляющим выглядит в монографии список научных новаций Лаппо-Данилевского – он, по определению А.П. Пронштейна, решительно отказывается от позитивистского подхода к историческим источникам, впервые рассматривает вопросы источниковедения с гносеологических позиций, в тесной связи с познавательной деятельностью историка. Принципиальные новации отмечаются и в понимании «места источников в историческом познании, их классификации, интерпретации, критического анализа». Эти процессы А.С. Лаппо-Данилевский «понимал значительно глубже, чем его предшественники», особо подчеркивается целостное представление об источниковедческих позициях Лаппо-Данилевского в их «систематическом изложении» (сравним с фрагментарным, импрессионистским подходом А.Л. Шапиро), значении его творчества «для становления нового, современного этапа отечественного источниковедения» [11, с. 549]. Принципиально и то, что в понимании А.П. Пронштейна неокантианство утрачивает прочно закрепленную, «забитую» советской традицией роль снижающей характеристики-маркера творчества ученого – «знаток-увы-идеалист», а рассматривается как реальная основа его научных прорывов. Синхронно с А.П. Пронштейном такую же последовательность научно-профессионального подхода к творчеству Лаппо-Данилевского продемонстрировал, пожалуй, лишь А.И. Клибанов [5, с. 249–280].

Что же касается роли учебников в формировании профессиональной памяти будущего историка, то для них характерна запаздывающая реакция на исследовательские новации. Вместе с тем, пример А.П. Пронштейна показывает, что учебник может играть

роль зачинателя, пионера научного поворота. Переоценка источниковедческого творчества А.С. Лаппо-Данилевского, наметившегося на страницах учебных пособий А.П. Пронштейна, получает развитие и воплощение в поистине рубежной монографии «Источниковедение в России. Эпоха капитализма». Это связано не только с парадигмальными сдвигами в исторической науке, но и безусловно с личностными качествами исследователя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Ч. II. Эпоха промышленного капитализма. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1962. 265 с.

2. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1966. 584 с.

3. Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под. ред. В.Е. Илларицкого и И. А. Кудрявцева. М.: СОЦЭГГИЗ, 1961. 410 с.

4. Источниковедение: теоретические и методические проблемы / отв. ред. С.О. Шмидт. М.: Наука, 1969. 511 с.

5. Клибанов А.И. Послесловие. А.С. Лаппо-Данилевский – историк и мыслитель // Лаппо-Данилевский А.С. История русской общественной мысли и культуры XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1990. С. 249–280.

6. Лубский А.В. К истории источниковедения в России в советской историографии // Мир историка: историографический сборник / Отв. ред. В.П. Корзун. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. С. 132–167.

7. Пронштейн А.П. Методика исторического исследования. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1971. 468 с.

8. Пронштейн А.П. Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е, доп. и исп. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1976. 480 с.

9. Пронштейн А.П., Данилевский И.Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М.: Высшая школа, 1986. 208 с.

10. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма / отв. ред. И. Д. Ковальченко. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1989. 416 с.

11. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов-н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1991. 670 с.

12. Рубинштейн Н.А. Русская историография. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 659 с.

13. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 256 с.

14. Стрельский В.И. Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. – 1917 г. М.: СОЦЭКГИЗ, 1962. 603 с.

15. Шапиро А.А. Историография с древнейших времен до 1917 г. Учебное пособие. СПб.: Изд-во Культура, 1993. 761 с.

А.В. Кореневский (Ростов-на-Дону)

ОТ «ТРЕТЬЕГО РИМА» К «ТРЕТЬЕМУ ИЗРАИЛЮ»: НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИОСОФИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА XX ВЕКА

Каждый историк, не понаслышке знакомый с архивными изысканиями, хоть раз в жизни сталкивался с ситуацией, когда не мы ищем источник, а он находит нас. Но зачастую нам не хватает времени или целеустремленности, чтобы тотчас же откликнуться на это зов. В моем случае такая отсрочка заняла более четверти века. В конце 1980-х гг., работая в Древлехранилище Пушкинского дома над исследованием памятников русской средневековой книжности, отражавших различные варианты идеи «византийского» наследия, я натолкнулся в описи фонда Н.Н. Заволоко на источник с более чем интригующим заглавием: «“III Израиль”, критический разбор сущности учения секты новосибирских старообрядцев». Любой, кто имеет даже не очень глубокие знания в области русского Средневековья, поймет мое удивление: концепты «Нового Израиля» и «Третьего Рима» являются своего рода маркерами книжности допетровской эпохи. Однако о «Третьем Израиле» вряд ли кому-либо доводилось слышать. Но лично для меня это был тот самый случай, когда находка оказывается в равной мере и неожиданной, и в то же время – на уровне какого-то смутного предчувствия – ожидаемой. Дело в том, что исследование русской средневековой историософии привело меня к выводу, что бытующие в историографии две полярные точки зрения на соотношение указанных концептов равно далеки от реальности. Одинаково неправомерно как игнорировать расхождения между ними, так и возводить эти различия в абсолют. Теория «Москва – Третий Рим» не могла возникнуть вне контекста тех мессианских представлений, квинтэссенцией которых была

идея «Нового Израиля». Но в то же время, будучи качественно новым шагом в развитии русской средневековой историософии, она была антитезой всей предшествовавшей традиции. Хотя бы потому, что под мессианскую идею подводился совершенно иной теолого-философский фундамент: вместо доктрины абсолютного предопределения – концепция синергизма, «соучастия» Провидения и свободной человеческой воли. Но именно потому, что это было диалектическим отрицанием предыдущего интеллектуального и духовного опыта, невольно напрашивался вопрос: а мог ли за данным *анти-тезисом* последовать *синтез*? Однако на подобные вопросы историк, как правило, отвечает кратко, но исчерпывающе: *ignoramus et ignorabimus*. И вот, передо мной – опись с указанием на текст, который, как казалось, давал надежду на решение проблемы этого «незавершенного гештальта». Однако, увы, в тот момент необходимость предельно сконцентрироваться на предмете исследования оказалась сильнее любопытства, а данное в самооправдание обещание «когда-нибудь к этому вернуться» воплотилось в конкретные действия почти через тридцать лет.

Итак, что же собой представляет источник, знакомство с которым оказалось отсрочено на столь значительный срок. Предваряя более подробное изложение, сразу отмечу, что текст не обманул ожиданий. Полемическое сочинение, обнаруженное в фонде Ивана Никифоровича Заволоко, примечательно хотя бы уже тем, что демонстрирует не просто живую преемственность старообрядчества XX века с допетровской эпохой, но и то, что его интеллектуальная среда могла порождать идеи, вполне конгениальные воззрениям таких столпов средневековой историософской мысли, как Иларион Киевский и Филофей Псковский.

Данный источник представляет собой машинописный текст на 68 листах, датированный 1964 годом и озаглавленный «III Израиль (собеседование о сущности учения)» [3]. Его автор – известный наставник латвийских старообрядцев-федосеевцев, фольклорист и собиратель рукописей Иван Никифорович Заволоко. Свою первую коллекцию памятников древнеруской письменности он собрал еще в межвоенный период, однако после ареста Заволоко в 1940 г. большая часть рукописей была утрачена. Его лагерный срок истек в 1949 г., после чего Заволоко был оставлен на поселении в поселке Северное Новосибирской области, где ему удалось установить связи с единоверцами и возобновить поиски рукописных памятников. В 1959 г. стараниями основателя Древлехранилища Пушкинского дома В. И. Ма-

лышева Ивану Никифоровичу было позволено вернуться в Ригу, однако и после этого, уже в качестве участника археографических экспедиций, Заволоко несколько раз возвращался в Сибирь [5, с. 439–445]. Во время одной из таких поездок в 1962 г. и произошел случай, описанный им двумя годами позднее.

В тот год Иван Никифорович прибыл в Новосибирск на Пасху и остановился в доме своего друга и единоверца Ивана Ивановича Плохина, неожиданно став свидетелем серьезных религиозных разногласий в его семье. Зять Плохина Иосиф Бахарев не только отказался участвовать в пасхальной службе, но и весьма уничижительно отозвался о Празднике Праздников: «Разве не глупо, целый день молиться и петь, и думать, что в этом спасение?» [3, л. 1 об.]. Все попытки Заволоко получить от Бахарева разъяснение этих слов оказались безуспешны. Однако на следующий день он встретился с отцом смутьяна Нилом Афанасьевичем, который, как выяснилось из разговора, ранее принадлежал к беспоповцам, а ныне состоял в обществе верующих «Третий Израиль». Бахарев-старший не стал отказываться от изложения своих взглядов, предварительно заявив, что со Старым и Новым Израилем (сектами хлыстовского происхождения) он и его единомышленники не имеют ничего общего. С первой же фразы Нил Афанасьевич обнаружил навык недюжинного начетника, продемонстрировав теологический буквализм, в духе споров из-за йоты времен первых вселенских соборов: «В символе читаем: И во “едину святую, соборную и апостольскую церковь”. Не речё просто “соборную апостольскую” Церковь, но “соборную и апостольскую”» [3, л. 6]. Таким образом, Бахарев подводит собеседника к мысли, будто бы употребление союза «и» указывает на разные церкви, что с его точки зрения подтверждается словами из «Большого катехизиса»: «Яко Бог Отец Христа даде главу всей церкви, то убо видимой и невидимой». «Вот сию невидимую или духовную Церковь, – делает вывод Бахарев, – Сам Христос соорудил и в ней ходил после падения видимой Церкви. В эту Церковь мысленны мы и веруем: “Юже Христос нам обновил”» [3, л. 26]. Под обновлением или «исполнением упования» понимается 1666 год, когда, как говорит Бахарев, «мы получили Завет» [3, л. 26].

Оснатив эти суждения обильным цитированием из Златоуста, апологет «Третьего Израиля» переходит к формулировке тезиса, составляющего смысловое ядро всей излагаемой им концепции: «Вот видите, каковая Церковь ДУХОВНАЯ. НИЧТО ЖЕ В НЕЙ ВИДИМО (Здесь и далее: выделение прописными буквами, подчерки-

вание, орфография и пунктуация даны по первоисточнику – А.К.). И только дети павшего Вавилона поносят сию мысленную Церковь. Вот, видите, когда дух Святый пришел НОВАГО ЗАВЕТА и НОВЫЯ предивныя ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЯ придал. Была Церковь ветхозаветная – I Израиль. Она пала. Потом установилась ЦЕРКОВЬ АПОСТОЛЬСКАЯ – II Израиль. И она пала. А теперь действует ДУХОВНАЯ, МЫСЛЕННАЯ Церковь – III Израиль. К ней мы принадлежим. В ней тайны духовные совершаются, не в видимой форме, как в древности было, и священство по чину мелехиседекову» [3, л. 26 об.].

Как видим, перед нами – извод концепции *translatio sacri*, одной из наиболее фундаментальных историософских идей Средневековья. Причем, как и у Филофея Псковского, она выражена в форме триады, образуемой в результате достройки и трансформации дихотомии, при которой новизна как качество положительное и свойственное живому, превращается в отрицательное и отжившее – вторичность. У Филофея этой святыней был Рим, «христианское царство». Константинополь вследствие измены православию на Ферраро-Флорентийском соборе теряет ее, превращаясь из Царствующего града Нового Рима во Второй Рим, плененный безбожными агарянами. В историософской доктрине, изложенной Нилом Бахаревым, базовым концептом является Израиль, причем под Новым, превращающимся после «отпадения» в 1666 г. во Второй, понимается христианская эпоха в ее целокупности, включающая все три Рима. И именно поэтому в обосновании своего историософского видения Бахарев отталкивается от «Слова о Законе и Благодати» Илариона Киевского, лежащего в основе идеи «Русь – Новый Израиль». Но при этом в иларионовскую схему он включает концепт царства, явно привнесенный из учения Филофея Псковского: «Было ветхозаветное царство ЗАКОНА. Оно сменилось ЦАРСТВОМ БЛАГОДАТИ. Но пришло «ЧИСЛО» пророками предуказанное (1666), царство БЛАГОДАТИ, сменилось ЦАРСТВОМ СЛАВЫ. Оно пришло это Царство СЛАВЫ. Пришло царство Божие. Две Церкви были ветхозаветная и новозаветная и обе пали. Теперь осталось верить и признавать одну ЦЕРКОВЬ МЫСЛЕННУЮ».

Заметим, что стилистика и даже ритмика процитированных слов неявно переключаются со знаменитой чеканной формулой Филофея из его Послания Мисюрю-Мунехину, а сам алгоритм построения ключевого суждения совершенно явно почерпнут из того же источника. Иларионовская дихотомия Закон – Благодать, соотношенная с Ветхим и Новым Израилями, увенчивается концептом Сла-

вы, воплощаемой в Третьем Израиле, и таким образом достраивается до триады.

Иными словами, Израиль предстает основным структурным элементом данной историософской схемы, тогда как Рим – единица периодизации второго уровня, с наступлением «Числа», т.е. 1666 г., полностью исчерпанная.

Следует отметить, что эту исчерпанность идеи Третьего Рима понимали и наиболее чуткие к историософской проблематике противники староверов, начиная с самого патриарха Никона. Не случайно он в своем «Возражении» столь яростно обрушивался на Паисия Лигарида: «Ты говоришь: слава и честь Рима перешли на Москву. Откуда ты это взял? Покажи мне. Ты видел, что говорят Деяния Отцев Константинопольского Собора (Речь идет о Соборе восточных патриархов 1593 г., подтвердившего учреждение патриаршества в Москве – А.К.)? Что там сказано об этом? Патриарх Московский, будучи сравнен в чести с Иерусалимским, должен поминаться в диптихах после Иерусалимского» [6, с. 197]. И по этой самой причине Никон столь ревностно относился к излюбленной теме русской средневековой книжности, воплощенной в образах Нового Израиля и Нового Иерусалима, каковую и попытался материализовать в своем детище – Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. По сути, Никон, как справедливо отмечала И.Л. Бусева-Давыдова, «попытался создать именно копию иерусалимской святыни» [1, с. 176]. Но если для Никона обращение к образам Нового Иерусалима и Нового Израиля означало возврат к прежним взглядам и отмежевание от идеи Третьего Рима, то в концепции, излагаемой Нилом Бахаревым, это не возврат, а выход на новый виток диалектической спирали. Третий Израиль предстает наиболее совершенным выражением божественного замысла, поскольку в нем как в «мысленной церкви» предельно полно воплощен изначально заложенный в этом слове, согласно Третьему Посланию Антония великого, сакральный смысл: «ум, зрящий Бога» (у Бахарева – «ум зряи Бога и разумно слышай Божественная»).

И именно этим Нил Бахарев обосновывает отказ секты «Третий Израиль» от соблюдения таинств и обрядов, прибегая к завуалированной цитате из Книги Иеремии (Иер. 31, 31–33): «Мы не нуждаемся теперь ни в храмах, ни в священстве, ни в вещественных таинствах и обрядах. Ибо мы имеем ЗАВЕТ, дарованный богом в МЫСЛЯХ и СЕРДЦАХ наших, а не на “письменах” написанный» (у Иере-

мии завет написан «во внутренностях и сердцах», а Бахарев по понятным причинам заменил «внутренности» на «мысли»).

Следует особо подчеркнуть, что отсылка к Книге Иеремии – это не риторический прием, не декоративный элемент текста, а своего рода гиперссылка, проявление так называемого «парафразно-центонного принципа» построения средневековых текстов, на учете которой построен герменевтический метод И. Н. Данилевского. Напомним, метод этот был разработан в противовес считающемуся за аксиому представлению, согласно которому цитаты «надо элиминировать из “производного” текста и исключать из его интерпретации» [2, с. 41]. Тогда как на самом деле они обладают «памятью контекста» и читателю, способному пройти по этой гиперссылке, цитаты сообщают не только буквальный смысл составляющих ее слов, но и всю гамму смыслов, свойственную исходному контексту. Это – основа основ средневекового мышления, которое, будучи символическим, а не дескриптивным, обращено не к метаязыку как инструменту объяснения, а к метатексту, то есть некоему базовому тексту, выполняющему «металингвистическую функцию по отношению к данному» [4, с. 282]. Из него черпаются образы, символы и смыслы, и он же является ключом, посредством которого они дешифруются. В этом плане средневековую интеллектуальную культуру, строго говоря, трудно назвать мышлением в современном смысле этого слова, по крайней мере – в той части, в какой мы склонны отождествлять мышление с объяснением: «Религиозный мыслитель не мыслит, не строит гипотез, – объясняет это парадоксальное явление М.В. Попович, – он разгадывает знамения. Целью умственной работы является “понимание”, т.е. подведение под систему известных образов, оборотов, формулировок» [7, с. 115]. Таким образом, чтобы понять, какую мысль хотел донести до нас религиозный мыслитель, вплетая в свой текст явную или скрытую цитату, надо пройти по ссылке – выяснить, откуда взят тот или иной образ и какое место он занимает в структуре исходного текста – в какую сюжетную канву вплетен и какую несет смысловую нагрузку.

Слова Бахарева о завете, написанном «в мыслях и сердцах», отсылают нас к кульминационному – и в сюжетном, и в идейном плане – моменту «Книги Иеремии», а с христианской точки зрения – мировоззренческому ядру всего Ветхого Завета. Именно здесь, в словах утешения, обращенных пророком к соплеменникам накануне Вавилонского пленения, впервые формулируется концепция обновления Завета как следствия отступления богоизбранного народа и

выделения «остатка», с которым будет заключен Новый Завет. А в контексте идей, излагаемых Бахаревым, принципиально важно то, что Иеремия призывает не роптать на падение Израиля и Вавилонский плен, но возблагодарить Бога, ибо пленники и есть тот остаток, которому доверено обновление Завета. И именно с ним, с «остатком Израилевым» отождествляет Бахарев себя и своих единомышленников. Поэтому для всех его суждений о «числе» – в прямом противоречии с прежней старообрядческой традицией – характерен предельно ровный эмоциональный тон.

Еще один аргумент в пользу троичного членения своей историософской доктрины Бахарев находит в «Слове на Святую Пасху» Григория Богослова: «Трисугубую Пасху предает Святый: иудейскую, и нашу, и будущую». И опять-таки, приведенный полемистом пассаж – это нечто большее, чем просто цитата. Интуитивно или осознанно Нил Бахарев указывает на один из базовых мотивов христианской интеллектуальной культуры, в силу которого появление концепций, подобных учению Иоахима Флорского о Третьем завете, теории «Москва – Третий Рим» или отстаиваемой Бахаревым идее Третьего Израиля вполне закономерны. Можно согласиться с рядом исследователей теории Третьего Рима, видевших причины ее генезиса не только в «византийском наследии», но и в том, что в рамках европейской – христианской в своей основе – культуры, любая дихотомия явно или имплицитно воспринимается как нечто не вполне совершенное или даже ущербное, как недостроенная триада. Как писал К. Туманов, идеи Филофея и Джоакино ди Фьоре, возникнув независимо друг от друга, имеют сходный генезис по той причине, что в силу указанной социокультурной специфики «третий элемент любой реальной либо иллюзорной последовательности воспринимается, в том числе и в контексте религиозного символизма, как нечто эстетически удовлетворяющее и диалектически завершенное» [8, р. 412]. Р.Л. Вулф, также разделявший концепцию «законченного третьего», отмечал что это проявляется не только в идеях Иоахима Флорского или Филофея, но и в гегелевской триаде, и в марксовской диалектике последовательной смены первобытного коммунизма, классового общества и бесклассового коммунистического строя, а их внутреннее родство объясняется не прямым или косвенным заимствованием, но тем, что «иоахимовский концепт» носился в воздухе [9, р. 292].

Пожалуй, именно в этом кроется объяснение того, что построения Нила Бахарева воспринимаются как внутренне логичные и по-

следовательные несмотря на то, что отнюдь не все его аргументы безупречны (например, некоторые приводимые им цитаты явно сомнительны). Более того, возникает ощущение, что и автор изложения беседы, И.Н. Заволоко не до конца уверен в своей правоте и как бы играет с оппонентом в поддавки. По крайней мере, будь перед нами классическое антиеретическое сочинение, его автор не уделял бы столько внимания подробному изложению аргументации противника, которая, что ни говори, выглядит убедительнее авторской. И это при том, что Заволоко сам был опытным наставником, и в беседе с Бахаревым он в полной мере демонстрирует свою начитанность. Однако все возражения Заволоко его оппонент отмечает одним контраргументом: все, о чем говорит Иван Никифорович верно, но это «действительно было лишь до “Числа”, до 1666 года, когда не только Вселенская, но и русская до-Никоновская Церковь пала. Стала “мерзостью запустения”, так как ею овладел антихрист. Апостольская Церковь пала. Утратились и храмы, и священство, и все таинства в их видимой форме» [3, л. 40 об.]. Это касается даже главного из таинств – крещения: «Было время “Благодати” до 1666 года. Было и прошло. “Мерзость запустения” и в церквах стала, и в купели крещения» [3, л. 40]. Бахарев обосновывает это следующим образом: крещение по Андрею Кессарийскому, это «умное море», но «второй ангел излия фиаал свой в море» (Отк. 16, 3). А потому «море стало бездушным. Крещение в прежней его форме утратило всякое значение: “всяка душа жива умре в мори”. В вашем крещении ничего не осталось, – утверждает Бахарев. – Одна форма наружная». В том же духе он трактует и апокалиптический сюжет «жена облечена в солнце, и луна под ногама ее» (Отк. 12, 1). Опираясь на толкования Андрея Кесарийского и Мефодия Патарского, Бахарев делает следующий вывод: «И вот сказано в книге пророческой, что луна или крещение под ногами Жены (Церкви, как толкуют) будет. То есть будет попираема. А почему попираема? “Осквернения ради” антихристом и самими лже-христианами» [3, л. 40 об.].

Таким образом, концепция «Третьего Израиля» представляет собой наиболее последовательное и радикальное выражение «бессвященнословной» еклесиологии старообрядцев-беспоповцев – историософию «безблагодатного» мира и образа бытия в нем, основанную на творчески переработанном наследии таких русских средневековых мыслителей, как Иларион Киевский и Филофей Псковский. По сути, это – дальнейшее развитие фундаментальной средневековой доктрины *translatio sacri*, результат диалектического синте-

за через отрицание отрицания идей «Нового Израиля» и «Третьего Рима».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бусева-Давыдова И.Л. О замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М.: Наука, 1994.
2. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004.
3. Древлехранилище им. В.И. Малышева Пушкинского дома (ИРЛИ РАН). Заволоко. Оп. 2. № 210.
4. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам Т. VI. Тарту, 1973.
5. Маркелов Г.В. Из истории собрания И. Н. Заволоко // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 35. Л., 1980.
6. [Никон, патр.] Возражение, или Разорение смиренного Никона, Божиею милостию Патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисее Ликаридиусу, и на ответы Паисеовы // Патриарх Никон. Труды / Научное исследование, подготовка документов к изданию, составление и общая редакция В. В. Шмидта. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
7. Попович М.В. Очерк развития логических идей в культурно-историческом контексте. Киев: Наукова думка, 1979.
8. Toumanoff C. Moscow the Third Rome. Genesis and Significance of a Politico-religious Idea // The Catholic Historical Review. 1955. Vol. 40. No 4. January.
9. Wolff R.L. The Three Romes: The Migration of an Ideology and the Making of an Autocrat // Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1959. No 2.

Л.П. Ермоленко, М.Е. Колесникова (Ставрополь)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ АБХАЗИИ XIX – НАЧАЛА XX в.: К СТРУКТУРЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ*

Составление библиографий – совершенно особый жанр научного исследования. Авторы-составители во многом предопределя-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНА в рамках научного проекта № 19-59-40001

ют последующее исследование в той или иной области научного познания, а также задают условия для трансляции имеющегося научного знания. Науковедческое и методологическое значение библиографий еще не в полной мере осознано современным научным сообществом, но в последние десятилетия ситуация начинает постепенно меняться. Этому способствует и то обстоятельство, что роль истории науки в структуре и содержании научного знания стремительно возрастает. Исследователь начинает работу с предварительного знакомства с научной литературой, с публикациями, посвященными отдельным сюжетам рассматриваемого явления или процесса. И здесь основным источником являются библиографические указатели и пособия. Библиографическая литература помогает не только разыскать необходимые публикации, но и проследить исследовательский интерес к рассматриваемой проблеме. Без обращения к библиографии исследователь может впустую затратить время, допустить дублирование и в итоге не выявить весь спектр источников, прежде всего, историографических по рассматриваемой проблеме.

Развитие библиографии свидетельствует о высоком уровне науки в целом. Библиографические указатели являются своеобразным отражением характера запроса общества на те или иные существующие публикации, которые и фиксируются в справочном пособии. Структура библиографического указателя, характер вспомогательных ключей к нему, система записей, стиль аннотаций, все это показатель авторской позиции составителей, их понимание исторической реальности. Библиографические издания особый вид источников для изучения различных вопросов, связанных с организацией научной деятельности, проблемой научных кадров, тенденцией развития научных идей, межличностных взаимодействий ученых, рассмотрением историографических сюжетов.

Коллективом ученых кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа осуществляются исследования в рамках научного проекта РФФИ и АНА «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX в.: подготовка библиографического указателя» и систематизация материала для подготовки рукописи Библиографического указателя «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX в.». Впервые будет предпринята попытка собрать в одном справочном пособии сведения о книгах и статьях, сборниках документов, тематически связанных с истори-

ографией и источниковедением истории Абхазии, историей изучения региона научными обществами, учреждениями и организациями, а также отдельными исследователями в XIX – начале XX в. Понимая ответственность, авторы-составители не претендуют на исчерпывающую полноту библиографии, отмечая, что это лишь предварительный список литературы. Он, несомненно, будет дополняться новыми изданиями и теми, которые по какой-либо причине не войдут в Библиографический указатель.

Библиографический указатель «Историография и источниковедение истории Абхазии XIX – начала XX в.» представляется важным, прежде всего, для историков, так как он может помочь при выявлении книг по истории региона, его исторического изучения, истории различных обществ, учреждений и деятельности отдельных исследователей, занимающихся изучением региона. Интересен он также будет и для историков науки, занимающихся историей становления и развития кавказоведения. И здесь значение библиографического материала бесспорно. Основная проблема, с которой сталкиваются сегодня исследователи это неразработанность источниковой базы. В силу этого особое значение приобретает выявление, описание, публикация, библиографирование печатных источников по истории отдельных регионов, особенно источников универсального содержания. Таким информативным, универсальным справочником может являться библиографический указатель, который будет содержать сведения о печатных изданиях, материалы которых важны для изучения всех сторон жизни того или иного региона, истории общественного сознания, науки и т.д. Важно учитывать еще и тот факт, что все произведения печати сами являются фактами материальной культуры и как результат полиграфического производства, и как результат творчества местных авторов.

Научная потребность в подготовке подобного рода изданий обусловлена еще и трудностями объективного характера, с которыми сталкиваются исследователи истории Абхазии. Это, прежде всего, отсутствие архивной базы. В 1992 г. в результате военных действий были уничтожены Абхазский государственный архив и Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа, разорены ведомственные архивы и личные архивы ученых. Библиографический указатель позволит расширить и углубить предметное поле исторических исследований.

Собранные, в Библиографическом указателе, книги и печатные материалы, сборники документов будут объединены тематиче-

ски. Составители попытаются, в логично подобранных и обоснованных разделах указателя, объединить под общей темой – история изучения Абхазии в XIX – начале XX в., работы как дореволюционных исследователей, четко вписывающихся в обозначенный хронологический период, так и исследователей более позднего периода и современности.

Указатель будет многофункционален, кому-то он поможет найти необходимое для работы издание, кому-то понять процесс изучения региона в прошлом и настоящем, увидеть, как зарождалась, формировалась и развивалась историографическая традиция изучения региона и в этом контексте его источниковедческая функция несомненна. Пристальный интерес авторов-составителей к периоду XIX – начало XX в. обусловлен тем, что именно в это время происходит становление и развитие местной историографической традиции, для которой характерны наличие общих с российской национальной исторической наукой и специфических, присущих только Кавказскому региону, черт.

Выявление литературы будет осуществляться на основе известных библиографий общего и отраслевого типа, библиографических и биобиблиографических справочников и словарей, а также каталогов и картотек Российской государственной библиотеки (РГБ, Москва); Российской национальной библиотеки (РНБ, Санкт-Петербург); Краснодарской краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина; Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова; Национальной библиотеки Республики Абхазия имени И.Г. Папаскир; научной библиотеки Северо-Кавказского федерального университета; научной библиотеки Абхазского государственного университета; библиотек Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, Краснодар) и Государственного архива Ставропольского края (ГАСК, Ставрополь); библиотеки Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прохрителева и Г.К. Праве, Абхазского государственного музея. Будут использованы материалы «Абхазской Интернет-библиотеки» – уникального информационного ресурса, на котором собраны многочисленные тексты об Абхазии, включая и работы по истории, этнографии, археологии Абхазии [<http://apsnyteka.org>].

Рубрикатор Библиографического указателя будет составлен по тематическому признаку, что позволит с большей наглядностью от-

разить становление и развитие историографической традиции в Абхазии, на Кавказе, в целом, обозначить основные направления и степень изучения отдельных проблем, определить роль научных центров и научных обществ, а также отдельных исследователей (ученых и историков-любителей) в разработке региональной истории и краеведения. Рубрикатор предварительно включает следующие разделы: теория, методология и история кавказоведения; абхазоведение; источники, источниковедческие исследования по истории Абхазии; историографические работы по истории Абхазии; история изучения Абхазии; научно-отраслевое знание об Абхазии (известия об Абхазии в трудах путешественников, военных, ученых, историков-любителей и краеведов в XIX в.; работы по археологии Абхазии; работы по этнографии Абхазии; работы по истории Абхазии); научные общества и учреждения, изучавшие Абхазию и их труды; история книги, книгоиздательского и библиотечного дела; история библиографии; история периодической печати; история архивного дела; история музейного дела; биобиблиография исследователей Абхазии; справочно-библиографические издания (библиографические указатели и пособия общего типа; справочно-энциклопедические издания; справочные книжки и путеводители).

Внутри разделов и рубрик Библиографического указателя литература будет сгруппирована по титульным названиям (алфавиту авторов и заглавий работ). Работы одного автора будут представлены по хронологии их издания, в рамках одного года – в алфавитном порядке. Библиографическое описание статей и книг, помещенных в указатель, будет соответствовать требованиями ГОСТ 7.1–2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», а также ГОСТ 7.12–93 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Сокращения слов на русском языке. Общие требования и правила».

Библиографический указатель не претендует на исчерпывающую полноту библиографии, это лишь предварительный список литературы. Он, несомненно, будет дополняться новыми изданиями и теми, которые по какой-либо причине не вошли в данное издание. Создание более полной библиографии требует коллективных усилий специалистов: историков, археологов, этнографов и библиографов, занимающихся изучением Абхазии.

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ ИСТОРИКОВ И КРАЕВЕДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА (ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Прошлое любого региона России, особенно это характерно для современного этапа нашей истории, представляет определенный интерес для населения страны, а для историков – это еще связано с изучением и осмыслением фактов прошлого, а порой и настоящего, через призму исторических событий. История Кубани в этом отношении не исключение. В процессе своей научной деятельности любой историк или краевед по крупицам, месяцами просиживая в архивах, пропуская «через себя» множество архивных документов и исторических событий, «выуживает» интересующую его информацию. Если повезет, разбирает частные коллекции. Вырезает или переписывает статьи и заметки из газет и журналов, скупает букинистическую литературу. Процесс творческого поиска чаще заканчивается краеведческими или научными публикациями. Часто собранные материалы не находят своего практического применения и обречены на неопределенное хранение «под сукном» собирателя. Как правило, материалы накапливаются в процессе подготовки определенной статьи или публикации, но иногда этот период может затянуться на длительный срок. В результате собирательства огромные залежи ценнейших рукописных или копийных материалов, из которых, собственно, в научные публикации зачастую попадает лишь небольшая толика, остальные материалы в силу определенных обстоятельств откладываются на полках шкафов и антресолей и в конце концов рискуют быть утрачены безвозвратно. Именно в этом случае на помощь приходят архивисты, которые из всего накопленного, порой разрозненного и неупорядоченного материала формируют архивные фонды и коллекции, которые в обработанном и упорядоченном состоянии будут служить будущим поколениям историков и краеведов. Таким образом, труд исследователей прошлого не пропадет даром и станет отправной точкой для новых собирателей и историков.

Состав документов личного происхождения довольно широк: переписка, дневники, заметки или эпистолярные наброски. Перечисленные категории документов имеют преимущественно интим-

ный, доверительный характер и предназначены или для самого пишущего, или для узкого круга лиц. Совсем другое значение имеют воспоминания. Они могут быть предназначены для широкого круга читателей [15, с. 393]. Для анализа таких источников важнейшее значение играет личность автора, его взгляды на те или иные события. Также, наряду с рассмотренными в состав источников личного происхождения, включаются документы, собранные автором, это архивные копии, книги, журнальные статьи, журналы, фотографии, газеты, картографический материал, видеоматериалы, а в последнее время и документы на цифровых носителях. На эти категории документов личность их собирателя или влияет косвенно (подбор материалов по определенной тематике) или вообще не оказывает никакого значения.

Весь этот огромный комплекс источников личного происхождения может стать хорошим фактическим материалом по разным направлениям исторического исследования. В Государственном архиве Краснодарского края хранятся коллекции документов и отдельные фонды кубанских ученых и краеведов: Я.И. Куценко и И.Я. Куценко, В.П. Бардадыма, Г.М. Балабаса, Р.П. Гусевой, А.М. Коломиец, Н.З. Чивиревой-Сычуговой, П.П. Толмачева, Г.Г. Мошкович, В.А. Жадана, В.П. Громова, М.В. Покровского и многих других [1].

Одной из особенностей исследования материалов личного происхождения является то, что последние во многом дополняют официальные документы, являя собой особые подборки материалов по различным исследовательским темам. Использование этих материалов во многом облегчает труд пользователя, который к ним обращается. Документы личных фондов можно считать дополнительным историческим источником, в чем-то неповторимым, так как на страницах рукописей можно обнаружить особые мнения и взгляды автора, с которыми можно как спорить, так и соглашаться.

Все материалы личного происхождения в области исторических исследований можно условно разделить на две группы: краеведческие и научные. Краеведческие материалы носят в большей степени эмоционально-исторический характер, где-то «грешат» достоверностью фактов, но в то же время представляют огромный познавательский интерес. В основном они рассчитаны на широкую аудиторию пользователей и носят характер научно-популярных статей или рассказов.

Одним из примеров таких документов являются материалы подготовленные и собранные В.П. Бардадымом [2] и представляют

особый интерес для исследователей, особенно интересующихся вопросами истории г. Екатеринодара, деятельностью известных представителей научной интеллигенции и культуры Кубани. Краеведы, как правило, не профессиональные историки. А склонность к изучению исторического прошлого определяет их любовь к истории, к малой родине, к своим предкам. Не исключением здесь и В.П. Бардадым, врач-рентгенолог по образованию, историк по призванию.

В архивную опись документов В.П. Бардадыма включено 132 ед. хр., но фонд пока не закрыт и еще около 700 ед. хр. ожидают своей научно-технической обработки. Собранные им материалы содержат множество авторских правок, включают рукописные подлинники и машинописные экземпляры отдельных экземпляров книг, журнальные и газетные вырезки, грампластинки, фотографии. Краевед В.П. Бардадым – один из самых добросовестных и скрупулезнейших собирателей истории Кубани. Он по крупицам, в течение нескольких десятков лет в разных архивах бывшего СССР собирал исторические факты по тем или иным интересующим его направлениям истории Кубани. Круг его интересов был очень широк: зодчество, фольклор, заселение Черномории и основание г. Екатеринодара, известные люди России, побывавшие в г. Екатеринодаре и внесшие весомый вклад в науку и культуру Кубани. Как прирожденный исследователь старины, архивист-самоучка В.П. Бардадым все свои архивные находки укладывал в папки, которые подписывал, формировал их по блокам: «Зодчие», «Городские головы», «Атаманы» и т. д. Таких блоков был не один десяток, которые в дальнейшем использовались им для написания книг и статей. Книги В.П. Бардадыма изданы небольшими тиражами и уже сегодня представляют библиографическую редкость, а документы, собранные им, поступили в Государственный архив Краснодарского края и после научно-технической экспертизы и обработки станут дополнительным подспорьем для исследователей.

Другим представителем краеведческого направления был учитель истории Г.М. Балабас. Основная тема его исследования – история Гражданской войны [3]. Период его творческих поисков занимает более трех десятков лет (1950–1986). В архивный фонд вошли биографические сведения и воспоминания видных революционных деятелей периода установления советской власти на Кубани. В фонд включены материалы, оказавшиеся в распоряжении Г.М. Балабаса, собранные сочинским краеведом Г.И. Хитровым, а также фотографии и переписка.

Материалы, собранные педагогом, писателем и краеведом, основателем краеведческого музея ст-цы Елизаветинской А.М. Коломийцем [4] представляют определенный исторический интерес для исследователей изучающих историю населенных пунктов Кубани. В фонд вошел рукописный выпуск журнала «Юный историк» СОШ №2 ст-цы Афипской, материалы школьных краеведческих кружков ст-цы Северской и г. Краснодара, а также статьи и заметки о пребывании Н. А. Островского в г. Сочи.

В документах личного происхождения участника Великой Отечественной войны П.П. Толмачева [5] собраны материалы о го-лоде на Кубани 1933 г., участии кубанцев в Великой Отечественной войне, о партизанах Варениковского отряда, письма фронтовиков, о наводнении в г. Темрюке в 1970 г.

В архивном фонде историка-краеведа И. А. Мирного, содержатся материалы по истории улиц г. Екатеринодара-Краснодара [6], топонимике г. Краснодара и работе городской топонимической комиссии, планы и схемы улиц г. Краснодара.

Документы о деятельности общины «Криница» и судьбах ее членов собраны в фонде Н.З. Чивиревой-Сычуговой, дочери основателя общины [7]. Кроме собранных газетных публикаций и воспоминаний в фонде имеются фотографии из семейного альбома и выписки из дневника сына библиотекаря общины «Криница».

Личные фонды и коллекции документов историков отличаются от материалов, собранных краеведами, последовательностью излагаемых событий, обилием ссылок и сносок на документальные источники, выверенностью исторических фактов.

Одним из представителей научного направления кубановедения является Я. И. Куценко [8], бывший директор архива КПСС. Им собраны материалы по истории Кубани и г. Краснодара. Это рукописи, вырезки из газет о революционном движении, документы о разных периодах Гражданской войны и ее героях, по истории комсомола на Кубани, рукопись книги «Краснодар» и рецензии на нее разных авторов, материалы о кубанских селекционерах П.П. Лукьяненко, В.С. Пустовойте, М.И. Хаджинове. На страницах рукописей Я.И. Куценко имеется множество ссылок на архивные документы, что придает его исследованиям научную значимость.

В фонд другого историка, Р.П. Гусевой [9], вошли материалы ее кандидатской диссертации «Развитие капитализма в сельском хозяйстве на Кубани в пореформенный период (1860–1900)» и выписки из архивных фондов московских архивов, журналы и лекции

(1949–1950) по истории, составленные К. Ф. Катаенко, Ф.В. Навозовой и В.А. Соколовым, а также фрагмент личного дневника.

Особый интерес представляют документы, вошедшие в состав фонда Г.Г. Мошкович [10], историка, к.и.н., доцента КубГУ. В состав документов вошли лекции по исторической библиографии, тезисы докладов и научные статьи. Круг научных интересов Г.Г. Мошкович был широк. Это выдающиеся личности Черномории и Кубани: наказной атаман Г.А. Рашпиль, профессор М.В. Покровский, библиограф Б.М. Городецкий, член многих археологических обществ, в том числе действительный член Императорского Московского археологического общества Е.Д. Фелицын, а также история генуэзских колонистов и кубанских ярмарок.

Архивный фонд другого историка В.А. Жадана [11] интересен тем, что как исследователь-собираатель к вопросу подбора материалов для своих статей он подошел неординарно. В начале своей творческой деятельности он был учеником краеведа В.П. Бардадыма. Позже под руководством д. и. н. профессора Краснодарского института культуры Б.А. Трехбратова защитил кандидатскую диссертацию по музыкальной культуре Кубани. Далее в содружестве со своим научным руководителем подготовил ряд энциклопедических изданий по истории г. Екатеринодара-Краснодара для школьников. Такое плодотворное сотрудничество отразилось на творчестве ученого.

В.А. Жадан аккумулировал в себе познавательную активность краеведа и скрупулезность и последовательность ученого. Долгое время, будучи преподавателем Краснодарского музыкального училища имени Н.А. Римского-Корсакова, он собирал афиши, концертные программы и ноты. Где бы он ни находился, везде оставался краеведом-исследователем, и с точностью ученого записывал все, что заслуживало его внимания. В архивных документах встречаются заметки, сделанные на конфетных обертках, отрывных листках календаря и даже на обрывках газет. В состав фонда вошли собранные материалы и написанные статьи о культуре, театрах, музыке, литературе, религии, войсковых церемониалах конца XIX в.

Кроме коллекций документов в Государственном архиве Краснодарского края хранятся отдельные фонды историков. В семейный фонд ученых Анфимовых, включены документы к.и.н. Н.В. Анфимова, археолога, профессора Кубанского государственного университета, в основном это материалы археологических экспедиций, лекции и статьи по археологии Черноморского побережья Кавказа и Прикубанья [12]. Архивный фонд д.и.н. М.В. Покровско-

го [13] интересен материалами об археологических раскопках на Кубани, а также исследованиями о социально-экономических отношениях среди западных адыгов в конце XVIII в.

Учитывая тот факт, что Кубань давно является казачьим краем, где традиции Кубанского (Черноморского) казачества возрождаются, фонд первого атамана, возрожденного Кубанского казачьего войска, в форме общественной организации, В.П. Громова (фонд продолжает пополняться) [14] имеет огромное значение. В фонде собраны документы о воссоздании Кубанского казачьего войска в начале 1990-х гг., в архивный фонд включены как нормативно-правовые документы, так и переписка: с духовенством, официальными лицами и обращения граждан к атаману. В начале 2000-х гг. к. и. н., доцент КубГУ, в прошлом – депутат Законодательного собрания Краснодарского края В.П. Громов стоял у истоков возвращения на Кубань регалий и библиотеки Кубанского казачьего войска. Документы об этих событиях и библиотека, собранная атаманом В.Г. Науменко, благодаря усилиям В.П. Громова, поступили из США на хранение в Государственный архив Краснодарского края. В фонд вошли статьи и материалы кандидатской диссертации историка, документы о сподвижниках атамана в период возрождения казачества.

Нельзя не сказать о новых поступлениях в архив материалов личных фондов историков – д.и.н. И.Я. Куценко и д.и.н. Б.А. Трехбратова. В состав документов фонда И.Я. Куценко вошли автореферат и текст диссертации «Культурное строительство на Кубани» (1921–1925 гг.), монография о С.Я. Маршаке [16], статьи о героях-таманцах, книга «Кубанское казачество» [17], машинописный экземпляр докторской диссертации и другие документы. И.Я. Куценко – автор более 600 статей и других публикаций, которые в журнальном и рукописном вариантах поступили на хранение. Другим важнейшим поступлением документов личного происхождения стали документы профессора Краснодарского института культуры Б.А. Трехбратова, одного из основателей Краснодарского отделения Всероссийского общества историков-архивистов, автора учебников по кубановедению, Энциклопедического словаря по истории Кубани [19], библиографического словаря-справочника «Кто есть кто в кубановедении» [18], а также более 1 тыс. статей и публикаций. Эти документы проходят научно-техническую экспертизу и в ближайшее время станут доступными для исследователей.

В Государственном архиве Краснодарского края по состоянию на 01.01.2019 хранится 13 фондов и 1 коллекция документов лич-

ного происхождения историков и краеведов Кубани. Фонды архива продолжают пополняться, в обработке находятся документы еще четырех ученых общим объемом более 1 тыс. дел. Введение этих документов в научный оборот в будущем даст для исследователей новые стимулы исторических открытий. Разнообразные по своему составу и содержанию, эти документы отражают жизненный путь, творческий процесс выдающихся людей Кубани, внесших весомый вклад в историю и культуру Кубани, в искусство, в хозяйственную и политическую сферы жизни общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1610 «Коллекция документов кубанских краеведов», Оп. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10.
2. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.2. «Бардадым Виталий Петрович (1931–2010), писатель-краевед».
3. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.3. «Балабас Георгий Михайлович (1918–?), кубанский краевед, учитель истории».
4. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.5. «Коломиец Анатолий Михайлович (1903–1972) – краевед, педагог, писатель; основатель Елизаветинского краеведческого музея».
5. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.7. «Толмачев Петр Петрович (1921 – ?) – краевед, участник Великой Отечественной войны».
6. ГАКК. Ф. Р-1916. «Мирный Иван Алексеевич, историк-краевед, ответственный секретарь городской топонимической комиссии». Оп.1.
7. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.6. «Чивирева-Сычугова Наталья Зотовна (1897–1984) – краевед, дочь основателя общины «Криница».
8. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.1. «Куценко Яков Иванович (1899–1971) – кубанский краевед, директор архива КПСС с 1951 по 1957 гг.».
9. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.4. «Гусева Раиса Петровна (1925 – ?) – историк, краевед».
10. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.8. «Мошкович Гинда Григорьевна (1908–2000) – краевед, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета».
11. ГАКК. Ф. Р-1610. Оп.10. «Жадан Виктор Андреевич (1948–2011) – краевед, кандидат исторических наук, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Кубани».
12. ГАКК. Ф. Р-1567. «Семейный фонд ученых Анфимовых». Оп. 1.
13. ГАКК. Ф. Р-1548. «Покровский М.В., доктор исторических наук» Оп. 1.

-
14. ГАКК. Ф. Р-1913. «Громов В.П., атаман возрожденного Кубанского казачьего войска». Оп. 1.
 15. Источниковедение Истории СССР. М., 1973.
 16. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1990.
 17. Куценко И.Я. С.Я. Маршак в Краснодаре. Краснодар, 1997.
 18. Трехбратов Б.А. Кто есть кто в кубановедении. Краснодар: Традиция, 2014.
 19. Энциклопедический словарь по истории Кубани. С древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997.

Е.В. Шандулин (Ростов-на-Дону)

ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Понятие «электронный документ» (далее – ЭД) достаточно давно вошло в обиход в современной науке и прочно обосновалось в реалиях современной социальной жизни [2]. Тем не менее, его понимание остается непростой задачей и находится в плоскости интересов нескольких научных предметных областей. Речь не только об информатике, экономике и праве, которые достаточно быстро сформировали свои подходы к пониманию природы и особенностей электронного документа, но и изначально относительно далекими от цифровых технологий документоведения и источниковедения, которые это понятие рассматривают в несколько ином разрезе.

Современное законодательство пользуется определением электронного документа, взятым из базовых элементов документоведческого подхода к анализу информации. Согласно Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]: Электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах; В свою очередь, в данном ФЗ «документированная информация» определяется как – «зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизита-

ми, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель» [4]. Подобная характеристика повышает значение документационных принципов анализа, делая их почти универсальными для электронной документации.

Согласно Федеральному закону «Об электронной подписи» [5]: «информация в электронной форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью. В современном социальном пространстве границы цифрового и традиционного мира постепенно стираются.

Разработанный Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела (ВНИИДАД) национальный стандарт по управленческой организационно-распорядительной документации от 2016 г. гласит, что «документы могут создаваться на бумажном носителе и в электронной форме с соблюдением установленных правил оформления документов» [1]. Тем самым в настоящий момент законодательно и информационно поставлен знак равенства между использованием бумажного (аналогового) и электронного (цифрового) документа.

Это не только имеет правовое и экономическое, но и документационное, а также источниковедческое значение. Новейший период развития документации дает право использования электронного документа в социальной жизни как полной замены традиционному бумажному. Стоит отметить, что существующие законодательные определения понятия ЭД как правило не делают детальных различий между такими понятиями, как содержание ЭД, его форма, формат ЭД, тело файла и метаданные, оставляя этот вопрос на рассмотрение более узких специалистов в информационной сфере. На практике это означает, что ЭД в понимании современного законодателя представляет собой файл (изображение, алфавитно-цифровая последовательность, звуковой файл и т.д.) [6]. Этот файл фактически можно использовать как потенциальный (исторический) источник, аналог бумажного документа.

Именно особенности восприятия современного документа, порожденные правовым и документационным подходом к определению ЭД, делают возможной постепенное развитие источниковедческой научной школы в работе с «цифрой» не только путем традиционного (digital history) привлечения информационных систем и

цифровых технологий в историческое знание, но и путем выработки системного подхода к оценке ресурсной базы имеющихся в обществе цифровых данных, как нового типа источника.

Цифровой (электронный) документ теоретически может быть признан новой полноценной группой источников, заслуживающей своей методологии исследования и своей типологической системы. В этом современному исследователю может помочь феноменологический подход, близкий кантианским принципам (*ding an sich* – вещь в себе), который отталкивается от признания каждого источника не только как продукта истории, но и уникальным продуктом современного сознания, представленного в новой форме (*digital form*). До конца природу любого (*digital*) явления постичь вряд ли возможно, но приблизиться вполне. Концепции источниковедческого анализа, развитые А.П. Пронштейном и дающие возможности современного постмодернистского анализа источниковой базы, вполне пригодны для решения такого рода задач.

Для источниковедения и документоведения в этом отношении открываются определенные возможности для взаимного обогащения методологии. В документоведении в отношении современных документов наработаны методы анализа существующих реквизитов, форм документов, направлений движения документации и т.д. В источниковедении наработаны универсальные принципы анализа документов, которые позволяют большинство документов превращать в достоверные источники и делать их полезными для современного исследователя.

Электронная система документации с точки зрения современного источниковедения представляет собой скорее ресурсную систему потенциальных источников, достоверность которых еще предстоит установить, а также определить их качество. В документоведении, наоборот, представлено большое количество документов, нуждающихся в систематизации и универсализме. В этом отношении можно сказать, что документоведение в близкой связи с информатикой способно анализировать внешнюю часть электронного документа, его форму или внешнее восприятие (*англ. image*). В свою очередь источниковедение способно дать электронному документу его внутренний облик, смысл и назначение, что ближе к понятию внутреннего образа (*нем. gestalt*).

Документоведческий подход к определению понятия электронный документ сформировался на рубеже XX–XXI вв. и стал одним из важнейших для современного общества. Источниковедение в Рос-

сии несколько отстает в этом направлении. Источниковедение в настоящий момент переживает период определенного внутреннего поиска основ для выработки своего понимания ЭД, а также аналитических методов работы с электронным документом, электронным ресурсом, базой данных и т.д. [3].

Ведущие учебники по источниковедению еще не имеют разделов по электронным документам и ресурсам в полноценном объеме, а специалисты испытывают отчасти обоснованные сомнения в результатах подобной работы. Сложность ситуации состоит в междисциплинарности самой природы электронного документа, который вовлек в свою орбиту влияния такие сферы научного знания как право, экономику, информатику, документоведение, а теперь должен привлечь источниковедение, как один из фундаментальных научных подходов к анализу информации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГОСТ Р 7.0.97-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов (утв. Приказом Росстандарта от 08.12.2016 № 2004-ст) (ред. от 14.05.2018).

2. Глащенко А.С. Понятие и классификация электронных документов // Вопросы экономики и права. 2012. № 351; Понятие и сущность электронного документа // Юрист. 2008. №5.

3. Злобин Е.В. О некоторых проблемах классификации и описания электронных документов как исторического источника // Круг идей. Электронные ресурсы исторической информатики. Спб.-Барнаул. 2003; Коральчук Н.А. Электронный документ как исторический источник // Ломоносовские чтения на Алтае. Барнаул, 2013; Юшин И.Ф. Электронные документы как исторический источник. [Эл. документ] <http://www.hist.msu.ru/Departments/Inf/Stud/Heuristics/Reader/YuschinIF.pdf>

4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

5. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.12.2017).

6. Финько О.А., Елисеев Н.И. Повышение функциональной гибкости и оперативности системы электронного документооборота посредством переопределения понятия «электронный документ» // Информационное противодействие угрозам терроризма. Таганрог. 2009. № 13.

НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «КАЗАЧИЙ НЕКРОПОЛЬ В ЗАРУБЕЖЬЕ» КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА

Среди многочисленных направлений отечественной историографии достаточно активно развивается некрополистика, беря во внимание различные вопросы как исторического регионоведения, так и глобальные аспекты исторического процесса. Исследователи уделили внимание истории и проблемам некрополей Петербурга, Омска, Тюмени, Краснодара [5; 4, с. 98–101; 3, с. 23–43; 1, с. 30–35], традициям некрокультиры как форме сохранения социально-исторической памяти [2, с. 276–279]. Однако казачьи некрополи пока еще не стали предметом исторических исследований.

Целью научно-просветительского проекта «Казачий некрополь в Зарубежье» является сохранение памяти о российских казаках, нашедших приют на кладбищах зарубежных стран. В бурном XX веке было несколько волн эмиграции казаков, рассеявшихся в странах Европы, Америки, Азии, Австралии, и унесших с собой частичку России и казачьего прошлого.

Проект решает следующие задачи:

- 1) сбор и систематизация информации о погребениях российских казаков в зарубежных странах;
- 2) создание каталога казачьих захоронений за рубежом;
- 3) воссоздание биографий и личных историй представителей казачьих войск Российской империи;
- 4) организация просветительской работы с использованием материала проекта «Казачий некрополь в Зарубежье».

В ходе работы над проектом в фокусе внимания оказываются как видные личности, оставившие след в истории российского казачества, так и простые казаки, оказавшиеся на чужбине.

Видные личности:

Елисеев Федор Иванович – полковник, командир Корниловского конного полка, историк, мемуарист, писатель и циркач, боец французского Иностранного легиона.

Гамалий Василий Данилович – (1884–1956), казачий офицер, полковник, участник Первой мировой войны, Гражданской войны

в России. Отличился во время Персидской кампании, совершив в апреле 1916 г. протяженный рейд по тылам турецких войск на соединение с британскими войсками в Месопотамии.

Бичерахов Лазарь Федорович – полковник Терского казачьего войска, участник Первой мировой и гражданской войны.

В начале 1918 г., возглавив отряд терских казаков, побывал в Персии, 27 июня подписал в Энзели договор с английским генералом Л. Денстервилем о ведении совместных действий. 1 июля сошел на берег в 35 километрах от Баку, пришел к соглашению с Совнаркомом Баку и, выразив желание сотрудничать с советской властью, со своим отрядом вошел в состав вооруженных сил Коммуны. После свержения советской власти, в августе 1918 г., был главнокомандующим войск «Диктатуры Центрокаспия».

Занял Дербент, порт Петровск (Махачкала), установил связи с Колчаком и Деникиным, создал Правительство Кавказского Каспийского союза. В ноябре 1918 г. со своим войском из Петровска прибыл в Баку, где в начале 1919 г. англичане расформировали его воинское соединение.

В январе 1919 г. под давлением английского командования и руководства Добровольческой армии Бичерахов вынужден навсегда уехать за границу. Жил в Англии, Франции, Германии. В последние годы находился в доме престарелых г. Дорнштадта Германия, где и скончался. Похоронен на местном кладбище у церкви.

Лазарь Федорович Бичерахов в начале февраля 1919 г. пожертвовал 175.000 рублей в пользу армянских беженцев Баку. Награжден двумя высшими орденами Великобритании. Удостоен звания генерала английской армии.

Букретов Николай Адрианович – в начале января 1920 г. избран Кубанской радой войсковым атаманом Кубанского казачьего войска.

После эвакуации белых из Новороссийска Букретов с большей частью кубанских казаков отошел к Сочи. В апреле 1920 г. находился в Севастополе, где вел переговоры с генералом Врангелем, который требовал перевоза кубанских войск в Крым. Переговоры были безуспешны, и в результате под Сочи значительная часть кубанских казаков сдалась Красной Армии, а Букретов, сдав командование генералу Морозову, сложил с себя звание атамана и бежал с другими членами Кубанской рады в Грузию.

Иванис Василий Николаевич – (1888–1974), офицер Русской императорской армии, участник Первой мировой войны. Первопо-

ходник. Участник Белого движения. Политический и общественный деятель Кубани – последний председатель Кубанского правительства. Писатель-историк.

«Лица второго плана»:

Горб Федор Иванович – человек трудной, трагической судьбы: сын казака-хлебороба, студент, рабочий, инженер-метеоролог, репрессированный, заключенный, фронтовик-пехотинец, военнопленный, эмигрант, писатель, протоиерей. Родился 10 января 1908 г., умер 24 мая 1988 г. в США, упокоен на православном кладбище при Свято-Владимирском монастыре в г. Паттерсон, штат Нью-Джерси.

Крюков Петр Федорович – (1904–1963), казак станицы Глазуновской Усть-Медведицкого округа ВВД, сын замечательного донского писателя Федора Дмитриевича Крюкова. Петр Крюков – известный поэт казачьего зарубежья, участник французского сопротивления в годы Второй мировой войны, ярый казакоман.

Поляков Иван Алексеевич – казак станицы Ново-Николаевской Таганрогского округа Войска Донского. В июле 1918 г. Поляков был произведен Донским атаманом в генерал-майоры за заслуги в организации Донской армии и успешные операции по очищению Области Войска Донского от большевиков.

Корольков Сергей Григорьевич – родился 14 октября 1905 г., в хуторе Павлов, Константиновск, Область Войска Донского, скончался 19 марта 1967 г. в США, скульптор и иллюстратор.

Изучение надгробий казачьих захоронений позволяет выделить несколько особенностей:

- 1) в оформлении надгробий прослеживаются различные этнокультурные мотивы, свойственные разным казачьим войскам;
- 2) муж и жена погребены рядом и имеют общее надгробие;
- 3) биографические надписи на надгробиях свидетельствуют о практике взятия казаками жен из балканских стран в период 1920–1930-х гг.

В рамках реализации проекта «Казачий некрополь в Зарубежье» выявлено, что в немецком городе Дорнштадте в доме престарелых доживали свой век многие российские казаки. Фотоматериалы позволяют увидеть их маленький мир, который сжался до размеров их комнаток, на стенах которых осколки ушедшей навсегда России в виде икон, литографий императорской семьи, фотографий однополчан. Показательным примером является судьба **Сахно**

Устимович Алексея Александровича (1873–1964), бывшего адъютанта Государя Николая II. Полковник Терского казачьего войска, Сахно-Устимович в эмиграции жил в Германии и работал в пекарне. Умер 18 ноября 1964 г. в Дорнштадте (Германия).

Помимо организованных мест упокоения казачьих общин выявлены одиночные захоронения казаков. На кладбище немецкого города Висбадена нашел свой последний приют терский казак станицы Слепцовской Колесников Андрей Иванович. Могила в хорошем состоянии. Расположена в 10-ти метрах от входа на кладбище в правом крыле.

Хотелось бы отметить, что Европа познакомилась с казаками задолго до начала Великой войны. В военной кампании 1813–1814 гг. против войск Наполеона, в частности в сражении под г. Лейпцигом, названным «Битва народов», многие казаки сложили свои головы и были преданы земле на чужбине. Почти все захоронения безымянные. Но память о казаках жива и сохраняется в должном порядке.

На данный момент выявлены следующие казачьи погосты:

1. Келлерберг, Австрия.
2. Казачье кладбище в Лиенце, 310 могил.
3. Дорнштадт, Германия.
4. Люблин, Польша.
5. Коломбель, Франция.
6. Свято-Владимирский погост, Нью-Джерси, США.
7. Русское православное кладбище в Ново-Дивееве (Кладбище Новодивеевского монастыря) г. Нануэт, штат Нью-Йорк, США.

Российскому обществу свойственна низкая культура сохранения и содержания кладбищ и некрополей, мест упокоения своих предков. Если общество забывает как о своих видных представителях, так и о простых граждан, то оно теряет свою историческую память, что ведет к его деградации.

Научно-просветительский проект «Казачий некрополь в Зарубежье» обозначает социально-значимую проблему процесса утери обществом своей исторической памяти через пренебрежение памятью предыдущих поколений и является действенным механизмом формирования активных гражданских характеристик через сохранение исторической памяти о прежде живущих поколениях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарь В.В. Историческое Всесвятское кладбище в Краснодаре // Фелицынские чтения (XV): Провинциальный город в социокультурном пространстве XVIII–XXI вв. Материалы региональной северокавказской научно-практической конференции (Краснодар, 29–31 октября 2013 года). Краснодар, 2014. С. 30–35.
2. Качемцева А.А. Традиции некрокультуры как форма сохранения социально-исторической памяти // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 6. С. 276–279.
3. Колосова И.И., Медведева А.Б. Развитие пространственной среды некрополей г. Тюмени // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 1 (48). С. 23–43.
4. Красильникова Е.И. Из истории омского некрополя: Шепелевское кладбище (конец XIX – начало XX в.) // Провинциальные научные записки. 2015. № 1. С. 98–101.
5. Федоров П.В., Малашенков А.А. Из истории петербургского некрополя: Мурино. СПб.: МБИ, 2016. 190 с.

В.А. Матвеев (Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СУБЭТНИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

К употребляемым в исследованиях концептам, как известно, относятся понятия (термины) и емкие определения. Концепции основываются на развернутых систематизациях, содержание которых представляет те или иные объяснительные версии (технологии понимания). Ретроспективное измерение проблемы восточнославянского единства предполагает, так или иначе, использование данных этнологии. Различные аспекты соответствующей теории получили отражение в специальных исследованиях Ю.В. Бромлея [3], В.И. Козлова [8], Н.М. Лебедевой [12], В.А. Тишкова [15] и др. Разработкой ее в конце советской эпохи занимался и Л.Н. Гумилев [4]. Наследие его, не лишенное спорных моментов, в последнее время все чаще подвергается критике [9, с. 22–35].

Но вклад Л.Н. Гумилева в развитие этнологических знаний несомненен, и вряд ли правомерно умаление его воздействия на последующее их формирование. Полезность предложенной им теории

«этноса» для дальнейшего развития научных представлений отмечается и зарубежными учеными [11, с. 43]. Применяется она весьма широко вместе с тем в исторических обобщениях. В творчестве А.Н. Гумилева перспективное дополнение получило и евразийство. Основывалось оно на совмещении данных этнологии с естествознанием. Именно это позволило А.Н. Гумилеву сделать вывод о том, что исторические ритмы Евразии определяли пассионарные толчки (особый вид биосоциальной энергии) [5, с. 10].

Ограниченность же использовавшихся понятийных обозначений объясняется, на мой взгляд, опорой на жесткие марксистско-ленинские схемы, вне которых в то время оказывалось невозможным любое воспроизведение событий прошлого. Нельзя не видеть и того, что вводившиеся А.Н. Гумилевым в научный оборот концепты выбивались за рамки обычных представлений, обеспечивая выход на ряд перспективных научных решений. И отрицательный результат позволяет устанавливать другие пути в поиске истины, а без него любое подтверждающее ее построение обречается на односторонность. От ошибок не застрахован ни один исследователь. С неудобными же идеями, как известно, не удалось справиться даже при помощи инквизиции.

Исчерпывающих и не вызывающих возражений понятий в науке не существует. Это прежде всего условности, в которых предлагаются емкие характеристики изучаемых явлений и процессов. Каждый ученый вправе иметь свое видение их сути. На ограниченность некоторых терминологических формулировок в трудах А.Н. Гумилева, с признанием оригинальности предложенных им концептуальных построений, перспективных для дальнейших научных поисков, уже обращалось внимание в моих публикациях [14, с. 37]. Сомнению подвергнута в них и правомерность классификации российского сплочения народов как «суперэтнического» [7, с. 498]. В подтверждение приводилось отсутствие в нем этнической взаимоувязанности и системы, включенных А.Н. Гумилевым в разряд важнейших типологических признаков [14, с. 37–38].

Отмечалась и необходимость уточнения предложенных им этнологических определений. Указывалось на их содержательную узость для описания всего спектра эволюционных преобразований в развитии народов. «Устойчивость и консолидированность», выделенные А.Н. Гумилевым среди прочих характерных признаков этноса, следует учитывать в отборе адекватных анализу конкретизирующих символов, не игнорируя наработок иных категориальных

версий. Наиболее употребляемое в современной науке понятие «этничность» также указывает на устойчивые самобытные особенности того или иного сообщества. По версии В.А. Тишкова, она служит формой «организации культурных различий» [15, с. 230]. Изложенные интерпретации не противоречат друг другу и в равной степени могут выполнять функции несущих классификационных конструкций. Однако для проведения исследования они нуждаются в дополнении другими теоретическими сведениями, позволяющими произвести необходимые разъяснения.

При всей неоднозначности трактовок обобщающей условности «этнос» реалиям Российской империи в наибольшей мере, на мой взгляд, соответствует определение С.М. Широкогорова, сформулированное еще в 1921–1922 гг. в лекционном курсе по этнографии, прочитанном в Дальневосточном университете. В монографиях автора, изданных уже в эмиграции, это определение было расширено. В понимании С.М. Широкогорова под соответствующую классификацию подпадают объединения людей, «говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающихся... от таковых других групп». При этом этнос характеризовался как «целостное явление», с установившимся «равновесием... компонентов» [10, с. 59, 61–64, 66].

Его «динамический эффект», как считал С.М. Широкогоров, выражается и в межэтническом контексте, приспособляемость к которому происходит через разные формы сознания. В такой системе отношений этнос выступает первичной целостностью. В нем ученый выделял и такой немаловажный признак, как «принадлежность к определенной культуре», обеспечивающей сохранность родовых свойств. Становлению этносов присуща противоречивость, в которой сталкиваются разные векторы и аспекты выражения, «совокупность процессуальных состояний». В систематизации С.М. Широкогорова перспектива существования этноса ставится в зависимость от роста численности населения, уровня развития культуры и территории [10, с. 59, 61–64, 66], также способствующей консолидации общностей.

Предпринятый анализ важнейших теоретических наработок позволяет сделать вывод о том, что этничность является показателем формирующегося сообщества или производной величиной от уже сложившегося. Сопутствует ей и особое состояние общности, подпадающее, по мнению исследователей, под определение поля.

В восточнославянском сообществе тем не менее сохранялись дифференцированные ответвления, обладавшие признаками внутренних субэтнических различий. При развитии общерусского интеграционного процесса они не исчезали. По теории А.Н. Гумилева, этническое поле также состоит из «силовых линий», обладающих притягивающим и отталкивающим эффектом [6, с. 179].

Формируется оно не только за счет внутренних факторов, но и подвержено различным внешним воздействиям. Вследствие этого этническое поле ослабевает или обретает устойчивость. В зависимости от обстоятельств оно меняется. Измерение существующих в этничности интегрирующих и дифференцирующих начал воплощается в исторической кодификации. Отражением ее являются язык и самосознание. В них как раз и фиксировались процессуальные состояния этногенеза, существовавшие в прошлом. Какую-либо существовавшую в нем реальность при этом отражает каждое слово, вошедшее в практику общения. Самосознание же является воплощением обобщающего идеологического фона, основывающимся в значительной мере на ретроспективном восприятии. Энергия же этнического поля проявляется в пассионарности [6, с. 180].

Проводя исследования преимущественно только с привлечением этнологических данных, А.Н. Гумилев смог выйти, несомненно, на ряд перспективных концептуальных решений. Однако, подвергая анализу национальные процессы, он с опорой на жесткие марксистско-ленинские схемы, основывавшиеся на европейском опыте, не принимал в расчет переходные состояния. Эти пробелы могут быть восполнены только при помощи этнонациологического подхода, который как научное направление остается пока не освоенным. Такой подход должен объединить данные этнологии и нациологии, что позволит различать специфику этнических и национальных фаз в развитии народов, соответствующие им уровни государственных оформлений, выделить при этом разнообразие переходных состояний, определявших во многом картину не только Европы, но и всего мира. С ними связан и показатель идентичности, также подверженный в зависимости от исторических ситуаций изменению.

Состояние ее определяется осознанной принадлежностью к тому или иному сообществу. Но наряду с устойчивыми («жесткими») вариантами идентичности встречаются неустойчивые состояния, имевшие в этнической эволюции не завершившийся переходный характер. В теории же европейского национализма фикси-

ровались лишь определившиеся итоги. Отто Бауэр, как один из ее основоположников, суть предполагавшихся перемен выразил в следующей формулировке: «Каждая нация должна образовать одно государство! Каждое государство должно состоять только из одной нации!» [2, с. 105].

Между тем особой разновидностью общностей выступают территориальные объединения, которые оказывают воздействие на формирование осознания региональной принадлежности и локальных типов тяготения. Идентичность основывается в том числе на приверженности культуре и религии, языковым нормам, традициям и иным разновидностям образа жизни. Обобщающую роль при этом играют и сложившиеся представления о «едином происхождении» в прошлом. Как установлено современными исследованиями, «важность каждого из признаков идентичности в их системе подвижна, изменчива как от одной группы к другой, так и от одной исторической ситуации к следующей» [1, с. 70–72]. К специфическим состояниям культурной организации относится между тем субэтничность как часть общего звена национальной консолидированности. Отражается она и в особых вариациях исторической кодификации.

Соединение восточнославянского начала с русским в формировании этничности произошло на каком-то более позднем этапе. На это указывает сохраняющаяся двойственность, проявляющаяся в самосознании. До сегментации определение ее нередко сводилось к констатации «мы русские – мы восточные славяне». Такие начала прослеживались и при наметившейся после воссоединения национальной консолидации. Восточнославянское этническое поле оставалось единым, несмотря на появление в период разъединения великорусского, малорусского и белорусского ответвлений. Соответственно исходное воспроизведение процессуального состояния в понятии не должно исключаться из реконструкций, к какому бы периоду они не относились. В противном случае реальность лишится полноты. Определение «восточные славяне» – категория историческая и она должна для ее достижения применяться. Великорусская, малорусская и белорусская субэтничности появились позже. Но и они имели не только отличия, укрепившиеся вследствие разъединения, но и общие аспекты. Преобладание последних воспроизводило самосознание.

Одним из важнейших показателей этнической принадлежности является язык. Каждое употребляемое в нем слово отражает

какой-либо процесс или явление, существовавшее в прошлом. Поэтому в обобщенном виде лингвистический контент выступает в качестве первичного уровня исторической кодификации. Он также служит источником информации и требует во избежание искажений точности ее передачи. Исследованиями «связующие узлы» выявляются и в лингвистическом контенте всех славянских общностей. Но при этом не прослеживается устойчивой этнической солидарности («взаимности») [13, с. 54–55], что свидетельствует о произошедшей сегментации. За счет этого и установились, несмотря на отдаленную обобщенность культуры, национальные различия. Историческая кодификация бывшей этнической общности вследствие этого для славянства обрела аморфные формы и проявляется в зависимости от ситуаций, чаще всего под давлением экстремальных угроз.

Такое осознание наступало, например, в противопоставлении «германскому миру» [13, с. 56]. Но существовавшая когда-то этническая общность вследствие ряда разъединяющих воздействий и в этом случае не избавляется от противоречий. В польской идентичности совместились, к слову, приверженности «католицизму, славянскости и европейскости» [13, с. 56]. В зависимости от обстоятельств эти составляющие обретают то или иное проявление. Родственные же начала существуют во всех славянских языках и культурах [13, с. 57]. Однако за счет их, как показывает опыт, не достигается единство. Различия на первичном уровне исторической кодификации создают для этого и определенные препятствия. Установление солидарной взаимности между тем происходит на уровне другого показателя исторической кодификации, в качестве которого выступает самосознание.

Формированию его способствуют представления о предшествующих этапах развития. На ранних стадиях этнической консолидации они складываются при помощи преданий. Особую роль при их передаче, как уже отмечалось, играл контакт поколений. В дальнейшем такие функции стали выполнять исторические знания. Сегментация славянства была произведена как раз за счет их искажения и формирования представлений о раздельности. Этническое сходство обрело признаки отдаленности. Организации культурных различий за счет экспансии католицизма придаются иные цивилизационные свойства. Со временем различия в славянской среде обрели национальные формы.

Показателями же сохранения субэтнической кодификации являются диалекты (местные говоры, наречия). Они также отража-

ют незавершенность переходных состояний этнической консолидации, для которых характерна видимость «множественной идентичности», отражающейся в особых, имеющих отличия от общего, разновидностях самосознания [16, с. 115]. Связанные с ним представления подвержены изменениям. Контроль за их состоянием [16, с. 116, 123] осуществляется организацией передачи информации о прошлом, оформлением соответствующих оценочных технологий.

Историческая кодификация отображает обладающие устойчивостью разновидности процессуальных состояний, сложившиеся в результате предопределенных обстоятельствами трансформаций этничности. Ее особенности воспроизводятся в языке и самосознании. Являясь частью этничности, они имеют вместе с тем отличия. Для них характерна множественность, не нарушающая единства. По распространенной классификации такие вариации определяются как субэтничности. При национальной консолидации происходит формирование обобщенного кода, в котором воплощается так или иначе траектория развития в прошлом. В соответствии с критерием справедливости она должна учитываться при государственном обустройстве.

Определение форм и параметров учета субэтнической специфики на практике должны опираться на объективные исторические познания. Идеи же как формируют, так и разрушают государства. При этом созидательные выявляются из хода развития в прошлом, деструктивные – вырываются из его контекста. Именно на таких подходах и конструировались теоретические обоснования необходимости разъединения восточнославянского сообщества. Историческая кодификация в ареалах смешанной колонизации на юге Российской империи имела свои особенности. В значительной мере они остаются до сих пор не изученными.

Следует проводить, как показывает опыт исследований, различие между обычными описаниями, концепциями и теориями. В них представляются прежде всего уровни обобщений. Описания содержат, как правило, сюжеты, составленные на основе передачи конкретных срезов действительности. Концепции воплощают результаты систематизаций информации, выдержанных в определенной хронологической и логической последовательности. Отличительным их признаком служит подкрепленность обозначенными выводами, отражающими так или иначе сложившиеся при исследовании представления. Концепции включают в ряде случаев и теоретические положения.

Теории же обладают свойством всеобщности. Они так же, как и концепции, могут приниматься другими или встречать критические возражения. Стандарт теорий обеспечивается интерпретациями, содержащими положения, служащие методологическим критерием. Основываются они на абстракциях, имеющих ту или иную степень соответствия действительности. Но абсолютно верных теорий не существует. Отсутствует иногда и совпадение содержащихся в них заключений с происходящими процессами. Поэтому из теорий можно отбирать для практического использования лишь некоторые отображения, совпадающие с достигающимися результатами исследования. Точки зрения излагаются и при обычных описаниях. Концепции содержат несколько их взаимодополняющих вариантов. Теории препровождаются вместе с тем объяснительными версиями.

Исторические исследования также предоставляют сведения для их конструирования. Вследствие того, что они содержат конкретные данные из источников и предполагают точность передачи сведений, завершаются систематизированными описаниями и в ряде случаев оформлением концепций. Данные же таких форматов могут, безусловно, использоваться и для формулирования теорий. Положения из них в свою очередь заимствуются как для составления исторических описаний, так и концепций. Уровни между собой имеют взаимосвязанность и предполагают использование информативных возможностей друг друга. По показателям научности они равноценны. Различия между описаниями, концепциями и теориями необходимо учитывать, на мой взгляд, и по сущностным свойствам. Содержательные их организации определяются следующими особенностями.

Описания и концепции основываются на исследовании той или иной намеченной проблемы, теории отображают результаты, воплощенные в какой-либо идее. Выступая в качестве критерия, она придает направленность дальнейшим научным поискам. В ходе же их оформления в теорию идея может подтверждаться в иных не учитывавшихся ранее аспектах. Происходят иногда при выявлении противоречий и ее опровержения. Концепциями присущи так же, как и теориям, признаки парадигмы с возможностью использования в качестве образца для осмысления исторических реалий. Отображение субэтнических состояний в разновидностях исторических кодификаций предполагает использование всего спектра исследовательских подходов. Учет такого рода информации как раз и позволит воспроизводить многообразие форм эволюционных преобразений и со-

проводящих их переходных состояний, которые при определенных обстоятельствах способны обретать самостоятельное значение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.В. Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах Юга России) // Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов н/Д, 2014.
2. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. Пер. с англ. М., 2002.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983; Он же. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987 и др.
4. Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.
5. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
6. Гумилев Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. 5-е изд. М., 2012.
7. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994.
8. Козлов В. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография. 1990. № 5.
9. Кореняко В.А. К критике концепции Л.Н. Гумилева // Этнографическое обозрение. 2006. № 3 и др.
10. Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
11. Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3.
12. Лебедева Н.М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.
13. Лескинен М.В. Славянское единство: от лингво-культурной классификации к политической мифологизации // Славяноведение. 2013. № 6.
14. Матвеев В.А. Отечество не только русских... (Размышления о геополитических, историко-цивилизационных и этнонациональных особенностях российской государственности) // Научная мысль Кавказа. 1998. № 1.
15. Тишков В. Новые подходы в теории и практике межэтнических отношений // Советская этнография. 1989. № 5.

16. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

А.С. Ищенко (Новочеркасск)

ВЛАДИМИР МОНОМАХ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Выбор данной темы для конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося советского и российского историка А.П. Пронштейна, не случаен. Жизни Владимира Мономаха была посвящена написанная под руководством академика Б.Д. Грекова студенческая работа будущего ученого. Получив высокую оценку преподавателей МГУ, в котором учился Александр Павлович, она была рекомендована к публикации в «Исторических записках» [10, с. 168]. Остается только сожалеть, что данное исследование так и не увидело свет. Попытки разыскать его рукопись успехом также не увенчались.

Сама постановка подобных тем, связанных с изучением жизни выдающихся героев далекого прошлого, относящихся к тому же к числу представителей «эксплуататорских классов», стала возможной как раз в годы учебы Александра Павловича в Московском университете. Идеология пролетарского интернационализма была во второй половине 1930-х гг. отодвинута на второй план, и произошло, говоря словами Н.В. Тимашева, «Великое отступление» к традиционным общественным и культурным ценностям [1, с. 7, 44]. В результате были «реабилитированы» те князья и цари, которые внесли вклад в создание сильного государства или выступали против внешних врагов. Конечно, они не переставали быть угнетателями и эксплуататорами трудового народа, выразителями интересов феодальных верхов, однако с конца 1930-х гг. на первый план стали выдвигаться их общегосударственные заслуги, а не классовые характеристики.

Пример о том, как следует писать о Владимире Мономахе, подавал Б.Д. Греков, чей авторитет был практически непререкаемым для нескольких поколений советских историков. Он характеризовал Мономаха как человека для своего времени блестяще образованного и деятельного, многоопытного политика, сторонника целостности древнерусского государства и врага той части феодаль-

ной знати, для которой была выгодна политическая раздробленность [4, с. 47; 9, с. 190–193]. При этом, как «реальный политик», Мономах, по оценке Грекова, «не требовал невозможного. Он признал права, завоеванные феодалами, но считал нужным ограничить их в той мере, в какой это необходимо для целостности государства» [4, с. 337, 338, 506]. В итоге, он сумел «задержать процесс феодального раздробления государства», на некоторое время «укрепить власть киевского князя и поставить в вассальную от себя зависимость князей вотчинников» [4, с. 606].

В этом же духе – как о талантливом политике, стремившемся «приостановить процесс распада русских земель», о Владимире Мономахе писал В.В. Мавродин. Признавая, что «феодальный распад Киевского государства был показателем роста производительных сил», он в то же время подчеркивал, что «феодальное раздробление земель ослабляло Русь», способствовало успехам иноземных захватчиков, затрудняло борьбу с половцами [7, с. 233–234]. Поэтому деятельность Владимира Мономаха Мавродин оценивал положительно.

Другой советский историк И. У. Будовниц, развивая мысль Грекова, писал: «Заслуга и величие Владимира Мономаха в том, что он ясно понимал политическую обстановку своего времени и сумел сочетать интересы всей Руси с интересами своей вотчины...», что это «правитель компромиссного склада, всегда стремившийся сглаживать острые углы социальных отношений» [2, с. 58, 68]. В качестве государственного деятеля Владимир Мономах пытался, по мнению Будовница, «провести на практике идею общественного примирения», что нашло отражение в его «Поучении» и «Уставе Владимира Всеволодовича» [3, с. 132, 136, 140–141]. Выделяя ратные заслуги князя и подчеркивая его «огромный военный опыт», историк видел его вклад в военное искусство в том, что «Владимир Мономах становится инициатором, пропагандистом и непосредственным руководителем походов вглубь степей, походов наступательных, имевших в своей основе тактику активной обороны» [2, с. 89]. Эти походы Будовниц причислял к событиям мирового значения.

Несмотря на то, что политическая «реабилитация» Владимира Мономаха произошла еще в довоенный период, первое монографическое исследование о нем увидело свет только после войны. Его автором стал известный специалист по истории древнерусской литературы академик А.С. Орлов, неслучайно значительное внимание уделивший «Поучению» Владимира Мономаха, вопросам его

историко-литературного изучения. Орлов отмечал, что рассматривает этого князя как редко встречающийся в истории «столь величественный и в то же время столь человечный образ». Эти его «свойства», донесенные до нас средневековой книжностью, вызывали в исследователе «бережное отношение и доверие» [8, с. 3]. Свою задачу он видел в том, чтобы освободить образ Владимира Мономаха «от скупого схематизма средневековой книжности и растолковать применительно к новым текущим историко-социальным представлениям». Свои собственные «воззрения на Мономаха» Орлов основывал на «признании его великих заслуг перед Родиной» [8, с. 3]. Поэтому под его пером князь предстает в качестве «распорядителя и хранителя Русской земли», «одного из основоположников русской государственности», умелого писателя и образованного человека [8, с. 15, 66].

Более приземленный образ Владимира Мономаха в своем исследовании о человеке в Древней Руси, его будничной жизни создал Б.А. Романов. Для него Мономах – «кровный сын своего времени» [11, с. 135], он «весь в эпохе феодальной раздробленности» [11, с. 128]. По мнению историка, «его автобиография, советы его “Поучения” – не уникальные, а приспособлены к среднему и типическому, пропитаны компромиссом и бытом». Как пояснял далее Романов, «печать, скорее, добросовестной умеренности и аккуратности как гарантия политической мудрости и хладнокровия лежит на всем облике этого одинаково удачливого князя-труженика и литературно удавшегося самому себе писателя» [11, с. 128]. Заслугу Владимира Мономаха он видел «в развитии, если не в создании феодальной политической идеологии», в том, что он сумел сделать «эту идеологию доступной своему читателю, связать ее с жизненным опытом, запечатлеть ее в образах своего знаменитого “Поучения”» [11, с. 128–129].

Эта мысль о роли Владимира Мономаха в создании феодальной идеологии была подхвачена Д.С. Лихачевым, писавшим о нем как об одном из создателей идеологии, «обосновывающей и оправдывающей совершившееся и совершающееся дробление Руси между отдельными княжествами» и вместе с тем того, кто безуспешно стремился «устранить путем моральной проповеди бедственные последствия этого дробления» [6, с. 148–149]. «Новую политическую систему» Мономах, как пояснял Лихачев, «пытался опереть... на христианскую мораль, на строгое выполнение договорных условий, на совместное решение основных вопросов на кня-

жеских съездах, на взаимное уважение к правам младших и старших» [6, с. 149]. Возражая авторам «Очерков истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.», рассматривавшим Владимира Мономаха, как сторонника единства Руси, противостоявшего ее «законному» феодальному дроблению, Лихачев писал, что его деятельность была своеобразным «балансированием» между дроблением и стремлением к единству. Владимир Мономах, по его оценке, был «выразителем органического единства этих противоречивых тенденций». Его политика не «тянула назад», а была «довольно типична для периода феодальной раздробленности, утверждала новое соотношение сил и стремилась “оздоровить” создавшуюся ситуацию» [5, с. 35–37]. Во Владимире Мономахе Лихачев видел феодального правителя, мудрого политика, обладающего «страстностью политического бойца» [6, с. 148].

Однако далеко не для всех советских историков Владимир Мономах был героем положительным. Против взгляда на него как на «смердолюбца» или даже сторонника компромиссов выступил И.И. Смирнов. «Живые черты личности» этого князя он призывал искать не в рассуждениях летописи и «Поучения» на морально-политические темы, а «там, где речь идет о реальных фактах из жизни Мономаха, о реальных событиях его времени». На фоне таких фактов, например, «феодальных войн» с Всеславом Полоцким, Мономах, по замечанию Смирнова, выглядит «не в роли мудрого охранителя смердов и их сел от набегов половцев, а как предводитель феодального войска, в союзе с половцами сжигающий “землю” смоленских и полоцких смердов» [15, с. 239]. Киевский княжеский стол Мономах, согласно Смирнову, занял «в обстановке острой политической борьбы как ставленник феодальной знати, призвавшей его в Киев для устранения “зла” в лице восставших киевлян и для восстановления “тишины” путем наведения “страха” на народные массы» [15, с. 264]. В своей финансовой политике – принятом после вокняжения Уставе о резах, Владимир Мономах, как он доказывал, не являлся борцом с ростовщичеством, а продолжал и развивал политику, начатую «князем-ростовщиком» Святополком [15, с. 273–280].

Достаточно критически к Владимиру Мономаху относился и М.Н. Тихомиров. Для него он был «крупной политической фигурой на рубеже XI–XII вв., знаменитым полководцем, заслужившим благодарность современников за свои победы над ордами половцев». Однако вместе с тем, как и Смирнов, он видел в нем «вовсе не идеальную фигуру народолюбца, а типичного феодала, защитника ин-

тересов «господствующего класса» [16, с. 131, 144]. Настаивая на этом, Тихомиров даже утверждал, что принятый им «Устав» «фактически... еще более ухудшал положение закупов и холопов» [16, с. 144]. Во многом разделял взгляды Смирнова и Тихомирова на законодательную политику Владимира Мономаха и Л. В. Черепнин [20, с. 236–237].

Выразительная характеристика Владимира Мономаха, как «боярского князя» была дана Б.А. Рыбаковым. По его оценке, он – «отважный и мудрый человек, посвятивший всю свою жизнь большой патриотической задаче – обороне русских городов и сел, жизни простых смердов, их пашен, гумен, скотины» [13, с. 45]. Владимир Мономах для Рыбакова тем и был интересен, что «всю свою неукротимую энергию, ум и несомненный талант полководца употребил на сплочение рассыпавшихся частей Руси и организацию отпора половецким набегам». Обращая внимание на личную заинтересованность князя «в ограждении своих владений от половецкого разорения», историк в то же время признавал, что «объективно его политика наступления на степь была важна для всей Руси» [12, с. 468]. Но Мономах, как замечал Рыбаков, «бывал иногда и жесток», «несомненно, честолюбив и не гнушался никакими средствами для достижения высшей власти..., он был лицемерен и умел демагогически представить свои поступки в выгодном свете, как современникам, так и потомкам» [12, с. 468]. Характеристика сколь выразительная, столь и противоречивая.

Своеобразным «венцом» советской историографии о Владимире Мономахе стала научно-художественная биография князя, вышедшая из-под пера А.Н. Сахарова. Созданный им образ объединил в себе лучшие качества политика, государственного деятеля и полководца – ум, волю, энергию, реализм, решительность. Они уживаются в нем с такими характерными чертами государя и человека той далекой эпохи как честолюбие, властность, жестокость. В сочетании подобных черт преобладают при этом, конечно же, черты положительные. Анализируя политику Владимира Мономаха уже в качестве великого князя, Сахаров изображал его стремящимся восстановить единство Древнерусского государства и социальными реформами установить мир в древнерусском обществе. Выделял он и такую сторону в деятельности князя как стремление к политической консолидации русских княжеств. Подытоживая его пребывание на киевском столе, Сахаров писал: «В эти годы Мономах достиг вершины могущества и славы. Вся Русь была собрана им в единое

и нераздельное целое.... Теперь ежегодно, ежемесячно, ежедневно приносили свои плоды те огромные усилия, тот великий труд, которые вложил Мономах в борьбе за единство Руси, против своевольных, себялюбивых князей, обуздывая распри, которые, смиряя собственную гордыню ради дальних больших целей, ради победы над своим главным врагом – половцами» [14, с. 563, 565]. В отличие от своих предшественников, подчеркивавших роль князя как феодала, Сахаров акцентировал внимание на заслугах князя в деле сохранения единства государства и его защиты от внешних врагов.

Близко к этому взгляду было и мнение П.П. Толочко, который в своей монографии, посвященной общественно-политической жизни Древнерусского государства, характеризовал Владимира Мономаха как «опытнейшего государственного деятеля Руси последней четверти XI – первой четверти XII в.». Особенно в этой связи он выделял время княжения Владимира в Киеве, считая, что именно «на киевском столе в полной мере проявился его незаурядный талант крупного государственного деятеля» [17, с. 101–102]. Подчеркивая государственные заслуги Владимира Мономаха, Сахаров и Толочко, однако, не переставали видеть в нем феодала.

Против взгляда на Владимира Мономаха как феодала выступал И.Я. Фроянов, отрицавший господствовавшие в советской историографии представления о классовой природе древнерусского общества и настаивавший на значительной зависимости князя от народа. Выдвигая тезис о «большой общественной значимости» князя в Древней Руси, Фроянов отмечал, что «наиболее толковые и дельные князья пользовались на Руси особой любовью и уважением. К числу таких любимцев принадлежал Владимир Мономах, стяжавший делами своими добрую славу в памяти народной» [18, с. 42–43]. Киевским князем, по мнению Фроянова, он стал «по воле народного веча, а не по изволению местной знати» [19, с. 296], как это писал, например, Б.А. Рыбаков. В этом народном выборе вместе с А.Ю. Дворниченко, Г.А. Курбатовым и Э.Д. Фроловым Фроянов видел «аналогичное древнегреческой практике сознательное избрание народом социальных посредников для безотлагательного упорядочения гражданских дел» [19, с. 334]. При этом в деятельности Владимира Мономаха на киевском столе указанные авторы усматривали «известное сходство» с деятельностью Солона, афинского гражданина, избранного архонтом [19, с. 334].

Владимир Мономах, таким образом, вызывал значительный интерес советских историков. В условиях господства «единственно

верной методологии» им удалось создать его яркие и запоминающиеся образы не только как феодала, одного из основоположников феодальной идеологии, но и боровшегося за единство Руси мудрого государственного деятеля и полководца, талантливого писателя и популярного в народе политика. Такие различающиеся характеристики князя были обусловлены как различиями в концепциях историков, преследуемых ими целях и задачах исследования, так и самим развитием советской исторической науки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Брандербергер Д. А. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). М., 2017.
2. Будовниц И. У. Владимир Мономах и его военная доктрина // Исторические записки. 1947. № 22. С. 42–100.
3. Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960.
4. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 2006.
5. Лихачев Д. С. К вопросу о политической позиции Владимира Мономаха // Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В. В. Мавродина. Л., 1978. С. 34–37.
6. Лихачев Д. С. Сочинения князя Владимира Мономаха // Лихачев Д. С. Великое наследие. М., 1980. С. 111–131.
7. Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины (с древнейших времен до половины XIV века). СПб., 2002.
8. Орлов А. С. Владимир Мономах. М.; Л., 1946.
9. Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XII вв. Ч. 1. М., 1953.
10. Патракова В. Ф., Черноус В. В. Историк-новатор, гражданин и патриот (профессор Ростовского государственного университета Александр Павлович Пронштейн) // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 167–178.
11. Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. М.; Л., 1966.
12. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
13. Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 34–57.
14. Сахаров А. Н. Владимир Мономах // Каргалов В. В., Сахаров А. Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985.

-
15. Смирнов И. И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963.
 16. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.
 17. Толочко П. П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.
 18. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
 19. Фроянов И. Я., Дворниченко А.Ю. Становление города-государства в Киевской земле // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Город и государство / Под ред. Г. А. Курбатова, Э. Д. Фролова, И. Я. Фроянова. Л., 1986. С. 275–311.
 20. Черепнин Л. В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда // Новосельцев А. П. [и др.] Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.

Н.А. Лагошина (Ростов-на-Дону)

РЕГИСТРАЦИОННЫЕ КНИГИ СУДЕБНЫХ ИННОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ ИРЛАНДСКИХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ЛОНДОН XVIII в.

XVIII век стал вехой в истории ирландской миграции в Лондон. Английская столица, будучи крупным торгово-промышленным центром, привлекала внимание ирландских иммигрантов, так как предоставляла наилучшие возможности для жизни.

В историографии сохраняется устойчивое убеждение в том, что ирландские мигранты в большинстве своем представляли беднейшие слои населения. Однако источники говорят также о жизни ирландских мигрантов, выходцев из средней прослойки общества и привилегированных сословий, прибывающих в Лондон для получения образования и построения карьеры.

Установление численности ирландского населения в Лондоне в XVIII в. затруднено из-за ограниченного количества доступных источников и высокой степени мобильности среди мигрантов. Тем не менее, можно получить приблизительные оценки, используя отчет о численности посетителей Вестминстерской благотворительной лечебницы в 1770-е гг. [3, с. 121], статистические данные из регистрационных книг судебных иннов [24, 25, 26,] и торговых справочников

Лондона [13]. Регистрационные книги судебных иннов Лондона содержат основную информация о них [7].

Доступ к профессиональной деятельности в Ирландии зависел от уровня значимости профессии в обществе. Атторнеи, солиситоры, а также юристы, занимающийся операциями по передаче недвижимости, могли обучаться в Ирландии, но с середины XVI в. те, кто хотел построить карьеру в высших ветвях власти, должны были получить дополнительное образование в Лондоне. Для подтверждения статуса адвоката, ирландский студент должен был отучиться восемь семестров (примерно два года) в одном из четырех судебных иннов Лондона [12, с. 40–48]. По мере того, как ирландские юристы продолжали искать новые пути удержания власти и способы участия в политической жизни страны, произошел резкий рост поступлений ирландцев в судебные инны Лондона, особенно в Миддл Тэмпл. К 1800 г. в четыре судебных инны было принято более 4000 ирландских студентов. Первоначально влияние этого закона было минимальным, так как ставки приема в Ирландии оставались низкими, но к концу XVIII столетия в четырех лондонских иннах учились по меньшей мере 4360 ирландских студентов.

В Ирландии действовала английская правовая система, а ирландское законодательство зависело от Вестминстера, что объединило две страны и создало почву для тесного взаимодействия ирландских и английских юристов и политических деятелей.

В XVIII в. происходит значительный рост поступлений ирландцев в судебные инны. Согласно перечню обучающихся студентов, зарегистрированных в Миддл Темпл, Линкольнс Инн и Грейс-Инн в период с 1585 по 1799 гг. в три инна приняли 3797 ирландских студентов. Студенты из Ирландии составляли небольшую часть от общего числа поступлений в течение XVI–XVII вв., но эта ситуация начала медленно меняться в конце XVII в. и трансформировалась в течение XVIII столетия, когда общее количество английских студентов снизилось, а число ирландских поступлений увеличилось [14, с. 8–57].

Ирландские студенты имели разное происхождение, они прибывали из 13 округов, представляющих четыре провинции Ирландии, но не всегда были такой смешанной группой. С конца XVII в. поступало все больше студентов из Корка (от 22 до 59) и Дублина (от 62 до 154). Эта тенденция усилилась в XVIII в., эпоху становления городских центров в Дублине и Корке. Разделение на север – юг [16, с. 5], наблюдавшееся в первой половине столетия, становилось менее заметным. В период с 1700 по 1749 гг. количество ирландских

студентов увеличилось до 982 по сравнению с 542 зачислений предыдущих пятидесяти лет, количество разных фамилий возросло с 363 до 602. Наибольшее количество поступлений ирландцев в инны приходилось на последние пять десятилетий XVIII в. В течение этого периода в студенческих книгах было зарегистрировано 1685 должностей и 926 разных ирландских фамилий. Благодаря росту крупных городских центров возросло количество поступлений из южных провинций Ирландии. К концу XVIII столетия 44 % всех ирландских студентов прибыло из графств Дублин и Корк. Рост населения стимулировал рост этих городских центров. Как показали историки и демографы, массовое увеличение населения, которое так бесповоротно сформировало ход ирландской истории в XIX в., начинается в XVIII в. [9, с. 601–628].

Право поступления в инны имело ограниченное количество знатных ирландских семей, имевших связи в Лондоне, что делало обучение элитарным. XVIII век сохранил эту традицию. На обучение в Лондон отправлялись дети и внуки знатных ирландских семей, новых английских протестантов, включая пресвитериан, проживавших в Ирландии, и «поселенцев Кромвеля», таких как Каннинги, усиливших свои позиции во второй половине XVII в. [8, с. 6–7]. Двери иннов все больше открывались для ирландских студентов, которые интересовались не только поддержанием связей с Великобританией, но и защитой недавно приобретенной собственности. Среди ирландских учеников были протестанты, католики и новообращенные, которые смогли построить карьеры выдающихся юристов в Лондоне, используя опыт управления делами, связанными с земельной собственностью в Ирландии [17, с. 36–61].

Учиться в Лондон приезжали ирландские студенты, выходцы из привилегированных сословий, а также сыновья эсквайров. Большая часть из них представляла средний класс. 374 специалиста и торговца составляли 14 % от общего числа ирландцев, 357 человек являлись джентльменами, составляющими 13 %. В 1787 г. эсквайры сформировали самую большую группу ирландцев, на которую приходится 67 % от общего числа поступивших студентов. В начале XVIII столетия эсквайры составляли обширную социальную группу, которая была связана с землевладельческой элитой с одной стороны, и средним классом – с другой. Среди эсквайров из высших кругов были такие люди как, например, чрезвычайно богатый Джон Стэкпул, чью смерть в 1771 г. освещал ряд лондонских газет [18].

В некоторых случаях ирландцы самостоятельно именовали себя титулом эсквайра, так как в отличие от пэров, баронетов и рыцарей, чьи титулы являлись награждением, этот статус мог быть не признан в обществе. Некоторые ирландцы, такие как Стратфорд Каннинг, именовали себя «трудящимися эсквайрами».

Поступление в один из иннов, как правило, было уготовано старшему сыну, который был первым на очереди, чтобы стать главой семьи после смерти отца. Получение престижного образования было одним из способов подготовки к этой роли, поскольку студент надеялся установить полезные социальные связи, получить юридические знания и создать основы для прибыльной карьеры.

Сложно определить, каков был средний возраст ирландских студентов, так как регистры не содержат подобной информации. Хью Кармайкл, вероятно, покинул Дублин в середине 1730-х гг., и числился среди студентов Миддл Темпла с 1759 г., но его пример скорее является исключением [1, с. 36]. Большинство ирландских студентов было значительно моложе. Например, Джон Каррен отправился в Лондон в возрасте двадцати трех лет, как и Ричард Шеридан. Эдмунду Берку было двадцать лет, а Генри Граттану – всего семнадцать [21].

Учеба в Лондоне требовала немалой подготовки, и одной из первых вещей, с которыми сталкивалась ирландская семья, был выбор инна. Если студент не планировал войти в Совет барристеров Англии, его единственным обязательством было посещение определенного количества совместных студенческих обедов и выплата необходимых сборов. В XIX в. ирландский адвокат Чарльз Филиппс обратил внимание на «отсутствие образовательной строгости и дисциплины в английских учебных заведениях» [29, с. 31]. После окончания учебы он вернулся в Ирландию. Как указывает посол Маунтни, материальное обеспечение семьи определяло выбор одного из иннов для посещения. Регистрационные книги Миддл Тэмпла показывают, что ирландские студенты держались небольшими группами, так как они имели привычку обедать друг с другом на протяжении всего срока обучения. Те же группы студентов часто путешествовали, вместе арендовали жилье, посещали театры и собирались в одних и тех же кофейнях [29, с. 31].

Ирландцы массово поступали в один из иннов в какой-то период времени, и поступление в Линкольнс-Инн во второй половине XVIII в. было ярким примером этой тенденции [19, с. 227–261; 15, с. 64]. Когда в течение 1790-х гг. количество поступлений в

Линкольнс-Инн резко упало, ирландцы перешли в Грэйс-Инн [23, с. 370–371]. На протяжении большей части XVIII в. главным выбором ирландских студентов был Миддл Тэмпл. К концу XVIII столетия количество поступлений ирландцев в Миддл Тэмпл существенно сократилось, возможно, потому что амбициозные ирландские студенты были включены в офицерский класс британских военных, а Миддл Тэмпл стал рассматриваться как политически небезопасное место, где скрывались радикально мыслящие ученики.

Сложно ответить, сколько всего ирландских студентов обучалось в каждом из иннов, менее известно о том, как работал процесс приема. Самая трудная задача, с которой сталкивался студент, заключалась в том, что его имя должно было быть внесено в книги общества. Как только его имя было включено в список, студент мог начать обучение в любой момент. Поступавший студент даже не должен был присутствовать во время приема, о чем свидетельствует прошение Ричарда Уэлча в Парламент Миддл Темпла в 1754 г.: «в 1749 г. заявитель, второй сын Роберта Уэлча хотел, чтобы имя его старшего и единственного брата Патрика Уэлча было вписано в книги этого общества, и тогда другой ирландский студент нанял дворянина, чтобы внести имя в списки» [1, с. 40]. Иными словами, Ричард Уэлч, проживавший в Килкенни, хотел, чтобы его сына допустили в Миддл Тэмпл и попросил своего старшего брата Патрика, главу семьи с момента смерти его отца, «нанять» кого-то, чтобы ввести имя его сына в регистрационные книги Миддл Тэмпла.

Для обучения в судебных иннах Лондона было необходимо подтверждение финансовой обеспеченности студента. У каждого из них было два поручителя, которые следили за тем, чтобы ученик не исчез, не оплатив за обучение. Как правило, вход в инны определяли связи и взаимоотношения с влиятельными членами иннов, которые, в свою очередь, могли дать рекомендацию студенту [15, с. 115]. Для студентов, которые имели хорошие рекомендации, поручительство не требовалось вообще, либо оно ограничивалось одной подписью в облигации. По большей части подобными привилегиями пользовались только англичане.

Неравные возможности поступления и фаворитизм практиковались в иннах из финансовых побуждений. Иногда ирландские студенты покидали инны, не рассчитавшись с долгами, и взыскание денежных средств было сложной задачей. В протоколах Парламента Миддл Тэмпл в 1676 г. указывалось, что «различные ирландские джентльмены являются должниками общин и нашей страны»

[22]. Столкнувшись с этими препятствиями, администрация иннов решила использовать другой подход. В 1683 г. было изменено ранее существовавшее правило, в соответствии с которым каждый ирландский студент должен был иметь не менее одного английского поручителя. Теперь оба поручителя должны быть англичанами [4, с. 34].

С середины XVIII в. ирландцы выступали в качестве посредников для других ирландцев. Причины этого не ясны, но важно отметить, что инны могли извлечь выгоду, приняв ирландских студентов. Число ирландских студентов, которые становились задолжниками, было значительным, однако большинство из них покрывало расходы, связанные с пребыванием в иннах, в полной мере [15, с. 31–57]. В дополнение к финансовой прибыли, численность студентов также имела значение. Поскольку инны были общественными организациями, число участников повышало их престиж и влияние. Несмотря на то, что некоторые ирландские студенты вызывали проблемы, в Миддл Тэмпл состояли видные общественные деятели из Ирландии, такие как Эдмунд Берк и Генри Граттан.

Чтобы получить престижное юридическое образование, построить успешную карьеру и добиться влияния, ирландцы строили тесные связи на региональном уровне. Стивен Рэдклифф и несколько его товарищей, поступивших в инны с 1749 по 1753 гг., подписывали облигации друг для друга. Количество подписанных облигаций повышало статус и влияние студента. Наличие связей в Лондоне также спасало от социальной изоляции и трудностей интеграции в Лондоне. Благодаря усилиям двух особенно активных студентов, Джона Риджа, который был поручителем четырех студентов, и Ричарда Уэлча, подписавшего семь облигаций, в Миддл Тэмпл в 1753–1755 гг. вошли 11 ирландских учеников [15, с. 150–154].

Ирландский студент, ставший впоследствии влиятельным адвокатом Лондона, Джон Берк подписал несколько облигаций из-за личных и профессиональных мотивов. Берк занимался бизнесом в Лондоне с начала 1720-х гг. и был видным адвокатом, чей офис располагался рядом с Седжент Инн. Как и купцы, небольшое количество ирландских адвокатов подписывали облигации, но Берк, безусловно, был самым заметным из них. С 1747 и 1780 гг. он подписал 11 облигаций для ирландских студентов [6, с. 103–107]. Сегодня Эдмунд Берк является одним из самых узнаваемых ирландских мигрантов, которые оказались в Лондоне в XVIII в. Бесчисленное количество книг и статей, посвященных его жизни и достижениям,

говорит о его высоком положении в обществе [28, с. 102–105]. Как утверждал один автор XIX в., «Берк был видным и патриотичным ирландцем, из тех, на кого равнялись его соотечественники, собравшиеся попытать счастья в Англии. Он был настоящим ирландским покровителем и защитником на саксонской земле» [27, с. 124].

Своим состоянием и положением в обществе Берк во многом был обязан своим старшим ирландским товарищам. Он был частью миграционной сети, созданной ирландцами, состоявшими в Миддл-Тэмпл, и использовал социальные связи в целях достижения влияния и продвижения собственных потребностей. Подобные общественные сети обеспечивали поддержку вновь прибывшим мигрантам, и благодаря комплексу благ, основанных на общих ценностях и доверии, помогали им усилить свои позиции [5, с. 281].

Ирландские студенты, обучавшиеся в иннах Лондона, создавали социальные сети на протяжении всего XVIII столетия. Большое количество объединений мигрантов демонстрирует, что учащиеся, находясь в социально незащищенной среде, воспроизводили различные модели коллективного поведения. В некоторых случаях в основе этих неформальных организаций лежали близкие личные связи и общее происхождение студентов на региональном уровне. Особую роль в развитии этих связей сыграли вторые или совместные поручители [14, с. 50–52]. Дружба с ирландскими студентами приносила выгоду владельцам торговых магазинов, но большую прибыль от общения с ирландцами могли извлекать только управляющие кофеен. Кофейни зависели от постоянных клиентов, и близкие взаимоотношения с управляющим могли быть ключевым фактором обеспечения и увеличения посещаемости общественных заведений [11].

Ирландские студенты-юристы из знатных и средних слоев населения вели привычный образ жизни в английской столице, не испытывая необходимости адаптироваться в новой социальной среде, сохраняя свою ирландскую идентичность, при этом легко используя все преимущества жизни в более развитом обществе. Их положение в обществе и экономическая независимость не предполагала приложения усилий для выживания и приспособления. Да и сама жизнь в Лондоне им не была в новинку.

Этническая идентичность, а также религия, оказывали влияние на поведение ирландских мигрантов средних слоев в Лондоне. Анализ источников привел к переосмыслению положения ирландской диаспоры средних слоев в Лондоне. Мигранты среднего клас-

са успешно преодолевали различия с местными жителями, маскируя свою «инаковость», повторяя модели поведения, привычные для английского общества. Путешествуя, занимаясь бизнесом и сталкиваясь друг с другом в офисах, частных домах и общественных заведениях, они создавали комфортную социальную среду, столь необходимую для личного общения и деловых переговоров. Студенты юридических факультетов, адвокаты или торговцы признавали, что сотрудничество открывает доступ к ограниченным ресурсам. Условия деятельности вынуждали их активно взаимодействовать с англичанами, формируя взаимопроникающие социальные связи. Им приходилось жить и работать самостоятельно, мало взаимодействуя друг с другом. Источники не позволяют нам с уверенностью утверждать о существовании единого сообщества ирландских мигрантов среднего класса в Лондоне XVIII столетия. Привилегированные слои ирландского общества и выходцы из среднего класса проживали достаточно дисперсно.

Несмотря на то, что представители этого слоя мигрантов в большей степени ассимилировались, они, тем не менее, не забывали об ирландских корнях, сохраняя связь с родиной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Bailey C. Irish London: Middle-Class Migration in the Global Eighteenth Century. Liverpool, 2013.
2. Bergin J. The Irish Catholic Interest at the London Inns of Court, 1674–1800 // Eighteenth-Century Ireland. 2009. Vol. 24.
3. Bland R. Midwifery Reports of the Westminster General Dispensary // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. L., 1781. Part II. Vol. LXXI.
4. A Calendar of the Middle Temple Records / Ed. by Hopwood C. L., 1905. Vol. 1.
5. The Correspondence of Edmund Burke / Ed. by Cobban A., Smith R. Cambridge, 1967. Vol. 6.
6. The Correspondence of Edmund Burke / Ed. by Copeland T. Cambridge, 1958. Vol. 1.
7. Calendar of inner temple records, 1750–1800 / Ed. by Roberts R.L., 1936. Vol. 5.
8. The Connolly S. Divided Kingdom: Ireland, 1650–1800. Oxford, 2008.

9. Daultrey S., D. Dickson, O'Grada C. Eighteenth-Century Irish Population: New Speculations from Old Sources // *Journal of Economic History*. Sept. 1981. Vol. 52. No. 3.

10. Inner Temple Admissions Database [Электронный ресурс]. www.innertemple.org.uk/archive/itad/ (Дата обращения: 31.01.2019)

11. Haine W. *The World of the Paris Café: Sociability among the French Working Class, 1789–1914*. Baltimore, 1998. Chapter 5.

12. Kenny C. *King's Inn and the Kingdom of Ireland: The Irish Inns of Court. 1541–1800*. Dublin, 1992.

13. Kent H. *Kent's Directories of Businesses in London*. L., 1759.

14. Lemmings D. *Gentlemen and Barristers, the Inns of Court and the English Bar*. Oxford, 1990.

15. Lemmings D. *Professors of the Law: Barristers and English Legal Culture in the Eighteenth Century*. New York, 2000.

16. Lennon C. *Sixteenth-Century Ireland*. Dublin, 2005.

17. Leys M. *Catholics in England, 1559–1829: A Social History*. L., 1961.

18. *London Evening Post*, 2 May 1771. [Электронный ресурс]. <https://newspaperarchive.com/uk/middlesex/london/london-evening-post/> (Дата обращения: 31.01.2019)

19. Lucas P. A Collective Biography of Students and Barristers of Lincolns Inn, 1680–1804: A Study in the «Aristocratic Resurgence» of the Eighteenth Century // *Journal of Modern History*. Jun. 1974. Vol. 46. No. 2.

20. Mortimer T. *The universal director*. L., 1763. Lowndes T. *London Directory*. 1772, 1778.

21. *Oxford Dictionary of National Biography*, Oxford University Press, 2004. [Электронный ресурс]. <http://www.oxforddnb.com> (Дата обращения: 31.01.2019)

22. Papers Relating to Irish Members // Middle Temple Archives [Электронный ресурс]. <http://www.middletemple.org.uk/library-archive/archive-information-contacts/archive-month> (Дата обращения: 31.01.2019)

23. *The Pension Book of Grays Inn* / Ed. by Fletcher R. L., 1910. Vol. 2.

24. *The Pension Book of Grays Inn, 1569–1800* / Ed. by Fletcher R.L., 1910. [Электронный ресурс]. <https://catalog.hathitrust.org/Record/007698825> (Дата обращения: 31.01.2019)

25. *The Records of the Honourable Society of Lincolns Inny Admissions 1420–1895 and Chapel Registers* / Ed. by Baildon W. L., 1896. Vol. 1.

26. *Register of admissions to the honourable society of the Middle Temple 1501–1781* / Ed. by Macgeagh H. and Sturges H. 3 vols. L., 1949.

27. Shee M. The life of Sir Martin Archer Shee: president of the Royal Academy. L., 1860. Vol. 1.

28. Wecter D. The Missing Years in Edmund Burke's Biography. L., 1938. Vol. 53. No. 4.

29. Recollections of Curran, and some of his contemporaries / Ed. by Phillips C. L., 1822.

К.Ф. Дзамихов (Нальчик)

РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVI-XVIII вв.: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Современное состояние нашего общества позволяет говорить о возникновении острой потребности нового осмысления проблемы образования и развития многонационального Российского государства. Исследование истории взаимоотношений народов, населяющих Россию, установление закономерностей и особенностей их совместного развития в составе одной державы будут положительно влиять на характер сегодняшних национальных отношений в нашем отечестве.

Авторский принцип выборки предмета изучения отражает проблематику самих исторических исследований и связан с содержанием анализируемого исторического процесса и его интерпретаций, поэтому для рассмотрения избраны наиболее значительные в концептуальном отношении труды.

Специальные исследования позволяют выделить в дореволюционной историографии три основных взаимосвязанных направления: правительственное, академическое и общественно-просветительское. Первое направление определяло приоритеты в проблематике, преобладало в количественном плане и выполняло задачи военно-стратегического характера в условиях активной имперской политики на Кавказе.

Становление дореволюционной российской историографии, посвященной вопросам взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией, относится еще к XVIII в. В работах А.И. Манкиева, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, И.Г. Георги и других события русской истории освещаются в тесной связи с историей других народов [23; 31; 18; 11]. Особое внимание они уделили факту сближения

кабардинцев и части западных адыгов с Московским государством в XVI в. А.И. Манкиев и Н.М. Карамзин трактуют политическое взаимодействие и установление официальных взаимоотношений адыгских (черкесских) этнополитических образований с Москвой с 1550-х гг. как стремление пятигорских черкесов вступить в «подданство» и принять «покровительство» со стороны Московского государства. Причину этого процесса объясняют внешней угрозой независимости адыгов со стороны Османской Турции и Крымско-го ханства. Они не используют понятия, обозначающие включение территорий этих народов в состав Русского государства. В трудах русских историков, например П.Г. Буткова, С.М. Броневского [10; 8; 9], а также в обобщающих исследованиях конца XVIII – начала XIX в. учитывался многообразный материал, накопившийся о народах национальных окраин. В справочной литературе и различных словарях XIX в. понятие «покровительство» часто синонимично «заступлению», «защите». Одновременно необходимо отметить, что русская историография, начиная с XVIII в. рассматривает северокавказские народы как вошедшие с XVI в. в орбиту внешнеполитического влияния России. Исторический материал, содержащийся в периодически публикуемых атласах, трудах академических экспедиций в регион, других историко-географических и историко-этнографических исследованиях середины XVIII – начала XIX в. не обозначают территорию проживания народов Северного Кавказа как составную часть Российской империи [3; 27; 13].

В первой половине XIX в. складывается концепция официальной российской историографии, представленной работами военных авторов, обосновывается легитимность присоединения региона к империи силовым путем (И. Бларамберг, В. Потто, Н. Дубровин, Р. Фадеев и др.) [7; 26; 16; 32; 17]. Исследователи, обозначая широкие хронологические рамки с XVI в. по 1860-е гг., основной упор делают на освещение двусторонних взаимоотношений со второй половины XVIII в. до окончания Кавказской войны. В их работах подчеркивается приоритет политических интересов России, в основе которых итоги войн и результаты международных соглашений с Османской Турцией и Персией (Кючук-Кайнарджийский 1774 г., Гюлистанский 1813 г., Андрианопольский 1829 г.). Военные историки трактуют присоединение региона как «естественную необходимость для русского государства» и рассматривают военные действия на Кавказе как конфликты внутри империи (бунты, восстания), требующие подавления. Соответственно

такому подходу вырабатывается и терминология, оправдывающая методы действия русской армии: «приведение к покорности», «усмирение», «утверждение русского владычества» и др. Степени покорности различных народов обозначаются как «мирные», «мнимо покоренные», «немирные» и т.д. Политика России в условиях военных действий на Северном Кавказе преподносится как борьба цивилизаций (православного христианства и ислама), как благородный и цивилизованный шаг по отношению к «варварству» и «дикому» населению края. Материалы и идеи военного нарратива периодически обобщались в различных энциклопедических изданиях. В статьях «Кавказская линия» и «Кавказский край» в «Справочном энциклопедическом словаре» А. Старчевского и К. Крайя (1847 г.) авторы объясняют, что «главное назначение военной линии это система оборонительных сооружений, препятствующих горцам «совершать набеги на плоскость» [30, с. 370–373]. Правда, отдельные авторы, например, военный инженер А. Сорокин (1844 г.), считали военную линию механизмом военного продвижения в деле завоевания региона. Статья освещает взаимоотношения Северного Кавказа с Россией в динамике. Автор раскрывает взаимодействие отдельных народов с Москвой в XVI–XVII вв. как череду принесений присяг, на основе которых эти территории не могут считаться включенными в состав Русского государства. Кардинально изменилась стратегия России на Северном Кавказе со времени присоединения Восточной Грузии к России в начале XIX в. – от оборонительных мер к наступательным. Оно обусловило «прочное утверждение русского владычества в Грузии, и самое ограждение этого края от вторжения горцев с одной стороны, персиян и турков с другой, требовали неизбежного, надежного и по возможности безопасного сообщения, сухим путем, между Кавказской линией и Закавказским краем». Все это позволило, по мнению автора, «рассматривать весь Кавказский край как часть Российской империи, совершенно слитую с остальной массой ее территории. Беспокойные племена состоят теперь внутри государства, окруженные со всех сторон частями края, занятыми русскими войсками и крепостями» [29, с. 373]. Определенный историографический срез позволяет сделать и объемная статья А.П. Карабанова «Кавказские войны», опубликованная в «Военном энциклопедическом лексиконе» (1854 г.) [1]. Автор берет широкие хронологические рамки – от X в. (похода Святослава Игоревича) до экспедиции генерала М.З. Аргутинского-Долгорукова в Дагестан и захвата аула Гергебиль в 1848 г. Значительную часть статьи ав-

тор отводит деятельности генерала А.П. Ермолова, с именем которого связывает усмирение северокавказских горцев и «водворение спокойствия в наших кавказских владениях». Терминология автора полностью повторяет военных историков, писавших в контексте официально-охранительной идеологии: Кавказ – «наши владения»; горцы – «мятежники» или «злоумышленники»; аулы – «непокорные селения» или «убежища хищников», военная операция – «наказание». Таким образом, «Кавказские войны» в понимании А.П. Карабанова, – это усмирение внутригосударственных восстаний и бунтов, а не затяжной внешний военный конфликт. Основная масса историков обозначала в качестве начального рубежа противостояния северокавказских народов Российской империи 1801 г. – дату присоединения Восточной Грузии к России.

О.И. Константинов, редактор газеты «Кавказ», считал рубежом военного присоединения края основание крепости Моздок в 1763 г. [21, с. 51]. По отношению к народам Западного Кавказа известный кавказовед А.П. Берже называл 1829 г., т.е. заключение Андрианопольского договора, «когда мы потребовали от черкес покорности и повиновения, они вздумали отстаивать свою свободу», что привело к началу «кровопролитной войны с закубанцами» [5, с. 281].

Проблема расширения территории Российского государства и включения многочисленных народов концептуально затрагивается в трудах представителей академического направления. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский в своих трудах сформулировали универсальную формулу, которая объясняла расширение Российской империи геополитическими интересами государства за счет приращения территорий и народов, проживающих в Сибири, на Кавказе и Средней Азии. С.М. Соловьев в своей «Истории России» специальное место отвел событиям внешней политики. Хотя тема включения нерусских народов в состав России не была специально выделена, историком приводится интересный материал по русско-адыгским, русско-крымским, русско-османским и русско-ногайским отношениям [28]. В основе трактовки Соловьева истории отдельных народов России в их отношении к истории русского народа лежат его концептуальные положения о содержании русской колонизации – «борьба с азиатами», «борьба леса со степью». Оттесненный на север «стремительным движением азиатских племен» русский народ, побравшись с силами, в свою очередь переходит в наступление. «Наступательное движение на Азию» составляет в этом смысле, по Соловьеву, содержание нового периода русской истории с XVI в. Затра-

гивая «отношение к народам кавказским», Соловьев полагает, что междоусобная борьба горских князей, та опасность, которая исходила от агрессии Крыма, заставили кавказских правителей обратиться с просьбой о «подданстве» к «могущественному» государству и «таким образом незаметно, волею неволею, затягивали Московское государство все далее и далее на Восток, к Кавказу и за него». Такой подход затушевывал и совсем отвергал активность кавказской политики России и ее политические и стратегические цели.

Крупнейший русский историк конца XIX – начала XX в. В.О. Ключевский не подвергал специально изучению тему исторических связей и включения многочисленных народов в состав России. Но его концепция образования Российского государства приобрела характер комплексного исследования различных факторов, и это оказало большое влияние на методологию научных исследований не только его современников в дооктябрьский период, но и на определенную часть советских историков 1920–1930-х гг. Для нашей темы важны взгляды Ключевского о причинах и путях расширения Русского государства. «История России есть история страны, которая колонизируется, область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией» [19, с. 50]. Колонизационные движения, по его мнению, играли профилирующую роль в жизни русского народа. Они его привели в разные регионы, в т.ч. на Кавказ. Завоевания Российского государства объясняются чисто государственными и даже географическими интересами – необходимостью достижения «естественных границ». И суть «восточного вопроса» состоит в том, «чтобы продвинуть территорию государства на юге до естественных ее пределов до морей Черного и Азовского» [20, с. 42]. Для его решения в борьбе с Османской Турцией российское правительство неоднократно использует балканские народы, Грузию и Кабарду [20, с. 43, 47]. Таким образом, по В.О. Ключевскому, Россия пришла в Кавказский регион в поисках своих естественных границ, а когда она встала лицом к лицу с гигантским Кавказским хребтом как естественной границей, то она перешла этот хребет против собственной воли, как это было после этого и в Азии [23, с. 178–179]. Близко к позиции В.О. Ключевского о непреднамеренности процесса присоединения Кавказа к России стоит точка зрения А.П. Берже, который считал, что «всякое движение вперед, всякий шаг далее к югу, к Кавказским горам, вовсе не был исполнением политической программы, преподанной свыше, а вызывался случайными событиями, совершившимися в со-

предельных странах и дипломатия, отстаивая от хода дел, только давала санкцию уже свершившемуся» [5]. В отличие от них, С.С. Эсадзе говорит, что «распространение пределов империи к Черному и Каспийскому морям было естественным стремлением славянского племени к соединению в сильное государство в пределах, указываемых его географическим положением» [34, с. 70].

В работе Н. Грабовского «Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость» [15] политика России на Кавказе, по мнению автора, должна быть последовательной, единой линией общего политического курса, отдаления от которого вызывались бы лишь тактическими соображениями. В очерке признается традиционный характер дружеских русско-кабардинских связей, а военно-политическое сотрудничество сторон раскрывается как противовес захватническим планам Турции и Крыма. Российско-кабардинские отношения в XVI–XVII вв. автор рассматривает как союзнические отношения. Двусторонние взаимоотношения он характеризует как «куначеские» и не считает кабардинцев подданными русского государства. Концепция Н.Ф. Грабовского стоит особняком в русской историографии XIX в. как первая постановка идеи о равноправном союзе для XVI–XVII вв. Касаясь событий XVIII в., в особенности после заключения Кючук-Кайнарджийского договора (1774 г.), Грабовский считает, что российские интересы требуют полного подчинения Кабарды: «Россия, задавшись один раз целью прочно утвердить свое господство на Кавказе, не могла действовать иначе, не во вред своим интересам, и потому существование Кабарды, как независимой страны в нашем соседстве, имевшей влияние на подвластных ей ближайших народов ... не мыслимо было» [15, с. 185]. По Грабовскому, если кабардинцы будут отстаивать свою независимость, их необходимо завоевать, исходя из того, что «дикая и хищническая натура кабардинцев, воспитанная веками в правилах боевой жизни, не признавала деликатных способов обращения» [15, с. 126]. Таким образом, в разных исторических условиях цели и методы политики российского правительства должны были меняться в зависимости от интересов и изменения международной обстановки от союзнических и дружественных до завоевательных. И в этом случае, несмотря на насильственный характер присоединения, автор ставит вопрос о положительных последствиях для Кабарды с точки зрения перспектив ее социально-экономического развития. В статье «Ингуши» этнограф Н.Ф. Грабовский подчеркивал, что главной целью российско-ингушского договора, заключенного 22 авгу-

ста 1810 г. между шестью ингушскими фамилиями и комендантом крепости Владикавказ генералом И.П. Дельпоццо, было не принятие их в «совершенное верноподданническое состояние», а разрыв вассальной зависимости ингушей от кабардинских князей и прекращение уплаты им дани [14, с. 2].

Изменения, происходившие в социально-экономической и политической жизни России во второй половине XIX в. обусловили дальнейшее развитие российского кавказоведения. В этот период произошла окончательная интеграция кавказских народов в состав Российской империи, и последняя естественно, стремилась упрочить там свое положение. Правительство, как и в предыдущий период, поощряло представителей военной и гражданской администрации, а также ученых в деле освещения различных проблем истории Кавказа. На кавказоведческую мысль большое влияние оказал как общий подъем русской исторической науки, так и обогащение документальной базы русского кавказоведения в пореформенный период. Прежде всего, это было связано с деятельностью учрежденной в 1864 г. Кавказской археографической комиссии. С 1866 г. она начала регулярно издавать своды официальных документов, которые извлекались из различных архивов. В качестве источников широко начинают привлекаться работы авторов первой половины XIX в., в которых личные наблюдения зачастую соединялись с исследованиями. Для составления наиболее полной картины исторических и политических связей многочисленных адыгских народностей с Россией многое давали публикации документов, осуществленные П.Г. Бутковым и С.А. Белокуровым [10, 4]. С.А. Белокуров, публикуя документы Посольского приказа, предпослал им обширный исторический очерк русско-кавказских связей с древности до начала XVII в. В нем раскрываются взаимоотношения России, Турции, Крыма и Ирана, вызванные русско-кавказскими связями. Часто эти оценки даются не в контексте стратегических интересов русской внешней политики, а через призму региональных отношений. Так, говоря об обращении к России в 1610 г. ряда дагестанских владельцев, ранее ей враждебных, историк объясняет эту перемену только деятельностью кабардинских князей русской ориентации, не связывая эти события с переломом в ходе ирано-турецкой войны и успехами шаха Аббаса [4, с. 115]. Особое место среди дореволюционных авторов, писавших об истории адыгов и интересующей нас проблеме, следует отвести представителям адыгской национальной историографии: Измаилу Атажукину, Шоре Ног-

мову, Хан-Гирею и Владимиру Кудашеву [2; 25; 33; 22]. Исторические взгляды этих авторов сформировались под непосредственным влиянием русской культуры и соответственно русской науки, что способствовало заимствованию ее передовых достижений. В трактовке исторических событий и явлений указанные историки делают попытки их научного объяснения с помощью рационалистических идей. Центральное место в работах национальных просветителей отведено истории политических взаимоотношений различных адыгских подразделений с соседними народами и Россией в XVI–XVIII вв. Они отмечают важность политической ориентации адыгов в середине XVI в. на Москву, вызванной крымско-османской агрессией; подчеркивают общую заинтересованность двух народов в борьбе с внешними врагами. Эти авторы видели перспективу развития своего этноса только в союзе и дружбе с Российским государством. «Благоразумие наших предков, которых память нам любезна, – говорил в своих речах И. Атажукин, – советовали нам жить под защитой сего великого государства». «Память союза и дружбы с русскими, – отмечает Ш. Ногмов, – сохранилась по настоящее время в нашем народе». Адыгские историки мыслили межфеодальные раздоры и усобицы как один из самых губительных процессов, происходивших в обществе. Поэтому они среди национальных исторических деятелей наиболее значительное место отводили князю Темрюку Идарову, т.к. именно этот князь проводил политику по объединению кабардинцев и адыгов вообще, и, по их мнению, прозорливо определил все выгоды, которые принесет его народу союз с Россией. Оценивая установление и развитие отношений адыгов с Россией, названные авторы особо выделяют борьбу с внешними врагами. Боевое содружество, по их мнению, является одним из важнейших факторов становления союзнических отношений. Разрабатывая историю последующего периода взаимоотношений адыгов с Россией (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.), И. Атажукин, Хан-Гирей и В. Кудашев обосновывают предпочтительность мира и сотрудничества завоевательной политике царизма [22, с. 8]. В условиях XIX в., когда происходило военно-политическое утверждение России на Северном Кавказе и окончательное внедрение общероссийских государственных и гражданских порядков в регионе, названные авторы пытались своими работами практически воздействовать на эти процессы. Не всегда они могли согласовать сложившуюся конкретно-политическую ситуацию в Кабарде и Западной Черкесии с существующим в России государственным режимом

и интересами последней на Кавказе. Например, В.Н. Кудашев впервые в историографии характеризуя русско-кабардинские отношения с середины XVI в. как «добровольное присоединение», не смог четко объяснить их трансформацию в XVIII в.: «Кабарда до сих пор находится на положении полувоенном. В ней царит система военноподданного управления по мере завоевания края» [22, с. VIII–IX]. Говоря о результатах Белградского договора, он с сожалением говорит, что «кабардинцы, давно признавшие себя подданными русского государства, не по своей вине, перестали быть ими» [22, с. 54]. Но при всем этом для нас особую значимость имеет четко сформулированная ими концепция проблемы взаимоотношения России и других северокавказских народов: она может быть решена только в условиях мира, в их неразрывной дружбе и тесном сотрудничестве.

В отличие от названных представителей адыгской историографии, Т. Хаджимуков критически оценивает факт присоединения горцев к России на основании вступления их в российское подданство. «Под этим словом они (т.е. горские народы. – К.Д.) обыкновенно понимали полную зависимость от того или другого суверена, который мог облагать их податью и вообще распоряжаться ими по своему усмотрению, – чего не допускала народная гордость. Даже по отношению к России, когда сила оружия заставляла некоторые племена принимать присягу на подданство, они смотрели на него только как на временное перемирие». Одновременно, автор обращает внимание и на позицию официальных русских властей: «это отлично понимала кавказская администрация, а потому, оставляя присягу, как простую формальность, оно в тоже время в своих донесениях называло своих новых подданных, не подданными, а только «мирными» [24]. В данном случае автор рассматривает проблему взаимоотношений только в контексте XIX в., но он ставит вопрос о разности в понимании «русского подданства» двумя сторонами процесса.

В начале XX в. благодаря исследованиям правоведов обогащается понятийная база, которая могла быть применима к исследованию проблемы взаимоотношений иноязычных народов и их включения в состав России. Особую важность имело исследование В.М. Гессена (1909 г.), посвященное понятию «подданства» в истории России [12]. Он полагал, что для русской истории XVI–XVIII вв. «подданство» ассоциировалось с крещением и принятием православной веры. По мнению Гессена, под «присягой на верность» следует понимать присягу на верность службе, носившей временный

характер, а не принятие российского подданства. В данном случае, анализ взаимоотношений с правовых позиций, позволил исследователю надолго опередить современную ему историографию.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что историография взаимоотношений народов Северного Кавказа и России имеет разные этапы и представляет сложную картину. На протяжении всего периода ее существования она в целом оставалась политизированной, и на каждом этапе во многом на нее влияли актуальные с точки зрения государства идеологические установки, а не исследовательские подходы, выработанные профессиональной исторической наукой. Русское дореволюционное кавказоведение при всем многообразии поднятого фактического материала и введенных в научный оборот документальных источников, а также разработки понятийного аппарата, не смогло однозначно определиться с верхней и нижней хронологическими границами присоединения народов Северного Кавказа с Россией. В качестве определенных рубежей указывались даты заключения международных договоров или ключевые моменты в ходе военных действий русской армии и подавления ими наиболее масштабных движений и восстаний горцев на Восточном или Западном Кавказе (от начала 1700-х до 1870-х гг.). Не были определены основные этапы русско-северокавказских взаимоотношений с середины XVI в. до 1860–1870-х гг. и определена их специфика. Основная масса исследований была посвящена описанию военных действий Российской империи на Кавказе и в сопредельных странах, которые способствовали реализации геополитических интересов России, в т.ч. обеспечив фактическое присоединение кавказских народов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. А.П.К. Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон в 14 томах. СПб., 1854. Т. 6. С. 601–653.
2. Атажукин Из. Краткое описание жителей горских черкес; Записка о жителях Кавказа. Большой и Малой Кабарды // Дзамихов К.Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 72–102.
3. Атлас российский, состоящий из девятнадцати специальных карт представляющих Всероссийскую Империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям с приложенною при том Генеральною картою Великия сия Империи. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1745.

4. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеч. из Моск. глав. архива М-ва иностр. дел. М., 1889. Вып. 1. 584 с.

5. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 год. Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1857. 534 с.

6. Берже А.П. Присоединение Грузии к России // Русская старина. Май 1880. Т. 11–28. 160 с.

7. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / Пер. И.М. Назаровой. Нальчик: Эль-фа, 1999. 406 с.

8. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х ч. М., 1823. 352 с.

9. Броневский С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доньине. СПб.: Центр «Петербург. востоковедение», 1996. 232 с.

10. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г. В 3-х частях. СПб., 1869.

11. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей: [в 4 ч.]. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1799.

12. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. СПб.: Тип. Правда, 1909. 448 с.

13. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб.: Императорская Академия наук, 1809. 384 с.

14. Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Кавказское горское управление, 1876. Вып. 9. 452 с.

15. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Кавказское горское управление, 1876. Вып. 9. 452 с.

16. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. СПб., 1871–1888.

17. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность: начало XIX – начало XX вв. СПб.: Звезда, 2005. 720 с.

18. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. СПб.: В тип. Н. Греча, 1816–1829. Т. 1–12.

19. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.

-
20. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. 476 с.
21. Константинов О. Путеводитель по Черномории, Кавказскому и Закавказскому краю, от Тамани до Тифлиса и потом до Кутаиса, Эривани, Шемахи, Дербента // Кавказский календарь на 1851 год. Тифлис: Гл. упр. Кавказ. наместника, 1850. 556 с.
22. Кудашев Н.В. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев: Типо-литография «С.В. Кульженко», 1913. 283 с.
23. Манкиев А.И. Ядро Российской истории в пользу русского юношества и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих. 3-е изд. М: Универ. типограф., 1799. 472 с.
24. Народы Западного Кавказа: (По неизданным запискам природного бжедуга князя Хаджимукова) // Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. XXX. С. 1–50.
25. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа / Подготовка текста Т.Х. Кумыкова. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
26. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994.
27. Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества империю разделяющий. СПб.: гравир. и печат. при Горном училище, 1792. 6 с. 44 л. карт.
28. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. М.: Соцэкгиз, 1960. Кн. 3: Т. 5–6. 815 с.
29. Сорокин А.Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. СПб.: Тип. К. Крайя, 1844. 105 с.
30. Справочный энциклопедический словарь в 12 т. / Ред. А. Старчевский. СПб.: Тип. К. Крайя, 1847. Т. 5. 496 с.
31. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. 464 с.
32. Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2005. 640 с.
33. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1992. 342 с.
34. Эсадзе С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. Тифлис: тип. Канцелярии наместника е. и. в. на Кавказе, 1913. 71 с.

КНЯЗЬ М.М. ЩЕРБАТОВ КАК ПОМЕЩИК И ДУШЕВЛАДЕЛЕЦ

В центре внимания научных исследований А.П. Пронштейна были вопросы социальной истории, положение разных классов русского общества. Князь М.М. Щербатов как один из выдающихся представителей дворянства екатерининской эпохи известен многими своими работами, в которых содержится критика нравов, утопические идеи государственного устройства, размышления на тему роли и статуса дворянской аристократии, а также своим историческим трудом [15]. А.П. Пронштейн признавал высокий уровень образования М.М. Щербатова, стремление к критическому осмыслению используемых при написании «Истории» исторических источников, а также делал акцент на том, что князь «подходил к созданию своей «Истории» с рационалистических и прагматических позиций» [7, с. 108]. Занимая высокие посты и должности, М.М. Щербатов видел изнутри современную ему историческую действительность со всеми ее недостатками и пороками. Необходимо отметить, что в современной историографии наметилась тенденция к его идеализации, которая имеет известные основания для этого. Между тем документы вотчинного архива М.М. Щербатова свидетельствуют о нем как о крепостнике и душевладельце. На это обращали внимание многие отечественные историки. Так, В.О. Ключевский, заложивший традицию негативной характеристики князя, отмечал, что М.М. Щербатов «развивал историческую и политическую теорию дворянского сословия», согласно которой существует «монополия чести и благородства, а также крепостного душевладения», и что на нее имеют право только «настоящие дворяне», «позади которых стоят ряды славными рядами предков» [5, с. 96]. Г.В. Плеханов подчеркивал противоречивость взглядов М.М. Щербатова. С одной стороны, он противник деспотического правления, а с другой – «Щербатов выступал убежденным сторонником крепостного права» [6, с. 220]. Но при этом Г.В. Плеханов усматривал, что «крепостнические убеждения не мешали Щербатову... по-своему желать добра народу» [6, с. 217]. Для советского историка В.И. Астахова, М.М. Щербатов – «откровенный защитник крепостничества и ярый противник не только освободительных чаяний крестьянства, но и даже самых осторожных либеральных начинаний среди дворянства» [1, с. 220].

М.М. Щербатов получил характеристику ярого крепостника и от М.Т. Белявского. По его мнению, князь «рисовал идиллическую картину отношений между русскими крестьянами и помещиками» [2, с. 298]. «Последовательным крепостником» характеризует М.М. Щербатова и Е.И. Индова, который, как она отмечает, «пытался вместе с тем опереться на зажиточную верхушку деревни, разрешая отход, занятие ремеслом, промыслами и торговлей, что фактически способствовало подрыву того же крепостнического режима» [3, с. 434]. Хозяйственную деятельность М.М. Щербатова исследовал И.А. Федосов на основе архивных документов и публицистических произведений князя.

В своих публицистических произведениях, несмотря на высокий уровень образования и увлечение европейскими идеями, М.М. Щербатов выступает в качестве помещика и крепостника. Признавая некоторые положительные моменты от отмены крепостного права, князь все же настаивает на его сохранении: «Нет, нет, я бегу далеко от сих мыслей, и что бы ни говорил естественный закон, оставим лучше крестьян в России в том состоянии, в котором они пребывают в течение нескольких столетий» [14, с. 43].

В Уложенной комиссии М.М. Щербатов обращал внимание на вопрос о правах сибирских дворян, утверждая, что не унаследованное от предков, а приобретенное дворянство не должно передаваться по наследству. Относительно причин побегов крепостных крестьян от помещиков он, в ответ на речь депутата Коробьина, видевшего решение в ограничении власти помещиков над крестьянами и в возможности дать последним некоторую собственность, отвечал: «Не буду я тщиться оправдывать бесчеловечных помещиков, которые сверх силы и возможности на крестьян своих налоги полагают, ибо, имея в омерзении всякую суровость и нападение, порок во всяком состоянии людей не меньше мерзок почитаю» [13, с. 487]. М.М. Щербатов не оправдывал помещиков, обращающихся подобным образом со своими крестьянами, но, в то же время, в ответ на обвинения в вышеуказанных причинах говорил: «Я мню, что редкий помещик, имеющий за собою не малое число душ, возможно сказать, чтоб несколько беглых не имел, то все ли такие побеготы от неправосудия и, так мню, чтобы он и сам господин депутат на добродетельнейший корпус дворянства, каковой есть во вселенной, возмог хулу такую возложить. И если то так, та должно искать других причин». И М.М. Щербатов их нашел: во-первых, это различное плодородие почвы, толкающее на поиск более плодородной, во-

вторых, рекрутские наборы, а также «обленчивость и худые нравы самих крестьян» [13, с. 487].

Выступление М.М. Щербатова относительно освобожденных деревень, в которых можно проследить идеи отмены крепостного права, доказывает, что освобождение крестьян может принести один только вред, «ведь свободная деревня будет вызывать исключительно чувство зависти в соседние несвободные деревни, а это вызовет волнения и недовольства, которые неблагоприятно сказываются» [2, с. 247].

Документы РГАДА (фонд 1289 «Щербатовы»), относящиеся к личной переписке князя М.М. Щербатова с управляющими поместьями, позволяют взглянуть на князя в качестве крупного помещика и душевладельца. В основном, это документы по Ярославским селам, а также переписка с управляющими Ростовской и Романовской вотчинами. М.М. Щербатов состоял в переписке с приказчиком Ярославских вотчин Осипом Зверевым, с бурмистрами Дмитрием Куренковым, Петром Ивановым и Михаилом Матвеевым, а также со смотрителем фабрики Федором Дорофеевым. Совершенно очевидно, что само хозяйство и хозяйственная деятельность М.М. Щербатова как вотчинника имела ряд наиболее существенных экономических признаков феодальной системы. Так, вотчинное хозяйство, судя по письмам и распоряжениям князя, было многоотраслевым, что типично для натурального хозяйства эпохи феодализма.

Основными темами переписки стали инструкции о сборе и учете распределения оброка, оброчных и подушных денег, барщины, контроль работы мельниц, расширение мельничного хозяйства. Немаловажен вопрос о сборе рекрутов и рекрутских денег, который встречается в инструкциях и распоряжениях в 1758, 1762, 1767, 1771, 1772, 1774, 1777 гг. С 1761 г. поднимаются вопросы сбора хлеба, холста, рыбной ловли, работы конского завода.

Особого внимания заслуживает полотняная фабрика М.М. Щербатова. В 1761 г. появляются инструкции князя о работе на полотняной фабрике, исходя из которых можно проследить процесс тканья скатертей, а также снабжение всем необходимым – посылка ткацких инструментов в Ярославские вотчины, продажа полотна и распоряжение о расширении производства в 1767 г. [8].

В хозяйственной переписке имеется и обратная связь управляющих поместьями с М.М. Щербатовым, в числе которых донесения старосты Ростовской вотчины села Воскресенского (1762),

приложение списка крестьян по Ярославским вотчинам от 1772 г. во исполнение распоряжения князя о переписи крестьян от 1771 г., всевозможные отписки о сборе пряжи и другие документы по крестьянам. Среди документов переписки есть материалы, характеризующие М.М. Щербатова как душевладельца. Это, например, распоряжение М.М. Щербатова о переселении в Сибирь крестьян и дворовых, которые по состоянию здоровья или старости больше не могут исполнять свои обязанности [12, л. 2 об.]. По трем доношениям в Ярославскую провинциальную канцелярию, М.М. Щербатов распорядился сослать в Сибирь нескольких своих крестьян разных лет. Причиной послужило то, что эти крестьяне «чинили немалыя пьянства и озорничества» [12, л. 2 об.]. Тем самым признавалось полное право вотчинника в отношении крестьян и обязанность государственного органа, в данном случае канцелярии, оказывать ему в этом поддержку. Между тем, однако, нет оснований также полностью отрицать вину крестьян и видеть в этих ссылках только произвол вотчинника, который, несомненно, имел место.

Хозяйственная деятельность М.М. Щербатова как вотчинника-крепостника и предпринимателя, которая раскрывается в документах из его личного архива, позволяет более конкретно понять его взгляды на крепостное право, на то, что он был решительным противником крестьянской вольности.

Материалы переписки позволяют проследить характер взаимоотношений М.М. Щербатова с его управляющими и стиль руководства вотчинным хозяйством. Так, в инструкции князя о сборе оброка в деревне Павлово Галицкой вотчины от 5 ноября 1758 г. речь идет о недостатке в 199 рублей 43 копейки, которую в строгой форме предписано закрыть крестьянам: «... всю их скотину и даже до одежды и до дамовъ продавать, чтоб скорее деньгами оными исправились и о том такая огурщики, которыя сами на себя толикую сумму недоимок накопили, и никакой жалости не достойны» [9, л. 1].

В письме М.М. Щербатова в ярославские вотчины от 1 августа 1761 г. содержится распоряжение провести наказание крестьян, нарушивших предписания по сбору оброка: «И за то, что они на положенной срокъ с своею братьею не заплатили, учинить имъ наказание батоги нещадно, дабы впредь, какъ они, такъ и другие, смотря на сие наказание, делать такъ не отваживались» [11, л. 9].

Несмотря на столь жесткое отношение к крестьянам, в тексте инструкции на имя Осипа Зверева от 1758 г. упоминается разбирательство по причине челобитных на старосту села Михайловско-

го, отправившего на работу к дьякону без ведома князя крестьян. М.М. Щербатов в случае доказательства вины старосты приказывал «доправить с него 5 ал[тын] штраф, и жестоко за оное пред миром наказат» [10, л. 8 об.].

В письме к Осипу Звереву от 19 сентября 1771 г. князь дает наставления относительно мер предосторожности с целью не допустить эпидемии чумы, зафиксированной в Москве в 1771 г., на его землях. Среди них были следующие: обязательное проветривание изб крестьян, обработка помещений можжевельником и дегтем, запрет на употребление алкоголя и соленого, введение мер обработки вещей и самих крестьян, пришедших из Москвы, и в случае заболевания одного из крестьян всем покинуть деревню без вещей, уйти в лес, а дома сжечь. Примечателен факт отношения М.М. Щербатова к неминуемым расходам при подобном стечении обстоятельств: «В случае убытков за сожжение домов и разломания, я обязуюсь им с моей стороны зделать помогу в строении оных и в самых моих доходах упущение. Того ради повелеваю тебе им объявить, что я икромя власти помещечей, которой повелеваю, яко желатель их благоденствия...» [4, с. 131].

Последующая переписка от 15 декабря 1771 г. дает нам информацию о том, что меры, предлагаемые князем, оказались эффективными, и проникновение чумы на территории поместий не было зафиксировано. М.М. Щербатов вводит запрет на посещение церквей в соседних деревнях «все сие для того, дабы с зараженными людьми оне сообщения не имели и в самых моих селах в церкви посторонних людей отнюдь не пускать» [4, с. 137].

Таким образом, взглядам и деятельности М.М. Щербатова присуща неоднозначность и противоречивость, которая выражалась в параллельном существовании идей привилегий родовитого дворянства и идей просветителей XVIII в., содержащих в себе стремление к установлению в обществе социальной справедливости и защиты прав и свобод всех людей. В историографии сложился образ М.М. Щербатова как крепостника и помещика, подтверждаемый его выступлениями в Уложенной комиссии и документами по хозяйственной деятельности. Сохранение крепостного права, по его мнению, является залогом стабильности в России. Личная переписка с управляющими поместий показывает М.М. Щербатова как помещика и душевладельца, применяющего наказания в отношении крепостных крестьян, но в то же время, наряду с помещичьим са-

мовольством, разбирающегося в крестьянских жалобах и заботящегося об устройстве их жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Часть первая (до середины XIX века). Харьков, 1959.
2. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. Пугачева. М.: Изд-во МГУ, 1965.
3. Индова Е.И. Инструкция князя М.М. Щербатова приказчикам его Ярославских вотчин (1758 г. с добавлениями к ней по 1762 г.) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1965.
4. Калинина С.Г. Переписка князя М. М. Щербатова. М.: Древлехранилище, 2011.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5 // Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. М., 1958. Т. 5.
6. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Ч. 3 // Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Л.: Госиздат, 1925. Т. 21.
7. Пронштейн А.П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов-н/Д.: Изд-во РГУ, 1989.
8. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1289 (князей Щербатовых).
9. РГАДА. Ф. 1289 (князей Щербатовых). Оп. 1. Д. 310.
10. РГАДА. Ф. 1289 (князей Щербатовых). Оп. 1. Д. 312.
11. РГАДА. Ф. 1289 (князей Щербатовых). Оп. 1. Д. 359.
12. РГАДА. Ф. 1289. Оп.1. Д. 457.
13. Сборник императорского русского исторического общества. Т. 32. СПб., 1881.
14. Щербатов М.М. Записка по крестьянскому вопросу // Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
15. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1–7. СПб. 1770-1791.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОСТОВА-НА-ДОНУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XXI вв.)

Историография истории Ростова-на-Дону имеет более чем 200-летнюю историю, пережила сложные времена и иногда напоминала исторический детектив с исчезновением тех или иных трудов и их обретением спустя десятилетия. В литературе по истории города значатся десятки имен ее авторов, для многих из которых «ростововедение» стало в прямом смысле слова делом жизни.

Первый библиографический указатель работ о Ростове-на-Дону, составленный в начале XX века М.Б. Краснянским, включал более 100 работ, в том числе 12 специально посвященных истории города и несколько десятков статей, в которых, по словам составителя, о Ростове упоминалось «между прочим» [1]. Первым историком Ростова-на-Дону М.Б. Краснянский назвал А.А. Скальковского (1808–1898). В 1846 г. этот историк работал в городском архиве с документами 1749–1840 гг., которые позже были утрачены, и написал исторический очерк «Ростов на Дону» в котором была яркая характеристика уездного города в 1840-х гг. Очерк был опубликован в журнале МВД за 1847 г. (СПб.) и был хорошо известен в последующем. В 1866 г. вышел еще один труд А.А. Скальковского, связанный с Ростовом-на-Дону, опубликованный отдельной книгой: «Ростов-на-Дону и торговля Азовского моря» (Одесса, 1866). Но вопрос о первом историографе города был пересмотрен в 1918 г., когда краевед А.П. Стефанов (1868–1934) опубликовал книгу «Ростов на Дону 150 лет назад». В предисловии к ней он пояснил, что это труд А.И. Ригельмана, рукопись которого хранилась в его семейном архиве в имении Андреевка Черниговской губернии. «Имя А.И. Ригельмана. – писал краевед, – знакомо русской исторической литературе: в 1847 г. известным профессором О.О. Бодянским были изданы два исторических труда А.И. Ригельмана: «История о донских казаках» и «Летописное повествование о Малой России» [2]. В предисловии О.О. Бодянского было глухо сказано, что в семейном архиве Ригельманов еще остался ряд рукописей, содержание которые относится к тем местностям, где протекала служебная деятельность А.И. Ригельмана. «Это навело на мысль о бумагах, имеющих отношение к строительству крепости Св. Дмитрия Ростовского, в котором участвовал А.И. Ригельман. Догадка оправдалась.

В архиве был обнаружен труд «Ведомость и географическое описание крепости Св. Дмитрия Ростовского...» – первый по времени написания труда о городе (1768)». «Ведомость...» представляет собой ответы на анкету, разработанную по инициативе М.В. Ломоносова Академией наук и разосланную на места. После публикации данного труда в 1918 г. звание и первого историографа Ростова-на-Дону было закреплено за А.И. Ригельманом.

В 1884 г. городской глава А.М. Байков по свидетельству М.Б. Краснянского объявил конкурс на лучшее сочинение об истории города среди самих ростовцев. Работы нужно было представить до 1 октября 1886 г. в специально созданную комиссию. Главную премию конкурса получила работа уроженца Нахичевани-на-Дону присяжного поверенного Г.Х. Чалхушьяна (1861–1939). Однако возникла дискуссия об особом внимании автора к армянской теме и в результате, несмотря на присуждение лауреатства, работа тогда не была опубликована. В 1893–1894 гг. Г.Х. Чалхушьяну удалось опубликовать 14 глав работы в газете «Юг», но полный текст монографии исчез. Спустя десятилетия он был обнаружен в одном из частных собраний и к 250-летию города почти полностью был опубликован в краеведческом альманахе «Донской временник» [3].

Указанная работа, как и другие сочинения конкурса, создавалась в период административного выхода Ростова-на-Дону из состава Екатеринославской губернии и включения ее в состав Области войска Донского, поэтому, по сути дела подвела итоги предшествующего развития. Все авторы, писали свои работы по предложенному плану, начиная с древней истории Подонья. История города была разделена на два периода – старый и новый Ростов, границу между ними составила эпоха буржуазных реформ, вошедшая в историю города как «эпоха Байкова», (по имени городского главы того времени). Такая периодизация истории была воспринята ростовскими краеведами.

В 1897 г. исполнялось 100 лет со времени учреждения Ростовского уезда в составе Новороссийской губернии, а в 1909 г. – 160 лет со времени основания Ростова-на-Дону. В связи с этими юбилейными датами в Ростове вышли в свет работы И.А. Кузнецова «Прошлое Ростова. Очерки по истории Ростова-на-Дону» и А.М. Ильина «История города Ростова на Дону. Очерк». Книга И.А. Кузнецова была первым многотиражным изданием по истории города (5 тыс. экз.) Как бывший делопроизводитель городской управы М.А. Кузнецов был хорошо знаком с документами управы и широко их исполь-

зовал при написании данной работы, освещавшей период от древней истории Дона и Приазовья до 1887 г. Подробно и всесторонне был раскрыт этап подготовки и проведения буржуазных реформ, а именно: население города и его состав, состояние экономики и финансов, здравоохранения, народного образования, сферы культуры. Впервые специальная глава была посвящена характеристике городских глав Ростова. Автор особо выделял А.М. Байкова как недюжинного человека с кипучей энергией, которая дала «правильную постановку» всем сферам городской жизни. Источниковую базу работы А.М. Ильина составили исторические документы городского архива. Автор ставил цель «разбудить в местном обществе» интерес к истории города и, по его словам, старался не наводнять страницы книги статистическими выкладками. Являясь знатоком археологии города, А.М. Ильин особое внимание уделял древней и средневековой предистории города. Дореформенный Ростов, как и его предшественники, он характеризовал как «старый Ростов» и высоко оценивал реформаторскую деятельность А.М. Байкова на посту городского главы. Будучи учителем городских гимназий и горячим поборником просвещения А.М. Ильин подробно рассмотрел историю развития в городе народного образования, начиная от первого приходского училища 1810 г. Специально был выделен вопрос о городском музее, инициатором создания которого он был сам. Несомненной заслугой А.М. Ильина было расширение хронологических рамок освещения истории города на два десятилетия, включая учреждение в 1905 г. Ростово-Нахичеванского градоначальства. Книга М.В. Ильина завершила серию работ монографического плана вышедших в досоветский период.

В конце XIX в. – начале XX века о городе был написан ряд статей, включая статьи в энциклопедических словарях Брокгауза и Эфрона (т.27) и братьев Гранат (т. 36). Получили распространение справочные издания - ежегодник «Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону» и др. Главным событием краеведческой жизни Ростова-на-Дону до революции было создание группой энтузиастов Ростовского-на-Дону «Общества истории Древностей и Природы». Менее чем за 10 лет общество представило два тома «Записок общества...», ставших по мнению историков ценнейшими источником по истории города [4]. На их страницах были опубликованы вновь обнаруженные документы, статьи, рецензии, библиографические обзоры литературы и периодики. Основными авторами Записок были А.М. Ильин, М.Б. Краснянский, А.Т. Стефанов, С.Г. Сватиков. Члены общества

готовили издание 3-го тома, но революционный 1917 год изменил эти планы.

В наступившие непростые времена общественных перемен интерес к краеведению не угас. 1 мая 1918 г. был открыт Археологический институт (частный), продолжалось издание краеведческой литературы (в 1918 г. опубликован труд А.И. Ригельмана о крепости Дм. Ростовского), продолжал работать городской музей. В 1922 году после закрытия Археологического института группа его профессоров во главе с бывшим ректором Я.И. Яцимирским учредило «Общество археологии и истории искусств». Не имея средств на крупные проекты, Общество занималось организацией открытых обсуждений докладов по проблемам археологии Дона и Приазовья, истории Ростова-на-Дону. Докладчики были краеведы А.М. Ильин, М.Б. Краснянский, А.Т. Стефанов, П.Н. Филевский, профессора университета Н.П. Благунов, И.П. Козловский, А.П. Любич и др. Они стремились вовлечь в Общество студентов университета, среди которых был Г.А. Иноземцев (декан истфака РГУ в 1955–1957 гг.). На рубеже 1920–1930-х гг. краеведение, как чуждый советской системе «осколок прошлого», стало одной из жертв сталинских репрессий («дело краеведов»). Были проведены высылки ряда краеведов из Ростова в другие места жительства, изъятия краеведческой литературы из открытого доступа в библиотеках [5].

В обстановке гонений на историко-культурное краеведение ведущие позиции в изучении региональной истории заняли «Испарты» – научно-исторические организации партийно-советского типа, работавшие в 1920–1939-х гг., и занимавшиеся собиранием, хранением, систематизацией документов, изданием материалов по истории правящей партии и «октябрьского переворота». Деятели Донского и Северо-Кавказского исппартов Н. Толмачев, А. Лиманский, Е. Полуян-Верецкая, С. Васильченко, С. Сырцов, Н. Янчевский, А. Френкель и др., не занимаясь специально историей города, в то же время осветили ряд сюжетов о прошлом Ростова-на-Дону в годы революции и гражданской войны [6].

В послевоенные годы начался новый этап развития краеведения. К 200-летию юбилею Ростова-на-Дону в 1949 г. вышел прекрасно изданный обобщающий труд об истории города Г.Н. Захарьянца, Г.А. Иноземцева, П.В. Семернина [7]. 5 глав из 9, освещавших прошлое Ростова, начиная с истории низовий Дона в древности и вплоть до конца XIX века, а также глава об истории города в годы Великой Отечественной войны, были написаны архео-

логом, Героем Советского Союза Г.А. Иноземцевым [8]. При характеристике прошлого Ростова он широко использовал работы дворянских историков, включая зарубежных, ростовских краеведов, что выходило за рамки историографии сталинского времени. Главы о революционном движении, гражданской войне, нэпе, индустриализации, о послевоенной пятилетке были написаны старым большевиком Г.Н. Захарьянцем и бывшим истпартовцем, профессором РГУ П.В. Семерным. Монография отразила влияние требований сталинской концепции отечественной истории, что проявилось в постановке революции 1917 г. в качестве «водораздела» в истории города, в общей недооценке дореволюционного этапа развития, в игнорировании роли ряда деятелей. Вместе с тем монография стала ярким историографическим фактом, сохраняющим значение в настоящее время. В этой работе впервые в обобщенном виде была представлена новейшая история города в контексте истории всего донского региона в первой половине XX века.

Важнейший импульс развитию историографии истории Ростова-на-Дону и всего донского регионоведения как отрасли исторического знания, дала фундаментальная монография выдающегося ученого А.П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке». Вслед за ней вышел цикл коллективных монографий и учебных пособий по истории Дона, созданных учеными истфака РГУ [9]. Ростовский областной музей краеведения издавал, начиная с конца 1950-х гг., сборники трудов, в которых раскрывались аспекты истории Ростова-на-Дону. В свет вышли научно-популярные брошюры и статьи по этой проблематике, путеводители и т.п. И.М. Гегузина, Я.А. Ребайна, С.Д. Швецова, Ю.К. Кириенко, Г.В. Чеботарева, П.Г. Чернопницкого и др. авторов.

230-летие Ростова-на-Дону было отмечено выходом юбилейной работы «Ростов-на-Дону. Исторические очерки», начинавшиеся разделом «Из далекого прошлого нашего города» и доводившие изложение событий до конца 1970-х гг. Авторы монографии, выдержавшей 2 издания, ростовские ученые-историки В.А. Золотов, Ю.И. Серый, В.С. Панченко, Е.И. Демешина, А.И. Козлов, И.С. Маркусенко, Д.И. Дубонос, журналисты Б.Б. Агуренко, С.Д. Швецов и др. расширили исследовательское пространство историографии города, ввели в научный оборот ряд новых архивных и статистических источников. Следует отметить, что наблюдавшиеся в 1970-е гг. консервативные тенденции затруднили авторам и монографии анализ некоторых проблем новейшей истории города. К полувековому юби-

лею области была издана работа «Города и районы Ростовской области». Автор раздела о Ростове-на-Дону С.И. Куликов сделал акцент на достижениях и перспективах развития донской столицы.

Начало постсоветского этапа истории городского краеведения было отмечено выходом энциклопедии «города России» включавшей статьи о Ростове-на-Дону (М., 1994). В региональной литературе наблюдался всплеск интереса к истории города в связи со свободой выбора тем освещения, расширения доступа к источникам, ликвидацией «фигур умолчания». Развернулось переиздание трудов по истории города дореволюционных авторов, ранее исключенных по разным причинам из широкого оборота, написаны жизнеописания А.И. Ригельмана, А.М. Ильина, Г.Х. Чалхуяна [10]. Современные авторы продолжили изучение истории дореволюционного Ростова. Г.Н. Беленький, М.А. Вдовин, В.В. Украинцев разрабатывали вопросы истории основания города и происхождения его названия, Л.Ф. Волошинова, В.В. Смирнов, В.Н. Лобжанидзе и Г.Ф. Лаптев, П.В. Есаулов и В.А. Черницына, Л.И. Усачева – вопросы формирования архитектурного облика города; Е.И. Маховский – историю его культовых сооружений, утраченных и сохранившихся. Наряду с тематическими трудами, большое распространение получили публикации, написанные по принципу «исторической мозаики», то есть состоящие из разноплановых сюжетов. Слабым местом таких работ являются отсутствие в них ссылок на документы, архивы и литературу, что затрудняет их использование в научных целях (см. например, интересную работу В.В. Вареника «Ростов и ростовцы» в двух выпусках).

Большое внимание уделяется теме «Ростов-на-Дону в период Великой Отечественной войны». В последние годы усилиями Н.И. Бусленко В.В. Смирнова, В.А. Афанасенко, Е.Ф. Кринко были разработаны сюжеты о двух оккупациях города и боях за город в 1941–1943 гг. [11]. Ростов-на-Дону пережил трагедию Змиевской балки, в которой летом 1942 г. было уничтожено около 30 тыс. человек, в основном граждан еврейской национальности. (См. работы Е. Мовшовича, Е. Волошиновой и др.). Продолжается изучение дискуссионного вопроса о коллаборационизме в период войны части советских граждан. С.И. Дробязко и С.А. Кислицын считают, что несмотря на имевшиеся факты такого рода, большинство населения города и области было советским [12].

В поле зрения исследователей находились вопросы хозяйственного развития города, его транспортной системы (Г. Беленький,

М. Вдовин, В. Портыгченко). В этой группе работ выделяются фундаментальные издания о крупнейшем машиностроительном предприятии города и страны – Ростсельмаше [13].

Отличительной чертой постсоветской историографии города является ее персонификация, в частности большой интерес к личностям тех граждан, кто в разное время оставил большой след в истории города. До революции это «городские головы», купцы и промышленники, революционеры полководцы гражданской войны, защитники города при его защите в годы Великой Отечественной войны, политики, ученые и деятели культуры [14]. Развивается направление изучения культуры и образования [15]. Большой комплекс эмпирических новелл, раскрывающих различные аспекты истории города публикуется на страницах краеведческого альманаха-ежегодника «Донской временник», издаваемый Донской государственной публичной библиотекой с 1992 г. Вокруг альманаха сгруппировалось воссозданное Ростовское областное краеведческое общество «Донской краевед». В.С. Сидоров, В.В. Смирнов, Г.М. Багдыков издали серию работ по истории Ростова и Нахичевани, в том числе труды энциклопедического характера [16].

В силу ростовоцентричного характера донского региона история Ростова-на-Дону и особенно формируемой сегодня ростовской агломерации (Ростов-Азов-Аксай-Батайск) занимает важное, по сути центральное место, в общих работах по истории Ростовской области [17]. Газета «Вечерний Ростов» сделала городское краеведение одним из основных направлений своей деятельности.

В современных условиях все возрастающую роль в развитии историографии истории города Ростова-на-Дону стали играть информационные ресурсы сети Интернет. Можно выделить в первую очередь исследовательские сайты, которые содержат электронные аналоги исторических источников (<http://ростовгород.рф>) базы данных и каталоги библиотек (Донской государственной публичной библиотеки), путеводители по архивным фондам (ЦХДНИРО, ГАРО. «Донские архивы». Виртуальный архив Ростовской области <http://donarch.ru>), классические научные публикации (Relga: научно-культурологический журнал. [Ростов-на-Дону]; материалы электронных энциклопедий (<https://ru.wikipedia.org/wiki/>) Ростовский словарь (<http://rslovar.com>).

Таким образом, историография Ростова-на-Дону насчитывает три основных этапа развития, она стала вполне самостоятельным направлением исторического исследования. Сегодня назрела необ-

ходимость создания новой полноформатной работы по истории города, предполагающей использование достижений предшествующих историков и краеведов, анализ «перестроечного» и постсоветского этапов развития, привлечение широкого круга новых источников и современных информационных ресурсов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Краснянский М.Б. Историческая литература о Ростове-на-Дону. Опыт библиографии местной истории // Записки Ростовского-на-Дону Общества истории. Древностей и Природы Т.1. Ростов н/Д., 1912.
2. Ригельман А.И. Ростов-на-Дону 150 лет назад. Ростов н/Д., 2013. С. 4–5.
3. Хазизов В.С. Историческая записка о городе Ростове-на-Дону Григория Чалхушьяна // Донской временник, 1999.
4. Маркедонов С.М. Кладезь знаний о Доне. Записки Ростовского-на-Дону Общества Истории Древностей и Природы [Электронный ресурс]. // Донской временник. 2004. [сайт]. URL: <http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m4/3/>
5. Ростов-на-Дону глазами историков / Сост.: И. Г. Кислицына, С.А. Кислицын. Ростов н/Д., Ростовкнига, 2015.
6. Толмачев Н. Ростовский рабочий в революции 1905 г. Ростов н/Д., 1925; Пролетарская революция на Дону. Ростов н/Д., 1922–1924. Вып. 1–4; и др.
7. Иноземцев Г.А. К 200-летию со дня основания города. Ростов н/Д., 1949; Захарьянц Г.Н., Иноземцев Г.А., Семернин П.В. Ростов-на-Дону 1749–1949 гг. Ростов н/Д., 1949.
8. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Воин, археолог, декан Г.А. Иноземцев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2015, №.2.
9. История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов н/Д., 1965; История Дона с древнейших времен до наших дней. Ростов н/Д., 1967; История Дона с древнейших времен до падения крепостного права. Ростов н/Д., 1973; История Дона. Эпоха капитализма. Ростов н/Д., 1974.
10. Аваков П.А. Труды Александра Ивановича Ригельмана // Человек второго плана в истории. Вып. 1. Ростов н/Д, 2006; Волошинова Л.Ф. Он знал и любил Ростов. Г.Х. Чалхушьян // Донской временник. 2004; Коневская Т.И. А.М. Ильин и его роль в создании городского музея и археологических исследований на Дону // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 11. Ростов н/Д., 2004.

11. Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. 56-я армия в боях за Ростов. Первая победа Красной армии. Октябрь-декабрь 1941. М., 2013; Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943). Ростов н/Д. 2016. Бусленко Н.И. На ростовских рубежах: немецкие письма сорок первого года. Ростов н/Д., 2005; Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой отечественной войне. 1941–1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д. 2010. Смирнов В.В. Ростов под сенью свастики. Ростов н/Д., 2006.

12. Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2009; Кислицын С.А. Указ и пашка. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. М., 2013.

13. Перехов Я.А., Венков А.В., Трут В.П., Стариков Н.В., Рыжкова Н.В. Ростсельмаш: История. В 3-х тт. / Под общ. ред. Ю.А. Пескова / Отв. ред. М. Узнародов. Ростов-н/Д., 2006; Ростсельмашу – 85. Историческая повесть Ростов н/Д., 2014 и др.

14. Багдыков Г.М. Ростовские портреты. Ростов н/Д., 2016; Бибигов Ю.А. Имена героев на карте города Ростова-на-Дону. Ростов н/Д., 2009; Бусленко Н.И. Ростовское купечество. Ростов н/Д., 1994; Венков А.В., Стариков Н.А. И.А. Бондаренко. Жизнь и судьба. Ростов н/Д., 2010; Волошинова Л.Ф. Чехов и Ростов-на-Дону. Ростов н/Д., 2004; Пошашев Ф.И. Град Ростов и его голова Леванидов. Ростов н/Д., 2004; Кислицын С.А. «Борцы идеи....» Семен Васильченко и Михаил Жаков о донской революции и контрреволюции. Ростов н/Д., 2015; Кислицын С.А. Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым Ильенковым.... М., 2014; Кислицын С.А. Председатель Совнаркома советской России Сергей Сырцов. М., 2013 (второе изд.) Ростов н/Д., 2009; Мининков Н.А. Николай Леонардович Янчевский: историк, писатель, революционер. Ростов н/Д., 2007; Смирнов В.В. Мир Сергея Королькова. Время. Судьба. Творчество. Ростов н/Д., 2009; Ростов н/Д., 2015; Историки Ростовского университета. Сборник биографических очерков. Сост. Н.А. Казакова и С.А. Кислицын. Ростов н/Д., 2017.

15. Редьков Н.Н., Беленький Г.Л., Лисицына Л.П. Культура южной столицы. История и современность. Ростов-на-Дону. 2008; Кислицына И.Г. Донское просвещение. (История, события, люди. Середина XVI в. – 20 гг. XX в.). Ростов н/Д., 2009

16. Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. (ТТ. 1–5. Ростов н/Д. 1994); Смирнов В. В. Летопись Ростова-на-Дону. Хронологическая энциклопедия города: события, картины и цифры. Ростов н/Д., 2012; Ростов-на-Дону. Страницы истории. 1749–2009.

Ростов н/Д., 2009; Донская энциклопедия. Персоналии, населенные пункты. Составитель М.П. Астапенко. ТТ. 1–2. Ростов н/Д., 2015.

17. Ростовская область. 70 лет созидания. Ростов н/Д., 2007; Кислицын С.А., Кислицына И.Г. История Ростовской области (от Земли войска Донского до наших дней) Ростов н/Д., 2012; Мальных К. Г. История Донского края. Ростов н/Д., 2012.

О.Н. Шевцова (Ростов-на-Дону)

ВЕРБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС «ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА» Н.А. ПОЛЕВОГО

На протяжении второй половины 20-х гг. XIX в. в ответ на появление «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина был создан ряд исторических сочинений, некоторые из которых, как, например, «Древняя русская история до монгольского ига» М.П. Погодина, поддерживали точку зрения великого историографа, другие же, как, например, «История русского народа» Н.А. Полевого, пытались провести в жизнь альтернативную по отношению к «Истории государства Российского» идею, ставившую в центр исследовательского внимания историка не государство, а общество, народ. Полевой не выступал в качестве консерватора, но был сторонником реформирования России сверху. Не в меньшей степени отличия между двумя историками выступали по отношению к Н.М. Карамзину, когда Полевой отмечал отсутствие в труде историографа «духа народного», который заменялся изложением «истории государей» [7, с. 74].

Что касается языка исторического труда Н.А. Полевого, то следует учитывать воздействие общих предпосылок в развитии научной историографии. Здесь сказывались условия, когда закладывались основы позитивизма с его твердым представлением о научности истории, который как направление философии истории формируется во второй трети XIX в.

Это предполагало наличие в труде терминологии, характерной для представления о научном познании того времени. Несомненно, задумывая свой труд как альтернативу «Истории государства Российского», Полевой стремился придать ему подчеркнуто научный характер. Он использовал терминологию, на основе которой стро-

ился анализ социально-политической системы русского общества и государства на самых ранних стадиях его развития. Так, стремясь подчеркнуть ошибочность мнения о факте призвания новгородцами варягов на княжение как о прямом свидетельстве завершения создания государства у славян, историк указывал: *«Большая ошибка будет, если мы вообразим себе начало этого нового государства началом гражданского порядка, стройного гражданского общества: если мы по нынешним понятиям нашим составим себе понятие о бытии предков наших за девять столетий»* [3, с. 22].

В этом предложении мы видим термины, характерные для становления политических и социальных наук, которое имело место в условиях 20-х гг. XIX в., предшествовавших возникновению позитивизма. Эпоха, породившая восстание декабристов, когда Полевым создавалась «История русского народа», отличалась повышенным вниманием к политической и социальной проблематике, которое сочеталось со значительным интересом к истории. Сама необходимость понимания прошлого, объяснения событий и исторических явлений предполагала обращение к вопросам социальной и политической теории. С другой стороны, понимание сущности социально-политических процессов было возможно только в условиях опоры на полноценный исторический материал. Так, исследователь истории восстания декабристов М.В. Нечкина обращала внимание на то, что для одного из видных идеологов декабристов, П.И. Пестеля, понимание идей труда Ж. Сисмонди «Практические начала политической экономии» означало уяснение связи между экономической теорией выдающегося швейцарского и французского мыслителя и некоторыми историческими событиями. Такими событиями были, с точки зрения Пестеля, восстание рабов в Риме и недавнее восстание 1808 г. на Гаити против французской власти [1, с. 116–117]. Но социальной и политической литературой интересовались не только декабристы. Известно, что Евгений Онегин, по словам А.С. Пушкина, «читал Адама Смита». Поэтому он «был глубокий эконо́м» и «умел судить о том, Как государство богатеет, И чем живет, и почему Не нужно золота ему, Когда простой продукт имеет» [4, с. 10].

Следовательно, интерес к политической и социальной проблематике в русском обществе времени декабристов и Евгения Онегина имел место. В приведенном Полевым предложении такой интерес отражен в упоминании «*гражданского порядка*» и «*гражданского общества*». В этих оборотах прилагательное «гражданского» относи-

лось к политическим и социальным наукам. Сочетания этого прилагательного с существительными «*порядка*» и «*общества*», также относящимися к кругу этих развивавшихся в то время дисциплин, позволяло Полевому заявить о связи своего произведения с современным уровнем научного социального и политического знания. Но поскольку в тексте Полевого данное прилагательное встречается неоднократно, то употребление его свидетельствует не просто о желании историка стоять на научном уровне своего времени. Оно являлось наглядным показателем современности исторического мышления историка, умения его связывать историческую мысль, относившуюся к далекому русскому прошлому, с развивавшейся исторической и социально-политической наукой его времени. Так, например, об этом свидетельствуют рассуждения Полевого по поводу отношения княгини Ольги к христианству. «*Ум Ольги мог постигнуть величие христианской веры, мог понять и важность ее в гражданском быту общества, как учения, смягчающего нравы*» [3, с. 38], – писал историк. Упоминание в данном предложении оборота «*в гражданском быту*» свидетельствовало о постановке Полевым истории принятия Русью христианства в контекст социальной истории, которую он стремился противопоставить карамзинской истории государства, и о способности его найти для этого удачное вербальное оформление.

Отражением развития научной мысли этого времени, относившейся к анализу государственного и политического устройства разных стран, явилось использование Полевым понятия о политической системе. Название восьмой главы пятой части «Истории русского народа» – «*Торжество Иоанновой политической системы*» [3, с. 421] – подчеркивает общие политические успехи Ивана III в деле объединения русских земель и ликвидации власти Орды над русскими землями.

Еще одним свидетельством стремления Полевого придать своему историческому труду черты современного научного исследования является указание на «*основной тип различия действий Запада и Востока*» [3, с. 71]. Оно явилось итогом авторских рассуждений по поводу различий между Западом и Востоком в положении общества, государства и церкви. Употребление существительного «*тип*» свидетельствовало о стремлении Полевого учитывать результаты такой научно-исследовательской операции, как типологизация, которая составляет разновидность более широкого понятия – классификации. В переживавшей период своего становления социальной науке типологизация и классификация материала яв-

лялась существенной частью исследования. Не в меньшей степени стремление Полевого к научности выразилось в использовании слов «различия действий». В самом деле, они в полной мере соответствовали складывавшимся представлениям о предмете научного познания. Так, для культуры эпохи романтизма в самом деле был характерен взгляд на историческое познание как на познание индивидуального. Для формировавшейся социальной науки процесс познания был направлен на установление социальных закономерностей, но с учетом особенностей типов культуры Запада и Востока, на которые указывал Полевой.

Упоминание Полевым «гражданского порядка», «гражданского общества», указание на *тип различия действий* свидетельствует о стремлении ученого опереться в своем теоретическом поиске на такие термины науки, которые в литературе по науковедению определяются как базисные [5, с. 97–101], на основании которых строится более конкретная научная терминология.

Концентрация терминологии, относящейся к общему анализу социальной структуры русского общества, наблюдается при описании второй половины XI в. «Деление народных сословий на аристократов, духовенство и народ после Ярослава существовало уже решительно в Руси» [3, с. 82], – отмечал Полевой. Элемент социального анализа того времени проявился в упоминании «народных сословий». К тому времени представление о сословиях существовало не только в социальной науке. После Жалованных грамот Екатерины II 1785 г. дворянству и городам, отмены сословного разделения общества во Франции в ходе революции понятие о сословиях вошло в политическую практику и в общественную мысль России. Это делало предложение не только вполне научным, но и доступным для читателя.

Еще одно понятие, которое пришло в историческую науку из общественно-политических дискуссий по поводу характера общественного строя на протяжении разных этапов русской истории, был феодализм [6, с. 5–7]. В наличии феодального строя в ранне-средневековой Руси Полевой не сомневался. «Мог ли варяг понимать благодать другого правления, кроме феодального? Мог ли великий князь русский не делить областей сыновьям, чтобы затушить через то феодализм?» [3, с. 87], – задавал он читателю риторические вопросы.

Таким образом, понятийный словарь труда Полевого «История русского народа» свидетельствовал о стремлении автора стоять на уровне исторической и социальной науки своего времени. Вместе с

тем особенностью творческой личности Полевого была его религиозность. Дело было, однако, не просто в религиозности этого историка. Известно, что религиозность была характерна для целого ряда отечественных историков второй половины XIX – начала XX вв. Однако свою религиозность они не приносили, во всяком случае, открыто и напрямую, в содержание своих исследований. Что касается Полевого, то он допустил проникновение религиозной стороны своей личности в свой научный труд. Отсюда не случайно наличие в этом труде религиозной терминологии, имеющей смыслообразующее значение. Так, обосновывая цель своего исторического труда, Полевой указывал, что в результате исследования русского прошлого «мы увидим, каким путем вело провидение к величию и славе этот народ, избранный для великих дел и событий» [3, с. 23]. В этой фразе нагрузку религиозного смысла несли два слова: «*провидение*» и «*избранный*». В первом подразумевался бог, во втором – библейская идея богоизбранного народа, ветхозаветная по происхождению, но которую после принятия христианства примеряли к себе разные национальные культуры Европы. Для русской культуры это отмечено еще с глубокого средневековья, со времени полемического сочинения середины XI в. «Слово о законе и благодати» Илариона. Эта же идея оказалась востребованной почти через восемьсот лет. Проявилось это в труде историка, заявлявшего о своем стремлении учитывать основы научного знания своей эпохи. Эти важнейшие термины, выражавшие идею религиозного понимания русской истории, подкреплялись оборотами, которые еще более утверждали мысль о провидении как о движущей силе русской истории и о богоизбранности русского народа. Слова, сопровождавшие слово «*провидение*» – «*VELO... к величию и славе этот народ*», и слово «*избранный*» – «*для великих дел и событий*», позволили Полевому создать яркий образ России и ее народа, находящихся под покровительством высших сил. Они способствовали подведению под русскую историю средневековой, провиденциалистской основы. Независимо от творческого замысла и воли историка в этом заключалось противоречие между провиденциализмом и позитивизмом в «Истории русского народа», признанием следования страны по пути божественного предначертания и стремлением к социальному анализу в духе социально-исторической мысли нового времени.

Помимо соединения в рамках одного исторического сочинения научной и богословской терминологии, позитивистских и религиозных идей, в «Истории русского народа» имел место такой автор-

ский прием, как использование в одном предложении серии деепричастий. Так, это заметно в оценке историком деятельности киевских князей конца X – первой половины XI вв. Владимира и Ярослава. *«Строя церковь, убивая поганых, украшая иконы, ходя к службе божией, постясь, читая легенды и святые книги, он полагал, что исполняет обязанность христианина»* [3, с. 86], – писал Полевой. В данном отрывке сосредоточено несколько деепричастных оборотов. Но и в гораздо более частных случаях, когда в предложении присутствует один деепричастный оборот, он также имеет большое значение. Так, говоря о политике великого князя московского Ивана III по отношению к Казанскому ханству, Полевой отмечал: *«не унывая при стольких неудачах, Иоанн унижал силу Казани»* [3, с. 403]. Фраза с деепричастием содержала мысль о решительности и упорстве казанской политики великого князя московского. Еще один пример одиночного использования в предложении деепричастного оборота связан с характеристикой крымской политики Ивана III. *«Но дружески сносясь с Менгли-Гиреем, Иоанн думал о другом»* [3, с. 411], – писал историк. В этом отрывке предложения заключена мысль о многосторонности внешней политики Ивана III, о том, что она не замыкалась на дружеских связях и сотрудничестве с крымским ханом. Использование деепричастий позволяло Полевому показать сложность и динамику исторического процесса, который развивался в русской истории, и, по существу, сделать репрезентацию отечественной истории более интересной и привлекательной для читателя.

Задуманный как отрицание итогов карамзинского видения русской истории, этот труд Полевого, как и некоторые другие его труды, не вышел вместе с тем до конца из рамок культурной и историографической традиции, заданной автором. В частности, относится это к такому признаку изложения истории по Н.М. Карамзину, как наличие ярко выраженного литературного начала. Заметно это в оценке им общих результатов политики на Руси Владимира Мономаха. *«Но Мономах не заметил, что семена раздора и гибели рассеяны были им повсюду»* [3, с. 107], – указывал Полевой. В данном предложении историком использована метафора *«семена раздора и гибели»*. В результате Полевому удалось создать свой образ Владимира Мономаха, несколько иной по сравнению с идеализированным образом этого великого князя, сложившимся к тому времени в отечественной историографии. Использовал Полевой и другое средство выразительности, характерное для художественной литературы, –

эпитет. Так, говоря о великом князе киевском Всеволоде Черном, княжившим в Киеве на рубеже XII–XIII вв., он писал: «Главою Ольговичей был уже тогда Всеволод Рыжий (Чермный – О.Ш.), сын Святослава Всеволодовича, ничтожный, подобно отцу, но более его жестокосердый и бессовестный» [3, с. 174]. Серия эпитетов также создавала яркий образ этого известного князя. Еще один набор экспрессивных эпитетов относится к событию начала XV в. Ими характеризовался смоленский князь Юрий Святославич. По словам Полевого, Юрий «скоро обесславил себя безумным следствием страсти неистовой», когда убил своего друга, вяземского князя Симеона, и «хотел употребить насилие против его супруги» [3, с. 355]. Эпитеты «безумным» и «неистовой» не только содержат исключительно резкую оценку действий смоленского князя Юрия, но и хорошо запоминаются читателю.

Употребление Полевым метафор и эпитетов придает тексту «Истории русского народа» черты художественного произведения и сближают его с текстом карамзинской «Истории государства Российского». Но черты литературной образности проявляются еще более заметно в небольшом историческом произведении Полевого, которое было посвящено взятию в 1637 г. донскими казаками турецкого Азова. В нем сказывались черты романтического восприятия прошлого донского казачества, что было характерно для культуры романтизма в целом и что особенно относилось к прошлому казачества, принявшего активное участие в войне против Наполеона и ставшего благодаря славе о своих подвигах в этой войне известным по всей Европе. Черты романтизации донской казачьей истории находили проявление в языке труда Полевого о взятии Войском Донским Азова.

Как отмечал Полевой, появлению казачества на Дону и его воинскому образу жизни способствовала сама обстановка, сложившаяся к тому времени на территории их расселения. Эта обстановка «надолго оставила весь юг полному разгулу удальцов, отовсюду собиравшихся грабить и убивать». Такая обстановка определяла характер казачества. «Дружина удальцов», – так определял его Полевой. В то же время историк обращал внимание на склонность казаков к грабегам и разбоям. «Сброд Руских, Татар, Черкесов и переселенцов из других Казацких ватаг» [2, ч. 13, с. 291], – таков был состав донского казачества. В этих характеристиках имелись некоторые противоречия. Заклучались они в противопоставлении характеристик с положительным смыслом, таким, как «Дружина удаль-

цов», призванной подчеркнуть храбрость и боевую доблесть казачества, и *«Сброд... ватаг»*, имевшей негативный смысл и указывавшей на казаков как на разбойников и грабителей. Но такая антитеза позволила Полевому довести мысль о неоднозначности, противоречивости социальной природы казачества. Также проявилось умелое использование Полевым эпитетов. Говоря о союзниках донских казаков, запорожцах, он указывал, что в осаде Азова приняла участие *«самая буйная молодежь Запорожцов»* [2, ч. 14, с. 26], которая явилась на Дон. Вступившего в 1640 г. на османский престол султана Ибрагима I, при котором в 1641 г. турки осаждали Азов, историк характеризовал как *«безобразного, слабоумного»* [2, ч. 14, с. 35] правителя. О настроениях осажденных в Азове казаков он говорил, будто бы они понимали, что им предстоит *«подвиг необыкновенный»* [2, ч. 14, с. 36]. Эти яркие эпитеты должны были оказать глубокое воздействие на читателя.

Вместе с тем сам Полевой глубоко осознавал, что исторический труд должен отличаться от литературного произведения. *«История не Поэзия: она говорит что было, что передают ей современники»* [2, ч. 14, с. 38], – указывал он. Поэтому небольшое исследование Полевого об азовской эпопее донских казаков имеет черты настоящего научного труда, в частности, в нем содержится терминология. Так, например, историк передает содержание источников, в которых выражается действие или процесс. Не удивительно отсюда наличие большого количества глаголов, благодаря которым становятся понятными действия казаков, турок и других сил или лиц, относящихся к изучаемому явлению. Он писал, что казаки *«выступили»* к Азову, а запорожцы *«соединились»* с ними. Чтобы не допустить помощи туркам, казаки *«заперли вход с моря»*, а для разведки *«отрядили сторожевые отряды к стороне Тамани и Крыма»*. Во фрагменте о событиях на Дону накануне взятия Азова, относившимся к русскому и турецкому послам Чирикову и Кантакузину, Полевой писал, что *«Чириков спорил, Кантакузин хитрил»* [2, ч. 14, с. 27]. Полевой умело подбирал яркий вербальный материал, соответствовавший источникам. Набор экспрессивных лексем позволил Полевому представить картину истребления азовцев, покидавших взятый казаками город. По его словам, когда *«покрылось поле бегущими Азовцами, на десять верст улеглись трупы их; целый день продолжалось убийство»* [2, ч. 14, с. 30] бежавших турок.

В текстах исторических трудов Полевого имеет место сочетание терминологии, характерной для научных исследований и для

художественного восприятия истории. В том, что касается литературного оформления своих исторических трудов, Полевой проявил себя умелым беллетристом, способным увлечь читателя. В работах присутствует яркая образность, экспрессивность, использование метафор и эпитетов, живость повествования достигается наличием значительного количества глаголов. Что касается фрагментов текста, носящих строго научный характер, то лексика их основана на позитивистском научном мышлении историка. В лексике Полевого присутствует большое количество слов, относящихся к раскрытию содержащегося в источниках фактического материала. Благодаря своим литературным качествам тексты Полевого могли восприниматься не только историками. В то же время лексика трудов этих авторов соответствовала общему уровню развития исторической науки первой половины XIX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Нечкина М.В. Восстание декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1.
2. Полевой Н.А. Завоевание Азова в 1637 г. // Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. М., 1827.
3. Полевой Н.А. История русского народа. М.: Вече, 2008.
4. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. М.: Художественная литература. Т. 4.
5. Ракитов А.И. Курс лекций по логике науки. М.: Высшая школа, 1971.
6. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003.
7. Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ САТИРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Значимость пространственных региональных особенностей вовлеченности масс в политический процесс определила необходимость изучения локальных выборов в Государственную думу Российской империи на местах. Визуальные образы, используемые политическими силами на выборах в Государственную думу Российской империи, явились мощным инструментом в деле пропаганды и популяризации партийных идей и программ. В карикатурах находила свое освящение острая идейная борьба политических оппонентов.

Обращение историков к теме визуализации политической жизни России в начале XX в. и особенно сатирической графики – явление само по себе не частое, как правило, адресное [4; 25], а изучению конкретных исторических периодов сквозь зеркало визуальных источников посвящены единичные труды [1, с. 20–28; 7; 15; 18, с. 57–194].

Представляется важным проследить, как осуществлялась визуализация выборов в государственную думу Российской империи в Области войска Донского с помощью сатирической графики в печати, визуального посредника, способствующего передаче политического меседжа. Предвыборная борьба политических партий на Дону в российский парламент находит свое отражение в произведениях визуальной сатиры. Периодическая печать показывает, как такое направление визуальной политической коммуникации как политическая карикатура, адаптировалась к нуждам политического символического обмена.

Политическая карикатура – это одновременно и художественное произведение, и оружие политической борьбы, и «зеркало современности», и барометр общественного мнения, и эффективное средство формирования его самого. Как справедливо замечают А.Г. Голиков и И.С. Рыбаченок, для карикатуриста как врачавателя общественных «помрачений», говорящего на всем понятном «языке улыцы», «нет запретных тем и неприкасаемых лиц» [7, с. 32, 47]. Если, наконец, учесть массовое тиражирование произведений сатирической графики, их доступность и популярность, станет ясно, какое

масштабное влияние творчество карикатуристов могло оказывать на общественные унастроения россиян в начале XX в. Карикатура относится к полупрофессиональному жанру источников и поэтому имеет гораздо большее влияние на обыкновенных людей, чем возвышенные идеи философов или даже литература, поскольку затрагивает не только сферу рационального мышления, но и воздействует на эмоции. Все это делает карикатуру для исследователя не просто сопутствующим, иллюстративным материалом исследования (что в подавляющем числе случаев мы до сих пор наблюдаем в историографии), а важным социокультурным феноменом, являющимся одновременно фактором общественного сознания определенной эпохи и своеобразным источником информации о самом изучаемом объекте или событии. Вместе с тем нельзя не согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что комплексное, многомерное и адекватное представление о прошлом сатирическая графика способна дать не сама по себе, а лишь в сочетании с другими источниками.

Нами были исследованы ведущие донские общественно-политические издания либеральной ориентации: «Приазовский край», «Донская жизнь», «Фаланга», «Донская молва», «Новочеркасский курьер», «Донская речь», «Таганрогский вестник», «Союз», «Подъем»; монархические издания националистического толка: «Донской край», «Голос Дона», «Стяг», «Ростовский на Дону листок» и т.д. Проанализировав донскую периодическую печать, мы убедились наглядно в том, что в ряде газет карикатура как явление вообще отсутствует. «Донская Жизнь», «Голос Дона» и «Приазовский край» в начале XX в. и с держательной точки зрения, и с изобразительной стороны являлись ведущими донскими средствами массовой информации, публикующими качественную политическую карикатуру. Интенсивность и частота появления карикатур в периодической печати, касающихся предвыборной борьбы, позволили нам сделать вывод о несистематическом характере использования политическими силами средств визуальной сатиры. Политическая карикатура появлялась лишь в моменты наиболее активной деятельности политических партий. Такими пиками активности были избирательные кампании в Государственные думы поздней имперской России. Они представляют особый интерес, так как во время выборов жизнь партийных объединений была максимально оживленной.

В донской политической карикатуре нами обнаружены различные изобразительные символы. В первую очередь, выделяется так

называемая «эзоповская» группа: люди и животные наделяются одинокими свойствами не только внешнего вида, но также характера и интеллекта. Политические карикатуры можно рассматривать в качестве средства для конструирования образа врага. Для создания образа врага донские карикатуристы довольно часто пользовались зооморфизмом. Политические противники наделялись «звериными» инстинктами и эмоциями, а «благородные люди» демонстрировали разумную, то есть «человеческую», сдержанность и владение своими чувствами. Местным карикатуристам зооморфизм предоставил набор выразительных средств для опрошения врага и приписывания ему низменных культурно-психологических свойств. Характерный пример показывает рисунок в кадетской газете «Донская жизнь» «Заседание партии правового порядка» [11], где члены партии, изображенные в виде воронья, поедающего, «подобно гиенам», «трупы животных», предполагаемых противников. Популярность сохраняет «средневековая» группа, например, рыцари. На рисунке «Политический турнир» представлена острая сатира со стороны кадетов на «Союз 17 Октября» [19]. Комический эффект достигается тем, что средневековый рыцарь – октябрист изображен верхом на ненастоящем, падающем игрушечном коне. Кадетский же рыцарь явно «благородного происхождения», храбрый и умелый боец. Перед нами аллегория на историческую ситуацию. Весьма показательно карикатура под названием «Непрошенные визитеры» [16]. Россия представлена в образе дородной женщины в русском кокошнике, не желающей принимать к себе в гости октябриста и представителя партии правового порядка. Надпись к рисунку говорит сама за себя: «– Барыня не приказали принимать! С богом!». Карикатура о противостоянии правого и левого крыла донского либерализма подтверждается и вербальными источниками. Действительно, октябристы на Дону, в руководстве которых преобладали правые, зачастую в предвыборных кампаниях выступали единым блоком с «Союзом истинно русских людей» и не желали блокироваться с кадетами. [13].

При интерпретации политической карикатуры как жанра необходимо учитывать один из важных признаков – «концепцию адресата». Концепция адресата подразумевает, что адресат, вовлеченный в «поле политики», владеет необходимыми фоновыми знаниями, в том числе информацией о политических событиях «текущего дня», знает основных действующих политиков на Дону [10, с. 4]. Такое знание при прочтении карикатуры позволяет оценить работу художника и посмеяться вместе с автором над сюжетом. Хоро-

шо понятная современникам карикатура для нынешнего читателя зачастую требует пояснений. Поэтому извлечь тот познавательный потенциал, который она содержит, можно, зная исторический контекст и понимая специфику сатирической графики.

Особенности восприятия карикатуры реципиентом заключаются в необходимости понять не только то, что он видит, но и ситуацию, породившую данную карикатуру. Временные правила 4 марта 1906 г. об обществах и союзах вызвали критику практически всех групп российского общества. Либералы нашли этот закон недостаточно последовательным, а провозглашенную свободу – декоративной. Это тотчас создало информационный повод для обсуждения правил в карикатуре. В рисунке «Временные правила» прочитывается декларативность дарованных свобод. Оппозиционным силам «Временные правила» заготовили «подарки с новым годом» в виде «кукишей» [6]. Современники ощущали эфемерность упований на быстрый и безболезненный переход огромной, неповоротливой, консервативной России от самодержавия к конституционной форме правления, критиковали беспомощность государственной Думы. Это настроение талантливо выразил карикатурист газеты «Донская жизнь». В его рисунке Государственная дума представлена в образе русской женщины, стоящей на площади возле Таврического дворца. Рядом с ней изображен беспомощный младенец «Бюджет». Во всей позе женщины видно: «Бюджет» кажется ей недееспособным». Монолог Думы подтверждает это:

«– Ай, ай, что же мне делать-то с ним?

– А присматривать. Вылечить уже нельзя» [3].

Карикатуры в монархической донской прессе носили резко критический характер, отличались экспрессивностью и вызывающе непримиримым тоном в адрес своих противников, особенно либералов. В отношении либералов обращают на себя внимание ярко выраженные антиеврейские настроения черносотенства. На головы либералов сыпались обвинения их в связи с евреями и прочими инородцами. Неоднократно подчеркивалось, что кадетская партия создана евреями. Об этом красноречиво свидетельствует рисунок: «Каменный гость нашего времени». На карикатуре конституционные демократы изображены собаками – «шавками», слугами евреев, работающими по их указке и на их деньги [14]. Духом антисемитизма была проникнута вся правая донская визуальная сатира. Монархисты эксплуатировали религиозные чувства населения в своих политических целях. «Не ходи народ православный, – призывали дон-

ские черносотенцы со страниц газет, в жидовскую бурю» [6]. Либерал в глазах монархистов был опаснейшим революционером, стремившимся к уничтожению основ государства российского. Именно поэтому против них развернули активную критику, используя для этого визуальную сатиру как действенный канал распространения образов. Сатирическая графика в черносотенных и националистических газетах развернула мощную кампанию по поддержанию мифа о казаке как защитнике Отечества, Веры и Государя. Появилось множество карикатур, рисующих образ Донца как великорусского патриота. Свои усилия монархисты сконцентрировали на разоблачении кадетов как главных врагов донского казачества. Пропаганда полицейской службы казаков была одной из основных тем черносотенных газет. Монархисты обиделись от имени всего казачества на выступления казачьих депутатов в I Государственной думе, которые призывали казаков отказаться от позорной полицейской службы. В карикатурах монархисты едко высмеивали оренбургского депутата казака Думы первого созыва М.И. Сидельникова, который призывал отказаться использовать казака-воина как полицейского [8, с. 14, 28–29].

Образ либералов как трезвых, соответствующих и времени, и потребностям страны носителей свободы, прочно закрепился в карикатурах прогрессивных донских газет. Это было закономерно, так как партия должна была представиться избирателям во всем своем многообразии имеющихся у нее для этого возможностей. Так рисунок с названием «Богатыри. (Вольное подражание Васнецову)» изображает кадетов главными защитниками Дона и казачества [2]. В этой карикатуре используется распространенный стилистический прием – аллюзия. Она используется для отсылки к известному художественному произведению В.М. Васнецова «Богатыри». В роли Ильи Муромца на вороном коне изображен представитель кадетской партии. Добрыня Никитич – член дружеской кадетам либеральной партии прогрессистов. Лошадь же, которую бравый казак, член партии правового порядка упорно бьет нагайкой, отказывается скакать [2]. Используя визуальную сатиру, кадеты сумели привлечь особое внимание к программе, сделав акцент на решении «донских» вопросов».

Карикатура изображала местных либералов как главных борцов с бюрократией и произволом донских властей. На карикатуре «Сюрприз» были изображены представители донской администрации и войскового начальства, которые были неприятно удивлены

победой конституционных либералов на выборах во II государственную Думу в ОВД. Кадет, «как черт из табакерки», неожиданно выпрыгивает из избирательной урны и оставляет всех политических противников «с носом» [24]. Нам встретилась еще одна карикатура, иллюстрирующая результаты выборов в ОВД во II государственную Думу. Изображена игра в битки пасхальными яйцами между кадетами и партией правового порядка. В пасхальной битве на яйцах победил кадет. Рисунок дополняется следующим монологом донского конституционного демократа:

«– Ка-Де: – Ха, ха, вот так побились!

– Мое то яичко целешенько, а ваше, кажется, немного поломалось... [12]». Донская администрация, войсковое начальство, видевшее в казаках консервативную силу и надеявшееся на помощь казачьих выборщиков при выборах донских депутатов, были неприятно удивлены результатами выборов и озадачены позицией казачества [9, л. 5].

Предметом жанра политической карикатуры является не только злободневное общественно-политическое событие, но и политический скандал, связанный с личной жизнью политика, отраженный в сатирическом изображении объектов, к нему причастных, а также в умышленно искаженном представлении его высказываний. Так излюбленными героями донских карикатур явились лидер донских кадетов В. А. Харламов, предводитель дворянства Черкасского округа лидер партии правового порядка А.П. Леонов, прогрессист И.Н. Ефремов и др. «Голос Дона» предпринял попытку развенчать позитивный образ донского политического деятеля, одного из руководителей областной донской кадетской организации В.А. Харламова. В ответ на кадетские статьи о Харламове, явно рекламного характера, националисты выпустили карикатуру, в которой тот обвинялся в растрате крупной суммы денег, которую он взял за написание истории Донского края. Надпись в карикатуре была недвусмысленная: «История... история... Гм! Что же писать дальше? Хоть бы еще тыщонку дали – авось найду второе слово! [17]. Налицо критика несоответствия больших денежных растрат, с одной стороны, и ничтожного результата, с другой.

Исследование донской сатирической графики выявило использование в вербальном ряду карикатуры каламбура. Так, в основу карикатуры в газете «Приазовский край» лег следующий каламбур – диалог между чиновниками:

«– Нам теперь о партиях нечего думать, начальство запретило.

– Как нечего думать о партиях? Я еще холостой» [21].

Весьма показательна еще одна карикатура под названием «Решительная партия» [22]. На ней изображен октябрист, похожий на лидера «Союза 17 Октября» А.И. Гучкова, который играет партию в бильярд с кадетами и эсдеками. Карикатура часто использует феномен преувеличенной похожести хорошо известных лиц или институтов для привлечения внимания. Данные каламбуры основаны на многозначности слова «партия». На наш взгляд, надписи к карикатурам помогают понять ситуацию в целом, но вербальный компонент, несмотря на смысловую самостоятельность, не может быть правильно понят без изобразительного компонента.

При создании карикатур донские художники часто использовали иронию. Но если в обычных художественных произведениях ирония основана на противоречии между формой и содержанием, то в карикатуре как разновидности креолизованного текста этот стилистический прием строится на смысловом противоречии вербального компонента с изображением. Примером может послужить карикатура, на которой изображен член партии правового порядка в роли воинственного казака с саблей, который гонится за девушкой по имени «Свобода». Вербальная часть рисунка заключается в следующих строках:

«По улице мостовой
Шла девица за водой,
За ней парень молодой.
Кричит: девица, стой!
Красавица обожди! –
Белы ручки подожми» [20].

Текст в карикатуре явно противопоставляется изображению. Таким образом, политическая карикатура многофункциональна, является формой невербального общения, служит одновременно политическим оружием и средством выражения политических требований.

Донская политическая карикатура представляет собой лингво-визуальный феномен и является жанровой разновидностью креолизованного текста, фактура которого состоит из двух неомогенных частей: вербальной (языковой, речевой) и невербальной (принадлежащей к другим системам, нежели естественный язык) [23, с. 6]. В донской политической карикатуре начала XX в. слово и рисунок – два равноправных вида знаков. Карикатуристы исходили из

убеждения, что визуальное нуждается в вербальной поддержке, а вербальная коммуникация нуждается в визуальном опосредовании.

Как исторический источник политическая карикатура важна и интересна тем, что емко отображает представления людей о своем времени и позволяет выявить способы формирования массового сознания. Поскольку карикатура адресована широкой аудитории, ее авторы используют такие средства и приемы, которые способны внятно доходчиво передать замысел. На языке зрительных образов сатирическая графика предлагает определенное толкование и оценку того, что произошло, обращаясь при этом не только к сознанию человека, но, прежде всего, к его эмоциональному восприятию. Публикация в прессе превращала сатирическую графику в мощное средство воздействия на массовое сознание. При этом месторасположение на полосе имело немаловажное значение: размещенная на обложке журнала карикатура сразу привлекала внимание читателей, становясь «твоздем» номера. Эффект ее влияния существенно возрастал, если она завертывалась рядом с текстом статьи, содержание которой коррелировало с изображением. Чаще всего, преодолевая рогатки предварительной цензуры, формально отделялся рисунок от текста, хотя сохранялось внутреннее единство материалов на странице.

Политическая карикатура является своеобразным «зеркалом», отчетливо отражающим реалии своего времени. При этом политическая принадлежность художника всегда сказывалась на его творениях. Поэтому каждое «зеркало» в конкретном случае имело известный коэффициент искривления. Карикатуристы разных политических партий давали разные оценки одних и тех же событий и явлений. Чтобы скорректировать искажение, исследователь использует несколько «зеркал» [7, с. 295]. Понимая язык сатирической графики и обращаясь к ней в сочетании с другими источниками, исследователь получает возможность комплексного, а значит, более многомерного представления о прошлом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Айнутдинов А. С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2008. Вып. 23. № 21 (122).
2. Богатыри. (Вольное подражание Васнецову) // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 91.
3. Бюджет // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 75.

4. Ватлин А.Ю., Малашенко Л.Н. История ВКП (б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007.
5. Временные правила // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 311.
6. Выборы в Думу // Приазовский край. 1906. 12 апреля.
7. Голиков А.Г., Рыбаченок И.С. Смех – дело серьезное. Россия и мир на рубеже XIX–XX веков в политической карикатуре. М., 2010.
8. Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия 1. Т. 1. СПб., 1906.
9. Государственный архив Ростовской области. Ф. 826. Оп. 2. Д. 47.
10. Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки / РАН Отд. Философии, социологии, психологии и права. М., 1996.
11. Заседание партии правового порядка // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 81.
12. Игра в битки // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. №87.
13. К выборам // Приазовский край. 1907. 21 января.
14. Каменный гость нашего времени // Голос Дона. Приложение к газете «Колокольчики». 1906. № 18.
15. Москин Д.Н. Краткая энциклопедия карикатуры. Петрозаводск, 2000.
16. Непрошенные визитеры // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 87.
17. Новочеркасский Нестор // Голос Дона. Приложение к газете Колокольчики. 1906. № 16.
18. Орлова Г. А. «Карты для слепых»: политика и политизация зрения в сталинскую эпоху // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.
19. Политический турнир // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 301.
20. Правовой порядок и свобода // Донская жизнь. Приложение к газете 1906. № 18.
21. Разговор о партиях // Приазовский край. Приложение к газете. 1906. 5 ноября.
22. Решительная партия // Приазовский край. Приложение к газете. 1907. 17 ноября.
23. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативные функции // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

-
24. Сюрприз // Донская жизнь. Приложение к газете. 1906. № 28.
25. Яичница всмятку, или Несерьезно о серьезном: над кем и над чем смеялись в России в 1917 г. М., 1992.

Д.М. Грядский (Ростов-на-Дону)

МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Источники личного происхождения несут в себе информацию не только об окружающей их автора действительности. Практически всегда они несут на себе отпечаток мировоззрения автора. Авторы мемуаров, писем, дневников – это непосредственные участники описываемых событий, которые стремятся зафиксировать свои впечатления от окружающей действительности. В этом кроется их неисчерпаемый потенциал как источника, который дает информацию о ментальности и поведенческих установках автора.

Историография изучения мемуаров в отечественной исторической науке имеет достаточно длительную традицию. Первые исследования, посвященные изучению мемуаров, появились в XIX в. Это работы таких исследователей как Н.Д. Чечулиной (1863–1927) и П.П. Пекарского (1827–1872), которые обращались к мемуарам XVIII в. [см.: 7, с. 15].

В годы советской власти фактически к мемуарам не обращались. До середины 1950-х гг. специализированные работы по данной проблеме отсутствовали. Затем стали появляться работы, в которых писали о необходимости изучения мемуаров. Также в них отмечались методы критики данного вида источника. Так историк М.Н. Черноморский предлагал рассмотреть следующие аспекты изучения мемуаров: 1) время написания и происхождения тех или иных мемуаров, 2) авторство воспоминаний, 3) источники написания воспоминаний, 4) установление полноты и достоверности [9, с. 89]. Другой исследователь А.А. Курносов при анализе мемуарной литературы предлагал использовать методы логического, текстологического и сравнительного изучения. При текстологическом анализе рассматриваются различные варианты текста и первоис-

точник. Это применяется с целью раскрыть информативный потенциал источника.

На современном этапе изучения проблем Первой мировой войны выявился ряд новых направлений, которые рассматривают ранее неосвоенные проблемы и используют для этой цели новые методы критики источников. При этом расширяется источниковая база исследования. Проблемы вождизма, самосознания, отношения к образу власти и образу врага, проблемы памяти в российском обществе о данной войне и многие другие оказываются в фокусе внимания исследователей [4, с. 232]. Постановка данных проблем требует от исследователей расширения источниковой базы. Введение в научный оборот новых источников, в основном личного происхождения, требует вырабатывать и определенную методологическую основу критики данного вида источников.

Основная проблема, которая стоит перед исследователем – это атрибуция текста, т. е. определение подлинности или подложности того или иного текста. Авторы современного учебника по источниковедению выделяют ряд последовательных действий, которыми сопровождается работа с источниками данного характера:

во-первых – изучение происхождения источника: установление времени и места его создания, авторства, подлинности и побудительных мотивов его написания;

во-вторых – изучение содержания: установление степени достоверности, полноты, наличия политической или субъективной тенденциозности;

в-третьих – анализ особенностей личностного восприятия действительности, которая отражена автором.

Дневники и воспоминания, написанные непосредственным участником описываемых в них событий, позволяют получить более или менее цельное представление человека об эпохе. Дневники, подробно фокусирующие свое внимание на описании повседневности, повседневных практиках, позволяют нам подробно рассмотреть общую обстановку, в которой происходило описываемое действие. Более того, они во многом сосредоточиваются на описании собственных чувств, что дает ответ на вопрос о причинах появления тех или иных поведенческих практик. По рассматриваемой нами теме можно привести некоторые письма и дневники, в которых достаточно ярко отразилось отношение авторов с определенными политическими взглядами на окружающую обстановку. Таковыми являются письма Ф.А. Степуна «Из писем прапорщика ар-

тиллериста» [6], письма военного врача Ф.О. Краузе «Письма с Первой мировой» [3], записки врача В.П. Кравкова «Великая война без ретуши. Записки корпусного врача» [2]. Авторы данных писем, как люди с определенным политическим мировоззрением, сквозь его призму смотрели на окружающую их обстановку, в то же время, давая информацию о военной повседневности.

Опубликованные письма, приведенные выше, могут быть рассмотрены по схеме, предложенной профессором В.Г. Безрозовым. Приводя его классификацию, хотелось бы отметить, что автор попытался определить «спектр» целей мемуаристов. От этого спектра зависит и то, для чего создавались мемуары, и какой аудитории они предназначались. Схема Безрозова, основанная на целевой классификации писем, выглядит следующим образом: «оправдаться, выявить значимость собственной жизни и своей личности, явить своей жизнью образец для потомков, запечатлеть для потомков важные события и интересных людей». [см.: 1, с. 299].

Такая целевая классификация рассматриваемых нами источников позволяет «ранжировать» источники, опираясь на социальное положение авторов и ту роль, которую они играли в рассматриваемых событиях Первой мировой войны. Как правило, их внимание фокусировалось на тех проблемах, которые напрямую были связаны с той деятельностью, на которой сосредоточивались авторы в годы войны. Примером могут служить воспоминания высшего начальствующего состава армии, ее офицерского корпуса. Генералитет оставил массивный корпус источников личного происхождения, воспоминаний, в которых отразилось отношение авторов к различным аспектам. В связи со 100-летним юбилеем начала Первой мировой войны значительно активизировалась публикация массы мемуаров и дневников, что значительно расширило корпус этих источников. Это позволяет ставить новые проблемы в изучении Первой мировой войны и рождает новые направления. К примеру, развивается историческая имагология, изучающая аспекты создания стереотипов, влияющих на поведенческие установки.

Профессор В.П. Трыков по данному поводу пишет, что в имагологии акцент переносится на изучение образа «другого». В этой связи также затрагиваются и такие аспекты как средства и механизмы трансляции образа в общественное сознание, то есть превращение некоего реального образа в имидж-стереотип. «Иными словами, методом имагологии становится постструктуралистский дискурс-анализ, изучающий образ как результат различных

дискурсивных практик», – полагает автор [8, с. 3]. Безусловно, такой комплексный подход к изучению источников личного происхождения предполагает и междисциплинарные методы критики данного вида источников.

Одна из самых важных методологических проблем – сочетание субъективного и объективного при анализе мемуаров, дневников и т. п. Поэтому для изучения источников личного происхождения достаточно широко применяется метод военно-исторической антропологии. Он связан с реализацией аксиологического принципа, позволяющего в какой-то степени выявить трансформацию настроений авторов данных источников. Это достигается путем раскрытия личного восприятия событий теми или иными фигурантами, в зависимости не только от внешних факторов, но и их внутреннего мироощущения, ценностных установок [5, с. 34]. Интересно заметить, что историческая психология (и социальная антропология) как методологический подход завоевала поле исторических исследований в начале XX в. В частности, это нашло свое подтверждение в работах 1-го поколения школы «Анналов» (М. Блок, Л. Февр). Возможность расширить объективную реальность включением эмоциональных переживаний и составляет задачу военной антропологии.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что:

Во-первых, новые направления в исследованиях Первой мировой войны требуют введения в научный оборот новых источников;

Во-вторых, проблемы самосознания, вождизма, памяти, иматологии оказываются в исследовательском фокусе и требуют разработки новых методов и подходов для критики данных источников;

В-третьих, стоит достаточно серьезная проблема разработки классификации источников по своей целевой направленности и критериев для проведения данной работы;

В-четвертых, к источникам личного происхождения необходим комплексный, а зачастую и междисциплинарный подход, что зависит от вопросов, которые задает источнику исследователь.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / Е.Д. Твердюкова [и др.]; под ред. А.В. Сиренова. М.: Изд-во Юрайт, 2015.

2. Кравков В. П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М.: Вече, 2014. 414 с.

3. Краузе Ф. О. Письма с Первой мировой / отв. ред. Л. А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2013. 332 с.
4. Россия в первой мировой войне: новые направления исследований. Сборник обзоров и рефератов. М., 2013. 232 с.
5. Сенявская Е. С. Психология войны в XX в. – исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.
6. Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Прага: Пламя, 1926. 274 с.
7. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX вв. М.: Наука, 1991.
8. Трыков В. П. Имагология и имагопозитика / Знание. Образование. Умение. Научная электронная библиотека. 2015. № 3. С. 120–129.
9. Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник. М.: МГИАИ, 1959.

В.В. Ханжиев (Ростов-на-Дону)

**ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО
КРАСНОГО ПАРТИЗАНА В ДОКУМЕНТЕ
ФОНДА ИСПАРТА ГКУ РО «ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»**

Тема Гражданской войны представляет колоссальный исследовательский интерес. Несмотря на огромное количество научных работ советских и современных историков, данная тема остается актуальной и по сегодняшний день. Обширность темы исследования позволяет выделить в ней множество дополнительных объектов исследования, в частности, отражение событий Гражданской войны через их восприятие представителями молодежи.

Большой и весьма содержательный пласт источников составляют документы фонда Р-12 Истпарта «Центра документации новейшей истории Ростовской области». Фонд содержит многочисленные документы личного происхождения, такие как воспоминания, письма, автобиографии участников революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны, Гражданской войны, ветеранов партии и комсомола. Обширный пласт также составляют копии официальных документов: манифест «Ко всему всероссийскому крестьянству» от трудовой группы Государственной Думы, акты отречения импера-

тора Николая II от престола и об отказе Великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти. Кроме того, содержатся копии и фотокопии листовок Донского комитета РСДРП, постановления Совета Народных Комиссаров Донской Республики, редкие издания книг, журналов, газет, бюллетеней, брошюр.

В рамках настоящей темы исследования использовались документы личного происхождения, преимущественно воспоминания. Воспоминания ценны тем, что они придают историческим событиям яркий эмоциональный фон, помогая тем самым лучше понять эти события, их значение и влияние как на отдельную личность, так и на целый народ, государство. Данный тип документов особенно важен при изучении Гражданской войны через призму ее восприятия представителями молодежи. Воспоминания молодых, а порой совсем юных очевидцев и участников событий 1917–1920-х гг. помогают проследить, как формировалось отношение молодых людей к воевавшим сторонам и к войне в целом, к установлению советской власти. Несомненно, война закалила многих молодых людей, которые впоследствии принимали участие в строительстве советского государства в мирное время. Но с другой стороны, она положила огромное количество молодых человеческих судеб.

Одним из наиболее интересных и содержательных воспоминаний является рукопись бывшего красного партизана 40-й Богучарской дивизии 103-го полка Никиты Павловича Красненко под названием «В бурях гражданской войны». Документ содержится в деле 74 описи 2 фонда Р-12 «Центра документации новейшей истории Ростовской области».

Дневник был написан Никитой Красненко по просьбе Воронежского истпарта в 1928 г., спустя 10 лет после описываемых событий. Дневник не был закончен, он обрывается на самом волнительном и напряженном моменте, когда юный партизан Красненко лежал в одиночном окопе, тяжело раненный в ногу во время ожесточенного боя с белогвардейцами под городом Павловском. Никита лежал и ждал смерти. В свои последние, как он думал, минуты жизни он вспоминал детство, родителей, жизнь без войны. Никита выжил, но как складывалась его жизнь далее, мы не знаем. Последняя фраза дневника: «Продолжение будет». В 1928 г. Никита Павлович проживал в Ростове-на-Дону, был безработным, часто менял места жительства. В таких условиях, как выражается автор в прилагающемся к дневнику заявлении, «заниматься литературным творчеством нет сил и соответствующей обстановки» [1, л. 2]. Несмотря на трудное мате-

риальное положение, Никита Павлович, как следует из заявления, не терял бодрости духа, имел решительное желание дописать дневник, как только решится вопрос его трудоустройства.

Никита Красненко родился в слободе Старо-Меловой Воронежской губернии. Весной 1918 г., когда гражданская война пришла в слободу, ему было 17 лет. Событием, ознаменовавшим начало войны на малой родине Никиты, было неожиданное прибытие в слободу Заамурского Кавалерийского полка. Он пришел «по-военному второпях» [1, л. 5], не предупредив об этом местную революционную власть. Население слободы встревожилось – думали, что приближается австрийская армия. Как оказалось позднее, полк возвращался домой с румынского фронта. Подойдя к границам Воронежской губернии, остановился на ночлег в станице Казанской, что на левом берегу Дона. Ночью, по сигналу колокольного звона, на спящих солдатах Заамурского полка напали отряды белых казаков. Многие замурцы погибли, но большая часть полка смогла пробить неприятельское кольцо. Отступая, они прибыли в слободу Старо-Меловую. Постепенно жители слободы прониклись симпатией и состраданием к Заамурскому полку. «Это был один из тех замечательных полков, которые прониклись идеями большевизма на фронте, остались верны им до самого победного конца» – такую характеристику дает полку Красненко [1, л. 5].

Стало очевидно, что рано или поздно казаки придут в слободу. Местные жители понимали, что спокойная жизнь продлится недолго. На следующий день после прибытия полка в слободу был объявлен большой митинг, и «многотысячная крестьянская толпа, еще мало искушенная вопросами глубокой политики, с затаенным дыханием слушала нескладные, но правдиво-тревожные речи о текущем моменте... Говорили обо всем: об идеях советской власти, о господстве немцев и гайдамаков на Украине, о мире, о земле, ... о кознях буржуазии, о готовящемся к восстанию Донском казачестве, и самое главное, о том, чтобы не дать никому в руки, суметь за себя постоять, хотя бы это и стоило многих человеческих жертв» [1, л. 6].

Слова агитаторов Заамурского полка сильно воодушевили юною Никиту: «Мне тогда было около 17 лет. Сознательно разбираться в окружающем я еще не мог, и только по инстинкту улавливал, на чьей стороне правда. Но наслушавшись горячих призывов, насмотревшись на «героическую и беззаботную» жизнь солдат, мне самому захотелось стать героем и участником происходящих событий» [1, л. 7]. Пребывание полка в слободе оставило неизгладимый след в

сознании молодого человека. В это время он начал впитывать идеи социализма, думать о том, что революционная борьба может стать делом всей его жизни.

Пробывши в Старо-Меловой лишь несколько дней, полк двинулся дальше, оставив о себе исключительно положительные воспоминания у местных жителей. В то же время, с его уходом для слободчан наступали трудные времена. Красненко пишет: «Так Заамурский Кавалерийский полк явился для Старо-Меловатских жителей первым вестником гражданской войны, взбудораживши своими идеями десятки, а может и сотни молодых жизней, толкнувшей их на борьбу к защите революции...» [1, л. 8]. Эти слова являются характерным показателем того, как на Никиту и многих его сверстников кардинально повлияла сама атмосфера, царившая в то время в слободе. Молодые люди, вдохновленные примером Заамурского полка, стали осознанно готовить себя к тому, что им придется оставить привычный размеренный образ жизни и взять в руки оружие.

После Заамурского в слободе Старо-Меловой квартировались еще два красноармейских полка – Литовский и Кенигсбергский. Они были хорошо вооружены и обмундированы, но дисциплина отсутствовала. Между красноармейцами и местным населением нередко возникали конфликты, особенно на фоне резкой и неумелой антирелигиозной пропаганды со стороны «литовцев». Помимо этого, все чаще доносились слухи о подходе казаков. Обстановка в слободе была напряженной.

Первое столкновение произошло ранним июльским утром 1918 г. Значительно превосходящие силы казаков напали на слободу, когда красноармейцы спали, не выставив достаточных застав. Казацьи войска, имея орудия и пулеметы, окружили красноармейцев с трех сторон. Началась бойня. Захваченные врасплох красноармейцы не знали, что делать. Единицам удалось вырваться из окружения, остальные погибли в неравном бою. Многие бросали оружие и сдавались, но их ждала неминуемая гибель – пленных казаки брать не собирались. Однако были и храбрые, «в одном белье, но с оружием в руках защищались в одиночку до последнего своего часа» [1, л. 11]. Красненко также описывает трагический момент гибели молодой девушки-пулеметчицы: «...Красивая, стройная, как тополь... Оставшись на пулемете почти одна, она не бросала стрельбы до тех пор, пока не подбежали казаки и не подняли ее на штыки. Умирая, она произнесла: «Последнее мое слово: да здравствует революция!» [1, л. 12].

С этого момента Старо-Меловая была под контролем казаков. Постепенно жизнь становилась невыносимой. Никита Красненко так описывает те трудные времена: «Бывают в жизни такие моменты, когда самый молодой, самый жизнерадостный человек искренно желает себе смерти... Такие минуты были и в моей жизни с приходом белых. Сначала белые обращались с населением как будто учтиво, но с усилением успехов, а также поражений на фронте, начали в тылу творить произвол. Пошли расстрелы, порки, преследования. Преследовали и расстреливали каждого чуть-чуть замеченного в «приверженности к большевикам». Расстреливаемых заставляли копать себе могилу, а потом стреляли» [1, л. 14, 15].

В середине декабря 1918 г. слобода на некоторое время была отбита силами Богучарского полка и полка имени Карла Маркса. Но весной-летом 1919 г. окрепшие белые войска вновь напали на слободу. Как и в первый раз, к неожиданному нападению были не готовы. Никита Красненко попал в окружение, но ему чудом удалось бежать. Скитаясь несколько дней по окрестностям и борясь с природными условиями, Никита наконец встретил отступающий через Дон 103-й Богучарский полк, к которому он и присоединился. С этого момента начинается его полноценная боевая жизнь.

Никита описывает свой полк следующими словами: «Это не был в полном значении этого слова. Это было что-то выше полка... Это было какое-то своеобразное военное общежитие, рожденное только в гражданской войне и притом общежитие, связанное родственными кровными узами... Ко времени моего прибытия в полк в нем насчитывалось более 30 тысяч человек, не исключая женщин и детей... Здесь находились целые семьи, сражающиеся отец за сына, сын за отца. Одним словом, это были отчаявшиеся в жестокой борьбе Богучаровские партизаны» [1, л. 30].

Богучаровцы быстро обрели славу доблестных воинов с превосходной дисциплиной. Белое командование считалось с полком и отправляло против него свои лучшие части, однако зачастую белые избегали схваток с богучаровцами, предпочитая нападать на более слабые дивизии. Бойцом этого знаменитого полка и стал Никита Красненко, чем очень гордился.

В своем дневнике Никита описывает самый ожесточенный бой, в котором ему приходилось участвовать. Он состоялся под городом Новохоперском и длился трое суток. Никита передает ту тяжелую обстановку, в которой происходило сражение: «Три дня не спали, не ели, питались одними колосьями созревающей пшеницы. Грустно

видеть нескошенные, истоптанные, погибающие колосья ржи или пшеницы, но еще грустнее, когда этими наклоненными к земле колосьями питается измученный бессонницей, голодом, жаждой, истерзанный боями человек. Но все переносили богучарцы. Лишь бы не дать врагу. Лишь бы отстоять занимаемую позицию. Лишь бы хватало патронов, а остальное не так важно» [1, л. 38].

Последнее сражение, описывающееся в дневнике, было сражение с кавалерийскими отрядами генерала Гусельщикова в городе Павловске. Оно случилось через четыре месяца после того, как Красненко вступил в Богучарский полк. Как уже было сказано выше, в бою Никита Павлович был серьезно ранен в ногу. Он еле дополз до маленького окопа, откуда наблюдал, как белые кавалеристы преследуют его отступающих боевых товарищей. Он пишет: «Слышно было, как через меня прошла неприятельская цепь, стреляя из винтовок. Я, прижавшись ухом к земле, следил за каждым шагом, каждым выстрелом... Выглянув из окопчика, я увидел вдали отступающую порядком цепь богучарцев и идущую за ними недалеко цепь белогвардейцев. Сердце мое сжалось от боли. Кругом лежали раненые и убитые казаки и богучарцы. Стон и проклятия наполняли воздух» [1, л. 42].

Так, Никита Павлович Красненко в свои 18 лет увидел все ужасы кровопролитной гражданской войны и отразил свои воспоминания в рукописи. Данный документ демонстрирует, какие трудности приходилось переживать таким же, как Никита, молодым юношам, ведь война коснулась всех сословий и пришла во все уголки молодого советского государства. В то же время именно война сформировала убеждения и ценности каждого молодого представителя того поколения, на чьей бы стороне он ни воевал. Что касается Никиты Красненко, то он остался убежденным коммунистом. В его воспоминаниях одними из самых часто упоминаемых слов были «революция», «идея» и «идейность», а заявление Северо-Кавказскому краевому комитету ВКП (б), прилагаемому к документу, он подписывает так: «С товарищеским приветом, партизан Н. Красненко» [1, л. 2].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГКУ РО «ЦДНИРО». Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 74.

ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ И.П. КОЗЛОВСКОГО

Вопросы источниковедения занимали главное место в научной и преподавательской деятельности профессора русской истории И.П. Козловского на протяжении всей его жизни. Он читал курс источниковедения во всех высших учебных заведениях, где ему довелось работать, много сил отдал работе в региональных и столичных архивах, в архивном управлении в Ростове-на-Дону, выявив и сохранив для потомков множество документов из местных архивов, которые неизбежно погибли бы в огне войн и революций. Результатом многочисленных поездок Козловского по Донскому краю было существенное пополнение фондов Ростовского архивохранилища. На основе документов, обнаруженных ученым в архиве Черкасского Станичного Управления и архиве Хоперского окружного атамана была написана статья «Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке» [4, с. 125–134] о беглом крепостном крестьянине Федоте Богомолове, который под именем Петра III пытался поднять восстание среди донских казаков в 1772 г.

Последние годы жизни ученый провел в Уральске, где работал в местном педагогическом институте. В отчете о работе Уральского педагогического института сообщалось, что профессор И.П. Козловский читал курс «Источниковедение и историография СССР» [6, с. 108]. Курс лекций по источниковедению автор разработал со времени избрания на должность профессора Варшавского университета в 1909 г. и безуспешно пытался издать в 1920-е гг. в Ростове-на-Дону [2, л. 100]. Позже продолжал над ним работать в 1930-е гг., находясь в ссылке в г. Мичуринске [3, с. 203].

На самом деле книга, полностью подготовленная к изданию, так и не была опубликована. Видимо, не надеясь дожить до ее публикации, Иван Павлович отослал рукопись в Москву в Государственную Историческую библиотеку, где она хранится в отделе рукописей и редких книг. Там же находится и письмо И.П. Козловского в библиотеку, в котором он писал: «Прошу принять от меня в дар мою работу «Источниковедение истории народов СССР», предназначенную главным образом для молодых научных работников. И. Козловский, профессор Уральского Пед. института, доктор русской истории. 12 декабря 1940 года» [1, с. 1]. Книга открывается посвящением:

«Многолетний труд мой посвящаю светлой памяти безвременно угасшей жизни дорогой дочери моей – врача-бактериолога Александры Ивановны Козловской» [1, с. III].

В предисловии автор поясняет: «Настоящая книга представляет собой текст лекций, читанных автором в 1909–1940 гг. в высших учебных заведениях Варшавы, Нежина, Ростова-на-Дону, Челябинска и Уральска. Источниковедение истории народов кавказских и восточных здесь затронуто лишь постольку, поскольку эти источники затрагивались русской исторической литературой. Примечания к тексту имеют в виду интересы аспирантов и молодых научных работников» [1, с. IV]. Книга состоит из 4 разделов, снабжена примечаниями и дополнениями [1, с. 437–514], указателями личных имен (18 страниц) и географических названий (6 страниц).

Первый отдел «Предварительные сведения» содержит общие понятия об источниках истории, начале письменности на Руси и ее состоянии до XIII века [1, с. 2–26].

Второй отдел «Памятники отечественные» [1, с. 27–248] состоит из 5 глав: 1. Летописи, хронографы и летописные компиляции [1, с. 27–99]; 2. Памятники повествовательного характера (сказания, жития святых, записки современников, путешествия) [1, с. 100–148]; 3. Памятники официального характера (международные договоры, правительственные грамоты, духовные грамоты князей, памятники законодательства, делопроизводство правительственных учреждений, частные акты, графические журналы) [1, с. 149–209]; 4. Памятники устной и письменной словесности (научные сочинения, критика и публицистика, письма) [1, с. 210–241]; 5. Памятники вещественные [1, с. 242–247].

Третий отдел «Иностранные известия о России» [1, с. 249–335] включает 4 главы: 1. Иностранные известия как исторические источники, виды и роды иностранных источников. 2. Иностранные известия о славянах и Руси в VI–XV вв. 3. Иностранные известия о Московском государстве, Украине, Белоруссии XVI–XVII вв. 4. Иностранные известия о России в XVIII–XIX вв.

Четвертый отдел «Хранилища исторических материалов» [1, с. 336–435] включает 8 глав: 1. Начало собирания книг и рукописей на Руси [1, с. 337–346]; 2. Главнейшие деятели в области первоначального собирания, изучения и издания памятников русской истории (Татищев, Миллер, Шлецер) [1, с. 346–360]; 3. Румянцевская эпоха [1, с. 360–368]; 4. Археографическая экспедиция и археографическая комиссия [1, с. 369–375]; 5. Собирание историче-

ских материалов во второй половине XIX века [1, с. 376–381]; 6. Обзор важнейших архивов и библиотек в дореволюционный период [1, с. 381–397]; 7. Правительственные и частные издания актов [1, с. 397–400]; 8. Собрание, хранение и издание исторических материалов в СССР [1, с. 401–435].

Труд И.П. Козловского содержит подробнейшее описание всех видов источников по русской истории, сведения о времени и месте их появления, авторстве, терминологии, анализ их содержания, сведения об их местонахождении и изданиях. Несомненное влияние на сочинение автора оказали труды В.Н. Иконникова. На мнение Иконникова относительно целого ряда источников автор ссылается чаще, чем на мнения других историков [1, с. 27, 28, 36, 105, 114, 117, 143, 347, 400, 439, 452, 454, 464, 480, 482, 504, 506, 511]. Историк характеризует сочинение В.Н. Иконникова «Опыт русской историографии» как монументальный труд, который содержит описание всех современных ему архивов и библиографический перечень документальных публикаций и монографий, построенных на основании фондов этих архивов. Козловский выражает сожаление о том, что рукописное продолжение труда его учителя «бесплодно покоится в делах Академии Наук» [1, с. 401–435]. Таким образом, богатейший материал, опубликованный после издания первых 4 томов «Опыта русской историографии» остается без всякого учета. Высказанное историком сожаление относительно рукописного наследия В.Н. Иконникова с полным основанием можно отнести и к рукописи самого И.П. Козловского «Источниковедение истории народов СССР».

Рукопись Козловского свидетельствует о том, что ученый и в Уральске продолжал заниматься любимым архивным делом. В главе «Собрание, хранение и издание исторических материалов в СССР» историк явно со знанием дела описывал состояние архивов в Казахстане [1, с. 401–435]. В частности, он писал: «Долгое время ценнейшие документы для истории Казахстана были в Оренбурге. Многие из них после революции погибли. До 1923 года главные архивы были в Оренбурге и Семипалатинске. Частые перемещения архивов губили много важных документов. Центральное управление архивов Казахстана находилось до 1925 года в Оренбурге, в 1925–1929 гг. – в Кызыл-Орде, а с 1929 года – в Алма-Ате. Положение о Центральном Архиве Казахстана было утверждено в 1930 году. В начале 1931 года было образовано 3 отделения Центрархива – в Семипалатинске, Петропавловске и Уральске. До этого в Семипалатинске были

часто архивные бедствия: пожары, кража, сдача в макулатуру ценных материалов (в т.ч. всех материалов эпохи гражданской войны). В Наркомпросе архив «съели мыши». Фонды центрального значения перевозились два раза: из Оренбурга в Кзыл-Орду и потом в Алма-Ату. Они относятся к XVIII и XIX веку и имеют большую историческую ценность (например, фонды Пограничной комиссии, экспедиции иноверческих и пограничных дел, областного управления оренбургских киргизов, временного совета по управлению киргизской ордой, Семиреченской областной управы и др.) [1, с. 428].

И.П. Козловский считал «Источниковедение» главным трудом своей жизни. За несколько дней до смерти, он написал: «Желаю я, чтобы дети не уничтожали двух моих работ: «Источниковедение русской истории» и «История народов СССР с краткими сведениями из всеобщей истории». Первая из этих работ – единственная, которой я не стыжусь, от нее для молодого историка будет существенная польза; вторая – просто небезынтересное чтение для любознательного юноши» [5, л. 1]. И.П. Козловский был человеком удивительной скромности, в том числе и в оценке своего вклада в науку. Нам же представляется, что для получения более полного представления о состоянии отечественного источниковедения в первой половине XX в. его труд «Источниковедение истории народов СССР» должен быть введен в научный оборот.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ). Отдел редких книг. ОИК-39320.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2605. Оп. 1. Д. 78.
3. Казарова Н.А. Иван Павлович Козловский (1869–1942) и его «Хроника». Окончание // Новое прошлое / The new past. 2017. № 1. С. 200–209.
4. Козловский И.П. Один из эпизодов революционных движений на Дону в XVIII веке // Известия Северо-Кавказского государственного университета. 1926. Т. 10. С. 125–134.
5. Личный архив И.П. Козловского. Док. № 4.
6. Полянский Ф. Уральский педагогический институт. Работа кафедры истории // Исторический журнал. 1943. № 7. с. 108.

ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-е – 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ЦДНИРО)

На Северном Кавказе практически любая сфера общественной жизни имеет национальную подоплеку. Историческая память в регионе неразрывно связана с национальным самосознанием, значительное влияние на формирование которого оказали события XX века. В том числе советская национальная политика, как система государственных мер по регулированию отношений между нациями, этническими группами, а также выстраиванию отношений между центральной властью и окраинами.

О ее характере и результатах по сей день спорят общественные деятели, политики, ученые. Важнейшей задачей профессиональных историков является придание этой полемике цивилизованного статуса, не выходящего за рамки взаимных обвинений, политических провокаций. Успешность реализации данной задачи в значительной степени зависит от объективности современных исследователей, которая, в свою очередь, определяется полнотой и репрезентативностью источниковой базы по исследуемой проблеме. Одним из неотъемлемых атрибутов корректной полемики является умение работы с различными группами исторических источников. В контексте изучения такой сложной темы как национальная политика в советский период сложно переоценить роль и значение роль партийных документов, без анализа которых невозможно составить объективной картины государственной политики в национальной сфере.

Говоря о национальной политике на Северном Кавказе в 1920-е – 1930-е гг., невозможно обойтись без анализа комплекса партийных документов, отражавших деятельность северокавказской краевой партийной организации, центр которой располагался в Ростове-на-Дону.

Уникальность г. Ростова-на-Дону, обретшего в 1920-е – 1930-е гг. неформальный статус «ворот Кавказа», определялся его ведущей ролью административного, политического и экономического центра всего юга РСФСР. Будучи на протяжении 1920-х – середины 1930-х гг. столицей огромного по своим размерам Северо-Кавказского края, вобравшего в себя помимо т.н. «русских регио-

нов», национальные северокавказские области, Ростов-на-Дону стал центром управления всем макрорегионом. Значительный массив документов, связанных с реализацией национальной политики, таким образом, сосредоточен в ростовских архивах.

Крупнейшим хранилищем партийных документов, освещающих национальную политику не только на Дону, но и на всем Северном Кавказе, является Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), бывший партархив Ростовского обкома КПСС.

Широкая география документов ЦДНИРО обусловлена значением и ролью Ростова-на-Дону в рамках политики модернизации Северного Кавказа 1920-х – 1930-х гг. В 1924 г. была учреждена Юго-Восточная область, в том же году преобразованная в Северо-Кавказский край, центром которого стал г. Ростов-на-Дону. В него вошли территории русских округов Дона, Кубани, Ставрополя (Ставропольский округ) и Терека (Терский округ), а также северокавказских автономий (Адыгейская (Черкесская), Карачаевская, Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская, Чеченская АО), Сунженского казачьего округа и г. Грозного на правах округа [1, л. 65].

В 1934 г. край был разделен на Азово-Черноморский край, включая Адыгейскую АО, с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край, центром которого стал Пятигорск. В 1937 г. постановлением ВЦИК Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край с центром в г. Краснодаре и Ростовскую область с центром в г. Ростове-на-Дону [1, л. 74].

История ЦДНИРО берет начало с момента формирования самостоятельной сети партийных архивов после издания Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР от 21 сентября 1920 г. «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Российской Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (истпарт)» [2].

После создания в 1921 г. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, а в 1923 г. Истпарт В.И. Ленина в апреле 1924 г. организуется архив истпарта и его отделения (бюро) на местах. Таким образом, в середине 1920-х годов стала складываться система учреждений, хранящих историко-партийные документы и документы основоположников марксизма-ленинизма [2].

3 января 1925 г. был создан Северо-Кавказский краевой истпарт в г. Ростове-на-Дону [4, л. 38]. В 1925–1927 гг. основным со-

держанием его работы был сбор, изучение, обработка документов и материалов революционных событий и гражданской войны на Северном Кавказе [3, л. 5]. Накопление в краевом, окружных и районных комитетах ВКП(б) значительного количества документов, их неупорядоченность, отсутствие необходимых условий хранения документов, поставили на очередь вопрос о создании партийных архивов [2].

29 июля 1929 г. Секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) принял постановление об организации Единого партийного архива при Северо-Кавказском краевом истпарте [4, л. 56]. Его основными задачами было собирание, учет и приведение в порядок накопленных документов. В связи с разделением Азово-Черноморского края в сентябре 1937 г. на Ростовскую область и Краснодарский край был создан Ростовский областной истпарт и Ростовский областной партийный архив, как составная часть облистпарта.

Крупнейшими фондами, имеющими тысячи дел, в т.ч. содержащими важную информацию о реализации национальной политики в регионе, являются фонды Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (ф. 7) и Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) (ф. 8), охватывающие период с 1924 по 1937 гг. Названия и документальное содержание фондов отражают хронологию административно-территориальных изменений в регионе. Соответственно, Юго-Восточный крайком ВКП(б) в октябре 1924 г. был переименован в Северо-Кавказский крайком ВКП(б). Его правопреемником явился Азово-Черноморский крайком ВКП(б) (ф. 8), а после его ликвидации в октябре 1937 г. – Ростовский обком ВКП(б) (ф. 9) [5, с. 16–17].

Указанные фонды содержат комплекс документов, отражавших деятельность региональных партийных организаций. Сред них протоколы краевых партийных конференций, пленумов, заседаний бюро и секретариата, заседаний национальной и других комиссий, докладные записки, доклады, стенограммы заседаний региональных и местных партийных органов и т.д.

Несмотря на то, что стратегию национальной политики в стране определяли центральные органы партии, региональные парторганизации играли ключевую роль в ее реализации. Анализ документов указанных фондов свидетельствует о том, что партийные органы уделяли значительное внимание проблемам национального строительства на Северном Кавказе. Важность данного направления политики в регионе была обусловлена функционированием спе-

циональной Национальной комиссии в рамках Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). О ее статусе и важном характере работы свидетельствует тот факт, что ее председателем был избран секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А.И. Микоян [6].

В современной науке партийные документы принято выделять в отдельную группу источников, учитывая специфику их происхождения, содержания и значения во всем комплексе документов советской эпохи. Специфика партийных документов обуславливается ролью Коммунистической партии в жизни советского общества, ее определяющей ролью в процессе принятия решений государственного уровня. Именно РКП(б)-ВКП(б)-КПСС определяла стратегию развития всего советского государства, решала наиболее важные вопросы, стоявшие перед обществом. Такой областью традиционно являлась и сфера межнациональных отношений, поскольку в значительной степени определяла стабильность и устойчивость советского многонационального государства.

Это наложило отпечаток на характер и содержание партийных документов. Руководящая роль партии проявлялась в том, что решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК) имели директивный характер, лежали в основе законодательной и практической деятельности государства, профсоюзов, комсомола и других массовых организаций. В партийных документах отражены все принципиальные вопросы развития экономики, идеологии, культуры, социальных процессов и т. д. Поэтому ни один вопрос истории внутренней и внешней политики Советского правительства нельзя понять и изучить без серьезного анализа документов ВКП(б)-КПСС.

Общей особенностью партийных документов как исторических источников следует признать многоуровневый характер их информации, сложность структуры документальных комплексов, взаимосвязь составляющих их документов. Кроме этого, необходимо отметить, что отношение к партийному документу в советской действительности было особенно ответственным. В отличие от документов комсомольских и советских органов партийные документы вели наиболее аккуратно и ответственно. В них, как правило, указаны даты, подписи, ответственные исполнители и другие важные реквизиты.

В указанных фондах ЦДНИРО, начиная с 1920 г. – времени окончательного утверждения советской власти на Северном Кавказе, отражен значительный комплекс документов по национальной политике в регионе. Учитывая то факт, что Ростов-на-Дону долгое

время оставался центром всего Северокавказского региона, в фондах ЦДНИРО отложились документы, освещающие национальную политику не только на Дону, Кубани и Ставрополье, но и в национальных автономиях. Это позволяет воссоздать целостную картину государственной политики в области национальных отношений в 1920-х – 1930-х гг.

Значительное внимание в рамках изучаемой проблемы обращает на себя период 1920-х гг., когда Северо-Кавказский крайком ВКП(б) обладал широкими полномочиями в рамках выработки и реализации национальной политики в регионе. О роли и значении краевого комитета партии говорит тот факт, что в 1922–1926 гг. руководителем областного, а затем краевого комитета партии был известный большевик, фигура союзного значения – Анастас Иванович Микоян. Именно на этот период пришлось наиболее интенсивные преобразования в национальной сфере, в том числе в области национально-административного строительства, коренизации т.д.

За этот период в архиве отложился значительный пласт партийных документов по национальной политике. Большой интерес представляет стенограмма выступления самого А.И. Микояна за 1924 г., в которой тогдашний руководитель Северо-Кавказского края подводил итоги и определял дальнейшие перспективы национальной политики в регионе [7]. Интерес представляют документы приграничного размежевания территории Северо-Кавказского края с Украинской ССР, в т.ч. вопросы принадлежности таких городов как Шахты и Таганрог, некоторое время находившихся в составе Украины [8].

В рамках политики коренизации и национального строительства значительный массив документов посвящен отдельным аспектам этой политики в национальных автономных областях Северного Кавказа [9]. Помимо прочего в документах прослеживается роль Ростова-на-Дону, который становится центром модернизации всего края [10]. Особое внимание уделялось взаимоотношению между народами как внутри автономий, так и между автономиями (приграничные споры, инциденты), а также роли и значению казачества, которое на протяжении всех 1920-х гг. воспринималось большевиками в качестве самостоятельной этносоциальной группы.

Особенный интерес представляют документы обустройства национальных меньшинств вне областных автономий – на Дону, Кубани и Ставрополье. Данный аспект национальной политики только набирает популярность у современных исследователей. Т.н. дисперсные народы – немногочисленные, рассеянные компактными

группами среди русского населения Предкавказья в 1920-е гг. находились в зоне повышенного внимания со стороны краевого руководства, что было связано с международной конъюнктурой. Создание и функционирование национальных районов с проживающим в них армянским, немецким, греческим, калмыцким, туркменским, шапсугским населением также нашло свое отражение в фондах ЦДНИРО [11, 12]. В то же время, значительная часть сведений о национальных районах на Кубани и Ставрополье содержится в смежных архивах Краснодарского и Ставропольского краев. Значительный интерес представляют документы о беженцах, прибывавших в Северо-Кавказский край в 1920-е гг. [13]

Кроме того, партийные документы позволяют не только проследить государственные меры в отношении представителей национальных меньшинств, но и выявить многочисленные фактические данные об их численности, местах расселения, социальном составе, хозяйстве, уровне образования и др. [14]

Не стоит, впрочем, воспринимать вышеуказанные документы как единственный, объективный источник о жизни тех или иных национальных общин, а информацию, содержащуюся в партийных документах как истину в последней инстанции. Следует учитывать специфику развития советского общества в указанный период, определенную идеологическую и политическую ангажированность партийных органов, имевших ключевой задачей реализацию на Северном Кавказе практических установок вышестоящих органов. Кроме этого, значительная часть партийной документации попросту не сохранилась, погибнув в годы Великой Отечественной войны, что затрудняет создание целостной картины о национальной политике в регионе в 1920-е – 1930-е гг.

В 1930-е гг. количество и характер партийных документов по национальной политике изменился. Это было вызвано рядом факторов, в том числе: изменением стратегии национальной политики – свертыванием коренизации и усилением унификаторской «русификаторской» составляющей; значительными административными преобразованиями на Северном Кавказе – разукрупнением краев и округов; снижением роли региональных партийных органов в выработке и реализации самостоятельной политики, их беспрекословном подчинении высшим партийным инстанциям.

В результате количество партийных документов, хранящихся в фондах ЦДНИРО, посвященных национальной политике в регионе, снизилось. Из их числа «ушли» документы партийных орга-

низаций национальных автономных республик, которые перешли под непосредственное подчинение Москвы. Национальная проблематика на Дону и Кубани уступила свою актуальность социально-экономическим вопросам в рамках развернувшейся коллективизации и индустриализации. Национальный фактор общественного развития в 1930-е гг. уступил место социальному – классовому. В преддверии подготовки к будущей войне важнейшей задачей виделась нивелировка национальных различий, сплочение проживающих в стране народов на идеологической основе. В русских регионах национальная политика к концу 1930-х гг. фактически была дезавуирована, что нашло отражение в партийных документах Азово-Черноморского крайкома, а после 1937 года Ростовского обкома ВКП(б).

Таким образом, партийные документы представляют собой важнейшую группу исторических источников, с помощью которых можно попытаться реконструировать основные направления и механизмы национальной политики на Северном Кавказе. В то же время для воссоздания наиболее полной и беспристрастной картины происходившего представляется необходимым использование других, не менее важных, категорий источников по данной проблеме, в т.ч. документов советских и государственных органов власти, источников личного происхождения, статистической информации и др. Только комплексный подход позволит избежать односторонности в освещении и оценках такой сложной и деликатной темы, как национальная политика на Северном Кавказе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004 гг.). М.: «Европа», 2006. 128 с.
2. Справка по истории ГУ «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (партийного архива Ростовского обкома КПСС) 1921-1991 гг. // ЦДНИРО: интернет-сайт. URL: <http://xn--c1acmtglry.xn--p1ai/history/> (дата обращения: 28.06.2015).
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.7. Оп. 1. Д. 173.
4. ЦДНИРО. Ф.7. Оп. 1. Д. 924.
5. Краткий справочник. Фонды и коллекции, собранные партийным архивом Ростовского обкома КПСС. / Под ред. Н.Я. Емельяненко. Ростов н/Д., 1998.
6. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп.1. Д. 154.

7. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14.
8. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 19, 20, 23.
9. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 15, 23, 25, 45, 113.
10. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 45, 100, 111.
11. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 473, 655.
12. ЦДНИРО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 29, 35.
13. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 165.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 655, 751.

К.Г. Малыхин (Ростов-на-Дону)

«ЭТАТИЗМ» 40-х гг. XX в.: ОЦЕНКИ В.М. ЧЕРНОВА

Организационным руководителем ПСР в изгнании была Заграничная делегация ПСР, которая располагалась первоначально в Берлине, а с 1923 г., – в Праге. После подчинения почти всей Западной Европы нацистами, большинство эсеровских теоретиков эмигрировало в США, где они издавали в 1940-е гг., в Нью-Йорке журнал «За свободу». В США старые разногласия о путях развития постсоветской России во многом утратили свое значение. В журнале «За свободу» сотрудничали бывшие противники, В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, А.Ф. Керенский, М. Вишняк, и др., являвшиеся элитой эсеровской теоретической мысли. В программном документе они прямо заявили, что в новую эпоху прежние разногласия отступили на второй план. «Сейчас не время для какой бы то ни было ортодоксии. На страницы нашего журнала мы смотрим как на свободную трибуну, на которой мы подвергнем все мучащие нас вопросы, не боясь впасть в ересь» [1, с. 2].

В начавшейся войне между Германией и СССР эсеры поддерживали свою родину в минуту тяжелых испытаний, хотя ясно осознавали, что такой шаг укрепляет антинародный, тоталитарный режим И.В. Сталина [2, с. 24].

Безоговорочным крупнейшим теоретиком ПСР был В.М. Чернов. Именно в эмиграции раскрылся поразительный аналитический дар В.М. Чернова. В США В.М. Чернов наряду с Н.Д. Авксентьевым и В. Зензиновым стал редактором журнала «За свободу».

В.М. Чернов, справедливо считается одним из крупнейших ученых России. Его обществоведческие заслуги были высоко оценены. В 30-е гг. он стал доктором социологических наук.

В.М. Чернов интуитивно осознавал процесс социально-экономической, скорее даже цивилизационной эволюции человеческого сообщества. Он живо откликался на все новые проявления в общественном развитии, и выстраивал из отдельных фактов целые концепции.

В 30-х – н. 40-х гг. XX в. в Европе сложилась новая социально-экономическая и политическая модель общественного развития, которая разительно отличалась от того «классического» капитализма, проанализированного К. Марксом и даже от того «империализма», который социалисты исследовали в первые десятилетия XX в.

Российская, германская и итальянские модели не «вписывались» в «классические» марксистские схемы. Одним из первых обществоведов, В.М. Чернов обратил внимание на необходимость переосмысления новой реальности.

Учение об империализме считалось вершиной марксистской науки в первые десятилетия XX в. Самым ярким частным проявлением этого учения являлась ленинская концепция мировой революции. По мнению В.М. Чернова, признание В.И. Лениным империализма как мирового общественного порядка подтолкнуло его к признанию неизбежности победы революции в мировом масштабе.

«Что всего характернее, так это то, что за теорию Гильфердинга упорнее всего ухватился русский ленинизм. На ней построил Ленин всю свою схему мировой революции. Финансовый капитал под своей централизованной властью и руководством объединяет все виды национального капитала. Империалистический по самому существу своему во внешней политике, он расширяет поле своего монополистического господства, стремясь к «черному переделу» в свою пользу всего мира» [10, с. 22].

В.М. Чернов, напротив, в первые десятилетия XX в. был уверен, что финансово-империалистический капитализм перерастет в «социокапитализм».

В этом плане интересна та полемика, которую вела в сер. 20-х гг. «Революционная Россия» и В.М. Чернов с ортодоксальными марксистами и оппонентами из правозсеровского лагеря, и, прежде всего с А.Ф. Керенским и «Днями».

В ходе этой полемики В.М. Чернов выделил тенденции развития западной модели общественного развития.

«Этот классический капитализм, душой которого была анархия производства, капитализм марксовского первого тома все более и более сменяется новым, организованным капитализмом, устраняющим анархию рынка, регулирующим его и поэтому в немецкой литературе, иногда носящим звучное имя «социокапитализма». В этом смысле и советский государственный капитализм есть не прежний «чистейшей воды капитализм», а один из видов «социокапитализма» [2, с. 24–25].

Оппоненты В.М. Чернова – марксисты-ортодоксы, правые эсеры и либералы, связывали наличие товарных связей в том или ином обществе с характеристикой его общественного строя. В.М. Чернов очень образно описывал такую ситуацию.

«Если бы Керенский был прав, то социализм появился бы однажды на Земле «яко тать в нощи», совершенно готовым, как готовою вышла Минерва из головы Юпитера. «До» – был чистейшей воды капитализм, «После» – стал на его месте чистейшей воды социализм». А между «до» и «после»? Очевидно, чудесный прыжок» [2, с. 24].

Для В.М. Чернова важна была тенденция развития современной цивилизации в направлении повышения производительности общественного труда, большей гуманистической ориентации общественных отношений, развитие процесса естественного обобществления и утверждения демократических начал общественного бытия.

«Чем ознаменована эта переходная эпоха? Тем, что новые общественные формы укрепляются лишь частично, в несовершенном, часто недоразвитом, как бы зародышевом виде. Они существуют в буржуазном оформлении, среди обычных товарно-денежных взаимоотношений, приспособляясь к этой чуждой стихии и подчиняясь ее законам.

... Они, можно сказать, пробуют бить капитализм его же оружием. Научаются тщательно калькулировать себестоимость, делать необходимые отчисления в основной и резервный капиталы, следить за рыночной конъюнктурой, и лишь с оглядкой на капиталистического конкурента улучшать условия труда и вознаграждения» [5, с. 12].

В.М. Чернов был уверен, что так называемые «капитализм» и «социализм» в такой стране, как Россия, должны были сосуществовать «..на долгие, долгие времена»[4, с. 7].

«Здесь первоисточник всех дальнейших искажений и построений большевизма в вопросе о плановом хозяйстве. Плановое строительство, с их точки зрения, не завершение социалистического строительства, а напротив, преддверие к нему» [5, с. 12].

Однако, В.М. Чернов не допускал мысли, что между эпохой капитализма и социализма развернется не просто переходная, а целая промежуточная, со своими внутренними законами функционирования эпоха.

«Однако мы не допускали: чтобы вместо ПЕРЕХОДНОЙ эпохи, эпохи нарушенного в корне социального равновесия, эпохи все большей неустойчивости социальных форм, эпохи ускоренного темпа трансформации – водворилась бы какая-то – нет, уже не переходная только, а совершенно самостоятельная ПРОМЕЖУТОЧНАЯ между капитализмом и социализмом эпоха: ТРЕТЬЯ эпоха, с собственным внутренним укладом, собственными законами внутреннего равновесия и собственным «законом эволюции» [10, с. 22].

Однако, действительность преподнесла сюрпризы.

Фашизм, возникнув в ответ на революционное движение рабочего класса, в итоге «подмял» под себя все традиционные элементы буржуазного общества, включая рынок и свободное предпринимательство, принцип неприкосновенности частной собственности.

«В фашизме сначала хотели видеть не более, как попытку превентивной противосоциалистической контрреволюции буржуазии, – быть может, просто предсмертный припадок ее бешенства. Нечто преходящее – временную «тримасу истории».

Что буржуазия воспользовалась фашизмом как тараном, разбивающим твердыни рабочих социалистических и вообще классовых организаций, несомненно, но фашизм и не подумал остаться простым служебным орудием старых хозяев промышленности, торговли и банковского дела, но раскассировал, наряду с социалистическими, и независимые буржуазные партии, а вместе с экономическими организациями рабочих подчинил себе, «привел к одному знаменателю», и организации промышленников» [10, с. 22].

В этом плане, был уверен В.М. Чернов, фашизм превратился в явление, имеющее не узко европейское, а эпохальное, общепланетное значение.

В большевистской России, из революционных потрясений возник «надкапиталистический» строй, внешне схожий с фашизмом.

«Но если в политических формах фашистской диктатуры мы имеем дело с капитализмом, перешагивающим через самого себя, то

в большевистском режиме мы имеем дело перешагнуть через капитализм внешними для него средствами. И тут получился некий над-капиталистической строй» [10, с. 22].

Большевизм и фашизм имели разное происхождение, совершенно различную внутреннюю природу, однако по своей сути, в конце 30-х годов, утверждал В.М. Чернов, они создали схожую социально-экономическую и политическую модель. В.М. Чернов заявил, что такое сходство было не случайным, а отражало закономерный процесс развития человеческой цивилизации, создающей новый вариант общественного устройства.

«Гитлер, ненавистник классового социализма, специально для его преодоления изобретший свой национальный социализм; Муссолини, отщепенец социалистической партии, когда-то возглавивший левое ее крыло; Ленин, ортодокс из ортодоксов марксизма, всю жизнь увлекаемый, как путеводную звездой, мечтой о «диктатуре пролетариата», – какие различные, какие, казалось бы, диаметрально противоположные социально-политические типы.

Но история – великая причудница, своевольной иронии которой нет пределов. И в ее анналах, может быть, нет более парадоксального явления, как сближение жизненного дела трех этих лиц и трех возглавляемых ими течений в целом ряде признаков, и признаков немаловажных» [6, с. 27].

Прежде всего, В.М. Чернов проанализировал советскую экономическую модель. Основным оппонентом В.М. Чернова являлся социал-демократ А. Югов. Последний определил сталинскую экономическую модель, как переходную между капитализмом и социализмом. В ответ на вывод А. Югова, В.М. Чернов возразил, что переходная модель предполагает многоукладность, смешенную экономику.

Основу советского экономического порядка составляло, по мнению В.М. Чернова господство, как он образно выражался, «Государства-Хозяина», подменившего собой множество частных капиталистов [7, с. 10].

Природа тоталитарного Государства-Хозяина такова, что рабочий не имеет возможности найти защиту у профсоюзов, полностью подчиненных большевиками, ни найти себе другого работодателя, по причине отсутствия таковых в СССР. Он не может обратиться к такому средству борьбы как забастовка, что расценивается властью как политическое преступление. Государство-Хозяин определяет норму эксплуатации рабочего класса [7, с. 13].

Государство-Хозяин изымает прибавочную стоимость в процессе торгового оборота, причем оно устанавливает монопольно – высокие цены, не считаясь с законом стоимости.

Единственный стимул для развития монопольно существующего в СССР Государства-Хозяина заключается в конкуренции на внешней арене, с другими государствами.

«У Государства-Хозяина нет того стимула межиндивидуальной конкуренции, которая прищипывала частных капиталистов – предпринимателей, гоня к удешевлению, повышению качества, увеличению ассортимента продукции, и которая именно для успеха на рынке побуждала их к сбережениям, к накоплению и максимальной капитализации прибавочной стоимости. Но у него есть своя, не менее прищипывающая конкуренция – с другими государствами-хозяевами, также крепящими свою производственную вообще, оборонную в частности мускулатуру» [7, с. 15].

В.М. Чернов задался вопросом о сущностных характеристиках возникшей социально-экономической и политической системы. Этот строй явно нельзя рассматривать как строй капиталистический, однако и социалистическим его назвать никак нельзя. В.М. Чернов определил его как нечто «третье».

Ранее, подобный строй определяли как строй государственно-го капитализма, однако В.М. Чернов пришел к выводу, что подобное определение мало согласуется с реалиями СССР 30–40-х гг.

«Перед нами не социализм, а некий «третий» строй, в котором социалистическое взаимоотношение между производством и потреблением перевернуто вверх ногами, как перевернуто вверх ногами и в самом производстве нормальное социалистическое соотношение между производством средств производства и производством средств потребления» [7, с. 15].

Первоначально, многие обществоведы увидели в советской модели общественного развития самый настоящий социализм, точнее его самую раннюю, переходную стадию. Те негативные аспекты, которые проявились в сталинской модели общественного развития, социал-демократ А. Югов связывал с болезнью роста. Как образно писал В.М. Чернов, его оппоненты обвиняли его в том, что, характеризуя советскую модель, он описал не только строящееся здание, но и строительные леса, уродующие прекрасное здание строящегося социализма.

Доводы оппонентов В.М. Чернова сводились к пяти основным тезисам.

Во-первых, советская экономика способствовала быстрому повышению национального дохода.

Во-вторых, развитие тяжелой промышленности за счет легкой являлось временным явлением, своеобразной болезнью роста.

В-третьих, преимущественное развитие тяжелого машиностроения было связано со стремлением компенсировать недостаточность развития этой отрасли российской экономики в годы первой мировой и гражданских войн и общей изношенностью оборудования в годы НЭПа.

В-четвертых, жесточайшая эксплуатация рабочего класса была временным явлением, связанным со стремлением быстро модернизировать Россию. В конце 30-х гг. этот процесс сменился ростом жизненного уровня.

В-пятых, бюрократизм – это общее явление, связанное с любой формой проявления организованной жизнедеятельности. Бюрократизм проникает во все сферы жизнедеятельности даже вполне демократических сообществ, как-то в профсоюзы, кооперативы и т.д. В СССР это явление связано со становлением нового общественного порядка и не привело к возникновению нового социального господствующего слоя [7, с. 35].

В.М. Чернов в ходе развернувшейся дискуссии основательно разобрал каждый тезис своих оппонентов из лагеря российской социал-демократии. Опираясь на цифры официальной советской статистики, он убедительно доказал, что приведенные сущности категории советской модели являются не временными болезнями роста, а именно имманентно присущими советскому строю явлениями.

Более того, В.М. Чернов заявил, что сложившаяся модель имеет не только российское, но и международное значение. Тоталитарная модель общественного развития сложилась в крупнейших европейских странах. Тоталитарные государства объединяет нечто общее, что позволяло ему говорить об исторической смене общественных отношений в мировом масштабе.

«Я вижу, что и сейчас многие марксисты не видят, что один и тот же этатизм, лишь в разных своих разновидностях, одержал победу над социализмом: в России как большевизм, в Италии как фашизм, в Германии как нацизм. Экономическая система у всех трех характеризуется одними и теми основными признаками» [7, с. 37]. Эта модель общественного развития, по мнению В.М. Чернова, базировалась на автаркии, на монополии внешней торговли, на протекционизме. Закрытая экономика регулируется централизованно-

ми планами. Потребитель вынужден довольствоваться монопольными государственными ценами, не связанными законом стоимости. Возможности удовлетворения потребностей рабочих сведены к минимуму. Профсоюзы подчинены государству. Государство основное внимание уделяет развитию тяжелой промышленности в ущерб легкой. Механизм саморазвития тоталитарной системы привел к становлению военно-промышленной модели. Этатическая модель направлена к ее экстенсивному расширению, а значит и к внешней экспансии. Во внешней политике авторактитические, тоталитарные «этатические» государства в 30–40-е гг. вступили в острейшую борьбу между собой.

«Этатизм в народном хозяйстве также логически приводит к гипер-империализму, как капитализм в фазе гегемонии финансового капитала к империализму просто. Вопрос стоит так: кто в сеть собственной автаркии сумеет постепенно уловить весь мир?» [7, с. 38].

В этом новом общественном механизме сложились две социальные группы. В.М. Чернов выделил правящую элиту и «трудовую массу».

«Тоталитарная экономика этатизма поглощает и растворяет все деление на классы буржуазно-капиталистического порядка в новом, чисто функциональном распаде на 1) командную социально-политическую «элиту» выдвигенческого происхождения («народо-производительный слой» политического словаря «евразийцев») и 2) организуемую и нивелируемую ею исполнительно-трудовую массу» [7, с. 43].

В.М. Чернов назвал новый строй, сложившийся в Европе, «тоталитарным этатизмом». В этом обществе ведущую роль занимает государство, ликвидирующее всякую экономическую и политическую автономию прежнего общественного устройства, включая независимые профсоюзы, партии и т.д. Любой человек превращается в раба государства, и из гражданина он превращается в подданного.

Государство сосредотачивает в своих руках всю экономическую мощь страны, устанавливает монополию внешней торговли, уничтожает нормальную финансовую систему. В итоге возникает режим экономической автаркии. Ведущую роль играет бюрократия, построенная по строго иерархическому принципу от «Отца народов», или «Фюрера» до самого мелкого чиновника – «вождя». Прежнее классовое деление общества утрачивает свое значение. Распределение благ зависит от места в системе правящей бюрократии.

«Рядом со старым «хозяином», права которого в значительной степени превратились в «клочок бумаги», стоит повсюду как бы хозяйственный «политиком» фашистского государства маленький фюрер, или «лейтер», которому отведен в этой большой удельной системе свой «удел». У него есть свои подфюреры, вассальные руководители территориальных или специальных подразделений его дела; над ним – целая иерархия сюзеренов, оберфюреров все высших степеней вплоть до руководящего «центр центров», до фюрера *tout court*, Фюрера с заглавной буквы». [6, с. 32].

Все эти признаки, по мнению В.М. Черного, имели не преходящее, а принципиальное значение. Они означали категориальное отрицание всего того, что К. Маркс называл капитализмом. В.М. Чернов категорически отказался признать «новый порядок» государственным капитализмом. Он предложил выделить «тоталитарный этатизм» в качестве новой формации, занимающей свое место между капитализмом и коммунизмом.

«И встает вопрос: не значит ли это, что трехчленная формула Маркса: феодализм, капитализм, социализм – претворяется в жизнь в четырехчленную: феодализм, капитализм, этатизм – социализм?» [10, с. 24].

В.М. Чернов определил признаки этой новой формации.

«1. Исходным негативным его признаком является ликвидация того хозяйственного автоматизма, при котором стихийная игра спроса и предложения определяет меновые соотношения плодов человеческого труда и форме этих меновых соотношений продуктов осуществляет обмен хозяйственными услугами. Ликвидация этого хозяйственного автоматизма есть вместе с тем ликвидация той «анархии производства», при которой «родное хозяйство» страны есть своего рода хозяйство без хозяина» следствие его распыления на неопределенно большое количество независимых друг от друга частных хозяйств с почти неограниченным хозяйственным суверенитетом их частных собственников.

2. Исходным позитивным его признаком является полное взаимопроникновение и сращение стихий государства со стихией хозяйства. Государство – охранитель личной, общественной и национальной безопасности, государство – судья, государство – страж соблюдения закона и выполняет роль судебного приговора, государство – поощритель закономерной и каратель незаконной деятельности перерастает в законченный тип универсального Государства-Хозяина...

3. Прямым следствием этого является, прежде всего, грандиозное усилие государственной мощи. «Подданный» отныне во всем, даже в праве на кусок хлеба и на заработок, попадает в непосредственную зависимость от государства.

4. Оборотного стороною усиления мощи государства является грандиозное увеличение всех хозяйственных масштабов. Только оно и естественно для государства – суверенного владыки всех хозяйственных ресурсов страны.... Отныне, когда функционирование в качестве Государства-Хозяина становится вместо исключения правилом, инвестиционные возможности статистического «сверхкапитализма» становятся практически неограниченными, а непосредственная рентабельность – совершенно необязательной. Отсюда тенденция к «хозяйственному гигантизму», столь же однобокому и ненормальному, как гигантизм физиологический, являющийся болезнью в самом настоящем смысле этого слова, т.е. нарушением гармонии и равновесия органических функций. Хозяйство имеет тенденцию совершенно оторваться от непосредственных потребностей трудящегося населения; человек из самоцели становится средством;

5. Полное овладение внутри страны всеми хозяйственными ресурсами непременно предполагает ее отъединение от остального ядра, живущего в режиме хозяйственной свободы. Первою ступенью такого объединения является система лицензий для ввоза и двусторая запретительно-покровительственная система для вывоза, нередко превращенного в «демпинг». Дальнейшей ступенью является установление государственной монополии внешней торговли. Вершиной развития – возможна более полная автаркия, с заменой недостающего в стране сырья синтетическими суррогатами. Параллельно с этим переживает грандиозную метаморфозу и вся денежная система. Становится анахронизмом ее нормальное для классически-капиталистического общества бытие на основе прямого или косвенного золотого обращения, когда бумажные деньги суть не более, как свидетельства на право получения определенного количества золота, следовательно, при свободе обмена их на золото, хранимое в подвалах государственного казначейства;

6. Централистическое огосударствление хозяйства является его бюрократизацией. Индивидуальная инициатива, личная ответственность, распорядительная функция предпринимателя последовательно ограничиваются, сужаются, всесторонне охватываются щупальцами хозяйствующего Государства-спрута. Размеры необхо-

димых инвестиций в той или другой отрасли производства, соответствующей хозяйственному плану государства (трехлетнему, «пятилетке», «генеральному» плану из нескольких трехлеток или пятилеток, какому угодно), качество технического оборудования в связи с количеством рабочих, которые должны найти в предприятии заработок, размер зарплаты, калькуляция соответственных всем этим условиям товарных цен - все это определяется в порядке директив свыше, нисходящих от верховных экономических органов в порядке хозяйственно-бюрократической иерархии. Получается система, действительно во многом аналогичная феодальной: рассматриваемая снизу вверх, она представляется восходящею лестницею «фюреров»; рассматриваемая сверху вниз - нисходящею лестницею подчиненных, агентов, приказчиков; система увенчивается сверху - фюрером, «дуче», «вождем», в отсталых странах - чем-то вроде патриарха (Кемаль-Ататюрк, или отец турок, Сталин - «отец народов» Советского Союза).

7. В этой системе государственно-хозяйственной централизации как трансформация старых общественных классов, так и классовые новообразования следуют своему особому закону. Если в классическом капиталистическом производстве классы формировались как особые «экономические категории», сообразно источнику доходов и находящейся в связи с ним народнохозяйственной позиции, то строй «тоталитарного хозяйственного этатизма» базисом нового классовобразования делает самое отправление людьми специальной общественной функции - Власти, т.е. проведение универсального государственного суверенитета над всеми общественными делами, до хозяйственной жизни и до домашнего быта включительно. Новый общественный привилегированный класс представляется в виде класса управляющих (аппаратчик), особой корпорации, построенной на иерархическом начале и занимающей все «ключевые позиции», все «командующие высоты» социальной жизни. Он втягивает в себя и ассимилирует все подходящие элементы старых классов по принципу «личной годности» (которая в одних случаях получает определение «фашистского динамизма», в других - «большевистской беспощадности»), и отбрасывая остальные в общую, последовательно нивелированную серую массу управляемых.

8. Основываясь на монопольном положении «единой и единственной» партии, сосредотачивающей в своих руках всю сумму политических прав, партия - носительница диктатуры (национальной или социальной) своею иерархией как бы дублирует иерархию го-

сударственного аппарата и по отношению к нему является своеобразным «внутренним государством», направляющим и контролирующим «государство внешнее». Тоталитарный государственный этатизм пытается регламентировать не только всю хозяйственную деятельность граждан, но их быт, их культурную и интеллектуальную жизнь, и самый образ их мышления. Он является отрицанием всякой духовной свободы, без которой нет творчества, и перманентным умерщвлением личной и общественной инициативы, без которой нет демократии; пользуясь всеми современными техническими средствами обработки общественного мнения, он тщательно изолирует граждан от всяких противодействующих духовных влияний, немилосердно ликвидируя всякое инакомыслие и критику и деспотически навязывая всем убеждения казенного образца.

9. Тоталитарный хозяйственный этатизм разбивает общечеловеческое на ревниво и замкнутое национально-государственное в рамках эгоистической самодовлеющей хозяйственной автаркии. Ей соответствует и духовная «автаркия» – ввоз из-за границы духовных ценностей процеживается государством, тщательно, вплоть до запрета слушать иностранное радиовещание.

10. Невозможность использовать в тесных рамках национально-замкнутого государства-хозяина ни всю величину потенциальной хозяйственной мощи современной техники, ни все источники энергии и сырья, ни всю потенциальную арену сбыта продуктов национального производства приводит тоталитарный хозяйственный этатизм к небывалой по своей напряженности экспансии» [9, с. 14].

В.М. Чернов не пытался прогнозировать сроки существования новой формации. Однако, он осознавал, что формации существуют относительно долго.

«Маркс укладывал историю в три фазиса: (прошлый) феодализм, (настоящий) капитализм, и (грядущий) социализм. Третье место оспаривается ныне этатизмом. Суждена ли ему, наподобие феодальной и капиталистической, своя, столь же длинная тоталитарная эпоха? Отцветет ли он, не успевши расцвести? Последнее слово в этом вопросе принадлежит второй мировой войне – нашей мировой войне за демократию и социализм против тоталитарности и этатизма» [9, с. 14].

В.М. Чернов не прогнозировал сроки существования строя этатизма. Этот строй мог рухнуть в Германии и Италии и в ходе войны.

Однако, война укрепляла это строй в СССР, как стране союзнице антигитлеровской коалиции. Для В.М. Чернова было ясно одно. Строй этатизма выкристаллизовался как европейский вариант социокапиталистической переходной эпохи. В свое время К. Маркс не мог предвидеть, что движение к коммунистической формации пройдет не совсем прямолинейно и на этом пути возникнет стадия этатизма, как достаточно длительный этап общественного развития [8, с. 37].

Этот новый общественный строй, по мнению В.М. Чернова, мог существовать столетия. В годы мировой войны в 1942 г., когда В.М. Чернов анализировал новое общественное явление, никто не мог предугадать, чем закончиться великое мировое противостояние. Он понимал, что, если СССР окажется в числе победителей, советскую модель развития ждет долгая судьба.

По мнению В.М. Чернова социокапиталистическая эволюция привела к формированию такого общественного строя, который являлся своеобразным отрицанием, антитезисом капитализма. В то же время этот новый тоталитарный строй не являлся строем социализма, хотя бы и раннего. Это было именно нечто новое в истории человеческой цивилизации.

«Таким образом, тоталитарный хозяйственный этатизм сохраняет все негативные, деструктивные античеловеческие внутренние стороны стяжательного капитализма, вооружая его всею, украденной у социализма, организационной техникой внешней коллективизации и планового господства над хозяйственными ресурсами» [9, с. 16].

Однако, В.М. Чернов не отрицал того положительного значения этого явления, которое заключалось в колоссальном приросте производительных сил, хотя и осуществленном за счет безудержной, тоталитарной эксплуатации народных масс.

Как и предвидел В.М. Чернов германская и итальянская модель европейского этатизма были уничтожены в ходе военного противостояния. Советская модель в итоге Второй мировой войны только укрепилась и распространилась на значительных территориях Европы и Азии. Анализ «этатизма» убедил В.М. Чернова, что надежды на возвращение на родину русских беженцев являлись минимальными. Он отдавал себе отчет, что мечтания русских эмигрантов о реформах в СССР, или даже о свержении сталинского режима самим русским народом являются наивными, далекими от реалий жизни. В то же время. В.М. Чернов был уверен, что рано или позд-

но движение СССР к гуманистическому социализму, через отрицание «этатизма» неизбежно произойдет.

Этой схеме В.М. Чернов следовал вплоть до своей кончины в начале 50-х гг. XX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Наши задачи // За свободу. Нью-Йорк. 1940. № 1.
2. О «договорившихся» // Революционная Россия. Берлин. 1926. Декабрь. № 54.
3. Резолюция Нью-Йоркской группы партии социалистов-революционеров о советско-германской войне // За свободу. Нью-Йорк. 1941. № 2–3.
4. Чернов В.М. В мире переотражений // Революционная Россия. Берлин. 1928. Январь – февраль. № 63–64.
5. Чернов В.М. Вопросы программы и тактики. Плановое хозяйство и большевизм // Революционная Россия. Берлин, 1928. Октябрь. № 68.
6. Чернов В.М. Встреча антиподов. Hoover Institution archives. B.I. Nikolaevsky Collection. Box. 391. F. 26.
7. Чернов В.М. К познанию советской экономики // За свободу. Нью-Йорк. 1942. № 6–7.
8. Чернов В.М. На путях этатизма // За свободу. Нью-Йорк. 1942. № 8–9.
9. Чернов В.М. Природа тоталитарного этатизма. Hoover Institution Archives. B.I. Nikolaevsky Collection. Box. 391. F. 14.
10. Чернов В.М. Этатизм, оттеняющий социализм. Hoover Institution archives. B.I. Nikolaevsky Collection. Box. 391. F. 22.

В.А. Вечеркина (Ростов-на-Дону)

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВETERANОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО ФОНДАМ ГКУ РО «ЦДНИРО»)

Современная историческая наука насчитывает большое количество исследований, посвященных событиям времен Великой Отечественной войны. Эта обширная тема затрагивает целый ряд ис-

следовательских проблем, над которыми трудятся ученые. Одним из основных источников для исследования выступают архивные документы. Важнейший пласт архивных источников составляют документы личного происхождения, образованные в процессе деятельности отдельных лиц. Эти документы несут в себе поистине уникальную информацию, которая не содержится в документах официального характера.

Нужно отметить, что с конца XX – начала XXI вв. работа по комплектованию архивных учреждений фондами личного происхождения заметно активизировалась. Однако, методические рекомендации по работе с документами личного происхождения, вышедшие в 1990-х гг., требуют переосмысления и доработки с учетом современных реалий.

В советское время только с 1960-х гг. ставится вопрос об экспертизе ценности документов личного происхождения, начинают формироваться методические разработки и рекомендации о порядке комплектования архивов данными документами [2, с. 508]. В этот же период создаются первые, одни из немногих специальных исследований по работе с документами личного происхождения. Фундаментальными трудами по данной теме стали работы А.В. Елпатьевского. Он один из первых определил понятия «материалы личного происхождения», «историко-биографические документы», а также классифицировал их на основе существенных различий на пять групп [1, с. 72–89]. Исследования ученого позволили продвинуться в понимании ценности формирования фондов и накопления документов личного происхождения, а также их критики и экспертизы.

Отметим, что научных исследований на тему формирования и значимости фондов личного происхождения немного, однако на современном этапе развития архивоведения и исторической науки данная проблема принимает актуальный характер. Д.П. Исаев в своей статье проанализировал историографию темы, рассмотрев результаты многолетнего опыта работы архивистов регионов России. Он обращает внимание на проблемы обновления методики собирания личных документальных материалов, отмечая «необходимость обращения к новым видам документов, ранее не востребованных или не существовавших» [2, с. 512].

В ГКУ РО «Центр документации новейшей истории Ростовской области» с конца 1990-х гг. ведется работа по формированию фондов личного происхождения. Эти материалы являются особо цен-

ными источниками, обновляющими и расширяющими возможности исследователей для создания новых научных трудов. В настоящее время сформировано 11 фондов личного происхождения. Центр документации проводит регулярную и целенаправленную работу по комплектованию, формированию и сохранению фондов документов личного происхождения. Сформированы архивные фонды ученых Ивана Григорьевича Колиненко, Александра Ивановича Козлова, Федора Ивановича Тюрморезова, краеведов Ильи Моисеевича Весельницкого, Сергея Владимировича Шелобода, Вячеслава Александровича Градобоева. Документы «рядовых» граждан, отражающих историю советской эпохи, тематически объединены в фонды-коллекции. Сформированы и продолжают пополняться документальным наследием фонды-коллекции «Ветераны спорта Дона», «Ветераны Великой Отечественной войны», «Ветераны комсомола Дона». В настоящее время формируется фонд-коллекция «Дети войны».

Фонд-коллекция ветеранов Великой Отечественной войны насчитывает в себе 6 коллекций документов личного происхождения. Среди них документы Серафимы Григорьевны Масленниковой, участницы героической обороны Кавказа [8, л. 31], в послевоенные годы занимавшей ответственные должности в комсомольских организациях Ростовской области и в сфере школьного образования [8, л. 35]. С 1978 г. она работала реставратором партийного архива Ростовского обкома КПСС и Центра документации новейшей истории [11, л. 35]. Документы личного происхождения были переданы в ЦДНИРО самой Масленниковой в 2006 г. Это автобиография, фотографии, дипломы, справки, которые охватывают период с 1934 по 2006 гг.

Одним из заслуженных деятелей Донского региона является Олег Иванович Архангельский. В годы Великой Отечественной войны Олег Иванович, видный специалист в области военнотехнических разработок был преподавателем артиллерийского дела в Военно-политическом училище и начальником артиллерийского технического снабжения 3-го отдельного стрелкового полка 47-й стрелковой дивизии Приволжского военного округа [11, л. 25].

Участвовал в боевых действиях с Японией на Дальнем Востоке в 1945 г., готовил специалистов связи для Кубы и Монголии, был руководителем советских войск в Чехословакии [13, л. 1–8]. Имея богатый военный опыт, О.И. Архангельский занимался учебнопреподавательской деятельностью. Он принимал активное участие

в создании научных работ по геофизике и радиационной физике, возглавлял геофизическую экспедицию при Ростовском педагогическом институте [12, л. 1]. В состав фонда-коллекции Ветеранов Великой Отечественной войны документы О.И. Архангельского были включены в 2006 г. Особую ценность составляют научные труды, характеристики с места службы и работы, свидетельства и справки официального характера, наградные документы и фотографии.

Рукописи, личные документы, материалы общественной и служебной деятельности в 2008 г. в Центр документации были переданы Верой Петровной Алексеевой. Родившись в Вологодской области, пройдя войну в Псковском партизанском отряде [14, л. 7–15], она волею судьбы попала в Ростов-на-Дону. Долгие годы Вера Петровна трудилась на заводе «Роствертол», где и заслужила почет и уважение горожан. С 1983 г. В.П. Алексеева является лауреатом премии Ордена Ленина Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов среди женщин [15, л. 1–7].

Уникальный человек – Михаил Иванович Теряев родился в 1927 г. в Ставропольском крае [9, л. 1]. Война застала его еще подростком. Не имея возможности попасть на фронт, Михаил Иванович пошел работать в колхоз, заменив ушедших на фронт мужчин. В 1944 г. М.И. Теряев был призван в ряды Красной армии. Окончив минометное училище, в 1951 г. Михаил Иванович получил звание лейтенанта и в 1955 г. поступил в Ленинградскую Военно-транспортную академию [10, л. 1–72]. Большой опыт кадрового военного пригодился М.И. Теряеву в годы войны в Афганистане, где он был назначен на должность начальника военных сообщений в 40-ю армию [10, л. 72–126]. Документы личного происхождения, которые были переданы в Центр документации в 2008 г., содержат особо ценные рукописи рассказов и очерков, повествующие о судьбе одного человека в рамках больших исторических событий в судьбе страны.

Документы личного происхождения участника Великой Отечественной войны, Поповяна Аршака Меркяновича – краеведа, писателя, повествуют о его героической судьбе. Мобилизованный в 1942 г. в действующую армию, А.М. Поповян вплоть до 1945 г. сражался на Миус-фронте, участвовал в штурме высоты «Саур-могила», освобождении Донбасса, левобережной Украины, Перекопского перешейка и Турецкого вала, городов Севастополя и Евпатории, воевал в Польше и Прибалтике.

С 1970 г. А.М. Поповян был директором Чалтырской типографии, многое сделав для технологического перевооружения, мо-

дернизации оборудования в типографских цехах. Аршак Меркянович стал талантливым писателем, краеведом и большим знатоком истории, которую старался сохранить для потомков [7, л. 1–6].

Материалы личного происхождения были переданы в Центр документации дочерью А.М. Поповяна К.А. Явруян (Поповян) в 2012 г. В них собраны рукописи, почетные грамоты, сборник воспоминаний, фотографии. Отметим, что в фонд вошли документы об увековечивании памяти, собранные родными и близкими А.М. Поповяна.

В 2014 г. в Центр документации на хранение поступили документы личного происхождения С.Е. Кукуюка, собранные его дочерьми Борисовой Зинаидой Сергеевной и Яковлевой Верой Сергеевной. В составе фонда записанные ими воспоминания, документы о работе возглавляемого им штаба партизанского отряда Трифонов (Югова), уникальные фронтовые фотографии в составе фонда являются ценным источником для исторических исследований.

Стоит отметить, что материалы личного происхождения, в которых есть информативная составляющая о военном периоде, находятся не только в фонде-коллекции ветеранов Великой Отечественной войны. На хранении в Центре документации есть фонд-коллекция Ветеранов спорта Дона, в котором отложились документы, содержащие важные сведения о военном периоде. Так, например, в 2012 г. на хранение в Центр документации был передан фонд личного происхождения Г.А. Хачикяна – судьи всесоюзной категории, участника Великой Отечественной войны. Георгий Асватурович в 1941 г. был призван в ряды Красной армии, воевал в составе 21-го Погранполка внутренних войск НКВД, прошел службу от пулеметчика 1-го номера до командира отделения, участвовал в оборонительных боях за Донбасс, Ростов и Северный Кавказ, освобождал Белоруссию, Евпаторию, Саки, Севастополь, воевал в Восточной Пруссии, штурмовал крепость Кенигсберг [6, л. 1]. Документы личного происхождения были переданы в архив в россыпи. В 2013 г. сотрудниками Центра документации была проведена научно-техническая обработка документов фонда, которые теперь используются в научных работах.

Большой ценностью являются документы личного происхождения Ивана Викторовича Шамарова, переданные в Центр документации в 2004 г. его сыном Владимиром Викторовичем Шамаровым. Коллекция состояла из 16 дел и была отнесена к фонду-коллекции «Ветераны спорта Дона», так как в 30-е годы XX в. И.В. Шамаров

активно занимался вольной борьбой у тренера А.Г. Пустынникова в спортивном обществе «Динамо» [5, л. 1]. И.В. Шамаров прошел военный путь солдата с 1941 по 1945 гг., был тяжело ранен и скончался от полученных ран в конце мая 1945 г. в Германии [16, л. 1–176]. В Центре документации хранится уникальная коллекция из 167 писем, присланных Иваном Викторовичем с фронта с 4 сентября 1941 по 14 мая 1945 гг. [3, л. 1–167]. Дополняют эту коллекцию 7 писем фронтовых друзей Ивана Викторовича, датируемых маем–ноябрем 1945 г., присланные вдове после смерти боевого товарища [4, л. 1–7]. В этих двух делах отразилась вся история Великой Отечественной войны: от начала и до военных действий в Германии.

Самой главной особенностью документов личного происхождения является многообразие их содержания и разноаспектная направленность. Они позволяют по-новому взглянуть на историю повседневности войны, открывая широкий спектр возможности для исследователя. Документы из личных фондов активно используются и сотрудниками Центра документации в своей деятельности: при организации стационарных, передвижных, виртуальных выставок и тематических подборках на уроках–экскурсиях, в научных статьях, выступлениях на научных конференциях.

Сейчас, в период стремительной глобализации и информатизации общества, важно не утратить ценные сведения о прошлом, которые формировали образ жизни предыдущих поколений. Фонды личного происхождения являются отражением эпохи на примере одного конкретного человека и несут в себе огромный потенциал для научных исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972.
2. Исаев Д.П. Архивоведение документов по личному составу и личного происхождения (теория и практика сегодня) // Архивы и архивное дело на юге России: История, современность, перспективы развития: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. д.и.н. Д.В. Сень, к.и.н. Д.П. Исаев, к.и.н. М.Е. Шалак (г. Ростов-на-Дону, 16–17 октября 2015 г.). Ростов н/Д: Foundation, 2015. с. 508–515.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 16.
4. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 17.

-
5. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 19.
 6. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 205.
 7. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 242.
 8. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 1.
 9. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 115.
 10. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 116.
 11. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 59.
 12. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 62.
 13. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 66.
 14. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 83.
 15. ЦДНИРО. Ф. Р-3708. Оп. 1. Д. 90.
 16. ЦДНИРО. Ф. Р-3705. Оп. 1. Д. 22.

Е.Б. Карбышева (Вешенская)

«Я ДУМАЮ, ЧТО МЕЛЕХОВА НЕ БЫЛО, А БЫЛ ЕРМАКОВ...»

Читательские письма к М.А. Шолохову мало изучены. В настоящее время сотрудники Института мировой литературы им. А.М. Горького и Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова продолжают работу над подготовкой научного издания читательских писем к М.А. Шолохову: «Письма читателей к М.А. Шолохову: 1930–1970-е гг.».

Особый интерес у исследователей творчества М.А. Шолохова вызывают письма с упоминаниями исторических лиц, прототипов героев, описанных в его произведениях. В своих исследованиях ранее я уже обращалась к читательским письмам. В статье «Читательские письма о прототипах шолоховских героев», опубликованной в «Вешенском вестнике» № 10 [1, с. 124–125] приводились письма к писателю, в которых читатели рассказывали о людях, ставших прототипами героев произведений Михаила Александровича.

В процессе работы над изданием «Письма читателей к М.А. Шолохову: 1930–1970-е гг.», удалось обнаружить еще несколько читательских писем к писателю, связанных с данной темой. Такие письма представляют собой ценный источник для исследований. Они подтверждают историчность произведений М.А. Шолохова, говорят о его глубоком знании истории донского края.

Почти все второстепенные герои романа «Тихий Дон» были выведены писателем под своими подлинными именами.

В приведенных в данной работе письмах речь идет о героях романа М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Использованные в статье письма (из личного архива семьи М.А. Шолохова) публикуются впервые. (Печатаются в соответствии с современными правилами и нормами орфографии и пунктуации).

Многие читатели, участники событий, описанных в романе, часто воспринимали «Тихий Дон» не как художественное, а как историческое произведение. Они делились в письмах к М.А. Шолохову воспоминаниями о своих родственниках, знакомых, о которых писатель рассказал на страницах романа.

К М.А. Шолохову в большом количестве приходили письма от читателей с просьбой рассказать о дальнейшей судьбе героев романа «Тихий Дон». Многие читатели спрашивали о судьбе Григория Мелехова.

Из письма к М.А. Шолохову Е.И. Тягуцовой:

«Уважаемый Михаил Александрович!

Я читала Ваши романы «Тихий Дон», «Поднятая целина». Слушала по радио рассказ «Судьба человека». И все это по несколько раз. Смотрела кинокартины. И тоже не один раз. «Судьбу человека» я не могу слушать без слез. Ничего лучше, правдивее я не читала в литературе, как Ваши произведения. Настолько все описано по-простому, правдиво жизнь Ваших героев. Но вот у меня к Вам вопрос: «Как сложилась жизнь Григория Мелехова после Гражданской войны, простила ли Советская власть ему службу в белых, и дожил ли он до Великой Отечественной войны?» Прошу Вас ответить, Михаил Александрович, по адресу: г. Чистополь... Тягуцовой Евдокии Ивановне, или через газету «Советская Россия». Желаю Вам доброго здоровья и долгих лет жизни. С горячим приветом. Тягуцева. 02.02.84 г.»*

В 2019 г. в Ростовской области будет отмечаться 100-летие Верхне-Донского восстания, точно описанного в романе «Тихий Дон».

Интересно письмо К.Т. Кулешова из Ростовской области, нашедшего в Григории Мелехове сходство с главным прототипом романа Харлампием Ермаковым, одним из руководителей восстания.

* Здесь и далее публикуются письма из личного архива семьи М.А. Шолохова.

«Михаил Александрович! Простите за беспокойство. Я прочел Вашу книгу «Тихий Дон». Также прочли и другие товарищи. И у нас разные суждения и споры по следующим вопросам:

1) Я думаю, что Мелехова не было, а был Ермаков. Командовал восстанческими (sic)* отрядами, потому что я сам вел с ним бой со стороны Красной Армии под станицей Каргиновской** (sic). И про Мелехова я не слышал, а только про Ермакова.

2) Был ли у него сын Мишатка, а мне кажется, Иосиф***.

3) Был ли хутор Татарский.

4) Действительно ли фамилия Кошевой, или другое (sic) фамилия.

Михаил Александрович, если Вас не затруднит, прошу ответить и пятый вопрос (sic): куда делся Гришка Мелехов.

Адрес мой.

г. Шахты Ростовской обл.,

ул. Красина № 12.

Кулешов Куприян Тихонович.

Письмо О.Н. Зенкина связано с другим героем романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» – Ф.К. Мироновым.

«Здравствуйте, уважаемый Михаил Александрович!

Давно хотел написать Вам, да все не решался. Сразу представляюсь. Я – Зенкин Никифор Семенович, 1949 года рождения, уроженец станицы Березовской, что на речке Медведице. Отец мой, дед – Зенкин Никифор Семенович – казаки. Казакom считаю и себя. Дед мой был близким другом Миронова, служил у него. Вы, случаем, не слышали о нем? Недорубов Константин Иосифович – наш дальний родственник. В революцию он воевал с родным братом моего деда Зенкиным Калином Семеновичем. В общем, род наш казачий... Отдушиной для меня являются Ваши книги о нашей жизни».

Письмо от Чумакова И.С. посвящено эпизоду расстрела подтелковцев и одному из реальных участников этого события.

«Дорогой Михаил Александрович!

От всей души поздравляю Вас с днем пятидесятилетия и желаю Вам многих-многих лет жизни и успешной творческой работы на радость всем советским людям!

* Здесь и далее в текстах писем (sic) – показывает, что предыдущее неправильное или необычное написание является цитатой, а не ошибкой набора.

** Речь идет о ст. Каргинской.

*** Иосиф Ермаков – сын Х.В. Ермакова.

Михаил Александрович, хочу поделиться с Вами некоторыми подробностями из жизни своей семьи. Я – внук Егора Ивановича Орлова, брата того самого Орлова, которому Вы посвятили несколько строк при описании расстрела отряда Подтелкова.

Когда я был еще мальчишкой, мой дед – академик Орлов однажды, после выхода в свет «Тихого Дона» со слезами читал мне этот момент из книги, а потом много рассказывал о своем брате. Дело в том, что они были большими друзьями, и мой дед много помогал брату, хотя и был беспартийным научным работником.

...Когда я впервые прочитал «Тихий Дон», я захотел послать Вам фотографию расстрелянного А.И. Орлова, но дед мне ее долго не давал, т.к. у него был только один экземпляр. Затем, в 1939 году, незадолго до моего ухода в армию, он дал мне на пересъемку портрет брата, но, к сожалению, этот портрет затерялся у одного фотографа. Так мне и не удалось сделать то, что я так хотел. Вернулся я из армии, пройдя всю войну, в 1946 году, когда деда не было в живых. Как память о его замечательном брате, работавшем до отряда Подтелкова в Ростовском ревтрибунале, остался только том «Тихого Дона» со строчками, подчеркнутыми дедом в том месте, где описывается расстрел «седого большевика», да место в списке расстрелянных под фамилией Орлов – «крестьянин Нижегородской губернии». Память об А.И. Орлове свято хранится в нашей семье и по сей день.

Еще раз сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой Вашей жизни.

С приветом И. Чумаков, инженер-геолог.

Москва. Б. Харитоновский 12, кв. 28.

24/V-55 г.».

Имени Орлова нет в алфавитном указателе персонажей романа «Тихий Дон», опубликованном в «Шолоховской энциклопедии» [2, с. 1109–1126]. А.И. Орлов – это еще один подлинный герой романа, о котором стало известно благодаря письму.

О своем знакомстве с реальным героем романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» пишет Клавдия Васильевна Горинова:

«23/IX70 г.

Милые и дорогие

Михаил Александрович и супруга!

Пишет Вам Ваша станичница Горинова Клавдия Васильевна, из Донбасса, рождения 1877 года.

Я родом из станицы Еланской Области Войска Донского.

Будучи учительницей ездили мы (sic) в ст. Вешенскую ставить спектакли, от нас 16 верст.

Когда приезжал на побывку офицер Захар Акимович, про которого Вы упоминаете в «Тихом Доне», ездил с нами, все играл больше стариков.

Его жена Наташа, моя ученица, умненькая девочка была, смышленная, шустрая.

Захар Акимович всегда был в нашей компании.

Вышла я замуж тоже за станичника – врача Горинова Константина Васильевича. Его брат старший – Горинов Петр Васильевич проработал врачом в ст. Вешенской 25 лет, а потом переехал в Новочеркасск, где и умер.

Ваши родные и казаки такого возраста должны его знать.

Профессор Мельников-Разведенко из ст. Усть-Медведевской помогал им материально, они обое (sic) окончили Харьковский университет, медицинский факультет.

Ваш дар – «Тихий Дон» я начала читать с 1930 года.

С этих пор я молюсь за Вашу семью, это мои настольные книги. Одни и те же места перечитываю по несколько раз и насмеюсь, и наплачусь, будто на Дону побываю.

Теперь я живу с дочерью учительницей, пенсионеркой, которая получает пенсию 52 р. 60 к.

Я получаю за мужа 21 рубль.

Мне 93 года, врач говорит, что у меня сердце крепенькое.

Ломот в суставах я никаких не чувствую, потому что с детства ела Донскую <sic> рыбу: сулу, стерлядь, чабак (sic).

Недавно дочь принесла из (sic) рынка привозную дыньку «Казачку», такая вкусная, ароматная, сладкая.

Я ела и про Дон вспоминала, незабываемый Дон!

Мне так хочется дынь, груш, конфет, а она не может мне много покупать, потому что к зиме нужно заготовить угля, дров, картофеля, овощей засолить.

Я давно ее прошу: «Напиши Михаилу Александровичу, попроси, пусть он мне пришлет денег на сладости».

Она говорит: «Мама, неудобно беспокоить таких людей».

Так я попросила знакомую, которая мне теперь часто читает «Тихий Дон», она мне и пишет, я плохо вижу.

Примите мою скромную фотографию.

Мой адрес: Донбасс, г. Артемовск, Донецкой обл., ул. Маяковского № 1, Гориновой Клавдии Васильевне.

Шлю земной поклон Вашей семье, станичникам и родной Донской земле.

Горинова Клавдия Васильевна».

На обратной стороне фотографии надпись: «На долгую и добрую память Михаилу Александровичу и его супруге от станичницы Гориновой Клавдии Васильевны рождения 1877 года, проживающей в Донбассе, г. Артемовске, ул. Маяковского №1, Донецкой области, паспорт – VI – Ю Ж 599287.

23 сентября 1970 года.

Горинова Кл. Вас.».

Особый интерес вызывают письма, из текста которых можно узнать о переписке авторов с писателем. Приведу одно из таких писем от коллектива однополчан из Днепропетровска:

«Дорогой Михаил Александрович.

Получив Вашу телеграмму, мы были крайне взволнованы ее теплым от души содержанием. Как Вы рекомендовали, мы собрались и с очень большим подъемом выполнили Вашу дружескую просьбу, правда, с некоторым отклонением, т.е. выпили не только по чарке украинской горилки, но и по чарке русской водки, тем более, что украинская горилка, к стыду наших украинских виноделов, гораздо хуже русской.

Выпили сначала за тех однополчан, которые не вернулись с поля брани и остались навечно спать в хуторах и станицах Дона, где бушевал этот очаг восстания, так гениально Вами описанный в бессмертном романе «Тихий Дон».

С особым наслаждением и подъемом выпили русской водки за Ваше здоровье, за дальнейшее процветание Вашего могучего таланта, на благо нашей Социалистической Родины.

В заключение все товарищи решили и поручили мне обратиться к Вам, дорогой Михаил Александрович, с просьбой, не могли бы Вы выслать нам на память хотя бы один комплект романа «Тихий Дон» с Вашим автографом и, если можно, в старом издании. Мы по простоте своей душевной любим донскую речь и другие особенности ее колорита (sic), речь донских казаков, особенно стариков, которая осела в нашей памяти с тех незабываемых времен.

В заключение нашей товарищеской встречи были и такие пожелания, чтобы посетить эти памятные места, где сражался 13 кавалерийский полк, т.е. хутор Пономарев (исходная позиция Кавполка, когда он прибыл с фронта для ликвидации Вешенского восстания), могилу Подтелкова и Кривошлыкова, которую мы организова-

ли весной 1919 года в ее первоначальном виде, станицу Каргиновскую (sic), и дальше по пути к станице Вешенской, где мы сражались в описываемый Вами период. А там, гляди, и удалось бы пови-даться на закате нашей жизни с Вами, дорогой, горячо любимый, Михаил Александрович.

Правда, эти искренние намерения упираются в материальные затруднения, а мы все теперь уже пенсионеры и без помощи местных организаций не в состоянии осуществить этот замысел. Но будем пытаться.

Извините, что пишем на пишущей машинке. Решили, как мож-но меньше отрывать Вас от Вашей творческой работы, и не утруж-дать Вас чтиткой нашего рукописного послания.

Еще раз желаем Вам, дорогой Михаил Александрович, счастья, здоровья и творческой удачи в дальнейшем процветании Вашего могучего таланта на благо нашей любимой и необъятной Родины.

С коммунистическим приветом бывший командир
13 Кавполка, член КПСС с 1919 года, персональный
пенсионер Республиканского значения
Опалатенко Яков Семенович.

Г. Днепропетровск, проспект Карла Маркса №105, кв. 20,
Опалатенко Я.С.
2 июля 1955 года».

Такие письма важны как отзывы очевидцев исторических со-бытий, описанных М.А. Шолоховым в своих произведениях. Они подтверждают достоверность событий, изображенных в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», помогают выявить прототипов персо-нажей романа.

Письма читателей – не только неисчерпаемый источник для ис-следований, но и свидетельство живого, неподдельного интереса к творчеству М.А. Шолохову, любви к его произведениям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Карбышева Е.Б. «Читательские письма о прототипах шолохов-ских героев» // Вешенский вестник. Сборник статей и документов. Ро-стов н/Д., 2010. № 10.
2. «Шолоховская энциклопедия» / Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. М., 2012.

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ПОДОНЬЯ

Вопросы изучения и сохранения архитектурного наследия всегда были важной составляющей архитектурного образования, начиная с преподавания на первом курсе и до выпускного проекта. В настоящее время не только специальная кафедра, но и все учебные подразделения включают в процесс курсового и дипломного проектирования отдельные вопросы сохранения историко-культурного наследия и включения его в различные уровни архитектурного проектирования.

Планомерная подготовка архитекторов началась в Ростове-на-Дону с 1964 г., когда состоялся первый регулярный набор студентов на архитектурное отделение вуза. Учебные обмерно-ознакомительные практики в эти годы проходили под руководством опытных преподавателей в Ленинграде (Петербурге) и его пригородах. В 1980-е гг. эти учебные практики проводились как в Ленинграде, так и во Львове, Вильнюсе, Ереване и других городах, богатых историко-архитектурным наследием.

Однако уже тогда чувствовалась необходимость фиксации памятников жилой и культовой архитектуры Ростовской области.

Первым архитектором-педагогом, приобщающим студентов к архитектурным памятникам Подонья, был Василий Васильевич Попов. Много путешествуя по донской земле, он делал зарисовки, обмеры казачьих усадеб, изучал историю Дона.

Большим открытием для меня стало знакомство с книгой «Земля Донская в XVIII веке» профессора А.П. Пронштейна в 1980-е гг. Под влиянием этой книги я (будучи преподавателем) предприняла поездки на обмерную практику в различные районы Подонья.

Поездки на обмерную практику организовывались с большим трудом, т.к. приходилось преодолевать препятствия и непонимание не только со стороны руководства, но и преподавателей.

Дело в том, что в Ростовской области в силу исторических причин сохранились в основном, памятники культовой архитектуры XIX – начала XX в. Большинство из них в 1970–1980-е гг. были фактически бесхозными и безжалостно разрушались. Кроме того, храмы претерпели значительные переделки, искажающие первоначальный их облик. Художественная направленность культовой ар-

хитектуры конца XIX – начала XX в. – в основном, стилизаторство, эклектика, русско-византийский стиль.

Эклектика в архитектуре считалась воплощением не лучшего вкуса, а сами термины «эклектика» и «стилизаторство» произносились с негативным оттенком. Наилучшими образцами (что справедливо!) для изучения русской архитектуры считалась архитектура Новгорода, Пскова, Владимиро-Суздальских земель, деревянное зодчество Русского Севера и, конечно, архитектура Москвы и Петербурга (до середины XIX в.).

В 1986–1989 гг. были организованы поездки в райцентры и станции Дона для обмера церковных и традиционных жилых зданий (курений). Для проведения учебной практики составлялась ориентировочная смета расходов (очень малая), выделялось 5–7 студентов (не выехавших по причине финансовых проблем, неуспеваемости или болезни в столичные центры культуры, где обычно и проходила обмерная практика). За этот период небольшими группами студентов архитектурного факультета (впоследствии – архитектурного института) были изучены некоторые памятники культовой архитектуры в Азовском, Усть-Донецком, Неклиновском и Белокалитвенском районах, а также памятники жилой архитектуры в Вешенском (Шолоховском) районе Ростовской области.

Графические материалы состояли из обмерных чертежей планов, генпланов и деталей построек. Обмерные чертежи, фотографии объекта, деталей, рисунки, краткое описание объемно-пространственного решения здания, – все это составляло альбом рассматриваемого памятника архитектуры.

Кроме того, проводились фотофиксации культовых сооружений и жилой архитектуры XIX–XX вв. в Каменском, Тарасовском и Миллеровском районах. Студентами делались доклады на студенческих научных конференциях, были выпущены книги и учебные пособия, опубликованы многочисленные статьи и тезисы докладов в научных сборниках. Для целостного изучения донской архитектуры была разработана программа факультативного курса «История архитектуры Дона».

Изучение регионального историко-культурного и архитектурного наследия в Ростове-на-Дону поддерживали историки, музейщики, научные сотрудники СКНЦ ВШ, отдел культуры.

Была начата работа по регистрации и охране памятников истории и культуры Северного Кавказа и подготовка томов регионального Свода памятников. Эта работа (по Своду памятников) не была завершена в силу ряда причин.

Постепенно усиливается внимание к возрождению культовых зданий, по-новому оцениваются памятники региональной архитектуры, которые в прежние времена презрительно назывались безвкусными и эклектичными. Специализированная кафедра уделяет большое внимание реставрации памятников, систематизации и научному анализируванию обширного историко-архитектурного материала.

Принятие закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», взятие памятников архитектуры на учет и государственную охрану, работа Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), подвижническая работа краеведов и учебных заведений позволяет воссоздавать полную картину регионального культурного наследия. Сохранение и развитие культурно-исторического своеобразия является важной задачей содержания архитектурного образования на Дону.

Н.Н. Кравченко (Ростов-на-Дону)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ХУТОРОВ НИЖНЕГО ДОНА В 1960 – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.

Развитие исторической науки на протяжении длительного времени, в особенности в XX веке привело к становлению новых направлений и методик работы с историческим материалом. Одним из таковых стало развитие «устной истории» как уже самостоятельной ветви в исторической науке. Известно, что вид устного исторического источника известен достаточно давно, однако «устная история» как вид нового исторического анализа и технология сбора исторических источников сформировалась во второй половине XX столетия, в первую очередь на Западе, на базе Колумбийского университета, а затем в Канаде, Бразилии и Австралии. В отечественной исторической науке, как самостоятельное направление со всеми ей положенными целями, задачами и методами, «устная история» пробивала себе путь с конца 1980-х гг. При этом, многие исследователи и на сегодняшний день отмечают, что в России исследования, основанные на устных исторических источниках, не так мас-

штабны и не столь популярны, в сравнении с зарубежными исследованиями [7]. Тем не менее, стоит отметить, что и в отечественной исторической науке ведется много разработок в этом направлении, в первую очередь это касается региональных исследований. Ярким примером может служить «Алтайская школа» [14], где происходит не только анализ и обобщение устных материалов, но сбор и хранение устных свидетельств о прошлом региона. А также и другие региональные вузовские центры, такие как Петрозаводск, Иркутск, Владивосток. Немало внимания развитию «устной истории» уделяется и в южном регионе, в частности по изучению казачества. Большая работа в этой области ведется М.А. Рыбловой [8] Т.Ю. Власкиной [1], О.В. Матвеевым [6], и рядом других историков, многие работы которых опираются на устные исторические источники, собранные в полевых исследованиях.

Что касается собственно определения «устная история», то по этому поводу с начала ее становления в отдельное направление предлагались различные варианты, но в целом все сводится к тому, что это различного вида устные свидетельства о прошлом, и научные исследования, и разработки на их основе. Т.К. Щеглова дает развернутую трактовку понятия и определяет его как «историческую дисциплину, отличающуюся собственным концептуальным подходом к изучению исторической действительности через “человека в истории”, “историю изнутри” в интерпретации ее массовыми участниками и представителями “высших этажей” общества... изучающую “человеческое измерение истории” и имеющую собственные методы исследования, основанные на опросе, прежде всего путем организации исследовательских интервью с участниками и очевидцами исторических событий, явлений и процессов, для создания нового типа источника — устных исторических источников, содержащих массовые или индивидуальные исторические представления о недавнем прошлом» [14, с. 36–37]. Исходя из этого, важно отметить, что в целом в «устной истории» следует выделить три основных вида: это устное предание или традиция – фольклор, наследие устного народного творчества, дошедшее до нас уже в готовом виде (фольклорно-этнографический), биографические материалы и социологические опросы (социологический) и, собственно, историческое интервью, мемораты (исторический). Именно историческое интервью представляет наибольшую ценность ввиду того, что является, по сути, актом творчества исследователя и методом самой «устной

истории». В итоге мы имеем не просто фиксацию каких-либо событий или явлений, а создание нового исторического источника.

Стоит также упомянуть, что «устная история» тесным образом связана с такими направлениями как историческая память, социальная история, история ментальности, история повседневности, в частности, изучение сельской жизни и крестьянства. Порой устные исторические источники являются чуть ли не единственными в изучении таких аспектов повседневной жизни отдельных категорий населения как быт, семейно-родственные отношения, досуг, празднично-обрядовые элементы, мировоззрение, отношение к власти и проводимой политике. «Устная история» позволяет изучить какой-либо исторический период, явление, процесс или отдельную социальную или этническую группу «снизу». Ведь зачастую в официальных документах подобные аспекты либо освещены в соответствии с проводимым политическим курсом, что накладывает отпечаток на их объективность, либо вообще отсутствуют. Поэтому использование устных исторических источников существенным образом может положительно повлиять на выводы исследования.

Обращаясь к теме «Повседневная жизнь жителей хуторов и станиц Ростовской области в 1960–1980-е гг.», стоит отметить важную и основополагающую роль устных исторических источников в разработке данной проблематики. В рамках данного исследования нами проводятся на протяжении последних двух лет исторические интервью с местными жителями хуторов и станиц Азовского района Ростовской области.

При подготовке к интервьюированию стоит учитывать ряд моментов.

Во-первых, составление вопросов, анкет, которые должны отвечать поставленным исследовательским задачам. Во-вторых, выбор целевой аудитории. Прежде чем начать исследование, необходимо изучить местность, определить группы людей. Так, если стоит задача изучить деятельность колхозов в 1960–1980-е гг., то необходимо найти жителей, работавших там в этот период времени. По большей части это мужское население. В то же время, об особенностях быта и хозяйственного уклада, семейно-брачно-родственных отношениях расскажут женщины. О работе партийных и административных органов, школ, домов культуры лучше побеседовать с бывшими учителями и административными работниками. Чтобы выявить необходимых респондентов, стоит дополнительно пообщаться

об этом с местными жителями, которые смогут указать имя и место проживания нужного нам человека.

В-третьих, большое внимание стоит уделить самой технике проведения интервью. Зачастую мы сталкивались с трудностями, когда информант намеренно уходил от ответа, или не ясно и точно понимал вопрос, часто уходил от темы разговора. В этом случае важную роль играет с одной стороны, выверенный и правильно сформулированный опросный лист, с другой, компетенции и умения интервьюера, особенно в случае работы с пожилыми людьми. Встречались случаи, когда житель соглашался дать какую-либо информацию, но при этом хотел оставаться анонимным, что в свою очередь приводит к затруднению использования полученной информации в исследовании. Многие попросту стесняются и проявляют недоверие к незнакомым людям, зачастую утаивая какую-либо интересную и полезную информацию. Что опять-таки подтверждает необходимость тщательной подготовки и изучения техник проведения исторического интервью.

Разрабатывая обозначенную выше тему, мы безусловно обращаемся к архивным фондам, в частности, к фондам Центра документации истории новейшего времени ростовской области (ЦДНИРО). В этой связи особый интерес представляют документы Азовского райкома КПСС: протоколы партийных собраний рыбколхозов Азовского района [9], справки и аналитические данные сельхозотдела [10] и отдела пропаганды и агитации [11], справки о работе партийного руководства и партийных органов и организаций [13], милиции, суда [12] и других ведомств. Данные, содержащиеся в этих документах, дают понимание общей социально-экономической, культурной и политической обстановки в изучаемый период, но информация, раскрывающая детали повседневной жизни в хуторах, практически не представлена. Многие документы, освещающие работу рыбколхозов, позволяют реконструировать структуру, функции и специфику этих производств, и даже описать деятельность и роль самого колхозника в этой системе, однако обратная сторона его домашней, повседневной жизни, его мировоззрения и взглядов, выявляется с большим трудом. Учитывая, что большинство документации было так или иначе подвержено влиянию советской идеологии, что накладывает отпечаток на их объективность, создание и использование устных исторических источников представляет особую важность.

Давая характеристику информантов, стоит выделить 2 категории. Первая – это те, кто родился с 1930-х по 1950-е гг.: период их сознательной и трудоспособной жизни приходился как раз на 1960–1980-е гг., интересны их оценки своего времени, в котором они выделяют как плюсы, так и не меньше минусов, что весьма важно в реконструкции прошлого. Вторая категория, это родившиеся в 1960–1970-е гг.: их воспоминания и оценки несколько отличаются, ввиду того, что период их взросления пришелся на годы расцвета советского общества и идеологии, и в их сознании зачастую все предстает в весьма радужных красках.

Так, в ходе проведенной работы, удалось выявить ряд ценных сведений. Интересным представляется положение женщин в изучаемых хуторах. В то время как политическое руководство активно пропагандировало важность и роль работающей женщины в советском обществе, в хуторах, к слову, исторически являющихся казачьими, сохранялась традиция женщины-домохозяйки, основная функция которой сводилась к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Большинство опрошенных женщин указывали на отсутствие работы и профессии в то время: *«Я пока девкой была работала у Ростове на фабрике, потом уже как вышла замуж то вся работа моя была дома, потом и дети пошли, так же и все женщины тогда»* [5]. Не менее остро стоял религиозный вопрос. В то время как официальная пресса и партийные органы гремели о борьбе с пережитками религиозных убеждений, на практике большинство хуторян, даже состоявших в партии, продолжали соблюдать религиозные обряды и праздники. Вот некоторые свидетельства: *«Раньше когда мы пасочки напечем, мы же ставили их на стол у зал под святой угол, а если кто был у нас партийный, так ходили и проверяли чтобы ничего этого не было. А мы их накроем и попрячем, а если найдут, так мы говорили что это бабушкины, а с нее какой спрос, она уже старенькая»* [4]. Далее: *«Крестить и венчаться ходили тайком в Обуховскую церковь, договаривались с батюшкой кто-то из старых, бабушка моя например водила детей. А если кто-то был у колхоза, то венчались ночью, чтоб же никто не видел»* [3].

Одним из важных аспектов материального благополучия населения, как и в прежние времена, являлся традиционный рыбный промысел. В советские годы он заключался в деятельности рыбколхозов, а вся рыбная ловля была строго регламентирована и охраняема, однако это не мешало местным жителям сделать рыбный промысел основной статьей семейного дохода. Несмотря на то, что чле-

нам рыболовецкой бригады официально полагалась зарплата и пай рыбы с улова, все же большинство занимались присваиванием излишком и запрещенным самостоятельным уловом. Факты задержаний и выявлений хищений неоднократно встречаются в официальных документах и даже периодике. Но более интересные подробности и само отношение к этому выявляем из рассказов информантов: *«Мужчинам жены пришивали к костюму потайной внутренний карман из брезента, чтобы они складывали тайком туда хорошую рыбу вовремя дележки, а потом приносили домой»* [2]. На вопрос о том, почему таскали рыбу с тони, и считалось ли это нормальным, отвечали так: *«да мы эту рыбу всю жизнь тягали и наши родители и деды, ее все равно валом»* [5].

Подобных примеров можно привести еще множество, но в целом становится понятно, что материалы исторических интервью проливают свет и вносят ясность на многие аспекты социально-экономической и политической жизни на местах. А главным образом, позволяют выявить специфику жизни населения и оценить ее не со стороны государства, а от лица ее носителей. Ведь зачастую при сравнении одного и того же события или явления нередко можно встретить различную картину происходящего.

Таким образом, разрабатывая проблематику повседневной жизни населения хуторов Нижнего Дона в 1960–80-е гг., необходимо использовать широкий круг исторических источников. Важнейшими из них являются исторические интервью, проводимые с местными жителями изучаемого региона, что позволит выявить различные стороны повседневности, такие как бытовые условия, уровень материального положения и благосостояния, хозяйственно-экономическую специфику, гендерные различия населения, культурно-досуговые практики, уровень традиционности общества, мировоззренческие аспекты. Что в конечном итоге позволит качественно выполнить поставленные исследовательские задачи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Власкина Т.Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки культуры донских казаков (конец XIX – середина XX вв.). Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН, 2001. 432 с.
2. Личный архив. Материалы исторического интервью № 1. Информант – Назаренко Наталья Тихоновна. 1941 г.р. Дата интервью: 27.04.2018.

3. Личный архив. Материалы исторического интервью № 3. Информант – Топилина Валентина Николаевна. 1938 г.р. Дата интервью: 19.01.2019.

4. Личный архив. Материалы исторического интервью № 4. Информант – Терезникова Екатерина Николаевна. 1939 г.р. Дата интервью: 19.01.2019.

5. Личный архив. Материалы исторического интервью № 6. Информант – Стрельцова Антонина Васильевна. 1945 г.р. Дата интервью: 28.01.2019.

6. Матвеев О.В. Категории воинской ментальности в картине мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX в.) // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2008. № 2. с. 51–53.

7. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: НИУ ВШЭ. 2010. 320 с.

8. Рыблова М.А. «Устная история» донских казаков в полевых этнографических исследованиях // Вестник ВолГУ. Сер. 4, Ист. 2012. № 1. с. 177–185.

9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 198. Оп. 1. 1962 г. Д. 237–261.

10. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 9. 1970 г. Д. 29.

11. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 3. 1962 г. Д. 17.

12. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 9. 1971 г. Д. 2.

13. ЦДНИРО. Ф. 198. Оп. 7. 1969 г. Д. 10.

14. Щеглова Т.К. Устная история: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

РАЗДЕЛ 5. НАРОДЫ И ТЕРРИТОРИИ ЮГА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

М.Е. Шалак (Ростов-на-Дону)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МАЛОЙ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ

Истории Малой Ногайской Орды или Казыева улуса вызывает большой интерес как среди научного сообщества, так и среди всех тех, кто интересуется историей тюркских народов, проживающих на Юге России и Северном Кавказе. Однако много вопросов из истории Малых Ногаев до сих пор до конца не выяснены, а мнения ученых по ним порой весьма противоречивы. Это объясняется тем что, с одной стороны, собственно ногайских источников, созданных в Казыевом улусе, на сегодняшний день мы не имеем. А с другой стороны, в документах соседних с Малой Ногайской Ордой государств, в первую очередь России и Крыма, ей, зачастую, отводилось мало места. Это в свою очередь повлияло на то, что основной интерес исследователей был сосредоточен на Большой Ногайской Орде, история которой гораздо лучше освещена в дошедших до нас источниках. Поэтому монографического исследования по истории Малой Ногайской Орды пока не появилось.

Как представляется, одним из важнейших дискуссионных вопросов истории Малой Ногайской Орды является вопрос о ее появлении как самостоятельного политического образования. Среди исследователей до сих пор нет единого ответа на него. Так, еще шведский историк XVIII в. Иоганн Тунманн, собиравший сведения о Крымском ханстве для географической серии «Большое землеописание Бюшинга», писал, что современные ему малые или черные ногаи (Кара-Ногайлар), кочевавшие прежде от истока Маныча до устья Кубани, были переселены сюда крымскими ханами, приемниками Мухаммед Гирея I (1515–1523). По мнению Тунманна, Гиреи вытеснили из Прикубанских и Приазовских степей черкесов, а на их место переселяли астраханских ногаев, или уведенных во время войны, или добровольно ушедших с Волги под покровительство крымских ханов после покорения Астрахани Иваном Грозным [22, с. 66]. Таким образом, время появления Малой Ногайской Орды по Тунманну приходится на вторую четверть XVI в. П.Г. Бутков также полагал, что выделение Малых Ногаев произошло после взятия Астрахани русскими войсками в 1554 г. [1, с. 170].

С походом крымского хана Сахиб Гирея (1532–1551) в 1549 г. против Астраханского ханства и переселением части ногайских племен в Волго-Донское междуречье, в Буджак и на Кубань связывал появление Малых Ногаев (Кичи Ногай) турецкий ученый Х. Инальджик [23, с. 359]. В тоже время, выдающийся отечественный историк А.А. Новосельский впервые указал на внутренние причины образования Казыева улуса. Так, в частности, он отмечал, что именно нежелание признавать власть бия Исмаила (1554–1563) в Ногайской Орде, заставило Гази (Казы) мирзу уйти из-за Волги и обосноваться со своим улусом между Кабардой и Азовом, приняв номинальное подданство от Турции [8, с. 15]. О том, что главной причиной отделения от Ногайской Орды Гази мирзы и других мирз был отказ признать верховным бием Исмаила, также писал А. Курат, ссылаясь при этом на А.А. Новосельского [25, р. 11]. Но в тоже время турецкий исследователь уточнял, что именно страшный голод, поразивший Большую Ногайскую Орду в 1557 и 1558 г. заставил Гази мирзу и его сторонников перейти на правый (крымский) берег Волги и двинуться к низовьям Кубани, в область, контролируемую Крымским ханством и Османской империей [25, р. 12].

Концом 50-х гг. XVI в. датирует появление Малой Ногайской Орды Е.Н. Кушева, когда часть ногаев обосновалась в степях между «Азовом и Северным Кавказом, «в промежке», во главе с мирзой Казыем Ураковым [6, с. 236]. Где-то между 1557–1559 гг. помещал уход Гази мирзы в степное Предкавказье и образование самостоятельного Казыева улуса В.М. Жирмунский [2, с. 485]. По мнению А.И. Сикалиева Малая Ногайская Орда образовалась в результате борьбы Исмаила за титул бия в тогда еще единой Ногайской Орде, когда часть мирз во главе с Гази мирзой откололась от нее, так и не подчинившись новому князю [20, с. 43]. Согласно американскому ученому М. Ходарковскому, в конце 1550-х гг. ногайский нурадин Казы оставил свои пастбища вдоль Волги и двинулся в степи Северного Кавказа. С этого времени его ногайцы стали известны как Казы ногайцы или Малая Ногайская Орда [24, р. 11]. Концом 1540-х или началом 1550-х гг. датирует возникновение Казыева улуса В.В. Трепавлов – один из ведущих на сегодняшний день специалистов по ногайской истории [21, с. 385].

Из приведенного неполного историографического обзора, относящегося к вопросу о времени образования Малой Ногайской Орды, можно увидеть, что самым ранним временем появления Казыева улуса называлась вторая четверть XVI в. Именно тогда, по утверждению И. Тунманна, крымские Гиреи, ведя войны с Астраханским ханством, проводили политику переселения астраханских нога-

ев [22, с. 66]. Турецкий ученный Х. Инальдджик уточняет, что это произошло во время астраханского похода Сахиб Гирея 1549 г. [23, s. 359]. Однако, в трактате придворного крымского историографа и личного предсказателя Сахиб Гирея – Реммалъ Ходжи – «Тарих-и Сахиб Гирей хан», составленном в 1553 г., подробно описан как сам этот поход, так и многочисленные экспедиции крымского хана на Северный Кавказ, но ничего не говорится ни о переселении ногаев из-под Астрахани, ни об образовании отдельной ногайской орды [26, s. 233–240; 176–184; 212–219; 222–232; 254–261]. К тому же Реммалъ Ходжа не указал год, в котором Сахиб Гирей совершил поход на Астрахань, в силу чего среди историков возникли расхождения в его датировке. Так, канадский ученый В. Остапчук относит поход Сахиб Гирея к 1545 г. [9, с. 399]. А с точки зрения А.М. Некрасова, он состоялся в 1546 г. При этом последняя датировка выглядит наиболее аргументированной [7, с. 134; 3, с. 141].

В тоже время, если обратиться к документам, относящимся к дипломатической переписке между Московским государством и Ногайской Ордой, то можно увидеть, что до конца 1549 г. в Москве не было известно о ногайских мирзах, кочевавших на крымской стороне Волги. Так, в докладе служилых татар, Кадыша Кудинова и Енгая Янсубина, отправленных к ногайскому бию Юсуфу (1549–1554), датированном 26 ноября 1549 г., говорится: «а на сей (правой – *М.Ш.*) стороне Волги нагайских мирз нет никово» [16, с. 318]. Это, правда, не означает того, что Гази мирза не мог откочевать на правую сторону Волги в декабре 1549 г. Только его уход из Заволжья не имел ничего общего с предприятиями Сахиб Гирея, а был вызван внутренними разногласиями в Ногайской Орде.

Как убедительно показал В.В. Трепавлов, лучшим аргументом и наиболее авторитетным свидетельством о времени появления Казыева улуса могут служить сведения, исходящие из среды самих ногаев. Так он, вслед за В.М. Жирмунским, пишет, что первое упоминание о Гази б. Ураке и его людях относится к маю 1552 г. и содержится в грамоте нурадина Исмаила, в которой он сообщал Ивану IV, что «из Астрахани люди выехали да пристали х Казы мирзе, и учинилось их четьреста человек. А того не ведаем, на вас ли будет пойдут или на промежке гостей ли будет им стеречи. Волгу до Переволоки вы ловите, а ниже того мы ловили» [17, с. 86; 21, с. 385; 2, с. 482–483]. На самом деле в Москве об основателе Малой Ногайской Орды узнали годом раньше. Окольный Федор Нагой писал царю, что к нему, в Касимов, в понедельник 14 сентября 1551, прибыли ногайские гонцы, а с ними вместе бастановский татарин, «а взял его на поле сее весны Казы мирза Ураков на Ахматовых горах» [17, с. 68].

Как следует из комментария к данному тексту, Ахматовы горы историкам идентифицировать не удалось [17, с. 227]. Однако определить их местонахождение является актуальной задачей, поскольку позволит нам выяснить, как далеко распространялась зона действий казыевцев от исконной заволжской территории ногайских кочевий. Скорее всего, к весне 1551 г. Гази мирза уже обособился от Ногайской Орды, переехав на крымскую сторону Волги и стал «казаковать на поле», собрав вокруг себя таких же казаков, порвавших связь со своими родовыми улусами и ставших ядром Казыева улуса.

Насколько нам удалось определить, топоним «Ахматовы горы» больше не встречается в известных нам русских средневековых источниках XVI в. Нет его и в Книге Большому Чертежу 1627 г. [5]. Представляется, что название этого географического объекта можно соотнести только с царем Большой Орды Ахматом (1459/1461–1481), навсегда запечатленным в исторической памяти современников и потомков благодаря своему походу на Москву 1480 г. и свержению «монголо-татарского ига».

Хан Ахмат, второй сын хана Кичи-Мухаммада, впервые упоминается в источниках под 1460 г. [18, с. 213]. В этом году «безбожный царь Ахмут Большая орды приходил со всею силою под Переяславль Рязанский», разорил его округу и «со срамом» отошел в поле [13, с. 277]. Как отмечают исследователи, по смерти отца хан Ахмат разделил власть в орде со своим старшим братом Махмудом, получив в управление Поволжье, возможно с бывшей столицей Сараем, и все земли далее на восток [18, с. 214]. В 1472 г. Ахмат совершил еще один набег на Русь, разграбив ее юго-западные окраины. Спалив дотла Алексин, Ахмат пошел к своему зимовищу, однако где оно располагалось, летописец не указывает [13, с. 297–298].

Кульминацией в противостоянии Ахмата и Ивана III стало знаменитое стояние на реке Угре 1480 г. Летописцы единодушно сообщают, что после неудачи под Москвой царь «бежаше в Орду», где вскоре и был убит тюменским ханом Ибаком, объединившимся с ногайскими мирзами Мусой и Ямгурчи [11, с. 182; 12, с. 201; 13, с. 328]. В источниках говорится, что царь Ибак пришел именно в орду Ахмата и взял ее. То есть он вторгся на территорию кочевой ставки хана. Но где она располагалась? Ответ на этот вопрос дает Архангелогородский летописец начала XVI в. Он сообщает, что после убийства Ахмата «шибаны (Шибаниды – сибирские чингизиды, потомки Шибана, младшего брата Бату – М.Ш.) с нагаи начаша ахматову орду грабити меж Доном и Волгою, на Донцу на Малом, близ

Азова. И стоял царь Ивак 5 дней на Ахматове орде и поиде прочь» [14, с. 95].

Малый Донец – это река Северский Донец, правый приток Дона. Указание на близость к Азову говорит нам о том, что ставка Ахмата располагалась в низовьях Северского Донца. К тому же летописец конкретно указывал, что именно здесь располагались зимние кочевья Ахмата: «на зимовище прииде и ста зимовати располошася» [14, с. 95]. Если посмотреть на физическую карту Юга Восточно-Европейской равнины, то увидим, что зимняя ставка Ахмата располагалась на Донецком кряже. На юге Русской равнины Донецкий кряж вытянулся с востока-юго-востока на запад-северо-запад на протяжении 300 км. и служит водоразделом рек бассейна Северского Донца и рек, непосредственно впадающих в Азовское море. Наибольшие высоты Донецкого кряжа превышают 350 м., средняя же высота колеблется в пределах 200–250 м. [4, с. 218]. Таким образом, можно заключить, что место расположения ставки царя Ахмата, ставшее к тому же метом его гибели, получило название «Ахматовы горы». И именно здесь, в устье Северского Донца, весной 1551 г. Гази мирза мог полонить бастановского татарина. Позже, Гази б. Урак будет договариваться о совместных действиях со своим союзником, крымским ханом, именно в этих местах. В грамоте бия Исмаила к Ивану IV от 18 ноября 1560 г. сказано, что «Девлет-кирей деи царь с Казы мирзою хотят зговоритись на устье Донца» [17, с. 325].

Еще одним «темным» местом в истории Малой Ногайской Орды являются биографические сведения об ее основателе – Гази б. Ураке – до момента его обособления. Ни каких более-менее точных сведений о нем в этот период его жизни в источниках мы не находим. Единственное, о чем можно говорить с уверенностью, так это то, что Гази мирза был сыном Урака мирзы, получившего прозвище Делли (т.е. бешенный), и внуком ногайского бия Алчагира [19, с. 393; 21, с. 132]. В этом смысле примечательна монография американского ученого Майкла Ходарковского, в которой автор приводит такие сведения о Гази мирзе, которые отсутствуют в известных нам источниках [24]. В частности, он пишет, что до того, как отделится от Ногайской Орды в конце 50-х гг. XVI в., Гази мирза был ее нурадином, и, следовательно, главным претендентом на титул бия после смерти Исмаила. Однако, когда Исмаил объявил наследником своего сына Дин-Ахмеда, разочарованный в своих политических амбициях Гази мирза оставил принадлежащие ему пастбища вдоль Волги и ушел в степи Северного Кавказа, к долине реки Кумы [24, р. 11, 113]. Как следует из сносок, в качестве источников

М.А. Ходарковский использовал документы, опубликованные в конце XVIII – начале XIX вв. в многотомнике «Продолжение древнерусской вивлиофики». На проверку оказалось, что американский исследователь просто спутал Гази мирзу (Казый в русских источниках) с Касимом мирзой (Касай в средневековых документах), сыном ногайского бия Шейх-Мамая [24, р. 106, 107, 109, 110]. Последний действительно был одной из ключевых фигур в Ногайской Орде при биях Юсуфе и Исмаиле, но он погиб в 1555 г. во время так называемой второй Смуты, причем возможно от рук самого Гази мирзы [21, с. 243–251; 10, с. 256]. Ошибся Ходарковский и с годом гибели Гази б Урака, считая, что таковым является 1577 г. [24, р. 113]. На самом же деле погиб Гази мирза годом ранее [15, с. 34].

Также дискуссионными являются вопросы, связанные с отношениями Малой Ногайской Орды с Крымским ханством и Османской империи. В современной литературе утвердилось представление о том, что Казыев улус находился в вассальной зависимости от Крыма. Но эта зависимость сложилась далеко не сразу и первоначально отношения между ними можно рассматривать как союзнические. Представляет интерес и суждения некоторых историков о прямом подданстве Малых Ногаев Османскому султану. В силу же ограниченности объема представленной статьи, эти вопросы требуют отдельного серьезного рассмотрения. Конечно же, перечисленными вопросами не охватывается весь спектр проблем, связанных с историей Малой Ногайской Орды, но, по крайней мере, на некоторые из них мы попытались ответить.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. Ч.1. СПб., 1869.
2. Жирмунский В.М. Избранные труды: Тюркский героический эпос. Л., 1974.
3. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
4. Карандеева М.В. Геоморфология Европейской части СССР. М., 1957.
5. Книга Большому Чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. – М.-Л., 1950.
6. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963.
7. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // Некрасов А.М. Избранные труды. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. С. 45 – 140.

8. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
9. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.
10. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Ч.1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1904.
11. Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.
12. Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. Типографская летопись. Петроград, 1921.
13. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.-Л., 1949.
14. Полное собрание русских летописей. Т. XXXVII. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
15. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.) / Подг. текста, введение и комментарии В.В. Трепавлова. М., 2003.
16. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.
17. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006.
18. Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.
19. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895.
20. Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.
21. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Казань, 2016.
22. Тунманн. Крымское ханство. Пер с нем. изд. 1784 г. Н.Л. Эрнста и С.Л. Белявской. Примеч., предисл. и прил. Н.Л. Эрнста. Симферополь, 1936.
23. İnalçık H. Osmanlı-Rus rekabetinin menşei ve Don-Volga kanalı teşebbüsü (1569) // Belleten. Türk Tarih kurumu. Ankara, 1948. Cilt 12. Sayı 46. S. 349–402.
24. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2002.
25. Kurat A.N. The Turkish Expedition to Astrakhan' in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal // The Slavonic and East European Review. 1961. Vol. 40. № 94. P. 7–23.
26. Tarih-i Sahib Giray Han (Histoire de Sahib Giray, khan de Crimée de 1532 à 1551). Ed. crit., trad., notes et glossaire par Ö. Gökbilgin. Ankara, 1973.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И НОГАЙСКАЯ ОРДА В XVI в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКО-НОГАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ)

В современных условиях весьма плодотворным оказывается выявление и анализ новых источников, как и новое прочтение уже известных текстов памятников. Россия – единственная из соседствовавших с Ногайской Ордой стран, где сохранилась обширная дипломатическая переписка с ногайцами.

Послания от ногайских князей и мурз в Москву, ответы им из Москвы, донесения астраханских, терских и прочих воевод по ногайским делам в Посольский приказ, царские распоряжения к воеводам, описания пребывания на Руси ногайских послов и переговоров с ними, наказы (инструкции) русским послам и гонцам за Волгу и их статейные списки (отчеты) составили фонд Ногайских дел, который является основным источником при изучении истории русско-ногайских отношений. Вместе с тем, следует признать, что документы Посольского приказа, в частности Ногайские дела, изучены все еще фрагментарно и не дают достаточно полного представления о характере взаимоотношений Русского государства с Ногайской Ордой. Особенно это касается механизма принятия решений, связанного с попытками Москвы закрепить союзнические отношения с ногайцами.

Публикуемые нами документы представляют собой грамоты к царю Ивану IV от ногайского бия Шийдяки (Саид-Ахмеда) – одного из основателей ногайской государственности. В первоначальном виде они были написаны по-тюркски, но в Посольском приказе, благодаря значительному штату переводчиков и толмачей, они были переведены на русский язык и занесены в посольские книги. В начале 1530-х гг. Саид-Ахмед предпринял попытку объявить себя ханом. Но он не принадлежал к династии Чингизидов, поэтому ни крымский хан, ни московский великий князь, ни османский султан не признали за ним этого титула.

Тем не менее, при Саид-Ахмете Ногайская Орда достигла пика своего могущества. В августе 1534 г. в Москву прибыло большое посольство из Ногайской Орды во главе с Кудояром. Ногайцы поздравили Ивана IV с вступлением на русский престол и подтвердили свое желание возобновить прерванные отношения. Вместе с тем они поставили ряд условий, одним из которых являлось требование

о возвращении мещерскими казаками отбитых у ногайцев товаров и пленных татар.

Постановка вопроса о мещерских казаках в дипломатической переписке двух государств показывает, насколько эффективными были их действия по обороне российских границ. Активизация мещерян по отношению к Ногайской Орде произошла не случайно. Цель военных операций служилого казачества против ногайцев была такая же, как и у русских дипломатов – добиться присяги от ногайских мурз. Именно таким путем русское правительство пыталось склонить Ногайскую Орду к сотрудничеству. Только при условии принятия присяги ногайцами русское правительство обязывалось «унять» казаков.

Новое московское правительство, желая продемонстрировать ногайским послам свою лояльность, предоставило возможность самим мещерянам ответить на жалобы ногайцев. Для этого были вызваны из Касимова «Федор с товарищи» – Федор Карпов и Федор Мишурин, которые дали отчет государю о своих действиях. На «государевом дворе» была устроена встреча представителей служилых казаков и ногайских послов. Диалог между ними был зафиксирован в Ногайских делах. В ходе встречи было выяснено, что ногайские послы и купцы на своем пути грабили русские земли и полонили русских людей, за что и были наказаны служилыми казаками.

Анализируя источники, можно прийти к выводу, что отношения Русского государства и Ногайской Орды в этот период были весьма сложными. Не все ногайские мурзы склонялись к союзу с Россией и отказу от привычных источников доходов – набегов на русские земли. Поэтому, первоочередной задачей русского правительства было принятие шерти (присяги) главой Ногайской Орды Саид-Ахметом. С этой целью в ногайские улусы был отправлен русский посол Данила Губин.

Саид-Ахмед задержал Губина в Орде и направил в Москву своего гонца Кара-Дувана с требованием о возвращении отнятых у него товаров и захваченных в полон казаками людей. Ногайский князь просил отдать деньги – 200 тыс. алтын и «взимок» в размере 100 тыс. алтын, который, по словам Саид-Ахмеда, старый князь Василий III давал в Ногайскую Орду. Угрожая московскому государю, Саид-Ахмед в своей грамоте указывал количество воинов, готовых выступить против Москвы: не менее 300 тыс. Кроме того, он требовал выплаты урочных поминок так, как их платили ханам Золотой Орды.

Эти грамоты хорошо иллюстрирует истинные взаимоотношения Ногайской Орды и Русского государства. Ногайская Орда, обладавшая огромными внутренними ресурсами, не растерявшая военной мощи, в 30-х гг. XVI в. могла и диктовать свои условия Москве. Например, чтобы великий князь называл ногайских князей в грамотах братьями и государями, как ханов, не уступавших в достоинстве крымскому хану; посылал бы к ним для переговоров только бояр и боярских детей. Кроме того, как это сделал Саид-Ахмед, в благоприятных для Ногайской Орды условиях, ногайские князья могли потребовать для себя и урочные поминки в традициях Золотой Орды.

И если официально московское правительство отказывалось выплачивать «взимок» или дань в Ногайскую Орду, и никогда это не признавало, то неофициально поминки, в виде жалования или подарков регулярно туда поступали.

Ко второй половине 1530 г. Ногайская Орда оказалась разделенной на три части: восточную во главе с братом Саид-Ахмеда Шейх-Мамаем, центральную во главе с Саид-Ахедом и западную во главе с Хаджи-Мухаммедом. Данная структура представляла собою классическое кочевое деление на крылья и центр. Введение ее требовало и изменений во властных эшелонах, необходимо было соответствующим образом обозначить глав крыльев. Ногайцам пришлось изобретать собственную титулатуру. Для обозначения глав крыльев были использованы в нарицательном значении имена сыновей Едигея – Нур ад-Дин и Кей-Кавада, которые некогда владели улусами на соответствующих территориях. Глава правого крыла получил название «нурадин», левого – «кековат». Нурадыном стал Хаджи-Мухаммед, а кековатом – Шейх-Мамай. На протяжении этого периода, вплоть до смерти Саид-Ахмеда в 1542 г., ногайцы ежегодно вторгались на территорию Русского государства.

Таким образом, публикуемые документы имеют большое значение для исследования истории русско-ногайских отношений в XVI в. Дальнейшее комплексное изучение материалов Ногайских дел Посольского приказа позволит воссоздать реальную картину взаимоотношений двух государств на протяжении более чем ста лет, а также выявить роль служилого и вольного казачества в этом сложном и противоречивом процессе.

№1.

**1534 г., август. Приезд от Шийдяка князя и других
ногайских мурз послов Кудояра князя с товарищи
с поздравлением о вступлении великого князя на престол
и с требованием об отдаче пограбленных мещерами
казаками товаров и разных пленных
и о возобновлении прервавшейся дружбы**

(л. 10) И августа 14 дня Кудояр на Москву приехал. И князь великий велел поставить на нагайском дворе. (л. 10 об.) И Кудояр пришед к великому князю от Шийдяка князя правил поклон да подал грамоту.

А се грамота

Сына Ахметово княжое слово, князю Ивану поклон, после ведомо бы было, мы здесь здоровы, отца де твоего не стало. Ино ты бы здоров был. Отца твоего с нами рота была. Да на нем ся и отстала. Слава Богу на нас ся неотстала. А ныне еси приказал к нам, чтобы нам с тобою потому же в роте быти. Как с нами отец твой был в роте. Отец твой роту свою порушил. Яз от его земли ...рати одного невеливал взяти. А он посылаючи своих (л. 11) мещерских казаков на всякое лето тысячами у нас коней отганивали. Всяков же год Барак багатыря в Казань был есмя послал, всех их было шестодесять человек, дан на двести тысяч московских денег товару было есми с ними послал. Да четыреста поголовей коней у них было. Да у них то тысяча была овец. То все у них поимали ваши казаки мещерские. Да у них же четырех человек убили досмерти. Да дву человек положили и головами свели, да опрочь того наших людей сорок человек ис Казани шло. И мещерские же казаки у тех наших людей трех человек у них взяв головами свели. Да с Сарыем шло восмесот лошадей, да пятсот кафтанов. И будет хочешь со мною прямые роты и дружбы. И ты б то все поотдал. И прямым межю собя другом будешь. (л. 11 об.) Возмолвишь же что нет. И ты роту мою ко мне отошли. Да который наш человек толды попал в руки Бешимом зовут с товарищи. И ты бы их ко мне отослал. Да что еси которые купы царю посылал. И ты бы те купы ко мне послал з бояриным своим. А которые купы шли от тебя к калге Салтану, те бы еси купы к Ших-Мамай мырзе послал. Братя мои и дети на вас были гневны. А мы против их стояли. И ныне боярина своего доброго с тем к нам непошлешь о чем есми писали... И учинишся с нами в друзьях. И ты б отца своего пансырь да соболью шубу. Да золотом седло и узду, дай тердик стеган после отца своего помяновене прислал, чтоб ты в непригодство было. Да чтой ежегод к нам посылаешь мелькое что. И ты бы за то нам непостоял. Да что бы еси прислал (л. 12) мне кре-

чет ловец. Да девять сырдяков прислал. И только з Бешимом тех дву человек которые у Барака взяты нам неотдашь. Братом нам не будешь. Молвя грамоту послал есми. И верного своего карача Кудояра послал есми правды для своей. И ты бы его дней десяти пятинатцати более не задержав отпустил. Да брат бы мой его гораздо почтил. Всегда нашим послам у вас чти не бывало. Да прислал бы еси чакру добру. А сей чина тем людям которые вышим людям в руки попали Козюмяр, Тилешь, Исенбакты, Чюваш, Итоболды. Да Арачан, да Нопчан. Да послал есми казначея своего Карадувана с своими купцами. И ты бы те купы которых просил есми ему в руки дал. А отпустишь Кудояра. И ты бы с Кудояром и его отпустил. А не отпустишь Кудояра И он бы с Кудояром то у тебя жил. Дай подводу (л. 12 об.) бы еси ему дал. Да хош...Багатырь послал бы тебе аргмак поминка. И он в Казань попал. Как против его поминок пошлешь, ты ведаешь. Да на тож и грамоте писано. Из дальние земли ближнею мыслю. От Ураз-бердыя. Сыну моему Исенберю многом много поклон. Слов то, ведомо было тебе. У Мукмышы у князя в мещере сын мой Есенберды. А справедливому бы Федору (Федор Карпов-Е.К.) ведомо было, не воевати ходил, торговати с Сарыем. И нам бы его отдали... Какими ин есть случай юрт наш позыбался был. И ныне мне...счасток дал. Доброи был мой слуга Курсей. И ты бы его мне отдал. Да которые в казань шли, от тех попал человек Кударка-казар, тово бы еси велел отдати.

Российский государственный архив древних актов.

Ф. 127. Ногайские дела Посольского приказа.

Оп. 1. Ногайские книги. Кн. 2. Д. 2. Л. 65–68.

№2.

1535 г., май. Приезд ногайского Шийдяка князя гонца Кара-Дувана с требованием о возвращении пограбленных товаров и захваченных в полон людей, с угрозой в противном случае напасть на Москву

(л. 65) И мая 23 дня Кара Дуван на Москву приехал. И князь великий велел поставити на нагайском дворе. (л. 65 об). И мая 27 велел князь великий нагайскому гонцу Кара Дувану быти на дворе, и Кара Дуван пришед к великому князю от Шийдяка князя великому князю правил челобитье. Да подали грамоты. И князь великий Кара Дувана звал карашевати. И велел ему сести, и подал ему меду в стола место. Да сказали им еству. Да мед на подворье.

А се грамоты Кара Дуваном с товарищы.

Бог богатый и щедрый всех изобилуя Победителя Сеид Ахматово княжое слово. Неправому верою Ивану ведомо б было, отец твой

старый человек был. А с нами в правде был. И на наши улусы мещерских (л. 66) людей коней отганивати ни один человек не бывал. Так же и наши люди вашему одному Куряти не повинны. И после того отец твой Васидий лет уж пять и шесть на наши улусы мещерян напустил, животину нашу поймали. И гости наши пойдут и они у них так же животину крали. А в Казань посылали есмь своего посла Барак богатыря в головах, а с ним шестьдесят человек, а с ними было моей казны на двести тысяч алтын кун. И то твои люди мещерские у них взяли. И то наше слово не поспело с стати отца твоего в животе не стало. А ныне ты остался, и яз к тебе присылал просити. И ты сказал что тем делом шерть учинена. Ино государь купам тем яз. Коли я шерть не учиню. А кто поймал те купы. И мы того ли языком шерть учинили. И ты б (л. 66 об.) те наши куны двести тысяч алтын отдал. И наперед сего покойник князь великий что имел взимка сто тысяч алтын. И мы те взимок ныне дай сполна. Взмолвишь же что нет. И мы кто тебя ежегод воевал Магомед-Гирею царю что давал еси шестьдесят тысяч алтын и ты то дай. Учнешь жо спор, или затейку учинити, отец наш праведный князь к вам до Москвы хаживал. А нас перед осенью ту то же смотрите тебе надобе... Слава богу Темир Кутлуевы цареvy дети нам повинилися. Иваков царев сын. И тот нам повинился со всеми своими товарищы, и слугами. Казатцкой царь Хозя Махмет царь с пятюнатцатью сынами у нас живет (л. 67) триста тысяч моих казаков и брате моей и детем моим всем им от пятинадцати шуб по клоку...им достанет. От колых лет после царя которые купы давал еси ему тех забыл еси, и б тот юрт нам дал, и тот взимок нам даш. Двести тысяч алтын кун даш. И мы на первом слове стоим. Взмолвиши ж что нет. И ты нам нашии правды поступился, и где хочешь бой поставити с нами на котором месте, и ты скажи, а которые наши люди к тебе пошли, и ты б их пятинадцати ден боле не задержав отпустил. А сего году Ивак мирзу в головах. Да пошинника своего Салтана в головах осенес в Казань посылаа есми, а с ними триста человек. И то их побили. (л. 67 об.). И триста тысяч алтын кун моих поймали. И ты бы их отдал. Да Бешимом зовут в головах осмьнатцать человек с ним послано к вам в руки. И мы их посылали у тебя наперед сего просити и ты их не дал. И ты бы ныне дал... А тебе Федору Карпову то ведомо какова правда наша была с Василием. И ныне бы те куны двести тысяч Кара Дувану дали, а Карадуванову слову бы верили. А посол наш Зиенсуфу на свою пошину пошел. А буде чего в сей грамоте не написано. И вы б Карадуванову (л. 68) слову верили: молвя с Нишаном грамоту послал есми. Лета девятсот чetyредесят первого (1531 г.- Е.К.), в начале марта месяца. Писано в счастливом Сарае. Да послал есми с

Алишем с татаринном седло литовское. А ему было его позолотити, да конь взял у меня. А прислати было ему мне узда. Да Федору Карпову поклон. Чего для меня с своим государем в недрузьях чините. Что бы шетидесят человек моих куны ко мне прислали.

Июня 4 дня князь великий Шийдяковых всех княжих людей Карадувана с товарищы к Шийдяку князю отпустил. А с ними вместе послал к Шийдяку князю своих казаков Янбулата с товарищы вожа городецкого с своею грамотою. А поехал Янбулат с товарищы с Москвы вместе с Шийдяковыми.

Российский государственный архив древних актов.
Ф. 127. Ногайские дела Посольского приказа.
Оп. 1. Ногайские книги. Кн. 2. Д. 4. Л. 65–68

Д.В. Сень (Ростов-на-Дону, Элиста)

ОРГАНИЗАЦИЯ УБИЙСТВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЮЖНОМ ПОГРАНИЧЬЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в. (СЛУЧАЙ СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ)*

Проблематика статьи не выступала раньше объектом специального научного изучения. В историографии, вместе с тем, встречаются отдельные упоминания о попытках убийства кубанского султана Бахты-Гирея (Дели-султана) с ведома российских властей [2, с. 48; 3, с. 229]. О жизнедеятельности мятежного Дели-султана, напротив, в последние годы появились новые исследования в российской и украинской историографиях [4; 12; 13]. В статье речь пойдет о предварительных наблюдениях автора над некоторыми случаями организации/исполнения убийств конкретных лиц. Эти случаи расширяют представления о политической и иной борьбе именно в южном пограничье XVIII в., о взаимоотношениях между участниками местной пограничной жизни и т.п. актуальных вопросах. Соответствующие мероприятия российских властей на Юге – в условиях нового пограничного порядка и продолжающейся борьбы с Крымским ханством и Османской империей за упрочение позиций в регионе – находили применение в разных формах, способах, а также активно поддерживались в Санкт-Петербурге. Среди таких форм и способов (поми-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (№ госрегистрации AAAA-A17-117030910096-7).

мо тех, о которых чаще пишут в специальной литературе – торговля, шертование, аманатство и пр.) назовем переговоры, угрозы и шантаж, подкуп и пр. «мероприятия» со стороны российских администраторов разного уровня. Результативность таких действий, направленных не только на достижение лояльности местных элит, зависела от стечения многих факторов, порой принося России существенные политические дивиденды. Однако, история механизмов принятия российскими властями решений по ряду «деликатных» для империи политических вопросов по-прежнему имеют существенные исследовательские лакуны. В более широком смысле тема статьи относится к пространству т.н. «тайной» или «криминальной» истории российской дипломатии и истории борьбы российских политических кругов (элит) с противниками/врагами императорской власти, династии etc.

Создается впечатление, что попытки властей организовать убийство того или иного «противника» России (среди которых мы находим подданных разных государств) вполне отвечали тому актуальному набору средств и методов, с помощью которых как тактически, так и стратегически обеспечивались российские интересы в беспокойных, т.н. «пограничных областях». География той «выборки», который мы располагаем сегодня, убедительно об этом свидетельствует. Вряд ли стоит говорить о частом и всегда планируемом использовании российскими властными структурами такого метода борьбы с «изменниками» и царскими «недругами», как организация их физического устранения. Но назвать случайным применение к ним подобного метода расправы тоже нельзя. Тем внимательнее историки должны отнестись к анализу конфликтных ситуаций, порождавших такие радикальные замыслы и намерения и, конечно, к тем личностям, которых предполагалось захватить живьем или убить.

К слову, превращение человека в объект преследования и предполагавшейся расправы со стороны российских властей дополнительно свидетельствует о том значении, которое придавалась Российским государством конкретной личности, как правило, заметной, неординарной и действительно выделяющейся среди своих современников. Отметим, что все такие люди, попавшие в нашу предварительную сводку – лидеры (в т.ч. военные) – фигуры заметные и статусные. Случайных людей, в этом смысле, среди них нет! Обратим внимание также на то, что в ряде случаев сообщества, с которыми так или иначе были связаны подобные лица, по-своему реагировали на известия об убийствах своих лидеров или на чьи-то попытки лишить их жизни. Следовательно, необходимо будет изучить и такую

информацию, включая способы и формы ее передачи (слухи, показания очевидцев и даже организаторов/участников!) и закрепления в народной памяти. Слухами и новыми «детальями» обросла среди современников история с убийством Нитар-Дорджи (о которой рассказывается ниже) – вплоть до появления в калмыцком фольклоре легенды о Митр-нойоне. Любопытная деталь отмечена в фольклоре некрасовских казаков: в исторических преданиях говорится о попытках врагов погубить атамана И. Некрасова, действовавших с помощью подкупа изменников из числа кубанских казаков [15, с. 154–155]. Выскажем гипотезу, что в таких текстах содержатся отголоски неких попыток со стороны царских властей ликвидировать И. Некрасова при помощи наемных убийц. В свое время мы высказали мнение о возможном обнаружении в каком-либо из российских архивов соответствующих документов [11, с. 88]. Прямые документальные свидетельства на данную тему, к сожалению, пока не выявлены. Среди косвенных данных – архивная находка О.Г. Усенко. Весной 1718 г., согласно документам из РГАДА, донской казак Е. Щедрин объявил за собой «государево слово». Он утверждал, что с помощью магии сможет захватить И. Некрасова, собиравшегося с кубанскими казаками и татарами «для разорения русских городов» [16, с. 102]. Свои магические действия Е. Щедрин собирался осуществить с помощью камня, извлеченного из ворона, сидящего на яйцах. Однако, в ходе проверки магических способностей казак «действия никакого не показал», за что был высечен кнутом и наказан 10-летней каторгой [16, с. 102].

Заметим, что в отдельных случаях соответствующая инициатива (о поимке или об убийстве конкретного лица) исходила от региональных властей, в других – от высших или центральных органов (напр., от Кабинета министров или Коллегии иностранных дел) – поручавших воеводам, губернаторам или военным чинам реализацию специальных (в т.ч. тайных) мероприятий или акций, касающихся злободневных вопросов русско-крымских, русско-османских или русско-калмыцких отношений. При этом не стоит думать, что «пограничная дипломатия» (а также неофициальные пути ее реализации) целиком и полностью направлялась из российской столицы. Напротив, «пограничные начальники» (к слову, не только российские, но также крымские и османские – напр., представители крымского хана на Кубани или мухафыз Ачучева) получили после 1700 г. определенную «свободу рук» в разрешении пограничных конфликтов и иных дел – активно взаимодействуя со своими крымскими и османскими «визави».

Тематика статьи имеет прямое отношение к управлению Россией своими пограничными владениями на Юге, в истории изучения которого необходимо уделить внимание неформальным связям российских администраторов с местными пограничными элитами, механизмам их сглаживания со стороны имперских структур, поддержки ими одних деятелей – и маргинализации/дискредитации других. Это наглядно проявлялось в неоднократных попытках российских властей повлиять на передачу/переход власти среди местных элит, например, в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки, последовавшей в феврале 1724 г. Также необходимо заметить, что физическая ликвидация конкретного человека порой соответствовала интересам не одних лишь российских властей: устраняя конкурентов, местные элиты регулярно объединяли свои усилия с российскими администраторами.

В будущем необходимо расширить пространство анализируемых кейсов за счет обращения к типологически близким ситуациям, к которым были причастны Крымское ханство или Османская империя. Так, в 1699 г. нурадын Саадет-Гирей организовал убийство черкесами своего родного брата – тогдашнего калги Шахбаз-Гирея [14, с. 468–469]. Проникнув, по одной из версий, в дом крымского царевича в Черкесии, они застрелили его и искололи саблями, сумев затем ускользнуть. Позже убийцы были схвачены и отправлены в Крым на расправу к хану Девлет-Гирею II.

Российские власти, в лице астраханского губернатора А.П. Вольнского, оказались причастны к нейтрализации авторитетного среди части калмыков Нитар-Дорджи – сына Чакторжапа и внука хана Аюки, первоначально поддержавшего в борьбе за ханский престол своего родного брата Дасанга [5, с. 154–161; 18, с. 64]. К слову, губернатор, как и родственники «шального» Нитар-Дорджи, предполагал разные способы достижения необходимой цели – от поимки Нитар-Дорджи живым до его отравления. Впрочем, отравы не понадобилась: уже после убийства Нитар-Дорджи она была возвращена другим внуком хана Аюки и братом Нитар-Дорджи – П. Тайшином (Бакдасаем-Дорджи) по просьбе губернатора А.П. Вольнского и вылита при свидетелях [5, с. 161]. Именно с П. Тайшином рассорился Нитар-Дорджи прежде других своих родственников. Кроме того, он стал преследовать российских администраторов, включая А.П. Вольнского, за то, что «они защищали калмыцкие улусы от произвола и междоусобий владельцев, будучи на стороне его крещеного брата Петра Тайшина» [6, с. 68]. В убийстве Нитар-Дорджи участвовали сами калмыки, включая его родного брата Дасанга: он был избит и задушен 12 сентября 1725 г., а его тело от-

везено в Дмитриевск «для удостоверения» самим губернатором [5, с. 161]. Заметим, что несколько позже российские власти попытались применить тот же метод нейтрализации «неудобных» в отношении еще одного внука хана Аюки – калмыцкого лидера Дондук-Омбо, политические амбиции которого не устраивали многих, включая наместника Калмыцкого ханства – Церен-Дондука. Наместник готовил убийство Дондук-Омбо: А.В. Цюрюмов пишет, что это выполнялось по решению Верховного тайного совета (ВТС) [17, с. 79]. В феврале 1729 г. ВТС указал: «Сего ради потребно то зло упредить и зделать, чтоб того противника Дондук-Омбу таким способом убить или умертвить. Ежели такова способа, чтоб ево Дондук-Омбо одного убить или умертвить сыскать не мочно, то надобно послав войска, улус ево весь разорить» [17, с. 79]. Впрочем, столь радикальный план нейтрализации Дондук-Омбо не сработал, и со своими приверженцами он даже сумел в 1731 г. откочевать на Кубань.

Поведение и активность же Нитар-Дорджи, обладавшего строптивым характером, внушали опасения российским властям еще и потому, что у них появились данные о его «пересылках» с кубанским султаном Бахты-Гиреем, а также о подговоре калмыков к откочевке с Волги на Кубань [5, с. 154]. Так, 3 июля 1725 г. П. Тайшин сообщал А.П. Вольнскому, что Нитар-Дорджи решил бежать из калмыцких улусов к кубанским татарам [6; с. 70]. Несколько позже власти узнали о наиболее радикальной части замыслов Нитар-Дорджи и до поры до времени связанного с ним интересами Дасанга: захватив П. Тайшина и А.П. Вольнского, уйти со своими улусами на Маныч и на Кубань [6, с. 72]. Обратим внимание на то, что в 1720-е гг. именно султан Бахты-Гирей, еще раньше захвативший фактическую власть на Кубани, представлял собой особую угрозу военно-политическим интересам Российской империи на Юге. В новых исторических условиях султан Бахты-Гирей почти безнаказанно позволял себе то, что уже не позволяли себе открыто ни крымские ханы, ни их официальные представители: совершать успешные и богатые «добычей» походы, либо создавать для своих подданных, недовольных новым пограничным порядком, необходимые условия для продолжения набегов. По сути, султан являлся последним крупным политиком и военачальником в Крымском ханстве и на Северном Кавказе, которому удавалось проводить набеги без санкции крымских ханов в условиях начавшегося и активизировавшегося в первой четверти XVIII в. установления на Юге линейных границ. Сознательно нарушая новые границы, пренебрегая правовыми условностями, необходимыми крупным игрокам в межгосударственных отношениях, привлекая к себе всех недовольных

новым пограничным порядком, Дели-султан сумел утвердиться на Кубани в условиях «вакуума» официальной власти. С конца XVII в., Бахты-Гирей стал выстраивать собственную систему отношений с кочевыми и с другими народами Северного Кавказа, Поволжья, сохранение традиционного уклада жизни которых было немыслимо без фронтирного (другими словами – неустойчивого/неконтролируемого, с точки зрения империй) состояния причерноморской степи, Поволжья и ряда кавказских территорий.

Специфика анализируемой нами ситуация состояла, в частности, в том, что в нейтрализации/физическом устранении султана Бахты-Гирея, старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II, оказались заинтересованы правящие дворы Крымского ханства, Османской империи и России. Нам неизвестен ни один другой подобный пример неожиданного, на первый взгляд, совпадения (по крайней мере, применительно к XVIII в.) интересов Бахчисарая, Стамбула и Санкт-Петербурга по отношению к одному и тому же лицу. Особенно заметными попытки устранения Бахты-Гирея стали в 1720-е гг., в т.ч. на фоне его крепнущих связей с калмыками. Впрочем, намерения крымских ханов и российских властей предусматривали, помимо прочего, достижение договоренностей с Бахты-Гиреем, обещания милостивого к нему отношения и даже прощения, но, при случае – все же его поимки или убийства. Такой системный подход российских администраторов и военных чинов отражал самое серьезное отношение России к реально возросшему влиянию Бахты-Гирея на дестабилизацию обстановки в южном пограничье и даже за его пределами, к масштабу его «подрывных» действий против империи.

Документы Национального архива Республики Калмыкия (НАРК) 1720-х гг. свидетельствуют о расширении российскими властями способов физической нейтрализации султана Бахты-Гирея – от его поимки и заключения под стражу до убийства. К слову, инициативу иногда проявляли и сами местные сообщества, с которыми у Бахты-Гирея отношения оставались, мягко сказать, неровными. Так, предполагая поимку Дели-султана, кабардинские князья сообщали, что черкесы, живущие «в Хатукае да в Жаду» (на Северо-Западном Кавказе. – Д.С.), которым Бахты-Гирей «отчасти верит», информировали их о том, что «ежели он, Бахты-Гирей, к ним придет, чтоб его поймали или им, черкесским князьям, ведомость подали. И когда то учинится, в таком случае могут (в тексте – «могут». – Д.С.) они, князи черкаские, в том его царскому величеству службу свою показать и его, Бахты-Гирея, поймать» [9, л. 26–28 об.]. Таким образом, еще в 1718 г. могла состояться «операция» по захва-

ту Бахты-Гирея, причем и черкесы, и кабардинцы превосходно понимали, сколь ценный «подарок» они могут преподнести российской стороне. Из Коллегии иностранных дел кабардинцам указывалось в следующем году на то, что «ежели они могут того Бахты-Гирея каким образом поймать и в руки его царскому величеству отдать, и покажут в том к его величеству свою верность, то наипаче получат от его царского величества милость и жалованье» [10, л. 38].

В 1720-е гг. российские власти активизировали шаги по «нейтрализации» непредсказуемого Дели-султана, рассматривая самые разные варианты: от призвания его в «протекцию» Е.И.В. до организации заказного убийства, в т.ч. при помощи калмыков. Так, однажды Бахты-Гирей отпустил живыми трех калмыков, нанятых по совету донского войскового атамана А. Лопатина для его убийства. Приехав из Черкаска к Бахты-Гирею, калмыки «весь секрет сами ему объявили, и он, их подаря (т.е. одарив. – Д.С.), от себя отпустил (выделено нами. – Д.С.)» [3, с. 229]. О другом, возможно, случае пишет В.В. Батыров: однажды ни с чем вернулись трое калмыков, нанятые генерал-майором А. Таракановым для убийства Бахты-Гирея, которым в случае успеха обещалась огромная сумма – 5 тыс. руб. [2, с. 48].

Отметим исключительную осторожность Дели-султана во время кочевания с одной территории на другую, а также во время остановок между кочеванием/походами. Между тем, российскими властями предполагались и более «щадящие» меры по усмирению Дели-султана. Например, генерал-фельдмаршал М.М. Голицын писал В.П. Беклемишеву о том, что если Бахты-Гирей согласится войти в протекцию [8, л. 159], то его следует отвезти в город, который подполковник сам «за способнее разсудит, и там бы его содержать тайно до указа, дабы не проведали на Кубане и в Азове» [8, л. 159–159 об.]. Другой вариант содержания Бахты-Гирея предполагал его отправку и пребывание в Хоперской крепости.

Российские власти активизировались в связи с готовившимся походом Бахты-Гирея и калмыков на Кубань, решая в начале 1727 г. вопрос о его «перезывании» или о его поимке/убийстве. От Царицынской линии в степь были отправлены две «партии» во главе с капитанами Державиным и Елагиным [8, л. 21 об.]. Кроме того, В.П. Беклемишев («который у калмыцких дел») должен был добиваться личной встречи с Дели-султаном. Другой подполковник – И.М. Квашнин-Самарин – был определен М.М. Голицыным в Транжамент для принятия комиссии о призыве Бахты-Гирея под российскую протекцию. Впрочем, еще 17 ноября 1726 г. был издан императорский указ, «пущенный» через Верховный тайный совет, в котором тоже

речь шла о призвании Бахты-Гирея и Джан-Темира Ширинского в российскую протекцию [8, л. 71]. В нем содержались повеления, к которым власти вновь обратились в начале 1727 г. Так, В.П. Беклемишеву, если тому станет известно о возвращении Бахты-Гирея из похода или о его пребывании в калмыцких улусах, надлежало ехать туда в «самой скорости» и «трудитца и призывать ево, Бакты-Гирея, а ежели с ним и Джантемира Ширинбея под протекцию всякими возможными образы, хотя и не требуя от них в том писменного или какова друга обнадешивания...» [8, л. 73].

Подобные действия повелевалось производить осторожно, «дабы не могло произойти эха до Азова и протчей турецкой области...». Императорский указ от 15 февраля 1727 г., полученный генерал-фельдмаршалом князем М.М. Голицыным 27 февраля того же года, предполагал меры по призванию Бахты-Гирея в российскую протекцию: «А ежели не пойдет, то б поймать или хотя и убить... (выделено нами. – Д.С.)» [8, л. 21]. 29 марта 1727 г. князь М.М. Голицын рапортовал не только о срыве похода калмыков на Кубань, но также об отправке В.П. Беклемишеву указа о поимке или об убийстве Бахты-Гирея – в случае его отказа принять российскую протекцию. В таких условиях Дели-султан действительно мог опасаться за свою жизнь; причем, «имея страх, дабы не был пойман», Дели-султан никогда не кочевал на одном месте более двух суток [8, л. 26].

Дальнейшее развитие ситуации нашло отражение в аналитической переписке подполковника и царичынского воеводы В.П. Беклемишева с вышестоящим начальством. В частности, он отмечал, что если Бахты-Гирей не пойдет на примирение, то поймать его с помощью российских войск не удастся. Другое дело, что сам Дели-султан «ото всех в страхе на одном месте не живет и не бес караулов ж у нево» [8, л. 255]. Если же попытаться застать его врасплох, то Бахты-Гирей со своими людьми, как точно выразился В.П. Беклемишев, «дяя таковых случаев... имеют они лошадей резвых. И сколько от кубанского салтана за ним посыланы, но и от всех ухораниваетца», а когда и наезжали, то уходят» [8, л. 255 об.]. Подполковник скептически отнесся к поиску наемных убийц среди калмыков, как знатных, так и простых. По его мнению, если кто-то из простых калмыков решится застрелить или зарезать Дели-султана, то ему «самому убиту быть» [8, л. 255 об.]. Поимку Бахты-Гирея, часто пребывающего на р. Куме, В.П. Беклемишев предлагал поручить донским казакам, которые там живут и занимаются звериной ловлей [8, л. 255 об.]. При этом он полагал возможным объединить усилия с кубанцами и с даже с Салат-Гиреем для поисков Бахты-Гирея в степи [8, л. 255 об. – 256]. А в инструкции И. Бахметеву, данной

из Коллегии иностранных дел на основании императорского указа, «состоявшегося» в Верховном тайном совете 24 января 1728 г., вновь предусматривались разные меры по нейтрализации султана, и снова – вплоть до его убийства. Для решения наболевшего вопроса капитану лейб-гвардии Ивану Шувалову надлежало иметь секретный разговор с атаманом Войска Донского А. Лопатиным, для начала попытавшись призвать султана в российскую протекцию. В случае же отказа со стороны Бахты-Гирея – его надлежало поймать или убить, «ибо на то убийство... есть желание и повеление от стороны турецкой, за что повелено обещать им донским казаком некоторую сумму» [7, л. 10]. Причем, судя по всему, речь шла о другом случае, нежели об описанном выше – когда того же атамана А. Лопатина привлекли к организации убийства Бахты-Гирея при помощи донских калмыков. Нас не должно удивлять совпадение интересов Порты и России по устранению Бахты-Гирея, а также контакты османских и российских властей по данному вопросу. К слову, Россия еще раньше требовала от османского правительства поймать или убить Бахты-Гирея, о чем находим упоминание в одном из документов начала 1730-х гг. [1, л. 130–137]. Причем, как выясняется, Россия была готова объединить соответствующие усилия по устранению Бахты-Гирея и с властями Крымского ханства.

В завершение статьи отметим, что ни один из вариантов физического устранения кубанского султана Бахты-Гирея – с ведома или при участии крымских, османских, российских властей – не был реализован. Дели-султан погиб во время одного из походов на кабардинцев в 1729 г. [1, л. 137; 3, с. 231–232; 19, с. 116]. Сегодня мы располагаем многочисленными документальными свидетельствами об основательном и разнообразном наборе средств борьбы властей трех государств с мятежным царевичем, анализ которых указывает на особое место «проблемы Бахты-Гирея» в реализации ими своей пограничной политики в северокавказском регионе и за его пределами. Завидное упорство правящих дворов, с которым они пытались решить указанную проблему на протяжении более полутора десятилетий, не только само по себе выразительно и симптоматично. Многолетняя история попыток убийства или нейтрализации Бахты-Гирея другими способами свидетельствует, в числе других фактов, о реальном влиянии этого военно-политического деятеля не только на состояние и дестабилизацию обстановки в южном пограничье, но и на ход русско-крымских, русско-османских и даже крымско-османских отношений.

Проанализированные нами примеры подтверждают, в числе других аргументов, вывод о том, что на протяжении многих лет

(до 1729 г.) султан Бахты-Гирей оставался одним из важнейших действующих лиц в сложнейших военно-политических комбинациях на Юге, которые элиты пограничных обществ вели со своими имперскими сюзеренами, организуя регулярные набеги в самых разных направлениях. Многократно лишавшийся официальных «должностей» и ресурсов, Бахты-Гирей являлся в течение второго и третьего десятилетий XVIII в. едва ли не главным самостоятельным политическим игроком на Северном Кавказе, располагавшим огромным влиянием, простиравшимся и за пределы данного региона. Вот почему его физическое устранение отвечало долгосрочным интересам ведущих государств, а также некоторой части элит пограничных сообществ. В изучении планов устранения конкретного царевича-Чингисида, состава их организаторов/посредников/участников и механизмов возможной реализации сегодня появились новые исследовательские перспективы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 115. Оп.1. 1731–1732 гг. Д.2.
2. Батыров В.В. Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях между Калмыцким и Крымским ханствами в XVIII в. // Сарепта: Историко-этнографический вестник. Вып.2. Волгоград: ООО «Мириа», 2006. С.36–52.
3. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года // Красный архив. Исторический журнал. 1939. Т.3(94). С.191–254.
4. Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымской власти первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С.92–137.
5. Митиров А.Г. Истоки. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2002. 272 с., ил.
6. Митиров А.Г. Избранные труды / Вступ. ст. Н.Г. Очировой, подг. текстов и указателей Т.И. Шараевой. Элиста: КИГИ РАН, 2012. 236 с.
7. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 30.
8. НАРК. Ф. И-36. Оп.1. Д.33.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 115. Оп.1. 1718 г. Д.1.
10. РГАДА. Ф.115. Оп.1. 1718 г. Д.2.

11. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: КубГУ, 2001. 385 с.

12. Сень Д.В. Биографические данные об элитах Крымского ханства: проблемы источниковедческого изучения (случай султана Бахты-Гирея) // Источниковедение и историография истории Крыма XV–XX вв.: проблемы и перспективы: Сборник научных статей: Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им И. Гаспринского», 2016. С.457–473.

13. Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. №1.

14. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: в 2 т. / отв. ред. С.Ф. Орешкова. М.: Рубежи XXI, 2005. Т.1: Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. 541 с.

15. Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов н/Д.: Ростовское книжное изд-во, 1961. 272 с., ил.

16. Усенко О.Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII – начале XVIII вв. («субидеологические» представления, установки, стереотипы) // Казачество России: прошлое и настоящее: сб. науч. ст. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. Вып.1. С.85–108.

17. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: Хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

18. Шараева Т.И. К вопросу о происхождении этнической группы уддчнр // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. №4. С.59–67.

19. Якубова И.И. «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, 2005. Вып. 2. С. 114–125.

Д.А. Хитров (Москва)

БАССЕЙН р. ВОРОНЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: К ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ РОССИИ ДО ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II*

В научном наследии А.П. Пронштейна значительное место занимают исследования по исторической географии Донской земли в XVIII в. В частности, им показано, что установление администра-

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00462 А.

тивных границ Области Войска Донского было длительным и конфликтным процессом, растянувшимся на весь XVIII в. [10, с. 23–35]. Сделанные им наблюдения получили развитие в трудах ученых основанной им научной школы [см., напр.: 7, с. 150–155; 1, с. 22–31].

Одна из сложностей, с которыми сталкивается изучение данных сюжетов, связана с тем, что история административно-территориального деления России до екатерининской губернской реформы на сегодняшний день довольно слабо изучена. Из обобщающих карт на сегодняшний день в распоряжении историков имеются только составленные В.М. Кабузаном приблизительные схемы [6, с. 43], которые не всегда позволяют с уверенностью определить, к какой административной единице принадлежали те или иные территории. Между тем потребность в таких картах у исследователей велика, поскольку для успешного поиска материалов, относящихся к той или иной территории, необходимо знать ее административную принадлежность.

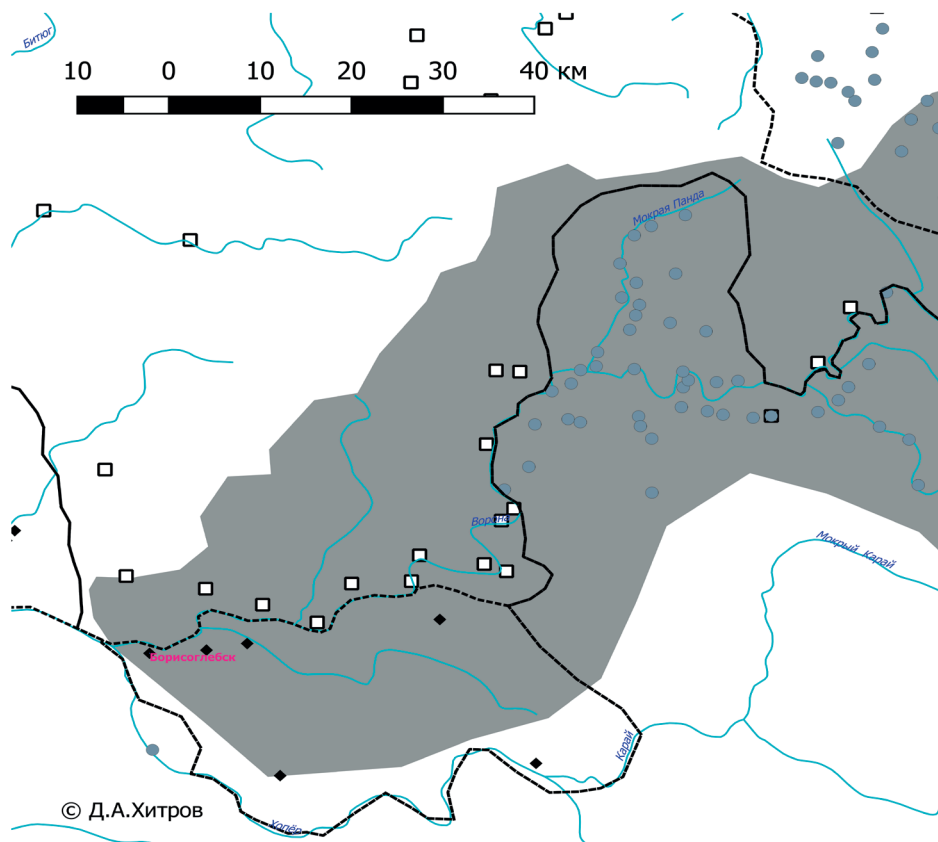
Настоящая статья посвящена выяснению вопроса о том, к каким административным единицам принадлежала во второй четверти XVIII в. территория неподалеку от северных границ казачьих владений – бассейн р. Вороны, правого притока Хопра, площадью около 13 тыс. км². До начала XVIII в. эти земли, видимо, осваивали как жители Тамбовско-Шацкого края, так и донские казаки, однако в 1708 г. казачьи поселения на Хопре выше Пристанского городка были уничтожены [10, с. 30]. Городов в бассейне Вороны не было, не считая стоящего в ее устье Борисоглебска, так что эти земли должны были стать объектом притяжения других административных центров, близких или далеких. Согласно схеме В.М. Кабузана, эти территории относились к Тамбовскому уезду [6, с. 43]. Не случайно после проведения губернской реформы по течению реки возникнут сразу два города, к уездам которых и отойдет большая часть бассейна – Кирсанов и Чембар.

К сожалению, дореформенное административное деление этого региона известно нам только в самых общих чертах. Причин подобной ситуации две.

Во-первых, уезды в административной практике XVIII в. воспринимались не как территории, а как совокупности приписанных к определенному административному центру поселений [об этом см., напр.: 5, с. 83–89]. Сложные и противоречивые процессы хозяйственного освоения при этом могли приводить к возникновению чересполосицы, крайне усложняющей установление точных границ.

Во-вторых, реконструкция границ затруднена из-за состояния источников. Из интересующих нас территорий качественные кар-

Раздел 5. Народы и территории Юга России
в исторической ретроспективе

- Бассейн р. Вороны
- Границы уездов в 1720-х - 1730-х гг.

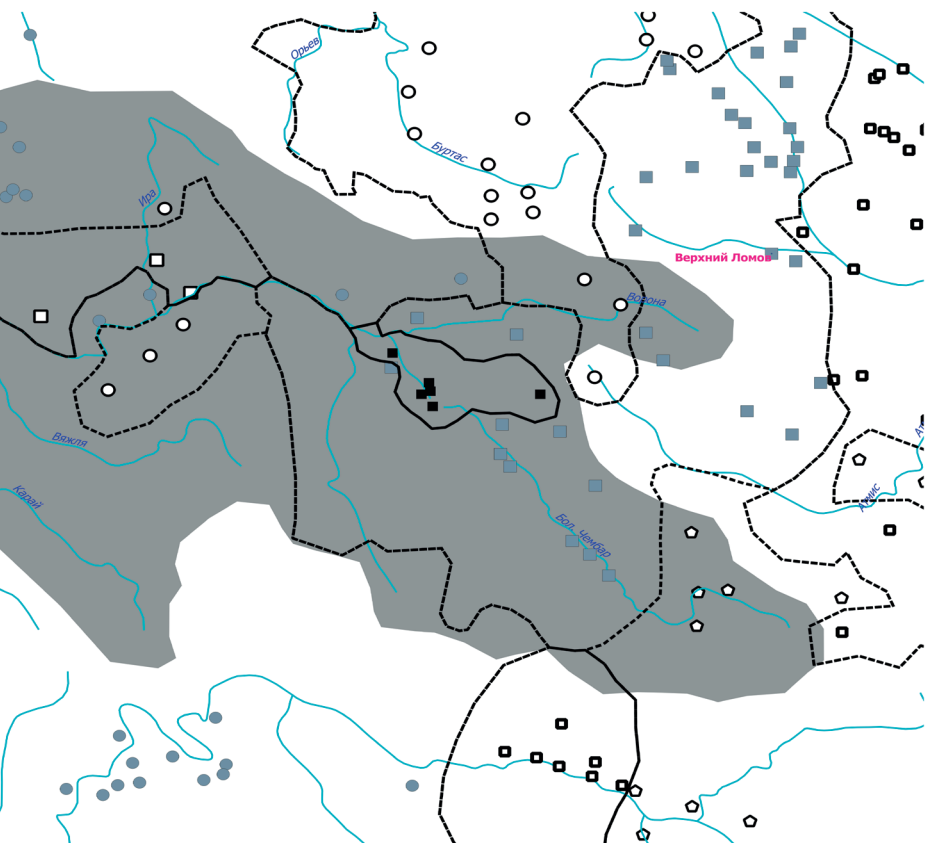
Поселения

Пензенской провинции

- ◆ Пензенский уезд

Тамбовской

- Инсарский
- Верхнелом
- Нижнелом
- Тамбовский

провинции

и уезд
мовский уезд
мовский уезд
ий уезд

Воронежской провинции

◆ Борисоглебский уезд

Шацкой провинции

○ Керенский уезд

● Шацкий уезд

Карта 1. Бассейн р. Вороны в середине XVIII в.

ты имеются только по Пензенской провинции – это т.н. карты петровских геодезистов. Нами использован русский экземпляр, хранящийся в БАН, датированный 1729 г. и подписанный геодезистом Иваном Бровцыным и учеником Афанасием Софроновым [2, л. 1]; французский вариант того же памятника был вывезен Ж.-Н. Делилем в Париж и ныне находится в Национальной библиотеке Франции [15, л. 1].

К сожалению, территории Шацкой и Тамбовской провинций вплоть до эпохи Генерального межевания оставались не картографированными в крупном масштабе, а межевые карты в этом регионе составлялись уже после открытия новых наместничеств и отражали новые уездные границы, которые сильно отличались от старых. В.М. Кабузан в своем каталоге историко-географических источников указывает только на приблизительную схему, содержащуюся в «Лесном атласе», составленном для Екатерины II [4, с. 80–81; см.: 14, л. 48]. Кроме того, в фонде Сената в РГАДА нам удалось обнаружить небольшую ландкарту интересующего нас района, сохранившуюся в составе дел Сената по Адмиралтейств-коллегии [6, л. 1]. Она дошла до нас в составе небольшого дела, из которого следует, что она была составлена в 1737 г. в Тавровском адмиралтействе по запросу Адмиралтейств-коллегии [11, л. 294]. Подписанная геодезистом Василием Золотиловым и геодезии учеником Еремеем Владычиным, она представляет собой схематические чертежи двух довольно далеко расположенных друг от друга территорий – среднего течения р. Воронеж (Демшинский, Усманский, Сокольский, Белоколодский и Романовский уезды, а также их окрестности) и интересующий нас бассейн р. Вороны. К сожалению, она отличается очень слабой детализацией. На ней присутствует всего 57 поселений, в том числе в интересующей нас части – 32.

За неимением карт приходится обратиться к спискам поселений, составленным в фискальных целях. Такие списки для интересующего периода можно составить на основании итоговых таблиц первой ревизии [12, л. 631–750]. Ценный дополнительный материал дает также несколько более поздний (1756 г.) окладной реестр Шацкого уезда по второй ревизии [13, л. 1–30]. Составив такие списки, необходимо локализовать названные в них поселения. Это достаточно сложная работа, требующая непременно обращения к разновременным крупномасштабным картам [см., напр.: 3], и прежде всего к наиболее ранним из них – уездным планам Генерального межевания. К сожалению, этот метод не лишен ограничений. Поселение с распространенным названием (таким, как, например, село Никольское), если оно обозначено на карте, пусть даже несовершен-

ной, локализуется с высокой степенью достоверности: примерно понятно, в каком направлении и на каком расстоянии от уже локализованных пунктов сего следует искать. Иначе обстоит дело, если перед нами не карта, а список названий. Здесь мы можем только ориентироваться на близость поселения-кандидата к другим поселениям из этого списка и отчасти, с большими оговорками, рассчитывать на то, что соседние поселения нередко расположены рядом и в списке. Понятно, что в таких условиях локализации менее надежны, аргументировать их сложнее, а часть поселений с неизбежностью остается нелокализованной.

Работа особенно осложняется, если речь идет о вновь осваиваемых регионах, где происходит «дрейф топонимики» (переселенцы приносят на новое место старые названия), а границы административных единиц причудливо переплетены. Все эти сложности в полной мере присутствуют в изучаемом районе.

Выполненная по описанной методике локализация поселений представлена на Карте 1 «Бассейн р. Вороны в середине XVIII в.». Как мы видим, в пределах относительно небольшого бассейна Вороны наблюдается исключительная административная чересполосица – присутствуют поселения, относящиеся к восьми уездам четырех провинций [8]. Глядя на эту карту, можно понять, с какими сложностями столкнулись В. Золотилин и Е. Владычин, пытаясь выполнить заказ Тавровского адмиралтейства [6, л. 1]. Впрочем, следует сказать, что общее соотношение территорий было показано ими верно: в низовьях Вороны расположен Борисоглебский уезд, далее к ней двумя выступами выходит Тамбовский, разрываемый большим, расположенным на обоих берегах анклавом Шацкого. На востоке Тамбовский действительно граничит с Верхнеломовским, а на юго-востоке – с небольшим анклавом Инсарского. В то же время очевидно, что геодезисты не вели больших полевых съемок и лишь пытались приблизительно представить себе последовательность уездов вдоль Вороны. Их очертания крайне упрощены, не учтен большой анклав Керенского уезда, нет соседних поселений Нижнеломовского, отсутствуют владения Пензенской провинции в верховьях реки.

Столь замысловатая чересполосица, затрагивающая не только уезды, но и провинции, является, конечно, крайним и не вполне типичным для других районов России случаем. Вероятно, она возникла в результате позднего освоения этих территорий, связанного с принудительной мобилизацией населения расположенных севернее уездов на работы в интересах адмиралтейского ведомства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А.И. От Великой Тартарии к Земле Донского войска (XVI – первая треть XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2017. № 2. С. 22–31.
2. БАН РО. Картографическое собрание. Оп. 1. Ед. хр. 576.
3. Дедук А.В. К вопросу о локализации Искани духовной Ивана III // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2015. № 3. С. 41–42.
4. Кабузан В.М. Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // Историческая география России XVIII в. М., 1981.
5. Камараули Е.В. Итоги аграрного освоения Центрального Черноземья в первой трети XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. Аграрное освоение и демографические процессы в России X–XXI вв. М.-Уфа, 2016.
6. Ландкарт Воронежской губернии Воронежской провинции Воронежского, Усманского, Демшинского, Борисоглебского уездов, Тамбовской провинции Верхоломовского, Козловского, Добренского, Соколовского, Романовского, Белокологского уездов, Шацкой провинции Шацкого, Инсарского уездов. РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Ед. хр. 70.
7. Мининков Н.А. Сыскные начальства на Дону XVIII в. и начало формирования донского войскового административного деления // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5. М., 2017.
8. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий / Сост. Я.Е. Водарский, В.М. Кабузан. Вып. 3. М., 1972.
9. Полный исторический атлас России. М., 2010.
10. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.
11. РГАДА. Ф. 248. Кн. 563.
12. РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения. Кн. 1163.
13. РГАДА. Ф. 453. Оп. 1. Ед. хр. 1410.
14. РНБ РО. Эрм. 610.
15. Bibliothèque nationale de France, GE BB-124 (131RES). Электронная версия: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b55003163x/f1.item>

ГОРОДА «НА ПОЛЕ» В КОНЦЕ XVI в.: ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В начале 1580-х гг. России были введены так называемые заповедные лета, временно запретившие крестьянский переход в Юрьев день. До начала 1590-х гг. правительство осуществило полную перепись населения и земельных владений, результатом которой стали писцовые книги – основной документ, прикрепляющий крестьян к земле. Запрет крестьянских переходов из временной меры стал постоянным. Данная мера отвечала фискальным интересам государства и основной массы детей боярских.

С середины 1580-х гг. «на Поле» – южной окраине страны – сооружались новые крепости: Воронеж, Ливны, Елец, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки, Царев-Борисов. При решении задачи их заселения правительство отступало от последовательной линии на закрепощение крестьян, преодолевая сопротивление южных помещиков. О процессе формирования населения городов-крепостей «на Поле» позволяют судить документы о строительстве Ельца 1592–1593 гг. и документы о восстановлении после разорения Воронежа в 1594 г. [1; 2; 3].

Руководство строительством и заселением Ельца осуществлял Посольский приказ во главе с дьяком Андреем Щелкаловым, крупным государственным деятелем, руководившим внешнеполитическим ведомством России в 1570–1594 гг. Особенность российского приказного делопроизводства состояла в том, что все указания из Москвы оформлялись как воля царя Федора. По сохранившимся документам определить, кому принадлежало решение – лично царю или главе Посольского приказа дьяку А.Я. Щелкалову, сложно. Неясна роль в руководстве строительством новой крепости Бориса Годунова, который, как известно, в то время являлся фактическим правителем государства. В 1586 г. А.Я. Щелкалов – ближайший сподвижник Б.Ф. Годунова [4, с. 133.]. С конца 1580-х гг. Б.Ф. Годунов захватил в свои руки все нити внешнеполитических сношений. Произошло умаление роли посольских дьяков. По предположению А.П. Павлова, между Годуновым и дьяком А.Я. Щелкаловым отношения охладели, что привело к отставке последнего в 1594 г. [5, с. 55]. Тем не менее, можно с определенностью утверждать, что оперативные вопросы управления строительством и заселением новой крепости решались в Посольском приказе.

В 1591 г. был издан указ о наборе на службу в новую елецкую крепость стрельцов, казаков, пушкарей, о верстании детей боярских. Казачьи и стрелецкие головы и сотники ездили по городам и уездам и набирали ратных людей в новый город Елец. Новоприборным стрельцам обещали жалованье: по 3 рубля, 6 четвертей ржи и 6 четвертей овса в год. Крепость должны были возводить сами елецкие служилые люди. Первые строители крепости – стрельцы и казаки – пришли на Елецкое городище «на Рождество Христово» 7100 г., то есть 25 декабря 1591 г. (По современному григорианскому календарю – 4 января 1592 г.). Основная часть служилых людей приходила зимой 1592 г. – за пять-четыре-три недели до Пасхи.

Елец и его округу засеяли жители близлежащих южнорусских уездов: Орловского, Новосильского, Пронского, Алексинского, Тульского Каширского, Соловского, Крапивенского, Елифанского, Болховского. По указу в елецкие стрельцы и казаки следовало набирать родственников крестьян и служилых людей: от отцов – детей, от братьев – братьев, от дядей – племянников. Главное условие записи в Елец – оставление на том месте, где жил ушедший, – на пашне или в службе – человека, не обязательно родственника. Если записавшийся в службу в Елец никого не оставил на своем прежнем месте, то его уход рассматривался как бегство. Беглые крестьяне и служилые люди подлежали возвращению в тягло или в службу.

Беглые крестьяне находились в составе гарнизона Воронежа в 1594 г. В грамоте на имя головы Б.А. Хрущева, полученной в Воронеже 6 августа, приказывалось «бити батоги гораздо да... посадити в тюрьму на неделю» воронежского казака Рудака Салманова за то, что он бил приказчиков сына боярского М. Кошелева, приехавших за беглыми крестьянами. Предписания Посольского приказа Б. Хрущев не выполнил – «казака Рудака Салманова не бил и в тюрьму не сажал», а отпустил из Воронежа в Москву [2, л. 35; 3, с. 379].

Как правило, крестьяне и служилые люди (их родственники) уходили в новый город Елец зимой или весной 1592 г. одни без семей. На прежнем месте они оставляли имущество, засеянные в земле рожь и овес. В документах упоминается «пожилое», которое платилось помещику, в одном из случаев оно составляло 40 алтын – т.е. 1 руб. 20 коп. [1, с. 23, 25].

Осенью 1592 г. елецкие стрельцы и казаки приезжали на места, где они жили раньше, чтобы забрать с собой жен, детей, вещи и скот, сжать хлеб. Дети боярские не отдавали им имущества, а иногда пытались заставить елецких стрельцов и казаков жить у себя в поместьях. Прежние владельцы заковывали пришедших в железные цепи, «вымучивали» записи о том, что стрельцы и казаки не будут

подавать имущественные иски, останутся жить за тем или иным сыном боярским.

Чтобы добиться возвращения семей и имущества, стрельцы и казаки подавали челобитные в Посольский приказ. Прощения содержат подробные перечни скота и домашней птицы, одежды, посуды, продуктов. Они позволяют судить о хозяйстве южнорусских крестьян и служилых людей в конце XVI в. Из Москвы на места к воеводам, головам, губным старостам, городовым приказчикам посылались грамоты с указанием проверить законность ухода из поместья, «доправить» имущество челобитчиков с детей боярских, отпустить их с семьями в Елец. Но даже при наличии грамоты из Москвы дети боярские оказывали сопротивление – настолько важно для них было сохранить за собой рабочие руки и крестьянские «животы». Подобные противоречия возникали и в стрелецких и казачьих слободах городов, откуда родственники служилых людей уходили в Елец. Казачьи и стрелецкие головы и сотники не хотели отпускать желавших уйти в Елец.

Позиция правительства выражена в следующем высказывании: «Нам все города надобны – как Орел, так и Елец!». Когда елецкий голова И.Н. Мясной выдал несколько елецких казаков детям боярским в крестьяне, он получил выговор: «А ты дуруешь, что казаков выдаешь! Не велено казаков выдавать детям боярским... и ты б казаков берег и за них стоял и детям боярским не выдавал». Епифанский осадный голова Ф.А. Наумов получил порицание Посольского приказа за то, что заставил елецких казаков возводить крепостные стены в Епифани, между тем они уже строили Елец: «Ты то делаешь не гораздо – мы города новые устраиваем, а ты пустошишь!» [1, с. 30, 46, 72].

В этом общем правиле сохранения набранных в служилые люди бывших крестьян делались исключения, очевидно для особо влиятельных землевладельцев. Так, окольных А.П. Клепшин, бывший в годы правления Ивана IV воспитателем царевича Федора, в 1594 г. подал челобитную о поимке холопа, сбежавшего из его рязанской вотчины Печерники в Воронеж. Показательна помета на ней: «102-го июля 11 день дати грамота мимо Бориса Хрущова, а велел сам царь» [6, с. 436, 440–441]. Решение о возврате беглого принял в данном случае сам царь Федор, исполнялось оно в обход воронежского казачьего головы.

Видимо, приказы не всегда занимали единую позицию по поводу набора служилых людей в новую крепость. Елецкий стрелец Т. Логачев ранее жил в Орле в казачьей слободе с братом. Орловский казачий голова К. Лодыженский не отдал ему имущества и, более того, за-

ставил написать обязательство жить в Орле в казачьей слободе. Т. Логачев обратился с челобитной в Посольский приказ, где издали грамоту к орловским воеводам с предписанием отпустить стрельца с имуществом в Елец. Но К. Лодыженский ранее получил указание Стрелецкого приказа – из Ораа из казачьей слободы отпустить в Елец только третьего и четвертого брата, а двух оставлять. Между тем Т. Логачев был вторым братом в семье, поэтому голова не отпустил его в новую крепость [1, с. 148–149].

Наряду с набором «охочих» людей в Елец «сводили» ратных людей. В частности, 60 полковых казаков перевели в Елец из Ливен. На жительство в Елец переводили тульских пушкарей. 19 марта 1593 г. в Елец «для учения» елецких пушкарей и кузнецов посылались три «добрых» тульских пушкаря и кузнец. Метод «сведения» ратных людей применялся и при заселении Воронежа. Так, из Ряжска и Данкова в Воронеж были переведены казаки, которым была выделена для пашни Казарская поляна и поле около Русского рога «от города версты с три», а это было для них неудобно. Б. Хрущеву подчинялись служилые черкасы (украинцы), переведенные из Ливен. Хотя голова и отвел им места под дворы, черкасы не спешили строиться, а жили по избам у стрельцов. Власти практиковали переводы из одной группы служилых людей в другую. Летом 1594 г. 50 воронежских стрельцов перевели в казаки. В связи с этим их переселили из Стрелецкой слободы в Казачью. Кроме того, воронежский воевода принял 21-го человека в пушкاري и затинщики.

Гарнизон Ельца пополняли донские казаки. К осени 1592 г. по царскому указу за рекой Сосной под Лутовым болотом поселились 30 донских казаков с атаманами М.А. Шлыком и Р. Дробышевым (Клаушиным). Это место отвели им воеводы, потому что «та слобода всему городу крепость». Прибывшие в Москву атаманы просили выдать казакам жалованье, увеличить их численность, окружить острогом их слободу, привлекая к работе всех елецких служилых людей. По указу число донских казаков в Ельце было увеличено до ста. Некоторые из записавшихся в Елец донских казаков ранее жили в Епифани [1, с. 36–37, 116, 124–126, 179, 40]. Голова Б. Хрущев принимал в воронежские казаки выходцев из тульских, рязанских, орловских мест, с «вольного» Дона и других степных рек, выдавал им жалование деньгами и хлебом, отводил землю. Первые поселенцы получили участки около острога, сразу за крепостной стеной. Прибывшим позже досталась земля вдали от города.

Одновременно со строительством города в Ельце возникали церкви и монастыри. К декабрю 1592 г. в Вознесенском соборе служили два попа, дьякон, дьячок, пономарь, проскурница.

В Успенской церкви, что на посаде, – два попа, дьячок, пономарь, проскурница. В елецком Троице-Сергиевом монастыре – игумен и монахи. В 1586 г. сооружался главный храм Воронежа – деревянный Благовещенский собор. В слободах служилых людей строились приходские церкви. Постоянными жителями города стали священники.

По указу в окрестностях Ельца следовало испоместить 200 детей боярских из числа неслужилых родственников. До 19 августа 1592 г. кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной верстали 164 человека из разных городов. В присутствии окладчиков им определили поместные оклады и денежное жалованье: 1-й статье – 200 четвертей «в поле», 6 руб. в год, 2-й статье – 150 четвертей «в поле», 5 руб., 3-й статье – 100 четвертей «в поле», 4 руб. 31 августа 1592 г. елецкий воевода кн. А.Д. Звенигородский и И.Н. Мясной получили распоряжение – отделить землю детям боярским в соответствии с их окладами по реке Сосне и за Сосной, чтобы на отведенных землях елецкие помещики могли строить дворы и распахивать землю. На время устройства елецкие дети боярские освобождались от станичной службы и городского дела. Отвод земель детям боярским в 1593-1594 гг. положил начало формированию Елецкого уезда [7, с. 32-74.]. В бумагах 1594 г. не называются воронежские дети боярские. Очевидно, в отличие от Ельца, формирование воронежской корпорации детей боярских произошло позже.

Многу высказывалось предположение о том, что Воронежский уезд образовался в 1598–1605 гг. в связи с испомещением детей боярских в окрестностях Воронежа [8, с. 56, 307]. М.Ю. Зенченко оспорил это мнение. Он обратил внимание на то обстоятельство, что помещики Воронежского уезда перечислены в Дозорной книге 1615 г. без упоминаний о дворах. М.Ю. Зенченко отмечает, что «собственных дворов нет не только у помещиков, но и у крестьян (хотя дозорщик различал наличие у помещиков крестьян – сравним «пашни паханые помещиковы и крестьянские» и «пашни паханые помещичьи»). Видимо, считает М.Ю. Зенченко, в 1615 г. еще вся помещичья запашка обрабатывалась наездом. По его словам, возникновение уезда надежно датируется 1615 г. [9, с. 177–179].

Представляется, что существуют основания отнести возникновение Воронежского уезда к более раннему времени. В период с 15 мая по 12 августа 1613 г. в Москве выдавались грамоты на поместья воронежским детям боярским, причем некоторые из поместий названы «старыми». Например, «Мая в 15 день: Запечатана грамота в Воронежской уезд в жеребей села Рамони по челобитью Нелюба Томашина: отказная на старое поместье. Пошлин полполтины. Взято» [10, с. 109 и сл.].

В июне 1613 г. И.М. Заруцкий разорил воронежские деревни: Синдякину, Остапову, Сушиловку. Следовательно, дворы в этих населенных пунктах размещались. В 1612/13 г. был основан Борщев монастырь, поместье в с. Белый колодезь было получено владельцем по грамоте 1612/13 г. [11]. Таким образом, в 1613 г. поселения в Воронежском уезде уже существовали, а появились они, возможно, ранее.

Итак, при заселении окраинных южных крепостей российское правительство руководствовалось общегосударственными потребностями укрепления обороны южных границ России. Ему приходилось пренебрегать интересами детей боярских, терявших рабочие руки, мириться с сокращением численности жителей других южнорусских городов, откуда люди уходили в новые города.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 гг. / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин, А.В. Новосельцев. Елец, 2001.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 141. 1594 г. Д. 1. Ч. 2.
3. Анпилов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. М., 1967.
4. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
5. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.
6. Антонов А.В. Историко-археографические исследования: Россия XV – начала XVII в. М., 2011.
7. Ляпин Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI – XVII вв. Елец, 2008.
8. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.
9. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008.
10. Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. акад. С.Б. Веселовский. М.: Наука, 1994.
11. Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Т. 2. Воронежские писцовые книги. Воронеж, 1891.

ДНЕПРОВСКИЙ ПОХОД ВОЙСК КН. КОЛЬЦОВА-МОСАЛЬСКОГО В 1700 г.

Русско-турецкая война 1686–1700 гг. до сих пор слабо изучена в отечественной историографии, и многие ее эпизоды никак не отражены в опубликованных источниках. Одной из таких малоизвестных страниц этой войны является «Днепровский поход 1700 года» войск князя И.М. Кольцова-Мосальского и оставление уступленных по Константинопольскому миру бывших турецких крепостей Казыкормени и Тавани.

В начале 1700 г. Россия уже готовилась к предстоящей войне со Швецией, однако мирный договор с Турцией до сих пор так и не был заключен. Царский посланник Е.И. Украинцев отбыл в Стамбул еще в августе 1699 г., но переговоры затянулись, и весной 1700 г. царское правительство решило принять превентивные меры на случай возможного прихода турецких войск и крымских татар, и направить к Казыкорменю и Тавани малороссийских казаков и царских служилых людей. Турецкая крепость Казыкормень, а также соседние форты («паланки») Тавань, Нусрет-Кормень и Сагин-Кормень были захвачены войсками Б.П. Шереметева и И.С.Мазепы в августе 1695 г. [1, с. 104–130], а в 1697 г. гарнизоны Казыкорменя и Тавани успешно выдержали осаду турецкой армии. Для обеспечения безопасности этих крепостей, а также для строительства и ремонта их укреплений вниз по Днепру практически каждый год отправляли крупные отряды царских войск и малороссийских казаков. В начале 1700 г. гарнизон Тавани и Казыкормени насчитывал 3,9 тыс. чел., в т.ч. 1 411 царских служилых людей и 2,5 тыс. малороссийских и запорожских казаков [3. л. 46]. Российский гарнизон состоял из солдат Козловского солдатского полка Белгородского разряда И. Риддера и служилых людей «городовой службы» («стрельцов и казаков и пушкарей и пушкарского чину людей») белгородских городов служивших в днепровских крепостях по очереди по году. Из 2,5 тыс. казаков 500 были вербованными запорожцами, которым к лету 1700 г. задолжали годовое жалование в размере 1250 руб. (т.е. 2,5 рублей на человека, для сравнения жалование стрельца составляло 4–5 рублей в год) [2, с. 660], остальные – малороссийские казаки городовых полков, присылавшиеся посменно на годовую службу. Кроме этого, весной в Тавань с хлебными запасами на стругах прибыли 280 стрельцов Курского жилого стрелецкого полка Алексея Чичагова и 425 стрельцов Севского жилого стрелецко-

го полка Данилы Юдина [4, л. 46, 675]. С учетом этих подкреплений в распоряжении таванского воеводы Ивана Опухтина насчитывалось 4 616 чел. Артиллерия Тавани и Казыккермени насчитывала 138 пушек («медных и железных на станках и на колесах в том числе 5 на вертлюгах») и 10 мортир («пищалей верховых» калибром по 2 и 3 пуда), к которым имелось 9 019 «ядер гранатных» (для мортир) и 32 207 пушечных ядер. Запасы пороха составляли 6 826 пуд, продовольствия, с учетом доставленных из Брянска припасов – 20 561 четей ржаной муки и сухарей, а также необходимые запасы соли, сушеного мяса и масла. Около крепости на берегу также находилось 239 мореходных струга и лодки, заготовленных для похода на Очаков [4, л. 5–7]. Таким образом, крепости Тавань и Казыккермень в начале 1700 г. имели достаточно сильный 4-тысячный гарнизон и артиллерию, и были в достатке снабжены необходимыми военными и съестными припасами на случай вражеской осады.

Для похода к Казыккермени и Тавани в мае 1700 г. были назначены малороссийские казаки гетмана Ивана Степановича Мазепы, а также служилые люди Севского и Белгородского разрядов под командованием белгородского воеводы и наместника чебоксарского генерал-майора стольника князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского. В состав его корпуса должны были войти 5 770 царских ратных людей: 25 московских чинов, 141 белгородец «сотенной службы», 395 донских, яицких и орешковских казаков, 2 900 казаков слободских полков (Сумского, Ахтырского и Харьковского полков), 1000 солдат Севского новоприборного солдатского полка, 658 стрельцов Белгородского жилого полка Осипа Булгакова и 652 московских стрельцов полка Ивана Нечаева из Путивля. Вместе с ними в поход также должны были выступить 6 тыс. малороссийских казаков (1,5 тыс. конных и 4,5 тыс. пеших). Всего с учетом казаков корпус Кольцова-Мосальского должен был насчитывать 11 711 чел. [4, л. 45–46] Также под команду воеводы должны были поступить гарнизоны Тавани и Казыккермени. Первоначально задачами войск Кольцова-Мосальского были обозначены ремонт и строительство укреплений этих крепостей, а также усиление гарнизонов «на случай прихода вражеских воинских людей». В подтверждение этих опасений в начале мая от полтавского наказного полковника Якова Попова были получены известия, что по его данным турки и крымские татары планируют в этом году предпринять еще одну попытку отбить потерянные ранее днепровские крепости [4, л. 697–698]. В майском указе местом сбора царских ратных людей и казаков была определена Ахтырка, но И.С. Мазепа разумно сомневался в целесообразности такого решения, и в своем пись-

ме царю 5 июля писал, что раньше всегда сбор был либо у Переволочны, либо на Орели, откуда был прямой путь на Тавань и Казыкермень [2, с. 657]. В Москве согласились с доводами гетмана, и 29 июля он получил царский указ отправить своих казаков к Переволочной, и встать там не позднее 1 августа. И.С. Мазепа в ответном письме сообщал царю, что им был немедленно отдан соответствующий приказ («войску приказал я тотчас вскоре из домов выходить, и на назначенное место чинить поход с великим поспешением»), но за три дня прибыть на место они никак не успеют, и выражал надежду, что воевода кн. И.М. Кольцов-Мосальский, который получил приказ выступить к Переволочной одновременно с ним, будет на месте вовремя («туды прийтить не опоздает») [2, с. 671].

Опасения И.С. Мазепы оказались обоснованными: кн. И.М. Кольцов-Мосальский выступил в поход с задержкой в 2,5 мес., что было связано с изменившимися планами в отношении судьбы Тавани и Казыкермени. В соответствии со 2-й статьей заключенного с Турцией 3 июля 1700 г. Константинопольского мирного договора Россия обязалась в течении 30 дней вывести свои гарнизоны и вооружение из обеих крепостей и полностью разрушить их укрепления, и обе стороны также договорились «впредь никогда на тех местах городкам и никакому поселению не быть» [3, с. 370]. Первоначально российское правительство планировало полностью и в срок исполнить свои обязательства по этому договору, и в августе кн. И.М. Кольцову-Мосальскому было предписано как можно скорее оставить все ранее захваченные днепровские крепости и разрушить их укрепления («разорить, стены разбить и рвы засыпать, чтоб городовые крепости впредь к строению знака не было»). Поселившихся в Тавани и Казыкермени жителей предписывалось переселить «куда похотят» в Малороссии или в города Белгородского разряда. Имевшуюся в оставляемых крепостях артиллерию («наряд») и все припасы надлежало вывезти на хранение в Запорожскую Сечь [4, л. 8]. Отдельно в царском указе от 18 августа оговаривалась необходимость тайно подыскать в районе Запорожской Сечи место под строительство новой крепости, которая стала бы новым южным форпостом Российского государства в его многовековой борьбе с Крымским ханством. Но затем российское правительство решило не спешить с эвакуацией Тавани и Казыкермени, и выступление кн. И.М. Кольцова-Мосальского сначала было отложено, а уже в октябре было решено отложить выполнение статей Константинопольского договора до следующего 1701 г. 15 октября кн. И.М. Кольцов-Мосальский получил царский указ разрушить только пустующие форты Нусрет-Кермень и Сагин-Кермень, а из Тавани и

Казыкermени вывезти половину артиллерии и запасов, и оставить в этих крепостях на зиму гарнизон воеводы Ивана Олупхтина численностью 4 863 чел.: 1000 чел. Севского новоприборного солдатского полка, 658 белгородских стрельцов Булгакова, 280 стрельцов Чичагова, 465 стрельцов Юдина и 2,5 тыс. малороссийских и запорожских казаков. Вывезенные артиллерия и припасы должны были быть отвезены на временное хранение в Запорожскую Сечь, а в следующем году перевезены в новую крепость [4, л. л. 675–676].

Еще до получения царского указа, уточнявшего распоряжения в отношении Тавани и Казыкermени, кн. И.М. Кольцов-Мосальский получил 4 октября указ о выступлении его войск в поход. К этому моменту почти весь его корпус был в сборе, по состоянию на 5 октября в наличии было 5 474 чел.: 7 московских чинов, 115 белгородцев «сотенной службы», 370 донских, яицких и орешковских казаков, 2 978 старшины и казаков слободских полков (Сумского – 1251 чел., Ахтырского – 840 и Харьковского – 897), 878 человек солдат Севского новоприборного солдатского полка (8 офицеров и 870 нижних чинов), 560 – Белгородского жилого полка Осипа Булгакова (подполковник, 4 капитана и 555 стрельцов) и 572 – Ивана Нечаева (полковник, подполковник, 4 капитана и 567 стрельцов) [4, л. 505–506]. Основные проблемы при сборе войск оказались связаны с Севским новоприборным полком. Еще в августе выяснилось, что в Севске в наличии имелось всего 8 офицеров (подполковник Федот Улной, 3 капитана, капитан-поручик и 3 поручика) [6, л. 43], а все остальные еще зимой 1700 г. были отозваны в Москву для укомплектования новых полков, сформированных для войны со Швецией. Командир этого полка, полковник Адриан Возницын, еще в начале года был отстранен от службы и помещен под арест по обвинению в многочисленных злоупотреблениях («налогах, обидах и разорении») в отношении солдат его полка. Сыск, проведенный стольником Леонтием Семеновичем Шеншиным, подтвердил выдвинутые обвинения. В ходе расследования выяснилось, что Возницын назначил без выбора солдатами целовальниками для приема и расходования в полку денег и съестных припасов Аггея Федорова и еще 4 чел., к которым потом были прибавлены 3 целовальника по выбору солдат. Полковник с целовальниками продавали лишние припасы (собранные «на россыпку, на мышье еденье и на мочу») припасы сторонним людям. Также Возницын при помощи прапорщика Еремея Полугримова брал с солдат взятки, принуждал их работать на себя, заставлял покупать сукно на цветные (форменные) кафтаны у «торговых людей Викулы Полунина со товарищи», с которыми он «вошел в стачку» (т.е. в долю), отпускал за деньги со службы домой и освобождал

от походов. Недовольных подвергал истязаниям, от которых умерли 2 солдата [5, л. 68–83, 112–118 и др.]. На место Возницына севский комендант генерал-майор А. Гулиц просил назначить его самого (в этом случае он бы получал дополнительно к уже имевшемуся у него жалованию также и жалование командира данного солдатского полка), аргументируя это своими многочисленными заслугами и имеющейся перед ним задолженностью по выплате жалования за прежние годы. На это же место претендовал и полковник Алфедрий Шневенц, который в 1700 г. оказался за штатом, и просил о назначении в один из полков. В результате этой переписки царь Петр I указал 21 сентября 1700 г. Иноземному приказу как можно скорее послать в Севский новоприборный полк необходимых офицеров (полковника, подполковника, майора, 8 капитанов, 10 поручиков), а самому полку как можно скорее выступать в Ахтырку [6, л. 87]. На место Возницына был в итоге назначен новый полковой командир – полковник Петр Андреевич Гассениус. Затребованного количества необходимых офицеров в Москве в распоряжении Иноземного приказа не оказалось (все имевшиеся командные кадры пошли на укомплектования новых полков для Нарвского похода), и вместе с Гассениусом в Севск были отправлены 17 человек: подполковник Павел Юрьевич Рубанов, майор Иван Калистратович Ургенев, два капитана (Иван Петрович Стадер и Иван Степанович Аминов), 5 «прапорщиков вместо капитанов», 7 «прапорщиков вместо поручиков» и один прапорщик [6, л. 93 об.]. Все офицеры, кроме одного прапорщика, были иноземцами и новокрещенами. В последующем подобная практика, при которой из-за нехватки офицерских кадров офицеров назначали на более высокие должности с сохранением прежних званий и окладов («прапорщик вместо капитана»), стало общепринятой в полках на южных рубежах. Кроме недостатка в офицерах командование столкнулось с нехваткой обозных лошадей (в полку имелось 6 полковых 2-фунтовых пищадей, а также 12 палуб и 34 телеги с различными запасами и амундичией) и припасов для похода. При формировании этого полка в 1697 г. все расходы по его содержанию и снабжению были положены на государственных крестьян Комарицкой и Крупецкой волостей. Однако в марте 1700 года комарицкий бурмистр Никифор Салтанов «со товарищи» отказал в выполнении этих повинностей, т.к., по его словам, крестьян ежегодно вынуждают поставлять припасы, несмотря на то, что война закончилась («полковые припасы берут по вся годы, как и походу не бывает, и тем припасы корыстаются воеводы и полковники») [6, л. 287]. В Комарицкую волость были направлены «сыщики» для выяснения реальной ситуации, но в результате не-

обходимые лошади и продовольствие были присланы лишь в октябре. Московский стрелецкий полк Нечаева (600 чел.) был поселен на «вечное житье с женками и детьми» в Путивле. Перед выступлением в поход Нечаев попросил повестать на службу 58 стрелецких детей, но ему в этом было отказано, и, с учетом больных и нетчиков, с И.С. Мазепой полк выступил в числе 552 чел. с 6 полковыми пищалями. Для пушек и припасов в полк были даны 60 подъемных лошадей [6, л. 51, 313].

Князь И.М. Кольцов-Мосальский выступил из Ахтырки 12 октября, и подошел к Переволочной 25-го. Между тем гетманские казаки (6 тысяч под командой лубенского наказного полковника Дмитрия Зеленского) прибыли к месту встречи еще 7 августа и переправились на правый берег Днепра. Здесь они простояли 12 недель в ожидании подхода войск кн. И.М. Кольцова-Мосальского. Все это время казаки стояли лагерем в поле под открытым небом, страдая от непогоды и недостатка припасов. Как писал И.С. Мазепа, они съели все имевшиеся запасы продовольствия, и от недостатка кормов к концу октября от бескормицы пали около тысячи лошадей («то войско знатно изнужилось оголодало и опешело»). 1 ноября И.С. Мазепа писал из Батурина, что кн. И.М. Кольцов-Мосальский еще так и не подошел (видимо, гетман не успел получить донесение о приходе воеводы к Переволочной), его казаки страдают от голода и непогоды, и просил разрешения у царя отпустить своих казаков со службы [2, с. 694–695]. Но вместо этого гетману и воеводе 11 ноября был отправлен царский указ с подтверждением предыдущего указа от 15 октября о вывозе половины припасов из Тавани и Казыккермени в Сечь, и оставлении на зиму с И. Опухтиным почти 5-тысячно-го гарнизона [4, л. 678].

Объединенный отряд прибыл к Тавани и Казыккермени в начале ноября. В соответствии с царским указом кн. И.М. Кольцов-Мосальский и И. Опухтин определили подлежащее вывозу имущество: в крепостях решили оставить 52 пушки и 10 мортир («пищали верховые»), вывезли – 55 пушек и 4 мортиры. Почти все хлебные запасы оставили гарнизону на зиму, забрав только 750 четей ржаной муки и 500 четей сухарей [4, л. 571–574]. Вывезенное имущество в начале декабря привезли запорожским казакам в Сечь, но тут кн. И.М. Кольцов-Мосальский столкнулся с непредвиденной проблемой: казаки отказались бесплатно сторожить артиллерию и припасы, и лишь после длительных переговоров удалось договориться, что им из Москвы будет прислано отдельное жалование за эту «службу». В гарнизоне с И. Опухтиным на зиму были оставлены назначенные в царском указе войска, но от Севского ноприбор-

ного полка было решено оставить только половину. Из 487 стрельцов Севского жилого приказа Данилы Юдина в наличии оказалось лишь 387 чел., и для поиска беглецов и нетчиков Юдин отправил в Севск своего подполковника Якова Постельникова, но не дал ему никаких сопроводительных бумаг, и офицер сам был задержан и помещен под арест как беглец севским воеводой Нелединым-Мелецким [6, л. 215]. Лишь спустя пару недель недоразумение было урегулировано, и Постельникова выпустили из-под ареста. Не забыл кн. И.М. Кольцов-Мосальский и о выборе места для новой крепости – построить ее он предложил в Каменном Затоне в районе «Никитинской переправы» (пороги, находившиеся в районе современных Никополя и Каменки-Днепровской) на месте старого земляного укрепления (форта), сооруженного Г.И. Косаговым в 1686 г.

Наконец, 12 декабря 1700 г. воевода получил указ о разрешении распустить своих служилых людей со службы по домам, и в тот же день выступил к Ахтырке. На этом, фактически, закончился Днепровский поход кн. И.М. Кольцова-Мосальского 1700 г. В следующем, 1701 г., воевода вновь был отправлен на Днепр, на этот раз с указом разрушить Тавань и Казыкермень и начать сооружение новой крепости Каменный Затон, но это уже другая история.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход: Дис. ... к.и.н. СПб: Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, 2015.
2. Листи Івана Мазепи / ред. В. А. Смолій. Т.2: 1691–1700 гг. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2010.
3. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.1: 1688–1701 гг. СПб., 1887.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. №2410.
5. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Опись 14. Столбцы Севского стола. №460.
6. РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Опись 14. Столбцы Севского стола. №483.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ДОНА, ПРИАЗОВЬЯ И СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Выдающийся российский историк, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.и.н., профессор исторического факультета РГУ и СКНЦ ВШ Пронштейн А.П., по праву является одним из основоположников советской историографии и источниковедения, организатором научных исследований 1950 – начала 1990-х гг. по социально-экономической истории, истории казачества и народов Приазовья и степного Предкавказья конца XVI – первой половины XIX вв. [1, с. 5–127]. Историографический анализ научных работ А.П. Пронштейна дает нам возможность погрузиться в творческую лабораторию ученого-исследователя по подготовке и публикации основных и наиболее известных трудов историка, докторской диссертации и монографии «Земля Донская в XVIII веке», вышедшей в издательстве РГУ в 1961 г. и практически сразу ставшей выдающимся фактом отечественной советской историографии казачества. Следует отдельно подчеркнуть выделение им в отдельное направление исследований социально-экономическую, этносоциальную и политическую историю казаков и народов их окружающих на территориях Приазовья, степного Предкавказья и Причерноморья, в самый сложный период перехода к новому времени, имперской эпохи российского модерна. Важную роль здесь сыграла подготовка и публикация при его личном участии, работы большого авторского коллектива: «Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX вв. (в 2-х книгах, РГУ, 1977 г.). Позднее была начата подготовка и публикация многотомной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен ...» (1 и 2 книги. М., Наука, 1988). А.П. Пронштейн активно поддерживал организаторов и участников первых конференций по истории и культуре казачества Юга России (Черкесск 1984, 1986, Нальчик 1990, Ростов-на-Дону 1995 гг.), где было представлено много его учеников.

Сегодня с особой ясностью видно, что именно эти исследования заложили капитальную академическую основу для целого научного направления на многие годы вперед, способствовали более серьезной и глубокой разработке проблем социально-экономической и этнокультурной истории Южно-российского региона, национальных движений, роли и места казаков и калмыков в создании новых имперских пограничных линий, борьбе за Причерноморье и Крым.

В современной постсоветской историографии по-прежнему актуальны и требуют нового прочтения такие проблемы, как: заселение и уровень колонизации края, первые казачьи поселения и городки в XVII–XVIII вв., этнический и социальный состав казачьих общин к. XVI – XVIII вв., этнические и конфессиональные группы в среде казачества: татары, ногайцы, калмыки, их отношения с казаками, значимые элементы истории повседневности, культурные традиции, хозяйство и быт. Следует продолжить изучение участия казаков и калмыков в войнах и защите границ, колонизации степного Предкавказья, Юго-Западного Кавказа, Причерноморья. Эти аспекты уже кратко освещены в ряде очерковых работ по истории и культуре казачества Юга России [2, с. 511–172, 407–537]. В контексте возвращения Крыма в состав России, резко актуализировались проблемы истории и международного права, внешнеполитические и дипломатические аспекты взаимоотношений Российской империи с Крымом и Османской Турцией, с Кабардой, роли казачества, ногайцев и калмыков, черкес и адыгов в этих сложных процессах в XVIII–XIX вв. В связи с этим актуальным научным направлением исследований остается история взаимодействия и взаимовлияния казачества Юга России, ногайских и крымских кочевий, отдельных народов Кавказа в системе геополитики и экономики, военных и культурных связей в рамках данного стратегического мега-региона в переходную эпоху нового времени.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с обострившимися этносоциальными конфликтами на Кавказе данная тематика привлекала серьезный интерес исследователей: историков, этнографов и политологов. Продолжая лучшие традиции советской и современной российской исторической школы значительный вклад в изучение этой проблематики внесли: А.В. Авксентьев, А.З. Аксиев, Г.О. Авляев, М.А. Асвацатурова, А.И. Агафонов, Л.М. Александровская, Н.Ф. Бугай, Э.П. Бакаева, А.В. Венков, В.В. Гудаков, В.П. Громов, Ю.В. Евстигнеев, Л.Б. Заседателева, А.И. Козлов, Н.А. Мининков, О.В. Матвеев, Б.Б. Кочекаев, Н.А. Караулов, И.Х. Калмыков, И.Л. Омельченко, С.А. Плетнева, В.Г. Ратушняк, М.А. Рыблова, А.П. Тюменцев, В.П. Трут, В.В. Теркалов, Б.А. Трехбратов, Е.Ф. Кринко и других известных ученых.

Наиболее глубокими и интересными следует признать исследования историков и этнографов: Н.Н. Великой, Д.С. Кидирниязова [3, с. 3–18], Р.Х. Керейтова, Е.В. Кусаиновой, З.Б. Кипкеева, О.В. Матвеева, А.П. Скорика, Д.В. Сеня [4, с. 3–20], С.В. Черницына, К.П. Шовунова, У.Э. Эрдниева, А.Т. Урушадзе [7, с. 12–150], А.А. Ярыкапова [8, с. 15–21].

В контексте данного историографического обзора предложим свое видение проблем взаимоотношений российского государства, казачества Юга России с ногайскими этно-политическими сообществами в период перехода к новому времени. Этническая неоднородность, поликонфессиональный состав донского и терско-гребенского казачества, его генетическая связь с т.н. «протоказачьими сообществами евразийского перекрестка» на ранних этапах истории XVI – н. XVIII вв., уже давно признается большинством современных исследователей. Они обоснованно выделяют в три основных конфессиональных этногруппы, поэтапно включенных в местное донское и терско-гребенское – фронтирное, этно-социальное и корпоративное сообщество, позднее и инкорпорацию в военнослужилое сословие с XVIII в. до первой четверти XIX в. Первая – титульная, восточнославянская, православно-старообрядческая группа (великороссы и малороссы), вторая – тюркско-кавказская, казаки-мусульмане (азовцы, ногайцы, крымские и астраханские татары, представители ряда кавказских народов), третья – ойратская, донские калмыки-ламаисты. Поэтому при определении критериев и основных этапов территориально-пространственной (фронтир, контактная зона), этно-культурной и социо-корпоративной эволюции, трансформации казачьих сообществ в XVI–XX вв. позиции исследователей часто различаются. На территориях степного Предкавказья, Причерноморья и Крыма еще долгое время с конца XVII до первой четверти XIX в., преобладали местные насельники, кочевые ногайцы, черкесы, адыги. С продвижением имперских пограничных линий в районы горного Кавказа и Причерноморья основную нагрузку несли в течении всего XVIII – н. XX вв. донские, терско-гребенские, черноморские казаки и служилые калмыки [5, с. 15 – 21].

Ногайцы, (ногъай – самоназвание) – один из тюркоязычных народов Нижней Волги, Предкавказья и Северного Кавказа. По оценкам историков и этнографов, этническую основу ногайского народа составили древние тюркоязычные племена, обитавшие на просторах Прииртышья, Северо-Западной Монголии, Средней Азии, Северного Кавказа. В формировании ногайского этноса принимали участие: уйсуну, уйгуры, найманы, керейты, кыпчаки, кангалы, мангиты, асы и другие этносы Степи. Ряд историков, вслед за С.А. Плетневой, отмечают, что особенно важную роль в этногенезе ногайцев сыграли кыпчаки, являясь доминантой в этом процессе, когда входили в состав улусной системы Золотой Орды в XIII–XV вв. Примерно в это же время приняли ислам, верующие ногайцы – мусульмане-сунниты.

Возникновение этнонима «ногайцы» и формирование ядра ногайского народа, часто связывают с именем золотоордынского хана Ногая (XIII в.). Но часть историков правомерно считает, что более широкое распространение этноним получает при хане Едигее (конец XIV – начало XV в.) и его преемниках, когда создается Ногайская Орда как самостоятельное государство.

В ногайско-русских отношениях исследователи отмечают 3 этапа: образование и распад Ногайской Орды (XV – первая половина XVII вв.), период раздробленности (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.) и последний – вхождение ногайских орд в состав российской империи (вторая половина XVIII в.). В XV в. Ногайская Орда распалась на Большую и Малую Ногайскую Орду. Большая Орда кочевала по территории, ограниченной с запада левобережьем Волжской низменности (эта область называлась Ногайской стороной или ногайской границей. Правый берег Волги Большая Ногайская Орда занимала после окончательного распада Золотой Орды); с северо-востока притоками Иртыша и районом его верховьев (здесь проходила граница с Сибирским ханством); с востока течением Эмбы до Аральского моря и низовьев Сырдарьи. Малая Ногайская Орда была основана князем Казием во время правления в Ногайской Орде князя Исмаила (современник Ивана Грозного, ум. в 1563 г.) на Северном Кавказе. Еще одна орда во главе с князем Ших-Мамаем обособилась на территории к востоку от Большой Ногайской Орды; при сыновьях этого властителя она называлась Алты-улы или Алтыгульским улусом.

В Московском государстве, активно поддерживавшем дипломатические отношения с Ногайской Ордой, Алтыгульский и Казиев улусы считались самостоятельными и независимыми от Большой Ногайской Орды объединениями. Обособлена была на Эмбе и группа ногайцев, получившая название йембойлуковцы. Севернокавказские степи, по данным русских письменных источников, ногайцы начали осваивать в конце XV в., причем со 2-й половины XVI в. эта область постепенно становится основной территорией обитания ногайцев. Малая Ногайская Орда осваивала восточные районы Северного Кавказа, Большая Ногайская Орда – низовье Сулака и Терек. В XVI–XVII вв. ногайцы не только кочевали, но и оседали в части равнинных территорий Северного Кавказа, в некоторых районах Приазовья, Причерноморья, в горных областях по Кубани, Зеленчуку, Баксану, Тереку. При этом происходили постоянные передвижения ногайцев, связанные не столько с их кочевым образом жизни, сколько с внешнеполитическими событиями и феодальной борьбой внутри Ногайской Орды. Не последнее место в факторе мигра-

ции ногайцев занимали их отношения с соседними народами. Так, в течение XVII в. неоднократно менялось местоположение Большой Ногайской Орды, которая в конце XVI – нач. XVII в. кочевала, главным образом, в Нижнем Поволжье и по р. Яик. Во второй половине XVI – начале XVII вв. Малые ногаи достаточно активно взаимодействовали с донскими и волжскими казаками, часть изгоев и недоброжелных иногда переходила к казакам. Так формировалась отдельная группа казаков-мусульман, ногаев и азовцев, которых казаки, называли часто «своими – базовыми татарами».

Миграция и продвижение калмыков в 1630–1660 гг. на пограничные территории Московского царства, заставило ногайцев – йембойдуковцев, живших около р. Эмба, переселиться ближе к Волге; некоторые из этих ногайцев ушли по р. Кубань во владения крымских ханов. Часть Ногайской Большой Орды под натиском калмыков ушла с Волги в низовье Дона и в Приазовье к Малому Ногаю. Закубанская группа ногайцев обитала на землях, простиравшихся от Азовского моря в сторону Черкессии. В пределах Кавказкой губернии жили три группы ногайцев - кизлярские, моздокские и бештавские; все они вышли из кубанских ногайцев. Кизлярская группа, в свою очередь, включала караногайцев и едишкульцев. Закубанская группа ногайцев обитала на землях, простиравшихся от Азовского моря в сторону Черкессии.

В начале нового времени в XVIII в. вновь отмечались значительные передвижения ногайских племен в связи с походами крымских и калмыцких ханов. Так, к 1726 г. относятся переселения кубанских Ногайцев в Крым. Во второй половине XVIII в., оказавшись на стыке политических интересов двух держав: России и Османской Турции, ногайцы в итоге потеряли свою самостоятельность. В результате военных походов А.В. Суворова и перспективы переселения всех ногайцев за Яик на Урал, началось крупное восстание. Используя данную ситуацию, российские военные части и казаки практически уничтожили большую часть закубанских ногайцев, погибли десятки тысяч, остальные стали эмигрантами.

Дальнейшее взаимовлияние казачьей и нагайской культурных традиций проходило в условиях заселения и освоения Азово-Моздокской линии, Кавказской и Лабинской линий в конце XVIII – первой половины XIX вв.

Так в конце XVIII века были образованы 4 приставства: Калаус-Сабинское, Калаус-Джембойдуковское, Ачикулак-Джембойдуковское и Караногайское, которые входили в состав Ставропольской губернии. Картина расселения ногайцев значительно изменилась после ликвидации Крымского ханства в 1783 г. и

завершения русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С 1822 г. северокавказские ногайцы были объединены в четыре приставства: Менгли-Гирея, Калаусо-Джембойлукское, Караногайское и Закубанское, которые в 1888 г. вошли в состав Терской области. Вторая волна эмиграции ногайцев в Османскую Турцию, проходила в результате колониальной политики России в период завершения Кавказской и Крымской войны. В 1858г., в силу ряда политических и экономических причин, начались массовые переселения ногайцев в Турцию. В 1858–1860 гг. с Северного Кавказа ушли 30,6 тыс. ногайцев, в основном калаусо-саблинских и бештау-кумских, в результате чего кубанские степи почти полностью опустели. В связи с этим в 1860 году Калаусо-Саблинское, Бештау-Кумское и Калаусо-Джембойлуковское приставства были упразднены. В XIX в. существовали несколько обособленных групп ногайцев: караногайцы жили в Ногайской степи, населяя ее основную часть; кумыкские ногайцы жили в пределах Терско-Сулакского междуречья, по западному берегу Аграханского залива, джембойлуковы, едисанцы и едишкульцы – в западной части Ногайской степи в пределах Ставропольского края; бештау-кумские ногайцы – на территории современных Минераловодского и Кочубеевского районов; кубанские ногайцы – по долинам рек Кубань и Малый Зеленчук. Через Ногайские степи проходили важнейшие на Восточном Кавказе торговые пути, в том числе Великий Шелковый путь. Наряду с кочевым скотоводством ногайцы на Северном Кавказе занимались земледелием примерно в таких же масштабах, как и в Поволжье. Коневодство было старинным занятием ногайцев. Об этом свидетельствует выведенная ими порода лошади, получившая впоследствии название «ногайской». Она приняла участие в формировании и кабардинской лошади. Ногайская лошадь сформировалась в условиях кочевого хозяйства, исключительно на подножном корме, так как скудная растительность в районах расселения ногайцев не позволяла им содержать скот сосредоточенно в одном месте. Лошадь работала чаще под седлом и в упряжи, реже под вьюком. Наряду с коневодством ногайцы уделяли значительное внимание верблюдоводству и овцеводству. На Северном Кавказе верблюдов разводили в основном ногайцы, а также калмыки. Ногайцы держали так называемых астраханских двугорбых верблюдов, обладавших большой силой и выносливостью. Благополучие семьи измерялось количеством верблюдов в общей массе всего поголовья скота кочевника-скотовода. В натуральном хозяйстве кочевника-скотовода использовались верблюжье молоко, шерсть, мясо и кожа. Переход к оседлости привел к строительству постоянных жилых домов (уьй). Ногайцы, поселившись на новые

места быстро перенимали опыт строительства у местного населения – русских крестьян и казаков, и строили дома из тех же материалов, которые использовало коренное население. Ногайцы обладали достаточно высоким уровнем культуры, большое развитие получили музыкальный фольклор, хореография, а также народные игры и спортивные состязания (борьба, скачки и др.). Особенно интересен фольклор: богатырские поэмы (Ахмед сын Айсыла, Эдиге, Мамай, Манаша, и др.), обрядовая поэзия (родильные, свадебные, трудовые, плачи и др.), лирические дестаны (Боз йигит, Козы-Корпеш, Боян Слу и др.), казачьи песни (къазакъ йырлары), сказки, легенды. Большое количество казачьих песен в фольклоре показывает достаточно тесные связи части ногайцев с казаками Приазовья и Терека.

На современном этапе ногайцы сохранили свою территорию «компактного проживания» в основном в Дагестане и Ногайской степи (часть Ставропольского края и Чечни), где расположены более 60 ногайских аулов. В Ставропольском крае на своих этнических территориях расположены 22 ногайских аула. Пока только в Дагестане ногайцы имеют административный район со своими национальными кадрами, администрацией, налаженной системой образования и культурного обеспечения – это Ногайский район. Стремления ногайцев других регионов к созданию национальных автономий пока не дали результатов. Проведенные нами подсчеты по результатам анализа двух последних переписей населения РФ, по субъектам федерации Юга России показали, что численность ногайцев в соотношении со всем населением, несколько увеличилась и составила в 2002 г. – 91 тыс. и 2010 г. – 103 тыс. Когда за этот же период численность казачьего и калмыцкого населения наоборот уменьшилась. Эти процессы консолидации малого этноса, распыленного по ряду субъектов РФ, тоже сегодня вызывают интерес у историков и социологов, демографов и представителей власти [6, с. 361–367].

№	Субъект Российской Федерации ЮФО и СКФО	Перепись населения 2002 г.	Перепись населения 2010 г.
1	Республика Адыгея	447.109 – 15	439.996 – 24
2	Республика Дагестан	2.576.531 – 38.168	2.910.249 – 40.407
3	Республика Ингушетия	467.294 – 1	412.529 – 6
4	Республика Калмыкия	292.410 – 90	289.481 – 75
5	КБР	901.494 – 409	859.939 – 289
6	КЧР	439.470 – 14.873	477.859 – 15.654
7	РСО-Алания	710.275 – 194	712.980 – 220
8	Чеченская республика	1.103.686 – 3.572	1. 268.989 – 3.444

9	Краснодарский край	5.125.221 – 219	5.226.647- 300
10	Ставропольский край	2.735.139 – 20.680	2. 786.281 – 22.006
11	Астраханская область	1.005.276 – 4.570	1.010.073 – 7.589
12	Волгоградская область	2.699.223 – 168	2.610.161 – 178
13	Ростовская область	4.404.013 – 206	4.277.976 – 233

Таким образом, чтобы сегодня соответствовать высоким традициям, заложенным научной школой А.П. Пронштейна, перед историками региона стоит актуальная задача подготовки серьезного, коллективного обобщающего труда по проблемам современной российской историографии и источниковедения, истории и этнографии казачества Юга в его полиэтничном и поликонфессиональном окружении. Особо интересен дискурс отношений и взаимодействия казаков с ногайцами и калмыками Степи, отдельными народами Северного Кавказа в контактных зонах фронта. Для этого, на наш взгляд, необходимо объединение усилия коллективов крупных научных центров ЮНЦ РАН СКНЦ ВШ, ЮФУ и ДГТУ, наших коллег из Крыма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого): материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 апреля 2014 г.) / Отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов-на-Дону: Издательство Фонд науки и образования, 2014.

2. Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллектив. моногр. / Под ред. Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС, 2014.

3. Кидирнязов Д.С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казаками в XVIII–XIX вв. Текст – <https://www.google.com/search>

4. Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XIX в.): Автореферат дис. ... д.и.н. Ростов-на-Дону, 2009. Текст – <https://docplayer.ru/51183837-Kazachestvo-dona-i-severo-zapadnogo-kavkaza-v-otnosheniyah-s-musulmanskimi-gosudarstvami>

5. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество – этносоциальная корпорация в полиэтничном окружении: история и современность // Гармонизация межнациональных отношений. Исторические судьбы казачества: II Всероссийская научно-практическая конференция (г. Гелен-

джик): сборник научных статей. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018.

6. Тикиджьян Р.Г. Ногайцы // Народы Юга России. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Озерова. Ростов-на-Дону: ООО «Фонд науки и образования», 2016.

7. Урушадзе А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец 18 – первая половина 19 вв.). Монография, Изд. ЮФУ, 2016.

8. Ярлыкапов А.А. Образ ногайского казака в фольклоре: жизнь, мораль, доблесть // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Альтаир, 2017.

В.И. Мильчев (Запорожье, Украина)

ПРОБЛЕМА «НЕУКАЗНОГО» НАСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ В 1720-х – 1740-х гг.

В творческом наследии Александра Павловича Пронштейна вопросы, связанные с заселением Дона в XVII–XVIII вв., его социально-экономическим развитием, занимали почетное и заметное место. Абсолютное большинство его работ не только не утратили своей актуальности, но и продолжают оставаться образчиком научного уровня для поколений нынешних и грядущих историков как, например, «Земля Донская в XVIII веке» (1961). Этому способствовало множество факторов: блестящее знание исследователем источниковой базы, вследствие фронтальной эвристики в центральных и местных исторических архивах; совершенный методологический инструментарий; легкий для восприятия стиль изложения материала – и научный, и литературизованный одновременно. Естественное, что народная, не контролируемая правительством, а посему «неуказная» колонизация Дона в XVIII в. была освещена особенно тщательно – этого требовали как научная скрупулезность, так и время, в которое жил и творил А.П. Пронштейн. Вместе с тем, по прошествии, без малого, шестидесяти лет, отделяющих нас от создания его основного монографического труда, дальнейшая проработка источников, позволяет добавить, углубить, конкретизировать отдельные сюжеты. В особенности же это касается периода 1720-х – 1740-х гг., чему посвящено наше исследование.

Как показывают нам научные изыскания А.П. Пронштейна, проблема ухода на Дон крепостных и государственных крестьян, «служилых людей» довольно остро встала к началу XVIII в.: в июне 1703 г. на Дон, с целью переписи населения и возврата на предыдущие места жительства беглецов, от царя Петра Алексеевича были посланы стольники М.Ф. Пушкин и М.Н. Кологривов. Возврату подлежали все, переселившиеся после 1695 г. Согласно сведениям, добытым переписчиками, в казачьих городках Большелуцком, Донецком, Иловинском, Калитвенском, Кременском, Распопинском, Староайдарском, Усть-Медведицком и др. преобладали выходцы с Белгородчины, Воронежчины, Курщины и Тамбовщины [1, с. 49].

Положение вещей, выясненное стольниками, явно не удовлетворило Петра I. 15.03.1704 г. и 26.02.1706 г. от царя к Войску были посланы грамоты, требующие недопущения основания новых городков (всего, по подсчетам А.П. Пронштейна, их в то время насчитывалось 135) без специального на то разрешения. Очевидно, что здесь подразумевалась, прежде всего, недопустимость поселения в них именно вновь прибывшего «неуказного» населения [1, с. 57].

Подобные попытки установления всестороннего контроля над внутренней жизнью казачества, предпринятые правительством, стали одной из главных причин восстания на Дону, под предводительством Кондратия Булавина (1707–1708), окончившегося сокрушительным поражением. Исследования А.П. Пронштейна показывают, что после подавления правительственными войсками «Булавинщины» на Дону, у Войска были отобраны огромные территории (главным образом «верховой части»). Так, в соответствии с указом царя от 28.06.1708 г. были «сведены» все (сколько именно – не указано) станицы по р. Северскому Донцу, выше впадения в нее р. Лугани, 3 станицы по Хопру (Пристанская, Беляевская и Григорьевская) и «Донецкий городок» на р. Дон [1, с. 58].

Очевидно, что одной, если не главной, целью такого уничтожения казачьих станиц и переселения их населения было создание полосы незаселенных земель, которая бы отделила территорию Войска Донского от внутренних губерний или же казачьих полков Гетманщины и Слобожанщины и не допустила притока «неуказного» населения на Дон.

Поспешность выселения донцов стала очевидна уже несколькими годами позже, особенно после разграничений 1714 г., когда новая граница с османскими владениями, была отодвинута на север. В течение 1710–1716 гг., согласно указа царя, недалеко от разоренного Пристанского городка на р. Хопре была возведена *«на горе против старого татарского броду крепость земная регулярная... не-*

гораздо великая чтоб возможно быть тысячи или полуторе человек». Первоначально ее планировали заселить казаками с Левобережной и Слободской Украины – «на вечное житье призвать черкас», однако этому не суждено было реализоваться, а первым населением стали солдаты и драгуны с семьями [3, л. 542–543].

Касательно упомянутых выше «черкас» нужно отметить, что исследования А.П. Пронштейна о социальном и национальном составе самовольных переселенцев на Дон первой четверти XVIII в. свидетельствуют о широком участии в этом процессе казаков и посполитых украинских слободских полков – Изюмского, Острогожского и Харьковского. Вновь прибывшие заселяли новые и подсеялись в уже существующие казачьи городки на Северском Донце и Дону. Последующий анализ ученым данных переписей 1710-х – 1730-х гг. показал неуклонное нарастание доли этнических украинцев среди нового населения края, причем во всех его частях [1, с. 50].

Ново-Хоперская крепость сразу же после своего основания стала и центром притяжения для донских казаков, которые «безуказно» селятся рядом с ней в 1717 г.: ревизия того года выявила 91 казака, которые населились партиями по 1–4 чел. (с семьями) из различных станиц. Возможно это были исконные жители, согнанные в 1708–1709 гг. Поскольку в глазах центральной власти они были элементом подозрительным, потенциально готовыми к бунту, то их выселили с Хопра [3, л. 546–546 об.].

Двумя годами позже – в 1719 г. – таким же образом были выселены (очевидно в «низовые») жители еще 9 донских казачьих станиц, расположенных вдоль рек Бузулук (6) и Хопер (3) [1, с. 58]. В подобных действиях правительства была определенная логика: как показали события августа 1717 г., ознаменовавшегося масштабным рейдом кубанских ногайцев, возглавляемых султаном Бахты-Гиреем, в глубь российских земель, до Пензы включительно – приумножать казачьи станицы следовало на юге, вблизи «кубанской стороны», а не в бассейне Хопра, где «великого опасения ожидать не от кого» [3, л. 544].

Продолжались попытки не допустить отток податного населения из внутренних губерний государства. Требования высылки беглых с Дона присылались Войску на протяжении всей Северной войны, однако старшины, лично заинтересованные в притоке как нового казачьего контингента, так и просто работников, не спешили предпринимать каких-либо серьезных и решительных шагов для выполнения требований Петра I [9, с. 414]. Естественно, что все это вызывало недовольство властей.

Продолжением централизаторской (а по сути – репрессивной) политики в отношении Дона стала передача Войска в ведение Военной коллегии в 1721 г. В том же 1721 г. Войску была прислана царская грамота, которая регламентировала все стороны жизни станичных сообществ. Одним из самых суровых ее пунктов был запрет на прием беглых, нарушение которого каралось смертной казнью, в независимости от старшинства. В 1726 г. аналогичный указ издало само Войско (подобная практика впоследствии стала чуть ли не ежегодной) [1, с. 270].

Необходимо отметить, что подобное пристальное внимание Петр I оказывал в те же годы не только Дону, но и другим казачьим областям. Так, в 1721 г. яицкий казак Денис Грузиков показал «слово и дело» на войскового атамана Григория Меркульева, который принимал беглых, вписывал в казаки и за взятки отправлял в Низовой корпус вместо действительных казаков. Расследование в отношении атамана повлекло за собой ужесточение политики центра. В 1722 г. на Яик был послан полковник Захаров с инструкцией, для переписи населения и выяснения того, кто «с каких годов» зашел, где раньше жил и т. п. Тогда же под страхом смерти яицкой войсковой старшине было запрещено принимать беглых [3, л. 600–602].

Последние годы правления Петра I также ознаменовались отобранием у Войска Донского одной из основополагающих свобод – права избирать войсковых атаманов. После смерти в 1723 г. атамана Василия Фролова, избранный на общевойсковом кругу Иван Краснощеков (Матвеев) не был утвержден царем, а на его место («до указу») назначен старшина Андрей Лопатин. Обещанный указ так и не воспоследовал и, фактически, с этого года атаманы на Дону стали назначаться монархом, с последующим утверждением в военном ведомстве империи [9, с. 412–413]. Должности казачьих старшин становятся пожизненными и они, ссылаясь на указы Военной коллегии, прекращают созывы общевойсковых кругов, заменив их меньшими, старшинскими кругами.

В том же 1723 г. императором велено было послать на Дон переписчиков, чтобы узнать, сколько народу прибыло туда после 1695 («7203»-го) года, чтобы перевести их на новые места жительства (указ от 17.11.1723 г.). В качестве таковых были определены «Аграхань» (земли возле крепости Св. Креста) и «Гребени» (т.е. территория современного Дагестана) (указ от 03.12.1723 г.). Ввиду того, что процесс переписи «пробуксовывал», царь 13.01.1724 г. велел повторно слать переписчиков на Дон, чтобы ими была обеспечена мобилизация для переселения 1000 семей: 500 семей на Аграхань и 500 на Гребени, указ о чем воспоследовал месяцем позже – 06.02.1724 г. [3,

л. 237–243]. Главным образом, упомянутые вольные и невольные переселенцы на Северный Кавказ происходили из донецких, хоперских, бузулуцких и медведицких городков, т.е., как раз из тех, которые подверглись выселению в первое десятилетие после подавления Булавинского восстания [9, с. 415].

Очевидно, что переселение с Дона на Северо-Восточный Кавказ должно было стать компромиссным решением, которое удовлетворило бы как колонизационные стремления центральной власти, так и желание «неуказного» населения Дона (недавних беглецов, булавинцев, ревнителей «старой веры» и т.п.) сохранить свой казачий статус.

Впрочем, как видится нам, рассчитывать на возможность затеяться в общей массе переселяющихся на Кавказ могли лишь те из поселившихся на Дону беглецов, кто попал туда относительно давно – еще перед событиями «Булавинщины», которая, в некотором смысле, стала той чертой, которая отделила «до» от «после». В отношении других власть была настроена более решительно – вернуть на предыдущие места! Дабы подкрепить подобные намерения законодательно, 27.07.1724 г. император подписал очередной указ для Военной коллегии, с дальнейшей отсылкой Войску Донскому. Со ссылкой на генерал-фискала А.А. Мякина, обеспокоенного массовыми бегствами на Дон «старых служб служилых людей», помещичьих, монастырских и государственных крестьян, из-за чего казна недополучала надлежащих податей, царь требовал их возвращения из городков «на Дону, и по реке Хопру, и по речке Терсе (очевидно, имелся в виду приток р. Медведицы. – *В.М.*)». Выслаке подлежали не только сами беглецы, но и их жены (даже если они были из местных – казачек) и дети [7, л.235 об.].

Поскольку на Дону не только рядовое казачество, но даже и войсковые старшины не спешили выполнять подобные условия, потребовалась повторная царская грамота устрашающей тональности, с обещаниями всевозможных кар ослушникам (27.10.1724 г.). От войскового атамана Андрея Лопатина требовалось не препятствовать работе переписчиков и своевременно отправлять рапорта с ведомостями в Военную коллегию [7, л.236–236 об.].

Трудно сказать, как далеко мог зайти конфликт, если бы не смерть Петра в январе 1725 г. На некоторое, очень недолгое, время разрешение вопроса с «неуказными» было приостановлено. Своеобразной предышкой стало время правления Екатерины I (январь 1725 г. – май 1727 г.). При этом необходимо отметить, что политика покойного императора, направленная на демонтаж системы казачьей автономии Дона, была в полной мере продолжена в правле-

ние других его преемников – Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны [9, с. 413–414].

Тем временем, на Дону атмосфера была весьма нервной. Общее недовольство ощущалось даже на уровне молвы, сплетен и обмолвок. Характерный пример: 27.07.1727 г. в Транжаменте – крепости с гарнизоном правительственных войск, построенной вблизи войсковой столицы Черкаска – был допрошен колодник, беглый солдат Василий Серов, который показал, что все «верховые городки» хотят с Дона идти на Кубань к Некрасову «чего ради кони готовятся, понеже де в верховых городках казаки ныне живут хуже русских мужиков... и переписи, и без паспортов ездить никуда не велят...» [8, л.376].

Подобные слухи имели место и в 1728 г., хотя позднее выяснилось, что они были ложными, а их распространители были задержаны и наказаны. Тем не менее, для нас они интересны самим восприятием начальства и общества потенциальной возможности подобного развития событий [1, с. 273]. Все предпосылки для этого имелись, ведь летом этого года началась очередная «Комиссия»: 19.07.1728 г. генерал-майор А.И. Тараканов, посланный на Дон с миссией от Верховного Тайного Совета (ВТС), доставил Войску грамоту, согласно которой велено было всех беглецов, пришедших в войско с 1695 г., высылать в верховые городки и сдавать под расписку российским офицерам. Её текст был оглашен в Черкасске при собрании множества простых казаков, их старшин и лично войскового атамана Андрея Лопатина. Как писал в столицу сам Тараканов, казаки собрались в круг «по обыкновению своему прочли грамоту и направили к нему старшин». Те говорили генералу, что согласны выслать с Дона всех, кто пришел после 1712 г., но не могут сделать этого в отношении тех, кто появился на Дону с 1695 по 1712-й годы, поскольку «из оных у нас старшины и все лутчие люди..., отчего все наши казачьи юрты опустеют и вашему де императорскому величеству служить и границы 4 юртов своих охранять будет некому...» [2, л. 8–8 об.].

Еще одним аргументом Войска Донского в этой дискуссии стала сложная обстановка на границе, в связи с «Бахты-Гиреевой сумятицей». Как не преминул сообщить генералу Тараканову атаман Лопатин: «2/3 эдисанских татар ушли в Крым, а 1/3 их и 300 казаков (семей) джамбойлукских татар, между которыми есть и кубанцы, кочуют близ Азова и хотят идти на Кубань, но азовский паша не позволяет им переправляться через Дон, и слышно, что вскоре пройдет крымское войско и силой их в Крым погонит, а они того не

хотят, а желают в российское подданство, однако и без ведома ЕИВ войско Донское не может впустить их внутрь границ» [2, л. 8 об.].

Тараканов был неумолим и полон решимости завершить возложенную на него миссию. Во все станицы к старшинам и атаманам были разсланы точные инструкции с текстами указов; согласно им, было проведено вычленение всех, кто должен быть выслан. Подобная работа была проведена на всем Дону, и временно не коснулась лишь личного состава казачьих команд, находящихся «в посылке»: 1) при крепости Св. Креста – 2 команды в числе 5600 казаков; 2) при Дербенте и Баку – 686; 3) при Линии (Царицынской. – В.М.) – 500; 4) при Астрахани – 200; 5) при подполковнике Беклемишеве – 280 (итого – 7266 казаков). «Розыск» среди командированных казаков планировалось произвести по их прибытию домой [2, л. 18–18 об.].

Пункты приема для «неуказных» были созданы в Кагальнике, Усть-Медведице и Ново-Хоперской крепости [2, л. 18 об.]. Реестры беглых, подлежащих высылке на прежние места обитания, дают нам богатые сведения о географии зон их выхода. Наиболее часто фигурируют города: Усмань, Ефремов, Ростов, Саратов, Воронеж, Белгород, Одоев, Шацк, Пенза, Тамбов, Курск, Переяславль, Козлов, Орел, Симбирск, Рылск, Москва, Калуга, Севск и др. [2, л. 21–39 об.]. Их социальный состав также отличался пестротой: в основном это были государственные крестьяне (факт, который предпочли обойти стороной в историографии советского времени – крепостных было мало); довольно много было однодворцев [2, л. 25]; пушкарей; встречаются даже дворянские дети, беломестные казаки, стрельцы [2, л. 27–28]; городовые казаки и прочие категории «людей старых служб» [2, л. 32, 35 об.]. Командировка генерала Тараканова проходила в атмосфере повсеместного недовольства, глухого (и не очень!) роптания. Сам он отмечал в одном из своих рапортов к ВТС: «...мое донским у них житье очень противно о чем говорят..., напрасно де он здесь живет и не едет..., лучше б де мы здесь чертей видели а не их и не тайно меня бранят что терпеть принужден и моим у них житьем их озлобляю и прежде время привожу в сомнение и опасность...» [2, л. 10].

За два месяца деятельности своей «Комиссии» на Дону генерал-майор А.И. Тараканов приходит к выводу, что просьбы Войска Донского нужно частично удовлетворить, поскольку высылка всех «самовольно зашедших» с 1695 г. могла не только обескровить его, но и стать причиной социального взрыва. Об этом он доносил в ВТС и 15.10.1728 г., императором Петром II позволено было производить

высылку беглецов с Дона начиная с 1710 (хотя и не с 1712-го) года, о чем они и получили грамоту [2, л. 17–17 об.].

В дальнейшем правительство пошло еще на некоторые уступки – если не Войску в целом, то уж точно – его старшинам. Об этом свидетельствует «доношение» Тараканова императору от 22.12.1728 г. из Транжаменты: в частности, он писал о получении тайного указа ЕИВ от 20.11.1728 г., которым ему предписывалось, не объявляя Войску Донскому от себя, посоветовать, чтобы атаманских зятьев и других знатных казаков, которых надлежало выслать с Дона (очевидно потому, что они пришли на Дон до 1710 г. – В.М.), не высылать, а прислать о том от Войска к ЕИВ челобитную с просьбой об их оставлении). Также Тараканов указывал, что согласно сведениям, предоставленным ему от войскового дьяка Дмитриева, из одного лишь Черкаска высылке должны были подлежать «атаманских зятьев и прочих знатных казаков со 100 семей... о чем многие плачут...». Среди них были: зять бывшего атамана Фролова – Федор; бывшего атамана Рамазана зять – Петр Перфильев; действующего войскового атамана Лопатина свояк – старшина Тихон Жданов с братом и т.д. [2, л. 9–9 об.].

Из донесения Тараканова видно, что Войско Донское всеми правдами и неправдами старалось избежать высылки. В низовых городах сказки долго не составляли, ссылаясь на то, что «старые знатоки» все находятся на рыбных ловлях и в других местах, а также, пользуясь их отлучкой, составили «сказки» так, что изменили года прихода. Из «сказок», поданных от верховых городков, вообще следовало, что в них нет пришедших до 1710 г. (т.е. имел место прямой саботаж, поскольку проблема «неуказных» наиболее остро стояла как раз в этой части Дона. Всего же Войско подало на высылку 48 семей и 121 человека бурлаков, и утверждало, что больше беглых на Дону нет, что тоже было явным сокрытием реального положения вещей [2, л. 9 об., 10].

При таком состоянии дел ВТС не считая миссию генерал-майор Тараканов на Дону завершённой и, согласно с указом от 19.12.1728 г., ему было предписано *постоянное* пребывание в Транжаменте для поиска беглых, организации их возвращения и т.п. видов деятельности. Таким образом, последний обосновался в крае «всерьез и надолго», не собираясь, впрочем, предпринимать никаких резких шагов, которые могли бы чем-то вызвать недовольство донцов и усложнить его жизнь. Показательно в этом отношении одно из его донесений (24.01.1729 г.) к императору Петру II. Ввиду его особой колоритности и информативности позволим себе процитировать: «...между ж донскими казаками по окончании высылки беглых вез-

де стало тихо и никаких шалостей и противностей не слышно, а чтоб впредь беглых не принимали и какой пакости не чинили за великою верховых от Транжаменты их жилищ должностью смотреть мне никаким образом невозможно и воздерживать их неким...» [2, л. 12–12 об.]. Не исключено, что мудрый генерал к тому времени уже освоил бесконфликтные и взаимовыгодные модели поведения в общении с войсковыми старшинами, чем не допустил развития событий по ненужному никому сценарию.

Еще одним способом снять напряженность на Дону в конце 1720-х – начале 1730-х гг. стало продолжившееся переселение казаков с семьями на новые места. Очевидно, что Войском это предписывалось в первую очередь (и они вынуждены были соглашаться с этим), тем из них, кто избежал высылки в предыдущие годы, но происходил из «неуказных». Наиболее массовые переселения состоялись на Царицынскую сторожевую линию и Северный Кавказ (Терек и Аграхань).

Царицынская линия, которая начала активно возводиться весной 1718 г., протянулась от г. Царицына до р. Камышенки и призвана была сделать невозможными дальнейшее проникновение вглубь русских этнических земель кочевых орд. Некоторое время переселенцы с Дона пребывали на ней, однако 15.01.1734 г., согласно указа императрицы Анны Иоанновны, 1050 семей донцов, записавшихся к поселению на Царицынской линии, составили из себя «Волгское казачье войско» [5, л. 370–372]. Новые переселенцы основали городок Дубовку (он же – ст-ца Дубовская), ставший административным центром для всего казачьего войска, а также станицы Среднюю, Волжскую, чуть позже Балыклеевскую, Караваевскую и Антиповскую [9, с. 415].

Одним из главных предписаний, регламентирующих социальную сферу жизни донцов на Волге, стало запрещение «пришлых людей в те места не принимать под жестоким наказанием и вечным разорением» [5, л. 373]. Аналогичные требования, двумя годами ранее (1730) выдвигались и к тем, кто перешел с Дона на Аграхань: легитимный способ к наполнению Аграханского войска существовал лишь один – *«срослых казачьих дней мужеска полу определять в казачью службу»* [5, л. 386–388]. На практике, однако, эту норму было крайне сложно соблюсти и 27.12.1732 г. Военной коллегии было предписано, в дополнение к 1000 семей донских казаков, поселенных на Аграхани в 1724 г., объявить набор добровольцев из донцов, яицких и «малороссийских» казаков, служащих в Низовом корпусе [3, л. 210].

Следует отметить, что в описанных переселенческих процессах принимала еще одна категория самовольных переселенцев на Дон – казаки из полков Слободской Украины. Если в самом начале исследуемого временного отрезка (1720-е гг.) большинство слободских казаков на Дону были бессемейными одиночками, то уже к началу 1730-х гг. среди них увеличивается процент семейных. Для подобных «неуказных» казаков единственным шансом сохранения и закрепления обретенного социального статуса было убраться подальше от глаз правительственных переписчиков. Так, в 1733 г. среди донских казаков, пожелавших переселиться на Царицынскую линию, оказалось 537 семей украинцев, до того проживавших на Дону [1, с. 51].

1730-е гг. на Дону стали началом захвата войсковых земель высокопоставленными офицерами и чиновниками, которые по долгу службы находились в регионе. Пытаясь заселить самовольно занятые участки, последние активно использовали различные категории беглецов из разных регионов государства. Приведем несколько характерных случаев. Первый из них связан с уже известным нам генерал-майором А.И. Таракановым. Во второй половине 1735 г. (21.07 и 01.09) двое анонимных доносителей (очевидно, из числа старшин Войска Донского) сообщали руководству Военной коллегии о том, что упомянутый генерал на р. Калитве вблизи станицы Луганской населяет «безуказно» названную в свою честь слободу Алексеевку. Поскольку это являлось прямым утеснением прав Войска, жалобщики просили Коллегию разобраться и принять меры [4, л. 144а – 144а об., 145]. Расследование показало, что в мае 1735 г. Таракановым были посланы трое «осадчиков» (вербовщиков), которые ездили по ярмаркам и т.п. местам в близлежащих украинских губерниях и созывали «вольницу к поселению на того слободу». Дабы придать оттенок легитимности происходящему, генерал выдал всем троим «листы». В них он призывал людей к поселению на пустоши, где раньше были донские станицы Дехтева, Кривороченская и Скородумова, ранее разоренные за участие их жителей в «Булавинщине». Также говорилось что эти земли вскорости будут отведены ему во вечное владение. Селиться же можно было лишь «вольным черкасам, окромя беглых великороссиян и донских казаков». Помещичьи амбиции А.И. Тараканова не были тогда пресечены ни Военной коллегией, ни Правительствующим Сенатом. Вероятной причиной этого стала начавшаяся война с Османской империей и то, что и сам он был сенатором (также – кавалером ордена Св. Анны) [4, л. 146–147].

Попутно следует отметить, что желающим поселить на своих землях дешевую рабочую силу не надо было прилагать к тому осо-

бых усилий, поскольку регион по-прежнему был насыщен беглыми. За неделю до того, как в Военную коллегию поступила жалоба на Тараканова – 13.07.1735 г. – туда же от Войска Донского сообщили, что в станице Филоновской, которая на р. Базавлуке и «всех ближе к Великороссии расположена», объявилось множество ушедших со своих мест беглых, которые жаловались на недород хлеба и голод, просили милостыню. Все они, как беспаспортные, были задержаны. Суть рапорта состояла еще и в том, что Войско было не в состоянии отправлять их под конвоем в Ново-Хоперскую крепость и сдавать под расписку, как это им было предписано, а вместо этого просило усилить контроль «на местах», с целью недопущения побегов [4, л. 129а. – 129а об., 130].

Второй из случаев, связанных с поселением на войсковых землях беглых высокоранговыми офицерами, был отмечен годом позже. Для нас он интересен не только как прецедент, но и как свидетельство того, что пусть и с задержкой, но правительственные структуры внимали к просьбам с Дона. Так, 18.11.1736 г. Военной коллегией от Войска Донского была получена записка о том, что на землях между реками Доном и Северским Донцом – «выше Халхацкого шляху», осадчик генерал-майора С.И. Алабердеева (он же – обер-штаалмейстер) – отставной казак Илья Морковкин начал селить слободу. 26.01.1737 г. в слободу от войскового атамана послан был казак, чтобы проводить о том, как идет заселение. Он выяснил и доносил, что слободу действительно начали заселять «безуказными», но как только услышали, что по указу Сената стали разорять слободу Алексеевку генерал-майора А.И. Тараканова (она же Дехтева), то сами разошлись [4, л. 295 а – 295 а об.].

Отметим, что «полакомиться» войсковой землей, стремились не только пришедшие армейские генералы. Со времени отмены выборности старшин в Войске начался процесс завладения ими крупными земельными наделами. Заселение таких земель с целью последующей сельскохозяйственной эксплуатации требовало присутствия рабочей силы, которую могло составить только «неуказное население» [1, с. 51–52]. Среди последнего уже с 1730-х гг. начинают преобладать выходцы с украинских этнических земель, в первую очередь со Слобожанщины [9, с. 421]. Тягости русско-турецкой войны 1735–1739 гг., в виде воинских нарядов, повинностей и постоев, послужили катализатором незаконных уходов казаков и крестьян Слободских полков, прилегающих к землям Войска Донского. Правительство всячески старалось не допускать их переходы на Дон: в указе от 21.04.1736 г. из Сената в Военную коллегию говорилось о запрещении населять слободы «малороссиянами» в тех местах, где

их не значилось по переписи 1732 г. [5, л. 283]. Впрочем, эти строгие запреты не возымели должного следствия – самовольно переселившихся украинцев становилось все больше. В ответ на это правительство в мае 1738 г. отправило в Черкасск грамоту, запрещающую принимать на поселение беглецов [1, с. 52].

Как и прежде, она возымела слабое действие. Вот несколько показательных примеров. 05.01.1740 г. донской войсковой атаман Данила Ефремов сообщал, что весной и осенью 1739 г. много казаков и посполитых из слободских полков самовольно пошли на новозаселяемые места на р. Орь (в нынешней Оренбургской области). Поскольку они продвигались с семьями и пожитками, через донские городки, их там перехватывали и отсылали назад. Не всех, но многих – 50 семей беглецов он «за зимним временем» поселил на своей мельнице, расположенной «на Врюевском юрту», и слёзно просил Военную коллегию оставить их там на жилье [5, л. 283–285]. Отметим, что в данном случае Ефремов сильно рисковал, поскольку в 1732 г. он уже был разжалован из старшин в рядовые казаки, за сокрытие беглых [2, л. 42]. Той же зимой, в феврале 1740 г., в Сенате слушалось дело о заселении бывшим донским старшиной, а на тот момент уже атаманом Волгского войска, Макаром Персидским (Персицким), слобод в окрестностях Ново-Хоперской крепости (собственно на Дону) и в казачьих городках Чередыне и Дубовке (т.е. на новой Линии). В обоих случаях казачьих атаманов, виновных в приёме беглых, велено было оштрафовать по 5 руб. за каждого принятого [5, л. 283–285].

Апогеем борьбы правительства с укрывательством беглых на Дону стал 1743 г. В сентябре этого года атаман Ефремов был в срочном порядке вызван в Москву для ведения следствия над ним [2, л. 41]. Обвинение было весьма серьезным: самовольное начало строительства каменной крепости в Черкасске и возведение мельницы для производства пороха. Следствие вела специально созданная комиссия Военной коллегии. К уже имеющимся винам было добавлено принятие на поселение 500 семей беглецов из Слободской Украины. По указу императрицы Елизаветы Петровны от 28.09.1743 г. Ефремов и некоторые другие высшие старшины были приговорены к смерти. Правда тут же им объявлялось и монаршее прощение. Очевидно, что суд и приговор задумывались как показательно-воспитательное действие, призванные не только упредить возможность потенциальных бунтов, подобных восстанию К. Булавина, но и прекратить тайное укрывательство на Дону всех «неуказных» [2, л. 41, 43–44].

Очевидно, что «урок пошел впрок» – после описанных событий, в конце 1743 г., был даже введен институт «нарочных старшин», которые возглавляли команду из казаков, занимающуюся выявлением, поимкой и высылкой беглых с Дона [1, с. 270]. По более поздним данным (1761), она осуществляла действия полицейского характера и насчитывала 348 казаков (2 % от общего количества Войска – 17161 строевых казаков и старшин) [6, л. 243].

Таким образом, период с 1720-х гг. по 1740-е гг. стал временем, когда правительственными структурами Российской империи предпринимались системные, жесткие, а, главное, более действенные, чем когда-либо до этого, меры, направленные на максимальное сокращение оттока податного населения на Дон с территории внутренних губерний Великороссии и украинских казацких полков (гетманских и слободских). Старшины и рядовое казачество Войска Донского, руководствуясь собственными прагматичными мотивами и действуя путем прямого саботажа и пассивного сопротивления, пытались не допустить прекращения притока новых поселенцев. Патронами беглых, которые не претендовали на казачий статус, а довольствовались поселением в слободах в качестве крестьян, становились как донские старшины, так и высокопоставленные офицеры и чиновники империи, активно захватывающие и заселяющие общевойсковые земли.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.
2. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 20. Оп. 1. Д. 54. Ч. 1.
3. РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 466.
4. РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 467.
5. РГАДА. Ф. 248. Оп. 126. Д. 468.
6. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13. Оп. 1. Д. 100.
7. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1.
8. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 18.
9. Савельев Е.П. Древняя история казачества. Новочеркасск, 1915.

ИЗ СТРАНЫ КАЗАКОВ В КРЫМ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО ЮГУ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX вв.*

«Обнаруживающееся в Крыму многообразие разных народов, каждый из которых живет как будто в своей собственной стране, практикуя свои особые обычаи и сохраняя свои религиозные обряды, является одним из примечательных обстоятельств, делающих этот Полуостров интересным для чужестранца: в Бахчисарае – татары и турки; на вершине возвышающихся над ним скал – колония евреев-караимов; в Балаклаве – греческая орда; армия русских в Акмечети; в других городах – анатолийцы и армяне; в степях – ногайцы, цыгане и калмыки; так что на маленьком клочке земли, словно в зверинце, противоположные виды живых редкостей соединяются необычным образом», – писал знаменитый британский путешественник Эдвард-Даньел Кларк, посетивший полуостров летом и осенью 1800 г. [7, р. 221–222]. Этническая пестрота не просто казалась особенностью региона, но и характеризовала Крым как часть Востока – в культурологическом плане [4]. Прежде, рассказывая о Северном Приазовье, Кларк отметил: «Разнообразие наций, наблюдаемое среди различных жителей Таганрога, совершенно беспримерно. Всякая улица напоминает маскарад. Мы насчитали одновременно представителей пятнадцати различных стран, собравшихся вместе – и они не более замечательны тем, что представляют различные костюмы, чем господствующей среди них гармонией и дружкой. Никто из них не считает другого чужаком» [6, р. 438–439; cf. р. 398]. В конце XVIII – начале XIX в. Юг России превратился в популярное место для путешествий. Регион стал важным элементом в образовательной поездке («grand tour»), которую предпринимали образованные западноевропейцы для получения практических знаний. Многие путешественники, посетив «страну казаков» на Дону и в Прикубанье, затем переправлялись через Керченский пролив, чтобы оказаться в Крыму. Эти регионы они воспринимали как пограничье между Европой и Азией, ведь, согласно усвоенной ими античной традиции, граница между частями света проходила по Босфору и Танаису. Это обстоятельство способствовало интересу к местам,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

где жили представители экзотических народов, о которых в Западной Европе знали лишь понаслышке.

Цель этой статьи – выявить сходные приемы этнографических описаний, использованных путешественниками по Крыму и Нижнему Подонью, раскрыть особенности восприятия, осмысления и описания других стран и культур. Предметом исследования будут записки Кларка и Реджинальда Хебера, ездившего по Югу России в 1806 г., – вероятно, наиболее информативными английские травелоги своего времени. Авторы находились в приятельских отношениях, а потому Хебер позволил Кларку использовать свой неопубликованный дневник в примечаниях к его книге. При необходимости будут использованы и другие путевые записки.

Описание народов в травелогах не было ни систематическим, ни последовательным. Следуя за физическим перемещением автора в пространстве, эти тексты периодически отмечали те или иные этнографические особенности какого-то народа, затем отвлекались на иные темы, а впоследствии вновь возвращались к описанию тех же людей. Путешественники обращали внимание прежде всего на необычное, уделяя меньше внимания или даже игнорируя те аспекты, которые казались близкими европейской «норме». Рассказывая об экзотичных этноконфессиональных группах, иностранцы были склонны к обобщению и типизации, когда из нескольких примеров, известных по собственному опыту, выводили общие свойства национального характера.

Наиболее ярким признаком считали, разумеется, название народа, которое иногда содержало его характеристику. Европейцы прибавили букву «р» в название страны и ее жителей – Тартария («Tartaria»), тартары («Tartars»), подчеркнув связь с Тартаром, преисподней античных мифов. Под впечатлением от нашествия монголов XIII в., их сочли предвестниками конца света [3, с. 13, 39, прим. 16]. Это переосмысление этнонима и топонима оставалось актуальным вплоть до середины XIX в. Участник Крымской войны Томас Милнер писал: «Кажется, монахи и священники, пораженные сходством [слов] “татарин” и “Тартар” и разрушениями, которые произвели орды завоевателей – словно посланники из адских областей, придумали написание “тартарин”, до сих пор распространенное, но неправильное» [11, р. 122]. К числу немногих исключений относился Уильям Итон, посетивший Крым за несколько лет до его присоединения к России [9, р. 304]. Кларк же принял решение заменить лишнюю «R» на «H», вероятно, добываясь длительности первого слога – «Tahtary», «Tahtars». По мере того, как Причерноморье становилось известным на Западе, Тартар на воображаемых картах цивили-

лизации смешался в незнакомый край Земли. В 1843 г. знаменитый живописец Орас Верне, получив в подарок от Николая I упряжку великолепных лошадей, писал жене, что справиться с ними мог только кучер-татарин, родившийся «в глубинах Тартара, неподалеку от Китая» [1, с. 70].

Этноним зачастую невозможно отличить от метафоры. Кларк называл русских «скифами», воплощением разрушительного, варварского начала, сравнивая их с «человекоедцами» – антропофагами [12, р. 292–293]. Живших в Приазовье калмыков он определил как Плиниевых «пожирателей лошадей» – гиппофагов [6, р. 437]. Хебер, описывая выделку кожи и стали в Бахчисарае и Карасубазаре, заметил, что это – «скифские ремесла» [14, р. 538]. «Русский шотландец» Маттью Гатри придал исследованию прошлого Крыма форму рассказа о путешествии на юг своей покойной супруги [5]. Он полагал, что скифы и татары – «всего лишь разные имена одного народа». В другой раз Гатри построил сложную, основанную на созвучии цепочку «киммерийцы – кимвры – кельты (галлы)», так что крымские жители оказались предками и шотландца Гатри, и его супруги – француженки [10, р. 406, 193–195].

Предполагалось, что народы не исчезают, но лишь меняют свои названия. Кларк отметил, что донские казаки были «смесью различных наций – главным образом, черкесов, малороссов и русских, но также татар, поляков, греков, турок, калмыков и армян». Этноним он возводил к военному делу: «Благодаря их ловкому обращению с луком, соседи дали им имя хозар или хазар». В эту генеалогию путешественник добавил еще и сарматов и северокавказскую область Касахию, известную из труда византийского автора X в. Константина Багрянородного [6, р. 371–372, 374–378]. Для Итона крымские татары были гуннами, а потому неудивительно сходство их военного дела с кочевниками эпохи Переселения народов [9, р. 202, 331–332]. Маттью Гатри решил, что караимы – потомки Геродотовых меланхленов, потому что носят черную одежду [10, р. 84].

Важным свойством народа считалась религия. Хебер, впоследствии ставший англиканским епископом Калькутты, уделил большое внимание религиозным обычаям, праздникам, церквям и богослужению у казаков [14, р. 216, 222, 229–232]. Зачастую путешественники не понимали смысла религиозных обрядов, как, например, Кларк, побывавший на богослужении в Аксае. Потому он сконцентрировался на деталях вроде отсутствия скамеек для верующих или «картинах» на алтарной преграде и стенах церкви [6, р. 350–353]. Элизабет Крейвен, наблюдавшая Крым в 1786 г., назвала обряд дервишей «нелепицей» [8, р. 173–174].

Популярным сюжетом был физический облик экзотических народов. Гувернер Джон Паркинсон, посетивший Крым в 1793 г., отметил красоту здешних армянок и гречанок [13, р. 195]. Кларк восторженно описывал облик черкесов, которые, если бы не обычай обривать голову, соответствовали бы европейским представлениям о красоте [7, р. 36]. Зато армян Нахичевани-на-Дону он назвал мужиковатыми, сравнив веселого армянина с танцующим медведем [6, р. 403]. Описывая приазовских татар, он обратил внимание на их оттопыренные уши, принявшие эту форму из-за привычки с малолетства раздвигать их краями шапки [6, р. 402]. Хебер разделил крымских татар на «две расы» – горцев и ногаев. Первые показались ему красавцами, причем тела некоторых мужчин были достойны самого Геркулеса. Монголоиды – ногаи в Крыму «сильно улучшили свою породу через смешанные браки с <его> первоначальными жителями» [14, р. 262–263]. По словам Кларка, хотя облик калмыков отвратителен, от их браков с казаками рождаются иногда очень красивые девочки [6, р. 316–317].

Особенностью экзотичных народов было радушное отношение к путешественникам. Хебер был восхищен хлебосольством крымских татар. К тому же они никогда не пересчитывали денег, полученных в уплату за лошадей, которых должны были снаряжать для путешественников, и нередко вообще отказывались от них [14, р. 262]. По словам Кларка, донские казаки не брали плату за постоя: «Казаки, – говорят они, – не продают свое гостеприимство» [6, р. 307].

Далеким народам свойственны были экзотические нормы поведения и морали. Исламские нормы женского поведения воспринимались как показатель ревности мужчин. По словам Хебера, в этом вопросе «татары заходят даже дальше, чем турки» [14, р. 310]. Преодолеть странный запрет можно было, изменив свое поведение в стиле оперных персонажей. Кларк рассказал анекдот о слуге-англичанине, который стал подражать татарским дамам, закрывая лицо и обращаясь в бегство при их появлении. Это заставило мусульманок поймать иностранца и «потребовать объяснений», очевидно, показав ему свои лица, чего тот и добивался [7, р. 186]. Подобная «скромность» была свойственна и мужчинам. По словам Крейвен, татары избегали на нее смотреть: «некоторые же быстро поднимали взгляд, но, так как они боятся увидеть открытое женское лицо, поспешно снова опускали глаза» [8, р. 178].

Кларк заметил, что незамужние девушки-калмычки заплетают волосы в косу, тогда как замужние носят множество мелких косичек, спадающих на плечи и по бокам лица. Женившись, калмык

обязан выстроить юрту, а потом – еще по одной для каждого ребенка. После смерти мужа вдова «становится собственностью его брата, предоставив последнему возможность ее принять» [6, р. 315].

«Другие» жили в специфических домах и селениях, хорошо приспособленных к условиям местности. Черкасск сравнивали с Венецией, поскольку он был затоплен весенней водой, дома строились на сваях, и жители перебирались из одного в другой по деревянным переходам [6, р. 361; 14, р. 217, 221–222]. Кларк заметил, что Екатеринодар меньше всего похож на город, ведь дома здесь были беспорядочно разбросаны среди дикорастущих деревьев, а все свободное пространство покрывала растительность [7, р. 18]. Чуфут-Кале находился на вершине горы, а потому Гатри решил, что «праздные» татары, не способные ни выстроить там крепость, ни ежедневно доставлять наверх воду из долин, перепоручили эту миссию известным своим трудолюбием караимам [10, р. 85]. Хебер вспомнил похожие принадлежавшие евреям крепости в Африке [14, р. 60].

Кларк назвал Бахчисарай «одним из замечательнейших городов в Европе», поскольку он находился в живописной горной долине, а нравы и обычаи жителей оказались «совершенно восточными». Помимо ханского дворца и мечетей, путешественник описал разветвленную систему водоснабжения, наполнявшую многочисленные городские фонтаны [7, р. 170–171]. Паркинсон отметил следующее: поскольку татары «держат своих женщин взаперти, дома обычно обращены к улице своей задней стороной. К тому же дома и сады перемежаются таким образом, что проходящий мимо них обычно забывает, что находится в городе, и готов вообразить, что блуждает по беспорядочной деревне» [13, р. 194].

Хебер писал, что татарские мечети имеют двускатные крыши в отличие от плоских кровель жилых домов, припоминая в этой связи слова Аристофана о заостренных вершинах афинских святилищ [14, р. 256]. Кларка удивили погребя донских казаков, где на льду сохранялись продукты [6, р. 300]. Кларк заметил, что калмыцкие юрты, при всей экзотичности, превосходят похожие жилища северных лапландцев – они больше, надежнее, в них имеются теплые постели, ковры и различная утварь [6, р. 310–312]. Хебер сравнил юрты ногайцев с «пчелиным ульем, состоявшим из покрытой войлоком деревянной рамы и поставленным на колеса». Они были меньше калмыцких и не разбирались на части [14, р. 260–261].

Разумеется, описывали национальную одежду, праздники и развлечения. Кларк рассказал о языческих суевериях казаков и о брачных обычаях калмыков [6, р. 392–393, 433–434]. По его словам, казаки играют на волынке и варгане, калмыки – на двухструн-

ной *balalaika* [6, р. 285–286, 320], а татары и цыгане – на огромных барабанах [7, р. 138, 295]. Казахский танец напоминал пляски русских цыган или английский хорнпайп, тогда как калмыцкие танцы «состояли более в движениях кистей и рук, чем ног» [6, р. 306, 320]. Групповая же пляска черкесов, выстроившихся в ряд и взявшихся за руки, не была похожей ни на что другое [7, р. 41]. Хебера поразили конные упражнения юных татар-пастухов, развлекавшихся таким образом с удивительным искусством и ловкостью [14, р. 262].

Свойством нецивилизованных наций считалась антисанитария и дурной запах. Калмычки были настолько грязными, что «трудно было определить их пол, настолько отвратительным и не похожим на человеческий был их облик». Зато, по словам Кларк, «Ни одна нация не сравнится чистотой своих одежд с казаками» [6, р. 311, 383]. Гатри заметил, что в отличие от своих собратьев-евреев, караимам Чуфут-Кале свойственен «дух чистоты и процветания». Впрочем, он не исключил, что причина была в дождях, регулярно омывавших горную вершину [10, р. 83]. «Русские утверждают, что они (армяне – Н.Х.) имеют неприятный естественный запах, вроде того, что мы приписываем евреям», – писал Хебер [14, р. 220]. По словам дипломата де Людольфа (1787 г.), татарские дома «крайне сыры и вонючи», а навоз, которым их отапливают, делает невыносимым запах и самих жилищ, и их обитателей, «которых чувствуешь обонянием на большом расстоянии» [2, с. 166]. Иногда наблюдения оказывались совершенно противоположными. Крейвен возмущался грязь на улицах и в жилищах татар, а также их несклонность менять белье – даже после бани [8, р. 162, 174, 181, 183]. Хебер же, пытаясь опровергнуть распространенное представление о свойственной татарам лени, заметил, что они содержат в чистоте жилища, одежду и себя самих [14, р. 263]. Кларк противопоставил татар русским, ведь у них и беднейшие дома содержатся в чистоте, тогда как в домах русской знати богатство и роскошь прикрывают грязь [7, р. 235].

Свойством народов считали устойчивость к местному климату. По словам Хебера, на Кубани и в Крыму неподготовленный европеец легко мог подхватить лихорадку [14, р. 314–315]. Кларк, сравнивший южный берег Крыма с земным раем, отметил, что полуостров благостен только для его «природных жителей», тогда как для пришельцев, и прежде всего русских завоевателей, он смертелен, поражая их лихорадкой и другими болезнями [7, р. 296–297].

Кухня была тем, что разделяло «цивилизованные» и «варварские» нации. Рассказывая об Азии, Кларк назвал одним из ее свойств «дурную пищу» [12, р. 295]. Крейвен возила с собой чайник и заваривала чай даже в бескрайней татарской степи. Это было симво-

лом ее принадлежности к английской культуре [8, р. 163]. В дальних странах в пищу шли экзотические растения. Хебер писал, что татары, пробив кору грецкого ореха, получали сок, который использовали вместо сахара [14, р. 257–258]. По словам Кларка, жители Аксая и Черкаска с удовольствием ели стебли рогоза, причем ему самому весьма понравился этот необычный продукт [6, р. 349]. Путешественник поразился крупным размерам крымских огурцов, которых и местные жители, и русские «оккупанты» любили в соленом виде. Он даже предложил разводить этот сорт в Европе как пищу для бедняков [7, р. 169, 262]. Итон заметил, что крымские татары ели конину, запретную для других мусульман, но турецкие муфтии благоразумно постановили, что для них это не грех [9, р. 316–317]. Кларк сообщал, что сырую конину ели калмыки, но не только ее – ведь у входа в юрту они вывешивали для вяления «члены собак, котлов, сурков, крыс и пр.» [6, р. 310–311].

Кларк отметил, что лучшее донское вино превосходит любое импортное [6, р. 395]. Хеберу же эти вина, за малым исключением, совсем не понравились. Ростовское пиво он назвал «исключительно отвратительным». Что до крымских вин, они показались излишне водянистыми из-за неумеренного полива виноградников [14, р. 218, 224, 232, 255]. Кларк описал калмыцкий кумыс и «бренди», который перегоняли из кумыса в грубых глиняных сосудах, соединенных камышиной. В отличие от европейцев, для питья алкоголя калмыки устраивали специальные пьяные пиры [6, р. 312–315, 319–320, 340–341]. Вопреки распространенному стереотипу, Хебер заметил, что в России пьют не больше, чем в Англии, а Пасха у казаков провоцирует куда меньше возлияний и драк, чем английские праздники [14, р. 232–233].

Важнейшей характеристикой народа были его «нравы» (моральный облик), которые обычно оценивались категорично и противопоставлялись другим, но также экзотичным общностям. Например, Кларк назвал характер крымских караимов «безупречным», подчеркнув, что в этом отличие от евреев, живших в других странах. «Их честность вошла в поговорку в Крыму, а слово караима считается равным клятве» [7, р. 193]. Подобные обобщения зачастую противоречили сказанному в другом месте. Хебер заявил, что «плутство и низость» были свойственны всем русским, грекам, евреям и армянам. Порядочными из жителей Крыма были лишь мусульмане. Но он же привел пример достойного поведения, когда русский гонец привез путешественникам в Тамань забытое ими в Екатеринодаре ружье, причем отказался от вознаграждения за труды [14, р. 310, 245].

Критически относившиеся к русским путешественники противопоставляли им донских казаков, которых считали особым народом. Если первые воплощали в себе негативные черты, то вторые отличались физической красотой, опрятностью, воспитанием, добрыми качествами [6, р. 297–298, 384–387; 7, р. 9; 14, р. 224–228]. Происхождение казаков оставалось неясным. Хебер начал их историю с древнейших кочевников Северного Причерноморья – киммерийцев и скифов [14, р. 531 ff.]. Интересно, что черноморских (кубанских) казаков считали особым феноменом: «даже донские казаки предостерегали нас в отношении своих кубанских братьев, которых они описывали как банду беззаконных бандитов» [6, р. 441–442]. Зная об их переселении из Запорожья, путешественники подчеркивали, что это была смесь «дезертиров и бродяг всех наций». [7, р. 4–9; 14, р. 241–242]. Кларк отметил, что чертами лица и одеждой донские казаки напоминали украинцев. «Но сходство этого народа в некоторых проявлениях одежды и нравов с шотландскими горами весьма примечательно». Помимо одежды и музыкальных инструментов, подобным была любовь к крепким спиртным напиткам, свойственная шотландцам, казакам и украинцам: «но эта привычка господствует у всех варварских наций» [6, р. 284–286].

Итак, Юг России в записках путешественников – это места, пусть и отличавшиеся природными условиями или своей историей, но в целом чрезвычайно пестрые в этническом отношении. Однако общих принципов классификации народов они так и не вырабатывали. Впрочем, вряд ли такая задача ставилась в принципе. Путевые записки – это набор разрозненных эмпирических наблюдений и обобщений, большая часть которых сейчас кажется наивными. Но они демонстрируют особенности мышления в эпоху на переходе от Просвещения к Романтизму. Пожалуй, суждения Кларка более системны, чем у других путешественников. По его мнению, Дон разделял не только Европу и Азию, но и «утонченность, науку, торговлю, власть и авторитет» с одной стороны и «леность, суеверие, изнеженность, варварство и невежество» с другой. Цивилизованность Европы происходила от того, что в ней не существовало «диких народов», иначе говоря, кочевников, воплощением которых были ногайские татары, калмыки и жившие на далеком севере лапландцы. Их дурные качества Кларк приписал отсутствию постоянной территории и бродячей жизни, «как у самых диких цыган». Но если, например, группа лапландцев стала заниматься земледелием, то благодаря этому она приобрела лучшие человеческие качества: «не найти более доброжелательного и великодушного народа». Впрочем, варварство ирландских крестьян, английских кон-

трабандистов или французских бедняков казалось Кларку не меньшим, чем у лапландцев, татар или калмыков [6, р. 410–411]. Таким образом, ряд характеристик, которые можно было бы назвать этническими, англичанин осмыслил как социальные и экономические.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга, 1842–1843. М., 2008.
2. Людольф, де. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2.
3. Филюшкин А. Как Россия стала для Европы Азией? // Изобретение империи: языки и практики. М., 2011.
4. Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после первого присоединения к России глазами иностранцев // The New Past – Новое прошлое. 2018. № 1.
5. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4.
6. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 1. London, 1816.
7. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1816.
8. [Craven E.] A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters. London, 1789.
9. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. London, 1798.
10. Guthrie M. A Tour, Performed in the Years 1795-6, Through the Taurida, or Crimea. London, 1802.
11. Milner Th. The Crimea, Its Ancient and Modern History: The Khans, the Sultans, and the Czars. London, 1855.
12. Otter W. The Life and Remains of Edward Daniel Clarke. New York, 1827.
13. Parkinson J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea. 1792–1794. London, 1971.
14. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. Vol. I. New York, 1830.

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.

Формирование городов Юга Российской империи является малоизученной и актуальной темой для исследования. Города так называемой Новороссии стали формироваться во второй половине XVIII столетия в результате внешней политики императрицы Екатерины II (1762–1794 гг.). Отсюда вытекает особенность формирования этих городов. В центральной России города формировались в Средние века, в раннее Новое время как торговые, ремесленные, административные центры на торговых путях.

В Новое время на Юге России, ситуация, как видно, была совершенно другая. Здесь города основывались для закрепления Российского государства на этих территориях, образовывались из крепостей, строящихся для обороны от турок и крымских татар, как морские торговые и военные порты. Некоторые же города основывались этническими группами, переселенными из Крыма для колонизации новоприобретенных земель. Это Мариуполь, основанный греками на Азовском побережье, и Нор-Нахичеван (позже переименованный в Нахичевань-на-Дону), основанный армянами на правом берегу реки Дон. Последний занимал особое место в истории Донского края, так как на Дону городская жизнь только зарождалась, здесь уже существовал город Азов («разжалованный» в посад) и Таганрог, вновь возвращенные России после окончания русско-турецкой войны и подписания Кючук-Кайнаджирского мирного договора. В основной своей массе на Дону основывались казачьи станицы и городки, существовала крепость Св. Димитрия Ростовского с форштадтами, поэтому появление здесь города, построенного по генеральному плану, имело большое значение. В связи, с чем выявляется цель и задача исследования.

Цель исследования – выявить основные особенности формирования городской жизни переселенцев из Крыма в окрестностях крепости Св. Димитрия Ростовского, создание городской планировки, строительства основных городских сооружений.

Задача исследования – на основе имеющихся исторических источников и научной литературы проанализировать важнейшие условия возникновения нового города на Дону.

Предмет исследования – Земля Донская и г. Нахичевань-на-Дону в конце XVIII – начале XIX столетий.

Земли, на которых возникла новая армянская колония, к тому времени уже была заселены. В 1761–1763 гг. здесь была основана крепость Св. Димитрия Ростовского, построенная инженером полковником А.И. Ригельманом [14, с. 12; 13, с. 27], между рекой Термерник и урочищем Богатый колодезь, на высоком правом берегу реки Дон. Площадь крепости составляла 1,650 саж., укреплена была ровом и высоким земляным валом «с каменной одеждою» [14, с. 12]. В крепости имелись: 7 церквей, 28 казенных строений, 29 жилых, торговых 123, дворов 1313, улиц 44 [13, с. 19–21]. Территория крепости занимала примерно 87,5 десятин. С восточной и западной сторон от крепости были основаны слободки, или как их еще называли форштадты, где селились отставные солдаты и офицеры крепости, Солдатская, Доломановская и Полуденка, названная по урочищу [14, с. 12], занимая площадь по 20 верст со всех сторон. Жители занимались торговлей, с мая по сентябрь в Дон заходили корабли, которые доходили до крепости и далее до Черкасского городка [14, с. 12].

Полуденка простиралась в ширину на 100 саженей, в длину на 450 саженей [13, с. 28], общей площадью 1 747 саженей. Полуденский форштадт был расположен к востоку от крепости. Население его в основном состояло из торговых людей и переселившихся сюда после мира с Турцией 1774 года новодонских казаков и волонтеров упраздненной милиции, образовавшейся в военное время [6, с. 31].

После окончания русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и подписания Кючук-Кайнаджирского мирного договора императрица Екатерина II решает переселить в новоприобретенные территории (северное Причерноморье, Приазовье) христианские народы, населявшие Крымское ханство – это греки, армяне, валахи, грузины. Переселение крымских армян на Дон и основание Нор-Нахичевана было обусловлено военно-политическими притязаниями России [2, с. 39]. Эта заинтересованность русского государства и предопределила предоставляемые новой колонии права и рамки ее автономии.

Новый город и села, основанные крымскими переселенцами, получили довольно большие права и привилегии, базирующиеся на нормах национальных законов и обычаях [2, с. 39]. Крымским армянам, пожелавшим поселиться на Дону, было дано право самим избрать себе земли для поселения [8, с. 54]. Депутаты, прибывшие от переселенцев, Арутюн Богозов-Халибов и Карабет Асланов избрали для поселения слободу Полуденку [8, с. 54]. По дарственной грамоте, дарованной переселенцам, армянам предоставлялись многочисленные привилегии: 1) утверждалось самоуправление, учреждался городской магистрат, все судо- и делопроизводство велось на армян-

ском языке, 2) освобождение от торговых пошлин на 10 лет, 3) разрешение строительства армянских церквей и ведение службы по чиноположению, и состоять во власти Армянского патриарха, находящимся в Араратском монастыре [10, с. 878–879].

По межевому плану 1801 г. округа крепости заключала в себе почти половину всей северной части Ростовского уезда [6, с. 31]. В ноябре 1779 года переселенцы уже прибыли на Дон, где местные жители крепости и форштадтов их тепло встретили, предоставили кров в надвигающуюся зиму. Город они основали на месте форштадта Полуденки, образованного в 1761 году [13, с. 15], и считающегося лучшим предместьем крепости Св. Димитрия Ростовского [6, с. 31]. Обитатели Полуденного форштадта, уступая свои земли армянам, частично переселились в крепость Св. Димитрия Ростовского, увеличив его население, частично уехали на левый берег Дона, основав село Койсуг [6, с. 31]. По данным А.А. Скальковского «они (армяне) устроились так быстро, что к 1782 году имели уже до 2000 изб и домов, 180 лавок, 4 сафьянных и 1 шелковый завод и более 4000 ж.о.п. (жители определенных профессий – прим. С.К) из которых 1040 преимущественно были записаны в купечество или же занимались мастерством» [14, с. 15]. В их руках оказалась так же и рыбная ловля, поэтому по постановлению Сената в 1801 г. к территории города отошел левый берег Дона, от устья Темерника до самой Нахичевани [8, с. 54]. Ростовцы вели с соседями продолжительный процесс из-за этого берега, богатого рыбными промыслами, но дела не выиграли и левый берег остался за нахичеванцами [6, с. 31].

Выбор места для строительства города определялся рядом условий. Отведенная территория ограничивалась с востока Кизитериновской балкой, с юга – рекой Дон, с запада – крепостью Св. Димитрия Ростовского. В отличие от многих стихийно возникающих поселений, постепенно превращавшихся в города, Нахичевань со дня своего основания получила четко выраженную планировку в виде сетки из пересекающихся под прямым углом улиц [15, с. 15]. Еще в начале 1780 г. была утверждена структура плана города, по которой весной были намечены места будущих кварталов и началась планомерная застройка. Так в 1780 г. соорудили первую деревянную церковь, а с 1781 года началось строительство еще трех [15, с. 15].

Автором генерального плана предположительно является известный русский зодчий И.Е. Старов [15, с. 16]. Выбор места для города оказался довольно удачным. Местоположение на берегу судоходной, обильной рыбой реки, наличие строительного материала (камня-ракушечника, глины, камыша), близость лесных массивов в бассейнах рек Миуса и Кальмиуса, а также плодородие пере-

данных армянской колонии земель под пашню и свободная для застройки ровная территория, благоприятствовали быстрому строительству города и его экономическому развитию.

С ноября 1779 г. по ноябрь 1781 г., из плана города Нахичевани-Дону [11, с. 16], из намеченных на нем 264 кварталов, были освоены 201, а некоторые только частично [15, с. 16]. На чертеже плана 1781 г. [15, с. 16] в списке зданий из камня указаны гостинный двор, 40 лавок капитана И. Абрамова, 20 лавок А. Иванова, две приходские церкви, различные коммунальные и ремесленные строения, ларьки сапожников и ателье. К северу от Собора располагались ларьки торговцев фруктами. Между Северным входом в Собор и западным углом были построены кондитерские магазины. Напротив, восточного и западного ряда ларьков параллельно был построен второй ряд ларьков. На западной стороне находились лавки торговцев шапками, тулупами и хлебом. На северном углу находилось кафе, которым владел Д. Каракашьян. На восточной стороне – винный кабак и также ларьки с различными товарами. В этих ларьках располагались продавцы кожи, портные, плотники, парикмахеры и т.д.

Отдельно располагался ряд лавок ювелиров, литейщиков, кузнецов, ткачей, каменщиков, жестянщиков, часовых мастеров. По подсчетам С. Казарова, уже на первых порах в городе насчитывалось 72 вида ремесла [7, с. 19]. Довольно ровная территория города имела небольшой уклон в сторону реки, у которой она обрывается на изрезанном оврагами склоне. Такое расположение гарантировало безопасность от весеннего разлива Дона [7, с. 16]. Отведенная площадь городу Нор-Нахичевану составляла 780 x 1175 саженей. Город по своей планировке, своей продольной стороной параллелен реке, что определило ориентацию основных улиц с запада на восток. Вытянутые с севера на юг прямоугольные городские кварталы имеют равную длину и ширину. Исключением были кварталы юго-западной части города, где из-за планировки Полуденки они уже остальных. Примыкающие к берегу улицы вышли разной длины по причине изгиба берега [11, с. 16].

Одна из особенностей планировки города – это наличие на центральной продольной оси, ближе к восточной стороне, единого городского центра с административной и торговой площадями, сквером и собором. По территории города обозначены места церквей. Показаны также различные «партикулярные» строения [11, с. 16], предназначенные и для обслуживания курсировавших по реке торговых судов [14, с. 18]. Нор-Нахичеван, как видно, проектировался лицом к Дону, в его трех центральных кварталах, помеченных

на плане, предполагалось построить дома наиболее представительных горожан, принадлежащие им фабрики и магазины, соборный храм, архиерейский дом, семинарию и т.д. [11, с. 16]. С крепостью Св. Димитрия Ростовского город связывали две дороги. Одна из них, ранее веда в Полуденку, спускалась с главных крепостных ворот к крепости к берегу реки, другая шла к главной Соборной улице (ныне Советская улица) [14, с. 18].

Начало XIX в. оказалось благоприятным для развития Ростова и Нахичевани. Указом императора Александра I от 17 августа 1806 г. Солдатский и Доломановский форштадты официально названы Ростовом. Затем был составлен его генеральный план и утвержден герб города в 1811 г. [11, с. 16]. В том же году Александр I утвердил 11 мая новый Генеральный план, а 2 августа герб города [11, с. 16].

Этот план более подробный, чем план 1781 г., но изменения в нем были минимальны [15, с. 20]. В новом плане отсутствовали незаселенные кварталы внешнего ряда северной и четыре ряда западной сторон, территория которых вошла в межевую площадь степи между крепостью и городом. В прибрежной части уточнено расположение крайней с юга продольной улицы и намечена параллельная ей новая, разделившая ранее удлинненные кварталы на более мелкие. На выходящих из города дорогах в трех местах – в северо-восточном углу города, и на середине северной и западной сторон отмечены городские ворота с караульными постами и кузницы для обслуживания гужевого транспорта [15, с. 20].

У северных ворот на дороге, ведущей в армянские села и в Бахмут, видимо из-за большой грузонапряженности последней, со стороны города запроектирована большая площадь [11, с. 16], которая получила название Сенной площади. Со временем здесь образовался Сенной базар [15, с. 21]. На плане намечены к сносу три кладбища. Вместо них указаны два новых, квадратных по плану, с церквями на пересечении главных аллей, одной из них предположительно являлась церковь Вознесения Господня, вторая так и не была построена, севернее кладбищ у безымянного оврага отмечена городская скотобойня. На южной части города, где ранее предполагалась строительство архиерейского дома, собора и семинарии, были посажены тутовые деревья. Восточнее них располагались склады для лесозаготовок.

Переселившись на Дон и основав город, крымские армяне развернули активную предпринимательскую деятельность. По мнению А. Скальковского у г. Нахичевани-на-Дону было три причины быстрого экономического роста: предприимчивость армян, «спасенные при переходе из Крыма денежные средства и их знакомство с восточными обычаями» [14, с. 15]. Так же большую роль сыграл вы-

бор места для поселения. Здесь учитывалось и наличие судоходной и богатой рыбой реки, климатические условия, наличие по берегу родников, удобство торговых путей [7, с. 14].

С ранней весны 1780 г. нахичеванские предприниматели начали активную деятельность. Лесопромышленники доставили из Царицына большого количества леса и сибирского железа. Владельцы кирпичных, черепичных, кожевенных салотопных, спиртоводочных и свечных заводов из Крыма за лето восстановили свои предприятия на новом месте [7, с. 15]. На правом берегу реки Темерник были обнаружены богатые запасы известняка, где открыли каменоломни и стали добывать так называемый аршинный камень [7, с. 15]. Первыми запустили в работу салотопенные заводы. Скотоводы – переселенцы пригнали из Крыма большие отары овец, которые давали большое количество сала [3, с. 13]. Развитие овцеводства способствовало открытию мыловаренных, свечных, кожевенных заводов, а по берегу Дона и шерстомоек [7, с. 16].

Ценные сведения о Нахичевани дают воспоминания путешественников, посещавших город Нахичевань в конце XVIII – начале XIX вв. Одним из первых, посетивших город, французский путешественник К. де Барт в 1785 г. писал, что «здесь есть большой базар, а также фабрика турецких шелковых и шерстяных материй» [5, с. 203]. В 1793 г. в Нахичевани побывал член Петербургской Академии наук, естествоиспытатель Петр Симон Паллас. Он замечал, что: «у них есть фабрики, ремесленные и торговые заведения...» [5, с. 205]. П.С. Паллас писал о большом количестве лавок, где можно купить продукты местного производства, всякого рода съестные припасы и очень хороший хлеб, испеченный на азиатский манер [9, с. 220].

В 1812 г. Дон, в том числе и Нахичевань, посетил генерал И.А. Безбородко, который оставил следующую заметку: «Был в гостинице во дворе, город многолюдный, регулярно расположены улицы. Строения в армянском вкусе. Дома чистые, по большей части покрыты черепицею. Есть и хорошие каменные дома. Церквей каменных несколько, довольно огромные! Садов много. Положение города прекрасное – на горе при реке Дон» [4, с. 68].

В 1820 г. в Нахичевань приезжал генерал Н.Н. Раевский, во время путешествия на Кавказ, куда он сопровождал А.С. Пушкина. Н.Н. Раевский оставил такое мнение о Нахичевани: город «многолюдный и торговлей весьма богатый. Образ жизни, строенье, деяние – все оригинальное» [1, с. 519–520].

Крупный промышленник А.А. Демидов, покровитель искусств и науки, путешествуя по Югу России, принял приглашение нахиче-

ванцев и посетил город. Он отмечал: «Нахичевань – город замечательный своей наружностью, свидетельствующей, впрочем, о господствующей здесь торговой деятельности. Народонаселение Нахичевани отличается смышленостью и ловкостью в торговле... Хотя Нахичеван находится не в таком счастливом географическом положении, как Ростов, зато жители ее несравненно способны к торговым сделкам, нежели ростовские... В доказательство их ловкости достаточно будет сказать, что они овладели почти всею торговлею Донского бассейна. По причине своих многочисленных базаров Нахичевань превратилась в богатое складочное место, способное, в случае надобности, наводнить товарами все окрестные ярмарки... Многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными, преимущественно персидскими, товарами. Улицы здесь прямые, и так же как дома, содержатся в большой чистоте» [12, с. 308–320].

Итак, город Нахичевань-на-Дону возник в результате внешней политики императрицы Екатерины II, а также политики переселения народов Крыма на новоприобретенные территории, в результате чего были заселены и экономические освоены новые территории на Дону. Город был основан по приказу Екатерины II рядом с крепостью Св. Димитрия Ростовского, где им были, согласно дарственной грамоте, дарованы земли, даны различного рода привилегии. Под постройку города отвели территорию форштадта Полуденки, жители которой переселились в крепость и на левый берег Дона основав село Койсут (ныне часть города Батайска).

Нахичевань стала одним из немногих городов Дона и юга России, которая была построена по заранее продуманному и утвержденному плану. В нем учитывался рельеф местности, удобство пролегающих через город торговых путей, перспективы его развития. Со строительством города, нахичеванские предприниматели, ремесленники одновременно создавали свои заводы, лавки, гостинные дворы, мастерские и т.д. Крымские переселенцы, прочно обосновавшись на Дону, заняли свою нишу в составе населения края. В течение первой трети XIX в. они стали играть важную роль в экономике юга России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Раевских. Т. I. СПб., 1908.
2. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / Ред. С. Дароян, В. Хачатурян; Пер. с арм. Н. Григорова. Ереван, 1996.

3. Богданян А.М. Из прошлого. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1989.
4. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 10. М., 1908.
5. Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы. Т. 2. Ростов-на-Дону, 1914.
6. Ильин А.М. История города Ростова-на-Дону: очерк. Ростов н/Д., 2017.
7. Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII – начало XX века). Ростов-на-Дону, 2012.
8. Кузнецов И.А. Прошлое Ростова. Ростов н/Д, 2002.
9. Письма о Крыме, об Одессе и Азовском море. М., 1810.
10. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 20: 1775 – 1780. СПб., 1830.
11. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. Книга чертежей и рисунков. (Планы городов). СПб., 1859.
12. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым. М., 1853.
13. Ригельман А.А. Ростов на Дону. 150 лет назад / под редакцией Филиппова К.С. Ростов-на-Дону, 2013.
14. Скальковский А.А. Ростов на Дону и торговля Азовского бассейна. 1749–1863 г. Екатеринослав, 1865–1866.
15. Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван, 1988.

А.Т. Урушадзе (Ростов-на-Дону)

«ДОНСКОЙ ЧААДАЕВ»: КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНОСТЬ И БЕЗУМИЕ В ДЕЛЕ ЕВГРАФА ГРУЗИНОВА

История жизни Евграфа Осиповича Грузинова – это история стремительного восхождения по карьерной лестнице и столь же быстрого падения, закончившегося трагической смертью донского казака. «Дело братьев Грузиновых» уже не раз получало освещение в отечественной историографии. Так, в дореволюционный период широкое распространение получила оценка, согласно которой братья-казаки грузинского происхождения оказались жертвами заговора, направленного на изоляцию и уничтожение людей, наиболее преданных императору Павлу I [6, с. 573–575].

Деятели эмигрантского «вольноказачьего движения» полагали Е.О. Грузинова казаком, отдавшим жизнь «за сепаратное начало, за сепаратный дух» [9, с. 191].

В советской историографии братья Грузиновы и, прежде всего, старший из них Е.О. Грузинов представляли уже в образе народных заступников, противников царского деспотизма и тирании самодержавного государства [7; 8, с. 7].

В советский период существовали и иные оценки выступления Е.О. Грузинова. В работах А.П. Пронштейна казак-вольнодумец «не был защитником интересов казачьих низов, но, стараясь завоевать доверие казачества, объявлял себя таким же борцом за его интересы, как Емельян Пугачев, Фока Сухоруков и Иван Рубцов» [13, с. 350] – другими словами вольнодумство и свободолюбие Е.О. Грузинова было не радищевского, а казацкого типа. Схожее мнение о «грузиновском деле» было высказано Н.Я. Эйдельманом, согласно которому оно должно «рассматриваться не в связи с революционным движением XVIII века, но как пример народного сопротивления, народных утопических идеалов» [21, с. 157].

Постсоветский период развития представлений по этому вопросу был отмечен интересной и удачной попыткой рассмотрения «дела братьев Грузиновых» в общем контексте правительственной политики в отношении донского казачества в годы царствования Павла I [16].

Однако, мотив безумия в деле Е.О. Грузинова до сих пор не привлекал внимания исследователей. Этот факт достоин примечания ввиду того, что в ряде источников напрямую указывается на сумасшествие казака как на главную причину его тяжелой участи. В этом свете представляется перспективным рассмотрение вопроса о содержании и смысле зафиксированных казачьим социумом и имперскими контрагентами симптомах и признаках душевной болезни Е.О. Грузинова.

Сведения о службе Е.О. Грузинова и его братьев приведены в нескольких работах, а наиболее полно в научно-популярном, но обстоятельном очерке В.И. Лесина [9, с. 119–218]. С 1793 по 1798 гг. Е.О. Грузинов находился на службе в Гатчине, сначала в чине полкового есаула, а затем был последовательно произведен в чины войскового старшины и майора. После воцарения Павла I в 1796 г. был произведен в подполковники и принял под свою команду два эскадрона лейб-гвардии Гусарского-Казачьего полка. В дни коронационных торжеств, а именно 14 апреля 1797 г., Е.О. Грузинов был произведен в полковники и награжден, как и многие другие гвардейские офицеры, вновь учрежденным орденом Св. Анны второй и третьей степени. Е.О. Грузинов стал владельцем десяти тысяч десятин земли и тысячи душ крепостных крестьян. Однако облагодетельствованный казак не спешил получить в свое управление землю

и крепостных. Е.О. Грузинов оставил без всякого внимания и полученное им предупреждение, что по его вине «остается без выполнения именное высочайшее повеление» [11, с. 18].

В Санкт-Петербург казаки лейб-гвардии вернулись только осенью, а уже в январе следующего года командиром двух казачьих эскадронов, объединенных в лейб-гвардии Казачий полк, был назначен генерал-лейтенант Ф.П. Денисов. Под командой Е.О. Грузинова оставался второй эскадрон его имени. Спустя несколько месяцев он был отправлен в Шлиссельбургский уезд «для поимки разног звания беглых». В ходе этой экспедиции Е.О. Грузинов прямо отказался выполнять приказы своего непосредственного командира Ф.П. Денисова. За эти действия полковник был сослан в Ревель, где находился под надзором до начала июля 1798 г.

В сентябре после фактически отказа Е.О. Грузинова исполнять служебные обязанности последовал указ об исключении полковника из лейб-гвардии казачьего полка исылке его «на Дон с фельдъегерем».

Обстановка на Дону в 1790-х гг. была напряженной. В 1793 г., противясь намерению правительства переселить казаков с семьями на Кубанскую линию в разрез с войсковым обычаем – по указу, а не по жребию, «мятежом» были охвачены пятьдесят донских станиц [12, с. 91–93]. Прекратить беспорядки и унять ропот казаков удалось только в 1794 г. Немаловажные услуги имперскому правительству в этом деле оказала донская старшина, что свидетельствует об окончательном размежевании донского казачьего сообщества на рубеже XVIII–XIX вв. Услуги старшины не остались незамеченными. В царствование Павла I на ее представителей посыпались заветные чины и звания. Показательно, что число генералов в Войске Донском в этот период выросло с четырех до тридцати.

Вернувшись в Черкасск в ноябре 1798 г., Евграф Грузинов вел уединенный образ жизни. Через некоторое время опальный полковник почти перестал выходить из дома. Среди его постоянных собеседников был только младший брат Петр. В апреле 1800 г. Е.О. Грузинов перебрался на чердак отчего дома и «никого к себе не допускал» [1, л. 32]. Нелюдимость полковника дополнялась и крайностями аскетизма. Так, его пища состояла лишь из хлеба и воды. Почти все свое время он проводил за чтением книг, которые также перенес на чердак.

Несмотря на более чем умеренный образ жизни, Е.О. Грузинов оказался должником [2, с. 57]. На просьбы кредиторов вернуть долги полковник всякий раз отвечал грубым отказом и ссылался на отсутствие денег. Если же Е.О. Грузинову напоминали о пожалованных ему государем крепостных крестьянах, он «в крайне запальчи-

ности» заявлял: «...пуцай государь возьмет их себе...» [1, л. 67], отк-
рыто отказываясь от царской милости.

Заметное для окружающих асоциальное поведение Евграфа Грузинова дополняли его отдельные высказывания политического характера в отношении установившихся на Дону порядков, царской власти, казачьих привилегий, прав и свобод. Отметим, что сложившаяся к 1800 г. в крае напряженная атмосфера отнюдь не располагала к «вольным речам». В Черкасск для окончательного пресе-
чения практики приема беглых крестьян, расследования доносов и «открывшихся» злоупотреблений прибыли царские эмиссары, наделенные широкими полномочиями – генерал от кавалерии И.И. Репин и генерал-адъютант генерал-майор С.А. Кожин.

В историографии уже отмечалось, что в ходе своего исторического развития донское казачье сообщество миновало несколько этапов масштабных социокультурных трансформаций. Одним из таких ключевых этапов являлся рубеж XVIII–XIX вв. – время превращения донского казачества в замкнутое военно-служилое сословие. Этот период в истории некогда вольного сообщества связан с обширным проникновением в его среду жестких дисциплинарных практик, которое происходило как результат развития на Дону институтов православной церкви и школы. В этом процессе тотальной «нормализации» казачества «православие и патриотизм (понимаемый в первую очередь как служение престолу) становятся для Дона основами официальной идеологии» [15, с. 17].

Е.О. Грузинов говорил о своих политических убеждениях открыто и при многочисленных свидетелях. Так, 20 апреля 1800 г. – на праздник Воскресения Христова, – он «среди прочего» прилюдно утверждал, что «Дон заслужил Ермак, а теперь отымают и населили греков, армян...» [1, л. 38 об.]. Опальный полковник рассматривал действия российского правительства фактически как акт окончательного упразднения былой автономии донского казачества и размывания основ его социально-экономической независимости. Продолжая свою речь перед изумленными казаками Е.О. Грузинов заявил: «...вступился было за Отечество Пугач, коего спалили..., вступились было также Фока и Рубцов, коих высекли». В этой части речи Е.О. Грузинова прежде всего привлекает внимание употребление слова «Отечество», которое, как известно, было неофициально запрещено к употреблению в царствование Павла I. Из контекста речи Е.О. Грузинова видно, что под «Отечеством» он понимал отнюдь не Российскую империю, а скорее вольный казачий Дон и другие земли, завоеванные и населенные казаками.

Интерес представляет и ряд лиц, «вступившихся за Отечество», выстроенный Е.О. Грузиновым. Руководитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. был едва ли не самым опасным внутренним врагом Романовых за всю предшествующую историю династии. В тоже время широко известно, что в ходе восстания Е.И. Пугачев часто называл себе сторонником наследника престола Павла Петровича и даже говорил о намерениях посадить его на престол: «Сам я царствовать уже не желаю, а восстановлю на царствие государя цесаревича» [22, с. 109]. Менее известные современники Е.О. Грузинова казак Фока Сухоруков и есаул Иван Рубцов были вожаками массовых волнений на Дону 1792–1794 гг., охвативших до пятидесяти станиц, причем второй из них непосредственно руководил восстанием наиболее непримиримых казаков пяти верхнедонских станиц – так называемым Есауловским бунтом. Эти выступления были спровоцированы указом Екатерины II командующему Кубанским и Кавказским корпусами генералу И.В. Гудовичу от 28 февраля 1792 г., в соответствии с которым на Кубанской линии предполагалось поселить казаков шести донских полков, уже проходящих там службу, и выслать к ним с Дона семьи. Переселение планировалось осуществить к осени того же года [14, с. 36].

Таким образом, все указанные Е.О. Грузиновым казачьи лидеры боролись с режимом Екатерины II и, потерпев поражение, подверглись суровой каре. Становясь на зыбкую почву предположений, все же заметим, что подобным образом Е.О. Грузинов мог подчеркивать неизменность имперской политики наступления на казачью вольность. Вектор этой политики с начала XVIII в. был устойчив и не подвергался пересмотру со сменой монарха, несмотря на декларировавшийся иногда радикальный разрыв с наследием предшественника на троне (как в случае с Елизаветой Петровной и Павлом I).

Последующие слова, произнесенные Е.О. Грузиновым, были открытым вызовом и угрозой имперским властям: «Я не так как Пугач, но еще лучше сделаю, что вся Россия сотрясется...» [1, л. 39]. Опальный полковник, не имеющий ни войска, ни денег, открыто угрожал Российской империи. На что он мог рассчитывать? Единственной надеждой Е.О. Грузинова были свободолюбивые и демократические традиции «вольного» Дона.

Проанализированные выше «дерзновенные речи» были произнесены Е.О. Грузиновым в день одного из наиболее почитаемых христианских праздников – Воскресения Христова. Безусловно, это может быть простым совпадением, но, учитывая сделанные Е.О. Грузиновым в ходе следствия признания в том, что он не был

у исповеди и святого причастия на протяжении шести последних лет жизни, можно предположить о символическом характере выбора времени для «слова».

Об особенностях восприятия донскими казаками подобных речей свидетельствует фраза, оброненная самим Е.О. Грузиновым и ставшая заключительной в анализируемом выступлении: «Говорят, будто я полоумный; нет, я не полоумный...» [1, л. 39]. Отметим, что признание в распространении подобных слухов следует в речи Е.О. Грузинова сразу после жесткой критики правительственной политики Российской империи в отношении казачества и угроз казачьего восстания как единственного способа вернуть отнятое и восстановить справедливость. Хотя и косвенно, но это свидетельствует в пользу предположения, что именно антиправительственные высказывания Е.О. Грузинова были основным маркером его безумия для казаков Черкасска. Кроме того, именно оппозиционные речи Е.О. Грузинова упоминаются как симптом душевной болезни казака и в записках генерал-лейтенанта С.А. Тучкова, служившего на Кавказе в 1796–1804 гг. и побывавшего на Дону проездом. Однако, согласно запискам С.А. Тучкова, Е.О. Грузинов «отчасти помешался в уме» еще до ссылки в Черкасск, которая и стала последствием болезни казака [5, с. 504].

Е.О. Грузинов был арестован 12 августа 1800 г. Поводом к аресту полковника формально послужил его грубый отказ дать разъяснения о намерениях младшего брата Петра Осиповича, задержанного караулом при попытке выехать из Черкасска. В ходе следствия Е.О. Грузинов, отвечая на многочисленные вопросы дознавателей, развивал и дополнял высказанные им ранее взгляды на сущность взаимоотношений донских казаков и имперского правительства. Среди показаний подследственного привлекают внимание два тезиса принципиального характера.

Во-первых, Е.О. Грузинов «сделал разделение между донскими и великороссийскими подданными» [1, л. 12]. Из материалов следственного дела трудно установить, какого рода было это разделение: сословным, этническим или культурным. Но уже сама подобная дифференциация представляется весьма симптоматичной и соответствующей традициям свободолюбия и независимости донского казачества.

Во-вторых, отвечая на упреки следователей о нарушении законов, Е.О. Грузинов заметил, «что и в законах есть много лишнего». В этом случае он подвергал сомнению основу государственного порядка и фундамент имперских дисциплинарных практик – законодательство. Даже скупые и предельно лаконичные ответы полков-

ника на допросах вызывали полное недоумение следователей, которые характеризовали его слова не иначе как «трусские и мерзкие брани, от которых одной мысли содрогается сердце каждого верноподданного». Нервировала дознавателей и манера Е.О. Грузинова судить о государственных порядках и законах. Один из кумиров эпохи Просвещения – закон, не подлежал толкованиям, а только исполнению. О нем, как о Боге в произведениях Августина, не следовало болтать. В ходе следствия казаку-вольнодумцу напомнили о том, что законы «должны исполнять все... без всякого об них умствованиях».

Одним из доказательств «преступных замыслов Е.О. Грузинова послужили «две зловердные бумаги», найденные в ходе обыска на чердаке его дома. Впервые специальный анализ содержания записок Е.О. Грузинова был предпринят Н.С. Коршиковым и В.И. Лесиным [8, с. 4–20]. Согласно их выводам, Е.О. Грузинов по своим общественно-политическим убеждениям являлся «представителем революционной мысли и действия радищевского типа», мечтавшим «о победе международной революции».

Не опровергая возможность такого подхода в целом (ввиду недостаточности имеющихся материалов), обратим внимание на альтернативные варианты интерпретации отдельных фрагментов сложного и неоднозначного текста сочинения Е.О. Грузинова.

В записке содержится указание на необходимость создания нового государства, которое предполагалось учредить «для всех людей под солнцем на островах живущих» [1, л. 26]. В историографии устоялось мнение В.И. Лесина, согласно которому в данной фразе подразумеваются острова Эгейского моря: «Словосочетание “под солнцем на островах” является лишь условным обозначением географического положения огромной державы, которая должна была вырасти на развалинах Блистательной Порты» [9, с. 258]. Если «острова» записки Е.О. Грузинова – это реальные географические объекты, расположенные между Балканами и Малой Азией, то возникает ряд вопросов относительно такого оригинального выбора месторасположения нового политического образования. Почему именно эти острова привлекли внимание донского казака? Кого, в таком случае, кроме греческого населения этих островов имел в виду Е.О. Грузинов под «всеми людьми», живущими на островах? Намекался ли он переселять донское казачество на эти острова?

В.И. Лесин отвечает на эти вопросы ссылкой на возможное знакомство Е.О. Грузинова с ситуацией на Балканах того времени, связанной с неудачными попытками представителей греческого национально-освободительного движения поднять крупное анти-

османское восстание в регионе. Более того, замечание Е.О. Грузинова об «островах» трактуется как «оригинальная программа разрешения балканского вопроса революционным путем» [8, с. 11].

В то же время исследователями был упущено другое значение слова «остров»: «то, что стоит особняком, отдельно от окружающего» [19, с. 657]. Текст сочинения Е.О. Грузинова изобилует лексическими архаизмами, однако, слово «остров» употреблялось в указанном значении и в XVIII в. [18, с. 167–168], и ранее. Так, «Словарь русского языка XI–XVII вв.» в качестве одного из возможных указывает на следующее значение этого слова: «обособленная от других территория и ее население» [17, с. 158]. Таким образом, под упомянутыми полковником «островами» можно понимать окраины Российской империи, населенные представителями различных народов, имеющих самобытную культуру, обычаи и традиции. На наш взгляд, предложенная интерпретация данного фрагмента записки Е.О. Грузинова гармонично соотносится с рассмотренным выше «разделением донских и великороссийских подданных», которое проводил старший из братьев Грузиновых. Кроме того, такая трактовка позволяет по-иному оценить и особенности национального состава войска («ратмены») во главе которого намеревался встать Е.О. Грузинов. Армию он предполагал собрать из «казаков, татар, грузин, греков, калмыков, черкесов» – представителей «национальных меньшинств» Российской империи.

Трудно согласиться с мнением о записке Е.О. Грузинова как о «первой в истории русской общественной мысли политической программе ниспровержения абсолютизма». «Зловредные бумаги» Е.О. Грузинова в большей степени представляют собой умозрительную утопию, которая, тем не менее, способна дополнить образ начитанного офицера, сторонника традиционных казачьих ценностей.

Во время одного из допросов Е.О. Грузинов, отвергая требования судебной комиссии пояснить содержание «забранных у него бумаг», в очередной раз попытался дезавуировать слухи о своей душевной болезни: «Я всегда видел себя хорошо и теперь вижу, слава богу не в безумии...» [3, с. 20]. Настойчивое желание Е.О. Грузинова избежать ярлыка безумца свидетельствует о широком распространении подобной оценки его поведения и убеждений среди населения Черкасска.

Суд над Е.О. Грузиновым завершился уже 16 августа 1800 г., однако, следствие было продолжено с целью установления его сообщников и выявления возможного заговора. Соответственно, продолжались допросы, теперь уже лиц, контактировавших с братьями Грузиновыми. На допросе 22 августа казак И. Колесников пока-

зал, что Е.О. Грузинов, говоря о тяжелом положении донского казачества, отмечал, что «земля казачья заселена слободами, а мы ничего не имеем, а только на один дом землю» [1, л. 67]. Указывал казак И. Колесников и на то, что Е.О. Грузинов «ругал притом в горячности матерно самого государя императора» [1, л. 67].

По материалам судебного дела Е.О. Грузинова видно, что о его сочинении знал только П.О. Грузинов, который в ходе допроса указал на то, что эти «зловредные бумаги» его старший брат писал «своей рукою» – то есть самостоятельно, без соавторов и единомышленников [1, л. 26]. В этой связи встречающийся в литературе взгляд на действия Е.О. Грузинова как на попытку организации казачьего бунта [20, с. 6] вызывает недоумение.

В соответствии с именованным указом Павла I Евграф Осипович Грузинов был приговорен к наказанию «нещадно кнутом». 5 сентября 1800 г. Е.О. Грузинов был выведен на эшафот, сооруженный на площади Черкаска. Если верить дневниковой записи очевидца – священника В. Рубашкина, – Е.О. Грузинову было нанесено более четырехсот ударов кнутом. Спустя час он скончался. Любопытны заключительные слова записи В. Рубашкина, следующие непосредственно за описанием экзекуции Е.О. Грузинова: «Да будет сие виновнику в наказание, а нам в памятование, да будем верны, почтительны и нелицемерны к Богу, закону, государю и отечеству» [4, с. 2].

Для имперских эмиссаров, занимавшихся сыском и возвращением беглых, и лояльных членов местного казачьего общества маркером преступности и девиации стали отдельные высказывания опального казака в отношении «новых» порядков на Дону, царской власти, казачьих привилегий, прав и свобод. При этом, если для «агентов» империи бранные слова Е.О. Грузинова в отношении царя и царской власти были свидетельством заговора, то донские казаки видели в полковнике отголосок изжитого и неактуального в новых условиях прошлого. Нет ничего удивительного в том, что разрушивший свою блестящую карьеру гвардейский офицер, не желавший принимать царские милости, живший на чердаке и произносивший крамольные и странные речи, был отвергнут окружающими. Общественный приговор Евграфу Грузинову, заключавшийся в признании его безумцем, роднит финал его жизненного пути с трагической судьбой другого известного российского сумасшедшего – Петра Яковлевича Чаадаева. Проведение этой параллели представляется значительно более перспективным, нежели рассмотрение жизни и взглядов Е.О. Грузинова в связи с «революционной идеологией Радищева» и становлением идейной платформы движения декабристов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области. Ф. 46. Оп. 1. Д. 101.
2. Гвинчидзе О.Ш. Братья Грузиновы. Тб., 1963.
3. Гвинчидзе О.Ш. Из истории общественного движения в России конца XVIII в.: (Евграф и Петр Грузиновы): Автореферат дисс... канд. ист. наук. Тб., 1958.
4. Дневник священника города Черкасска В. Рубашкина // Казачий вестник. 1883. № 13. 13 февраля.
5. Кавказская война: истоки и начало: 1770–1820 годы. СПб., 2002.
6. Карасев А.А. Казнь братьев Грузиновых 27-го октября 1800 г. // Русская старина. 1873. Т. 7. № 4.
7. Коршиков Н.С., Лесин В.И. Евграф Грузинов // Вопросы истории. 1987. № 7.
8. Коршиков Н.С., Лесин В.И. Записка Е.О. Грузинова – неисследованный источник по истории русской общественно-политической мысли преддекабристского периода // Источники по истории революционного движения на Дону и Северном Кавказе: (XIX – первая половина XX в.). Ростов- н/Д., 1989.
9. Лесин В.И. Бунтари и воины. Очерки истории донского казачества. Ростов-н/Д., 1997.
10. Лесин В.И. Силуэты русского бунта. М., 2007.
11. Люди земли донской: Очерки. Ростов-н/Д., 1983.
12. Наш край: Документы по истории Донской области: XVIII – начало XX вв. Ростов-н/Д., 1963.
13. Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-н/Д., 1961.
14. ПСЗ. Т. 23. СПб., 1830.
15. Рыблова М.А. Социокультурные трансформации на Дону: (XVI–XXI вв.) // Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-н/Д., 2008.
16. Сапожников А.И. Император Павел I и донская казачья старшина // Новый часовой. 1999. № 8–9.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987.
18. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17. Л., 1984.
19. Словарь русского языка. Т. 2. М., 1986.
20. Шолохов А.Г. О некоторых социально-экономических проблемах донского казачества в XVIII в. // Краеведческие записки / Новочеркасский музей истории донского казачества. Вып. 2. Новочеркасск, 1997.
21. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 2004.
22. Эйдельман Н.Я. Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз. М., 1991.

К.В. Купченко, Н.В. Никитина (Смоленск)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ДЛЯ ГОРОДОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ*

После окончания разрушительной Отечественной войны 1812 г. в социокультурном положении малых городов Смоленской губернии произошли значительные изменения. Из двенадцати уездов неприятелем было разорено восемь (за исключение Бельского, Рославльского, Сычевского и Юхновского).

По подсчетам дореволюционного исследователя В.М. Вороновского, Отечественная война унесла жизни 60 тыс. человек [1].

Полностью сгорел Гжатск, в нем были сожжены здания всех присутственных мест, 252 частных дома, 326 сильно обгорели. Уничтожена также была Гжатская пристань со всеми строениями. Убыток исчислялся в 5 800 332 рубля ассигнациями. В Вязьме уцелела только шестая часть строений. В Духовщине из 295 деревянных частновладельческих домов было сожжено и разорено 182, остальные сильно пострадали. Ущерб от разорения Дорогобужа был огромен: две трети города выгорело. Сгорело большинство торговых купеческих лавок, которые были деревянными. У каменных казенных торговых рядов сгорела деревянных крыша. Дорогобужский городничий уже 2 декабря 1812 г. обращался к Смоленскому гражданскому губернатору с просьбой дорогобужских купцов «занять ...казенные лавки... и с поправлением внутри только оных теперь на свой капитал» [2, л. 4 об.]. Половина зданий выгорела в Красном и Поречье. В Красном за время военных действий было убито, умерло или выехало в неизвестном направлении 23 из 53 купцов, 200 из 500 мещан [5, л. 46]. До нашествия Наполеона в этом малом городе было 209 купеческих и мещанских домов, после войны сохранилось только 112 домов, «да и те так разорены», что жить в них невозможно. Как писал в своем отчете краснинский городничий: горожане «скитаются по чужим домам и деревням», купцы «по чрезвычайной дороговизне не могут заняться торгами» [5, л. 59–60]. Две казенные мельницы были разорены неприятелем до основания [5, л. 2, 39]. В 1812 г. Поречье было сожжено, из 324 строений уничтожено 217.

* Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-67005 а(p)

В Духовщине пострадало 87 лавок и 115 обывательских домов, убыток жителей города составил 350 тыс. рублей [4, л. 1 об.].

Общая сумма убытков от разорения городов губернии в 1813 г. была определена в 20,5 миллионов рублей [1, с. 320]. Правительство предоставило жителям разоренной губернии значительные льготы. Манифестом Александра I недоимка по сбору налогов с жителей губернии за 1812–1813 гг., составляющая 93 тысячи 487 рублей, была прощена [8, л. 225 об.]. Со всех жителей губернии этим же указом было списано около 3 миллионов рублей. В том же году дворяне губернии получили «без возврата» 212 600 рублей и 1 145 700 рублей в виде беспроцентного кредита на 20 лет (прощенного в 1841 г.). Бедным обывателям «в виде подаяния» казна выделила 85 210 тыс. рублей. Раздачей этой суммы занималась супруга смоленского губернатора [3, л. 7].

Особенно сильный удар от разорения испытало купечество малых городов. В 1813 г. смоленский городской голова Верзин просил выдать ссуду купечеству два с половиной миллионов рублей, но правительство отказало [9, л. 63]. Однако, 23 февраля 1816 г. Александр I «повелел состоящую на купцах и мещанах городов Смоленска и Гжатска по 1 января 1815 года недоимку простить и не взыскивать» [8, л. 84]. В апреле 1817 г. новый городской голова И.В. Филимонов составил на имя графа А.А. Аракчеева записку о способах, которые могли способствовать восстановлению города. Самым важным для купцов обстоятельством он считал то, что две смоленские ярмарки (в январе и августе) после окончания войны не проводились. Этот факт городской голова объясняет тем, что разорением жителей губернии «воспользовались поляки и наиболее евреи», которые способствовали созданию новых ярмарок в Могилевской губернии в помещичьих селах Любавичи и Хиславичи. Основные торги были перенесены туда. Они собирали купцов из Москвы, Калуги, Ярославля. Филимонов просил разрешения высшего начальства о возвращении этих торгов в Смоленск [3, л. 2–4].

К середине 1814 г. в купечество малого города Вязьма записалось только 15 семейств, причем только в 3-ю гильдию [9, л. 24]. В рославльском купечестве в этот же период оказалось только 29 человек, также записанных в 3-ю гильдию [10, л. 40]. В Ельне объявили капиталы, достаточные для записи в 3-ю гильдию 2 человека (Парфен Федорович Ярцов, Трофим Иванович Кузменков), в Духовщине – 1 человек (Иван Иванович Савостеев), в Красном – 6 человек (Антон Саввич Щелкин, Иван Карнеевич (фамилия не читается), Максим Григорьевич Дубинин, Андрей Лукьянович Басаргин, Тит Ильия Прудников, Макар Исаевич Ковальков), в Крас-

ном – 6 человек, в Сычевке – 1 человек. В Поречье в купечество 3-й гильдии записалось 23 городских жителя [9, л. 7–14 об].

Краснинские купцы и мещане долго не могли оправиться от разорения, вызванного нашествием Наполеона. В 1820 г. «розничный торг более в 1000 рублей» производили только три купца 3-й гильдии (Антон Щелкин, Тихон Прудников, Андрей Басаргин) и пять мещан (Степан и Иван Ивашкевичи, Демьян Щелкин, Форма Смолен, Николай Волков) [6, л. 12]. Капиталами в 1000 рублей обладали 16 мещан [6, л. 12]. В 1824 г. купцов 3-й гильдии осталось только 2 человека, в 1825 г. – 10 человек [12, л. 171–172], в 1828 г. – 13 человек [13, л. 23]. В городе собиралась ежегодная ярмарка, которая действовала в течение трех дней со дня празднования Сошествия Святого Духа [13, л. 7]. В конце 20-х гг. XIX в. в малом городе Красном был создан пивоваренный завод купца Захара Пивоварова, который имел «медный котел на 31,5 ведро» [13, л. 21]. Он же открыл в наемном доме краснинского мещанина Ивана Краткевича «портерную лавочку» для продажи произведенного на заводе пива. В городе действовала даже одна гостиница, которую содержал «при почтовом доме» могилевский мещанин Иван Бианки [13, л. 126 об.].

В послевоенный период начинается резкое падение торговли и сокращение торговых оборотов гжатских купцов. Упадок экономики Гжатска резко углубился после крупного наводнения 1836 г., в результате которого было уничтожено значительное количество барж гжатских купцов. После открытия в 1851 г. Николаевской железной дороги падение значения Гжатской пристани продолжилось. Резкое обмеление реки Гжати, начавшееся с середины XIX в. значительно сократило судоходство по реке. Если в 30-х гг. из Гжатска уходило до 150 судов, которые доставляли с Петербург товаров на сумму более 4,5 миллионов рублей, что в 1856 г. от Гжатской пристани отошло 38 судов, нагруженных товаром на сумму 250 тысяч рублей. Объемы ярмарочной торговли существенно сократились. В 20–30-х гг. оборот ярмарки достигал в некоторые годы 500 тыс. рублей, то в 1857 г. на нее было привезено товаров на сумму 10900 рублей, а реализовано лишь на 3100 рублей. Сокращение ярмарочной торговли были следствием развития новых форм торговли – рыночной и лавочной. Но в середине XIX в. гжатское купечество по-прежнему занимало первое положение в губернии по сумме купеческих капиталов.

Аналогичный процесс переживала и промышленность Гжатска. Упадок начался в 1812 г. Были разрушены и прекратили существования мануфактуры купцов Самбунова и Чешихина, некоторые бумаготкацкие и кирпичные предприятия. В 1847 г. в городе

числилось 8 промышленных заведений, на которых работало всего 23 рабочих. Годовой объем производства их равнялся 3912 рублей. В 1857 г. число промышленных предприятий выросло до 9, но объемом произведенной продукции вырос в 4 раза [16, с. 374]. Все это не могло не отразиться на росте народонаселения Гжатска. С 1833 по 1855 г. прирост населения составил около 550 человек, то есть около 14 %. В основном, он происходил за счет дворянства, число которого увеличилось более чем в 5 раз. Рост численности купечества не только не происходил, наоборот, число купцов 1 и 2 гильдий сократилось с 24 в 1835 г. до 2 в 1862 году [17, с. 13].

Поречье долго сохраняло значение крупного перевалочного пункта торговли с Ригой, но с открытием в 1868 г. Риги-Орловской железной дороги и обмелением р. Каспи его значение резко упало. Переживала кризис и торговля бельских купцов. В сер. XIX в. «главный торг с Рижским портом производят преимущественно иногородние купцы, и только немногие из бельских», – отмечал современник [7, л. 107]. Большинство бельских купцов служили у иностранных комиссионеров. Бельские мещане занимались мелочной торговлей, «но большая часть из них занимаются хлебопашеством, а весной они ходят на барках и плотах в Ригу, но вообще не обеспечены достатком» [7, л. 106 об.]. В Духовщине в сер. XIX в. не было ни одного промышленного заведения [4, л. 4 об.].

Военная кампания 1812 г. и связанное с ней разорение местного дворянства, купечества и мещанства стали серьезным препятствием в деле восстановления работы уездных училищ. Все каменные здания уездных училищ, кроме рославльского и смоленского были уничтожены вместе с имуществом училищ. Благодаря самоотверженности штатных смотрителей и учителей часть имущества была сохранена, они смогли возобновить работу. Поречский штатный смотритель сумел сберечь библиотеку и учебные пособия, но, по словам директора гимназии Л.Ф. Людоговского, «малая часть из того найдена после отхода французов» [7, л. 3 об.]. Рославльский смотритель Подолецкий вывез библиотеку и «прочие училищные пособия в Орел, и они сохранились полностью». В Гжатске «библиотека, учебные книги и физические машины» были сохранены учителем Прокопием Дмитриевичем Корейшей. Вяземским штатным смотрителем капитаном Александром Степановичем Жиркевичем имущество уездного училища доставлено в Московский университет, но там и сгорело. В Поречье уездное училище возобновляет свою работу раньше всех других в Смоленской губернии – 12 февраля 1813 г., затем начинает работу рославльское уездное училище – в марте 1813 г. До осени 1813 г. в здании училища в Рославле рас-

полагался лазарет, поэтому учитель Александр Четыркин «из особого усердия» предоставил в своем доме две комнаты для размещения классов [7, л. 2 об, 9 об.]. В наиболее разоренных малых городах губернии – Вязьме и Гжатске занятия в уездных училищах возобновились только в сентябре 1814 г.

В первое десятилетие после войны в Смоленской губернии продолжали действовать 3 малых народных училища в Дорогобуже, Сычевке и Белом. Единственная школа, в которой занятия во время военных действий не прекращались, располагалась в Сычевке. В Белом малое народное училище возобновило свою деятельность 12 февраля 1813 г. Книги, которые не были вывезены из города, пропали во время войны. Располагалось училище в нанятом городской думой деревянном доме [7, л. 3 об., 13 об.]. В Дорогобуже дом городского магистрата, в котором располагалось училище, был сожжен французами, но библиотека из 174 книг «соблюдены» учителем Андреем Щировским. После войны училище располагалось в 2-х комнатах собственного дома учителя с 1813 по 1820 г. С 1820 г. оно разместилось в двухэтажном каменном доме, купленном почетным смотрителем И.И. Барышниковым [11, л. 8 об.]. 13 марта 1813 г. возобновили свою работу оба Рославльских приходских училища – «сборное» (с 1815 г. стало именоваться градским) и «дворянское». Располагались они в отдельных деревянных флигелях, построенных на деньги городского общества и дворянства бесплатно. Гжатское приходское училище начало занятия 28 сентября 1814 г. вместе с уездным училищем.

В целом учреждения светской казенной школы в малых городах губернии возобновили свою деятельность только к сентябрю 1814 г. С этого времени начинается рост числа казенных учебных заведений. В 1814 г. во всех уездных и малых народных училищах губернии обучалось 237 мальчиков. За 5 лет, к 1819 г. число учеников училищ выросло в 2 раза до 467 человек, из них было 12 девочек.

В малых городах Ельня, Красный, Духовщина до 1812 г. не было создано казенных учебных заведений. В Ельне решался вопрос об открытии уездного училища в 1813 г., когда уездный предводитель дворянства Геденов вызвался за свой счет построить здание и снабдить книгами и пособиями на сумму 250 рублей. Но по неизвестным нам причинам открыто оно не было. Рост числа казенных училищ в Смоленской губернии начинается только в 20-х гг. XIX в., когда были преодолены последствия разорения губернии во время Отечественной войны 1812 г.

Разоренная дворянство, купечество и мещанство малых городов губернии не смогли поддержать свои довоенные инициативы, и

часть учебных заведений была закрыта. Печальна история «класса коммерческих наук» наглядное тому подтверждение.

Итак, опустошительные пожары и грабежи превратили Смоленск с уездными городами и селениями почти в сплошную выжженную пустыню, вызвав дезорганизацию экономики и всей общественной жизни на долгое время. По словам Даву, наполеоновскими войсками при их отступлении в октябре 1812 г. было «все расхищено и погублено» [15, с. 122].

В «Письмах русского офицера» Ф. Глинка так описывает состояние города: «Я видел разорение моей родины и слышал тяжкие вздохи ее. Повсюду пепел и разрушение! Город весь сквозной; дома без кровли, без окон, без дверей. Пустота пугает; ветер свищет среди обгорелых стен; по ночам кажется, что развалины воют. В деревнях ничего не слышать, кроме стога и жалоб» [14, с. 64]. А.И. Михайловский-Данилевский писал, что «...все без исключения села и деревни, лежавшие на дороге, были сожигаемы. Имея на то повеление, войска исполняли его с истинным ожесточением, выламывали в домах окна, кидали в них горящие головни, патроны с порохом, даже патронные ящики, тешась взрывами их. Не было возможности дышать от дыма пожаров и гнивших трупов» [15, с. 123].

Полностью восстановиться от разорения 1812 г. Смоленская губерния смогла только в 30-е годы XIX в. при огромной поддержке со стороны государства, однако серьезным подспорьем в этом процессе стала дворянской и купеческой инициатива.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Вороновский В.М. Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб. 1912.
2. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 (1813). Д. 87
3. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1 (1817). Д. 5
4. ГАСО. Ф. 1. Оп. 3 (1845). Д. 217
5. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1813). Д. 4
6. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1820). Д. 40
7. ГАСО. Ф. 112. Оп. 1 (1863). Д. 6
8. ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1 (1816). Д. 25
9. ГАСО. Ф. 2. Оп. 15 (1814). Д. 623
10. ГАСО. Ф. 2. Оп. 2 (1814). Д. 15
11. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1 (1812). Д. 1
12. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1825). Д. 64
13. ГАСО. Ф. 1069. Оп. 1 (1828). Д. 78
14. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М., 1990.

15. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. М., 2007.

16. Цебриков М.М. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба // Смоленская губерния. Т. 21. СПб., 1862.

17. Экономическое состояние городских поселений Европейской России. Смоленская губерния. Ч. 2. СПб., 1863.

В.А. Абраменко (Ростов-на-Дону)

ОБ ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К МАНИФЕСТУ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г. (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ НА СТ. КАВКАЗСКОЙ)

События 1905 г. оказали сильнейшее влияние на российское общество. Наиболее значительным из них в модернизации и либерализации общественной жизни стало издание Высочайшего Манифеста об усовершенствовании государственного порядка, даровавшего населению Российской империи демократические права и свободы.

Среди историков особый интерес вызывает тема массового насилия в период революции 1905–1907 гг. Исследователь С.А. Степанов указывает на то, что «погромы не имели исключительно этнической направленности – их жертвами становились прежде всего интеллигенты, студенты – все те, к кому подходило определение «демократ» и кого толпа заставляла целовать царские портреты» [6]. Историк М.А. Размоловин обоснованно предположил, что насилие стало возможным из-за самоустранения местных властей от пресечения волнений по причине отсутствия внятной позиции правительства по вопросу немедленного применения положений Манифеста 17 октября [4]. В советской историографии сложилось устойчивое представление о применении армии и казаков в период массовых выступлений в 1905 г. как о насильственном подавлении революционных народных движений [5].

Воспоминания и оценки современников и историков важны для формирования представления об отношении российского общества к содержанию Манифеста 17 октября. В то же время следует учитывать то обстоятельство, что любой социум включает две неотъемлемые части – немногочисленная элита и массы. Взгляды пред-

ставителей этих составляющих российского общества не являлись тождественными. Культурологический разлом в России фиксируется с XVIII в., когда западноевропейские обычаи и нормы активно замещают традиционные в культуре русского дворянства. Историк И.П. Филевич, характеризуя на рубеже XIX–XX вв. дуализм российского общества, отмечал, что «народность – понятие не новое, но лишь в сравнительно недавнее время оно распространилось на всю народную массу, прежде не обращавшую на себя внимания» [7, с. 1] образованного общества. К началу XX в. можно говорить о существовании параллельно элитарной и народной культур, обладающих специфическим массовым сознанием и исторической памятью. Указанные выше концепции и оценки событий 1905 г. позволяют охарактеризовать позицию представителей интеллектуальной элиты, которая оставила потомкам многочисленные памятники общественной мысли в форме исторических исследований, литературных произведений и личных воспоминаний. Исследователи, в первую очередь, обращаются именно к этой группе источников. Для формирования максимально объективной картины следует выявить, каким образом оценивало дарованный Манифест и как понимало его содержание большинство населения Российской империи – крестьяне, мещане, казаки, рабочие.

Решить эту задачу может помочь анализ источников, посвященных описанию ситуации непосредственно в дни обнародования Манифеста. К сожалению, в отличие от представителей интеллигенции и деятелей общественной мысли, информация о мировоззренческих установках обывателей крайне редко фиксируется в архивных материалах. Определенная часть подобных сведений успешно введена в научный оборот. Эти документы позволяют отметить значительный интерес населения России к судьбоносным для страны событиям. Во многих населенных пунктах воодушевленные жители проводили митинги и демонстрации в середине октября 1905 г. Особую активность в этом проявили рабочие. В то же время, описание подобных фактов не позволяет оценить глубину понимания идей, изложенных в Манифесте 17 октября, большинством населения России.

Достаточно информативным материалом для характеристики восприятия идей либерализации и демократизации в сознании различных социальных слоев населения России являются документы, касающиеся трагических событий в хуторе Романовском Кавказского отдела Кубанской области, разыгравшихся 19–20 октября 1905 г. Сведения об указанном происшествии находятся в Государственном архиве Ростовской области в фонде № 26 «Управление Владикавказской железной дорогой Отдела путей сообщения Все-

великого войска Донского, г. Ростов-на-Дону, 1869–1924 гг.» в нескольких отдельных делах.

Особый интерес для исследователей представляет детальное описание событий, изложенное в рапорте заведующего Кавказским железнодорожным училищем Г. Разсветаева от 25 октября 1905 г. № 171 на имя заведующего учебной частью общества Владикавказской железной дороги [3, лл. 42–44 об]. Документ имеет следующее содержание:

«Доношу Вашему Высокородию о печальных событиях, имевших место во вверенном мне училище 19 сего октября. Высочайшим Манифестом, возвещавшим свободу русскому народу, дошла до нас 18 октября. Все служащие станции Кавказской выражали эту радость в демонстрациях и манифестациях, к которым примыкали и учащие. Учащие на собрании своем в тот же день постановили устроить на следующий день 1900 школьный праздник по поводу радостных событий и решили ознакомить учащихся с Манифестом и пройти с ними праздничным шествием по улицам хутора Романовского. (Шествие предполагалось с цветами и зеленью, с флагами и пением школьных песен).

Так как на 19-е (нам стало известно) предполагалась манифестация рабочих, то мы нашли нужным отложить школьную процессию до следующего дня, собрать всех учащихся в общий зал мужского училища, ознакомить с содержанием Манифеста и освободить от занятий.

Чтению Манифеста мною были предпосланы объяснения значений тех свобод, которые дарованы Манифестом, и в заключение все учащиеся спели народную песню «Воля».

Во время пения слов «Знать горячая молитва долетела до Царя», встретилось затруднение: одни учащие пели – долетела до Царя, а другие – до Творца.

Учительница Прасковья Григорьевна Дугенцова пояснила, что будем петь до Творца, так как с молитвой мы обращаемся к Творцу–Богу.

Учащиеся принесли домой неверное истолкование поправки, внесенной учительницей Дугенцовой, что та будто бы говорила, что Царя не надо.

Тотчас же, как дети пришли домой, несколько человек родителей с толпой, ничего общего с училищем не имеющей, пришли на школьный двор и с дикими криками, не желая слушать никаких объяснений, заявляли недоверие к действительности такого Манифеста, требовала выдать им на растерзание учительницу, не признающую Царя и заведующего, допустившего это в школе; затем

стали трепать и бить учительниц и учителя, пытавшихся дать объяснение и пробовали врываться в квартиры учащихся.

Более благоразумные родители потребовали бунтовавших удалиться со школьного двора и требование это было исполнено. Возбужденная толпа с угрозами пошла громить служащих железной дороги, оказывавших защиту учителям. В это время был пущен слух, что учительница разорвала портрет государя.

Дугенцова, напуганная разъяренной толпой, переодевшись в мужской костюм, чтобы найти себе более верное убежище, чем школьные квартиры, выбежала незамеченная никем из учащихся и попала в толпу, в которой нашлись узнавшие ее. Дальнейшие сведения сообщая со слов очевидцев. Дугенцова, под влиянием угроз со стороны толпы, бросилась к казакам, стоявшим поблизости.

Из толпы слышалась ругань, один кондуктор ударил даже Дугенцову по лицу, но сам получил по голове прикладом; один казак хлестнул ее плетью, за что и был наказан, по словам офицера. Толпа была на этом месте разогнана.

Дугенцову повели казаки с офицером на платформу к пассажирскому вокзалу где был атаман отдела полковник Братков. Из толпы обратился к Браткову кондуктор с требованием расстрелять или убить, или бить Дугенцову. В это же время на платформе появилась процессия с портретом Государя. Процессия эта подошла к Браткову и остановилась. Дугенцову подвели к портрету. Она стояла, как статуя, лицо ее выражало страх и нестерпимые страдания. На портрет она не смотрела и ничего не говорила. Братков сказал ей: «Такая хорошенькая (или что-то в этом роде) мадмуазель и чем занимаетесь». Толпа между тем росла, кондуктор какой-то требовал казни. Дугенцова будто сказала: «Арестуйте же меня!» Просто-яла она около портрета не менее получаса. Потом Братков приказал помощнику станичного атамана отвести ее в управление. Один из бывших тут офицеров указал на необходимость конвоя-охраны. На это Братков сказал: «Дайте человек 5–6». В сопровождении этих 5–6 казаков и повели Дугенцову по платформе и как только свернули за угол вокзала (тут же около платформы), сопровождавших казаков толпа стала теснить. Казаки обратились к Браткову за приказанием: «Нас теснят, что делать?» Братков приказал уйти. Через 2–3 минуты Дугенцова была убита, и Братков об этом сообщил офицеру, стоявшему с казаками (около сотни) на платформе, почти рядом.

Дугенцова сразу не умерла и около часу лежала на том самом месте, где ее били и стонала. Только через час с лишним приказано было подать носилки и унести ее. Прожила она часов до 6 с часу дня и умерла не приходя в сознание. Труп Дугенцовой Братков хотел от-

править в станицу Казанскую, но следователь задержал и когда будут похороны неизвестно.

Озверевшая толпа убийц посылала угрозы расправиться также и с остальными учащими и разгромить школу. Видя себя совершенно незащищенными, учащие скрылись кто куда мог, а ночью сошлись под охраной деповских рабочих и учащихся старших отделений. К утру 20 все население хутора Романовского, прилегающего к станции, гремело, что Манифест подложный, его выдумали поляки и учителя, а потому угрозы надвигались более ужасные.

Многу были приглашены законоучителя священник Петр Феодоровский и священник Георгий Златорунский, чтобы отслужить в школе молебен, удостоверить этим действительность Манифеста и вместе подействовать на разнузданную толпу пастырским словом к умирению беспорядков.

Священник Златорунский, потрясенный ужасной смертью несчастной Дугенцовой, был болен, а священник Петр Феодоровский положительно доводил до обиды, до панического страха, говоря также, что никакой свободы не нужно и не может быть такого манифеста, потому, что в нем нет надобности, это потому что в нем нет надобности, это выдумка (хотя в ту же ночь им получена телеграмма с предложением прочитать Манифест прихожанам хутора Романовского и служить благодарственный молебен) и повторял те обвинения—слухи, которые были пущены улицей.

По особой просьбе моей и распоряжению начальника Тихорецко-Кавказского жандармского отделения полковника Мартоса в тот же день был отслужен молебен в школе священником Михаилом Архангельским, который после молебна вместо успокоительного пастырского слова к детям, совершенно безосновательно, возбужденным голосом стал обвинять учащихся в том, что будто нами мало обращалось внимания на развитие сердца и воли в детях, что развивали только ум, не ходили в церковь — просто натравливал на учителей и если бы здесь было много посторонних, то трудно предположить, что бы мы не были здесь же избиты.

На слова священника я ответил, что имею что ответить. Но считаю объяснения в данный момент неуместными, и его слова неудобными.

После молебна в школе дети были отпущены, а мы, учащие, по нашей настойчивой просьбе, все 9 человек, некоторые с семьями, кроме одного товарища Звергаева, сидевшего в хуторской кордегардии, и учащихся Малинина, Бетафуро и Мирониной, не пожелавших ехать, под охраной 10 вооруженных казаков и трех жандармов, по распоряжению жандармского полковника Мартоса с наше-

го согласия, отправлены в г. Ставрополь в особом поезде в то время, когда все население хутора было на общем молебне, где должно было быть чтение Высочайшего Манифеста. Все мыслящее в Романовском хуторе (пишу со слов письма ветеринарного врача станицы Кавказской Крутикова) заявляет, что Дугенцова выдана на растерзание толпе Братковым. Имеются точные показания и знают лиц, которые могут подтвердить, что действительно Братков во всем виноват. Следствие начато, но из принимавших участие в убийстве никто еще не арестован.

Сообщая об этом несчастье, прошу обратиться к административной защите предания виновных в руки правосудия. От родителей же, которые до сих пор относились к нам только с уважением требовать, чтобы они обеспечили учащим полную неприкосновенность, иначе мы не можем возвратиться к занятиям и продолжать их спокойно».

Описанные события стали причиной временного закрытия мужского и женского Кавказских училищ с 19 октября 1905 г. по распоряжению Дирекции народных училищ. Эти учебные заведения стали первыми среди училищ Владикавказской железной дороги, прекративших работу вследствие массовых волнений на Юге России. Остальные были временно закрыты перед праздником Рождества Христова. Занятия должны были возобновиться 9 января, однако, вследствие размещения в зданиях школ воинских подразделений, начаты были позднее из-за необходимости ремонта. Кавказские училища были вновь открыты 12 января 1906 г. [1, л. 6].

Повторное открытие учебных заведений в хуторе Романовском было сопряжено с рядом объективных трудностей, на которые указывает начальник 4-й дистанции в ответе от 19 ноября 1905 г. № 1525 [3, л. 56] на запрос правителя дел канцелярии Управления Владикавказской железной дороги от 18 ноября 1905 г. № 18303:

«На Ваш запрос относительно Кавказского училища, имею честь сообщить, что занятия еще не начались. Некоторые учителя и учительницы заявили, что они не могут заниматься в Кавказском училище, благодаря пережитому ими потрясению. До сих пор, насколько мне известно, назначения на место выбывающих из Кавказского училища не состоялось».

Учителя, потрясенные страшной и совершенно безвинной гибелью коллеги, не спешили возвращаться на прежнее место службы, хотя, к середине ноября ситуация в хуторе Романовском стабилизировалась.

В телеграмме от 29 октября 1905 г. № 2954 [3, л. 46] из Кавказской в Ростов Управлению Владикавказской железной дороги докладывали:

«По соглашению с полковником Мартосом составлена охрана станции Кавказской из пятидесяти вооруженных служащих и рабочих. Охрана распространяется не только на станционную территорию, но и на живущих в хуторе служащих и мастеровых. По соглашению с атаманом отдела в хутор назначен разезд патрулей и установлена правильная связь. Нашей охраной и полицией беспаспортные из хутора немедленно уволены. Служащие успокаиваются и нормальный ход работы восстанавливается. Для полного успокоения желательно возможно скорее открытие Кавказского железнодорожного училища».

В своем докладе заведующий учебной частью Учебного отдела Управления Владикавказской железной дороги от 7 ноября 1905 г. № 04453 [3, л. 55] на имя Управляющего дорогой И.Д. Иноземцева, подчеркивает спокойствие и стабильность на станции:

«В дополнение к личному моему докладу о положении Кавказских железнодорожных училищ после происшествий 19–20 октября сего года, при сем имею честь представить Вашему Превосходительству постановление общего собрания родителей учеников и учениц названных училищ и доложить, что все учащие вернулись к месту службы, хотя занятия с детьми инспектором Народных училищ 2-го района Кубанской области пока не открыты.

Для открытия занятий и правильного их ведения в будущем я выезжаю на станцию Кавказская».

Текст Постановления общего собрания родителей служащих всех служб станции Кавказской, имеющих детей в Кавказском училище, от 31 октября 1905 г. [3, л. 57–58] гласит:

«Несчастный случай, имевший место 19 октября в училище на нашей станции, поставил учителей и учительниц в необходимость оставить занятия в школе и выехать для сохранения жизни, которой угрожала разбушевавшаяся часть населения, в г. Ставрополь.

На сходке 31 октября мы служащие всех служб как родители обучающихся в школе детей, разобрав все обвинения возводимые на учителей и учительниц слухами пущенными улицей, признали таковые обвинения вымышленными, достоинство же учителей и учительниц наших педагогов и людей в высшей степени уважаемыми и через посредство избранных из нашей среды от всех служб делегатов решили просить учителей и учительниц, возвратиться к нам в школу для продолжения занятий обещая им гарантировать полную неприкосновенность их личности».

Указанное Постановление дополнено подписями на 2 листах.

Из содержания предшествующих документов очевидно, что прибытие высокопоставленного чиновника не оказало позитивно-

го влияния на решение сложившейся ситуации. Причина заключалась, очевидно, не только в испытанном учителями шоке от произошедшей на их глазах трагедии, но и во все шире разворачивающихся социальных волнениях в южных губерниях.

На Кавказской в начале 1906 г. в документах не зафиксировано крупных выступлений. Видимо на ситуацию в хуторе Романовском оказали влияние последствия событий середины октября 1905 г. При этом, становится вполне понятным тот факт, что учителя не спешили возвращаться на станцию, на которой недавно имел место бунт, наблюдая обстановку в городах и станицах Юга России.

Анализ фактов, касающихся восприятия рядовыми жителями хутора Романовского оглашения самого текста Манифеста 17 октября и понимания содержания его положения, важен и в силу их информативности. Хутор Романовский можно рассматривать как населенный пункт, в котором сосредоточены в достаточном количестве представители основных групп населения, мировоззрение и политические взгляды которых оказывали в дальнейшем определяющее влияние на судьбу России. Через хутор пролегла железная дорога, при дистанции располагались железнодорожные мастерские, что однозначно указывает на значительный процент рабочих и служащих. В Кубанской области традиционно развивалось сельское хозяйство, которым занимались казаки и крестьяне. Соотношение детей рабочих и казаков в Кавказском железнодорожном училище было приблизительно равное, на что указывал при встрече с Председателем правления общества Владикавказской железной дороги В.Н. Печковским атаман Кавказского отдела И.Е. Булыга [2, лл. 4–4 об], сменивший полковника Брагина. С большой долей вероятности можно сделать вывод о приблизительно равном соотношении этих социальных групп среди жителей хутора Романовского.

В документах достаточно подробно описано участие представителей разных социальных слоев в событиях 19–20 октября 1905 г. Очевидно, что к моменту издания Манифеста в российском обществе еще не сформировалось однозначного стереотипного отношения к монархизму, демократическим и либеральным ценностям. Из представленных выше документов можно выделить такие, характерные для российского общества в целом черты, как впитанное за века уважение к государственной власти и консерватизм во взглядах. На начальной стадии конфликта в хуторском обществе имелось немалое число жителей, которые стремились защитить учительницу, но после инцидента с портретом Николая II, все жители объединились в своем решении наказать смутьянку. Позднее также совместно, без каких-либо социальных и классовых различий, жители

формулируют свое отношение к возникшей проблеме. Причина трагедии заключается в неподготовленности российского общества к восприятию новых социально-политических идей и нежелании традиционных духовных авторитетов разъяснить сложившуюся ситуацию в России. Социальный взрыв в хуторе Романовском непосредственно в дни обнародования Манифеста и трагизм ситуации стимулировал этот небольшой социум более подробно вникнуть в содержание документа. Это впоследствии способствовало относительно спокойствию в Кавказском отделе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 26. Оп. 1. Д. 128.
2. ГАРО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 339.
3. ГАРО. Ф. 26. Оп. 4. Д. 261.
4. Размолодин М.А. Некоторые мысли по поводу т.н. «еврейских погромов» [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2010/gazm_pogromy.php (дата обращения: 20.01.2019)
5. Спирин А.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (нач. XX в. – 1920 г.). М., 1977. 364 с.
6. Степанов С.А. Черносотенные союзы и организации // Политические партии России: история и современность / Под ред. проф. А.И. Зевелева, проф. Ю.П. Свириденко, проф. В.В. Шелохаева. М.: РОС-СПЭН, 2000. 631 с. [Электронный ресурс]. URL: http://read.virmk.ru/p/puty_rus/02.htm (дата обращения: 20.01.2019)
7. Филевич И.П. По поводу теории двух русских народностей. Львов: Издание «Галицко-русской Матицы», 1902. 59 с.

Л.В. Табунщикова (Ростов-на-Дону)

СВЯЩЕННИК КОНСТАНТИН ВЕРЕЦКИЙ – ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ЖЕРТВ «КРАСНОГО» ТЕРРОРА НА ДОНУ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В настоящее время известны несколько волн репрессий донского духовенства со стороны советской власти. Первые жертвы мы встречаем в годы Гражданской войны, когда священнослужителей убивали без суда и следствия. Захватив власть, большевики были уверены в скорейшем отмирании Церкви как социального институ-

та. С их точки зрения достаточно было физически уничтожить священнослужителей – и дни Церкви закончатся. Как результат подобного «штурма и натиска» мы имеем отсутствие следственных дел того периода, позволивших бы пролить свет на детали данных репрессий. На Дону первыми жертвами большевистского террора стали ростовские священники Константин Верецкий и Иоанн Талантов [4, с. 9; 5, с. 21], убитые в Ростове-на-Дону примерно в одно время. Всего на настоящий момент известно более 20 имен пострадавшего донского духовенства в годы Гражданской войны [8, с. 158].

Следующая волна репрессий связана с кампанией по изъятию церковных ценностей и внедрению обновленческого раскола 1922 г., преследовавшая цель расколоть и скомпрометировать донское духовенство. Новый удар по донскому клиру приходится на 1929–1933 гг. – период коллективизации и индустриализации, когда впервые появляются «массовые» т.н. «контрреволюционные» церковные организации. «Большой террор» конца 1930-х гг., пик которого приходится на 1937–1938 гг., почти завершил дело уничтожения духовенства как «класса» – на всю огромную Ростовскую область оставалась из более чем 900 церквей дореволюционного времени одна действующая церковь в х. Обуховка Азовского района [7, с. 654]. Данная статья посвящена первому периоду гонений, а именно – гибели священника ростовского храма Всех Святых 10 февраля (по ст. ст.) 1922 г.

Константин Верецкий родился 21 мая 1874 в с. Пятихатки, Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области Украины), в семье священника. Его отец, дед, прадед, а также братья избрали путь служения церкви. Отец Константин стал священником уже в пятом поколении [5, с. 5]. Верецкие служили в Ростове-на-Дону и в уездах Екатеринославской епархии. Семья была многодетной. Во время учебы в Екатеринославской духовной семинарии Константин блестяще изучил богословские науки, однако священником он стал только в 37 лет, получив большой опыт преподавательской деятельности. После окончания в 1898 г. семинарии Верецкий был назначен законоучителем церковно-приходских школ Екатеринославской епархии. В 1900 г. он стал заведующим железнодорожным училищем при ст. Ясиноватая Екатеринославской железной дороги, одновременно преподавая там Закон Божий. В 1907 г. его назначили преподавателем в гимназии Фовицкого. Впоследствии он преподавал Закон Божий в нескольких учебных заведениях г. Одессы.

В 1911 г. Константин Александрович Верецкий переезжает на службу в местечко Ейское Укрепление. За время службы он часто

приезжал в Ростов-на-Дону, где служили его дяди и братья, здесь он впервые увидел свою будущую жену Евлампия Ивановну Орлову. Ее отец, Иван Николаевич Орлов, был бухгалтером Донского речного комитета, имел несколько домов в центре Ростова и считался состоятельным человеком. 26 августа 1911 г., когда Константину Александровичу исполнилось 37 лет, в Казанской церкви г. Ростова они обвенчались с Евлампией Ивановной [6, с. 12]. В 1911 г. на праздник «Введения во храм» Константин был рукоположен во диакона, и определен к месту своего первого служения – Свято-Троицкому храму с. Ейское Укрепление. Одновременно о. Константин получил назначение законоучителем Ейского народного училища. 28 ноября 1911 г. состоялось рукоположение его во священника. Вскоре, 18 июня 1913 г., Константин Верецкий был назначен священником в храм Всех Святых г. Ростова.

В это время в семье Верецких произошло несчастье – умер брат Константина Александровича, иерей Иоанн Верецкий. Он оставил семью с малолетними детьми на попечение о. Константина. В 1915 г. осиротевшая семья переезжает в Ростов-на-Дону к родному дяде, Константину, который становится им вместо отца. Семья Верецких поселяется на Шестой улице, недалеко от Всехсвятского храма, купив дом, что ныне по ул. Варфоломеева. По воспоминаниям внучатой племянницы, дом был большой, с внутренним двориком, увитом диким виноградом и розами, и мог вместить всю большую семью: и семью покойного отца Иоанна с четырьмя дочерьми, вдовой, с ее престарелым отцом и двумя тетушками и семью самого отца Константина [5, с. 5]. Помимо четырех приемных детей, Константин Верецкий воспитывал и родную дочь Елену, которая родилась 1 марта 1914 г.

В доме на Шестой улице отец Константин содержал всю большую семью. Дети получили хорошее образование, учились в епархиальном училище. Они знали в совершенстве иностранные языки, играли на различных музыкальных инструментах. В доме, когда собирались дети, двоюродные братья и сестры, часто музицировали, читали стихи, пели. Младшая, Татьяна, хорошо рисовала. Покровителем семьи Верецких и дома на Шестой улице считался Св. Александр Невский, его старинная икона висела в главной зале, перед ней горела неугасимая лампада. Эту икону хорошо запомнила внучатая племянница отца Константина – «небольшая, ярко-голубая, в старинном простом окладе и прекрасным ликом Св. Александра Невского с золотым нимбом» [5, с. 7].

В целом же семья Верецких жила так, как жили многие российские семьи в то время. Приход был большим, храм на богослуже-

нии всегда был полон. При церкви было организовано Православное братство, оказывающее помощь нуждающимся.

События страшного дня 10 февраля 1918 г. по ст. ст. или 23 февраля по н. ст. хорошо известны со слов регента хора Всехсвятской церкви, описавшего все это в газете уже после ухода большевиков [2, с. 2]. Отец Константин отслужил утром в храме службу и причастился. Отряды красноармейцев тогда только вступили в Ростов-на-Дону, и не успели их первые части пройти все улицы Нового Поселения, как десяток красноармейцев ворвался в сопровождении нескольких местных женщин и двух пьяных мужчин в дом о. Константина через черный ход в столовую, где отец Константин обедал с семьей. Красноармейцы приказали ему идти вместе с ними. Семья почти лишилась чувств. Отец Константин встал и сказал: «Вот, пришли мои убийцы, помолимся», после чего благословил старуху мать, жену, детей и в сопровождении красногвардейцев вышел из дому уже с парадного входа на Братский переулок [2, с. 2]. По словам близких, у о. Константина имелась возможность «откупиться» – у матушек были дорогие украшения – или попытаться уломить красногвардейцев не трогать его ради детей. Но он этого не сделал [6, л. 4]. Вокруг дома собралась большая толпа. По Братскому переулку о. Константина повели в сторону степи [4, л. 9]. Ответили его на окраину Нового поселения, где тогда сваливали нечистоты. Сопровождавшая толпа женщин кричала: «Так ему и надо» [9].

Пропустив отца Константина вперед, красноармейцы дали залп. С убитого тотчас сняли сапоги, сделали еще три контрольных выстрела, и оставили лежать на улице. Тело священника смогли похоронить только после того, как прихожане Всехсвятского храма, заручившись поддержкой благочинного Ростовского округа, обратились в штаб Красной армии и попросили разрешение на похороны [3, с. 243]. Расстреляли его на глазах у двух самых маленьких племянниц, которые побежали за ним. Младшая, Татьяна, кинулась на его тело, и ее долго не могли оттащить. Похоронили отца Константина на кладбище возле Церкви Всех Святых.

Память об отце Константине долго хранили прихожане и священнослужители Всехсвятского храма, а также многие из тех, кто знал его. В мае 1918 г., после освобождения г. Ростова-на-Дону от большевиков на заседании Приходского Совета настоятель храма Иоанн Жежеленко предложил построить памятник-часовню на месте убийства иерея Константина. Также было решено выделить на строительство 460 руб. из средств приходского Совета и открыть подписку для сбора пожертвований среди прихожан. Приходской Совет планировал по окончании строительства часовни поставить в

ней мраморную доску с именами всех убиенных во время Гражданской войны, также записать их имена в синодик и каждую субботу в 3 ч. пополудни (час смерти о. Константина) звонить к великой панихиде и совершать ее в храме Всех Святых.

Прихожане храма и Приходской совет долго поддерживали семью о. Константина. В течении нескольких лет его супруга Евлампия Ивановна получала в храме Всех Святых денежное довольствие [1, л. 4]. Тяжело жилось семье Верецких. Некоторые называли Верецких «поповским отродьем», но большая часть жителей любила и уважала их. Внучатая племянница о. Константина на всю жизнь сохранила воспоминание о необыкновенно вкусных пирожках, которыми подкармливала семью Верецких сердобольная соседка в голодные годы [5, л. 8].

Племянница отца Константина, Александра, впоследствии погибла в сталинских лагерях. Татьяна, свидетельница его трагической гибели, на всю жизнь осталась душевнобольной. Дом на Шестой улице (современный адрес – ул. Варфоломеева, д.182), кроме двух комнат, был реквизирован в 1920-е гг. Матушка отца Константина, Евлампия Ивановна, умерла 22 сентября 1953 г. в Ростове-на-Дону и похоронена на Братском кладбище. Дочь о. Константина, Елена, замуж так и не вышла. В церковь она ходила всю жизнь. Когда взорвали храм Всех Святых, Елена Константиновна стала ходить на службу в собор. Умерла она 26 сентября 1990 г. и похоронена на Северном городском кладбище.

Кладбище, на котором похоронили о. Константина, закрыли перед войной, а сама церковь была взорвана в 1966 г. под строительство Дворца спорта. По воспоминаниям очевидцев, «церковь вся ровно поднялась на воздух, как будто вся двинулась к небу, а потом плавно опустилась и рассыпалась на мелкие осколки... Люди кричали» [6, л. 9]. Один из прохожих, по воспоминаниям очевидцев, при виде разрушения духовного дома и необыкновенного произведения искусства скончался от разрыва сердца. После разрушения храма началось варварское разрушение кладбища. Могилы сравнивали с землей бульдозерами. Старожилы еще помнят, как мальчишки играли в футбол человеческими черепами. Взорвали ли могилу о. Константина, или она была перенесена на Братское кладбище – неизвестно. Последнее сомнительно, так как семья Верецких была очень бедной. Известно только, что могила его находилась около церкви Всех Святых. Предание об о. Константине хранится в семьях потомков уже более 90 лет.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 21. Д. 27.
2. Жукович-Стоша И. Из ужасов прошлого (письмо в редакцию) // Приазовский Край. 1918. 3 (16) мая.
3. За Христа пострадавшие: гонения на Русскую Православную Церковь, 1917–1956: Биографический справочник. Кн. 1-я. ПСТГУ, 1997.
4. Локерман А. «74 дня советской власти». (Из истории диктатуры большевиков в Ростове). Ростов н/Д.: Изд-во Донского Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей партии, 1918.
5. Росинская Е. В. «...И обрящете покой душам вашим». Ростов н/Д., 2016.
6. Росинская Е.В. Биографические сведения о жизни о. Константина Верецкого и его семьи. Рукопись. Из архива Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.
7. Табунщикова Л.В. К вопросу о фальсификации следственных дел донского духовенства 1930-х гг. // Государство, общество, Церковь в истории России XX века: Материалы XIII Международной научной конференции, Иваново, 12–13 марта 2014 г. В 2 ч. Иваново: Ивановский государственный университет, 2014. Ч. 1. С. 650–655.
8. Тер-Аракелянц В., иерей, Новиков А., иерей. Новомученики Церкви Русской на Дону // Научные труды Донской духовной семинарии и кафедры «Православная культура и теология» Донского государственного технического университета. Ростов н/Д.: ДГТУ, 2018.
9. Чехранов П. «Две тюремные Пасхи // Из воспоминаний» // http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_prz/2827dve.htm.

К.Р. Амбарцумян (Ставрополь)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1917–1922 гг.) *

Кавказская тематика относится в науке к разряду интенсивно изучаемых проблем социогуманитарного знания. Кавказоведение институализировалось в исследовательские центры в самых разных странах мира именно в связи с уникальностью региона, определя-

* Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», поддержанного РФФИ (18-09-00444).

ющей его особое историческое развитие и весомую роль в нынешней мировой политике. Ученые исследуют регион с позиций истории, политологии, культурологии, лингвистики, социологии и т.д. Развитие социогуманитарного знания диктует необходимость постоянного обновления методологического инструментария и применения новых подходов к изучению кавказской истории. Традиционная дипломатическая история уже не соответствует требованиям времени и уровню современной науки. Она линейна, требует строгой последовательности в изложении событий. Вписанные в логику строго выверенных причинно-следственных связей ведущими игроками являются государства со своими интересами. При таком подходе из поля зрения исследователя ускользает множество механизмов и факторов, не вписывающихся в традиционную исследовательскую модель [5, с. 54].

Большой интерес ученые проявляют к месту макрорегиона в системе современных международных отношений. Говоря о возможных методологических подходах к изучению сформулированной проблемы, необходимо остановиться на адаптации понятия «Большой Кавказ» к историческому исследованию. Прежде чем переносить его на исторический материал, следует прояснить, какие характеристики для исследователя будут иметь принципиальное значение. В политологии данная категория стала использоваться по аналогии с термином «Большой Ближний Восток», за которым стояло американское понимание единства региона и стремление реализовать в его пределах единую модель модернизации и демократизации. Употребление категории «Большой Кавказ» применительно к современному состоянию региона подразумевает исследовательское стремление продемонстрировать взаимосвязанность процессов, протекающих в различных частях макрорегиона, ныне разделенного государственными границами. Следует понимать, что единство региона основано не только на общей геополитике, внутренние связи гораздо сложнее и многообразнее, что позволяет говорить о социокультурном единстве очерченного пространства.

Использование столь емкой категории как «Большой Кавказ», которая объединяет Северный Кавказ, включенный в состав России, и Южный Кавказ, состоящий из трех независимых республик, способствует не только конструированию единой геополитической архитектуры региона. Принципиальное значение имеет его помещение в более широкие контексты, в том числе в ближневосточный комплекс проблем [см. напр.: 9]. Кавказ, будучи мостом между Европой и Азией, закономерно оказывается включенным в международные процессы, протекающие в обеих частях континента. С дру-

гой стороны, будучи своего рода транзитной территорией, Кавказ постоянно становился объектом влияния как региональных, так и внерегиональных акторов. Эта особенность определяла историю региона, и продолжает влиять на современное состояние дел как на Северном, так и на Южном Кавказе. В этой связи, можно говорить об особой степени зависимости Большого Кавказа от разного уровня международных контекстов.

Обращение к историческому прошлому, позволяет вывести еще одну важную характеристику, которая имеет значение для сформулированной научной проблемы. Речь идет об окраинные положения Кавказа. Разные части Кавказа, являясь на различных исторических этапах частью разных государств (Ирана, Турции, России) всегда занимали периферийное положение и одновременно имели особое стратегическое значение. Это обстоятельство, а также этноконфессиональное многообразие обусловили повышенную конфликтность региона, которая сочетается с вековым опытом межэтнического взаимодействия и мирного сосуществования, а также осознанием принадлежности к общекавказскому миру.

Помещение Кавказа как объекта внешней политики России в данную парадигмальную конструкцию целесообразно еще и в связи с хронологией 1917–1922 гг. Выбранный период отличается усилением центробежных сил как в самой России, так и внутри кавказского региона. Революция в целом стала ускорителем роста этнического и национального самосознания, а большевики, скорее, раскололи общественные силы Кавказа. Сам регион начал институционально распадаться изнутри: на Севере протекали сложные процессы самоопределения в условиях глубокого политического кризиса и гражданской войны, на юге провозгласили независимость Грузия, Армения и Азербайджан. Однако, случившийся распад абсолютизировать не стоит, процесс самоопределения по обе стороны Кавказского хребта протекал с оглядкой не только на позиции ведущих держав, но и ближайших соседей внутри кавказского пространства. В этой связи модель Большого Кавказа позволяет видеть единство региона в период распада, что крайне важно для понимания причин его последующего включения в состав советской государственности.

Изучение внешней политики неизбежно связано с привлечением теории международных отношений. При этом надо осознавать, что каждая теория формулировалась в большей степени в контексте меняющихся международных отношений, вырабатывая таким образом объяснительные модели не для исторического прошлого, а именно для современности. Однако, как справедливо отметила О.В. Пав-

ленко, модели взаимодействия в международных отношениях имеют свойство повторяться [5, с. 54].

Приход к власти большевиков существенно осложнил международное положение новой России. Определение места Большого Кавказа во внешней политике советского правительства требует реконструкции более широких контекстов международных связей. Хронологические рамки 1917–1922 гг. определяют особый период в истории Большого Кавказа в контексте российской истории. Однако в этот же период трансформацию переживала вся общеевропейская система международных отношений. В это время окончилась первая мировая война и мучительно строилась новая Версальско-Вашингтонская система международных отношений. Высокая значимость силы и военного фактора в мировой политике, хаотизация отношений между государствами, перекройка политической карты, безусловно делают актуальной для нашего исследования теорию реализма, которая ключевыми факторами международных отношений считает наращивание мощи, соперничество, борьбу за ресурсы и выживание.

Представитель теории неореализма американский политолог Кеннет Уолтц подчеркнул противоречивое влияние взаимозависимости, которая может как преумножать контакты среди государств, так и плодить конфликты [8, с. 288]. Изучение проблемы взаимозависимости необходимо на всех уровнях, начиная с локального, заканчивая мировым политическим, на котором Россия пыталась добиться признания и сохранить целостность собственной территории. Речь идет о взаимозависимости между разными частями Большого Кавказа, что определяло, как конфликтность, так инерционное внутреннее единство.

На уровне российско-кавказских отношений также прослеживается неоднозначность действия взаимозависимости, которая способствовала временному отторжению региона от России, а затем имела решающее значение для объединения при его советизации. Большое значение в процессе раскола кавказского региона имел «импульс защиты своей идентичности», о котором также писал К. Уолтц. Период турбулентности, наступивший после революции 1917 г., стал мощным испытанием устойчивости общекавказской идентичности. Когда казалось, что наступает крах всему постимперскому пространству, и возникла необходимость выживать, стало очевидно, что делать это лучше каждому в отдельности по отдельности. С наибольшей очевидностью эта логика срабатывала на Южном Кавказе, где четко обозначилось этнической размежевание.

С точки зрения стратегий поведения всех держав в пространстве взаимодействия вокруг различных частей Большого Кавказа применима как подход теория баланса сил. Баланс сил является одним из ключевых понятий теорий реализма и неореализма. С точки зрения неореалиста К. Уолтца балансирование является стратегией выживания. Другой стратегией, противоположной балансу, является примыкание к победителю. Причем, если мы наделяем акторностью не только державы, но и самопровозглашенные кавказские государства, то изучение их стратегий также является исследовательской задачей.

Во второй половине 1990-х гг. широкое распространение получила теория конструктивизма. Не оспаривая основной принцип реалистов о том, что главным побуждающим к действию мотивом для субъектов международных отношений являются конкретные интересы, конструктивисты, главным образом, А. Вендт, полагают, что интересы субъектов международных отношений включают как материальную, так и идеальную составляющую. Ученый призывает не абсолютизировать и не пренебрегать ни той, ни другой составляющих, которые определяют внешнеполитические действия участников [10, р. 142]. Изучая политику советской России в регионе, действительно, следует учитывать геополитические и экономические мотивы, но то же время нужно уделить внимание проблеме влияния идеологии на принятие того или иного внешнеполитического решения. В этом вопросе конструктивисты расходятся с реалистами, утверждающими, что международная система обязательно строится на принципах конкуренции. Конструктивисты существенно расширили концептуальные рамки сущности понятия «сила» в международных отношениях. Враждебные или дружеские отношения государств детерминируются не только военными структурами [1, с. 13]. Формы силы гораздо многообразнее, чем принято считать, так конструктивизм ввел понятие «дискурсивной силы» (знание, идеи, культура, язык, идеология). С точки зрения Т.А. Алексеевой, это понятие открывает возможности для определения «друзей», «соперников», «врагов», и в данном случае, имеет не менее важное значение для формирования военного порядка, чем собственно военная сила [1, с. 13]. В этом контексте деятельность всех агентов самого Большого Кавказа (государств, социальных групп, партий, элит и т.д.) в указанный период приобретает новый смысл, так как за конкретными политическими шагами будут четко прослеживаться не только прагматические интересы, но и целый комплекс идентичностей и норм, определяющих жизнь в отдельных сообществах региона.

А. Вендт и его сторонники ввели в исследование международных отношений понятие «коллективная идентичность», поэтому в контексте конструктивистского подхода актуализируется имагологическая составляющая внешней политики и концепт «свой-другой-чужой». Имагология давно заняла свою нишу в ряду методов, освоенных историками. В истории внешней политики понятие «образ», которым активно оперирует данное направление, будет иметь два аспекта. Во-первых, это внутренний образ, который создается самим государством и транслируется во внешнюю среду [7, с. 181–182]. Однако, в восприятии мирового сообщества может сформироваться и внешний образ, отличающийся от транслируемого. Предложенные образы могут по-разному влиять на международные отношения: определять принятие внешнеполитического решения, оправдывать агрессивную политику государства, когда речь идет о противостоянии врагу [7, с. 187]. Политика стран Антанты в регионе, политика Советской России, программы кавказских политических элит мотивировались не только геополитическими или экономическими ресурсами, но большое значение имела имагологическая составляющая. Так, например, активность западных держав в пределах Кавказа среди всего прочего имела и антибольшевистский оттенок. Самопровозглашенные республики Грузия, Азербайджан, Армения позиционировали сами себя как самостоятельные государства, однако Европа их таковыми не воспринимала и вела переговоры с ними часто в пику советскому правительству. В условиях международных трансформаций, системного кризиса в России, хаотизации кавказской жизни образы «своего-другого-чужого» постоянно трансформировались, и это следует учитывать при анализе действий каждого участника событий.

Падение Российской империи, кризис управления окраинами и вовлечение Большого Кавказа в орбиту международного влияния в субъектно-объектном качестве: вся эта цепь событий и процессов открывает проблему власти и ее образов в сознании современников. Такая формулировка научной проблемы соответствует постестарной имагологии. Российский теоретик и практик этого подхода М.А. Бойцов отмечает, что образы власти могут распространяться и по горизонтали, и по вертикали, опускаясь на более низкие слои иерархии [2, с. 22]. Революция разрушила оба канала существования и трансляции властных отношений, и наступивший период дискретности власти усилил активность кавказских локальных сообществ по ее созданию новых властных структур. Более четкое представление о тех образах власти, которые конструировались на местах, помогает лучше понять политику, которую Россия прово-

дила вокруг Кавказа и на Кавказе в столь трудный период, а также выявить механизмы, задействованные большевиками для советизации региона. Возвращение Большого Кавказа в лоно российской государственности и провал идеи национальной независимости свидетельствуют, что попытки местных элит и других держав по конструированию новых образов власти оказались неудачными. Изучение процесса бытования старых образов власти и причин возникновения новых представлений о власти является одной из задач постстарной имагологии.

Методология исторического исследования тесно связана с комплексом используемых источников. Профессор Флорентийского университета Эннио ди Нольфо предостерегает историка международных отношений от чрезмерного увлечения дипломатическими документами. Конструирование истории только на основании этого вида источников – это самый простой путь, следуя которому, ученый будет создавать тот самый хронологически последовательный дипломатический нарратив, о котором говорилось в начале данной статьи. Историк должен обращаться по-хозяйски с документами, а не следовать пассивно за источником [3, с. 33]. Один из важных постулатов постмодернизма и постпостмодернизма – это активная роль исследователя в отношении источников. Существенно расширят представления о состоянии Кавказа, о политике большевиков и антибольшевистских сил в отношении региона, о действиях других государств источники личного происхождения или эго-документы. Причем речь идет о наследии участников и свидетелей событий самого разного уровня: от обывателей до известных государственных деятелей.

Работа с эго-документами будет продуктивной именно в рамках интеллектуальной истории, отличительной чертой которой является широкая контекстуальность, позволяющая связывать изучаемые взгляды и идеи с социальным, психологическим, историческим и культурным контекстами [4, с. 135–137]. Для нашей темы имеет значение еще и то, что интеллектуальная история включила в свое исследовательское пространство процесс распространения идеи [6, с. 5–10]. В таком случае источник личного происхождения оказывается не просто источником информации, иллюстрирующим выводы, сделанные на основании дипломатических документов. Он органично встраивается в общий дискурс эпохи.

Позволяет уйти от линейности и рассматривать Большой Кавказ, как взаимосвязанную общность местных локальных сообществ новая локальная история. Это позволяет рассматривать степень влияния настроений в этих сообществах на разные направления по-

литики, включая международную. Удобство применения новой локальной истории в изучении внешней политики заключается в том, что она выявляет отдельные локусы кавказского мира и при этом помещает их в самые разные контексты, в т.ч. и глобальные. Именно в локальных сообществах рождаются из конкретных социальных практик, экономических отношений, массового сознания рождаются проявления тех или иных тенденций любой политики.

С интеллектуальной историей пересекается историческая биография – также исследовательское пространство новой локальной истории. Важно понимать роль личности в истории, ее влияния на внешнеполитический курс и принимаемые решения. Биографии многих кавказских политических деятелей иллюстрируют их противоречивое отношения к России. С одной стороны, армянские, азербайджанские, грузинские, северокавказские лидеры искали помощи в достижении независимости во внешнем мире, с другой стороны, очевидна их культурная и социальная связь с российской цивилизацией. Такая дихотомия не могла не влиять на их взгляды и политику. Таким образом, проведенный анализ показывает, как история внешней политики может выйти за пределы дипломатический истории на основе разнообразия методологического инструментария и расширения источниковой базы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистки: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. №1.
2. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. СПб., 2010.
3. Ди Нольфо Эннио. История международных отношений: методологические проблемы // Уральский вестник международных отношений. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2003. Вып.1.
4. Маловичко С.И. Интеллектуальная история // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014.
5. Павленко О.В. Конструктивистский подход к исследованию международных отношений: возможности и пределы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2015. №2.
6. Репина Л. П. От личностного до глобального: Еще раз о пространстве интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2005. Вып. 14.
7. Тюкаркина О.М. Образ врага в международных отношениях и его роль в формировании внешнеполитического курса государства // Мир и политика. 2013. Октябрь.

8. Уолц Кеннет Н. Структурный реализм после холодной войны // Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах. Под. общ. ред. И.С. Иванова. Т. 1. М. 2015.

9. Markedonov S. ISIS: a Threat to the Greater Caucasus URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/islamskoe-gosudarstvo-ugroza-dlya-bolshogo-kavkaza/>.

10. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999.

О.В. Валуйскова (Ростов-на-Дону).

ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОДРОСТКОВ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА ИСПАРТА ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Тема данного исследования – результат случайного выявления и внимательного прочтения всего лишь одного несколько загадочного дела, отложившегося на постоянное хранение в фонде № 12 Истпарта.

История создания самого фонда достаточно сложна и интересна. Думаю, что особой благодарности потомков заслуживают его собиратели и составители. 21 сентября 1920 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял важное постановление – «Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Российской Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (испарта)». Так было положено начало формированию самостоятельных партийных архивов. В марте 1921 г. было учреждено бюро Истпарта при Уполномоченном народного комиссариата на Юго-Востоке России.

В апреле 1924 г. был организован архив истпарта и его отделения (бюро) на местах. 3 января 1925 г. краевой Истпарт был создан в г. Ростове-на-Дону. Основными задачами его стали сбор, изучение и обработка документов и материалов революционных событий и Гражданской войны на Северном Кавказе. Северо-Кавказский краевой Истпарт разослал письма уполномоченным по истпартрботе окружных комитетов ВКП(б) о сборе, систематизации, проверке и обработке документов по истории партии со времени организации местных социал-демократических групп.

Собранные документы легли в основу архивного фонда № 12 Истпарта, в котором сосредоточены документы как дореволюци-

онного, так и послереволюционного периодов (1899–1957). Это фотоконпии и копии листовок Донского комитета РСДРП, рукописи и воспоминания участников революционных событий 1905–1907, 1917 гг., Гражданской войны, автобиографии и письма ветеранов партии и комсомола, а также редкие издания журналов, газет, бюллетеней, брошюр.

Активное участие в формировании фонда принял Михаил Николаевич Корчин, который с апреля 1933 г. возглавлял Северо-Кавказский истпарт, а после его реорганизации, в декабре 1939 г. стал первым заведующим партийным архивом Ростовского обкома ВКП (б).

На обложке архивного дела № 1407 по описи 3 фонда 12 под названием «Воспоминания о начале Мировой войны, революционных действиях красных и об оккупации Ростова немцами (1914–1918)» отсутствует фамилия автора воспоминаний. Его имя всплывает по ходу повествования. Автор, он же главный герой записок, – Илья Иванович Савицкий, 1903 года рождения. Нет точной даты написания мемуаров, о времени поступления их на хранение в партийный архив можно судить лишь по штампу с нумерацией листов (их 146) и подписью архивариуса от 25 марта 1947 г. В конце 1-й части своей рукописной работы автор признается, что путает годы, плохо помнит, «когда что было», будучи на тот момент малолетним. Его рассказ начинается с описания начала Первой Мировой войны глазами 11-летнего подростка:

«Стояла летняя пора, было жарко. Крестьянин каждый занимался на своем гумне. А крестьянские дети в одних рубашонках, поднимая пыль, бегали по дороге. В этом числе ребятишек был и я. Отец меня из Ростова отправил в деревню к деду... Потом вдруг слышим какая-то тревога по селу. Мы собрались гурьбой на дороге, по которой ехал солдат с красным флажком, извещал население, чтобы все шли к Волостному управлению... Я подошел к одной толпе людей, где услышал, что будет война с германцами.

Я побежал домой, начал расспрашивать, что такое война. На другой день (это было летом 1914-го) шли все мужики с сумками, с сундучками к Волостному управлению... А следом за ними шли их жены, дети и плакали, вой был по всему селу...

...Потом дедушка получил письмо от моих родителей, они пишут: отца моего тоже забирают на войну...» [1, л. 2].

Частую простые русские люди, не зная тонкостей внешней политики, всей душой чувствовали, что борются за правое дело. Не дожидаясь повесток, крестьяне и рабочие осеяли себя крестным знаменем и шли на призывные пункты.

Отец автора записок Илья Иванович Савицкий был назначен артиллеристом в г. Александрополь в составе 6-ой батареи 66-й артиллерийской бригады. Илью бабушка с дедушкой отправили в Ростов, где оставались мать, старший брат Федор и младшая сестренка. «А жили мы тогда на Новопоселении», – так пишет автор. Мальчика определили в галантерейный магазин по ул. Московской за 4 рубля в месяц, где били за малейшую провинность, затем – слесарем в мастерскую. С детства отличаясь природной смекалкой и находчивостью, он продумывает план побега с целью найти отца и воевать вместе с ним.

Илье Савицкому было суждено стать не только очевидцем событий, но и непосредственным участником их. Он оказывается в мире взрослых, подчас опасном и непредсказуемом, в котором его доверчивость сталкивается с неожиданным обманом и жестокостью. Сев в эшелон с новобранцами, он оказался обманутым ими, заставившими подроска спрыгнуть с поезда. Путь продолжил с кавалеристами, которые, по его словам, «выручили из критического положения».

Неожиданная встреча с жандармом на станции Балоджары, следование с солдатами, обещавшими довезти до Тифлиса, столкновение со стражником и придумывание на ходу весьма убедительных «историй» о своей жизни – вся эта цепочка приключений приводит нашего героя в Александрополь. Илья узнает, что отцовская бригада уже в Батуме. Здесь происходит их трогательная встреча, которую он описывает так: «...Дежурный солдат спросил, что мне нужно? Я ему сказал: «Здесь ли находится Илья Петрович Савицкий?» Он мне сказал, что есть такой. Я попросил его позвать... Этот дежурный тоже был ростовский, начал расспрашивать, как поживают семьи мобилизованных... Заходит дежурный и говорит отцу: «К тебе приехал гость». Отец в недоумении... Я не вытерпел и пошел сам в казарму... Отец так и ахнул. Он подумал, что я приехал с кем-либо, он обнял меня... Я был в восторге, что отец обошелся со мной хорошо и не надрал уши» [1, л. 12–13].

Отец, не согласившись, чтобы сына зачислили на довольствие в батарею, отвез его домой. Но это не погасило желания снова бежать на германский фронт с товарищем. «Мой товарищ доехал до Таганрога, а дальше... побоялся, вернулся обратно в Ростов. А я поехал дальше по привычке, в незнакомую мне сторону» [1, л. 21]. Из Киева Илья Савицкий следовал в эшелоне с казаками – «пополнением одного эскадрона в 100 человек в 12-й казачий полк... на австрийский фронт». С ними добрался до г. Луцка Волынской губернии.

Юный герой попадает в плен к немцам, уже прощается с жизнью, но снова оказывается в эпицентре военных действий и всеоб-

щей неразберихи: «Вдруг взрыв бомбы и крик людей... Тут вся наша куча (пленных) как хлынула, кто куда попал... Сейчас же началась пулеметная стрельба и крики «Ура! Ура!».

Некоторые страницы этого бурного, наполненного многочисленными событиями повествования заставляют задуматься над тем, как автор незамысловатым языком передает чувства, сомнения и переживания мальчика, оказавшегося в условиях непримиримой борьбы и хаоса.

Так он описывает встречу со смертельно раненым немцем: «Вижу, выходит лошадь, оседланная, серого цвета, взнузданная, стоит, смотрит, потом громко заржала. Она подошла к раненому немцу и стала нюхать его. Мне стало жалко... Он чуть открыл глаза и показал на губы... На нем была фляжка, я отвязал и начал поить его, он с жадностью стал пить, после глубокого вздоха открыл глаза и стал мне что-то говорить по-своему. Я его не понимал, он стал указывать на свой карман во френче, я полез и вытащил записную книжку с карандашом. Потом чуть подержал его, он стал что-то писать... Написал, дал мне...» [1, л. 28].

Илья Савицкий с благодарностью вспоминает русского солдата, спасшего его, растерявшегося от пальбы, и приведшего на позицию русских: «Он был ко мне добрый и велел мне не подниматься, а ползти за ним... Я подлез ближе и увидел первый раз в жизни окопы и солдат много, все черные, грязные, оборванные и заросшие... Меня привели к командиру роты или полка, хорошо не помню, но офицер уже пожилой... Тут я узнал, что нахожусь на позиции... Он меня оставил в своем окопе, который я уже успел разглядеть. Это была квадратная землянка, а сверху лежали столбы в 3–4 ряда, а потом сверху земля. В общем, блиндаж был прочный, а вдоль тянулись солдатские окопы...» [1, л. 32–33]. Илья Савицкий, которого солдаты называли «сынком», был назначен во 2-ю роту 8-го Финляндского полка. Отличившись при подрыве моста, он заслужил самых высоких похвал командира: «Он позвал меня к себе, положил руку мне на голову и говорит, обращаясь ко всем остальным: «Вы будете награждены Георгиевскими крестами вместе с этим мальчиком. Я был очень любопытен и спросил командира: «А как же с теми, кого убили возле моста?» Он сказал, что тех Бог наградит... Я подумал: значит, хорошо, и те будут без обиды» [1, л. 36–37].

Юному герою не удалось избежать ранения. Пролежав в лазарете г. Луцка, он попал в пересылочную тюрьму г. Житомира. Этот период жизни запомнился ему так: «Там я много увидел добровольцев-мальчиков. Нас собралось человек 15, и погнали нас этапным порядком домой, каждого на свою родину» [1, л. 38].

Илья возвращается домой, преодолев недетские испытания. Он вспоминает: «Отец, как инвалид германской войны, потерял 95% здоровья, его приняла городская управа контролером ночной охраны, где он служил и при большевиках в 1918-ом».

Мировоззрение взрослеющего Ильи формируется отчасти под влиянием старшего брата Федора, слесаря железнодорожных мастерских. Брат еще в конце 1916 г. приносил домой запрещенную литературу, своими мыслями о прочитанном делился с матерью. Он с воодушевлением воспринял произнесенную отцом шепотом весть об отречении царя от престола. И если отца тревожат сомнения («Ох, молодежь, я вижу, что это все не к добру!»), то старший сын Федор с бесстрашием и самоуверенностью вступает в ряды Красной гвардии. Илья вспоминает: «Брат мне сказал: «Пойдем завтра со мной, и ты тоже получишь винтовку, так как уже знаком с оружием, бывший доброволец. Я в восторге, мать не хотела, а брат настоял на своем, но это ему не удалось. Нам сказали, что я молод» [1, л. 42]. Чуть позднее ему удалось вступить в армянском селе Чалтырь в Первый Московский революционный полк: «Меня приняли, дали мне маленькую японскую винтовку и 150 шт. патронов и поставили при обозе сопровождать кухню на позицию» [1, л. 44].

2-я часть мемуаров открывается описанием пребывания немцев в Ростове. Это еще одно из живых свидетельств эпохи, отображающее, в отличие от официальных документов, совершенно иную сторону событий: «Идут, идут войска. Кто такие? Кадеты? Нет, это казаки» – слышались возгласы собравшихся хуторян возле нашей хаты близ Ростова (Безымянная балка). Вдруг крик: «Немцы! И все кинулись врассыпную... Это было на Пасху в 1918 год» [1, л. 52].

Оправившись после болезни, 15-летний подросток пошел работать в главные мастерские Владикавказской железной дороги, туда, «где делали замки». За 10 дней до 1 мая тов. Ковалев (по всей видимости, подпольщик) поручил Илье сверток с прокламациями и велел разложить листки возле каждого станка и прессов. «Я был в восторге, инстинктивно чувствуя, что это – что-то секретное и важное... Я прочел один. Там было что-то вроде маевки [с призывом] не выходить на работу 1 мая...» [1, л. 54].

После этого следует побег нашего героя от подозрений, и начинается новая вереница приключений. Он прятался в Батайске, перехватил у немецкого солдата план на синей бумаге: «Я тут смекнул, чем пахнет дело, и увидел по плану, что по правую сторону Батайска позиция немецкая, а по левую – донских казаков, и позицию большевиков с прорывами и тыловой базой» [1, л. 57].

С гордостью Илья Савицкий вспоминает о том, как «главнокомандующий Ростовским фронтом Чернявский за бойкость подарил ему револьвер системы Кольт и оставил при штабе в летучке на ст. Каяловой» [1, л. 67].

Он правдиво описывает состояние бойцов: «Наши бойцы совсем оголились, голодать не голодали, но ходить было не в чем, потрепались дотла... Стрелять было чем, но поддержки нет. Фронт редел» [1, л. 69].

Как напоминание о мирной жизни, пытливый взгляд юного бойца примечает созревшие крестьянские хлеба, которые пришла пора убирать: «Но убирать мешал фронт. И [хлеб] с поникшими колосьями созревших зерен приник к земле». [1, л. 70]

Илье Савицкому предстояло выдержать еще один экзамен на стойкость, когда он уже был на волосок от смерти, попав с несколькими взрослыми товарищами в плен к казакам. С одним из бойцов – бывалым кавалеристом – он особенно сблизился, общение с ним подняло дух мальчика: «Он улыбался мне отцовской улыбкой, я видел в его глазах что-то теплое и родное». Особенно запомнились слова, произнесенные с уважением к юному бойцу: «Да, тебе тяжело, ты молод, твоя жизнь впереди. Но ты молодец, ты держал себя, как подобает революционному бойцу. Я видел, как ты боролся со своими чувствами. Я видел твои детские слезы. Сам, глядя на тебя, в душе плакал. Но успокойся, все мы себя отдаем для революции...» [1, л. 75].

Ярко описывая события собственной жизни на фоне военного времени и сменяющихся исторических эпох, автор воспоминаний показывает свое стремительное возмужание, укрепление воли и формирование активной жизненной позиции.

В его биографии выпадают короткие мирные периоды, когда появляется возможность помочь родным: «Подошла весна 1919 года, начал с дядей пахать и сеять...». Летом 1919-го Деникин объявил мобилизацию. Отца, несмотря на инвалидность, забрали в железнодорожный батальон. Илья остался с матерью и сестрой. Осенью 1919 г. он по просьбе матери купил лошаденку и стал извозчиком. Глубокой осенью поступил ремонтным рабочим на Юго-Восточную железную дорогу. В один из дней при чистке переезда встретил всадников-кубанцев, которые сказали: «Наши кубанцы бросили фронт и едут домой».

В январе 1920 г., продолжая трудиться на железной дороге, Илья Савицкий снова становится свидетелем происходящей «кровавой драмы»: «Слышим... бьют здорово на Гниловской с орудий и пулеметов. Потом смотрим – бегут кавалеристы красные. Один из них

ранен в руку... Они говорят, что кадеты прорвали фронт на Гниловской, так что заберут город [1, л. 145–146]. «К вечеру разыгралась канонада орудийная, били до самого утра. А утром стали опять отступать. Но что они после себя оставили: повешенных людей в городе на телеграфных столбах и деревьях. Что творилось в лазаретах! Только стены были свидетелями происходившей драмы...» – таким увидел родной город Илья Савицкий, не представляющий еще пока ни дальнейшей своей судьбы, ни судьбы Родины [1, л. 148].

Последние строчки воспоминаний поведали нам о встрече Ильи со старшим братом, вернувшимся из Царицына: «Недолго нам с братом пришлось хозяйничать дома. Сформировался 2-й Донской Калмыцкий кавалерийский полк, который был послан на Кавказ для ликвидации банд, влились и мы с братом туда, брат был начальником связи, я в его команде [1, л. 149].

Автор собирался продолжить личные воспоминания в следующей рукописи. Но продолжение ее в архив так и не поступило.

Историческая ценность рассмотренной рукописной работы несомненна и является важным живым дополнением к официальным документам периода 1914–1920 гг. Ведь в центре ее – отрезок жизни подростка, юноши в контексте борьбы разнонаправленных политических процессов и течений. Перед нами своеобразный письменный памятник начала XX в., по которому можно изучать не только обстановку в обществе в целом, но и духовный мир отдельной личности, оказавшейся в сложнейших исторических условиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1407.

В.Я. Мауль (Нижневартовск)

ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА ПИСКОВОГО (ШТРИХИ БИОГРАФИИ УЧАСТНИКА «ЧИГИРИНСКОГО ЗАГОВОРА»)

«Чигиринский заговор» 1877 г. на Правобережной Украине занимает заметное место в ряду массовых народных движений в дореволюционной России. В условиях пореформенного брожения умов, по верной оценке генерал-губернатора Юго-Западного края князя А.М. Дондукова-Корсакова, волнения «среди бывших государствен-

ных крестьян Чигиринского уезда послужили для лиц известного революционного пошиба поводом к попытке – воспользоваться неудовольствием крестьян для своих преступных целей» [6, л. 148]. В образе царских комиссаров с помощью подложных грамот от имени Александра II видные народники Я.В. Стефанович, И.В. Бохановский и А.Г. Дейч создали в ряде волостей Чигиринского уезда Киевской губернии подпольное крестьянское сообщество «Тайная дружина» [21, с. 36–38]. Цель противогосударственной затеи заключалась в подготовке народного восстания, намеченного на 1 октября 1877 г., с тем, чтобы «отобрать у дворян землю и разделить таковую между крестьянами поровну без всяких податей» [9, л. 90]. Стоявший у истоков самозванческой интриги В.К. Дебогорий-Мокриевич пояснял, что народники для осуществления «социальной революции единственным путем признавали путь бунтовской», а неудачные итоги «хождения в народ» убеждали их, что такой бунт «возможно было организовать лишь от царского имени» [10, с. 205]. В поисках эффективных мер воздействия на предполагаемых бунтарей Стефанович пришел к выводу, «что только стоя на почве настоятельных желаний крестьянства, и не удаляясь слишком далеко за кругозор его воззрений, можно достигнуть этой цели» [8, л. 442 об]. Тогда-то в ходе совместного «мозгового штурма» у них, по выражению Дейча, «и возникла мысль воспользоваться именем самого царя» [12, с. 13]. Впоследствии, хорошо знавший всех трех «комиссаров» С.М. Степняк восхищался их поразительным «по соединению смелости с бесстыдством, грандиозности и практичности – с полной беспринципностью» планом «поднять народ на весь существующий порядок и на самого царя – во имя царя же» [20, с. 37].

Заговорщикам нравилось, что их циничные замыслы, казалось бы, подкрепляются уроками истории, ибо все «крупные народные движения в России совершались под знаменем самозванцев». Даже разинский и пугачевский бунты, «хотя и не привели к победам и были задушены правительством, но все-таки им удалось расколыхать всю восточную Россию. На Украине мы не имели прямых самозванцев, подобно Пугачеву, но и здесь имя царя эксплуатировалось для успеха восстания. Так, во время Гайдаматчины, имевшей у нас место одновременно с Пугачевщиной на Волге, народ верил, будто ножи для резания панов-поляков были присланы самой императрицей Екатериной второй» [10, с. 203–204]. С учетом особенностей традиционной психологии не удивительно, что мистификация революционеров первоначально имела широкий успех среди монархически настроенных чигиринских крестьян, искренне считавших себя исполнителями воли государя императора. С февраля месяца бук-

важно за полгода количество дружинников достигло более 1000 человек. В результате, по словам историка Ю.А. Пелевина, «получился заговор не революционеров-социалистов, а православных монархистов» [19, с. 143]. Следуя указаниям подложной царской грамоты и устава «Тайной дружины», они приступили к формированию своих рядов и стали готовиться к намеченному выступлению. Институционализация дружины свершилась 1 марта 1877 г. во время ночной сходки в степи на «раскопанной могиле» в полуверсте от с. Шабельники. Собравшиеся в сильную метель под покровом темноты первые 250 дружинников разделились на староства (по 25 человек), выбрали атамана, старост и казначея общества [16, с. 221–240].

Практическими делами руководил ставший атаманом отставной унтер-офицер Ефим Олейник, которому помогали избранная из числа авторитетных селян Старостская Рада и другие активисты подпольного общества. Заметную роль в движении играл житель с. Мордва Шабельницкой волости Чигиринского уезда бывший фельдфебель 142-го Звенигородского пехотного полка Иван Писковой. Он родился в 1833 г., исповедовал православную веру. За неимением фотографии, которую предстоит разыскать, сложно дать оценку его внешности. Но согласно полицейским данным он был ростом 2 аршина 5 вершков (около 165 см), волосы на голове темно-русые с небольшой проседью, носил усы с бородой, глаза светло-карие, лицо покрыто оспенными рябинками. Из особых примет назывались два пятна неправильной формы на нижней части шеи. Там же на шее и в верхней части спины имелись рубцы от кровеносных банок [18, л. 8 об]. К 1877 г. он давно состоял в браке с уроженкой своего села Капитолиною Писковой (в девичестве – Усатой), и являлся главой многодетного семейства – пятерых сыновей и четырех дочерей в возрасте от 22-х до 3-х лет. Здесь же в с. Мордва занимались хлебопашеством его старшие братья Кирилл и Иван (Sic!), а в соседних селениях Россосинцы и Погорельцы проживали сестры Мария и Авдотья [4, л. 128, 129]. Материальный достаток Писковых был не самым большим даже на фоне не очень зажиточных соседей. Выгоду от существовавшей тогда участковой разверстки земли в основном получали малолюдные крестьянские семьи. При наличии же 11 душ едоков Писковой имел «надел всего в одну десятину». Поскольку кроме «полевой и усадебной земли» другого имущества не было, он изрядно «тяготился своим положением». Порой сходясь «с некоторыми из своих односельцев», горько сетовал «о недостатках земли». Однако, несмотря на это, безропотно тянул свою лямку и никакого участия в крестьянских волнениях, спорадически бурливших в уезде с конца 1860-х гг., не принимал [13, с. 240; 17, л. 31].

Ситуация резко изменилась весной 1877 г., когда на вербной неделе (13–19 марта) Писковому организовали встречу с крестьянином Лазарем Тенеником [15, с. 7–17]. «Последний, показывая ему устав общества «Тайной Дружины», объяснил, что получил его в Киве от тайных Комиссаров Государя. Увидев, что устав печатный и на нем изображено имя Государя, он не мог заподозрить обмана или подлога и поверил, что такова действительно воля Государя и поэтому тогда же и выполнил требуемую уставом присягу». Писковой даже не догадывался, что отныне размеренная традицией жизнь круто и навсегда перевернулась. Начался неумолимый отсчет тех насыщенных бурными событиями трех месяцев (с середины марта по начало июня), которые до самой старости разлучат его с родными и определяют всю дальнейшую нелегкую судьбу. Подразумеваемая высочайшая санкция в одночасье превратила законопослушного селянина в энергичного и инициативного участника заговора от имени царя. По собственному признанию, он «привел к присяге до 200 человек», объясняя им необходимость вооружаться, «так как если Государь велит отбирать землю у помещиков для раздела ее поровну между крестьянами по числу душ и помещики этому воспротивятся, то было бы чем воевать с ними и что вообще дело настоящее ведется тайно, потому что 17 лет не исполняется об этом Царский указ, скрываемый священниками в церквях» [9, л. 75 об., 85, 78 об.].

В конце апреля 1877 г. на сходке в селе Россошинцы состоялась волнительная встреча чигиринцев с «царскими комиссарами», в которой Писковой принял деятельное участие. С собой он принес и передал им списки дружинников по селу Мордва и деревне Кожарки, привычно прочел для собравшихся текст грамоты, и здесь же получил от Стефановича печатный экземпляр устава. Неопределенные слухи о существовании некоего тайного общества к этому времени дошли до уездной полиции, превентивно попытавшейся пресечь «развитие беспорядков». С разрешения губернских властей Тененик и еще трое заподозренных крестьян в административном порядке были высланы под надзор полиции в города Ковель и Радомысль. Писковой же, спасаясь от преследования, «скрылся из дому и шлялся по разным местам» около месяца. Несмотря на предосторожности, в назначенный день нового свидания с «комиссарами» 6 июня 1877 г. он был арестован Липовским волостным старшиной Саввой Пронько в г. Новогеоргиевске. Во время обыска у него обнаружили целый ряд самодельно написанных компрометирующих бумаг, взятых для передачи «посланникам государя»: 1) списки дружинников с. Мордвы, Погорельцы, Россошинцы и др.; 2) список из 36 дружинников, которые могут обращаться с оружием; 3) опись изменникам,

враждебникам, доказателям и гонителям; 4) список дружинников, нуждающихся в продовольствии; 5) список дружинников, скрывающихся от гонителей; 6) список арестованных дружинников; 7) объяснение дружинника Гаркушенко о произволе местных властей [13, с. 240, 241].

По-видимому, найденный компромат сыграл с Писковым злую шутку. Предварительное полицейское дознание, не имея тогда более точных данных, утвердилось в мысли, что «виновными к склонению крестьян Шабельницкой волости к поступлению в тайное общество, были некоторые из их односельцев, в том числе отставной фельдфебель Иван Пискавый и крестьянин Карп Приходько». Заметим, – не Тененик, не Олейник, как должно было быть, а именно наш герой [6, л. 1]. Масла в огонь подливала экзальтированная реакция Пискового, при аресте сразу заявившего: «приняв тайную присягу, он почитает Бога и Царя, но что никаких властей знать не желает и повиноваться им не будет» [9, л. 99 об.]. Возбуждение от причастности к сакральной тайне амбивалентно перемешивалось с фрустрацией, о чем, например, говорит молитва «погребение мирских человек», собственноручно записанная на обороте одного из изъятых списков [13, с. 239]: «Покой, Господи, душу раба Своего, имярек, и елика в житии сем, яко человек, согреси, Ты же, яко Человеколюбец Бог, прости его и помилуй, и вечныя муки избави, и Небесному Царствию причастника учини, и душам нашим полезныя сотвори». Надежда узника арестантской камеры если не на Всевышнего, то на посредничество «комиссаров» в монаршем заступничестве не казалась совсем беспочвенной. Она, в частности, подкреплялась полученной с воли запиской Олейника, которая начиналась с обращения: «Милостиве христове труженики, заточены у темницу...». Затем сообщалось, что атаман не бросил «христовых тружеников» на произвол судьбы, но «лично подал об них бумагу начальнику..., и тот говорил, что по этому поводу будет доложено высшим властям, что если они, арестованные, сохранят Богом предложенную нашей Империи тайну, то останутся счастливыми и что дело наше вообще кончится через месяц» [9, л. 76]. Но не месяц, а почти двухмесячное томление в ожидании царского вмешательства казалось необъяснимым и невыносимо долгим, особенно после заточения в Чигиринском тюремном замке. А вслед за арестом Олейника в конце лета, эти чаяния превратились совсем в эфемерные. Если прежде Писковой всячески тянул время, отрицал, рассказывал небывальицы, то теперь надо было срочно менять тактику. Возможные противоречия с показаниями атамана могли иметь для него роковые последствия, требовалось выработать согласованную линию поведения.

31 августа, передавая Олейнику «книгу псалтырь», он «вложил в таковую записку, написанную карандашом на куске почтовой бумаги, следующего содержания: «пропиши ясно, что ты говорил Исправнику и принес ли это дело. Ясно пиши и скорее»» [9, л. 75 об.]. К несчастью для автора записку перехватил тюремный смотритель, и 1 сентября пришлось идти на допрос с чистого листа, не ведая, что накануне Олейник во всем «чистосердечно сознался и раскрыл мельчайшие подробности организации общества» [6, л. 32].

В неравном диалоге с правоохранителями Писковому предстояло решать сложную дилемму, дозируя показания по принципу – как бы чего не вышло. Вынужденное признание он неуклюже пытался дезавуировать указанием на зависимый характер своих действий, будто бы совершавшихся «по приказанию Олейника» и других ответственных лиц дружины [13, с. 315]. Но подобная полуправда теперь мало могла повлиять на сложившееся твердое убеждение полиции, ежедневно получавшей из других источников развернутую информацию о заговоре вообще, и Писковом в частности. Многие крестьяне, «удостоверившись в том, что они были жертвою бессовестной эксплуатации со стороны пропагандистов», представили самые точные и полные объяснения [7, л. 5 об.–6]. От дальнейшего записательства Пискового, демонстрировавшего отсутствие раскаяния в содеянных делах, зависела только его собственная судьба.

По окончании дознания, в феврале 1878 г. было решено ограничить следственные мероприятия действиями «учредителей преступного сообщества в Чигиринском уезде и главных виновников возникших между крестьянами замешательств» [6, л. 222–222 об.]. С этой целью обвиняемых, в том числе Пискового, собрали в стенах Киевского тюремного замка, где им до 9 июня следующего года пришлось коротать время в ожидании вердикта Киевской палаты уголовного и гражданского суда. Отнесенные к первой группе подсудимых, он с четырьмя подельниками были приговорены к следующим наказаниям: «Олейник – на 2 года 9 месяцев в арестантские роты и затем на 2 года под надзор, Пискавый – в арестантские роты на 2 года 7 месяцев и затем под надзор, Тененик, Гудзь, Прудский в арестантские роты на 1 год 7 месяцев и затем под надзор» [7, л. 162].

По ироничному замечанию Дейча, курьезность момента заключалась в том, что царским властям пришлось «подвергать наказания крестьян за безграничную их преданность царю» [11, с. 15]. Приговор несправедливой суровостью буквально ошеломил чигиринцев, надеявшихся совсем на иной исход. Оставалось апеллировать к тому, кто изначально мыслился единственным гарантом социальной Правды. 19 сентября 1880 г., все еще находясь в Киев-

ской тюрьме, они (за исключением умершего Гудзя) составили коллективное прошение на имя «державного императора». Излагая монарху свою позицию, узники не считали ее преступной, ибо только «по недальновидности и неразвитию дали себя обмануть и ввести в заблуждение, тем самым доказав, как слепо мы готовы, всепресветлейший государь, откликнуться на первый твой призыв». Крестьяне отказывались верить, что именно «за это нас наказали», и надеялись на царскую милость. Обращались, как им казалось, с риторическим вопросом: «недостаточно ли за ошибку неумышленную поплатиться трехлетним заключением?» И питали надежду, что венценосец повелит: «Возвратить отцов осиротелым детям! Мужей – три года вдовствующим женам! Окончить позор разоренных семейств, питающихся подаванием!» [13, с. 150–151]. Неизвестно, дошла ли трогательная верноподданническая петиция до Александра II, но высочайшая воля действительно последовала, хотя не сразу и не в том виде, как мечтали отчаявшиеся крестьяне. Однако прежде им еще предстояло пережить леденящий ужас знакомства с решением Правительствующего Сената, в ревизионном порядке 6 мая 1880 г. приговорившего каждого из них к «ссылке в каторжные работы в рудниках на двенадцать лет». Впрочем, отправляя приговор на утверждение императора, Сенат иезуитски рекомендовал учесть наличие смягчающих обстоятельств. В частности, Писковского, как одного из главных вожаков чигиринских беспорядков, предлагалось «сослать в каторжные работы на заводах на четыре года». Но «всепресветлейший государь», явив чудеса гуманности, 14 января 1881 г. ограничил его наказание лишением всех прав состояния и ссылкой на поселение в отдаленнейшие места Сибири [9, л. 123, 124, 108–108 об.].

5 апреля 1881 г., исполняя соизволение к тому времени уже убитого народовольцами царя, лидеров «Чигиринского заговора» выслали из Киева «в распоряжение Орловского губернатора для заключения их в Мценскую тюрьму вплоть до отправления в Сибирь» [7, л. 161]. Отсюда с открытием речной навигации 18 мая первую партию государственных преступников (включая осужденных чигиринцев) отправили к местам назначения. Нелегкие полгода этапного пути закончились для Писковского прибытием 2 ноября 1881 г. в Якутск. По усмотрению тамошнего начальства ему предстояло отбывать ссылку в Жулейском наслеге Батурусского улуса Якутской области [18, л. 17 об.]. Об условиях его якутской неволи недавно опубликована специальная статья, избавляющая от необходимости их повторного пересказа [14, с. 80–87]. А затем, в виду «одобрительного отзыва г. Якутского губернатора о поведении Писковского во время нахождения в этой Области», он был «переведен в Иркутскую Губер-

нию и водворен на поселение под надзор полиции в г. Верховенск», где находился с 14 августа 1883 г. [3, л. 50]. Наконец, 29 февраля 1884 г. последовала высочайшая амнистия. Писковой восстанавливался «в прежних правах состояния», кроме имущественных, «с разрешением повсеместного жительства за исключением столичных и Киевской губернии» и с подчинением гласному «надзору полиции на два года». По объявлению царской милости, Писковой избрал «для своего жительства село Нестеровку Елисаветградского уезда Херсонской губернии» [2, л. 1–1 об., 10]. 24 июня 1884 г. за неимением «собственных средств для уплаты в прогоне и порционне конвоирам в передний и обратный путь» он был этапным порядком отправлен из Иркутска в избранное место «в партии по Московскому тракту», но «не в роде арестантов» [1, л. 2, 5–5 об., 7].

Скорее всего, обратная дорога оказалась не быстрее, чем вынужденное «путешествие» в Сибирь. По крайней мере, точно известно, что в мае–июне 1885 г. Писковой уже какое-то время проживал, правда, не в Нестеровке, а в самом Херсоне, где трудился в земских богоугодных заведениях. Там же, служа «водопроводным сторожем», теперь под негласным надзором полиции, он все еще продолжал находиться и через 11 лет, без права отъезда на родину. Лишь в сентябре 1896 г., в ответ на прошение 63-летнего Пискового, Министерство внутренних дел уведомило, что «ему разрешено жительство в Киевской губернии», но без восстановления имущественных прав. И тогда, спустя почти двадцать потерянных лет, наш герой смог, наконец, утолить неизбывную тоску «о детях и родственниках своих», вернувшись домой доживать столь нелегкий век [5, л. 11, 14, 26, 29, 17].

Пример Ивана Пискового и его соратников важен не только в качестве отражения типичных крестьянских настроений в пореформенной деревне, волновавшейся, но жившей идеализацией царя и царской власти. Он также крайне поучителен как иллюстрация коллективной утраты чувства меры у лиц, облеченных властными полномочиями и ответственных за поддержание порядка в самодержавной России. В борьбе с революционным подпольем и другими оппозиционными силами правящие круги всех уровней оказались не способны реально оценить политическую ситуацию, отличить верных монархии людей от ее непримиримых врагов. Обрушивая маховик репрессий на тех, кто по своим убеждениям, подобно Писковому, мог служить верной опорой трона, они в перспективе увеличивали в стране критическую массу недовольства, способную взорвать царский режим. Таким образом, «Чигиринский заго-

вор» с его последствиями можно рассматривать в качестве отдаленной прелюдии великих потрясений XX столетия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 378.
2. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1776.
3. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1897.
4. ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2740.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 79. Д. 1513.
6. ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Ч. 1.
7. ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1877. Д. 262. Ч. 2.
8. ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473.
9. ГА РФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
10. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. СПб., 1906.
11. Дейч Л.Г. За полвека. М., 1925. Т. 1. Ч. 2.
12. Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків, 1929.
13. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934.
14. Мауль В.Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48.
15. Мауль В.Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 1.
16. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. № 1.
17. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (далее – НА РС (Я)). Ф. 12. Оп. 15. Д. 60.
18. НА РС (Я). Ф. 12. Оп. 15. Д. 61.
19. Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1.
20. Степняк С. Подпольная Россия. СПб., 1906.
21. Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития. 2015. № 4.

ДАГЕСТАН ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ: ИНТЕГРАЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

После окончания многолетней Кавказской войны Дагестан стал частью Российской империи. Большие изменения стали происходить в разных сферах жизни дагестанцев, в том числе в экономической и культурной.

Постепенно менялся веками сложившийся уклад жизни народа. Все большую роль начинали играть деньги.

Во второй половине XIX в., когда в Дагестане стала управлять русская администрация, он представлял из себя традиционное общество. Население занималось земледелием, скотоводством и ремеслом. Феодалными владениями управляли правители, здесь господствовала авторитарная власть, в союзах сельских общин управляла общинная верхушка.

Перед русской администрацией стояла трудная задача. Было необходимо интегрировать вновь завоеванные земли Дагестана и Чечни в империю. Было очевидно, что это потребует много времени и терпения, поскольку раны, нанесенные Кавказской войной, были глубокими. Дагестанцам надо было адаптироваться к жизни в новых условиях, в большом сильном государстве.

В 1860 г. была создана Дагестанская область во главе с начальником, а с 1883 г. – военным губернатором из царских генералов. Административным центром вновь созданной области стало русское военное укрепление Темир-Хан-Шура, позже, в 1866 г., получившее статус города. Дагестанцы впервые оказались объединенными в рамках единой административной структуры. Вместо независимых феодалных владений и союзов сельских общин было образовано 9 округов во главе с царскими офицерами. Старая феодалная знать, лишенная политической власти, стала терять прежние позиции. Формируется новая дагестанская элита из узденства (свободного крестьянства) в лице крупных землевладельцев, скотоводов, хозяев крупных ремесленных мастерских, предприятий перерабатывающей промышленности и т.д.

Российский капитализм, втягивая различные отрасли хозяйства Дагестана в товарное производство, подчинял их нуждам капиталистического рынка, способствовал превращению региона в неразрывную часть общероссийского экономического пространства.

В Дагестане были проведены реформы, ускорившие его социально-экономическое развитие и приспособляющие край к нуждам метрополии. Были ликвидированы независимые феодальные владения, отменено рабство, получили свободу несколько десятков тысяч феодально-зависимых крестьян.

Статус городов получили русские военные укрепления Петровск и Темир-Хан-Шура. По мере развития молодые города, наряду с древним Дербентом, постепенно превращались в торгово-промышленные центры. Города области стали играть большую роль во внутридагестанской и транзитной международной торговле. Они оказывали большое влияние не только на ближайшую сельскую округу, но и на более отдаленные селения. Города выполняли торгово-распределительные функции. Товары, поступающие по железной дороге и по морю в города, извозчиками развозились по разным округам области [1, с. 239, 240].

Огромное значение для развития экономики Дагестана имела коренная перестройка транспортных путей. В пореформенный период интенсивно шло строительство грунтовых, шоссейных дорог, мостов.

Строительство новых дорог вовлекало в экономику Дагестана новые территории, горные округа, природные ресурсы и трудовые резервы, облегчая отход горцев в поисках заработков. Развитие дорожной сети повышало подвижность населения, улучшало культурный уровень дагестанцев.

Кроме этого, дороги играли важную роль в социально-экономическом развитии Дагестана, способствовали развитию торговли. Дороги повышали качество жизни населения и укрепляли территориальное единство Дагестана.

Строительство шоссейных дорог и мостов явилось фактором, способствовавшим втягиванию Дагестана в сферу российского хозяйства, и росту экономики области.

Инициаторами дорожного строительства в Дагестане выступили русские военные. В первой половине XIX в. в Дагестане строились колесные (грунтовые) дороги военно-стратегического назначения.

Строительство дорог способствовало развитию торговли, когда крестьяне привозили на городские рынки сельскохозяйственную и ремесленную продукцию и покупали здесь фабрично-заводские товары.

В свою очередь, с увеличением объема перевозок появилась необходимость в большом количестве людей и транспорта, доставлявших грузы из городов в села и наоборот, а также между селениями. В Дагестане стал активно развиваться извозный промысел. На перевозку грузов (кира) и пассажиров заключался подряд [10, с. 123].

Что было предметом перевозок? Во-первых, правительственные грузы: грузы инженерного, интендантского и военного ведомства. Во-вторых, разные строительные материалы и товары лиц, занимающихся торговлей в горных округах области [10, с. 123].

В свою очередь, из округов области в города: на рынки, морской порт, железную дорогу, извозчики везли земледельческую и животноводческую продукцию, ремесленные изделия, о чем мы уже говорили.

Извозом занимались и сельские и городские жители. Из сельских жителей чаще извозом занимались отходники, малоземельные крестьяне, нередко супряжники, но в межсезонье этим занимались и зажиточные крестьяне [10, с. 123].

Извозный промысел имел место во всех городах области. Им обычно занимались мещане. Наибольшее развитие извозный промысел получил в Темир-Хан-Шуре, что объяснялось ее географическим положением.

«Движение грузов, – сказано в Обзоре Дагестанской области за 1913 г., – от Каспийского моря и железной дороги через город Петровск во все округа области, за исключением Кюринского, Самурского и отчасти Кайтаго-Табасаранского, совершается по территории Темир-Хан-Шурина округа и главным образом через город Темир-Хан-Шуру» [9, с. 23]. В том же Обзоре указывается, что извозный промысел доставляет жителям Темир-Хан-Шурина округа хороший побочный заработок, для некоторых он был почти исключительным занятием [9, с. 23].

Жители городов, занимавшиеся извозом, имели неплохой заработок, от 20 тыс. руб. в 1904 г. [12, л. 4 об.] и до 25 тыс. руб. в 1906 г. чистого дохода в год [12, л. 10].

Извоз делился на ломовой и легковой. Грузы перевозили ломовые извозчики как внутри городов, так и за их пределами. Легковые извозчики перевозили пассажиров.

В каждом из городов области были и ломовые и грузовые извозчики. По нашим подсчетам, в начале XX в. в Темир-Хан-Шуре было 49 легковых и 35 ломовых извозчиков, в Петровске 75 легковых и 205 ломовых извозчиков, в Дербенте – 72 легковых и 205 ломовых извозчиков [1, с. 137, 138].

Городские извозчики привозили грузы в окружные центры, откуда местные извозчики развозили товары по селам округа. В свою очередь сельские извозчики привозили грузы – сельхозпродукцию и ремесленные изделия в города.

Активно функционировали морской порт в Петровске и гавань в Дербенте. Порт был заложен в 1841 г., а завершен в 1870 г. В пор-

ту имелось два рейда: один – для судов с военными грузами и другой – коммерческий, для судов с купеческими грузами.

Со временем Петровск превратился в передовой пункт оживленной торговли России с Закавказьем, Средней Азией и Ираном. Этому способствовало не только наличие порта, но и строительство в 90-е гг. XIX в. железной дороги. Количество военных кораблей, посещавших Петровский порт, сокращалось, а торговых – возрастало.

В 1902 г. Петровский порт посетило 1274 торговых судов [6, с. 23], а в 1911 г. их было уже 1575 [8, с. 26]. Эти суда принадлежали преимущественно пароходным товариществам «Кавказ и Меркурий», а также «Восточному обществу товарных складов» компании «Надежда» и купцу К.П. Воробьеву.

Первое место в торговле Петровска занимала транзитная торговля нефтью. Через Петровск нефтепродукты направлялись во внутренние районы Российской империи и за границу.

Второе место по количеству привезенных в Петровский порт грузов занимал хлопок. Он поступал сюда каботажем из Средней Азии, а бязь, произведенную из него на фабрике Каспийской мануфактуры, продавали в Персии через Джульфу и Красноводск. Полный грузооборот Петровского порта в 1902 году составил 29 млн. пудов, в том числе: вывоз – 10 млн., а ввоз – 19 млн. пудов [6, с. 26]. Со временем роль Петровского порта во внутренней и внешней торговле России только возрастала.

Интеграции в экономику России способствовало строительство в 90-е гг. XIX в. в приморском Дагестане железной дороги, которая была в конце XIX в. доведена до Баку. По железной дороге в Дагестан привозились фабрично-заводские товары, в том числе усовершенствованные сельскохозяйственные орудия труда – железные плуги, веялки, сеялки, которые применялись в хозяйствах зажиточных крестьян. Привозился строительный лес, галантерейные, мануфактурные, бакалейные товары, которые затем продавали на сельских базарах, в городских и сельских лавках и магазинах.

По железной дороге из Дагестана вывозили в другие регионы России сельскохозяйственную продукцию – фрукты, овощи, марену, а также ремесленные изделия.

Одним из проявлений интеграции в экономическое пространство России было появление в Дагестане промышленных предприятий. Первым таким предприятием была краповая фабрика, открывшаяся в Дербенте в 1863 г., на которой перерабатывали корни красящего растения марены. Она проработала до середины 70-х гг. XIX в. и закрылась после открытия в Европе химического красителя ализарина. В самом конце XIX в. в Петровске начала работать круп-

нейшая на Северном Кавказе хлопчатобумажная фабрика «Каспийская мануфактура». На ней из среднеазиатского хлопка изготавливали бязь, которая пользовалась большим спросом в Иране, Средней Азии, поскольку была дешевой и прочной.

В середине 90-х гг. XIX в. в Дагестане возникает новый вид обрабатывающей промышленности – консервирование. Центром консервной промышленности стал город Темир-Хан-Шура. В 1895–1896 гг., помимо мелких кустарных заводов, готовивших консервы из персиков, абрикосов, слив и груш, в Темир-Хан-Шуре было построено предприятие по изготовлению пюре из этих фруктов. Оно отличалось высокими вкусовыми качествами. Из пюре делали начинки для конфет и других кондитерских изделий. Его охотно покупали кондитеры из Москвы и других городов. Заказы поступали также из Польши, Финляндии и т.д.

Фрукты для консервных заводов привозились из Аварского, Даргинского, Темир-Хан-Шурина округа, где было развито садоводство.

Помимо Темир-Хан-Шуры, консервные предприятия имелись в селах Хаджал-махи, Голотль, Аракань, Хиндах, Карадах. Они были сезонными и открывались на период варки консервов. Консервные заводы были примитивными. Котлы для варки консервов стояли во дворах, там же готовили фрукты для варки.

Самое крупное консервное предприятие в Дагестане принадлежало Хизри Гаджиеву. Оно открылось в конце 90-х гг. XIX в. в Темир-Хан-Шуре. В 1901 г. на нем изготовили 2 тыс. пудов консервов и 8 тыс. пудов пюре. Консервы и пюре из Дагестана были широко известны и пользовались спросом у кондитеров России.

В 60–80-е гг. XIX в. в Темир-Хан-Шуре находилось два пивоваренных завода. Третий завод был построен в 1876 г. в Петровске и принадлежал русскому подданному Фельшау. Число рабочих на пивзаводе было невелико и достигало 3–6 человек. Производительность стала расти с 90-х гг. XIX в. Если в 1891 г. было произведено пива на 39 тыс. руб., то в 1902 г. на 54 тыс. руб. [1, с. 101].

Пивзавод в Темир-Хан-Шуре в 1891 г. принадлежал немецкому предпринимателю Г. Франзику. Рабочие на его заводе получали 1 руб. в месяц, продолжительность рабочего дня была 12 часов [1, с. 101]. В 1909 г. пивоваренный завод был куплен братьями А.П. и Н.П. Вейнер, которые значительно расширили производство пива. Им город Махачкала обязан большим парком, который старожилы называют Вейнерским.

В городах области в конце XIX в. насчитывалось 37 небольших заводов. Это были табачные фабрики, пивоваренные заводы, гвоз-

дильный завод, винокуренные заводы, бондарные мастерские, консервные заводы и т.д.

Определенное развитие получила горнодобывающая промышленность. В Кайтаго-Табасаранском округе около селений Берикей, Джемикент, Башлы добывали нефть. Велась также добыча серы, ртути. Развитию горнодобывающей промышленности мешала слабая геологическая изученность недр, нерешенность земельно-правового вопроса.

В Дагестане добывали соль в озере Турали, принадлежащем шамхалу Тарковскому, и в селениях Конхидатль и Нижнее Энхело Андийского округа.

Проведение через территорию Дагестана железной дороги способствовало бурному развитию рыбной промышленности, появлению большого количества бондарных мастерских. Крупными рыбопромышленниками, арендовавшими промыслы на дагестанском побережье Каспийского моря, были астраханский купец К.П. Воробьев, бакинский предприниматель Г.З. Тагиев и др. На сельдяных промыслах в сезон собирались тысячи рабочих. Рыба по железной дороге отправлялась в другие регионы страны.

Железная дорога послужила мощным толчком для развития товарных отраслей сельского хозяйства, в частности, развития товарного хлебопашества. Этот процесс активнее шел в Темир-Хан-Шуринском округе, где крестьянская реформа 60-х гг. XIX в. была проведена более последовательно: крестьяне получили землю и были освобождены от феодальной зависимости. В Темир-Хан-Шуринском и Хасавюртовском округах в крестьянских хозяйствах широко использовали фабричные сельскохозяйственные орудия труда. Зерно, произведенное в этих округах, реализовывалось на внутреннем рынке Дагестана, а излишки хлеба из Хасавюртовского округа вывозили за пределы Северного Кавказа.

Товарный характер приобрела другая отрасль сельского хозяйства – животноводство. С каждым годом увеличивалось количество продаваемого скота и продукции животноводства – это сырое и сушеное мясо, масло, сыр, шерсть, шкуры. Продукция животноводства вывозилась из Дагестана в 18 губерний России. Если в 1902 г. скота и животноводческой продукции было продано на сумму 708821 руб. [6, с. 53], то в 1909 г. уже на 1076252 руб., т.е. на 52% больше [7, с. 51].

Признанным центром виноделия в Дагестане был район Дербента. Лучшие вина производились в хозяйствах графа И.И. Воронцова-Дашкова и статского советника К.А. Кочергина. Они выписывали лучшие сорта винограда из Франции и Италии.

Выделка вина ими производилась со строгим соблюдением европейских технологий. Для хранения вина были построены хорошие подвалы и погреба. «Воронцовские подвалы» в Геджухе сохранились до сих пор. Вина, произведенные в имении Геджух И.И. Воронцова-Дашкова, были очень высокого качества и поэтому он стал поставщиком императорского двора.

В 90-е гг. XIX в. заметно возрастает вывоз вина и винограда за пределы Дагестана, на Нижегородскую ярмарку, в Казань, а с проведением железной дороги – в Ростов-на-Дону, Москву и другие города.

Изменения произошли и в такой традиционной отрасли экономики Дагестана как кустарные промыслы. В конце XIX – начале XX вв. с появлением в Дагестане фабрично-заводской продукции, спрос на некоторые виды кустарных изделий падал, другие пользовались большим спросом. С расширением рынка сбыта увеличился спрос на дагестанские ковры, холодное оружие, бурки для кавказской армии и т.д.

Наряду с традиционными сферами экономики – сельское хозяйство, ремесленное производство, возникли новые отрасли промышленности: рыбная, консервная, текстильная, табачная, винокуренная и т.д. Этому способствовали мероприятия российских властей в Дагестане: проведение реформ – крестьянской, административной, строительство дорог и мостов, строительство морского порта в Петровске, Владикавказской железной дороги.

Во второй половине XIX – начале XX вв. также шел процесс интеграции Дагестана в культурное пространство России.

Большую роль в этом процессе играло светское образование, открытие в дагестанских селах школ с преподаванием на русском языке, а также обучение горцев в городских учебных заведениях. Для детей горцев были открыты вакансии в гимназиях и высших учебных заведениях Российской империи.

Царизм начал создавать в Дагестане систему светского образования еще в первой половине XIX в. В населенных пунктах, где были расквартированы русские гарнизоны, стали открывать школы для обучения детей военных. Они были открыты в Дешлагаре, Ишкарты, Нижнем Дженгутае, Ахты. В школе селения Нижний Дженгутай помимо русских детей в незначительном количестве могли обучаться дети горцев. В школе дети обучались русскому языку, чистописанию, арифметике, пению, начальным сведениям по истории и географии, знакомились с принципами изготовления бумаги, стекла, устройства железных дорог, книгопечатанию и т.д. [4, с. 292].

Школы с преподаванием на русском языке стали открываться и в других селениях области. Постепенно их число увеличилось. Так, к концу XIX в. число русских школ в области достигло 26, из них – 14 школ в городах и 12 – в сельской местности [3, с. 590]. С конца XIX в. темы развития школьного образования убабляются. Развивающаяся промышленность, рост сельскохозяйственного производства требовали специалистов, и государство было вынуждено финансировать школы за счет казны. К 1915 г. число школ в Дагестанской области достигло 93, в том числе в сельской местности – 60. Всего в школах области в этом году обучалось 7092 учащихся, из них в школах сельской местности – 2212 [2, с. 342].

Дагестанцы, убавившись в преимуществе нахождения в составе России, стали стремиться получить светское образование в русских школах.

В городах Темир-Хан-Шура и Дербент были открыты реальные училища, а в первом из них и женская гимназия.

Темир-Хан-Шуриное реальное училище было наиболее крупным средним учебным заведением дореволюционного Дагестана. Оно было открыто в 1880 г. на базе существующей тогда прогимназии [4, с. 298]. При училище был создан пансионат, где дети жили под присмотром преподавателей, врачей, воспитателей. В училище была библиотека с книжным фондом в две с половиной тысячи книг [4, с. 299]. Учителями проводилась большая воспитательная работа, регулярно читались лекции о научных достижениях, устраивались музыкальные вечера, дети знакомились с классической музыкой, живописью, ставились пьесы, где роли играли сами ученики [5, с. 35]. В учебных заведениях, открытых в Дагестане русскими властями, шло становление, формирование новой, светской интеллигенции Дагестана.

Власти создали возможности дагестанским детям, окончившим в Дагестане начальную школу, поступать в гимназии Баку, Ставрополя, Владикавказа. На вакансии за счет казны (казеннокоштные) принимались дети горцев по рекомендации местных властей с обязательным утверждением начальника области.

Особенно много дагестанцев обучалось в Ставропольской гимназии. В 1871 г. половина вакансий, открытых для горцев Северного Кавказа, была отведена дагестанцам [11, с. 270].

Многие из них, окончив Ставропольскую и другие гимназии, поступали в высшие учебные заведения России и других стран. Так, Магомед Далгат, окончивший Ставропольскую гимназию в 1869 г. поступил на медицинский факультет Московского университета и продолжил учебу в Германии, в Вюрбургском университете.

Вернувшись в Россию, он 30 лет проработал врачом в городе Владикавказе, издавал газеты «Весь Кавказ» и «Голос Кавказа», был депутатом IV Государственной Думы и много сделал для защиты интересов горцев.

Ставропольскую гимназию окончили и другие известные общественно-политические и государственные деятели и деятели культуры Дагестана, такие как Д. Коркмасов, М-М. Хизроев, А-М. Зульпукаров, Т. Бейбулатов, Н. Бамматов и т.д. Владикавказскую гимназию закончил сын ученого-историка Гасана Алкадарского – Али-Мирза Гасан-оглы.

Получив в вузах России профессии врачей, юристов, инженеров, военных, дагестанцы работали как в Дагестане, так и в других регионах России, способствуя интеграции дагестанцев в культурное пространство России.

В деле приобщения дагестанцев к русской культуре много сделала русская интеллигенция. Огромный вклад в изучение дагестанских языков внес выдающийся ученый Петр Карлович Услар. Он издал книги по аварскому, лезгинскому, лакскому языкам, а также по этим языкам составил алфавиты на русской графической основе.

Русские ученые, побывавшие в Дагестане, собирали материал по истории, археологии и этнографии Дагестана. Много сделали такие ученые как А. Берже, И. Березин, Ф. Лонтович, Е. Вейденбаум, Д.Н. Анучин, а также работавшие в Дагестане И.С. Костемеревский, Е.И. Козубский и другие.

Так, ценнейшую информацию о становлении города Петровска в середине XIX в. сообщил в статьях, опубликованных в газете «Кавказ», врач И.С. Костемеревский. Он также знакомил русского читателя с жизнью дагестанцев, с важными событиями, происходящими в крае. О горцах И.С. Костемеревский отзывался с большим уважением отмечал, что они от природы богато наделены умственными способностями.

Тесно был связан с Дагестаном великий русский писатель Л.Н. Толстой. В 1851–1854 гг. он находился на Северном Кавказе, посетил в Дагестане селения Темир-Хан-Шуру, Аксай, Чирюрт и т.д. Он собирал и записывал фольклор горцев, который высоко ценил. Л.Н. Толстой использовал собранный материал в своих произведениях «Кавказский пленник», «Хаджи-Мурат», «Казачи» и т.д. Через них русский читатель знакомился с жизнью горцев. С этими произведениями были знакомы и образованные дагестанцы.

Помимо духовной культуры интеграция дагестанцев в русскую культуру происходила и в области материальной культуры. Во второй половине XIX – начале XX вв. прослеживается влияние город-

ской русской архитектуры на традиционное дагестанское жилище, в домах состоятельных горцев появляется европейская мебель, зеркала, железные печи, самовары и т.д. Через дагестанских отходников происходило проникновение в традиционную одежду горцев элементов русской одежды, в традиционную пищу – новых для дагестанцев блюд и т.д.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. постепенно происходит интеграция народов Дагестана в экономическое и культурное пространство России, адаптация дагестанцев к новым условиям жизни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Далгат Э.М. Город и городская жизнь в Дагестане во второй половине XIX – начале XX вв. Махачкала, 2015.
2. История Дагестана. Т. 2. М., 1968.
3. История Дагестана. Т. 1. М., 2004.
4. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана и России. Махачкала, 2009.
5. Козубский Е.И. Отчет о 2-ом десятилетии Темирханшуринского реального училища... Темир-Хан-Шура, 1901.
6. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903.
7. Обзор Дагестанской области за 1909 г. Темир-Хан-Шура, 1910.
8. Обзор Дагестанской области за 1911 г. Темир-Хан-Шура, 1912.
9. Обзор Дагестанской области за 1913 год. Темир-Хан-Шура, 1915.
10. Османов М-З.О. К истории транспорта народов Дагестана (XIX – начало XX вв.) // Хозяйство народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала, 1978.
11. Тройно Ф. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в конце XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12–13. Ставрополь, 1971.
12. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГАРД). Ф. 21. Оп. 3. Д. 13; Д. 41.

В.Н. Якунин (Тольятти)

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ СТАВРОПОЛЯ (ТОЛЬЯТТИ) В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ЕГО ОСНОВАНИЯ

В 1737 г. был основан г. Ставрополь как центр принявших православие калмыков, одной из целей его основания было упрочение

и распространение среди них христианства. Русская Православная церковь сыграла исключительно большую роль в жизни Самарского края, в формировании духовно-нравственного потенциала, просветительской деятельности региона. Церкви были центрами образования и культуры, архитектурными памятниками, символизируя собой идеи территориального и духовного единения. Изучение истории родного края немыслимо без изучения его духовной составляющей, особенно в дореволюционное время, когда религия и Церкви оказывали определяющее влияние на мировоззрение человека.

В 1737 г. на протоке Куней Воложке была заложена крепость, позднее, вместе с приписанным к ней старинным посадом, получившая статус города. Он стал центром Ставропольской провинции, включенной в состав Оренбургской губернии [10, с. 76]. Поскольку одной из целей основания города было упрочение и распространение христианства среди калмыков, ему решили дать название Ставрополь, в переводе с древнегреческого Город Святого Креста. Это название осталось за городом до 1964 года [12, с. 331–336].

Основателем Ставрополя стал В.Н. Татищев, руководивший Оренбургской экспедицией (комиссией) в 1737–1739 гг. [11, с. 979–981] Он осуществил закладку города, руководствуясь необходимостью защиты России от набегов башкир: крепость занимала срединное место между Закамским и Оренбургским укреплениями. Город имел перспективу развития благодаря выгодному географическому положению на главной водной магистрали России. Сама Оренбургская экспедиция «преследовала на континентальном азиатском направлении, кроме политических, торгово-экономические интересы России и российского купечества» [1, с. 948]. Кроме того, она пополнила российскую науку новыми знаниями [2, с. 55–58].

С самого начала Ставрополь задумывался как центр принявших православие и переселившихся в наши края калмыков, одной из целей его основания было упрочение и распространение среди них христианства. Возглавлявшие ставропольское духовенство архимандрит Никодим (Ленкевич), затем протоиерей Андрей Чубовской в совершенстве знали калмыцкий язык и были блестяще образованы для ведения миссионерской деятельности. Благодаря этому обращение калмыков в православие проходило формально: крещеные калмыки продолжали исповедовать буддизм, налицо было двоеверие. Вместе с калмыками на новые земли стали переселяться и русские, власти надеялись, что совместное проживание позволит приучить калмыков к оседлому образу жизни, земледелию.

Когда весной 1738 г. приступили к постройке нового города, в первую очередь заложили церковь во имя Святой Троицы. Из Астра-

хани в Ставрополь была доставлена и походная церковь во имя Воскресения Христова [4, с. 514–515; 7, с. 1–35]. По распоряжению Святейшего Синода в Ставрополь переехали архимандрит Никодим (Ленкевич) и протоиерей Андрей Чубовской. К концу лета 1738 г. в Ставрополь прибыли переселенцы из крещеных калмыков и раскинули свои 700 кибиток в лесу, близ берега Волги, за несколько верст от города [7, с. 1–35].

В середине октября 1738 г. Ставрополь посетил В.Н. Татищев и нашел там все «изрядно» отстроенным, согласно чертежу. Однако Троицкая церковь, доведенная до главы, показалась ему маловатой. И хотя первый комендант Ставрополя А.И. Змеев «рассуждением в это время представлял, чтобы построить три средственных, чем иметь одну великую», В.Н. Татищев предложил построить одну большую церковь [8, с. 261–263]. Татищев распорядился в самое ближайшее время построить для переселенцев необходимые жилые и хозяйственные помещения, открыть больницы и школы, а у правительства просил калмыкам лекаря, подлекаря и необходимые медикаменты. Обосновывая необходимость открытия школы для калмыцких детей, он писал, что «знание ими русского языка много способствует к усвоению русской национальности между ними и в самом семейном быту».

27 января 1739 г. Правительствующий Сенат препроводил в Коллегию иностранных дел указ Ее Императорского Величества об устройстве быта калмыков, в котором были учтены почти все предложения В.Н. Татищева. Кроме того, Коллегия иностранных дел распорядилась назначить несколько священников в открытые улусы, изготовить для калмыков несколько походных храмов и построить в Ставрополе и улусах школы для детей за казенный счет. Активность в устройстве подобных школ проявляли как российские государственные деятели, так и сами калмыки [3, с. 45].

Перевод на калмыцкий язык Символа веры, Нового Завета, 10 заповедей и необходимых молитв Коллегия иностранных дел поручила состоящему при княгине Анне Тайшиной переводчику Ивану Кондакову. Ему же было поручено в воскресные и праздничные дни говорить в городском соборе «вразумительные показания» (проповеди и поучения) на калмыцком языке, чтобы калмыки «могли придти в лучшее познание православной веры». За эти труды Ивану Кондакову дали двойной оклад жалования [7, с. 1–35].

В начале 1737 г. архимандрит Никодим освятил Троицкую церковь, по Императорскому указу она состояла на высшем окладе содержания, все ее клирики были наделены пахотной и сенокосной землей. С 1798 г. до 1835 г. года вместо отобранной земли клирикам

было положено отпускать жалование хлебом – ругу. Каждому священнослужителю дали по 100 рублей подъемных, церковнослужителям – по 50 рублей. По указу 1737 г. в штате ставропольской церкви состояли 1 архимандрит, 3 священника, 7 церковнослужителей (дьячки, пономари, звонарь). Несколько позже в штате появился диакон. Святейший Синод распорядился выдавать жалование: архимандриту Никодиму – 300 рублей в год (эта сумма была оставлена его преемнику протоиерею Андрею Чубовскому), священникам – по 200 рублей в год, церковнослужителям и причетникам – по 100 рублей в год. Однако правительство уменьшило затем оклады духовенства [4, с. 514–515].

Штатное расписание было составлено таким образом, что определяло тут же и служебные обязанности, и поощрительные меры. «Протопоп, он же и правитель духовных лиц» – эта наставническая деятельность финансировалась дополнительными пятьюдесятью рублями, а также «ему хлеба 24 четверти, ржи и овса пополам. Этот оклад полагается по особенному нынешнего протопопа Андрея Чубовского достоинству и по довольному его в калмыцком языке искусству». И далее оговаривалось, что в случае, если эту должность займет другой священнослужитель, то такой оклад сможет получать только тогда, когда будет иметь «такое же достоинство и труды изъяснить и так калмыцкий язык будет знать» [16, с. 49].

На содержание ставропольского духовенства выделялось 1526 руб. в год. Для сравнения отметим, что на содержание городского правления (коменданта, канцелярии, лекаря, комиссара) выделялось 1100 рублей, на содержание калмыцко-русской школы – 476 руб.

Архимандрит Никодим скончался в 1739 г, возглавить духовное правление в Ставрополе было предписано протоиерею Андрею Чубовскому [7, с. 1–35, 88, 106–110].

Андрей Иванович Змеев в 1739 г. сообщал Коллегии иностранных дел, что «протопоп Чубовский и школьники (Ляхов и Бестужев) бывают непрестанно в степях по улусам при крещеных калмыках, и производится от них тем калмыкам через калмыцкий диалект наставление христианского закона и обучение молитвам и крестному знамению; оной же протопоп как княгиню, так и всех крещеных калмык чрез тот калмыцкий диалект исповедует и прочия духовные требы исправляет один, а прочие священники и диакон, також и церковники, присланные из Казани, за незнанием (калмыцкого языка), того не исправляют, и за тем в посылки по степям к калмыкам не употребляются и такой трудности не имеют, и отправляют только одну службу в крепости при церкви» [4, с. 514–515].

6 июня 1741 г. Сенатом был издан Указ, в котором говорилось: «Для обучения калмыцких детей русскому и калмыцким языкам и грамоте школы в Ставропольской крепости завести и на содержание их денег определить, убавя из жалованья тамошних священников, у диакона, церковников, как во мнении полковника Змеева написано, и те школы поручить протопопу Чубовскому» [4, с. 514–515]. Сэкономленные 500 рублей пошли на содержание школы.

Школа открылась, и на первых порах в ней обучалось всего 10 мальчиков, затем их число возросло до 50. Калмыкам переводились на их родной язык молитвы и книги, для них был издан Новый Завет. Было решено уменьшить жалованье священникам и диаконам, не знавшим калмыцкий язык. А на сэкономленные деньги не только построить школу, но и, по возможности, содержать ее [7, с. 1–35, 106–110].

Одновременно с ходатайством об ассигновании 500 руб. на школу, А.И. Змеев просил выделить 800 руб. на постройку церквей в четырех калмыцких слободах, «а к тем церквям колокола и книги, и ризы, и прочия церковные потребы». Прося определить в каждой церкви священника, диакона, дьячка и пономаря, А.И. Змеев полагал, что они смогут довольствоваться одними доходами и земельным наделом, без государственного жалования. Правительство утвердило и это предложение А.И. Змеева.

По просьбе наместника Оренбургского края И.И. Неплюева Сенат постановил, чтобы в калмыцкие школы были определены, кроме калмыцких детей, дети священнослужителей из Казанской губернии, которые, как предполагалось, выучат калмыцкий язык и займут священнические места в калмыцких слободах [4, с. 526, 553].

Внешняя благопристойность городской жизни плохо сочеталась с жизнью в отдаленных улусах, где по-прежнему духовными наставниками оставались жрецы-гелюнги, а в кибитках на почетном месте с иконой Николая Угодника соседствовал идол-бурхан.

Академик Иван Лепехин писал, что ставропольское духовенство «крайне старается соблюдать в них (калмыках) целостность нашего закона: почему находящийся в Ставрополе протопоп отец Дубовский, искусный в калмыцком языке, нередко объезжал все их усадьбы и смотрел, не имеют ли они каких развращенных книг. Если у кого такая книга найдется, то отец имеет власть не только отнимать их, но и по духовенству наказывать виновных плетью, что калмыцкой подлости разуместь должно».

Через 10 лет, в 1748 г., в Ставрополе и его окрестностях обитало уже 8698 крещеных калмыков. Местные власти стали более внимательно относиться к мотивам, по которым прибывающие калмы-

ки принимали православие. Желающих креститься калмыков спрашивали об искренности их поступка, и, когда получали ответ, что они принимают христианскую веру не ради льгот и права ведения торговли на новых поселениях, то по совершении таинства крещения отправляли их на отведенные земли.

Политика правительства в отношении перевода калмыков на оседлый образ жизни не удалась, слишком глубоки были традиции и привычки кочевников. Нередко случались факты бегства калмыков из Ставрополя. Ставропольские калмыки в религиозном отношении христианами были только по имени, а по сути оставались верны прежней вере. Как писал протоиерей Дмитрий Орлов, «ламайское духовенство, хотя разоряло калмыков своими поборами, но умело своим влиянием, раскрытием своего вероучения удерживать их в прежней вере, не стесняя внешней их свободы» [7, с. 52, 56, 59–60].

Самый первый ставропольский храм, заложенный вместе с основанием крепости, был мал и тесен, в нем поместили походную церковь со всеми ее принадлежностями, а в 1739 г. начали строить новый пятиглавый Троицкий храм. Он был освящен в 1743 г. протоиереем Андреем Чубовским, ставшим первым его настоятелем. Василия Никитича Татищева не было на освящении храма: в конце 1739 г. он был отправлен в отставку. Жители Ставрополя сразу же за красоту нового храма прозвали его «красным», т.е. красивым. В него перенесли все иконы и утварь из малого храма. Простоял Троицкий храм недолго: то ли из-за спешки, то ли из-за низкой квалификации строителей углы храма стали расходиться, бревна выпадать, «во время дождя бывает в ней такая теча, что св. литургия с трудом совершается». Расследование показало, что он был построен без связи бревен друг с другом. И.И. Неплюев в 1745 г., после своего посещения Ставрополя, обратился к правительству с просьбой построить новый каменный храм [4, с. 514–515]. Проектирование Троицкого храма было поручено Петру Трезини. Он сделал два проекта, из которых один был утвержден.

Новый каменный собор, названный Троицким, был построен и освящен в 1750 г. Но служба в нем шла только летом, поскольку он не отапливался. В зимнее время служили в зимнем приделе, называемом Андреевской церковью, в честь апостола Андрея Первозванного.

Особо почитаемой иконой Троицкого собора была икона Казанской Божией Матери. Эту икону написали для собора в 1750 г. братья Кособрюховы, солдаты второго батальона Нижегородского пехотного полка, бывшего в то время частью Ставропольского гарнизона.

Помимо Троицкого собора с приделной Андреевской церковью, в Ставрополе долгие годы функционировали еще 2 церкви: во имя Успения Божией Матери и во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

С момента основания у Ставрополя появились русские служилые люди, преимущественно бывшие солдаты. Их привлекали предоставляемые правительством льготы переселенцам. Но если калмыки находились под опекой правительства, обеспечивающего их экономический и хозяйственный быт, то русские пришельцы просили у правительства лишь места для жительства да строительный материал. Они избрали для своего поселения местность к востоку от крепости. Вскоре там возникла целая слобода, названная Солдатской. Едва только ставропольские слобожане устроили свой быт, они сразу же, в 1738 г. (по другим сведениям, в 1742 г.), обратились к Казанскому епархиальному начальству с просьбой разрешить им построить храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Церковь была сооружена из дерева уже в следующем 1744 г. и тогда же освящена [7, с. 39–40; 14, л. 99]. Ее клир состоял из священника, диакона, дьячка и пономаря. Кроме жалования хлебом и овсом, клирики с 1744 г. получали следующие оклады: священник – 60 рублей в год, диакон – 40 рублей, дьячок и пономарь – по 18 рублей в год [7, с. 40–41]..

Кроме Солдатской, в городе была еще и Купеческая слобода. Купцов в Ставрополь привлекала беспроцентная торговля, бесплатное предоставление жилья на время торговли и другие льготы. Российское правительство поручило В.Н. Татищеву и А.И. Змееву по окончании основных строительных работ в крепости построить для торговли вне города 20 лавок на казенный счет. Неудивительно, что вторым названием основанной в 1740 г. Купеческой слободы было название Миллионной.

В 1741 г. купцы решили выстроить свой храм, тем более что правительство обещало им помощь строительным материалом и деньгами. В 1742 г. состоялась торжественная закладка храма во имя Успения Пресвятой Богородицы, а в 1744 г. (по другим сведениям в 1742 г.) этот храм (с приделом Архангела Михаила) был построен и освящен [7, с. 38–39; 15, л. 17]. Причт этой церкви получал такое же жалование, как и Рождественской. На первом ярусе иконостаса Успенского храма была примечательна своей красотой икона с изображением Креста Господня и страданий Христовых, написанная в 1750 г. братьями Кособрюховыми [6]. В церкви находилось 3 старинных Евангелия 1745–1748 гг. и 1796 г. В церковной библиотеке насчитывалось более 170 томов книг духовного содержания и

церковная периодика. Успенскую церковь посещали солдаты, мещане, купцы, проживающие неподалеку, и крестьяне из трех деревень.

Стараниями протоиерея Андрея Чубовского на городском кладбище были построены еще одна церковь и часовня. Церковь сделали теплой и освятили во имя Воскресения Христова [7, с. 41]. Это первое ставропольское кладбище (Воскресенское) и Воскресенская церковь находились в 200 саженьях (420 метров) от города [17].

В 1750 г. Ставрополь имел следующий вид. Он состоял из укрепления, огороженного палисадом, с тремя воротами. Вне укрепления находились две слободы: Солдатская и Купеческая. Домов в крепости и слободах насчитывалось до 500, а население города составляло 1160 человек. Из них купцов и мещан было 30 человек, казаков – 100 человек, членов различных цехов – 250 человек. Главных улиц в городе было три: Соборная, Миллионная (Купеческая) и Посадская.

Заметный след в истории Ставрополя оставил последний руководитель Оренбургской экспедиции и первый оренбургский военный губернатор И.И. Неплюев. Он постоянно заботился об укреплении христианства среди калмыков, просил, чтобы в Ставрополь присылали священников, знающих калмыцкий язык. Он настаивал на переводе Евангелия, создании калмыцкого букваря [5].

Сохранилось свидетельство очевидца, рассказывающего о Ставрополе того времени: «Соборная церковь внутри города каменная о пяти главах во имя Живоначальной Троицы; другая деревянная на посаде, во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом Архангела Михаила, третья деревянная в солдатской слободе, во имя Рождества Пресвятой Богородицы» [9, с. 306].

Петр Паллас, будучи в Ставрополе в октябре 1768 г., писал: «Город Ставрополь имеет приятное положение на восточном высоком берегу рукава Волги, который Куньей Волошкой называется. С сухопутной стороны сие место окружено приятными сосняком и березняком, обросшими увалами, а по ту сторону Волги видны на правом берегу высокие известковые горы, проименованные Жигулевскими по находящейся между ими деревне Жигулихе. Средняя часть города представляет крепость, состоящую из палисадов, башен и одной батареи. В оной находятся две церкви, из коих одна деревянная, а другая каменная, хорошо построенная соборная церковь; сверх того хорошие для коменданта и воеводы дома, канцелярия, Оренбургской губернской канцелярии подсудная; также дома калмыцких начальников и других в службе состоящих чиновных людей, мучной и соляной магазин, рынок и школа. В верхней части построены улицы, в коих живут гарнизонные солдаты и казаки;

также есть там деревянная церковь, а еще другая находится в построенной ниже крепости купеческой слободе. Вообще число домов простирается до четырехсот пятидесяти» [13, с. 16–17].

Через несколько лет после основания Ставрополя протоиерей Андрей Чубовской образовал в нем духовное правление, в состав которого, кроме него самого, вошли два соборных священника и два подьячих. В обязанности духовной и светской власти Ставрополя входило надзирать, чтобы народ добросовестно исповедовал христианскую веру и жил в соответствии с ее заповедями. В своем донесении Сенату 8 ноября 1744 г. И.И. Неплюев писал: «Что касается веры и благочестия, то сие хотя и есть особливо от духовного, а не от светского правления зависящее; но понеже к добропорядочному их содержанию одно другому способствует и доброй порядок без благочестия, равно же и благочестие без порядка установлено и содержано быть не может, а к тому от одного духовного правления, за обширным тех калмык расположением, все и усмотрено быть иногда не может; того ради между прочаго тамошний градский командир, по согласию с духовным правлением, должен завсегда и сего наблюдать, чтобы все оные крещенные калмыки по должности христианской пребывали и к церкви Божией приежали и общения Святых Таинств не лишались, а особливо б никаких прежних их идололаторских забобов, и всего того, что Православной христианской вере предосудительно между ими не было». Если такой проступок обнаружился, то исправление и суждение по этому вопросу было в компетенции духовного правления, а «градскому командиру в те дела собой не вступать и не мешаться... Но помогать духовному правлению, если ему такая помощь будет нужна, и... ничего не упущать» [4, с. 550–551].

Духовные чины получали казенное жалованье и отчитывались в своей работе перед Синодом. Протоиерей Андрей Чубовской был благочинным Ставрополя и калмыцких приходов. Он правил всеми духовными делами, к его голосу всегда прислушивались городские власти. Вместе со священником Иваном Петровичем Ляховым и миссионером Яковом Гавриловичем Бестужевым, хорошо знавшими калмыцкий язык, отец Андрей часто объезжал калмыцкие улусы, любил служить в походном храме. Этот храм находился на вершине холма, расположенного недалеко от села Раковка. Обращались к Андрею Чубовскому не только с духовными нуждами, он пользовался большим доверием простых «чернокостных» калмыков, которые просили его походатайствовать об освобождении на 5 лет от некоторых повинностей: нарядов на общественную распашку, «от поборов, подвод и работ на владельцев, зайсангов и ротных ко-

мандиров». Действительно, протоиерей Андрей писал по этому поводу И.И. Неплюеву, заступаясь за бедных калмыков. Умер протоиерей Андрей Чубовской 26 марта 1780 г.

Оренбургское Духовное правление, подчинявшееся Казанской консистории, отвечало за состояние социально-религиозной жизни Ставрополя: ведало распорядительными и судными делами, охраняло чистоту христианской веры и нравственность, искореняло суеверия и расколы, следило за религиозным просвещением мирян и соблюдением ими церковных законов.

Благодаря своей изначальной миссии – быть центром крещеных калмыков – г. Ставрополь по своему интеллектуальному потенциалу не был похож на остальные провинциальные города Российской империи. В городе был высок уровень общей грамотности, в нем имелось 4 церкви, которые были не только духовными, но и культурно-просветительскими центрами. Таким образом, церковная жизнь в Ставрополе вскоре после его основания была насыщенной, по-своему интересной, в ней принимали участие, за малым исключением, почти все городские жители. Активное церковное храмостроительство, просветительская деятельность духовенства и верующих в наше время – все это позволяет надеяться на то, что город Тольятти со временем будет достоин обрести свое прежнее имя города Святого Креста. Православная вера, как и столетия назад, начинает служить для большинства горожан тем нравственным ориентиром, по которому они стараются сверять свою жизнь.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Smirnov Yu.N. The Modernization Concept as an Integrative Framework for the Methodology of Studying Topical Issues in Russian History // Былыегоды. Российский исторический журнал. 2016. № 41–1 (3).
2. Артамонова Л.М. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730–1770-х годов на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Материалы Междунар. симпоз. Екатеринбург, 2006.
3. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2001.
4. Витевский Н.В. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т. 1.
5. Назаров Николай. Ставрополь у своих истоков // Ставрополь-на-Волге. 1994. 22 марта.

6. Назаров Николай. Успенская церковь // Тольятти сегодня. 1995. 28 марта.
7. Орлов Дмитрий, протоиерей. Ставрополь и его храмы. Самара, 1882.
8. Попов Н.А. Татищев и его время. М., 1861.
9. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. 1762. Гл. 4. Часть 2.
10. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). 1896 г.
11. Смирнов Ю.Н. Новые материалы для изучения создания и содержания «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова – выдающегося памятника русской исторической мысли XVIII века // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27.
12. Смирнов Ю.Н. Переустройство юго-восточных губерний дореформенной России в процессе их освоения // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2013. № 3.
13. Ставрополь-на-Волге и его окрестности в воспоминаниях и документах. Тольятти: Городской музейный комплекс «Наследие», 2004.
14. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 16. Д. 3.
15. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 16. Д. 181.
16. Четыре века Ставрополя-Тольятти. Хроника городской жизни. 1737–2007. Самара, 2007.
17. Якимова Т.А. Ставропольские кладбища // Малая музейная энциклопедия. Тольятти, 2006.

Е.Ю. Фенько (Ростов-на-Дону)

ФЕНОМЕН АБРЕЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОЯВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Абречество является неотъемлемой частью системы традиционных институтов, издавна присущих народам Северного Кавказа. Встав в один ряд с куначеством, обычаем кровной мести и гостеприимством, абречество представляет собой интерес для исследователей истории и культуры северокавказского региона. По своей сути, оно являло собой феномен, т.к. в других регионах России не существовало аналогов. На территории Северного Кавказа наибольшее распространение это явление получило в Чечне, Ингушетии и Дагестане [6, с. 9]. В отечественной историографии проблема появления самого института абречества и его трансформации поднимается в работах М.М. Блиева и В.В. Дегоева, В.О. Бобровнико-

ва, Ю.М. Ботякова, И.Е. Дунюшкина, В.Х. Кажарова, А.К. Кулумбековой, А.С. Мирзоева.

Фундаментальный совместный труд историков-кавказоведов М.М. Блиева и В.В. Дегоева «Кавказская война» появление абречества объясняет посредством специфичности феодализма, сложившегося у горцев, одной из основ которого являлась «набеговая система» [1]. Этнологи В.О. Бобровников и Ю.М. Ботяков в своих работах проводят содержательный анализ понятия и рассматривают его эволюцию посредством развития взаимоотношений среди самих горских обществ и взаимоотношений с противоборствующей стороной, то есть с Россией [2; 4]. Адыговед В.Х. Кажаров в своей докторской диссертации акцентирует внимание на взаимосвязь традиционных институтов горцев Северного Кавказа и на мотивационные причины появления абреков среди закубанцев [6]. Несмотря на то, что основные боевые действия на Кавказе были завершены в середине XIX века, периодически продолжали вспыхивать восстания горцев и появляться «новые» абреки. Уральский историк И.Е. Дунюшкин в своей статье рассмотрел вопросы обеспечения безопасности в начале XX в. и нейтрализации вновь активизировавшихся абреков на Северо-Восточном Кавказе [5]. А.К. Кулумбекова также исследовала влияние и сущность абречества на развитие межнациональных отношений в Терской области начала XX в. [7]. А.С. Мирзоев, в отличие от своих коллег, рассмотрел происхождение данного института, его проявления и трансформацию на примере исторического развития адыгского общества [8].

Уникальными представляются сведения, полученные от непосредственных очевидцев событий, связанных с абреками. «Воспоминания кавказского офицера» барона Ф.Ф. Торнау содержат в себе не только описание кавказских народов (в том числе садзов-джигетов и убыхов), исчезнувших в ходе мухаджирского движения, но являются чуть ли не единственным историческим источником, способным поведать о культуре исчезнувших народов, но и об абреческом движении среди этих народов северокавказского региона [9].

Несмотря на значительную изученность этого сюжета в историографии, по данной теме, следует выделить такие малоизученные исследовательские проблемы, как история абреческого движения, соотношение таких явлений, как абречество и наездничество, абречество и набеговая система. В данной статье предпринимается попытка обобщить ранее известные сведения об абреческом движении: его появление, сущность и трансформация с учетом развития горских обществ и их взаимоотношений с Россией.

Еще в XVII в. Закавказье представляло собой интерес для горских обществ. В начале XVII в. в горных районах Дагестана зародилось миграционное движение, которое привело к частичному заселению Кахетии. Данный процесс проходил мирным и постепенным путем, таким образом, не вызывая у местного населения сопротивления. Грузинская знать пользовалась услугами иммигрантов для защиты границ своих владений, а крестьяне заручались поддержкой горцев в случае усиления феодального гнета со стороны местной знати.

Распад родовых отношений и появления феодальных привело к усилению Джарского общества в середине XVIII в., и теперь, горцы все чаще и чаще совершали уже набеги на грузинские княжества не с целью обосноваться на их землях, а поработить местное население, угнать их скот и обложить данью. Историки-кавказоведы М.М. Блиев и В.В. Дегоев дали свое описание этому явлению: «Военные походы горцев были прежде всего организованной охотой за людьми в целях работорговли или получения выкупа» [1, с. 109].

Набеговая система чеченцев складывалась похожим путем. До переселения на равнины и резкого поднятия уровня экономики, набеги носили неоднородный характер, не неся собою значительного урона у пострадавшей стороны. Об этом свидетельствует записка В.И. Голенищева-Кутузова, приведенная в пример историками М.М. Блиевым и В.В. Дегоевым: «Пока чеченцы были бедны, пока народное население, разбросанное по редким хуторам на равнине, не составляло сплошных масс, они были покойны и не тревожны...» [1, с. 125]. От чеченских набегов стали страдать все сопредельные им территории, в том числе Кабарда, Дагестан и родственная Ингушетия. С началом строительства Кавказской линии в XVIII–XIX вв., чеченцы начали предпринимать набеги и в северном направлении.

У адыгских племен также практиковалась практика набегов. Одним из факторов, побудивших их к этому, является их соседство с татарами, которые также совершали набеги на принадлежащие адыгам территории. О чем свидетельствуют записи в дневнике итальянского путешественника Дж. Интериано, который посетил Черкессию в XVI в. С XVIII в. набеги адыгов стали носить организованный характер. Примечательным является то, что социальный статус не имел значения для предводителя, важнее всего считались его личные качества, такие как храбрость и выносливость.

Говоря о набеговой системе и упоминая наездничество, подчеркивается их неразрывная связь с институтом абречества на этапе зарождения и становления государственности у кавказских народов и их в борьбе за независимость от Российской империи. Од-

нако, между кодексами абречества и наезднической практики существовал ряд отличий. К примеру: «абреческая традиция не знает оплакивания погибших, погибших абреки могут оставить врагу» [8, с. 18–19]. Согласно же наездническому этикету, обязательным являлось передача тела, погибшего родственникам. Невыполнение данного обязательства могло привести к кровной мести со стороны семьи погибшего.

В отечественной историографии принято разделять абреческое движение на два периода: до и во время Кавказской войны [3, с. 256]. Хотя, война и закончилась официально в 1864 году, военные столкновения между горцами и императорской армией происходили весь следующий год на Северо-Западном Кавказе. Это обуславливалось тем, что в ту часть Кавказа перешли оставшиеся абреки, которые продолжали с яростью оказывать сопротивление царской России. В дальнейшем горцы также возрождали институт абречества вплоть до 30-х гг XX века, но это было уже не повсеместным явлением, а скорее исключением из правил. Время Кавказской войны – своеобразный «золотой век» абречества [4, с. 254].

До Кавказской войны абречество носило преимущественно изгнанныческий характер. Родовые связи и обычай кровной мести переплелись и породили такое явление, как абречество. В абреки уходили люди, неспособные сосуществовать с другими индивидуумами в рамках общепринятых взаимоотношений в традиционном укладе жизни горцев, и таким образом обязующиеся уходить из родных селений под предлогом различных причин. Единственным гарантом безопасности для абрека становилось поведение под лозунгом: «Лучшая защита – нападение» [7, с. 96].

Одно из поздних осетинских преданий, повествующих о периоде Кавказской войны, гласит: «Получив от отца запрет жениться на своей избраннице, молодой осетин предлагает себя русскому командованию в качестве проводника. В случае успешного захвата его родного селения, как вознаграждение за предательство, он требует права взять девушку себе. Но русские в тот раз были отбиты от крепости, а молодой осетин попал в плен к сородичам. Собравшиеся на суд старейшины единодушны в решении, что за свое преступление изменник должен поплатиться жизнью, но кульминацией сюжета становится предложение одного из старейшин: «Нет, – заговорил Сави, – лучше его изгнать из общества абреком» [4, с. 263–264].

Полное отвержение законов и устоев жизни общества, конфликтность и неуживчивость, делало новоявленных абреков маргиналами по отношению существовавшего тогда общества. В XIX в. слово «абрек» становится синонимом всякого «немирного

горца», то есть людей, выступавших против колониальной политики царизма, ведущих партизанскую вооруженную борьбу [7, с. 97]. С началом открытого военного противостояния двух враждующих сторон в XIX в., институт абречества приобрел новое значение.

Для объективного исследования проблемы требует освещения тот факт, что в эпоху «Кавказских войн империи» обе стороны не брезговали самыми изощренными методами борьбы с противником. В период наместничества на Кавказе генерала А.П. Ермолова (1817–1827 гг.) русские войска сжигали целые аулы, наказывали непокорное население, захватывали его скот и прочее имущество [2, с. 21].

Кавказская война привлекала самое пристальное внимание российского общества XIX в. В свет выходили многочисленные публикации, авторами которых являлись офицеры, служившие на Кавказе. В публикациях также отражался и феномен абречества. Ф.Ф. Торнау является одним из ярких представителей прогрессивного русского офицерства периода присоединения Кавказа к России. Он собрал и опубликовал многочисленные материалы по этнографии, истории и исторической географии Западного Кавказа, показывающие нам широкую картину кавказских народов первой трети XIX века. Таким образом, в своих воспоминаниях барон Торнау пишет о причинах ухода в абреки: «Абречничество распространилось за Кубанью в то время, когда бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы, мстить русским. Скоро из разных мест молодые люди стали уходить к неприятелю, провозглашая себя абреками, без другого повода кроме удачества и страсти к похождениям. Гораздо меньшее число делались абреками, имея действительную причину жаловаться на русских. Нельзя не признаться, что и в таких не имелось недостатка [8, с. 275–276]. Так, не сумевшие доказать свою невиновность, ногайские князья братья Карамурзины были вынуждены бежать в Шегирей, чтобы не угодить в острог. Ф.Ф. Торнау не обошел данный прецедент стороной: «Однажды в горах они так же горячо предались жизни абреков, как прежде честно и откровенно служили нам. Лишившись всего своего состояния, они могли существовать только грабежом. Такова была судьба каждого черкеса, бежавшего в горы из русских пределов» [8, с. 278].

Непосредственные участники Кавказской войны прекрасно понимали, что далеко не все воевавшие против русских войск кавказцы, строго говоря, могли именоваться абреками [4, с. 260]. Пото- му как закубанские кабардинцы считались абреками не по нормам адыгского обычного права, а прежде всего по законам Российской

империи, которая в свою очередь представляла свою колониальную политику как меры борьбы с разбойниками. Само же кабардинское общество не изгоняло их, не ставило вне закона, а поэтому на первых порах не могло относиться к ним как к преступникам, лишенным всех прав [6, с. 452].

Новым поворотом в истории существования института абречества на Северном Кавказе стал вопрос перераспределения земель в Терской области во второй половине XIX – начале XX века. После завершения Кавказской войны, на территории Хасавюртовского округа, кумыкские князья добровольно решили уступить часть своих земель крестьянам и обратились с этой просьбой к правительству для укрепления прав собственности и выдачи документов. Правительство выполнило лишь первую половину просьбы, наделив землей лишь узденей и князей, оставшуюся часть земель было решено отдать переселенцам.

Следует сказать, что кумыки издавна являлись скотоводами и появление нежданных соседей в лице немецких колонистов и русских крестьян вызывало у них чувство негодования. Т.к. последние принимались оживать землю по средством разведения виноградников и садов. Безусловно, такое использование земли более рационально, чем традиционное экстенсивное скотоводство, однако власти не утруждали себя разрешением неизбежно возникавших межнациональных конфликтов между новыми и старыми жителями Кумыкской плоскости [5, с. 65]. Все это не могло не давать оснований для определенной категории лиц совершать набеги на новоявленных и старых соседей и промышлять грабежом на плоскости. Кумыки же, подвергавшиеся набегам, не верили в торжество закона и редко подавали заявления. Однако тех, кто все-таки решался обратиться за помощью ожидали угрозы о скорой расправе.

Нельзя опускать тот факт, что царская администрация принимала довольно-таки изощренные методы борьбы с вновь появившимися абреками, которые, к слову, были малоэффективны, а лишь еще больше усугубляли и затягивали конфликт. Понимая, что неудачи во многом были обусловлены поддержкой населением абреков, власти жестко преследовали пособников, в роли которых чаще всего выступали близкие родственники, односельчане и даже просто соплеменники, недовольные властями [7, с. 11].

Строгому наказанию подвергались те, кто давал кров абрекам. В независимости от степени пособничества их сажали в тюрьму или ссылали в далекие края. Если же в пособничестве уличали целое село, хутор или аул, то они облагались огромным штрафом и там проводились массовые экзекуции и постой воинских отрядов, кото-

рые тяжелым бременем ложились на плечи сельчан [7, с. 11]. Все эти меры, конечно, способствовали уменьшению количества набегов и самих абреков, но все больше появлялось недовольных.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что появление социального института абречества у кавказских народов было закономерным явлением, т.к. отражало степень развития общества. Постепенно, с течением времени, институт абречества трансформировался и приобретал новые формы, продолжая уживаться с уже сложившейся практикой набеговой системы и наездничества. Институт абречества являлся формой выражения горцами своего мнения, порождавшего конфликты с обществом. Данный конфликт нередко завершался уходом горца в абреки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994.
2. Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. М., 2000.
3. Ботяков Ю.М. Абреки // Кавказ. Джигиты. Абреки / сост. В. и М. Котляровы. Нальчик, 2014.
4. Дунюшкин И.Е. Феномен абречества и уроки борьбы с ним на Северо-Восточном Кавказе в начале XX века // Проблемы истории, филологии и культуры. Магнитогорск, 2009.
5. Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / сост. к.и.н. Абазов А.Х. Нальчик, 2014.
6. Кулумбекова А.К. Абречество в свете межнациональных отношений в Терской области в начале XX века // Вестник Владикавказского научного центра. Владикавказ, 2015.
7. Мирзоев А.С. Институт абречества и его трансформация на Центральном и Северо-Западном Кавказе в период XVIII по 30-е гг. XX века (на адыгском материале) // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов. Сборник научных статей по материалам региональной научной интернет-конференции. Нальчик, 2015.
8. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 2008.

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В г. ГРОЗНЫЙ

Днем основания Грозного принято считать 5 октября (10 (22) июня – начало строительства крепости) 1818 г., когда на левом обрывистом берегу р. Сунжа (до войны, начавшейся в 1994 г., там располагался сквер им. А.П. Чехова) была заложена крепость Грозная.

Целью строительства крепости стало стремление генерала Ермолова, направленного на Кавказ царским самодержавием для усмирения непокорных чеченцев, загнать последних в горы и обречь на постепенное вымирание или уничтожение посредством карательных походов. Об истинной сути этого события ученый-кавказовед Л. Лавров писал так: «Когда генерал Ермолов, пройдя с боями вглубь Чечни, в 1818 г. заложил там крепость, то назвал ее Грозная, имея в виду, что имя ее будет наводить страх на чеченцев» [1, с. 54].

Ее строительство обернулось трагедией для более чем двух десятков чеченских аулов, которые стояли тогда на месте нынешнего Грозного. Все эти аулы были стерты с лица земли, а жители большей частью уничтожены.

За пределами территории, примыкавшей к крепости, располагалось военное поселение женатых солдат полка, созданное в 1839 г. Его жители несли не только тяжелую воинскую службу, но и занимались сельским хозяйством, выращивали хлеб, пасли скот, пряли из дикого льна волокно.

В 1840 г. в крепости проходил военную службу поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Лермонтов. В октябре 1850 г. в крепости побывал наследник российского престола 32-летний Александр Николаевич. В честь его приезда у в крепости появились и «Красные ворота». В 1851–1854 гг. в крепости несколько раз побывал молодой Лев Толстой, служивший на Кавказе [2, с. 12].

После отмены крепостного права царское правительство начало проводить реформы в стране, в том числе и на Кавказе. Стали создаваться специальные школы для обучения детей горцев. В 1863 г. в Грозном была создана горская школа, обучение в которой велось по программе, одобренной правительством. Администрации Терской области потребовался низший персонал чиновничьего аппарата из коренного населения (переводчики, писари и др.). Такие «кадры» решено было подготовить из детей зажиточной верхушки чеченцев и ингушей. С этой целью в Грозном, в указанном здании, и была открыта 28 ноября 1863 г. горская школа.

И уже в первые дни организации школы администрация попала в затруднительное положение: на те жалкие гроши, которые ей были отпущены, она не смогла приобрести учебники, пособия, создать хотя бы небольшую библиотеку. Общественность Грозного собрала необходимую сумму. Библиотека была создана и в дальнейшем пополнялась за счет пожертвований, сыграв заметную роль в культурной жизни города. С 1865 г. она была открыта для всех горожан.

К концу 90-х гг. XIX в. в горской школе и других учебных заведениях Грозного появились преподаватели-чеченцы, окончившие ее и сумевшие пробиться в высшие учебные заведения. Учителем-надзирателем в ней был и Таштемир Эльдарханов. Впоследствии политический деятель, член I и II Государственных Дум, а после революции – член Терского народного совета всех избраний. Один из воспитанников школы, Абдул-Муслим Магометович Магомаев (дед певца Муслима Магомаева) стал профессиональным музыкантом, известным композитором, одним из первых создателей национальных опер. Грозненская горская школа просуществовала до 1917 г.

1 марта 1867 г. в Грозном было открыто другое учебное заведение – женское бесплатное училище, состоявшее из двух классов: приготовительного и первого. В ней обучалось более двухсот учениц, и содержалось оно, как писала газета «Терские ведомости», «на суммы общественные, которые составляются из добровольных взносов благотворителей и других источников». При городском соборе существовала церковно-приходская школа.

К 1870 г. крепость утратила стратегическое значение и была преобразована в окружной город Терской области.

Однако этих учебных заведений было мало для того, чтобы охватить всех детей, нуждающихся в обучении. И в городской управе в течение многих лет из года в год ставился вопрос об открытии в Грозном городского училища. Только в 1896 г. в Грозном, уже известном всему миру нефтяными богатствами как «золотое дно», открывается, наконец, городское Пушкинское училище (в советское время вплоть до войны 1994–2000 гг. здесь находилась средняя школа № 13) [3, с. 8].

В мае 1895 г. в Грозном была учреждена городская дума – распорядительный орган городского управления. Первые выборы в Грозненскую городскую думу прошли в 1895 г. В период деятельности первой городской думы Грозный был беднее всех городов Терской области. Он не имел ни собственной больницы, ни даже городского училища. И если бы не открытие богатейших нефтяных залежей, которые в это время начали усиленно разрабатывать, Грозный

так и остался бы захудалым городком царской России. Культурная жизнь сразу оживилась, когда в 1893 г. на участке нефтепромышленника Ахвердова ударил первый грозненский фонтан небывалой мощности. В этом же году к Грозному подвели железную дорогу. А в мае 1894 г. в Грозный приехали артисты: Чарский, Васильев-Вятский, Лола, Дуров и др. На вокзале на новых фаэтонах их ожидали приодевшиеся извозчики. Они предлагали гостям отвезти их в чистенькую, только что отстроенную гостиницу «Франция» (до войны 1994 гг. в этом здании находился гастроном № 1 на проспекте Революции).

В 1876 г. любители театрального искусства образовали свое общество. Десять его наиболее активных членов взяли в банке заем и построили театральное здание (основательно реконструированное в советские годы, оно служило Дворцом пионеров и школьников). Вот как описывает его в газете «Терские ведомости» в 1878 г. очевидец: «Небольшое, но очень удобное и веселенькое каменное здание, включающее большой зал с хорами и сценою, гардеробные, буфет и пр.».

В театре ставились любительские спектакли. Собранные деньги шли в погашение ссуды. Были в городе любительские общества хорового пения, медицинское и др. Но жизнь их текла неровно. Возглавляя их часто военные (дирижеры, медики и др.), и с уходом воинских частей из города приходилось искать нового руководителя-энтузиаста.

Накануне Октябрьской революции население города составляло 45 тысяч человек, из них рабочих 20 тысяч, чеченцев – 3 тысячи. В городе было 11 учебных заведений, одна платная библиотека, которая обслуживало 5 % населения и 68 трактиров. Учащиеся составляли 6 % населения. 43 % населения было неграмотно.

С 15 января 1934 г. Грозный – центр Чечено-Ингушской автономной области, которая 5 декабря 1936 г. была преобразована в Чечено-Ингушскую АССР.

В 1929 г. была создана секция чеченских писателей при Грозненской ассоциации пролетарских писателей, из которой впоследствии возник Союз писателей Чеченской Республики. Председателем секции был Саидбей Арсанов. Входили в секцию шесть человек, первые чеченские писатели, зачинатели чеченской литературы: Ахмад Нажаев, Абди Дудаев, Шамсуддин Айсханов, Саид Бадиев, Магомед Мамакаев, Нурдин Музаев.

1 мая 1931 г. официально открылся Чеченский национальный театр. Большинство студийцев были малограмотны, почти не знали русского языка. Для них была разработана специальная учеб-

ная программа. Тем не менее, театр сразу завоевал популярность. Одними из первых чеченских актеров были Асет Исаева, Зинаида Исакова, Шамсудин Кагерманов и другие. Была создана и ингушская студия. Несколько лет в Чечено-Ингушском драматическом театре работал художественным руководителем Арчил Чхартишвили. В театре имени Шота Руставели была открыта специальная студия для подготовки молодых артистов из Чечено-Ингушетии. В национальном театре в разные годы работали режиссеры Мамед Алили, В.Э. Вайнштейн, Н.К. Децик, А.Г. Ридаль, М.Г. Минаев, балетмейстер Л.А. Леонов, художники Ираклий Гамрекели и Э.А. Бергард, композиторы Г. Мепурнов, А.А. Александров и другие деятели культуры, оказывавшие помощь в подготовке национальных кадров.

В 1937 г. в театре начал работать первый режиссер-чеченец – выпускник ГИТИСа Гарун Батукаев. Его первой работой в театре был его дипломный спектакль «Храбрый Кикила». В 1940 г. работникам театра Гаруну Батукаеву, Мовжди Бадиеву, Яраги Зубайраеву, В. Вайнштейну, Б. Ильясову, О. Горчханову, И. Ибрагимову были присвоены звания Заслуженных артистов ЧИАССР. В 1938 г. в ГИТИСе была открыта Чечено-Ингушская студия. Первые сорок выходцев из Чечни начали осваивать профессию артиста.

Чечено-Ингушский ТЮЗ вошел в число лучших театров СССР и был награжден Почетными грамотами Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР и Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР. В 1934 г. было построено новое здание Грозненского русского драматического театра имени М.Ю. Лермонтова. 26 октября 1939 г. состоялся первый концерт ансамбля песни и пляски Чечено-Ингушской АССР. Грозный стал центром культурной жизни республики.

По переписи 1939 г. население составляло 172 тысячи [4, с. 71]. Протяженность водопроводной сети составляла более 100 км, трамвайных путей – более 20 км. В городе было три вуза (нефтяной, педагогический и учительский) в которых учились 1300 студентов [5, с. 9]. Работали два научно-исследовательских института: ГрозНИИ и научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и искусства. Функционировали около 30 общеобразовательных школ, 4 техникума и ряд спецкурсов. В сфере здравоохранения было заведено 14 больниц, 4 роддома, множество поликлиник, детских садов и яслей.

В Грозном было четыре театра (Русский драматический, Чечено-Ингушский национальный, юного зрителя и кукольный); государственная филармония; четыре стационарных кинотеатра; два Дворца культуры; шесть клубов; девять массовых библиотек, две

детские школьные библиотеки и одна республиканская; Дворец пионеров и школьников, Дом народного творчества.

В столице Чечено-Ингушетии располагались два музея: Чечено-Ингушский краеведческий и изобразительного искусства. Открылась художественная студия, создан ансамбль песни и пляски. Были созданы творческие союзы: писателей, композиторов, художников, архитекторов. Издавались республиканские газеты: «Грозненский рабочий» (на русском языке), «Ленинаннекъ» (на чеченском), «Сердало» (на ингушском), «Ленинец» (молодежная на русском).

Благодаря масштабным работам по озеленению Грозный стал одним из самых зеленых городов Северного Кавказа. В центре города было несколько парков, самый крупный из которых – парк имени Кирова, располагавшийся на площади 12 га в излучине Сунжи. Рядом с Грозненским морем был разбит Грозненский дендрологический сад. В центре города были сооружены первые подземные переходы. Перед зданием Чечено-Ингушского театра (ныне здание Чеченской государственной филармонии) был построен цветомузыкальный фонтан [6, с. 12].

В городе были построены плавательный бассейн «Садко», дворец спорта завода «Красный молот». Всего насчитывалось 6 стадионов, 82 футбольных поля, 311 баскетбольных, волейбольных и городских площадок, 26 стрелковых тиров, 240 спортивных коллективов. Общее число физкультурников составляло более 130 тысяч.

В этот период Грозный был одним из крупнейших промышленных, научных и культурных центров Северного Кавказа. В 1984 г. в городе проживало 383,5 тысячи человек. Из них две трети было занято на промышленных предприятиях города, которых насчитывалось 60. Кроме трех вузов в городе работали 9 средних специальных учебных заведений, 11 научно-исследовательских учреждений, 82 школы, 30 технических училищ. Культурная сфера была представлена тремя театрами, филармонией, двумя музеями, десятками библиотек и кинотеатров. Местное телевидение вело цветные передачи по двум телеканалам. В городе насчитывалось 34 лечебно-профилактических учреждения, 25 женских и детских консультаций и поликлиник, в которых трудилось 1500 врачей и около 8 тысяч человек среднего медицинского персонала.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX–XX веках. М.: «Пульс», 2005.

2. Грозненский городской комитет обороны: документы и материалы / Бугаев А.М., Гапуров Ш.А., Шепелев В.Н., Музаев М.Н. и др. Грозный: Грозненский рабочий, 2015.

3. День абсолютного счастья / Каранова М. В. (составитель). Брянск: ГУП «Брянское областное полиграфическое объединение», 2015.

4. Еремекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. Алма-Ата: «Дайк-Пресс», 2009.

5. Казаков А.И. (составитель). Город Грозный. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1984.

6. Хатуев И.З. История культурного строительства в г. Грозный и Чеченской Республике. Сб. материалов «Город Грозный в современном изобразительном искусстве». Грозный, 2018.

С.В. Филатов (Ростов-на-Дону)

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ НА ЭТАПЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Процесс коллективизации сельского хозяйства СССР, достаточно изученный в советской и современной научной литературе, имел ряд региональных особенностей [1, с. 3–17]. Северный Кавказ являлся одним из тех регионов, где коллективизация проходила особенно трудно, что объяснялось как наличием здесь сложнейших классовых, национальных противоречий, так и специфическим религиозным укладом – распространением в селе сектантских движений. Только по неполным данным ОГПУ Северо-Кавказского края, в 1928 г. в регионе насчитывалось более 65 тыс. сектантов различного толка [9, л. 72]. Форсирование темпов социалистического строительства в деревне, начавшееся после XV съезда ВКП (б), поставило перед местными партийными и советскими организациями трудную задачу по вовлечению сектантских масс в сельскохозяйственную кооперацию.

Вопрос о состоянии сектантских организаций на территории края был специально поднят и обсужден 19 сентября 1928 г. на бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП (б). Согласно принятому решению краевые, районные партийные и советские организации должны были повести широкую хозяйственную, политическую и культурно-просветительную работу по привлечению «бедняцко-средняцких слоев» сектантства в общесооперативные объединения

крестьян. Стремясь не допустить распространения антисоветских настроений среди верующих, крайком ВКП (б) призвал районные органы власти принять все меры к недопущению обсуждений на сектантских собраниях каких-либо политических и экономических проблем в дискуссионном ключе [8, л. 10–11]. Однако курс на форсирование сплошной коллективизации деревни Северо-Кавказского края не оставил времени для разработки и реализации необходимых мер поддержки сельскохозяйственной кооперации среди общин верующих.

Хозяйственные кампании 1928–1929 г. вызвали протест большинства религиозных общин. Баптисты, евангельские христиане, меннониты, адвентисты седьмого дня, иеговисты, новоизраильяне и многие другие бойкотировали хлебозаготовки, государственные займы, отказывались вступать в «безбожные колхозы» [8, л. 45–71]. В станицах и хуторах Сальского, Армавирского, Кубанского и ряда других округов появились листовки, объявлявшие наступление Страшного суда, призывавшие всех верующих уходить из навязываемых властью артелей и коммун. Некоторые общины предприняли безуспешные попытки оформления религиозных трудовых кооперативов [3, л. 24–25]. Вскоре последовали репрессивные меры. Согласно решению Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в январе 1930 г. по краю принудительному выселению подлежало около 20 тыс. «кулацких» хозяйств, включая семьи членов церковных советов и глав сект [7, с. 106–107]. Известную роль в усмирении верующих сыграло постановление политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», где местным органам власти предписывалось пересмотреть законодательство о религиозных культах с целью исключения возможности превращения руководящих органов сект в «опорные пункты кулачества, лишения и вообще антисоветских элементов» [4, с. 151–152]. В результате на рубеже 1929–1930 гг. произошло резкое, на 68% сокращение численности сектантов по ряду общин Северного Кавказа, что отражало не только масштабы выселений кулаков, но и стихийной миграции верующих за пределы края [8, 4, л. 72; 3, л. 46–47]. Особенно широко миграционные настроения, по данным ОГПУ, были распространены накануне сплошной коллективизации среди баптистов, меннонитов, молокан и новоизраильян [8, л. 45–71].

С выходом 14 марта 1930 г. постановления ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» методы вовлечения сектантов в сельскохозяйственную кооперацию изменились. Объектом систематической работы партийных, советских ор-

ганизаций в 1930–1931 гг. стал т.н. «молокано-духоборский массив» Гигантовского района Сальского округа – территория компактного проживания общин молокан и духоборов, переселившихся в сальские степи из Турции и Закавказья в начале 1920-х гг. [8, л. 45–71].

Многочисленность сальских сектантов, насчитывавших в своих рядах к началу 1930-х гг. от 15 до 16 тыс. чел., была не единственным фактором, привлекавшим внимание партийных и советских органов [8, 4, л. 72; 3, л. 46–47]. К началу сплошной коллективизации молокано-духоборский массив отличался от прочих сектантских общин экономически крепким хозяйством и относительно развитой инфраструктурой. К концу 1920-х гг. в массиве действовали 9 сельскохозяйственных кооперативов (ТСОЗов), 2 кредитных товарищества («Серп и молот», «Труд и мир»), 10 молочных ферм, 15 маслобойно-сыроваренных заводов, мельница, многочисленные амбары для хранения зерна, небольшой парк сельхозтехники, 2 аптеки, 2 фельдшерских пункта и 3 школы [2, с. 11]. Определенные виды имели районные и краевые руководители на развивавшуюся животноводческую специализацию массива, которая в перспективе могла дополнить преимущественно зерновую направленность хозяйств Северо-Кавказского края [3, л. 26–27, 33]. Кроме этого, общины молокан и духоборов имели богатый исторический опыт построения коммун, основанных на обобществлении не только средств производства, но и имущества единомышленников [6, с. 125–134]. Господствовавший и в конце 1920-х гг. у сектантов, особенно духоборов, коллективистский дух мог быть востребован советскими организациями на ниве колхозного строительства. Наконец, в отличие от других сект Северного Кавказа молокане и духоборы фактически не имели руководящих общероссийских органов и общепризнанных лидеров. В 1924 г. в Канаде погиб бессменный лидер духоборов П.В. Веригин. Перенявший бразды правления общинами единомышленников его сын П. П. Веригин, с 1927 г. переселившийся в село Хлебоборное Сальского округа, был выслан за границу [8, л. 58]. Вскоре после этого значительная часть духоборов (8 общин Хлебоборинского сельсовета) вовсе отсеклась от П. П. Веригина как духовного вождя [3, с. 34]. Оказались предоставлены сами себе и молокане. В сентябре 1929 г. по решению IV всесоюзного съезда духовных христиан, состоявшегося в г. Самаре, прекратил свое существование возглавляемый Н. Ф. Кудиновым Центральный совет союза молокан. В своей резолюции съезд призвал верующих активно включиться в колхозное строительство на местах [6, с. 151].

Таким образом, к началу 1930-х гг. сложились необходимые условия для вовлечения хозяйств молокано-духоборского массива в советскую колхозную систему, чем не преминули воспользоваться власти. В течение 1930–1931 гг. Северо-Кавказским крайком ВКП(б) и Крайисполком приняли ряд постановлений, вскрывших недостатки прежнего административного подхода к сектантам. Основными направлениями работы краевых и районных организаций в начале 1930-х гг. стали всемерная хозяйственная помощь производственным кооперативам, фермам и заводам массива, пересмотр налоговой и землеустроительной политики, замена руководящих работников сел, проведение массовых культурных и политических мероприятий среди бедняцко-середняцкой части сектантов, организация комсомольских ячеек [10, л. 3–4; 11, л. 75–76].

Так, весной 1931 г. совхозом «Гигант» хозяйствам сектантов было передано более 10000 га земель, и заключены договора на ее совместную вспашку. В целях развития молочно-животноводческого направления хозяйств Крайисполком повысил нормы отпуска концентрированных кормов, содействовал предоставлению долгосрочного кредита в сумме 100 тыс. руб. на приобретение фермами 500 голов КРС, выделил необходимые стройматериалы для ремонта 20 сыроваренных заводов. По заявлениям в районный финансовый отдел был произведен возврат неправильно изъятого имущества при «раскулачивании», сняты дополнительные планы хлебозаготовок (в размере 13 тыс. центнеров зерна), а при распределении товаров внутри района на снабжение молокано-духоборских общин их стало отпускаться больше на 10–15%, чем прежде. Кроме этого, со стороны районного исполкома молоканам и духоборам оказывалась помощь в организации курсов подготовки и переподготовки кадров, предоставлялись дополнительные места в составе плenums РИКа, укреплялись председательским составом сельсоветы [3, л. 26–30]. В итоге процесс коллективизации оживился. Если до декабря 1930 г. в массиве не было колхозов, то уже в апреле 1931 г. представители молокано-духоборских общин на специально созванном в г. Сальске съезде по вопросам развития животноводства округа высказались за перевод своих молочно-животноводческих кооперативов с устава товарищества на устав артели. В мае 1931 г. коллективизированных хозяйств в массиве насчитывалось: по Хлеборобинскому сельсовету – 44,7 %, Ольшанскому – 17,6 %, Плодородненскому – 15,7 %, Михайловскому – 12 %, Журавлевскому – 8 %. К концу года духоборские хозяйства были коллективизированы на 22%, молоканские на 10%, а в целом по массиву доля коллективных хозяйств, включая ТСОЗы, составила 13% [3, л. 30, 31, 37].

Эти скромные цифры, тем не менее, говорили о наступившем в 1931 г. переломе в настроениях сектантов. Духоборы, включавшие 910 крестьянских дворов, из некогда упорных противников коллективизации, превратились в наиболее лояльную часть сектантов в отношении выполнения обязательств перед государством, хозяйственных мероприятий, коллективизации в целом. Этого удалось добиться при помощи активной работы сформированного в Хлеборобинском сельсовете опорного партийного комитета, сплотившего духоборскую бедноту и принявшем меры к перевыборам зажиточных общинников, оказавшихся в местной администрации. Колхозы Хлеборобинского сельсовета оказались экономически крепкими, где была привита индивидуальная и мелкогрупповая сдельная оплата, выход на работу составлял к общему количеству членов 80–90%. Наблюдался оживленный рост новых сельхозартелей. Вместе с этим, 370 дворов Хлебодаринского сельсовета по-прежнему состояли в подчинявшихся местным духовным лидерам религиозных коммунах, официально не признанных советскими и партийными организациями. Антисоветские настроения этой части духоборов подогревались, кроме всего прочего, скрывавшимися в их общинах пришлыми «кулаками» [3, л. 26–31, 33–41]. В 1931 г. по данным ОГПУ на территории сельсовета находилось более 80 «раскулаченных» из других районов края [3, л. 31].

В то же время, молоканская группа оказалась проникнута индивидуалистическим настроением настолько глубоко, что даже вопрос о религиозных коммунах здесь не был популярен. Основная масса верующих, особенно в селах Прилесная, Привольная, Журавлевка, находилась под сильным влиянием пресвитеров из зажиточных крестьян и бывших помещиков – Т. К. Подковыркова, Г. И. Рязанова, С. Т. Сливкова, А. Т. Лоскутова. Поэтому преобладающей формой кооперативов у молокан, как и прежде, являлись ТСОЗы, слабые организационно и страдавшие текучестью кадров. В отдельных сельсоветах явственно проявлялась тенденция выхода из колхозов. Например, в Журавлевском сельсовете из возникших в начале 1931 г. 2-х колхозов с 44 членами, к концу года остался только один с 10 крестьянами. Вместе с этим, из 22 кооперативов по переработке молока, игравших видную роль в экономике массива, к концу 1931 г. было переведено на устав артели всего 4, но без обобществления скота, т.е. формально. Нередки были случаи массовой распродажи и забоя молочного стада. Так, весной 1931 г. в одном только Ольшанском сельсовете молокане, поддавшиеся слухам о готовящейся эмиграции, продали до 28% наличных голов КРС [3, л. 26–31, 33–41].

По результатам обследования сельсоветов и отдельных общин молокан-духоборского массива, предпринятым в декабре 1931 г. комиссией Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) и Крайисполкома, были приняты меры поддержки колхозного строительства. В течение 1932 г. по Хлебодаринскому, Олышанскому, Журавлевскому, Плодородненскому и др. сельсоветам были заменены секретари и пропагандисты партийных, комсомольских ячеек, проведены пере-выборы Советов, правлений колхозов и молочных артелей, увеличено представительство молокан-духоборского массива на курсах по подготовке кадров. Для специального обслуживания сектантских общин в районных организациях вводились должности инспекторов районного партактива, исполкома, колхозного союза и др. В сельсоветах появились секции бедноты, расширялась сеть изб-читален и красных уголков [3, л. 41–45]. Все это, несомненно, способствовало коллективизации хозяйств массива, которая завершилась в основном лишь в середине 1930-х гг., когда единоличниками остались 150–200 духоборов Хлебодаринского сельсовета [5, с. 68–69].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону, 2005.
2. Вестник Духовных христиан молокан. 1927. № 3–4.
3. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 5. Д. 156.
4. Исторический архив. 1994. № 4.
5. Клибанов А.И. Из мира религиозного сектантства. М., 1974.
6. Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.
7. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 2. М., 2000.
8. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 692.
9. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 737.
10. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1030.
11. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1158.

РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНА, СТАВРОПОЛЬЯ И КУБАНИ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

История возникновения, развития и функционирования сельскохозяйственной производственной кооперации в дореволюционной России мало изучена. Основная причина этого заключается в неразвитости данного вида кооперативов во второй половине XIX – начале XX вв. Сама идея производственной кооперации для страны была не новой. Тяжелые условия жизни на протяжении многих веков выработали у населения чувство солидарности и общей ответственности при преодолении жизненных трудностей. Уже в исторических актах XII в. словом «артель» обозначаются группы лиц, соединившиеся для исполнения работ или промыслов. Значение слова «артель» очень многогранно и употребление его иногда выходит за пределы понятия хозяйственно-экономической области.

В характеристике, как артельного производства, так и самой артели, важную роль играл временной фактор. Зачастую артели соединялись вместе на одно какое-либо предприятие, по окончании которого члены артели расходились, чтобы вновь организовать в том же или ином составе артель, когда того потребует необходимость. Кроме того, артельная организация работ имела место там, где в силу технических условий производства была необходима кооперация нескольких рабочих; а технические условия определяли размер артели.

В дореволюционной России многочисленными были артели в добывающей промышленности (горные), в кустарной промышленности (по обработке дерева, металла), в ремесленном промысле, в торговле, в рыболовецких и охотничьих промыслах. К наиболее ранним формам сельскохозяйственной производственной кооперации на Дону, Кубани и Ставрополье можно отнести земледельческие супряги, представлявшие собой кооперативную организацию работы в чужом хозяйстве [1, с. 203]. Рабочий скот, орудия труда и рабочая сила нескольких домохозяев супрягалась, то есть соединялась для обработки земли и посева. Супрягались обычно две – три – четыре семьи. За свое участие в супряге, плугатырь получал право работать на себя пятый день. Погоньчи располагали седьмым, десятым и даже двадцатым днем; либо получали денежное вознаграждение от главных участников супряги. Иногда они работали ради одного лишь хлеба.

Если говорить об экономическом содержании кооперативных форм, то следует отметить, что они находились в полной зависимости от тех отношений, на основе которых развивались. Следовательно, первичные производственные кооперативы, выраженные в России XIX в. артелями, являлись воплощением трудового начала потому, что таковое соответствовало докапиталистическим отношениям в производстве. С развитием капиталистических отношений в российском селе происходит трансформация, как самого понятия артели, так и его содержания. Группируя собранные в отечественной литературе данные об артелях второй половины XIX – н. XX вв., мы можем выделить два типа артельной организации производства.

К первому типу сельскохозяйственной производственной кооперации следует отнести артели, объединяющие труд людей, где капиталистические отношения еще не играют определяющую роль внутри самой ассоциации. В подобных артелях промысел или заработок делится между членами ее соответственно затраченному каждым из них труду. Орудия производства, как и средства существования, вносились каждым членом артели поровну, как необходимое дополнение к вносимому ими труду. Примером таких объединений являются артели молотильщиков, которые представляли собой следующее: группа крестьян покупала молотилку и обходила с нею соседние губернии, землевладельцы нанимали эти артели для молотбы зерновых за определенную плату. Такая форма молотильной артели в Области Войска Донского являлась чисто производительной.

К первому типу артелей можно отнести и рыболовецкие, где орудия производства и средства существования являлись уже капиталом. Ценность их, относительно высокая для бедного артельщика, наделяла орудия производства новым свойством – способностью приносить их собственнику доход. Возникало существенное различие между долями орудий и снастей, вносимых отдельными участниками в артель. Артель занимала или нанимала нужный ей капитал у своего же более состоятельного члена, либо у постороннего лица. Такого рода артели были распространены во второй половине XIX в. на территории Области Войска Донского, Ставропольской губернии и Кубанской области. Участникам артели при дележе улова паи выдавались не только за труд, но и за снасти. Зачастую, доля труда в несколько раз превышала долю капитала.

В межсезонье, когда не велись интенсивные сельскохозяйственные работы, крестьяне Области Войска Донского артелями выезжали в Приманьчье для добычи соли в разбросанных там озерах, снабжали ею не только свои сельские общества, но и соседей, отправляя ее на продажу.

Ко второму типу артелей относятся объединения, пользующиеся наемным трудом, где капитал является основным критерием производства. В таких артелях встречается новая социальная фигура – «хозяин», который является представителем власти капитала. В артельных организациях такого рода первое место принадлежало капиталу, который нанимал труд, а не наоборот, как это имело место в артелях первого типа. Так на берегах Черного и Азовского морей половина улова рыбы шла хозяину, который давал лодки, снасти и нес половину расходов на питание, другая половина – артели. Атаман получал одинаковый пай с рабочими и плюс 193 пая от хозяина [2, л. 7, 7 об.].

В артелях второго типа труд артельщика оплачивался с учетом двух признаков: времени, которое артельщик пробыл на работе, и доходности работы за единицу времени. Примером таковых артелей в Кубанской и Донской областях, а также в Ставропольской губернии служат артели самих наемных рабочих, арендаторские артели в земледелии и сельскохозяйственные товарищества.

Артель наемных рабочих представляла собой добровольное объединение сил посредством устной договоренности. Движение наемных рабочих в течение года было два раза: весной, когда собирались они на работы, и в конце лета, когда возвращались домой. В остальное время рабочие переходили мелкими партиями не более 10 человек из хутора в хутор в поисках работы. Рабочих в праздничные дни нанимали на ярмарках, в будние - в поселениях. Размер оплаты за работу колебался в зависимости от времени, урожая и количества рабочих. Нанимали на сроки: подневно, когда рабочие получали плату за отработанный день, от круга, копны и десятины – когда устанавливался размер платы за определенный объем работы. Оплата труда выражалась в следующих цифрах: сроковому (то есть взятому на работу на определенный срок) рабочему от Троицы до Успения от 35 до 50 руб., до Покрова от 50 до 80 руб., от Покрова до Пасхи от 30 до 50 руб. и до Троицы от 30 до 60 руб.; подневно – от 40 коп. до 2 руб.; от круга – от 3 до 12 руб.; от копны – 25–50 коп.; от десятины от 1 до 3 руб. Если рабочий нанимался работать на год, плата труда колебалась от 80 до 120 руб. [3, л. 13, 16 об.]. Рабочие нанимались по словесному договору непосредственно в сезон.

Вышеуказанные артели в России XIX в. было принято называть трудовыми или производственными. Члены трудовых артелей занимались производством продуктов с целью сбыта. От акционерного общества трудовые артели отличались тем, что члены их обязаны были совместно работать, а доход распределялся не по числу паев, а в зависимости от выполненных объемов работ. Ввиду отсутствия

точной статистики количества артелей в России, затруднительно говорить даже о приблизительном количестве таковых в различные годы и в различных регионах. Установлено, что в 1909 г. по всей стране насчитывалось 1.291 артель [4, с. 21]. В частности, в Ставропольской губернии к июню 1914 г. продолжали вести свои дела 11 трудовых артелей [5, л 11, 27].

Существовали и артели арендаторов, которые, занимались арендой земли. Такие «компаний» составляли, например, овцеводы Кубанской области и Ставропольской губернии. Объединения овцеводов, владевших многочисленными стадами овец – «отарами», снимали, обыкновенно, земли под попас отар и сенокос на несколько лет, затем пропорционально распределяли между собою землю; или же каждый из хозяев, входивших в компанию, вносил денежный пай, соответствующий количеству принадлежащих ему овец, а выпас и покос сена производились на общий счет. В Кубанской области в период с 1897 по 1912 гг. было зарегистрировано 349 крестьянских товарищеских аренд [6, с 427, 430]. Известно о существовании подобного рода кооперативов и в Ставропольской губернии, но установить точное их количества не удалось. Ассоциации эти были небольшие, объединявшие в среднем в один кооператив не более 22 хозяев.

Товарищеские или компанейские аренды земли второй половины XIX в. не стали массовым явлением. Они представляли собой достаточно примитивный союз производителей сельскохозяйственной продукции.

Формирование капитала в сельскохозяйственном производственном кооперативе происходило достаточно специфично. При обычных условиях производительный кооператив в сельском хозяйстве не был вынужден непременно прибегать к большому капиталу для того, чтобы сразу поставить дело широко, дабы не быть угнетаемым крупными предприятиями. Производительный капитал в земледелии допускал чрезвычайную дробимость, так как здесь кооперация могла охватывать отдельные стороны хозяйства. Возможность деления сельскохозяйственного капитала представляла очень важную особенность для производительной кооперации в земледелии. Главным средством производства здесь являлась земля, которая представляла собою надежную основу для всякого кредита, а капитал, вложенный в эту землю, мог сам по себе возрастать, благодаря производительному труду и возможностям мелиорации. Борьба за сбыт не носила здесь такого острого характера, каким она отличалась во многих индустриальных производствах. Произво-

дительная кооперация устраняла одно из крупнейших зол мелкого сельского хозяйства – чересполосицу.

Сельскохозяйственная производственная кооперация, выраженная земледелием, представляла собой наиболее сложную форму. Кооперирование пашни, обуславливало кооперирование целого ряда сельскохозяйственных процессов, имевших более или менее отдаленное отношение к подготовке и уборке урожая. Хуторское хозяйство отодвигало возможность производительной кооперации тем, что рассеивало рабочие силы на большом пространстве.

На территории Дона, Ставрополя и Кубани во второй половине XIX – н. XX вв. такой вид кооперативных отношений как производственная артель не просто существовал, но и имел несколько форм. Причем наиболее сложной и рентабельной считалась земледельческая артель.

Анализ источников по вопросу возникновения и функционирования первых сельскохозяйственных товариществ на территории Дона, Кубани и Ставрополя в н. XX в. позволяет нам выделить характерную особенность в их развитии. Производственные сельскохозяйственные кооперативы в дореволюционный период были не только малочисленны, но и не вычленены в чистом виде. В частности, производственные кооперативные подразделения первого десятилетия XX в. возникали при уже развитых потребительских, кредитных, либо ссудо-сберегательных товариществах. Так, общество потребителей при Менонитских колониях Кубанской области завело собственную аптеку и сыроваренный завод. Как прослеживается из отчетов этого общества за 1902–1907 гг. постановка этих предприятий было делом не легким, о чем свидетельствуют данные об убытках от сыроваренного завода и аптеки, только уже в 1907 г. общество получило прибыль от указанных заведений [7, л. 6].

Наиболее часто производственные структуры возникали при потребительских обществах. В основном, это было производство продуктов питания. Так, Абинское общество потребителей Кубанской области в 1916 г. завело свою пекарню и столовую. Его примеру последовали Верхнебакинское, Крымское и другие кооперативные организации. Собственную пекарню, как свидетельствует отчет за 1912 г., имело и Ольховское общество потребителей Области Войска Донского [8, л. 53 об., 54].

При кредитных кооперативах так же возникали производственные подразделения. Так, Безскорбное кредитное товарищество Кубанской области в 1915 г. имело собственный зерноочистительный пункт общей стоимостью в 300 руб., который обслуживал интересы всех желающих и приносил членам кооператива стабильный доход.

При этом же кооперативе имелся и случайный пункт для крупнорогатого скота. За 1915 г. случайный пункт принес товариществу прибыль в 550 руб. [9, л. 6 об.].

Участником сельскохозяйственного производственного товарищества мог быть не каждый житель села, а только землевладелец, занимающийся сельским хозяйством с промышленной целью.

После революции 1905 г. получили свое развитие производственные товарищества, специализирующиеся на производстве, переработке и сбыте продуктов сельского хозяйства: овощей, меда, яиц, мяса птицы и другое. Что касается распространения их в интересующем нас регионе, то здесь прослеживалась следующая картина: к 01.01.1911 г. был утвержден 51 устав сельскохозяйственных товариществ на Кубани и 1 устав – на Дону; к 01.01.1912 г. на территории Кубанской области было утверждено 82 товарищества, в Донской области – 4, на Ставрополье – 1 [10, л. 6, 6 об.].

Сельскохозяйственные товарищества дореволюционной России можно классифицировать на две группы: кооперативы сельского хозяйства вообще и специальные, если в основу деления положить цели их работы. Товарищества первого типа не специализировались на ведении дел в какой-то конкретной отрасли хозяйства, а цели и задачи их работы были определены в общей форме. Кооперативы второго типа ограничивали сферу своих занятий какой-либо одной или несколькими однородными отраслями сельского хозяйства, или, не специализируясь на отдельных отраслях хозяйства, выполняли сельхоз работы при помощи совместно приобретаемых машин и орудий, либо производили мелиорации в хозяйствах. Все сельскохозяйственные производственные кооперативы второй половины XIX – начала XX вв. по роду основной деятельности делятся на два типа: артели и товарищества. До 1917 г. на территории Дона, Кубани и Ставрополья они переживали этап своего становления. Хотя и имеются некоторые примеры успешной деятельности последних, говорить о производственной кооперации в пореформенный период как о массовом и закономерном явлении преждевременно.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Моисеева О.В. Сельская кооперация на юге Российской империи. Ростов-на-Дону, 2011.
2. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 307; ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 503.
3. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 405.
4. В помощь крестьянину-кооператору. Приложение к журналу «Крестьянское земледелие». СПб., 1909.

5. ГАСК. Ф. 311. Оп. 1. Д. 587.

6. Городецкий Б.М. Развитие крестьянского землеустройства на Северном Кавказе в связи с деятельностью Крестьянского Поземельного Банка // Кубанский сборник. Т. 18. 1913.

7. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3680. Д. 3844.

8. ГАРО. Ф. 601. Оп. 3. Д. 1.

9. ГАРО. Ф. 178. Оп. 1. Д. 21.

10. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 2182.

С.С. Цуцулаева (Грозный)

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В СССР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЧЕЧЕНЦЕВ

В этом году, 23 февраля, исполняется 75 лет с тех трагических дней, когда Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, а чеченский и ингушский народы в спешном порядке погружены в холодные товарные вагоны и под усиленной охраной НКВД отправлены в Среднюю Азию и Казахстан. Перенеся неслыханные испытания, шестьдесят два года назад, народ наш вернулся к своим родным очагам. На сегодняшний день проживает небольшая часть репрессированных чеченцев. Многие, кто пережил то страшное время, не могут забыть об этом до сих пор.

Тема депортации долгие годы оставалась под запретом. И только в последнее десятилетие XX в. она стала открытой для изучения. Поэтому история депортации чеченского народа все еще остается малоизученной. И перед нами стоит настоятельная задача – воссоздать полную картину депортации.

Для осуществления этой цели немаловажное значение имеют воспоминания самих спецпереселенцев-чеченцев. Воспоминания, хотя и не являются официальными документами, позволяют дать исследователю более полное представление о произошедших событиях. Сегодня важно знать, как народ воспринял сам факт преступного выселения. Поэтому при восстановлении всех проявлений жизни целого народа, как и отдельных его слоев, даже отдельных представителей, воспоминания приобретают особую значимость.

Воспоминания – специфический жанр литературы, документальность, которых основывается на свидетельских показаниях очевидцев описываемых событий. Воспоминания помогают восстановить множество фактов, которые слабо отразились в других ис-

точниках. Интерес представляют не только приводимые авторами факты, описание ими конкретных ситуаций, но и личные оценки событий, рисуемые ими портреты современников, передается пульс жизни ушедшей эпохи. Эти оценки, разумеется, носят субъективный отпечаток, что характерно для всей мемуарной литературы. Однако опубликование материалов воспоминаний важно, ибо порождают размышления, зовут к творческому диалогу. Ведь воспоминания – это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдания, и обвинения, и раздумья личности [2, с. 634].

Личные воспоминания как ценный источник помогают воссоздать истинную конкретную картину утра 23 февраля 1944 г. и последующих дней. Кроме того, они позволяют проследить механизм проведения этой бесстыдной операции.

Понятно, что минувшие годы, стерли какие-то подробности: имена, фамилии, названия в памяти чеченцев, но самые основные моменты выселения никогда в памяти невинно пострадавшего человека не забудутся!

С конца 1990-х гг. на страницах прессы появились первые воспоминания о выселении чеченцев и о периоде жизни в республиках Средней Азии и Казахстана.

В 1991 г. опубликованы воспоминания чеченцев в книге «Белая книга: Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг.» [1]. В этой книге собрано 81 воспоминание депортированных чеченцев. Воспоминания разнятся по объему и содержанию. Но за каждым из них, даже за самым малым сюжетом, стоит судьба отдельного человека, его близких, семьи. И из пережитых ими мук, бед, совершенно бессмысленных и ничем не объяснимых потерь, которые выпали на их долю, сложилась общенациональная трагедия, реальные масштабы которой, к сожалению, до сих пор нами всесторонне не осмыслены и объективно не оценены.

Воспоминания бесстрастно свидетельствуют, что начало жизни на спецпоселении принесло ожидаемые результаты. Голод, холод, жизнь в антисанитарных условиях в совершенно непригодных помещениях обернулись массовой гибелью. Некоторые семьи выжили полностью.

Вот только некоторые выдержки из воспоминаний депортированных чеченцев: «У меня было восемь детей... Нас привезли на станцию Атбасар Акмолинской области. Мы выкопали землянку, полРаздел 5 жили в нее сено и устроились там. Холод и голод отняли наши силы. Муж не прожил и двух недель – умер... Пока я предавала земле тело мужа, умер младший ребенок... Одним за дру-

гим у меня умерло пять детей... Умерли мои родители, братья, сестры. Никого не осталось!» [1, с. 104–105]. «Нас высадили в Кустанайской области, наша жизнь оказалась незавидной. В первую же ночь умерла младшая сестра Занет, через неделю – Манет. Не продержались и месяца сестра Сият и брат Алдам. Все они умерли с голоду. Остались я и сестра Амилат...» [1, с. 109]. «... Но участь многих была тяжелей, чем моя. Например, из восемнадцати членов семьи моего дядя (брата матери) осталась только одна девочка...» [1, с. 99]. «Привезли на станцию Атбасар Акмолинской области... Из семей отца и его пяти братьев умерло тридцать три человека. Много родственников умерло и со стороны матери. В семьях трех ее братьев было двадцать семь человек, из них остался в живых только один мальчик. Семья нашего соседа Муртазалиева Межида состояла из одиннадцати человек, из которых выжила одна дочь Кемист. Умерли все из семей двоюродных братьев отца – Доды, Абдурахмана и Абдул-Халима Магомадовых.

Со стороны моей жены Заидат тоже умерло много родственников, в том числе ее отец Шемал, мать Шоша, братья Даман, Денильбек...» [1, с. 39]. Этот список можно продолжать очень долго. В каждой чеченской семье в годы депортации погибли родные, а некоторые семьи – полностью.

С момента расселения чеченцев в местах спецпоселения и до самой смерти И. Сталина год за годом ужесточался режим проживания спецпереселенцев, а также меры уголовного преследования, административного наказания и морального подавления. «Мы были лишены права пойти на вокзал, выйти за село или город, поехать из одного населенного пункта в другой к знакомым или родственникам. За нарушение этих установок налагали штраф или судили на 5 суток заключения. Платить штраф было нечем, потому приходилось отбывать срок в заключении...» [1, с. 107]. «... Я попал в Кустанай. Не берусь рассказывать, сколько горя, унижений пришлось вытерпеть мне, мальчишке, лишенному родных и близких. Только в 1947 году через незнакомых мне людей я узнал, что мои родители очутились в Семипалатинске, но в живых осталась только сестра. Я решил любыми путями встретиться с ней. Но комендант не давал разрешения. Я сделал три попытки тайком выехать из Кустаная. Но каждый раз меня арестовывали...» [1, с. 118]. «...Мои двоюродные братья Тахир, Зиявди и Алауди Магомадовы жили в соседнем селе в восьми километрах от нас. Но мы стояли на учете в комендатуре и не имели возможности выходить за пределы села. За нарушение этого закона сажали в тюрьму. Поэтому мы несколько лет не могли видеть друг друга...» [1, с. 39]. «...Достаточно было того, что ты че-

чеченец, чтобы всякий мог унижить, избить, а то и убить тебя. Молодежь стала оказывать сопротивление. Затем обстановка разрядилась... Но сколько безвинных молодых людей до этого осудили на 20–25 лет и отправили в Сибирь?!» [1, с. 73]. Будто кому-то хотелось, если уж не извести весь народ физически, то уж любыми средствами подавить волю оставшихся в живых чеченцев, вселить в них патологический страх перед властью, «системой», заставить смириться с мыслью о собственной ущербности, вычеркнуть из памяти и предать забвению подлинную историю народа.

Отношение местного населения к чеченцам-спецпереселенцам с самого начала было неоднозначным. Одни настороженно присматривались, другие относились явно недружелюбно, иные просто враждебно. «...Привезли в Павлодар. Местные жители очень боялись нас, потому что заранее были предупреждены, что к ним едут людоеды. Они были с нами очень жестоки...» [1, с. 98]. «Когда мы доехали до места, нас распределили по домам. Мне выделили один угол. Как косо нас смотрели казахи...» [1, с. 97]. «... Местные жители смотрели на нас с недоверием. Прислужники Берия провели среди них соответствующую «пропаганду», утверждая, что все чеченцы – предатели...» [1, с. 95]. Иначе и быть не могло: официальные органы власти в первую очередь службы НКВД, прикрываясь пресловутым Указом от 7 марта 1944 г., усиленно распространяли клевету, что чеченский народ сослан за измену Родине и сотрудничество с фашистами. Здесь уместно привести воспоминания бывшего секретаря Чечено-Ингушского обкома партии Василия Ивановича Филькина:

«Некто В. Беловежский в заметке «Всю правду» в «Литературной газете» пишет: «Можно только догадываться, что одна из причин выселения – чеченское восстание в тылу у наших войск». Догадываться нечего. Никакого восстания в Чечено-Ингушетии не было. Народ Чечено-Ингушетии предателем Родины не был, фашистам не продавался, белого коня Гитлеру не дарил. Он внес достойный вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков. В первые же дни и недели войны в действующую армию ушло более 12000 коммунистов и комсомольцев чеченской и ингушской национальности. Больше половины из них пали в бою.

И все же был ли бандитизм? Был. По архивным данным НКВД, действовала 51 бандитская группа, в которую входило 335 участников. По тем же данным, у них было 1436 винтовок, 48 пулеметов, 150 автоматов, 122 револьвера.

Почему я подчеркиваю: по данным НКВД? Дело в том, что в то время его органы в республике возглавлял С. Албогачиев...

(Вопрос: Не тот ли Албогачиев, который вел дело академика Н.И. Вавилова?)

Он самый. До этого работал в центральном аппарате НКВД СССР. Очень любил создавать ложные ситуации. Мне самому приходилось не раз выезжать в горы для проверки его данных, в том числе по восстаниям. Они, как правило, не подтверждались. Хотели снять С. Албогачиева – вмешался Берия.

Бандгруппы, конечно, были. А где их не было – изменников, предателей? Были и в центральной России, и на Украине, и в Прибалтике, и в Дагестане. Обком партии поднял на борьбу с бандитизмом население, партийный и советский актив, а это были, естественно, также чеченцы и ингуши» [1, с. 53].

Действительно, Василий Иванович Филькин был одним из тех руководителей республики, кто решительно и бескомпромиссно боролся с такого рода провокациями и измышлениями НКВД. Кроме того, многим чеченцам, работавшим до депортации на различных руководящих должностях, а затем подвергшимся необоснованным репрессиям, он помог восстановиться в партии и устроиться на работу. Этого прекрасного человека сегодня нет с нами, но память о нем жива в сердцах тех, кто его знал, кто с ним работал и общался. Но эту память надо передавать подрастающему поколению.

Хочется верить, что сбор и публикация воспоминаний депортированных чеченцев будет иметь продолжение, так как не то что одной, но даже несколькими книгами тему эту не исчерпать. Тем более в Чеченской Республике работа практически не была проведена. А каждая новая работа будет служить интересам выяснения истинных масштабов и глубины трагедии, пережитой нашим народом, и воссоздания более полной исторической правды о депортации чеченского народа. Несомненно, воспоминания страдают субъективизмом, в них есть некоторые ошибки, связанные с особенностями личности, отдаленностью произошедших событий во времени и т.д. Однако ценность и важность их неоспорима. В этом плане сбор воспоминаний тех, кто непосредственно подвергся депортации, восполнит ту часть, которая не была и не могла быть документирована и зафиксирована.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белая книга: Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг. / Сост. и отв. редактор Л. Яхъяев. Грозный – Алма-Ата: Вайнах, 1991. 235 с.

2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

*Х.Л. Ханмагомедов (Махачкала)
А.Н. Гебекова (Грозный, Махачкала)*

СЕЛО БЕРИКЕЙ В ДАГЕСТАНЕ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НЕБОЛЬШОЙ ТЕРРИТОРИИ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ)

В.С. Жекулин пишет: «Мир, окружающий современного человека, чрезвычайно сложен и многообразен. Снежным комом увеличивается число региональных проблем – политических, экологических, экономических, социальных. Какая наука поможет человеку разобраться во всем этом многоликом окружении? Нет ни одной такой науки» [7, с. 255]. С ним можно согласиться, исключив последнее. Есть такая наука – страноведение [23, с. 90]. Согласно автору вышеназванного источника, объектами страноведческого исследования также являются территории в пределах республик, краев, областей, автономной области и округов РФ [23, с. 91]. По мнению В.М. Гохмана и Г.М. Игнатьева «в область страноведения должен быть включен широкий круг вопросов, касающихся природы, истории, хозяйства, культуры и политики страны» [5, с. 67]. Как мы знаем, страноведческие исследования складываются из изучения отдельных проблем физико-географического, социально-экономического характера на уровне отдельных населенных пунктов. Скажем, в этих региональных, на уровне отдельных населенных пунктов нуждаются туристы, краеведы самого различного направления. В аспекте этого актуальным является комплексное краеведческое исследование села Берикей Дербентского района. Село Берикей и территории подчинения его администрации имеют богатые природные ресурсы (минеральные, почвенно-климатические, рыбные), опыт возделывания сельскохозяйственных культур, наличие высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства, народного образования, медицины. На западе от этого села и его территории расположено Каспийское море с золотистыми пляжами, близко к городу Дербенту – музею под откры-

тым небом, поселку золотокузнецов – Кубачи, удобное транспортное положение (на востоке – это Северокавказская железная дорога, на западе – Федеральная трасса Р-217 «Кавказ»).

По мнению Г.А. Гейбуллаева, слово «Берикей» происходит от иранского бару («крепостная») [3, с. 97]. По другим версиям: 1) от азербайджанского слова берекет («благодатный») [16, с. 4]; 2) связано именем известного монгольского военачальника Беркея или Беркея (XIII в.), внука Чингисхана. Как пишет С.Ш. Гаджиева, в середине XIII в. отдельные районы Дагестана, и, прежде всего, равнинного, входили в сферу влияния государства монголов. Границы Золотой Орды и государства Хулагидов проходила в районе Дербента, и Беркей, который воевал с Хулагидами на территории Дагестана (1262 г.) и принимал непосредственное участие в походах против Хулагидов в Закавказье (к берегам Куры, в 1266 г.), мог иметь в качестве многолетней и хорошо укрепленной ставки территорию севернее Дербента, т.е. район современного Берекея (Берикей – Х.Х., А.Г.) [1, с. 19]. У местных жителей широко распространенной является вторая версия, т.е. от слова «берекет». По рассказам сказительницы из села Берикей Ханмагомедовой Муслимат Гаджи-кызы (бабушка Ханмагомеда Х.А.) рассказывала, что род ее Гаджи урату переселился в Дагестан из Лагича, расположенного между городами Шемахи и Нухи (Шеки) Азербайджанской республики не позже XIII–XIV вв. [22, с. 72]. Жители Берикей переселились из названных территорий [12, с. 78–79]. Наблюдения Х.А. Ханмагомеда за традициями и обычаями лагичцев и берикейцев в мае – июне 2005 г., показали, что берикейцы являются выходцами из пос. Лагич Исмаилинского района Азербайджанской Республики (полная версия такого утверждения опубликована в работах Х.А. Ханмагомеда [22, с. 71–74; 20, с. 438–440]). М.И. Исаковым в работе «Археологические памятники Дагестана» [8, с. 21] отмечены Берикейский могильник каякентско-хорочоевской культуры и Берикейская находка каменного топора, как памятник энеолитической эпохи.

В геолого-геоморфологическом отношении Берикей является частью Теркемейской равнины, входящей в состав Восточно-Дагестанской терросированной равнины с новейшей складчатой структурой. Формирование берикейской части Теркемейской равнины проходило в результате трансгрессий и регрессий Каспийского моря в течение длительного геологического времени и дифференцированного погружения структур при ведущей роли эрозионно-денудационных процессов, обусловивших сильную расчлененность рельефа системой аккумуляции р. Уллучай [17, с. 128].

На правом берегу р. Уллучай, немного выше железнодорожного моста, отчетливо выделяются четыре террасы: нижняя пойменная имеет высоту до 1 м, вторая – до 4 м, третья – на высоте 5–6 м, четвертая – на высоте 7–8 м. Первая терраса в результате антропогенного воздействия и разрушительной деятельности р. Уллучай несколько сглаженная, вторая – уменьшила высоту до 3,5 м [4]. Современные отложения представлены морскими наносами, аллювиальными галечниками и глинами, мощностями от 15 до 18 м, почти на всей территории [17, с. 129]. В Берикее с середины XVIII в. существовала колодезная добыча нефти. 29 ноября 1902 г. из палеогеновых отложений в скв. 1 с глубины 409 м получен первый промышленный фонтан нефти [10, с. 81]. Здешняя нефть легкая (удельный вес $0,8461 \text{ г/м}^3$), высокопарфинистая, смолистая, малосернистая [10, с. 93], очень похожа, по мнению Б.Ф. Добрынина, на бакинскую, дает 30% керосина [6, с. 23]. В бальнеологическом значении Берикейское месторождения гидротермальных вод (озеро Истису, скв. № 20) относится к группе «Д» бромных, йодных вод 8-го класса и рекомендуются для лечения болезней суставов, позвоночника, полиартритов воспалительного характера, остеохондроза, периферических нервных стволов, атеросклероза, кровеносных сосудов, ожирения, легкой формы сахарного диабета, хронических женских болезней [17, с. 641]. Радиоактивностью вода в озере не обладает [22, с. 215]. На базе этих вод в Сегелере функционировал санаторий местного значения «Здравница». Его надо восстановить. Создание Берикейской зоны лечения и отдыха будет способствовать сокращению трудовой миграции теркемейских азербайджанцев за пределы Республики Дагестан. Создание в будущем многопрофильного санатория в Берикее Республики Дагестан актуально. Это позволит создать новое перспективное лечебно-профилактическое учреждение на юге России [17, с. 642]. Остановимся на климате и гидрографии как важнейших ландшафтных компонентов вкратце. Они подробно изложены Х.А. Ханмагомедовым [16, с. 12; 22; 28–33]. Климат умеренно теплый с жарким и сухим летом и непродолжительным снежным покровом зимой [16, с. 12]. Средняя январская температура от +2,30 до 2,90, абсолютная максимальная температура отмечена в июле 1991 г. (+33,70), минимальная – в январе того же года (-9,50) [22, с. 28]. Средняя скорость ветра в Берикее от 5 до 6 м в секунду. Среднее количество осадков – 350 мм, максимальные показатели зарегистрированы в 1990 г. 520 мм, минимальные – в 1989 г. – 252 мм [16, с. 13]. Главная речная артерия – река Уллучай. Она

берет начало в северо-западных отрогах хр. Кокмадаг. По характеру режима – с весенне-летним, осенне-весенним половодьем. Еще в 1926 г. Б.Ф. Добрынин писал, что эта река может дать 10000 л.с. электроэнергии [6, с. 45]. В Берикее отмечается 4 водоносных горизонта [4]: а) верхний – пресная, местами немного солоноватая вода в древнекаспийских песках на глубине залегания 6–10 м; 2) соленая вода в чокракском горизонте на глубине 90–140 м; 3) соленая вода в майкопских глинах на глубине 200–280 м; 4) нижний горизонт соленой горной воды на глубине 10–16 м ниже нефтеносного горизонта. Разнообразны почвы, растительность и животный мир Берикей. Луговые почвы в Берикее сформировались в условиях грунтового увлажнения, в отдельных случаях избыточного на глубине залегания 1,5–4–9 м, на пониженных участках, занимающих незначительную площадь на глубине 1–1,5 м – лугово-солончаковые, для аллювиальных отложений – луговые насыщенные карбонатные глубоко-слабозасоленные, маломощные свойства, примитивные с содержанием гумуса до 4%, в урочищах Тутай, ФЗО-нун ери, в районе источника Джабраил-булаг – лугово-болотные среднемощные, среднесуглинистые, грунтовые воды на глубине 0,5 м [22, с. 52], в Сегелере – солончаки и солонцы. Можно сказать, с Каякентского района РД начинаются леса Самурского типа и продолжают на юг через территории берикейских лесов. Широколиственные леса в Берикее встречаются по оврагам и долинам р. Улучай. Прибрежная полоса подвижных песков Каспийского моря занята редкими зарослями турнефорции, вьюнка персидского. Единичными экземплярами встречаются морская горчица, кусты зарослей жабницы полевой, колосняка гигантского. Обилены кусты тамариска каспийского. В Берикее не получили должной научной оценки рефигиум третичных экосистем [22, с. 55–57]. Широко представлен мир животных в Берикее. По данным Х.А. Ханмагомедова отметим их, не отмечая их расселение по экологическим именам, но они даны в статье «Животный мир Берикей» [18, с. 69–71]. Это из паукообразных, скорпионы их пестрый вид, из пауков – каракурты, паук-крестовик. Среди насекомых – стрекозы (плоская, блестящая), сверчки, медведки, из чешуекрылых – плодоярки (яблонная, сливовая, грушевая). В канавах и болотных местах распространена квакша из отряда бесхвостых земноводных, из пресмыкающихся наблюдаются змеи и черепахи, в каспийских дюнах – гюрза. Широко представлен дикий мир пернатых. В Берикее были широко распространены шакалы, лисы, кабаны. Для создания виноградников в 1960-х гг. отдельные

лесные участки и кустарники были выкорчеваны и эти животные ушли на запад – в Кайтагский район [18, с. 69–71].

Здесь, в основном, живут азербайджанцы и даргинцы. Имеются аварские, табасаранские, русские семьи. Они живут в благоустроенных домах со всеми удобствами. Широко распространены межнациональные браки. Местное население свободно общается между собой на русском языке.

Основными направлениями сельского хозяйства сравнительно недавно было земледелие (выращивание зерновых культур – пшеницы, ячменя). Виноград давал хорошие урожаи. После распада СССР были раскорчеваны значительные площади этой культуры, также были раскорчеваны сады под яблони, черешни. Существующий в течении десятков лет колхоз – совхоз «Красный флаг», агрофирма «Берикей» пришел в упадок, последний, можно сказать, распался. Благодаря усилиям агрохолдинга «Татляр» идет восстановление берикейских виноградников. В 1930-е гг. в Берикее выращивали хлопчатник, вплоть до начала 1970-х гг. – тутовый шелкопряд. Функционировал в Берикее филиал Дербентского молочного завода. По нашему мнению, с давних времен отмечали Дни рождения ушедших из жизни людей (родных). Еще в конце XIX – начале XX в. в Берикее это мероприятие отмечалось всем селом. Данное мероприятие имеет огромное воспитательное значение, открывая новые страницы социализации человеческого общества и преемственности поколений. Данная проблема этно-социально-этнографическая и этногеографическая [27, с. 55–56]. Она подробно изложена в вышецитируемой работе. В этнографическом и географическом краеведческом изучении большой научный интерес представляет геолономастикон. Их возникновение и функционирование связано с расселением тех или иных этносов, миграционных процессов, отражением бывших ареалов и распространения биоразнообразия, социально-экономическим развитием тех или иных территорий. По Берикейю таких работ, по нашему мнению, 8. Это: 1) историко-этнографического характера: а) посвященной игре [13, с. 26–27]; б) сельскохозяйственному и фенологическому календарю [15, с. 43–44; 21, с. 209–214]; в) космические онимы [12, с. 17–18]; 2) фитотопонимического происхождения [11, с. 138–139; 27, с. 82–83]; 3) общетопонимические работы [25, с. 58–60; 14, с. 65–67, 131–132].

Фашистская Германия без объявления войны вторглась в пределы нашей страны. Эта весть дошла до берикейцев. Лучшие его сыны ушли на защиту Отечества. Их места в сельскохозяйственном производстве заняли женщины и школьники. Женщины-берикейки

отдали в фонд фронта драгоценности (золото, серебро), оставленные для будущих своих невест, медную посуду. Они совершили в тылу подвиг. Как справедливо пишут С.Ш. Гаджиева и А.Г. Мелешко женщины Дагестана (берикейские женщины – часть их и дети Берикея также – Х.Х., А.Г.) не совершили подвигов Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, «Молодой Гвардии» из Краснодона и никому из них не присвоено звание Героя, но определенная доля заслуг в общем подвиге советских женщин (и школьников – Х.Х., А.Г.) в Великой Отечественной войне принадлежит им [9, с. 60]. Из небольшого села Берикей Дербентского района Республики Дагестан на защиту Отечества ушли около 100 лучших его сыновей. Около 50 человек пали, защищая нашу страну, за наше будущее [24, с. 52]. Места ушедших мужчин на колхозных полях заняли женщины, учащиеся Берикейской средней школы. Самоотверженно трудились Юнусова Байрамкыз (в быту Чирмай), Ханмагомедова Муслимат Гаджи-кызы, Агарагимова Ханымкыз, Гаджикасумова Мая, Гебекова Райганат, Мирзоева Шовла, Ханмагомедова Фатъма (в работе «Берикей») [16, с. 52], Асланбекова Разият, Абдурахманова Чини, Агарагимова Дженнет и многие другие. В развитии сельскохозяйственного производства в тяжелые военные годы в этом селе большую роль сыграли трактористы – Бабаев Темир, Пирмалиев Гаджибала, Агасиев Магомед, Султанов Гасан, прицепщицы – Идиева Умуханум, Бердникова Анастасия. Не оставались в стороне и учащиеся Берикейской школы, такие как Шихмагомедов Гаджихмед, Ханмагомедов Алимагомед, Ибрагимов Гапис, Абдуллаев Казум, Бабаев Амирбек, Гебеков Наби, Джамалов Осман. Вместе с ними самоотверженно трудились, вернувшиеся с фронта по ранению, Рустамов Гайдар, Гусейнов Тажутдин [16, с. 52–53]. В 1996 г. в Берикее были живыми 12 участников тыла и войны [12, с. 54]. Из оставшихся живых Дуванов Владимир Васильевич ушел из жизни 6 марта 2010 г. [22, с. 329].

Наряду с взрослыми на колхозных полях трудились учащиеся местной школы. Среди награжденных «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» Байрамбеков Алавитдин, Зейфетдинова Галимат (по мужу Асланбекова), Имамов Салавитдин, Мирзоева Гюллержаган, Меликов Ахмед (он в послевоенные годы принял фамилию Магомедов), Шихмагомедов Джалиль – учащийся Берикейской средней школы [24, с. 187].

Берикейцы, как и жители других регионов Дагестана и всей России, верили в Победу нашей страны над гитлеровской Германией. Так, в 1941–1942 учебном году учились в Берикейской средней

школе 219 детей и подростков [29], в 1942–1943 – 182. В школах региона уделяли большое внимание учебно-воспитательной работе. Так, например, в отчете об итогах учебно-воспитательной работы школ Дербентского района за 1944–1945 учебный год [28] отмечается, что педагогический коллектив Берикейской средней школы (директор Г.О. Бабаев, родом из Салика, затем директор Дагестанского Института усовершенствования учителей) систематически проводят работу по полному охвату обучением детей школьного возраста и не допустили отсева их в течение учебного года по неуважительным причинам. Учитель С. Магарамова (по мужу Самедова из г. Дербента) в Берикейской средней школе и другие требовательно подошли к оценке знаний учащихся, обеспечили выполнение программного материала и дали прочные знания учащимся. Особенно интенсивно велась борьба с второгодничеством. Педагогический коллектив этой школы в результате достаточно упорной работы с 10 классом смог обеспечить высокую успеваемость учащихся, в результате чего все десятиклассники получили положительные оценки. На протяжении учебного года функционировали методические объединения и предметные комиссии в трех школах [30]. В Дагестанском Теркеме они были созданы при Берикейской школе. В школах Дербентского района Дагестана проводились вечера художественной самодеятельности. Мы никогда не должны забывать подвиг участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. У наших народов хорошая традиция давать имена их своим детям, внукам. Вечная Слава, воины Отечества! [30], не только сражавшихся на полях боев, но и в тылу ковавшие Великую Победу на заводах и фабриках, полях колхозов и совхозов, медицинские работники, отряд учителей, независимо, в тяжелые годы военного лихолетья, готовившие подрастающее поколение для мирного времени.

Немало берикейцев вынуждены уехать в Москву, Санкт-Петербург и другие города России и Дагестана из-за безработицы. Они готовы вернуться в родной Берикей, но для этого необходимо возрождать былую сельскохозяйственную славу села, вести борьбу с негативными явлениями среди молодежного безделья. В 2001 г. в материалах IV Конгресса этнографов и антропологов России опубликована работа А.Н. Гебековой и Х.А. Ханмагомедова, посвященная прошлому, настоящему, перспективам развития села Берикей, где уделено особое внимание на ликвидацию безработицы и социально-экономическому развитию [2, с. 244]. Работа требует дальнейшей разработки. Скажем, из судьбы небольших сел складывается благополучие района и регионов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы. XIX – начало XX в.: историко-этнографическое исследование / Отв. Ред. А.Н. Першиц. М., 1990.
2. Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г. Женщины Советского Дагестана / Ред. Е. Чернигова. Махачкала, 1960.
3. Гебекова А.Н., Ханмагомедов Х.А. Дагестанское село Берикей: прошлое, настоящее, перспективы развития // IV Конгресс этнографов и антропологов России (г. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г.). Нальчик, 2001.
4. Гейбуллаев Г.А. Топонимия Азербайджана / Ред. Ю.Б. Юсифов, В.А. Гукасян. Баку, 1986.
5. Голубятников В.В. Берикейское месторождение нефти // Труды АИЧПЕ. Вып. 3. М., 1937.
6. Гохман К.А., Игнатъев Г.М. Страноведение // Советская география: итоги и задачи / председатель редколлегии И.П. Герасимов, отв. секретарь Г.М. Игнатъев. М., 1960.
7. Добрынин Б.Ф. География Дагестанской С.С. республики. Буйнакск, 1926.
8. Жекулин В.С. Введение в географию: учебное пособие / Ред. В.М. Николаева. Л., 1989.
9. Исаков М. Археологические памятники Дагестана: материалы к археологической карте (сокращенный вариант) / Ред. В. Котович. Махачкала, 1966.
10. Мирзоев Д.А., Шарафутдинов Ф.Г. Геология месторождений нефти и газа в Дагестане / Ред. Г. Ким. Махачкала, 1986.
11. Ханмагомедов Х.А. Геоботанические термины тюркоязычных народов Дагестана // Материалы научной конференции, посвященной географическим исследованиям в Дагестане. Вып. 6 / Отв. ред. к.п.н., доц. М.М. Эльдаров. Махачкала, 1976.
12. Ханмагомедов Х.А. О тюркских названиях космических тел // Тезисы докладов к конференции, посвященной географическим исследованиям в Дагестане. Вып. 7 / Отв. ред. к.п.н., доц. М.М. Эльдаров. Махачкала, 1978.
13. Ханмагомедов Х.А. Ким тез («Кто быстрее») – географо-туристская игра берикейцев // Национальные виды спорта и интернациональное воспитание молодежи: тезисы региональной научно-практической конференции (март 1989) / Отв. ред. к.п.н. Х.Д. Ооржак. Кызыл, 1989.
14. Ханмагомедов Х.А. Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения / Научный ред. академик АН АзербСССР Б.А. Будагов. Красноярск, 1990.

15. Ханмагомедов Х.А. Сельскохозяйственный календарь берикейских азербайджанцев Дагестана // Краткое содержание Лавровских (среднеазиатско-кавказских чтений). СПб, 1993.

16. Ханмагомедов Х.А. Берикей. Махачкала, 1996.

17. Ханмагомедов Х.А. Геолого-геоморфологическая и гидрографическая характеристика небольших территорий (на примере Берикей) // Геология, минерально-сырьевые и топливно-энергетические ресурсы Дагестана: сборник статей. Труды Института геологии Дагестанского научного центра РАН, Вып. 46 / Отв. ред. Д.А. Мирзоев. Махачкала, 1997.

18. Ханмагомедов Х.А. Животный мир Берикей / Отв. ред.-ры З.В. Атаев, Э.М. Эльдаров. Махачкала, 2004.

19. Ханмагомедов Х.А. Из этнической истории Теркеме // Историко-культурные и экономические связи Дагестана и Азербайджана: через прошлый опыт взгляд в XXI век: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию Азиза Алиева (г. Махачкала, 8 июня 2007 г. / Отв. ред. Э.М. Далгат. Махачкала, 2007.

20. Ханмагомедов Х.А. К своим истокам: встреча через 700 лет (еще раз о моей поездке в пос. Лагич Исмаиллинского района Азербайджанской Республики) // Кавказ: археология и этнография: материалы Международной научной конференции (Шамкир, Азербайджанская Республика, 11–12 сентября 2008 г.) Баку, 2008.

21. Ханмагомедов Х.А. Фенологические сезоны года теркемейских азербайджанцев Дагестана // Геоэкологические проблемы Северного Кавказа: материалы 2-ой Всероссийской научно-практической конференции (г. Махачкала, 15–16 марта 2008 г.) / Отв. ред. д.б.н., проф. Ф.Д. Алахвердиев, к.г.н. З.В. Атаев, д.г.н., проф. Х.А. Ханмагомедов. Махачкала, 2008.

22. Ханмагомедов Х.А. Дагестанское Теркеме: комплексное страноведческое исследование / Ред. С.М. Темирханова. Махачкала, 2010.

23. Ханмагомедов Х.А. Страноведение и комплексное исследование небольших территорий // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития в современном мире: материалы Международной научной конференции, посвященной 10-летию создания кафедры страноведения и международного туризма С.Г. (г. Санкт-Петербург, 15–18 апреля 2011 г.) / Отв. ред. Ал.А. Григорьев. СПб, 2010.

24. Ханмагомедов Х.А. Теркемейцы Дагестана и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. // Современные проблемы географии, краеведения и туризма: Материалы научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистров и студентов, посвященной 50-летию географического факультета ДГПУ (г. Махачкала, 19–20 сентября 2011 г.) / Гл. ред. к.г.н., проф. З.В. Атаев, отв. ред. д.г.н., проф. Х.А. Ханмагомедов, к.б.н., доц. О.С. Набиев. Махачкала, 2011.

25. Ханмагомедов Х.А., Гебекова А.Н. Топонимия селений Берикей, Джемикент, Падар, Татляр Республики Дагестан как памятники природы и общества // Тезисы XII научно-практической конференции по охране природы Дагестана / Отв. за выпуск Т.С. Новосартова. Махачкала, 1973.

26. Ханмагомедов Х.А., Гебекова А.Н. Иодобромные ресурсы территории Берикей: содержание, бальнеологическое значение, проблемы экологии // Современные проблемы геологии, геофизики и геоэкологии Северного Кавказа: материалы II Всероссийской научно-технической конференции (г. Грозный, 8–10 ноября 2012 г.) / Отв. ред. академик Г.Г. Матишов. Грозный, 2012.

27. Ханмагомедов Х.А., Гебекова А.Н. Институт День рождения у теркемеевских азербайджанцев Дагестана – этносоциальная и этногеографическая проблема: к вопросу изучения // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. Сборник статей по материалам XLIX Международной научно-практической конференции. № 4 (44) (М., апрель 2016 г.) / Отв. ред. Н.Р. Красовская. М., 2016.

28. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее ЦГА РД). Ф. 127 Р. Оп. 2. Ед. хр. 214.

29. ЦГА РД. Ф. 34-Р. Оп. 7. Ед. хр. 209. ЛЛ. 4, 7.

30. ЦГА РД. Ф. 34-Р. Оп. 7. Ед. хр. 8. ЛЛ. 2, 8, 10.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1.

ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА И СОВРЕМЕННОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

Громов В.П. (Краснодар)

ОН ОТКРЫЛ МНЕ ВРАТА НАУКИ: ВОСПОМИНАНИЯ
О АЛЕКСАНДРЕ ПАВЛОВИЧЕ ПРОНШТЕЙНЕ
И ЕГО ПОКОЛЕНИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 5

Тихонов В.В. (Москва)

А.П. ПРОНШТЕЙН В РОСТОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
В 1950-е – НАЧАЛЕ 1960-х гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПИСЕМ К М.Н. ТИХОМИРОВУ) 16

Данилевский И.Н. (Москва)

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» ТЕРМИНОЛОГИИ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО НАРРАТИВА 24

Румянцева М.Ф. (Москва)

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПРОНШТЕЙНА:
ЕЩЕ РАЗ О ДИСЦИПЛИНАРНОМ СТАТУСЕ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ 33

Рычка В.М. (Киев, Украина)

ГОРОДА РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ДОГОВОРОВ X в.
И СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАСТВОВАНИЯ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ 42

Гапуров Ш.А., Бугаев А.М. (Грозный)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 50

РАЗДЕЛ 2.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСТВО ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА: КРУГ ОБЩЕНИЯ, ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИКА, СУДЬБА НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Трехбратов Б.А. (Краснодар)

ЗА СТРОКОЙ «ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА»...
(ИЗ НЕНАПИСАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О СВЯЗЯХ
С РОСТОВСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛОЙ И ЕЕ ВЛИЯНИИ
НА СТАНОВЛЕНИЕ МЕНЯ
КАК УЧЕНОГО-ИСТОРИКА И ПЕДАГОГА) 59

<i>Мининков Н.А. (Ростов-на-Дону)</i>	
А.П. ПРОНШТЕЙН О СИСТЕМЕ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ В ВОЙСКЕ ДОНСКОМ XVII–XVIII вв.	63
<i>Кротов О.С. (Ростов-на-Дону)</i>	
А.П. ПРОНШТЕЙН ОБ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ДОНУ В XVIII в.	72
<i>Воскобойников С.Г. (Ростов-на-Дону)</i>	
А.П. ПРОНШТЕЙН ОБ УЧАСТИИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В 1809 г. В ХОДЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1806–1812 гг.	76
<i>Почешхов Н.А. (Майкоп)</i>	
ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ А.П. ПРОНШТЕЙНА ПРИ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (1917–1921 гг.).	83
<i>Кузьминов П.А. (Нальчик)</i>	
А.П. ПРОНШТЕЙН И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО КАВКАЗОВЕДЕНИЯ В 1940-е – 1950-е гг.	92
<i>Кислицын С.А. (Ростов-на-Дону)</i>	
К.А. ХМЕЛЕВСКИЙ – ИСТОРИК КАЗАЧЕСТВА НА ЭТАПЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДОНУ.	102
<i>Шеуджен Э.А. (Майкоп)</i>	
А.П. ПРОНШТЕЙН О МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ: ВЗГЛЯД ЗА ГОРИЗОНТ	107
<i>Колесникова М.Е. (Ставрополь), Танцевова А.В. (Москва)</i>	
ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК-КАВКАЗОВЕД В.П. НЕВСКАЯ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ).	114
<i>Осмаев А.Д. (Грозный)</i>	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В ТРУДАХ Н.П. ГРИЦЕНКО	123
<i>Грищенко А.Н. (Новочеркасск)</i>	
П.Г. ЧЕРНОПИЦКИЙ (1926–2002) – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1920–1922 гг. И ГОЛОДА 1921–1922 гг. В ДОНСКОЙ ОБЛАСТИ	131

РАЗДЕЛ 3.
КАЗАЧЕСТВО ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- Тюменцев И.О., Туникова Н.А., Тюменцева Н.Е. (Волгоград)**
НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О КАЗАКАХ НА СЛУЖБЕ
У АЛЕКСАНДРА II В 1608–1610 гг. 138
- Шадрин А.В. (Ростов-на-Дону)**
ОТНОШЕНИЕ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
К СТАРООБРЯДЧЕСКОМУ РАСКОЛУ ПОСЛЕ СОВОРА 1666 г.
И ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ
ВОЗЗРЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ
ДОНСКИХ КАЗАКОВ В КОНЦЕ XVII в. 149
- Иванюк С.А. (Волгоград)**
СВИДЕТЕЛЬСТВА О ПРЕБЫВАНИИ КАЛМЫКОВ
И ДОНСКИХ КАЗАКОВ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ НА ПЕРВОМ
ЭТАПЕ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОЛЬСКО-
ЛИТОВСКОЙ ШЛЯХТЫ С ПЕТРОМ ВЕЛИКИМ. 156
- Захаревич А.В. (Ростов-на-Дону)**
ЧЕХАРДА С ГРЕКОВЫМИ 8-ми, ПОВЛИЯВШАЯ
НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ ГЕРОЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ 1812 г. П.М. ГРЕКОВА 165
- Рыблова М.А., Когитина А.В. (Волгоград)**
ОТШЕЛЬНИКИ-КЕЛЕЙНИКИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПОСЕЛЕНИЙ ДОНСКИХ КАЗАКОВ 170
- Черныш С.В. (Ростов-на-Дону)**
К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ ДОНСКИХ КАЗАКОВ 179
- Горбунова Н.В. (Ростов-на-Дону)**
ОРГАНЫ ДВОРЯНСКОГО СОСЛОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД. 187
- Перетяшко А.Ю. (Ростов-на-Дону)**
БЕДСТВИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х гг.:
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА? 196

<i>Пимонов И.С. (Ростов-на-Дону)</i>	
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПЕРЕДОВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЭКОНОМИЙ ДВОРЯНСКИХ ИМЕНИЙ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПЕРИОД МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НАЧАЛА XX ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ ЭКОНОМИИ ИЛЬЕВКА	204
<i>Скорик А.П. (Новочеркасск)</i>	
КУПЕРГАНЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СУДЬБЕ ХУТОРСКОГО ДОНСКОГО КАЗАКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПО ЭГО-ДОКУМЕНТАМ	209
<i>Бузун Ю.Г. (Краснодар)</i>	
УЧАСТИЕ КУБАНСКИХ КАЗАКОВ В ОБОРОНЕ ВЫШКОВСКОГО ПЕРЕВАЛА (11–31 ЯНВАРЯ 1915 г.)	217
<i>Трут В.П. (Ростов-на Дону)</i>	
ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ 1917 г.: АНАЛИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ	221
<i>Ратушняк О.В. (Краснодар)</i>	
МАТЕРИАЛЫ ПО КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ АРХИВОХРАНИЛИЩАХ И БИБЛИОТЕКАХ	228
<i>Лукаш С.Н. (Армавир)</i>	
КАЗАЧЕСТВО КАК НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	236
<i>Абдулвахабова Б.Б.-А. (Грозный)</i>	
УСАДЬБА ТЕРСКО-ГРЕБЕНСКОГО КАЗАЧЕСТВА: ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИИ	244
<i>Годовова Е.В. (Оренбург)</i>	
ИЗУЧЕНИЕ КАЗАЧЬЕЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	252
<i>Чекулаев Н.Д. (Махачкала)</i>	
О КАЗАЧЬЕМ КАРАУЛЕ ПРИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ФЕОДАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЯХ В XVIII в. ПО МАТЕРИАЛАМ ГКУ «ЦГАРД»	259

РАЗДЕЛ 4.
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА

<i>Лубский А.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
ГУМАНИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И КОГНИТИВНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ ИСТОРИКА	264
<i>Маловичко С.И. (Москва)</i>	
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ – ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ НЕОКЛАССИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	272
<i>Исаев Д.П. (Ростов-на-Дону)</i>	
СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	281
<i>Панкова-Козочкина Т.В. (Новочеркасск)</i>	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ИЗУЧЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ.	287
<i>Петрова М.С. (Москва)</i>	
МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ ПРОСОПОГРАФИИ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ БИОГРАФИИ РИМСКОГО ВРАЧА (I–V вв.)	296
<i>Рыбалко Н.В. (Волгоград)</i>	
МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ ПЕРИОДА СМУТЫ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ «СОЛИКАМСКИЕ АКТЫ»	300
<i>Коновалова И.Г. (Москва)</i>	
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАРТОГРАФИИ.	309
<i>Авраменко А. М. (Краснодар)</i>	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАРТ И АТЛАСОВ (ИЗ ОПЫТА АВТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТ)	315
<i>Кравец А.Е. (Ростов-на-Дону)</i>	
СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОТЧЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ РОССИИ И ФРАНЦИИ В XIX в.	323

Мининкова Л.В. (Ростов-на-Дону)	
ВНИМАТЕЛЬНО ЧИТАЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО...	
ТЕОРИЯ ВОТЧИННОГО ГОСУДАРСТВА В ЛЕКЦИЯХ	
И АФОРИЗМАХ ВЕЛИКОГО ИСТОРИКА	331
Булыгина Т.А. (Ставрополь)	
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ XX ВЕКА	
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ	339
Брызгалова И.Г. (Ростов-на-Дону)	
ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
ОРГАНОВ ВЛАСТИ ВЕСНОЙ 1917 г. НА ДОНУ	
И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. ХАРАКТЕРИСТИКА	
ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	348
Сивков С.М. (Краснодар)	
К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ИСТОЧНИКОВОЙ	
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ БАЗЫ ИСТОРИИ	
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ЮГЕ РОССИИ.	360
Хубулова С.А. (Владикавказ)	
ПОСЛЕВОЕННАЯ ЖИЗНЬ КОМБАТАНТОВ ГРАЖДАНСКОЙ	
ВОЙНЫ В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ 1920–1930-х гг.	365
Колеватов Д.М., Корзун В.П. (Омск)	
А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И КАНОНЫ	
ПРОФЕССИОНАЛИЗМА СОВЕТСКОГО ИСТОРИКА	
(ПО МАТЕРИАЛАМ УЧЕБНИКОВ	
ПО ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ)	373
Кореневский А.В. (Ростов-на-Дону)	
ОТ «ТРЕТЬЕГО РИМА» К «ТРЕТЬЕМУ ИЗРАИЛЮ»:	
НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИОСОФИИ	
СТАРООБРЯДЧЕСТВА XX ВЕКА.	381
Ермоленко Л.П., Колесникова М.Е. (Ставрополь)	
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
ИСТОРИИ АБХАЗИИ XIX – НАЧАЛА XX в.:	
К СТРУКТУРЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ	389
Темиров С.Г. (Краснодар)	
ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ ИСТОРИКОВ И КРАЕВЕДОВ	
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА	
(ПО ДОКУМЕНТАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО	
АРХИВА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ).	394

Шандулин Е.В. (Ростов-на-Дону)	
ДОКУМЕНТОВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ . . .	401
Дюкарев А.В. (Краснодар)	
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «КАЗАЧИЙ НЕКРОПОЛЬ В ЗАРУБЕЖЬЕ» КАК МЕХАНИЗМ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА	405
Матвеев В.А. (Ростов-на-Дону)	
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СУБЭТНИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ	409
Ищенко А.С. (Новочеркасск)	
ВЛАДИМИР МОНОМАХ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	418
Лагошина Н.А. (Ростов-на-Дону)	
РЕГИСТРАЦИОННЫЕ КНИГИ СУДЕБНЫХ ИННОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИИ ИРЛАНДСКИХ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ЛОНДОН XVIII в.	425
Дзамихов К.Ф. (Нальчик)	
РОССИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ XVI–XVIII вв.: СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	434
Виденкина К.А. (Ростов-на-Дону)	
КНЯЗЬ М.М. ЩЕРБАТОВ КАК ПОМЕЩИК И ДУШЕВЛАДЕЛЕЦ	446
Кислицына И.Г. (Ростов-на-Дону)	
ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ РОСТОВА-НА-ДОНУ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XXI вв.)	452
Шевцова О.Н. (Ростов-на-Дону)	
ВЕРБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС «ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА» Н.А. ПОЛЕВОГО	461
Братолобова М.В. (Ростов-на-Дону)	
ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗЕРКАЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ САТИРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)	470

<i>Грядский Д.М. (Ростов-на-Дону)</i>	
МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ И ДНЕВНИКОВ УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)	479
<i>Ханжиев В.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ МОЛОДОГО КРАСНОГО ПАРТИЗАНА В ДОКУМЕНТЕ ФОНДА ИСТПАРТА ГКУ РО «ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ»	483
<i>Казарова Н.А. (Ростов-на-Дону)</i>	
ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ И.П. КОЗЛОВСКОГО	489
<i>Аверьянов А.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920-е – 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ЦДНИРО).	493
<i>Малыхин К.Г. (Ростов-на-Дону)</i>	
«ЭТАТИЗМ» 40-х гг. XX в.: ОЦЕНКИ В.М. ЧЕРНОВА	500
<i>Вечеркина В.А. (Ростов-на-Дону)</i>	
ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ПО ФОНДАМ ГКУ РО «ЦДНИРО»).	513
<i>Карбышева Е.Б. (Вешенская)</i>	
«Я ДУМАЮ, ЧТО МЕЛЕХОВА НЕ БЫЛО, А БЫЛ ЕРМАКОВ...»	519
<i>Пьявченко Е.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
АРХИТЕКТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ПОДОНЬЯ	526
<i>Кравченко Н.Н. (Ростов-на-Дону)</i>	
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИСТОЧНИК 8 ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ХУТОРОВ НИЖНЕГО ДОНА В 1960 – СЕРЕДИНЕ 1980-х гг.	528

РАЗДЕЛ 5. НАРОДЫ И ТЕРРИТОРИИ ЮГА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

<i>Шалак М.Е. (Ростов-на-Дону)</i>	
ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ МАЛОЙ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ	535
<i>Кусаинова Е.В. (Урюпинск)</i>	
РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И НОГАЙСКАЯ ОРДА В XVI в. (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКО-НОГАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ)	542
<i>Сень Д.В. (Ростов-на-Дону, Элиста)</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ УБИЙСТВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЮЖНОМ ПОГРАНИЧЬЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в. (СЛУЧАЙ СУЛТАНА БАХТЫ-ГИРЕЯ)	548
<i>Хитров Д.А. (Москва)</i>	
БАССЕЙН р. ВОРОНЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: К ИСТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ РОССИИ ДО ГУБЕРНСКОЙ РЕФОРМЫ ЕКАТЕРИНЫ II	558
<i>Глазьев В.Н. (Воронеж)</i>	
ГОРОДА «НА ПОЛЕ» В КОНЦЕ XVI в.: ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.	565
<i>Великанов В.В. (Москва)</i>	
ДНЕПРОВСКИЙ ПОХОД ВОЙСК КН. КОЛЬЦОВА-МОСАЛЬСКОГО В 1700 г.	571
<i>Тикиджян Р.Г. (Ростов-на-Дону)</i>	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДОВ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП ДОНА, ПРИАЗОВЬЯ И СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В НОВОЕ ВРЕМЯ	578
<i>Мильчев В.И. (Запорожье, Украина)</i>	
ПРОБЛЕМА «НЕУКАЗНОГО» НАСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ В 1720-х – 1740-х гг.	586

<i>Храпунов Н.И. (Симферополь)</i>	
ИЗ СТРАНЫ КАЗАКОВ В КРЫМ: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО ЮГУ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX вв.	599
<i>Козлов С.С. (Ростов-на-Дону)</i>	
НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ В г. НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX вв.	608
<i>Урушадзе А.Т. (Ростов-на-Дону)</i>	
«ДОНСКОЙ ЧААДАЕВ»: КАЗАЧЬЯ ВОЛЬНОСТЬ И БЕЗУМИЕ В ДЕЛЕ ЕВГРАФА ГРУЗИНОВА	615
<i>Купченко К.В., Никитина Н.В. (Смоленск)</i>	
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 г. ДЛЯ ГОРЮДОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ	625
<i>Абраменко В.А. (Ростов-на-Дону)</i>	
ОБ ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К МАНИФЕСТУ 17 ОКТЯБРЯ 1905 г. (НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ НА СТ. КАВКАЗСКОЙ)	631
<i>Табуницикова Л.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
СВЯЩЕННИК КОНСТАНТИН ВЕРЕЦКИЙ – ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ЖЕРТВ «КРАСНОГО» ТЕРРОРА НА ДОНУ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	639
<i>Амбарцумян К.Р. (Ставрополь)</i>	
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО КАВКАЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ (1917–1922 гг.)	644
<i>Валуйскова О.В. (Ростов-на-Дону).</i>	
ИЗ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПОДРОСТКОВ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДА ИСПАРТА ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	652
<i>Мауль В.Я. (Нижневартовск)</i>	
ИЗ ЖИЗНИ ИВАНА ПИСКОВОГО (ШТРИХИ БИОГРАФИИ УЧАСТНИКА «ЧИГИРИНСКОГО ЗАГОВОРА»).....	658

<i>Далгат Э.М. (Махачкала)</i>	
ДАГЕСТАН ПЕРИОДА ПОЗДНЕЙ ИМПЕРИИ: ИНТЕГРАЦИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ	667
<i>Якунин В.Н. (Тольятти)</i>	
ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ СТАВРОПОЛЯ (ТОЛЬЯТТИ) В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ ЕГО ОСНОВАНИЯ.	676
<i>Фенько Е.Ю. (Ростов-на-Дону)</i>	
ФЕНОМЕН АБРЕЧЕСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ПОЯВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ	686
<i>Хатуев И.З., Сугаипова А.М. (Грозный)</i>	
ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В г. ГРОЗНЫЙ	693
<i>Филатов С.В. (Ростов-на-Дону)</i>	
РЕЛИГИОЗНЫЕ ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ НА ЭТАПЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ	698
<i>Моисеева О.В. (Новочеркасск)</i>	
РОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНА, СТАВРОПОЛЯ И КУБАНИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	704
<i>Цуцулаева С.С. (Грозный)</i>	
ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ В СССР В ВОСПОМИНАНИЯХ ЧЕЧЕНЦЕВ	710
<i>Ханмагомедов Х.Л. (Махачкала), Гебекова А.Н. (Грозный, Махачкала)</i>	
СЕЛО БЕРИКЕЙ В ДАГЕСТАНЕ: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НЕБОЛЬШОЙ ТЕРРИТОРИИ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ)	715

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
ПРОФЕССОРА А.П. ПРОНШТЕЙНА
И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЫДАЮЩЕГОСЯ
РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО)**

**Материалы Всероссийской (с международным участием)
научно-практической конференции
(г. Ростов-на-Дону, 22-23 марта 2019 г.)**

Редакционная коллегия:

А.И. Агафонов, д.и.н., профессор;
Д.П. Исаев, к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ;
Н.А. Мининков, д.и.н., профессор ИИМО ЮФУ;
Д.В. Сень, д.и.н., профессор ИИМО ЮФУ;
М.Е. Шалак, к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ;
Е.В. Шандулин, к.и.н., доцент ИИМО ЮФУ.

Верстка И.М. Сиренко

Сдано в набор 5.12.2019. Подписано в печать 18.12.2019.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Bookman Old Style.

Печать офсетная. Усл. 46 п.л. Тираж 120 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:

г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.

Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.

E-mail: oooaltair_office@mail.ru.

<http://altair-rostov.ru/>